ВО СЛАВУ ОТЧИЗНЫ!

www.вославу.рф

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ
ОРГАН ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА «РУССКАЯ РАЗВЕДКА»

№ 3 (15)
2021

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ КРАСНОЙ АРМИИ

ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ

КАЛЕНДАРЬ ПАМЯТНЫХ ДАТ

ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА

АВИАЦИЯ РОССИИ

РОССИЯ И КИТАЙ

ВОЕННО-МОРСКОЙ ФЛОТ РОССИИ

ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО АРМИИ

ПРОТИВ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ

ПОЛКОВОДЦЫ И ВОЕНАЧАЛЬНИКИ РОССИИ

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

ИСТОРИОГРАФИЯ

РУССКИЕ ЦАРИ – КТО ОНИ?

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БАНДИТИЗМ И ВООРУЖЕННОЕ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОДПОЛЬЕ

СПЕЦСЛУЖБЫ

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ, КАДРОВАЯ, БИОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ

www.вославу.рф

ВО СЛАВУ ОТЧИЗНЫ!

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ
ОРГАН ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА «РУССКАЯ РАЗВЕДКА»

№ 3 (15)
2021

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

БАБАНСКИЙ Юрий Васильевич – Герой Советского Союза, генерал-лейтенант, ветеран боевых действий;

БЕНОВ Геннадий Матвеевич – генерал-лейтенант, председатель Союза ветеранов советских офицеров, член ВС ВВС СССР;

БОДРЯГИН Александр Николаевич – полковник, президент Союза ветеранов военной разведки;

БОДУНОВ Игорь Аркадьевич – полковник, ветеран военно-технического сотрудничества, член правления Фонда «Резерв»;

БОНДАРЕНКО Константин Константинович – полковник, ветеран военной разведки;

БЫЧИХИН Павел Александрович – полковник, ветеран военной разведки;

ДЕМЕНТЬЕВ Сергей Павлович – генерал-майор авиации, ветеран боевых действий, член Фонда «Резерв»;

ДОМСКИЙ Игорь Александрович – доктор ветеринарных наук, профессор, член-корреспондент РАН, лауреат Премии Правительства РФ;

ИЗМАЙЛОВ Владимир Макарович– генерал-полковник, председатель Совета ветеранов военной разведки;

КЛИМУК Петр Ильич – дважды Герой Советского Союза, генерал-полковник авиации, летчик-космонавт СССР;

КОРНЕЕВЕЦ Владимир Сергеевич – полковник, ветеран военной разведки;

КОТЕЛКИН Александр Иванович – генерал-майор авиации, кандидат экономических наук, ветеран военной разведки;

КРИТСКИЙ Василий Юрьевич – заместитель главного конструктора по перспективным разработкам ОКБ им. А.М. Люльки, ПАО «ОДК – УМПО», член Фонда «Резерв»;

КУЗНЕЦОВ Владимир Васильевич – заместитель начальника департамента международных организаций МИД РФ;

ЛАДЫГИН Фёдор Иванович – генерал-полковник, начальник Главного разведывательного управления, заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации (1992–1997 гг.);

ЛЕМЗЕНКО Кир Георгиевич – вице-адмирал, ветеран военной разведки;

ЛЁВИН Алексей Гаврилович – Герой Социалистического Труда, президент Всероссийской общественной организации «Трудовая доблесть России», кандидат технических наук;

МУХАМЕДЬЯРОВ Геннадий Борисович — генерал-майор авиации, командующий ордена Ленина Московским округом ВВС и ПВО (1997–2001 гг.), Заслуженный военный летчик РФ, летчик-снайпер;

МОЧНОВ Николай Борисович – полковник, ветеран боевых действий, президент Фонда «Резерв», Заслуженный испытатель космической техники, ветеран военной разведки;

НЕМЧИКОВ Геннадий Алексеевич – генерал-майор авиации, ветеран боевых действий, вице-президент Фонда «Резерв», кандидат военных наук:

ПАНИН Илья Григорьевич – генерал-полковник, председатель Совета ветеранов ГУК МО РФ;

ПОНОМАРЕВ Александр Васильевич – генерал-майор, член Совета ветеранов военной разведки;

РЕШЕТНИКОВ Василий Васильевич – Герой Советского Союза, генерал-полковник авиации, Заслуженный военный летчик СССР, участник Великой Отечественной войны;

РОДИОНОВ Юрий Николаевич – генерал-полковник, заместитель министра обороны СССР по кадрам, генеральный инспектор Министерства обороны РФ, кандидат экономических наук, Почетный гражданин города Таганрога;

РОМАНЕНКО Юрий Викторович – дважды Герой Советского Союза, полковник, летчик-космонавт СССР;

РУМЯНЦЕВ Владимир Владимирович – генерал-лейтенант, ветеран военной разведки;

САВИНЫХ Виктор Петрович – дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР, Почетный президент Университета геодезии и картографии РФ, академик РАН;

СТРЮКОВ Владимир Антонович – полковник, воин-интернационалист, член Союза писателей России, ветеран военной разведки, главный редактор ВИА «Во славу Отчизны»;

ЦИБЛИЕВ Василий Васильевич – Герой Российской Федерации, генерал-лейтенант авиации, летчик-космонавт РФ;

ЧУЙКОВ Николай Владимирович – полковник, председатель общественной комиссии по международному сотрудничеству Союза ветеранов России;

ЮДИН Виктор Анатольевич – генерал-майор авиации, член Фонда «Резерв».

История – особая наука, занимающаяся изучением прошлого человеческих обществ, начиная с зарождения социума по настоящее время. Главной задачей истории, основным её предназначением следует считать познание прошлого человечества для понимания современного состояния нашего человеческого общества и предвидения его развития в будущем.

История призвана отражать реальность прошлого в его узловых моментах так, как писал древнеримский политический деятель и мыслитель Марк Туллий Цицерон: «Первая задача истории – воздержаться от лжи, вторая – не утаить правды, третья – не дать никакого повода заподозрить себя в пристрастности или в предвзятой враждебности».

В истории России была целая временная полоса, когда появилось удивительно прискорбное пренебрежение к истории, к наследию наших предков. А ведь память о них – необходимое условие воспитания чувства патриотизма. Само понятие «патриотизм» вмещает в себя мощные заряды исторических знаний нашего прошлого, без которых невозможна осмысленная любовь к своему Отечеству.

Изучение прошлого, осмысление происходящего и предвидение грядущего вдвойне ценно тогда, когда приходит тому срок и, когда правда остается незыблемым критерием сущего во всех разностях и сложностях взаимосвязанного развивающегося исторического процесса.

Военно-исторический альманах «Во славу Отчизны» нацелен на освещение вопросов нашей истории в объективном, справедливом и честном ключе.

Учредители:
Союз ветеранов военной разведки;
Фонд «Резерв» ветеранов Военно-воздушных сил

Главный редактор:
Владимир Стрюков

Верстка дизайн-макета:
Ирина Васина

E-mail: info@вославу.рф
www.вославу.рф

Содержание

★ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ КРАСНОЙ АРМИИ

В. Д. Соколовский
Так ковалась наша победа 4

★ ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ

Владимир Губарев
Главный объект державы ... 20

★ КАЛЕНДАРЬ ПАМЯТНЫХ ДАТ

Владимир Стрюков
Сто лет Китайской Коммунистической партии 31

★ ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА

А. Б. Мартиросян
Советская разведка накануне войны 51

★ АВИАЦИЯ РОССИИ

Авиация в контрнаступлении под Сталинградом 76

★ РОССИЯ И КИТАЙ

Ф. П. Полынин
Выполняя интернациональный долг ... 90

★ ВОЕННО-МОРСКОЙ ФЛОТ РОССИИ

Н. Г. Кузнецов
И тихоокеанцы сказали свое слово 120

★ ВОЕНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО АРМИИ

С. М. Штеменко
Изучение опыта войны..... 134

★ ПРОТИВ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ

Г. В. Дорофеев
Сталин. Жизнь и борьба..... 144

★ ПОЛКОВОДЦЫ И ВОЕНАЧАЛЬНИКИ РОССИИ

М. М. Козлов
Генерал армии А. И. Антонов 170

★ ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

М. Карышев
Последние дни бункера..... 182

★ ИСТОРИОГРАФИЯ

В. Н. Земсков
Накануне войны 194

★ РУССКИЕ ЦАРИ — КТО ОНИ?

Н. Ф. Червов
Великие государи 205

★ ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Странные победители. За кого и как воевала Франция. 225

★ ПОЛИТИЧЕСКИЙ БАНДИТИЗМ И ВООРУЖЕННОЕ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОДПОЛЬЕ

Н. П. Лыков
Организация украинских националистов 242

★ СПЕЦСЛУЖБЫ

П. А. Судоплатов
Эмиграция на службе Советов 264

★ ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

В. Н. Павлов
Автобиографические заметки..... 273

★ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ, КАДРОВАЯ, БИОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ

Доклад генерала К. И. Глобачева..... 294

★ ВОЕННАЯ ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

А. И. Покрышкин
Под нами Германия 315

Николай Добронравов
Родина моя 330

Людмила Татьяничева
Берегите стариков 331

В.Д. СОКОЛОВСКИЙ

ТАК КОВАЛАСЬ НАША ПОБЕДА

▲ Под Москвой

Вспоминая крупнейшие сражения Великой Отечественной войны, мы снова и снова обращаемся к событиям битвы под Москвой. И чем дальше уходят в прошлое те грозные дни, тем ярче представляется величие бессмертного подвига советских людей, разгромивших немецкий фашизм. Именно у стен нашей столицы был развеян миф о непобедимости немецко-фашистских войск, именно здесь ковалась наша конечная победа. Подвиг Москвы навсегда останется в умах и сердцах советских людей, в памяти всего прогрессивного человечества.

Как известно, вследствие вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз в первые месяцы войны мы терпели неудачи и поражения. Красная Армия и флот мужественно сражались с превосходящими силами врага, нанося ему большие потери. С каждым днем нарастало наше сопротивление. Смоленское сражение, длившееся в течение почти двух месяцев, последовавшие затем контрудары советских войск в районах Ярцева, Духовщины и Ельни, сорвали замысел фашистского командования сразу прорваться к Москве. В общем плане войны против Советского Союза — плане «Барбаросса» — появилась первая крупная трещина.

Несмотря на указанные неудачи, грозный вал фашистских армий продолжал катиться по нашей территории на восток. В сентябре 1941 года фашистские войска вышли к Неве восточнее Ленинграда. Войска Юго-Западного фронта после длительных боев вынуждены были оставить Киев. Тогда же Гитлер отдал приказ о подготовке генерального наступления на Москву. Он считал, что с падением Москвы перестанет существовать Советский Союз, что наш народ пре-

Соколовский Василий Данилович (1897-1968) — советский военный деятель, Маршал Советского Союза (1946), Герой Советского Союза (1945). Родился 9 (21) июля 1897 года в деревне Козлики, Белостокского уезда Гродненской губернии. В Красной Армии с 1918 года. Окончил Военную академию РККА (1921) и Высшие академические курсы (1928). Во время Гражданской войны воевал на Восточном, Южном и Кавказском фронтах. Был командиром роты, батальона, полка, бригады. С 1921 года на Туркестанском фронте, командующий группой войск Ферганской и Самаркандской областей. Активно участвовал в борьбе с басмачеством. После войны на командных и штабных должностях в войсках. С февраля 1941 года заместитель начальника Генштаба. В Великую Отечественную войну — начальник штаба Западного фронта, начальник штаба Западного направления. В 1943-1944 годах командующий войсками Западного фронта, начальник штаба 1-го Украинского фронта, заместитель командующего 1-м Белорусским фронтом. Во время войны ярко раскрылись военные и организаторские способности В.Д. Соколовского. Работа штабов фронтов, которыми он руководил, отличалась четкой организацией. Он активно участвовал в планировании и осуществлении контрнаступления под Москвой, участвовал в подготовке и проведении крупнейших стратегических наступательных операций советских войск — Львовско-Сандомирской, Висло-Одерской и Берлинской. После войны заместитель, а с 1946 года главнокомандующий Группой советских войск в Германии и главноначальствующий советской военной администрации в Германии, одновременно член Контрольного Совета от СССР по управлению Германией. С марта 1949 года первый заместитель министра Вооруженных Сил. С июня 1952 года по апрель 1960 года начальник Генерального штаба. Маршал Соколовский широко использовал глубокие военные знания, огромный боевой и практический опыт командной и штабной работы в обучении и воспитании войск, проводил большую работу по совершенствованию строительства Советских Вооруженных Сил и дальнейшему развитию военной науки. Автор и руководитель разработки военно-теоретических и военно-исторических трудов: «Военная стратегия» (1968), «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой» (1964). Награжден 8 орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, 3 орденами Красного Знамени, 3 орденами Суворова 1-й степени, 3 орденами Кутузова 1-й степени, боевыми медалями, иностранными орденами и медалями, Почетным оружием. Похоронен на Красной площади у Кремлевской стены.

кратит сопротивление, а у Германии будут развязаны руки для нападения на другие страны мира с целью завоевания мирового господства.

В конце сентября гитлеровское командование сосредоточило на московском направлении за счет других фронтов крупнейшую группировку отборных войск. Эта группировка должна была стремительным ударом овладеть Москвой.

На московском направлении гитлеровцам противостояли три наших фронта: Западный, Резервный и Брянский, армии которых насчитывали в общей сложности около 800 тысяч человек. Но если в численном отношении разница была небольшая, то в танках и артиллерии фашистские войска превосходили нас значительно: против наших 770 танков и 9150 орудий и минометов они имели 1700 танков, 19 450 орудий и минометов.

Операция врага под кодовым названием «Тайфун» началась 30 сентября против войск Брянского фронта и 2 октября против войск Западного и Резервного фронтов. Противник прорвал нашу оборону и быстро продвинулся вперед, в общем направлении на Вязьму.

Немецко-фашистским войскам удалось глубоко вклиниться в центральные области нашей страны и выйти на подступы к столице. Нами была потеряна большая территория, тысячи населенных пунктов, в том числе важные железнодорожные узлы и города: Брянск, Вязьма, Орел, Ржев, Калинин, Сухиничи и другие. Войска Западного направления в тяжелых оборонительных сражениях и при отходе понесли значительные потери в живой силе и военной технике.

14 октября немецко-фашистское командование объявило об окружении основных сил Красной Армии на центральном — московском направлении. При этом сообщалось о захвате 350 тысяч советских военнопленных и большого количества вооружения. Называлось и число окруженных дивизий — 45. Эти данные были использованы немецкими буржуазными историками, к которым присоединились историки США, Англии и Франции.

На самом же деле в районе Вязьмы и Брянска были окружены наши

19, 20, 24 и 32-я армии, в общей сложности менее 20 дивизий, причем многие из них, понеся большие потери в предыдущих боях, насчитывали по 2 — 3 тысячи человек. Большинство войск Брянского, Западного и Резервного фронтов к 20 октября организованно отошли, создав новый фронт обороны. Находившиеся в окружении советские войска сковали значительное число фашистских дивизий. Впоследствии часть окруженных войск Западного и Резервного фронтов под командованием генерал-лейтенанта И. В. Болдина вышла из окружения. Многие подразделения присоединились к партизанским отрядам или образовали новые партизанские отряды (что, кстати сказать, не отрицают и буржуазные историки).

Опасность, нависшая над нашей Родиной, была велика. И только исключительная стойкость войск, огромная организаторская работа Коммунистической партии и ее Центрального Комитета, командования Советских Вооруженных Сил, возглавляемое И. В. Сталиным, помогли сорвать самонадеянный гитлеровский план молниеносного разгрома советских войск в районе Вязьмы и Брянска, и дальнейшего марша на Москву. Мы смогли сорвать замыслы захватчиков потому, что против них поднялся весь советский народ, в том числе и население, оказавшееся в тылу врага. Фашистский «Тайфун» был укрощен мужеством и стойкостью Красной Армии. Советские люди, несмотря на большие жертвы, не дрогнули, выстояли. А выстоять в то время означало победить. В этом основной итог тяжелого и героического октября 1941 года.

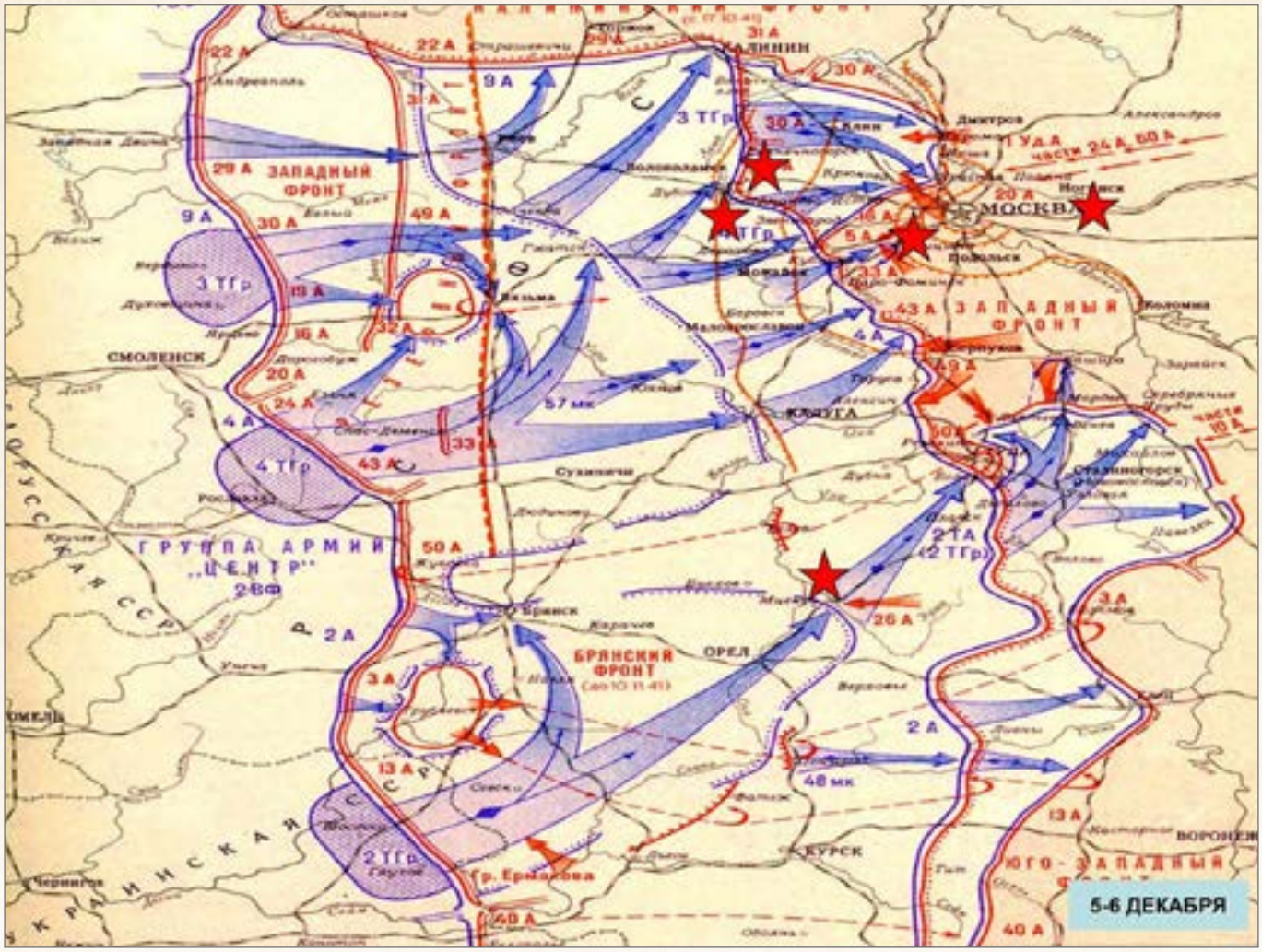
Сражения на московском направлении дорого обошлись и врагу. По данным начальника генерального штаба сухопутных сил Германии генерала Гальдера, потери фашистских войск в октябре составили 135 тысяч. По признанию немецких генералов — участников сражений, они были ошеломлены силой сопротивления советских войск и своими огромными потерями на подступах к Москве. Так, начальник штаба 4-й армии генерал Блюментрит признает: «Когда мы вплотную подошли к Москве, настроение наших командиров и войск вдруг резко изменилось. С удивлением и разочарованием мы обнаружили в октябре и начале ноября, что разгромленные русские вовсе не перестали существовать как военная сила».

Командующий 4-й армией генерал Клюге, основываясь на больших потерях его армии в конце октября и письмах солдат домой, советовал командованию группы армий «Центр» отложить наступление на Москву до весны 1942 года. Вопрос о возобновлении наступления на Москву обсуждался на совещании командующих групп армий в Орше. На этом совещании были подвергнуты всестороннему рассмотрению все доводы за и против наступления. С предложением Клюге был согласен командующий группы армий «Юг» генерал-фельдмаршал Рундштедт, который просил командующего сухопутными силами Браухича усилить его группу для развития успеха на ростовском направлении. Командующий резервной армией генерал Фромм рекомендовал сделать мирное предложение Советскому Союзу, чтобы избежать риска войны на два фронта.

Однако главное командование сухопутных войск и командующий группой армий «Центр» фельдмаршал Бок не согласились с доводами генералов. Выход группы армий «Центр» на ближние подступы к Москве, успешные действия фашистских войск на тихвинском и ростовском направлениях вселяли надежду на быстрое овладение Москвой и успешное окончание войны. Гитлер, как зарвавшийся игрок, торо-

▲ Битва за Москву

▲ Битва за Москву

пил своих генералов «в ближайшее время любой ценой покончить с Москвой». Занятием Москвы он рассчитывал произвести сенсационный политический эффект среди буржуазных государств. Гитлер одобрил приказ группы армий «Центр» от 30 октября, в котором указывалось о возобновлении наступления на Москву не позднее 12 ноября и ставилась задача до начала зимы любой ценой захватить Москву.

В соответствии с требованиями Гитлера в первой половине ноября немецко-фашистское командование спешно подтянуло к Москве с других направлений дополнительно до 10 дивизий и произвело перегруппировку войск.

Гитлеровское командование бросило на Москву свои лучшие, отборные части. Вражеская группа армий «Центр» значительно превосходила наши силы, оборонявшиеся на московском направлении. У гитлеровцев здесь было в два раза больше солдат и офицеров, в два с половиной раза больше орудий и минометов и в полтора раза больше танков, чем у нас. На флангах же Западного фронта, где гитлеровцы наносили главные удары своими танковыми армиями (группами), у них было еще большее преимущество в людях и технике. У врага было и значительное превосходство в бомбардировочной авиации.

По замыслу немецко-фашистского командования, 4-я полевая армия совместно с танковыми армиями (группами) должна была разбить находящиеся под Москвой советские войска и осуществить окружение Москвы с севера и юга. Линией прикрытия с востока намечался рубеж: Рязань — река Ока до Коломны — Егорьевск — Орехово-Зуево — река Дубна. Затем кольцо окружения Москвы предполагалось сузить до городской железной дороги. По требованию Гитлера капитуляция Москвы исключалась. Москва должна была быть разрушена артиллерией и воздушными налетами, а уцелевшее население должно было подвергнуться уничтожению специальной «зондеркомандой Москва».

Советское Верховное главнокомандование, оценивая обстановку, сложившуюся на московском направлении в конце октября, исходило из того, что противник хотя и ослаблен, но имеет еще достаточно сил для возобновления наступления, а Красная Армия не располагает пока возможностями для перехода от обороны к контрнаступлению.

▲ Булганин Н.А., Жуков Г.К., Соколовский В.Д., Хохлов И.С.

Поэтому основные усилия советского командования в это время были направлены на укрепление Западного фронта, в полосу которого, как показывали данные разведки, целиком перемещались ударные группировки противника.

Исходя из этого, Ставка с 1 по 15 ноября ввела в состав Западного фронта несколько свежих стрелковых, кавалерийских, танковых дивизий и бригад. Действующие части фронта пополнялись людьми и боевой техникой. Большинство армий фронта было усилено противотанковой артиллерией и гвардейскими минометными частями. Всего в первой половине ноября Западный фронт получил пополнение в количестве 100 тысяч человек, 300 танков и 2 тысяч орудий. Усиливались и другие фронты московского направления — Калининский и правый фланг Юго-Западного, а также Московская зона обороны.

Резервные полки и дивизии поступали в распоряжение Военного совета Московской зоны обороны, где проводилось их доукомплектование и снаряжение. Здесь же по заданию Ставки спешно формировались танковые бригады, дивизионы и полки реактивных минометов и несколько артиллерийских полков ПТО. 24 октября части Московской зоны были сведены в три боевые группы: северо-западную, западную и юго-западную, — составившие первый эшелон обороны зоны. Второй эшелон составили рабочие дружины, отряды истребителей танков (около 3 тысяч человек), отряды моряков.

Командование Западного фронта принимало меры к повышению активности войск в обороне и к стабилизации фронта. В приказах фронта от 30 октября и 3 ноября предлагалось: заминировать все танкоопасные направления, создать сильные противотанковые районы в крупных населенных пунктах, подготовить огневые и инженерные заграждения, лесные завалы и затопление местности, разрушить мосты и дороги перед передним краем.

Располагая данными, что противник основные группировки создает на флангах Западного фронта, командование фронта значительную часть своих резервов в первую очередь сосредоточило против этих группировок. Войска Западного фронта получили приказ прочно удерживать занимаемые рубежи в центре фронта и не допустить обхода Москвы с северо-востока и юго-востока. Войскам Калининского и Юго-Западного фронтов Ставка приказала прочно оборонять занимаемые рубежи и сковывать врага, мешая ему перебрасывать силы под Москву.

Организация обороны советских войск на ближних подступах к Москве осуществлялась с предельным напряжением сил. В действующих армиях был значительный некомплект личного состава. Продолжал ощущаться недостаток в вооружении и боеприпасах. Большую нужду войска испытывали в автотранспор-

те, механизированных средствах тяги и даже в лошадях. Положение на флангах фронтов, где противник подготовлял нанесение главных ударов, продолжало оставаться весьма непрочным.

В целях оказания помощи командирам частей в организации позиционной обороны командующие армиями, члены военных советов и офицеры штабов выезжали на передний край обороны. На фронте чувствовался значительный перелом в настроении войск — бойцы и офицеры стали непримиримо относиться к отдельным случаям неустойчивости в бою.

14 ноября Военный совет Западного фронта (Г. К. Жуков, Н. А. Булганин, И. С. Хохлов, В. Д. Соколовский) предупредил войска о возможном наступлении врага «сегодня или завтра», потребовав от командиров всех степеней принять меры к его отражению. В обращении Военного совета фронта к войскам говорилось: «В час грозной опасности для нашего государства жизнь каждого воина принадлежит Отчизне. Родина требует от каждого из нас величайшего напряжения сил, мужества, геройства и стойкости. Родина зовет нас стать нерушимой стеной и преградить путь фашистским ордам к родной и любимой Москве».

15–16 ноября возобновилось наступление врага под Москвой. Особенно энергичные бои развернулись на правом крыле фронта в полосе 30-й и 16-й армий.

Трудящиеся Москвы, вся страна пришли на помощь Западному фронту.

В результате упорного сопротивления советских войск в конце ноября наступление противника северо-западнее Москвы, по существу, было остановлено. Темп его наступления в последнюю неделю ноября равнялся 1–2 километрам в сутки. 30 ноября враг перешел к обороне перед фронтом 30-й армии (командующий Д. Д. Лелюшенко). Это было симптоматично, так как переход противника к обороне свидетельствовал об отказе от первоначального плана — глубокого окружения Москвы с востока.

Советское Главнокомандование, учитывая опасность, нависшую над Москвой, принимало меры к полному срыву наступления противника. 29 ноября в состав частей Западного фронта, сражающихся северо-западнее Москвы, были переданы из резерва Ставки 1-я ударная (командующий В. И. Кузнецов) и 20-я (начальник штаба Л. М. Сан-

▲ Оборонительный рубеж под Москвой

далов, исполняющий обязанности командующего) армии.

На левом крыле фронта противник возобновил наступление 18 ноября, нанося главный удар северо-восточнее Тулы в направлении Венев — Кашира. В первый день наступления противник, используя превосходство в силах, прорвал оборону 50-й армии (командующий И. В. Болдин) и овладел рядом важных населенных пунктов. Прорыв обороны 50-й армии восточнее Тулы в сочетании с наступлением противника западнее Тулы угрожал окружением города и требовал принятия срочных мер для обороны всего левого крыла фронта.

Для ликвидации прорыва в полосе 50-й армии и прикрытия каширского направления приказом фронта был создан Веневский боевой участок, куда отводились левофланговые части 50-й армии. Кроме того, создавались Рязанский, Зарайский, Каширский и Лаптевский боевые участки. Организация обороны системой боевых участков в условиях отсутствия сплошной линии фронта во многих случаях весьма целесообразна. Именно система боевых участков позволила командованию фронта в сложных условиях восстановить положение 50-й армии северо-восточнее Тулы и подготовить условия для нанесения поражения противнику.

В течение 26 ноября противник еще продвигался вперед на всех направлениях. В этот день танки противника ворвались в Михайлов и Серебряные Пруды. 17-я танковая дивизия подошла к Кашире, 3-я танковая дивизия перерезала железную дорогу и шоссе севернее Тулы. Но это были последние рывки смертельно усталого врага. 27 ноября части Гудериана были остановлены на Лаптевском и Каширском боевых участках.

В связи с прорывом противника в район Каширы командующий Западным фронтом направил сюда 2-й кавкорпус генерала П. А. Белова с задачей немедленно развернуться из района Каширы фронтом на юг, разбить противника и отбросить его в южном направлении. Эта задача была успешно выполнена.

▲ Рокоссовский К.К., 16 армия

Опасаясь за свой правый фланг, Гудериан 30 ноября приказал перейти к обороне частям 53-го армейского корпуса и 10-й мотодивизии 47-го танкового корпуса. 17-я танковая и 29-я мотодивизия противника получили приказ отбить атаки подвижной группы генерала Белова и закрепиться на достигнутом рубеже севернее Мордвес. Следовательно, уже 30 ноября Гудериан, по существу, признавал невозможность выполнения поставленной задачи, хотя и стремился активизировать действия 24-го танкового корпуса севернее Тулы. Однако попытки 24-го корпуса выйти на шоссе Москва — Тула были отбиты с большими для него потерями.

Обескураженный провалом своих замыслов, Гудериан готов был для поддержания престижа своей армии возобновить наступление из последних сил. Для этого он в течение двух дней (29 и 30 ноября) вел переговоры с командующим 4-й армией Клюге о начале совместного наступления на Москву с юго-запада.

Немецко-фашистское командование, потерявшее чувство реальности, не могло уже трезво оценивать обстановку. Оно все еще надеялось, что ему удастся овладеть Москвой до того, как советское командование успеет подтянуть резервы. Несмотря на явный провал наступления северо-западнее и юго-западнее Москвы, командование группы армий «Центр» предприняло отчаянную попытку прорваться к Москве с северо-запада и запада и завершить окружение наших войск в районе Тулы. Наступление должно было начаться одновременно на всех на-

правлениях, без оперативной паузы и перегруппировки войск.

Севернее Москвы, введя в бой свежую танковую дивизию, генерал Рейнгарт пытался прорваться к Москве со стороны Красной Поляны и Крюкова. Генерал Гепнер пытался нанести удар в направлении Нахабина и совместно с 4-й армией, которая наносила удар из района Наро-Фоминска в направлении Голицына, окружить войска 5-й армии и ворваться в Москву с запада.

1 декабря противнику удалось потеснить наши части. Особенно значительным было его продвижение на краснополянском и наро-фоминском направлениях, на которых он овладел несколькими опорными пунктами обороны наших войск. Командующие 20-й, 5-й и 33-й армиями Западного фронта получили задачу отбить новые удары противника. 2 декабря передовые части 20-й армии отразили все атаки противника и вынудили его прекратить наступление. Были отбиты атаки врага и на участке 16-й армии (командующий К. К. Рокоссовский). Более тяжелой продолжала оставаться обстановка на наро-фоминском направлении.

Оценивая обстановку в первые дни декабря, командование Западного фронта не могло не заметить ослабления нажима врага. Захваченные пленные своим жалким видом свидетельствовали об истощении фашистской армии. В связи с этим 1-я ударная и 20-я армии получили задачу с утра 3 декабря перейти в наступление и разгромить противника в населенных пунктах Яхрома, Ольгово, Озерецкое, Белый Раст, Красная Поляна. 16-я и 5-я армии получили задачу контратаковать врага в районе Крюкова и северо-восточнее Звенигорода. 33-я и 5-я армии получили приказ разгромить противника, прорвавшегося в районы Юшкова, Бурцева и восстановить положение по реке Наре. Все армии правого крыла Западного фронта получили задачу не допускать перехода противника к обороне на занятых рубежах.

Выполняя приказ Западного фронта, 1-я ударная и 20-я армии в течение 3 — 5 декабря нанесли несколько сильных ударов по врагу, в результате которых противник был выбит из ряда крупных населенных пунктов. 16-я армия в течение 3 — 5 декабря отбила несколько яростных атак противника в районе Крюкова. Левофланговые дивизии 16-й армии во взаимодействии с 5-й армией отбросили противника из большой излучины реки Москвы и освободили несколько населенных пунктов северо-восточнее Звенигорода. Командующий 33-й армией М. Г. Ефремов для разгрома прорвавшегося противника создал ударную группу, под нажимом которой противник 4 декабря оставил Юшково и Бурцево и начал отходить на рубеж реки Нары. Одновременно были ликвидированы вклинившиеся части противника и в полосе 5-й армии (командующий Л. А. Говоров).

Таким образом, в течение 1 — 5 декабря войска правого крыла и центра Западного фронта сильными контрударами нанесли первое

▲Ф. Бок

▲ Гальдер Ф.

поражение противнику и захватили инициативу в свои руки.

Генерал Гальдер 5 декабря отмечал в своем дневнике: «Фон Бок сообщает: силы иссякли. 4-я танковая группа не сможет завтра наступать». Таков финал последних усилий врага прорваться к Москве с запада и северо-запада. В результате сильных контрударов наших войск в первых числах декабря в центре и на флангах Западного фронта последние попытки врага прорваться к Москве были сорваны, и он вынужден был фактически перейти к обороне на всем московском направлении. Тем самым окончательно был сорван план немецкого наступления на Москву.

Срыв гитлеровского наступления на Москву показал огромную, необоримую силу советского народа и его армии, сумевших в труднейших условиях найти силы, способные сначала остановить врага у самых стен столицы, а затем нанести ему тяжелое поражение. Такой исход гигантских оборонительных сражений под Москвой вызвал у советских людей новый патриотический подъем как на фронте, так и в тылу. Советские люди в срыве вражеского наступления на Москву увидели результаты своих усилий и обрели уверенность, что враг будет не только остановлен, но и разбит.

Идея контрнаступления под Москвой возникла еще в начале ноября, когда танковые армии врага были остановлены на ближних подступах к Москве. В это время по указанию Государственного Комитета Обороны Ставка Верховного главнокомандования отдала приказ о сосредоточении в районе Москвы четырех резервных армий (1-й ударной, 20-й, 26-й и 10-й), которые предполагалось передать фронтам Западного направления для осуществления контрнаступления.

Тогда же Ставка приняла решение о нанесении контрударов в районе Ростова и Тихвина с целью срыва наступления врага на этих направлениях и недопущения переброски оттуда войск под Москву. Однако в связи с большими трудностями формирования резервных армий и возобновлением наступления врага на Москву идея контрнаступления не получила в тот период своего полного развития. Южный фронт, 52-я и 4-я отдельные армии получили приказ нанести контрудары наличными силами, не ожидая подхода резервов.

Дальнейшее развитие событий подтвердило правильность такого решения. Контрудары советских войск на южном участке фронта и в районе Тихвина во второй половине ноября сковали силы врага на этих направлениях и не позволили перебрасывать их под Москву в момент начавшегося кризиса немецко-фашистского наступления.

И хотя Красная Армия еще не располагала численным превосходством над врагом, кризис вражеского наступления под Москвой создавал предпосылки для успешного осуществления контрнаступления на московском направлении.

Не случайно заместитель начальника Генерального штаба генерал

▲ Сандалов Л.М., начальник штаба 20 армии

▲ Конев И.С. Калининский фронт

▲ Василевский А.М.

▲ Болдин И.В., 50 армия

А. М. Василевский в одном из разговоров с командующим Калининским фронтом генералом И. С. Коневым сказал, что «сорвать наступление немцев на Москву и тем самым не только спасти Москву, но и положить начало серьезному разгрому противника можно лишь активными действиями с решительной целью. Если мы этого не сделаем в ближайшие дни, то будет поздно».

Для контрнаступления под Москвой Верховное главнокомандование решило привлечь войска трех фронтов — Калининского (командующий И. С. Конев, член Военного совета Д. С. Леонов, начальник штаба М. В. Захаров), Западного и правого фланга Юго-Западного. Главные усилия предполагалось сосредоточить в полосе Западного фронта, которому ставилась задача — разгромить ударные танковые группировки врага, наступающие на Москву. С целью обеспечения внезапности контрнаступление должно было начаться без оперативной паузы и почти в той же группировке войск, которая сложилась в ходе оборонительного сражения.

Такой замысел контрнаступления под Москвой был обусловлен прежде всего недостатком у нас сил и средств. Соотношение сил на всем московском направлении, а также в полосе фронтов оставалось в пользу противника. Лишь за счет маневра удавалось создавать, и то далеко не всегда, небольшой перевес в силах на направлении главных ударов.

Подготовка войск к контрнаступлению под Москвой фактически началась в первых числах декабря, когда фронты за счет резервов усилили группировки войск на главных направлениях. В частности, в состав Западного фронта кроме трех резервных армий (1-я ударная, 20-я и 10-я) Ставка передала девять стрелковых и две кавалерийские дивизии, восемь стрелковых и шесть танковых бригад. Войска Калининского и правого крыла Юго-Западного фронтов к началу контрнаступления были усилены всего несколькими дивизиями. Даже на направлении главных ударов войска Калининского и Юго-Западного фронтов уступали врагу в силах и средствах.

Красная Армия в своем первом контрнаступлении не только не имела решающего превосходства над противником в силах, но по артиллерии даже уступала ему. Лишь в авиации, с учетом авиации войск ПВО и Московской зоны и самолетов устаревших систем, включая и У-2, Красная Армия имела на Западном направлении двойное превосходство. Если же принимать во внимание только боевые самолеты, их качества, то фактического превосходства не было и здесь.

Приведенные данные начисто опровергают утверждения буржуазных историков и битых гитлеровских генералов о якобы большом численном превосходстве советских войск в период контрнаступления под Москвой.

Кроме того, советские войска в это время испытывали острый недостаток в вооружении и боеприпасах, так как процесс перестройки народного хозяйства на нужды фронта еще далеко не был завершен. Материально-техническое обеспечение нашего первого контрнаступления находилось на самом низком уровне за все

годы войны. Достаточно сказать, что для осуществления контрнаступления Западному фронту было отпущено 1,4 — 2,5 боевого комплекта артвыстрелов, 1,7 — 1,8 комплекта винтовочных патронов, 1,4 — 2,8 заправки горючего. Но и то, что было отпущено, доставлялось в войска с большими трудностями. Для того чтобы выйти из положения, по инициативе командармов во всех армиях Западного фронта были созданы гужевые батальоны, по 550 повозок или саней в каждом.

Если говорить о преимуществах Красной Армии в этот период, то они состояли прежде всего в ее морально-политическом превосходстве над гитлеровскими войсками, в уверенности в правоте своего дела и непреклонной воле к победе. Это и была та решающая сила, которая в конечном счете заставила фашистских захватчиков бежать от Москвы.

Контрнаступление готовилось в условиях наибольших успехов противника. Это требовало от советского командования выдержки в использовании резервов и большой прозорливости в определении момента перехода в контрнаступление главными силами. Несвоевременное введение в сражение стратегических резервов могло привести к их преждевременному истощению, опоздание же с переходом в контрнаступление позволило бы врагу перейти к обороне и закрепиться в непосредственной близости от Москвы.

Ставка Верховного главнокомандования в основном правильно определила момент перехода в контрнаступление, который оказался неожиданным для врага. Так генерал Гальдер в. своем дневнике 2 декабря 1041 года отмечал: «Сопротивление противника достигло своей кульминационной точки. В его распоряжении нет больше никаких новых сил».

Неожиданным был переход в контрнаступление Красной Армии и для наших союзников, которые сомневались в способности советского народа найти силы, чтобы остановить гитлеровское наступление. Несмотря на достигнутое соглашение, экономическая помощь США Советскому Союзу в конце 1941 года составляла 0,1 процента от запланированной суммы. Генеральные штабы США и Англии не могли себе представить, чтобы советское командование в тяжелых условиях обороны ближних подступов к столице именно здесь, под Москвой, могло подготовить крупное контрнаступление. Они не понимали зависимости планов советского командования не только от военных факторов, но и от настроения народа. Всеобщим же настроением советских людей было — прекратить отход, отбросить врага от Москвы, пойти на любые жертвы ради победы над врагом. Это настроение через письма на фронт и маршевые пополнения проникало в действующую армию, где находило живой отклик.

▲ Контрнаступление под Москвой

Из сказанного видно, что подготовка контрнаступления Красной Армии под Москвой проводилась в чрезвычайно трудных условиях и требовала напряжения всех сил страны. Успех этой подготовки был обеспечен организаторской работой Коммунистической партии и советского командования.

Неожиданный удар советских войск северо-западнее и юго-западнее Москвы произвел ошеломляющее впечатление на фашистское командование. Генерал Гальдер в своем дневнике 7 декабря отмечал: «События этого дня опять ужасающи и постыдны... Самым ужасным является, однако, то, что верховное командование не понимает состояния наших войск и занимается «деланием заплат», в то время как делу может помочь только принятие принципиальных решений. Одним из реше-

ний такого рода должно быть решение на отход войск группы армий «Центр» на рубеж Руза, Осташков». В декабре Гальдер обсуждал сложившуюся обстановку с фельдмаршалом Боком. В результате этого обсуждения был сделан следующий вывод: «Группа армий ни на одном участке фронта не в состоянии сдержать крупное наступление».

Под влиянием резкого ухудшения обстановки под Москвой 8 декабря Гитлер подписал директиву о переходе к обороне на всем советско-германском фронте. Немецко-фашистское командование рассчитывало, что ему удастся отразить контрнаступление Красной Армии и пополнить свои войска личным составом и вооружением. Группа армий «Центр» получила задачу любой ценой удерживать районы, имевшие важное оперативное и военно-хозяйственное значение.

Однако замыслу врага не суждено было осуществиться. Войска трех фронтов продолжали успешно наступать. Любовь к Родине и ненависть к врагу порождали массовый героизм целых частей и соединений советских войск. Тысячи бойцов пехоты, кавалерии, артиллерии, танковых войск показали себя в эти дни подлинными героями. Каждый успех вливал новые силы. Смерть каждого товарища, вид сожженной деревни усиливали ненависть к врагу и решимость идти вперед. Сообщение о первых итогах контрнаступления под Москвой, опубликованное 13 декабря, вызвало огромный энтузиазм в тылу страны и среди воинов других направлений огромного советско-германского фронта.

Учитывая настроение народа и армии, а также сложившуюся благоприятную обстановку на Западном направлении, Ставка Верховного главнокомандования потребовала расширить фронт наступления и безостановочно преследовать отходящего врага.

Выполняя указания Ставки, войска Калининского, Западного и Юго-Западного фронтов без оперативной паузы продолжали развивать контрнаступление. Для достижения быстрых темпов наступления были созданы новые подвижные группы из танковых, кавалерийских и стрелковых частей.

31-я армия Калининского фронта 16 декабря освободила Калинин, а 20 декабря вышла на линию Высокое — Лотошино. 22 декабря перешли в наступление на ржевском направлении 22-я, 29-я и часть сил 39-й армии. Преодолевая упорное сопротивление врага, соединения этих армий 1 января 1942 года овладели крупным опорным пунктом врага на Волге — Старицей и вышли на подступы к Ржеву с севера.

Наступление войск правого крыла Западного фронта во второй половине декабря развивалось неослабевающими темпами. Соединения 1-й ударной армии 16 декабря ос-

▲ Разбитая вражеская техника

вободили Высоковск, 18 декабря — Теряеву Слободу, а на следующий день вышли к реке Ламе, севернее Волоколамска Войска 16-й и 20-й армий в это время вышли на подступы к Волоколамску и завязали бои на его окраинах. 20 декабря Волоколамск был освобожден.

Выход советских войск на рубеж рек Ламы и Рузы и освобождение Волоколамска создавали предпосылки для глубокого удара на Гжатск, Погорелое Городище. Однако попытка преодолеть рубеж обороны врага с ходу не удалась. В связи с этим командование фронта приказало временно приостановить наступление этих армий.

Таким образом, выходом на рубеж рек Ламы и Рузы закончилось контрнаступление правого крыла Западного фронта. В результате контрнаступления были разгромлены основные силы 3-й и 4-й танковых армий противника. Угроза Москве с северо-запада была ликвидирована. Войска фронта освободили свыше 500 населенных пунктов и городов Московской области. Была очищена от врага важная магистраль Калинин — Москва.

Одновременно с контрнаступлением северо-западнее Москвы успешно развивалось наступление Западного фронта в районе Тулы и правого крыла Юго-Западного фронта в районе Ельца. Успешное развитие контрнаступления на южном крыле Западного направления позволило поставить войскам более глубокие задачи и организовать оперативное взаимодействие фронтов. С этой целью Ставка 18 декабря воссоздала Брянский фронт в составе 3-й, 13-й и 61-й армий. Войска Брянского фронта получили задачу развивать наступление в общем направлении на Волхов, Орел, содействуя Западному фронту в разгроме южного фланга группы «Центр».

Войска левого крыла Западного фронта получили задачу безостановочно преследовать отходящего врага, форсировать реку Оку и освободить города Козельск, Сухиничи, Калугу. Для овладения Калугой командующий 50-й армией создал подвижную группу в составе стрелковой, кавалерийской и танковой дивизий. Возглавил группу заместитель командующего генерал-майор В. С. Попов.

30 декабря советские войска на широком фронте вышли к реке Оке, освободив города Калугу, Козельск, Белев.

Успешно развивалось и контрнаступление Брянского фронта, вышедшего в конце декабря на рубеж Белев — Мценск — Верховье.

Преодоление рубежа реки Оки от Калуги до Белева создало благоприятные условия для окружения главных сил группы армий «Центр» с юго-запада. Однако силы наступающих войск были на исходе. Органы войскового тыла из-за быстрого темпа наступления не успевали обеспечивать наступающие войска боеприпасами. Создать же новую группировку войск для удара на Вязьму, навстречу Калининскому фронту, Западный фронт в то время не имел возможности.

В конце декабря успешно развернулось контрнаступление в центре Западного фронта. Прорвав оборону врага на реке Наре, части 33-й армии (командующий М. Г. Ефремов) 26 декабря освободили от врага Наро-Фоминск. 2 января был освобожден Малоярославец, а 4 января — Боровск.

▲ Ефремов М.Г., 33 армия

▲ Операция Тайфун

▲ Кузнецов В.И., 1 уд. армия

▲ Лелюшенко Д.Д., 30 армия

▲ Сталин И.В.

Таким образом, в начале января 1942 года был завершен первый этап наступления на Западном стратегическом направлении. Войска Калининского, Западного и правого фланга Юго-Западного (с 18 декабря Брянского) фронтов, несмотря на тяжелые условия, выполнили поставленную перед ними задачу.

Поражение ударных группировок врага, наступавших на Москву, вызвало замешательство в ставке Гитлера. В директиве от 16 декабря Гитлер требовал от командного состава группы «Центр» заставить войска с фанатическим упорством оборонять занимаемые позиции, не обращая внимания на противника, прорывающегося на флангах и в тыл немецких войск. Гитлер надеялся удержать в своих руках важные коммуникации западнее Москвы и узлы дорог, где были размещены крупные интендантские склады. Такими узлами являлись города Ржев, Вязьма, Брянск, Орел. Германское командование решило превратить эти города в центры укрепленных районов, чтобы остановить здесь наступление Красной Армии.

Оценивая общую обстановку на фронте, Ставка Верховного главнокомандования преувеличивала наступательные возможности Красной Армии. В силу этого она приняла решение о переходе в наступление на всех трех стратегических направлениях; Целью зимнего наступления ставилось: разгром главных группировок врага под Ленинградом, западнее Москвы и на юге страны. Достижение поставленных целей требовало наличия дополнительных значительных сил и средств. Между тем Ставка располагала к этому времени ограниченными резервами и создать хотя бы небольшое превосходство в силах и средствах над врагом не могла.

Чтобы не дать возможности врагу закрепиться на занятых им рубежах, Ставка потребовала развивать наступательные операции, не ожидая создания новых ударных группировок. В силу этого наступление фронтов развивалось без оперативной паузы и существенных перегруппировок. Исключение составлял прорыв обороны на рубеже реки Ламы, который был осуществлен после 15-дневной подготовки.

Успешное осуществление прорыва обороны противника на правом крыле и в центре Западного фронта создало реальные предпосылки для глубокого рассечения обороны врага на вяземском направлении и охвата всей вражеской группировки с юго-востока.

Немецко-фашистское командование, обеспокоенное прорывом наших войск в глубокий тыл немецких войск, срочно подтянуло в район Вязьмы новые части с других участков фронта, которые во взаимодействии с авиацией отбили атаки наших войск на Вязьму с севера и юга. Одновременно противник нанес сильные контрудары по коммуникациям выдвинувшихся вперед 33-й, 39-й и 29-й армий, войска которых вынуждены были перейти к обороне в невыгодных условиях. В начале февраля, когда судьба группы армий «Центр», казалось, была предрешена, врагу удалось задержать продвижение Западного и Калининского фронтов. Не получило развития и наступление Брянского фронта.

Таким образом, из-за потерь и отсутствия резервов наступательные возможности трех фронтов Западного направления, по существу, были исчерпаны. Довести до конца разгром группы армий «Центр» не удалось. Войска трех фронтов Западного направления, истощив свои наступательные возможности, вынуждены были постепенно перейти к обороне.

В целом же наступательные операции Красной Армии на Западном направлении в январе — марте 1942 года, несмотря на незавершенность, увенчались новыми по-

▲ Гудериан Г.

▲ Смоленское сражение

бедами. Противник был отброшен в полосе Западного фронта еще на 80 — 100 километров, а всего на 150 — 400 километров, в полосе Калининского фронта — еще на 150 — 250 километров.

Великая битва на подступах к советской столице известна народам мира как разгром немецко-фашистских войск под Москвой.

Войска Западного, Калининского и правого крыла Юго-Западного фронтов нанесли крупнейшее поражение отборным гитлеровским войскам. Под Москвой были разгромлены 38 немецких дивизий, в том числе 11 танковых, 4 моторизованные и 23 пехотные; остальные дивизии группы армий «Центр» были обескровлены. Из четырех танковых вражеских армий (групп), действовавших на советско-германском фронте, было разгромлено три. Поля Подмосковья превратились в кладбища немецкого оружия и техники. Всего в ходе Московской битвы фашисты потеряли около полумиллиона солдат и офицеров — цвет своего вермахта. Шесть армий группы «Центр» утратили примерно 80 процентов своей артиллерии, танков, автотранспорта и другой техники. Так бесславно закончилась попытка гитлеровцев овладеть советской столицей. Гитлеровские полчища, победно прошедшие по многим странам Западной Европы, на полях Подмосковья потерпели первое крупное поражение.

В результате боев под Москвой Красная Армия приобрела боевой опыт, стала организованнее и сильнее, чем в начале войны. Весь мир убедился, что она способна сокрушить врага.

Поражение вражеских войск под Москвой имело громадное политическое и стратегическое значение. Гитлеровский план «молниеносной войны» против нашей страны полностью провалился. Немецко-фашистская армия в первый раз потеряла стратегическую инициативу и была вынуждена впервые за два с половиной года второй мировой войны перейти к обороне. Вместо ожидавшейся скорой победы фашистская Германия встала перед фактом ведения затяжной войны.

Для советских людей переход Красной Армии в наступление после длительного отхода и обороны и в особенности ликвидация угрозы захвата врагом Москвы имели не только военное, но и глубокое морально-политическое значение. Сообщения Советского информбюро о поражении фашистских войск северо-западнее Москвы и под Тулой, в районе Калинина и Ельца были восприняты как закономерный результат совместных усилий армии и народа.

Как могло случиться, что Красная Армия сумела нанести жесточайшее поражение гитлеровским войскам, превосходившим ее численностью и вооружением?

Это произошло прежде всего потому, что наша армия и наш народ сражались за правое дело. Они отстаивали свободу и независимость своей социалистической Родины, защищали все то, что было создано ими за годы строительства нового, социалистического общества. Коммунистическая партия и Советское правительство твердо и разумно, со знанием дела руководили борьбой с гитлеровскими захватчиками. Военное командование, штабы и политорганы всех степеней умело организовали оборону столицы, тщательно подготовили разгром врага.

Историческая победа Красной Армии под Москвой была достигнута благодаря невиданным в истории трудовым усилиям и героизму советских людей и — не будем забывать — ценой больших жертв с нашей стороны. В памяти народов

нашей страны зима 1941/42 года — это не триумфальное шествие, а преодоление огромных трудностей в тылу и на фронте, это титаническая, гигантская деятельность миллионов людей, поднявшихся на защиту своей социалистической Родины. Ни одна страна не выдержала бы такого сильного и внезапного удара, какой выдержала наша страна. Когда под угрозой оказались завоевания Октября, советский народ еще теснее сплотился вокруг ленинской партии, проявившей в тяжелых условиях войны непреклонное мужество, выдержку и способность мобилизовать все силы на разгром врага.

Огромная заслуга в достижении победы принадлежит москвичам. В первые недели и месяцы войны из добровольцев-москвичей было сформировано 12 дивизий народного ополчения, десятки штурмовых батальонов и другие части, героически сражавшиеся под Москвой. Когда враг был на подступах к столице, еще многие тысячи ее жителей ушли сражаться с врагом, в том числе около половины состава московских партийной и комсомольской организаций. В тылу врага действовали десятки партизанских отрядов. Трудящиеся Москвы и Подмосковья строили оборонительные рубежи. Москва стала кузницей победы, базой Западного фронта, обеспечивая его всем необходимым. Москвичи внесли неоценимый вклад в общее дело борьбы с врагом, они в жестоких боях завоевали право именовать их город — городом-героем.

На ближних подступах к Москве произошел крутой поворот в ходе войны в пользу Советского Союза и всех свободолюбивых народов мира. Победа Красной Армии под Москвой изменила характер вооруженной борьбы не только на советско-германском фронте. Она оказала огромное влияние на события на других театрах второй мировой войны.

Победа под Москвой ознаменовала новый этап в развитии освободительного движения народов Европы против гитлеровского ига. Если в 1941 году в большинстве стран Европы освободительное движение носило характер разрозненных действий отдельных партизанских отрядов и групп патриотов, то после Московской битвы оно начало приобретать общенациональный характер.

Немаловажное влияние имела победа Красной Армии и на окончательное оформление антифашистской коалиции. 1 января 1942 года была подписана декларация 26 государств, участники которой обязались использовать все свои ресурсы для борьбы против агрессоров и не заключать с ними сепаратного мира. Несколько позже были подписаны англо-советский договор о союзе против гитлеровской Германии и соглашение с США «О принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии». Тем самым была окончательно оформлена антифашистская коалиция, сыгравшая важную роль в победе над фашистской Германией. ■

▲ Говоров Л.А. в центре, 5 армия

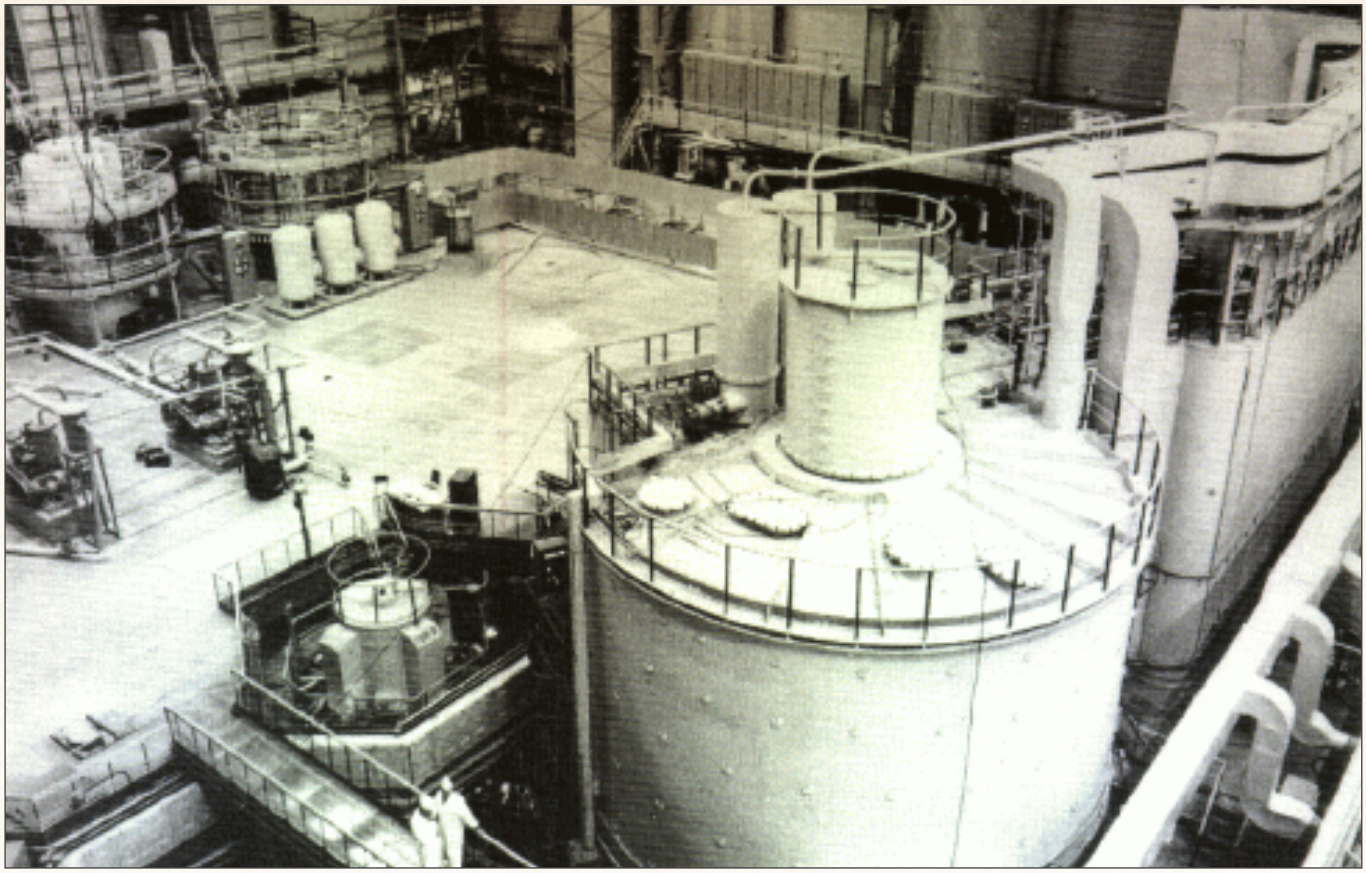

▲ Белов П.А.

ВЛАДИМИР ГУБАРЕВ

ГЛАВНЫЙ ОБЪЕКТ ДЕРЖАВЫ

По страницам «Атомного проекта СССР»

▲ реактор БН-350

Близкое знакомство с томами „Атомного проекта СССР" позволяет увидеть многие страницы нашей истории по-новому, оценить роль тех или иных людей иначе чем представляли нам авторы учебников истории в недалёком прошлом, понять, почему и как принимались государственные решения в те годы и какое влияние оказывают они на нашу сегодняшнюю жизнь. Образно говоря, раньше мы смотрели в прошлое сквозь замочную скважину, а нынче перед нами распахнуты все двери — входи, смотри, анализируй и размышляй!

Путешествие в этот удивительный мир для меня продолжается уже более сорока лет. Сегодня я имею возможность многое увидеть по-новому — смутные очертания приобретают отчётливость и ясность, тайное становится явным, а из отдельных фрагментов складывается панорама...

«ХРАНИТЬ ТОЛЬКО В ЛИЧНОМ СЕЙФЕ»

Создавалось впечатление, что И.В. Курчатов не хочет расставаться с «агрегатом № 01».

24 марта 1947 года он посылает Л.П. Берии подробный отчёт о научных результатах, полученных с помощью уран-графитового котла с 25 декабря 1946 года и до 20 марта 1947 года. Перечень исследований, проведённых за три с половиной месяца, внушителен, что позволяет Иго-

Губарев Владимир Степанович — советский писатель, драматург, журналист. Член Союза писателей СССР. Лауреат Государственной премии СССР (1978). Родился в Белоруссии в семье военачальника 26 августа 1938 года. Окончил Московский инженерно-строительный институт имени В.В. Куйбышева в 1960 году. Работал журналистом в газете «Комсомольская правда», освещая актуальные вопросы науки и освоения космоса. За 15 лет прошел путь от литературного сотрудника до заместителя главного редактора. Затем перешел в газету «Правда». В «Правде» работал обозревателем по науке. Освещал проблемы геологии и природопользования, минерально-сырьевых ресурсов, управления горной промышленностью в экстремальных природно-климатических условиях Севера. 26 апреля 1986 года первым из журналистов оказался на месте Чернобыльской аварии — уже через несколько часов после серии взрывов. Под впечатлением от увиденного написал пьесу «Саркофаг», которая была поставлена в 56 театрах мира и имела огромный успех, особенно в Японии. В Англии пьеса была отмечена театральной премией им. Лоуренса Оливье. В 1991 году ушел из газеты «Правда» в знак протеста против передачи прав на ее издание семье греческих предпринимателей Янникосов. Автор большого числа интеллектуальных и научно-популярных работ по проблематике освоения космоса, научного прогресса, ответственности науки и ученых перед человечеством. В серии «Судьба науки и ученых России» вышло 14 книг автора.

рю Васильевичу просить Берию (а, следовательно, и Сталина) не переносить котёл из Москвы на площадку завода № 817, как это предусматривалось первоначально.

Сам же Курчатов сначала предполагал осуществить физический пуск котла, а затем разобрать его, чтобы использовать материалы (их ох как не хватало!) в первом промышленном реакторе. Однако ситуация изменилась, и об этом Курчатов пишет Берии: «...решение неотложных задач технического проекта промышленного котла будет в полном объёме получено к нужным срокам только в том случае если физический котёл будет работать на площадке лаборатории до 1 сентября 1947 года».

Именно к этому сроку Курчатов предполагает провести исследования влияния радиации на конструкционные материалы. Важно выяснить, как именно изменяются их механические свойства.

Берия даёт «добро». На документе приписка «По указанию тов. Берии Л.П. прошу хранить этот документ только в своём личном сейфе». А распоряжение о дальнейшей судьбе «агрегата № 01» выглядит так:

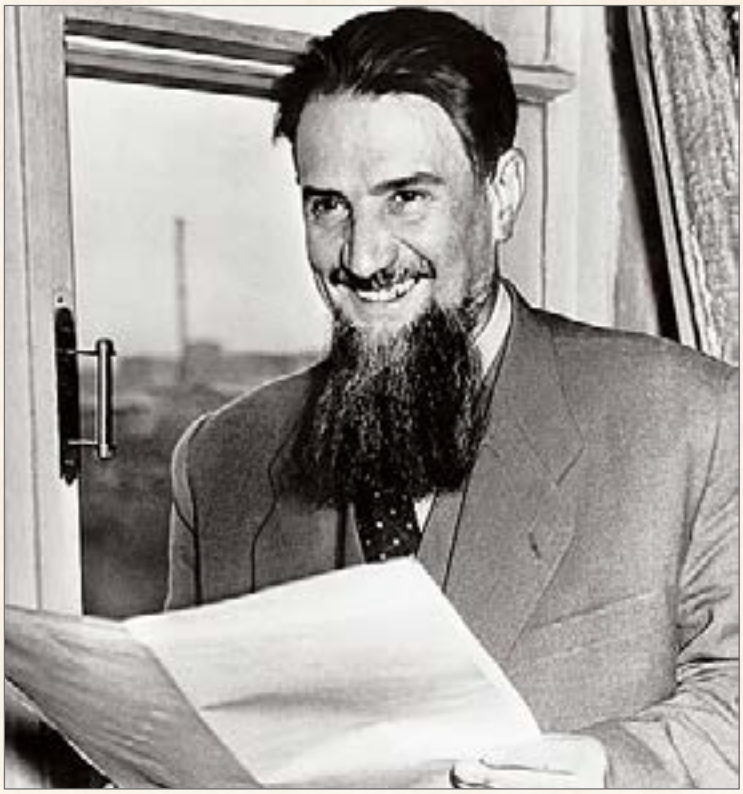
«Обязать Лабораторию № 2 АН СССР осуществить разборку агрегата № 01 к 1 ноября 1947 года и передать содержащийся в нём металл и двуокись А-9 Первому главному управлению при Совете Министров Союза ССР для использования, в том числе 3 000 кг блоков металла для извлечения конечного продукта, 3 500 кг блоков металла, некондиционных по размерам, 6 000 кг блоков металла, некондиционных по примесям, и 11 570 кг двуокиси для переработки и выплавки кондиционного металла, а 21 000 кг блоков металла — для использования в агрегате №1».

Материалов и урана (А-9) для первого промышленного реактора не хватало катастрофически, а потому и сам Курчатов не возражал, чтобы первый реактор, пущенный им в Москве, был разобран. Но история распорядилась по-своему. Строительство «агрегата № 1» задерживалось, запланированные сроки срывались, а потому «агрегат № 01» пока не имело смысла разбирать. Да и Курчатов ошибся он ещё не знал, что для исследовательских работ по воздействию радиации на конструкционные материалы потребуются не месяцы, а многие годы. И в таких научных работах «агрегат № 01» будет незаменим.

В «Отчёте о ходе научно-исследовательских и практических работ по получению и использованию атомной энергии за 9 месяцев 1947 года», представленном И.С. Сталину, говорилось: «В течение 1947 года на физическом уран-графитовом котле (пущенном 25 декабря 1946 г.) сотрудниками лаборатории № 2 непрерывно произ-

▲ Берия Л.П.

▲ Курчатов Игорь Васильевич

водились опыты и исследования, которые дали возможность проверить все исходные физические и технические данные, положенные в основу проекта строящегося промышленного уран-графитового котла (завод №817)».

Какой же смысл демонтировать котёл, если на нём ведутся исследования и получаются уникальные результаты? В том же «Отчёте» есть такие слова: «Проведённые исследования показали, что наша промышленность в состоянии изготовить материалы такой чистоты, чтобы вредное поглощение нейтронов в них находилось в пределах допустимых норм, чем обеспечивается запроектированный физический процесс в промышленном котле».

Одним из весьма весомых достижений было выделение из облучённого в котле урана около 160 микрограмм плутония. С ним начали работать сотрудники НИИ–9, которые стали проверять химическую схему комбината № 817. В феврале 1948 года плутония было уже 2 000 микрограмм, и теперь уже металлурги смогли убедиться в верности своих расчётов.

Однако во всей той эйфории которая окружала «агрегат № 01», проскальзывали и настораживающие нотки.

И.В. Курчатов отмечал:

«Излучения физического котла исключительно вредны в биологическом отношении. Опыты, произведённые секретной радиационной лабораторией Академии медицинских наук, руководимой чл.-корр. Г.М. Франком, на мышах, крысах, кроликах, собаках, даже при пусках котла на относительно небольших мощностях порядка 150 киловатт во всех случаях привели к гибели животных или мгновенной смерти, или же имевшей место через 2–3 недели и в редких случаях через несколько месяцев — из-за изменения состава крови и нарушения явлений обмена в организме».

Это был «первый звонок» той опасности, которая подстерегала всех, кто начинал «Атомный проект СССР». Многие из них заплатят своей жизнью и здоровьем за те крупицы Знания, которые приходилось им вырывать у Природы.

Теперь рядом с физиками у «агрегата № 01» и всех остальных реакторов всегда будут работать биологи и медики.

Много лет будет первый в Европе реактор служить науке, а потом станет музейным экспонатом. Правда, весьма своеобразным — при необходимости можно вновь на нём осуществить «физический пуск», будто идёт не XXI век, а декабрь 1946-го...

«РУДА ОТГРУЖАЕТСЯ В СССР»

Урана было мало. Очень мало...

До войны геологи им почти не занимались, а потому разведанных месторождений не было.

Теперь же все геологические партии обязаны были докладывать об урановых рудах, искать их даже там, где, казалось бы, их и не должно быть. И, конечно же, было создано множество специальных экспедиций, главная задача которых — поиски урановых руд.

Немало геологов по документам изучали все месторождения в соседних с СССР странах, и если появлялись хоть малейшие намёки на то, что там есть возможность добывать уран хотя бы в ничтожных количествах, то сразу же предпринимались энергичные меры. В Чехословакии, Германии, Болгарии, Венгрии уже действовали акционерные общества (кто сказал, что рынок к нам пришёл только после 91-го года?) по добыче урановых руд. Теперь пришла очередь и Польши.

8 марта 1947 года Л. Берия пишет письмо И. Сталину: «Представляю на Ваше рассмотрение проект решения об организации разведки и добыче урана на территории Польши...»

Слово «уран» вписано рукой Берии.

Три месяца назад группа геологов и горных инженеров, которую возглавлял генерал Мешик (особо доверенное лицо Берии), отправилась в Польшу. Они обследовали Кузнецкое месторождение в Верхней Силезии. Ранее оно называлось «Шмидебергским» и в немецких документах числилось как «железорудное». Но было известно, что параллельно с железной рудой здесь шла добыча радия. За 15 лет его получили здесь 4 грамма.

Берия сообщал Сталину: «Обследованием установлено следующее: Урановая руда найдена в бывшем Шмидебергском железном руднике, добывающем в настоящее время 40 тыс. тонн железной руды в год.

На руднике обнаружено 160 тонн добытой руды со средним содержанием около 1% урана и 1,5 тонны отсортированной руды с содержанием до 15% урана (руда отгружается в СССР).

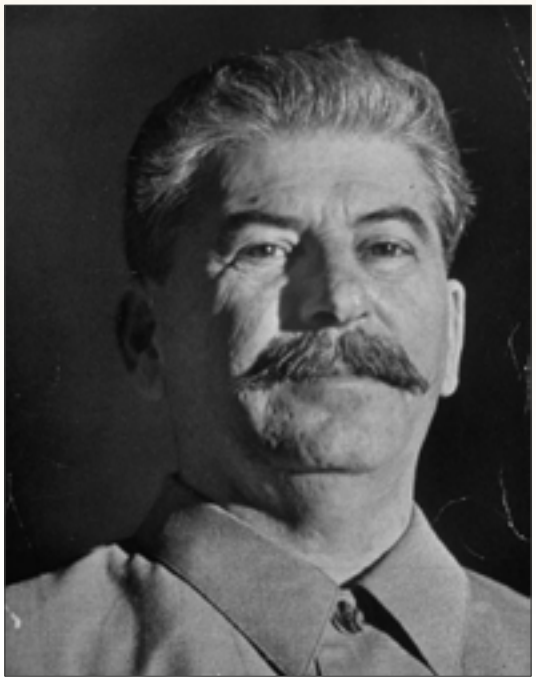
При обследовании получены сведения о том, что уран встречался также и в других шахтах и штольнях, расположенных в районе Шмидеберга (Купферберг, Вольсфальд, Ландек, Арнсберг и другие).

В настоящее время, до проведения детальной разведки, ещё нельзя определить возможные запасы урана в недрах Кузнецкого месторождения, но уже собранные при обследовании данные являются вполне достаточными, чтобы ставить вопрос об организации смешанного Польско-Советского предприятия по разведке и добыче урана на Кузнецком и других месторождениях урана на территории Польши».

Переговоры с правительством Польши вело Министерство внешней торговли. Конечно же, было получено согласие на разведу и добычу урана, однако, по мнению поляков, предприятие не должно быть смешанным, а чисто польским.

Как ни странно, но Сталин согласился с предложениями поляков. Уже через десять дней он подписал Постановление Совета Министров СССР № 600–208 сс/оп «Об организации добычи радиоактивных руд на территории Польской Республики». В нём Советско-Польское предприятие, о создании которого писал Берия, не упоминалось. Организовывалась Постоянная Советско-Польская комиссия «для рассмотрения и утверждения планов геологоразведочных работ, строительства и добычи руды, рассмотрения других вопросов предприятия «Кузнецкие рудники», требующих совместного с польской стороной решения, а также для повседневной помощи рудникам в их работе».

Правда, на должности технического директора, главного инженера, главного геолога, начальника отдела технического контроля назначались советские специалисты, но тем не менее предприятие «Кузнецкие

▲ Сталин Иосиф Виссарионович

▲ Маяк

▲ Сбитый разведчик У-2

рудники по добыче железной руды, радия и сырья для красок» оставалось польским.

С лета 1947 года здесь начались активные геолого-разведочные и поисковые работы. Вагоны с рудой, содержащей уран, отправлялись в СССР на переработку. В тех реакторах, что нарабатывали плутоний для первых атомных бомб, бесспорно, был и уран с рудников, носящих очень русское название «Кузнецкие».

ТЕНЬ В ТУМАНЕ

Столбы вмораживают в лёд сразу же, как только по нему можно ходить. А потом натягивается колючая проволока, и теперь к секретному объекту нельзя подойти и со стороны озера.

Часовой заметил человеческую фигуру в ста метрах от берега. «Нарушитель» подошёл к одному столбу, к другому, к третьему. Потом он наклонился... В утреннем тумане фигура человека казалась огромной, но часовой не испугался. Солдат был призван из Якутии, там он каждую зиму охотился, случалось, и медведя бил... «Стоять! Руки вверх!» — на плохом русском крикнул якут. Человек у проволоки не шелохнулся. «Стоять! Стрелять буду!» — грозно прокричал часовой... Человек приподнялся, встал в полный рост и шагнул в сторону «Объекта». Оказывается, он прополз под проволокой. Часовой выстрелил. Фигура сделала ещё несколько шагов, зашаталась и рухнула на лёд...

21 августа 1947 года Председатель Совета Министров СССР И. Сталин подписывает Постановление СМ СССР № 2938–954 сс (Сов. секретно. Особая папка) «О мерах обеспечения охраны объекта № 859 Первого главного управления при Совете Министров СССР». В первом же пункте постановления сказано, что объект № 859 теперь относится «к особорежимным предприятиям, а район его расположения и окрестности в радиусе 25 км с входящими в него населёнными пунктами отнести к режимной зоне с особым паспортным режимом».

Так начали рождаться закрытые города СССР, в которых и сегодня живет около миллиона человек.

Главные задачи, конечно же, возлагались на Министерство внутренних дел, которое тогда возглавлял Круглов.

В постановлении, в частности, предписывалось:

«...б) оградить периметр завода протяжением 20 км двухрядным проволочным ограждением, оборудовать освещение и связь по периметру к 1 января 1948 г. в) принять под войсковую охрану запретную зону жилого посёлка общим протяжением 25 км, организовав службу постоянными и подвижными нарядами к 1 ноября 1947 г...»

Приказ Сталина был выполнен к назначенному сроку. Вот только не везде удалось поставить проволочные заграждения — озёр вокруг первого реактора для получения плутония оказалось много. Здесь создавались специальные патрули на моторных и весёльных лодках. Именно они с весны и до глубокой осени несли охрану «Объекта». Ну а зимой «пограничные столбы» (их так здесь называли) вмораживали в лёд. Хорошо, что зима на Южном Урале долгая...

В этом уникальном постановлении было ещё несколько пунктов, которые сыграли решающую роль в судьбе многих тысяч людей, так или иначе связанных с Плутониевым комбинатом.

Судьба заключённых, которые принимали участие в строительстве, была определена более жестоко, чем для других узников ГУЛАГа. Теперь их «вина» усугублялась, так как они прикоснулись к высшей тайне государства.

Сталин предписывал:

«а)...в месячный срок вывести в Воркутлаг МВД СССР и разместить в изолированном лагпункте всех заключённых по ст. 58–6,58–8,58–9; б) заключённых по ст. 58-1а, 1б, 1в, подлежащих освобождению ранее чем через 3 года, кассационников и осуждённых, дела которых находятся на пересмотре, использовать только вне зоны цехов А, Б и С. Впредь не допускать направление на строительство объекта № 859 заключённых перечисленных категорий; в) перед пуском завода вывезти заключённых по статьям, перечисленным в п. б, а также других особо опасных преступников, в том числе рецидивистов, в отдалённый и изолированный лагерь...»

О судьбе заключённых, попавших в закрытый район, быстро стало известно по всему ГУЛАГу. Считалось, что это по сути дела смертный приговор.

Но не легче было и вольнонаёмным и военнослужащим строительных полков и батальонов, которые попали сюда:

«Для предотвращения разглашения сведений о строительстве объекта № 859 обязать МВД СССР переводить всех рабочих, ИТР и служащих... по окончании строительства на другие объекты спецстроительства МВД СССР. Проверенных военнослужащих указанных полков и батальонов, подлежащих демобилизации, оставлять работать на строительстве № 859 в качестве вольнонаёмных, а по окончании строительства перевести на другие спецстройки МВД СССР».

В общем, всем, кто попал в Атомное колесо, уже не суждено из него вырваться...

Особое внимание в постановлении уделялось борьбе со шпионами. Министерству государственной безопасности предписывалось «организовать усиленную оперативно-чекистскую работу на объекте № 859 и в районах Челябинской области, примыкающих к режимной зоне». На всю корреспонденцию, которая поступала сюда или выходила «в большой мир», устанавливалась цензура. Запрещались полёты самолётов не только гражданской авиации, но и военной. Первым, кто попытается пролететь над Плутониевым комбинатом, будет американский разведчик Пауэрс. Но это будет спустя пятнадцать лет. У-2 будет сбит ракетой под Свердловском. Кстати, американский разведчик проведёт съёмки не только Плутониевого комбината, но и Челябинска-70 — ядерного оружейного центра. Однако ещё добрых тридцать лет американцы не будут знать, чем занимаются в городе Снежинске.

Так что выполнение Постановления СМ СССР № 2938–954 сс будет весьма чётким и эффективным: ни одному из вражеских агентов не удастся попасть на Плутониевый комбинат.

...За всю историю «Атомного проекта СССР» известно лишь несколько попыток преодолеть «пограничную полосу», отделяющую атомные объекты от остального мира. Чаще всего это были рыбаки — им казалось, что на другой стороне озера рыба клюет лучше.

Однажды часовой застрелил безумную девушку, которая ранним морозным утром убежала из дома и бродила по окрестностям. Она оказалась на озере, попыталась перелезть через колючую проволоку. Часовой до призыва в армию служил охотником, а потому не промахнулся... За этот выстрел он был поощрён командованием: ему предоставили внеочередной отпуск.

ГОРОД ЦИРКОНИЯ

Дату рождения почти всех знаменитых предприятий атомной промышленности можно установить весьма точно — достаточно обратиться к документам «Атомного проекта СССР».

Среди них я нашел письмо Б.Л. Ванникова И.В. Сталину, в котором представляется проект Постановления СМ СССР «О строительстве химико-металлургического завода № 544 Первого главного управления при Совете Министров СССР». В нём, в частности, отмечается:

▲ ЧМЗ. Глазов

▲ Владимир Петрович Потанин

▲ Славский Ефим Иванович

«Проектом предусматривается:

1. Построить на базе быв. пиротехнического завода Министерства вооружения (в двух километрах от г. Глазова, Удмуртская АССР) к концу 1948 года завод по регенерации металлического урана из солей обеднённого урана, которые будут получаться с завода № 817 после извлечения плутония из урановых блочков. Завод № 544 намечается построить мощностью 500 тонн металлического урана в год...»

Чуть позже И.В. Курчатов уточняет: мощность завода — до 1000 тонн урана в год...

Но предприятию в Глазове суждено будет не только стать в один строй с «Маяком» и Электросталью, но и возглавить несколько принципиально новых направлений в развитии атомной индустрии страны.

Некоторые из них связаны с именем Виталия Фёдоровича Коновалова, человека, который станет последним министром Средмаша. Одно время он будет руководить комбинатом в Глазове...

Я спросил В.Ф. Коновалова: — Как вы оказались после Ульбинского комбината в Глазове? Казалось бы, освоили новое производство, работа очень интересная, перспективы определены — и вдруг Глазов? Что побудило уехать? — Это был 1974 год. Начальником главного управления Средмаша стал Потанин...

Владимир Петрович Потанин был директором Ульбинского металлургического завода в 1961 — 1974 годах. Дважды лауреат Государственной премии СССР, награждён двумя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почёта». С ним связано становление и развитие Ульбинского комбината как крупнейшего в отрасли... Он приехал в Усть-Каменогорск из Глазова. Тогда многие были направлены в Казахстан оттуда, так как в Глазове было одно из первых наших предприятий. «Электросталь», «Маяк» и «Глазов» — это, образно говоря, три кита, на которых держалась атомная промышленность СССР. Если раньше из Глазова уезжали специалисты, то теперь начинался обратный процесс.— Там решили расширять производство?

— Начиналась «Большая атомная энергетика», она требовала новых подходов и новых людей. Потанин знал меня, а потому и предложил стать директором. Ему казалось, вероятно, что нужен человек со стороны. — У меня сложилось странное впечатление от первой встречи с Глазовом... Это было в середине 60-х... Поезд остановился всего на одну минуту...

— Да, там было запрещено им задерживаться...

— Я выскочил на платформу и поразился: вокруг покосившиеся деревянные здания, убогая платформа... Но едва мы со встречающими зашли за здание старенького вокзала, как увидели прекрасные дома, асфальтовую дорогу и две чёрные «Волги»... Контраст был поразительный! — Из-за секретности такое происходило... Хотя если поехать на поезде дальше, то открывается на повороте вид на долину и весь комбинат как на ладони. Сейчас и привокзальная площадь имеет соответствующий вид, и вся станция — теперь скрывать ничего не надо. А в те годы западные радиостанции передавали, что «Глазов — один из первых объ-

ектов для атомного удара в случае ядерной войны». Тем самым подчёркивалось его значение в системе обороны страны. Глазов — это главное перерабатывающее предприятие отрасли.

— Город понравился?

— Это ведь старинный город... Там знаменитые лечебные источники, которые до нынешнего дня действуют. Город находится в очень красивом месте. Условия для работы и жизни там очень хорошие.

— При назначении директором какую задачу перед вами поставили?

— Началось бурное развитие «Большого циркония». Атомная энергетика требовала этот металл. Урановое производство уже было налажено в Электростали и Усть-Каменогорске, так что «начинка» у твэла была, а вот с оболочкой были проблемы. Было решено цирконие-вое производство полностью расположить в Глазове.

В начале 60-х годов Глазов трижды принимал крупнейших учёных страны. Сюда приезжали академики А. Бочвар и А. Александров, член-корреспондент АН СССР А. Займовский, многие доктора и кандидаты наук. Здесь проходили отраслевые металлургические конференции, и посвящены они были повышению надёжности твэлов.

Оказывается, фронты «холодной войны» теперь переместились с боевых позиций ракет и ударных подводных лодок на разработку принципиально новых технологий и получение новейших материалов. Быстрее всего эту перемену почувствовали атомщики, и получение циркония в больших масштабах стало своеобразным сигналом для наших сторонников и противников за рубежом о том, что и у нас думают о завтрашнем дне.

Но его пришествие связано уже с Виталием Федоровичем Коноваловым, который был назначен директором Чепецкого механического завода в марте 1975 года. Он проработал здесь четыре года.

— Что было самое трудное для вас?

— Организация массового производства циркония и изделий из него. Это было строительство новых корпусов, освоение новых технологий. Цирконий нужен был для атомной энергетики, которая начала бурно развиваться не только в СССР, но и в странах Восточной Европы. Первые АЭС появились в Чехословакии, Болгарии, Венгрии. Началось строительство атомной станции в Финляндии. Кроме циркония, развивалась в Глазове и урановая часть, так как объёмы производства увеличивались. Ну и с материалами «специального назначения» хлопот хватало. Отделить в нашей промышленности военную часть от сугубо гражданской необычайно сложно, подчас даже и невозможно...

—... А может быть, и не нужно?

— Да и не нужно! А остальное уже политика, которая, вмешиваясь в экономику, чаще всего приносит вред...

▲ Анатолий Петрович Александров (1903-1994)

▲ Ванников Борис Львович

▲ Музруков Борис Глебович

▲ Вавилов Сергей Иванович

— Чем запомнились особо годы в Глазове?

— Всё-таки новыми корпусами завода... И профессионально подготовленным коллективом, который исключительно дисциплинирован. С такими людьми было приятно и легко работать: мы понимали друг друга с полуслова. Безусловно, народ был абсолютно предан своему делу. Надо было остаться после смены — оставались, надо было работать круглые сутки — работали... Этим характерен глазовский завод: профессионализмом и преданностью своему делу. Не всегда всё шло гладко, возникали сложности с проектами, но коллектив работал безупречно, и новые цеха пускались быстро. Вот там действительно можно было говорить, что таким людям любые трудности по плечу, и это не было никаким преувеличением. Мощности наращивали быстро. Начали выпускать циркониевый прокат, трубы. Обеспечивали производство всех активных зон для реакторов, осуществляли всю требуемую программу выпуска циркония и изделий из него.

— Даже лечебные циркониевые браслеты начали выпускать?

— Это уже позже, после меня. А тогда начали понемножку продавать цирконий за границу. Именно как металл, а не только в твэлах и активных зонах.

— Потребность в нём не упала?

— Мы же постоянно пополняем активные зоны реакторов. Топливо стоит четыре года, следовательно, ежегодно одну четвёртую часть его мы меняем. Объёмы растут, так как новые станции вводятся. Увеличивается и срок службы топлива — до пяти лет, а следовательно, требования к цирконию повышаются. Мы выходим и на мировой рынок, что накладывает дополнительные требования. Появляются АЭС в Китае, Индии, Иране, и туда мы будем поставлять топливо. Так что объёмы этих производств не только не снижаются, но и растут.

Кстати, в Глазове ассортимент продукции весьма разнообразен. Там, к примеру, кальций металлический выпускается — это одно из двух предприятий в России. Он идёт на получение металлического урана, на разделение тантала и ниобия. Сейчас перед глазовцами стоит большая задача по производству сверхпроводящих материалов. То, что мы в своё время делали в Усть-Каменогорске, теперь аналогичное производство нужно создать в Глазове. Новые материалы — это высочайшие технологии, и вновь предприятию в Глазове надо быть в первых рядах технического прогресса.

— А сам Глазов нравился?

— Он мне чем-то напоминал Ленинград. Тихий, спокойный город. Не было никаких разбоев, воровства. Есть где отдохнуть. Ездили за грибами и ягодами, ну и, конечно же, моя любимая рыбалка тоже отменная... Хорошо работалось там и отдыхалось. Так что самые лучшие воспоминания о тех годах, что я провел там...

...Комбинат в Глазове в современной России — одно из самых передовых предприятий. Он выстоял в тяжелейшие 90-е, когда рушилась вся промышленность, особен-

но оборонная, он нынче, подобно локомотиву, тащит за собой всю атомную отрасль. Можно только удивляться: откуда у людей столько энергии и сил?

А ответ, как всегда, прост и понятен: «Тогда, сразу после войны было много крат тяжелее. Наши отцы выстояли. Неужели мы не сможем?!»

Всё правильно. Жаль только, что война продолжается так долго...

УРОК СЕКРЕТНОСТИ

Секретность в «Атомном проекте» была тотальной! Даже между собой руководители объяснялись на эзоповом языке. А в Плутониевом институте (легендарной «Девятке») слова «плутоний» и «бомба» никогда не упоминались. Однажды, уже в 70-х, когда, казалось бы, секретность слегка смягчилась, я позвонил по «кремлёвскому» (то есть защищённому от подслушивания шпионами) телефону академику Андрею Анатольевичу Бочвару и сказал, что министр Славский разрешил мне встретиться с ним, чтобы он рассказал о получении первого королька плутония. И к моему удивлению, академик тотчас же ответил, что никогда ничего не слышал об этом, мол, ничем мне помочь не может... А, спустя пару лет, когда мы познакомились ближе, Андрей Анатольевич признался, что даже в своём кабинете в институте, в окружении ближайших сотрудников и помощников слово «плутоний» он не произносит. «Поймите, — сказал он, — секретность у нас въелась в каждую клеточку, и отрешиться от неё мы уже не можем».

Действительно, секретность в «Атомном проекте» пронизывала всех и вся. Исключений не существовало. И об этом свидетельствуют документы «Атомного проекта».

20 апреля 1948 года выходит Постановление СМ СССР № 1274–483 сс/оп «О тов. Музрукове». В нём, в частности, говорится: «Совет Министров ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Считать установленным, что директор комбината № 817 Первого главного управления при Совете Министров СССР т. Музруков допустил легкомысленное, безответственное отношение к соблюдению секретности...

2. Начальнику комбината № 817 т. Музрукову за безответственное, легкомысленное отношение к соблюдению секретности объявить строгий выговор и предупредить т. Музрукова о том, что он будет привлечён к судебной ответственности в случае нарушения им правил секретности в дальнейшем».

Чем же провинился знаменитый директор Уралмашзавода, Герой Социалистического Труда Борис Глебович Музруков, если сам Сталин ему объявляет строгий выговор?

Дела на комбинате, где сооружается реактор для получения плутония, идут неважно. Уже несколько раз срываются сроки пуска, и, по мнению Сталина и Берии, необходимо «укрепить руководство». Ефима Павловича Славского понижают в должности до главного инженера, а директором назначают Музрукова. Сталин помнит, что Музруков блестяще справился во время войны со всеми его заданиями. Конечно же, новое назначение для Бориса Глебовича совершенно неожиданное, и одного из близких друзей он просит достать хоть какую-нибудь литературу по атомной энергии. И ему же обещает, что возьмет с собой на новое место работы.

Музруков не подозревает, что отныне он находится под бдительным оком Министерства государственной безопасности. Берия тут же получает информацию о контакте Музрукова со своим приятелем-инженером, который в свою очередь обратился к библиотекарю за нужной литературой. По законам «Атомного проекта» лишь МГБ СССР имеет право приглашать на работу специалистов, и только это ведомство обеспечивает работников нужной литературой. Таким образом, Борис Глебович нарушил два правила безопасности.

После проверки чекистами оказалось, что приятель Музрукова «не может быть допущен на работу на комбинате № 817 как человек, не внушающий доверия», ну а библиотекарь «характеризуется как человек, имеющий подозрительные связи». Это и послужило основой Постановления Совета Министров СССР.

Вероятнее всего, оба знакомых Музрукова были безгрешными — просто Берия воспользовался самим фактом, чтобы преподать «урок секретности» известному в стране человеку и на его примере показать, кто хозяин в «Атомном проекте».

Новый директор будущего комбината «Маяк» вступил в должность со строгим выговором. А вскоре здесь он получит вторую звезду Героя Социалистического Труда. Однако «урок секретности» он запомнит на всю жизнь...

АТОМ ДЛЯ МИРА. НО ПОКА СЕКРЕТНО...

Историки любят шарахаться из одной крайности в другую. Всё зависит от того, какой именно «заказ от власти» они получат. Впрочем, и пропагандисты тоже...

В самый разгар «холодной войны», когда ядерная гонка двух сверхдержав — СССР и США — приобрела невиданный размах, газеты пестрели статьями о мирном использовании атомной энергии. Популяризаторы науки рассказывали о благородном влиянии излучений на рост цветов и злаков, о консервировании с помощью волшебных лучей, об излечении неизлечимых форм раковых опухолей. И самое главное во всей этой пропаганде то, что это была правда: роль ионизирующих излучений в разных областях нашей жизни — от промышленных установок и до лучевой терапии — огромна и весьма полезна.

А потом «холодная война» стала прошлым, и тогда уже шквал критики обрушился на военно-промышленный комплекс, на физиков, на весь «Атомный проект»: мол, все, кто участвовал в нём — злодеи, способные думать только об одном: как уничтожить планету и всё живое на ней.

Мы разучились думать и мыслить, а потому предпочитаем только чёрный цвет или белый, а разные там оттенки и полутона стараемся (или уже не умеем?) не замечать. Нам кажется, что жить так легче, и ошибаемся!

У многих учёных, даже не привлечённых к «Атомному проекту» был свой интерес к новым направлениям в науке, рождённым ядерной физикой.

Президент АН СССР академик С.И. Вавилов направляет И.В. Сталину подробные предложения об использовании ядерной энергии в технике, химии, медицине и биологии. Этот тематический план был результатом коллективной работы многих членов Академии наук. Их предложения президиум академии обобщил, выделил главные направления и представил Сталину.

Заканчивался 1946 год. И.В. Курчатов ещё не пустил свой реактор — это случится через две недели, но Совет Министров СССР принимает Постановление № 2697–1113 сс, которое определяет судьбу мирного атома. Это случилось 16 декабря 1946 года.

«Пусть будет атом рабочим, а не солдатом...»

Фраза Курчатова, сказанная им через десять лет, станет крылатой. Жаль, что нет возможности запускать время вспять, иначе великий учёный XX века должен был сказать её именно в декабре 46-го, когда мирный атом начинал свою биографию...

Как всегда в таких случаях, Постановление СМ СССР отличалось конкретикой:

«1. Принять представленный президентом Академии наук СССР акад. Вавиловым С.И. тематический план научных и исследовательских работ в технике, химии, биологии и медицине по изучению атомного ядра и использованию ядерной энергии, подлежащих выполнению научно-исследовательскими учреждениями Академии наук СССР и министерств согласно Приложениям № 1 и 2.

2. Для руководства научно-исследовательскими работами... образовать при президенте Академии наук Учёный совет в составе: акад. Вавилов С.И. — председатель, акад. Скобельцын Д.В., акад. Фрумкин А.Н., акад. Несмеянов А.Н., акад. Орбели Л.А., акад. Максимов Н.А., чл.-корр. Академии наук СССР Кикоин И.К., проф. Франк Г.М...»

Понятно, что сразу же уровень исследовательских работ в новой области был задан очень высоким, имена крупных учёных говорят сами за себя.

Приложение № 1 было «секретным». В нём различным научным учреждениям и институтам поручались темы, которые в какой-то мере соприкасались с разработкой оружия. К примеру, в этом списке значились:

«...Поисковые работы по вопросу прямого преобразования энергии радиоактивного излучения в другие формы энергии.

...Сжимаемость металлов при высоких и сверхвысоких давлениях.

...Радиохимические исследования.

...Изучение радиоактивного распада в земной коре.

...Влияние облучения ионизующей радиации на рост и обмен веществ.

...Действие радиоактивных излучений на функции органов чувств...

Терапевтическое применение новых видов радиации и радиоактивных веществ как метод изучения действия радиации на здоровый и больной организм...»

Приложение № 2 было «открытым». Оно содержало перечень работ, которые надлежало выполнять по поручению Учёного совета АН СССР. В частности:

«...Изучение свойств нейтрино и его влияния на ядерные процессы.

...Изучение моментов атомных ядер оптическим методом.

...Конструирование типовых приборов для радиоактивных исследований (ионизационные приборы, камеры Вильсона, счётчики и пр.).

...Обмен веществ в растениях (с помощью меченых атомов).

...Диагностическое использование искусственных радиоактивных веществ как метод изучения заболеваний.

...Проблема источников звёздной энергии в связи с ядерными реакциями в условиях высоких давлений и температур.

...Исследования распределения изотопов на поверхности звёзд по звёздным спектрам в связи с проблемой источников звёздной энергии...»

Мне кажется, тут уместны небольшие комментарии.

Во-первых, многие современные направления в нашей науке, гордящиеся своими достижениями, начали бурно развиваться благодаря этому постановлению.

Во-вторых, иногда нынче говорят о том, что власть не должна вмешиваться в процесс развития науки. Этот пример из 1946 года показывает, что такие утверждения неверны: власть должна прислушиваться к мнению учёных и, опираясь на него, поддерживать их — только в этом случае успех обеспечен.

И, наконец, последнее. Уровень чиновников, которые принимают те или иные документы, связанные с развитием науки и промышленности, должен быть высоким — по крайней мере, их образованность должна соответствовать тем решениям, которые они должны принимать и выполнение которых обеспечивать. События в России в 90-х годах XX века и начале XXI убедительно продемонстрировали: как необразованность и некомпетентность чиновников в высших эшелонах власти приводит к трагедии государства и общества. ■

ВЛАДИМИР СТРЮКОВ

100 лет КИТАЙСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

▲ Вожди

Китай — самое крупное по численности населения и одно из крупнейших по площади государств в мире. Китай — многонациональное государство. Кроме китайцев (собственное название — хань, 94% всего населения), здесь живет свыше 50 народов, принадлежащих к различным языковым группам и семьям.

Китайская цивилизация относится к числу «речных цивилизаций», сформировавшихся в глубокой древности в долинах великих рек Тигра и Евфрата, Инда, Ганга, Нила, Хуанхэ и Янцзы. Сюда же отнесены ныне открытые археологами цивилизации в древних Микенах, на территории классической Эллады, на Крите, у этрусков и, наконец, во многих уголках доколумбовой Америки.

С географических и политических карт мира «речные цивилизации» давно и бесследно исчезли, равно как и населявшие их народы растворились в общей человеческой массе.

Исключение составляет лишь одна «речная цивилизация», истоками которой признаются долины Хуанхэ и Янцзы. Здесь раз и, как выяснилось, навсегда появилась китайская цивилизация. Она со сменой веков и тысячелетий не канула в Лету, не стала всего лишь достоянием мировой истории. Сохранился по сей день и рожденный ею на-

род — чжунхуа, срединная нация китайцев, которая никогда и никуда не мигрировала, избежала распыления и ассимиляции. Более того, она продемонстрировала миру способность поглотить и растворить в своей среде соседние племена и народы, всех тех, кто так или иначе соприкасался с ней или даже пытался покорить ее. Показательный пример такого рода связан с иудаизмом. Этот замковый камень в арке цивилизаций Запада и Востока также пытался обосноваться на китайской земле. Иудейство прошло в Китае бесследно. Китай единственная страна, где иудейство никогда не объединялось и не было обособляемо, где иудейская нация была целиком поглощена китайской...

Иудеи издревле скрупулезно оберегали свои корни даже в самых глухих уголках земли и, считая еврейскую кровь самой сильной, признавали евреем каждого ребенка, если его матерью была еврейка. Китайская кровь, как выяснилось, практически не знает себе равных. Генетически от любого кровосмешения китайца с иностранцем рождается китаец. Даже если один из партнеров негр, все равно получается китаец.

Практически во все времена китайцы были и остаются по сей день самым многочисленным народом мира. В IX веке до н. э. к северу от Янцзы, в пределах тогдашней Поднебесной, насчитывалось 22 миллиона человек. Накануне новой эры там обитало уже 50 миллионов жителей. В 1500 г. — 100 миллионов, в 1700 г. — 150 миллионов, а в 1902 г. численность китайцев достигла 428 миллионов человек. Но не только по численности населения и силе крови китайцы были впереди планеты всей. Многие важные открытия и изобретения были сделаны в Китае на многие столетия и даже тысячелетия раньше, чем в других странах.

На Западе малочисленные и разрозненные племена ходили в звериных шкурах и ютились в горных пещерах и дремучих лесах. На евразийских просторах будущей России даже не помышляли о едином человеческом сообществе. А в Китае уже функционировало централизованное государство со всеми присущими ему атрибутами. И управляла им династия Ся. По времени это было вскоре после вселенского потопа, который в Библии помечен 2850 годом до н. э.

При последующих династиях Инь и Чжоу (XIII–III вв. до н. э.), скотоводство и земледелие процветали как самостоятельные отрасли хозяйства. Земледельцы успешно выращивали рис, просо, пшеницу и коноплю, а также культивировали тутовые деревья.

Иньцы владели высокой техникой железоплавильного и бронзолитейного производства, снабжая земледельцев вилообразными железными мотыгами и бронзовыми лопатами, воинов — шлемами, копьями, мечами и другим боевым оружием и доспехами, а также деталями для боевых колесниц. Об уровне обработки и масштабах выплавки свидетельствуют хотя бы такие факты: в 523 году до н. э. в царстве Цинь на железной плите был выгравирован текст уголовных законов, дабы жители Под-

▲ Орошаемое земледелие

небесной знали, что можно делать, а чего — нельзя. В период Инь Чжоу процветало и гончарное ремесло, особенно, изготовление изделий из белой, черной и разноцветной керамики. Технологией выплавки чугуна китайцы владели в IV веке до н. э., а стали — во II веке до н. э. В Европе же первые доменные печи появились в Скандинавии в конце VIII веке. Универсальный шарнир, так называемый карданов подвес, был известен китайцам еще во II веке до н. э. В Европе им стали пользоваться только через одиннадцать веков.

На рубеже новой эры китайцы порадовали мир прекрасными образцами естественнонаучных трактатов — «Математика в девяти книгах», а по медицине — «Книга ответов на трудные вопросы». В них, кстати, содержатся сведения о высоком уровне развития естественных наук в годы правления династий Инь и Чжоу. А вышедшая в середине I тысячелетия «Книга преданий» («Шуцзин») сообщает о том, что в эпоху Чжоу был составлен лунно-солнечный календарь, из которого следовало, что год состоит из трех сотен дней, шести декад и шести дней. Календарь появился не случайно, а потому, что земледельцам, основной массе населения Инь и Чжоу, необходимо было знать сроки начала и окончания полевых работ. Отсюда — постоянные наблюдения за перемещениями небесных тел и всяческими изменениями на звездном небе. В Древнем Китае было немало талантливых медиков. Обладая энциклопедическими знаниями, они были врачами-универсалами, владевшими разнообразными методами диагностики и лечения.

«Мудрый правитель прошлого создал сынань для определения направлений». — Так откликнулся мыслитель III века до н. э. Хань Фэй на изобретение компаса китайцами во II веке до н. э. Позже этот прибор попал через арабов и персов, через купцов, в Европу и сыграл, без преувеличения, решающую роль в эпоху великих географических открытий. Опять же китайцам европейские мореходы были обязаны появлением таких устройств, как румпель и многоярусные мачты.

Намного раньше европейских алхимиков мудрая чжунхуа придумала порох, а за ним и ракету. В III веке до н. э. китайцы открыли секрет фарфора, а в Европе это случилось в 1710 году. «Зажигательными палочками» с серой, — спичками, в Поднебесной начали пользоваться в VI веке, появление их в Европе датируется 1530 годом. Изобретение во II веке до н. э. бумаги признано величайшим вкладом чжунхуа в мировую цивилизацию.

Цепной насос для перекачки и подачи питьевой воды и орошения полей был изобретен в I веке до н. э. А в III веке до н. э. в Поднебесной были возведены две крупнейшие по тем временам оросительные системы: Вэйбэй, на территории нынешней провинции Шэньси, и Миньцзян, в нынешней Сычуани. Благодаря Вэйбэй орошалось около 162 тыс. га полей, а Миньцзян обеспечивала водой 200 тысяч га. Хомутовой упряжью китайцы обзавелись в I веке до н. э. на целую тысячу лет раньше, чем европейцы. Железные стремена вошли в обиход у китайцев в III веке, а в Европе лишь в период раннего средневековья.

Во времена викингов парусное оснащение морских судов Поднебесной выглядело фантастическим: двенадцати мачтовые махины, уникальные даже по нынешним временам. Более пятидесяти кают, более тысячи пассажиров. Многослойная обшивка бортов. Трюмы перегорожены на отсеки так, что судно способно сохранять плавучесть при одной-двух пробоинах, а на случай потопления, на палубе были спасательные шлюпки. В распоряжении команды были компасы, якоря и лоты. С помощью хитроумного поворотного механизма можно было, в случае необходимости, придавать мачтам горизонтальное положение. Тогда корабль переходил на весла: до трех десятков гребцов на каждом из двух десятков весел. В сравнении с китайскими судами каравеллы Васко да Гамы и Колумба выглядели игрушечными.

***

Обращение передовой китайской интеллигенции к коммунистическим идеям в начале XX века стало последствием длительного поиска путей модернизации страны и общества. Попытки реформирования до этого предпринимались Кан Ювэем и Лян Цичао, изгнанными из страны императрицей Цыси, а также Сунь Ятсеном, однако коммунисты оказались наиболее успешными в борьбе за объединение Китая.

Активная политическая роль китайского рабочего класса проявилась ещё в «Движении 4 мая» (1919), которое разгорелось в знак несогласия китайских граждан с решениями Версальского договора. С этого времени идеи марксизма-ленинизма стали проникать в среду рабочего класса. Рабочие Шанхая, Таншаня и других городов, организовав первые в истории Китая политические забастовки, приняли тем самым участие во всенародной антиимпериалистической борьбе, способствовали завоеванию народом победы в этой борьбе. Рост сил рабочего класса Китая способствовал тому, что левое крыло китайской интеллигенции, участвовавшей в «Движении 4 мая», начало проводить революционную борьбу среди рабочих. В период «Движения 4 мая» в кругах деятелей культуры выдвигались лишь такие лозунги, как «За демократию» и «За распространение науки», но левое крыло этого движения — революционная интеллигенция, получившая первоначальное представление об идеях коммунизма, — под влиянием Октябрьской революции 1917 года в России стало одновременно распространять идеи о необходимости осуществления социализма в Китае и необходимости применения марксизма-ленинизма для руководства китайской революцией. Благодаря проводившейся в этом направлении пропагандистской и организационной работе среди рабочих революционное движение в Китае вступило в новый период своего развития.

Зачинателем коммунистического движения в Китае по праву считается профессор Пекинского универ-

▲ Сунь Ятсен

▲ Дун Биу

ситета Ли Дачжао. Сам он познакомился с трудами Маркса и Энгельса в японском переводе во время учёбы в университете Васэда (Япония) в 1914—1916 годах. Им были основаны первые марксистские кружки, деятельность которых быстро привлекла внимание Коминтерна. С этого момента Коминтерн будет оказывать коммунистам Китая как организационную, так и финансовую поддержку.

В июне 1920 года в Китай прибыл агент Коминтерна Григорий Войтинский. Он встречается с Ли Дачжао и Чэнь Дусю, оказывает помощь и поддержку в организации различных молодёжных социалистических движений.

Коммунистическая партия Китая была основана в 1921 году в качестве кружка единомышленников. Официально партия ведет отчет своей истории с I съезда, состоявшегося нелегально в конце июля — начале августа 1921 года в Шанхае. На съезде присутствовало 53 человека, в том числе 12 делегатов.

Съезд провозгласил конечной целью партии построение в Китае

▲ Встреча Войтинского «слева» и Ли Дачжао «справа»

▲ Чан Кайши и Мао Цзэдун

социализма. Ключевую роль в съезде и создании партии сыграли Ли Дачжао, Чэнь Дусю, Чэнь Гунбо, Тань Пиншань, Чжан Готао, Хэ Мэнсюн, Дэн Чжунся. На съезде в качестве одного из двух делегатов от провинции Хунань присутствовал Мао Цзэдун. Среди других участников съезда были Дун Биу, Чэнь Таньцю, Лю Рэньцзин, Чжоу Фохай, Хэ Шухэн, Дэн Эньмин и представители Коминтерна Маринг и Никольский.

Расширение империалистической экспансии в Китае после I мировой войны, непрерывные вооруженные схватки между различными кликами милитаристов, усиление эксплуатации трудящихся, с одной стороны, влияние Октябрьской социалистической революции в России — с другой, привели к назреванию революционной ситуации.

В 1924 году был создан единый национально-революционный фронт. На основе сотрудничества Коммунистической партии Китая и реорганизованной Сунь Ятсеном партии Гоминьдан в Гуандуне с помощью советских военных и политических советников было создано ядро Национально-революционной армии. Росло профсоюзное и крестьянское движение, началась вооруженная борьба между революционными и милитаристскими кликами. Успехи национально-революционных сил в Гуандуне способствовали складыванию непосредственной революционной ситуации в общекитайском масштабе, которая после событий 30 мая 1925 года в Шанхае переросла в революцию.

30 мая 1925 года в Шанхае проходили демонстрации, направленные против империалистической политики западных держав и прояпонского правительства в Пекине под руководством Чжан Цзолиня. Демонстранты блокировали иностранные концессии и ситуация грозила выйти из под контроля. К усмирению демонстрантов были привлечены силы шанхайской полиции и отряды сикхов, охранявших английские концессии в Шанхае. В результате полиция открыла огонь по демонстрантам, вызвав тем самым ещё больший народный гнев, переросший во всеобщие стачки и забастовки, прокатившиеся по стране в 1926—1927 гг.

1 июля 1925 года гуанчжоуское правительство было реорганизовано в Национальное правительство Китайской Республики и объединило под своей властью к весне 1926 года провинции Гуандун, Гуанси, Гуйчжоу. 9 июля 1926 года основные силы НРА выступили из провинций Гуандун и Гуанси на Север. Победы НРА в процессе Северного похода привели к освобождению Южного и Центрального Китая от власти милитаристов. В эти годы росли численность и влияние КПК. В то же время углубление революции пугало национальную буржуазию, особенно её правое крыло, представителем которого был главком Чан Кайши. Давление империализма (в частности, бомбардировка военными кораблями США, Англии, Франции и Японии Нанкина в марте 1927 года)) ещё более усилило колебания национальной буржуазии.

В начале 1927 года НРА вошла в Шанхай, где коалиция КПК и Гоминьдана начала формирование нового национально-революционного правительства. 12 апреля 1927 года Чан Кайши и его сторонники совершили в Шанхае контрреволюционный переворот, объявив КПК вне закона. Левое крыло Гоминьдана все ещё продолжало сотрудничество с КПК в Ухане, временной столице коалиционного правительства. Сторонники Чан Кайши развернули в стране антикоммунистическую кампанию. Начались массовые аресты деятелей КПК. Коммунисты ушли в подполье. В результате Наньчанского восстания часть сил НРА перешла на сторону коммунистов. КПК начала формирование Китайской Красной армии.

К началу 1928 года Чан Кайши установил свою власть над большей частью страны. В свою очередь ком-

мунисты на подконтрольных им территориях начали создавать советские районы. В 1931 году после IV съезда КПК во внутренних районах страны Мао Цзэдун и Чжу Дэ основали Китайскую Советскую Республику. Тем временем Гоминьдан, сосредотачивая все большую власть с своих руках, организовывал карательные походы против коммунистов. Силы Гоминьдана захватывали все больше советских территорий. За период с 1931 года до начала 1934 года количество советских районов сократилось, однако некоторые из них расширили свою территорию. К осени 1933 года Китайская Красная армия успешно отбила четыре карательных похода армии Гоминьдана против советских районов.

В октябре 1934 года группировка Китайской Красной армии, оборонявшая Центральный советский район, вынуждена была оставить его и начать свой Великий поход (1934—1935). В ходе Великого похода обнаружились противоречия между китайскими коммунистами и Коминтерном. Коминтерн терял контроль над КПК, а Мао Цзэдун и Чжу Дэ становились всё более самостоятельными. В период с осени 1935 года по осень 1936 года уцелевшие отряды Красной Армии сосредоточились в районе на стыке провинций Шэньси и Ганьсу, который после завершения Великого похода оставался единственным советским районом.

В период японской агрессии в Китае (1937-1945 гг.) коммунисты и гоминьдановцы с целью борьбы с общим врагом создали так называемый «второй единый фронт». То есть нападение милитаристской Японии на Китай вызвало перегруппировку сил в стране и сделало вопрос национального спасения главным вопросом политической жизни Китая. КПК, исходя из решений 7-го конгресса Коминтерна, предприняла усилия для сплочения в единый антияпонский фронт всех патриотических сил страны на базе сотрудничества КПК и Гоминьдана. Новая тактика китайских коммунистов предусматривала временный союз с Гоминьданом и сосредоточение основных сил партии и рабочего класса на борьбе против японских оккупантов.

В результате переговоров между представителями Гоминьдана и КПК был издан приказ о переименовании главных сил Красной армии, находившихся тогда на северо-западе страны, в 8-ю национально-революционную армию Китая (в соответствии с нумерацией вой-

▲ Японская оккупация Китая

▲ Чжу Дэ

▲ Пэн Дэхуай

сковых соединений, сражавшихся на фронте, она впоследствии стала называться 18-й армейской группой 2-го военного района). Командующим армией был назначен Чжу Дэ, его заместителем — Пэн Дэхуай, начальником штаба — Е Цзяньин, начальником политуправления — Жэнь Биши. В 8-ю армию вошли три дивизии: 115-я (войска бывшего 1-го фронта и 15-й полк Красной армии) — командир Линь Бяо, заместитель Не Жунчжэнь: 120-я (2-й фронт) — командир Хэ Лун, заместитель Сяо Кэй: 129-я (бывшие войска 4-го фронта) — командир Лю Бочэн, заместитель Сюй Сянцянь. После реорганизации 8-я армия, численность которой была определена в 45 тыс. человек, выступила на фронт в провинцию Шаньси. Семь охранных полков, военно-политическая академия, высшая партийная школа остались в Шэньси. Однако армии практически не подчинялись командованию Национально-революционной армии и вели боевые действия против японцев самостоятельно.

С самого начала антияпонской войны в Китае сложилось два фронта борьбы, резко отличавшихся по характеру, стратегии и тактике: партизанский фронт в тылу врага, руководимый коммунистами, и фронт регулярных войск во главе с Национальным правительством Китая. Гоминьдановские армии применяли тактику фронтальной обороны, сдерживая натиск основных сил японских войск, иногда нанося им контрудары. Войска, руководимые КПК, вопреки указаниям Мао Цзэдуна активно сражались с гарнизонами врага, наносили удары по его коммуникациям, поднимали на борьбу население, расширяя свои базы.

За 8 лет боевых действий численность КПК увеличилось с 40 тыс. членов до 1 200 000 человек, а численность военных формирований партии увеличилась с 30 тыс. человек до 1 миллиона.

Разгром германского фашизма и японского милитаризма во II мировой войне 1939-1945 гг. при решающей роли Советского Союза, вступление ряда стран Европы и Азии на путь социализма в корне изменили соотношение сил на мировой арене в пользу демократии и социализма. Это создало благоприятные условия для победы народно-демократической революции в Китае. На китайской земле сложилось два государства. Одно — контролируемое гоминьдановским правительством, другое — руководимое Коммунистической партией Китая. Перешедшие в наступление гоминьдановские войска взяли в марте 1947 года даже город Яньань, где располагался ЦК КПК и главный штаб НОАК. Но это был временный успех. В июле НОАК перешла в контрнаступление.

Героическая борьба китайского народа против чанкайшистской клики и её покровителей — американских империалистов вызывала сочувствие и поддержку Советского Союза. СССР передал китайским коммунистам трофейное оружие и боевую технику разгромленной Квантунской японской армии советскими войсками в августе 1945 года в Северо-Восточном Китае. Москва настойчиво боролась против вмешательства США во внутренние дела Китая, требовала вывода американских войск из Китая. Позиция СССР не давала возможности США расширить интервенцию в Китае.

▲ Площаль Тяньяньмэнь

5 декабря 1947 года 4-я армия и две группы войск Северного Китая перешли в наступление на фронте протяжённостью 800 км. Целью операции было овладение Калганом (Чжанцзякоу) — центром провинции Чахар, Тяньцзинем — крупнейшим экономическим центром и портом, также овладение Пекином. После ряда успешных операций, 31 января 1949 года Народно-Освободительная Армия без боя вступила в Пекин. 21 апреля части НОАК форсировали Янцзы, взяв Нанкин два дня спустя. 27 мая был взят Шанхай. 1 октября в Пекине была провозглашена Китайская Народная Республика. 14 октября был взят и Гуанчжоу. Основные боевые действия завершились с высадкой китайских красноармейцев на острове Хайнань и полное овладение им с помощью местных партизан весной 1950 года. Под контролем коммунистов оказался континентальный Китай и остров Хайнань, под властью Гоминьдана остались острова Тайвань, Пэнху (в Тайваньском проливе) и группа островов (Цзиньмэнь и Мацзу), относящихся к провинции Фуцзянь.

Многолетняя революционная борьба китайского народа против иностранных и китайских угнетателей завершилась победой. Это явилось существенным вкладом китайского народа в борьбу за ускорение исторического прогресса и продвижение вперед к победе социализма.

***

1 июля 2021 года в день 100-летнего юбилея основания Коммунистической партии Китая состоялся многотысячный митинг на центральной пекинской площади Тяньаньмэнь.

Руководство страны и 70 тысяч гостей, представляющих все национальности и слои общества Китая разместились на своих местах, после чего над площадью пролетели истребители и вертолеты, образовав в небе число «100» и «71» (в октябре этого года КНР отметит 72-ю годовщину основания). Премьер Госсовета КНР Ли Кэцян объявил торжественное собрание открытым, после чего почетный караул вынес на площадь Государственный флаг Китайской Народной Республики под гром 100 пушечных залпов, состоялась церемония поднятия флага. Прозвучал Гимн Китайской Народной Республики.

Председатель КНР, Генеральный секретарь ЦК КПК, председатель Центрального военного совета, Верховный Главнокомандующий товарищ Си Цзиньпин с трибуны, расположенной на стене Запретного города, обратился к собравшимся с речью.

«Сегодняшний день является очень важным и торжественным моментом как в истории Коммунистической партии Китая, так и в истории китайской нации. Здесь, на торжественном собрании, мы вместе со всеми партийными товарищами и многонациональным народом Китая отмечаем столетний юбилей со дня основания Коммунистической партии Китая, вспоминая славный путь борьбы, пройденный ею на протяжении ста лет, устремляя взор в светлое будущее дела великого возрождения китайской нации.

Прежде всего разрешите от имени ЦК КПК горячо поздравить с праздником всех членов Коммунистической партии Китая!

Позвольте мне с этой трибуны от имени партии и народа торжественно провозгласить: благодаря неустанным усилиям всех партийных товарищей и многонационального народа Китая мы добились цели, приуроченной к столетию Коммуни-

стической партии Китая. На китайской земле было полностью построено среднезажиточное общество, раз и навсегда был положен конец абсолютной бедности. Мы, преисполненные небывалого энтузиазма, продвигаемся вперед к цели полного построения модернизированной социалистической державы, намеченной к столетию КНР. Это великая слава китайской нации! Это великая слава китайского народа! Это великая слава Коммунистической партии Китая!

Китайская нация — одна из великих наций в мире, история ее цивилизации насчитывает более пяти тысяч лет. Китайская нация внесла немеркнущий вклад в развитие человеческой цивилизации. После Опиумной войны 1840 года Китай постепенно превратился в полуколониальное и полуфеодальное государство. Китай попал в унизительное положение, а его народ перенес тяжелые страдания. Китайская цивилизация лишилась возможности развиваться, китайская нация пережила невиданные ранее бедствия. С того времени великое возрождение китайской нации стало самой великой мечтой китайского народа и китайской нации.

Во имя спасения нации от гибели китайский народ смело поднялся на сопротивление, самоотверженные борцы и высокоидейные патриоты без устали призывали к борьбе, одно за другим следовали движение тайпинов, реформы 1898 года, движение ихэтуаней и революция 1911 года, предпринимались различные попытки спасения Родины, но все они закончились поражением. Китаю насущно необходима новая идеология для руководства движением за спасение Родины, настоятельно необходима новая организация для объединения революционных сил.

Орудийные залпы Октябрьской революции донесли до Китая марксизм-ленинизм. Наряду с великим пробуждением китайского народа и китайской нации, в процессе соединения марксизма-ленинизма с китайским рабочим движением родилась Коммунистическая партия Китая. Рождение в Китае Коммунистической партии — это великое эпохальное событие, которое кардинально изменило направление и ход развития китайской нации с периода новой истории, коренным образом изменило перспективы и судьбу китайского народа и китайской нации, существенно изменило тенденцию развития мира и мироустройство.

Со дня своего рождения Коммунистическая партия Китая рассматривала борьбу за счастье китайского народа и возрождение китайской нации как свою изначальную цель и миссию. На протяжении ста лет вся борьба Коммунистической партии Китая, которая сплачивала и вела за собой китайский народ, все жертвы, на которые она пошла, и все ее начинания были направлены на достижение одной цели — великого возрождения китайской нации.

Во имя великого возрождения китайской нации Коммунистическая партия Китая, сплачивая и ведя за собой китайский народ, стойко и упорно сражалась в кровопролитных боях, добилась великих успехов в новодемократической революции. В результате Северного похода, Аграрной революционной войны, войны Сопротивления японским за-

▲ Си Цзиньпин

хватчикам и Освободительной войны путем борьбы вооруженной революции против вооруженной контрреволюции нам удалось свергнуть три большие горы — империализм, феодализм и бюрократический капитализм, создать Китайскую Народную Республику, хозяином которой стал народ, добиться национальной независимости и народного освобождения. Победа новодемократической революции положила окончательный конец истории полуфеодального и полуколониального старого Китая и полному беспорядку в старом Китае, были окончательно аннулированы неравноправные договоры, навязанные Китаю державами тех времен, и все привилегии империализма в Китае. Это создало базовые социальные условия для осуществления великого возрождения китайской нации. Коммунистическая партия Китая и китайский народ своей мужественной и упорной борьбой торжественно объявили миру: китайский народ встал во весь рост, а те времена, когда китайская нация подвергалась произвольным притеснениям и унижениям, безвозвратно ушли в прошлое.

Во имя великого возрождения китайской нации Коммунистическая партия Китая, сплачивая и ведя за собой китайский народ в самоотверженной борьбе за могущество Родины, опираясь на собственные силы, добилась великих успехов в деле социалистической революции и строительства. Путем осуществления социалистической революции нам удалось ликвидировать систему феодальной эксплуатации и гнета, просуществовавшую в Китае несколько тысячелетий, создать основные системы социализма. В процессе продвижения социалистического строительства нам удалось пресечь диверсионно-подрывную деятельность и вооруженные провокации со стороны империализма и гегемонизма, осуществить самые широкие и самые глубокие в истории китайской нации социальные преобразования, совершить великий скачок, благодаря которому крайне бедная страна на Востоке мира с ее многочисленным населением широкой поступью вышла на путь развития социалистического общества. Все это послужило коренной политической предпосылкой и институциональным фундаментом для осуществления великого возрождения китайской нации. Коммунистическая партия Китая и китайский народ своей мужественной и упорной борьбой торжественно объявили миру: Китайский народ способен не только разрушить старый мир, но и построить новый, только социализм является для Китая спасением и только социализм позволит Китаю успешно развиваться!

Во имя великого возрождения китайской нации Коммунистическая партия Китая, сплачивая и ведя за собой китайский народ, раскрепощала сознание, твердо стремилась вперед, добилась великих успехов в деле реформ, открытости и социалистической модернизации. Совершив великий перелом с момента основания Нового Китая, имеющий далеко идущее значение в истории КПК, мы определили основную линию партии на начальной стадии социализма. Неизменно продвигая вперед политику реформ и открытости, мы успешно преодолели различные риски и вызовы, положили начало социализму с китайской

▲ 100 лет КПК

▲ Здание в Шанхае, в котором проходил 1-й съезд КПК

спецификой, упорно его отстаивали, защищали и развивали. Мы совершили исторический переход от высокоцентрализованной системы плановой экономики к жизнеспособной системе социалистической рыночной экономики, от частичной либо полной замкнутости к всеобъемлющей открытости. Мы достигли исторического прорыва, покончив с относительной отсталостью развития производительных сил, вышли на второе место в мире по общему объему экономики. Мы осуществили исторический скачок, преодолев дефицит одежды и продовольствия в народной жизни, перешли к достижению в целом средней зажиточности и полному построению среднезажиточного общества. Все это позволило создать полные новых жизненных сил системы, гарантирующие осуществление великого возрождения китайской нации, а также материальные условия для динамичного развития. Коммунистическая партия Китая и китайский народ своей мужественной и упорной борьбой торжественно объявили миру: реформы и открытость — это ключевой шаг, который определяет перспективы и судьбу современного Китая и позволяет ему широкой поступью догонять эпоху!

Во имя великого возрождения китайской нации Коммунистическая партия Китая, сплачивая и ведя за собой китайский народ, будучи уверенной в своих силах и неустанно устремленной вперед, на основе сохранения традиционных устоев и развития инновационной деятельности, скоординировала усилия по осуществлению великой борьбы, великой программы, великого дела и великой мечты, добилась великих успехов в деле социализма с китайской спецификой в новую эпоху. Со времени проведения XVIII съезда КПК социализм с китайской спецификой вступил в новую эпоху, мы, отстаивая и усиливая всестороннее партийное руководство, на основе единого планирования реализовывали общую схему пятиединого строительства, согласованно осуществляли четырехаспектную всестороннюю стратегическую концепцию. Мы неизменно отстаивали и совершенствовали социалистический строй с китайской спецификой, стимулировали модернизацию системы и потенциала государственного управления. В соответствии с принципом управления партией по внутрипартийным нормативным актам мы создали относительно совершенную систему внутрипартийных правовых норм. Мы преодолели ряд серьезных рисков и вызовов, осуществили цель, приуроченную к столетнему юбилею КПК, четко наметили стратегический план по осуществлению цели, запланированной к столетию КНР. В деле партии и государства были достигнуты исторические успехи и совершены исторические преобразования. Все это предоставило более совершенные институциональные гарантии, более прочную материальную основу и бо-

▲ Чжоу Эньлай

▲ Лю Бочэн

лее активную духовную силу для осуществления великого возрождения китайской нации. Коммунистическая партия Китая и китайский народ своей мужественной и упорной борьбой торжественно объявили миру: китайская нация совершила великий скачок — встала на ноги, стала жить лучшей жизнью и превращается в сильную и могучую нацию, осуществление великого возрождения китайской нации стало необратимым ходом истории!

За истекшее столетие Коммунистическая партия Китая, сплачивая и ведя за собой китайский народ, проявила «беззаветную самоотверженность ради великих идеалов и бесстрашную доблесть в построении нового мира», вписала величайшую эпопею в многотысячелетнюю историю китайской нации. Великий путь, проложенный на протяжении этого столетия, великое дело, созданное за этот период, и великие достижения, полученные в течение ста лет, непременно останутся в анналах истории развития китайской нации и истории человеческой цивилизации.

Сто лет тому назад китайские коммунисты-первопроходцы основали Коммунистическую партию Китая, сформировали великий дух основания КПК — приверженность истине и идеалам, следование изначальной цели и выполнение возложенной миссии, готовность к самопожертвованию и героической борьбе, преданность партии и стремление оправдать ожидания народа. Это источник духовной силы Коммунистической партии Китая.

На протяжении ста лет Коммунистическая партия Китая развивала великий дух основания партии, в процессе длительной борьбы создала систему духовных ценностей китайских коммунистов, выработала яркие политические качества. История безостановочно движется вперед, а духовные ценности передаются из поколения в поколение. Мы должны продолжать развивать славные традиции, наследовать революционную кровь, неизменно наследовать и развивать великий дух основания КПК!

Все успехи, достигнутые нами на протяжении ста лет, — это результат сплоченной борьбы китайских коммунистов, китайского народа и китайской нации. Китайские коммунисты, главными представителями которых являются товарищи Мао Цзэдун, Дэн Сяопин, Цзян Цзэминь и Ху Цзиньтао, ради великого возрождения китайской нации совершили величайшие заслуги, которые достойны войти в анналы истории! Мы выражаем им высочайшее уважение!

В настоящий момент мы глубоко чтим память товарищей Мао Цзэдуна, Чжоу Эньлая, Лю Шаоци, Чжу Дэ, Дэн Сяопина, Чэнь Юня и других революционеров старшего поколения, которые внесли важный вклад в дело китайской революции, строительства и реформ, в создание, укрепление и развитие Компартии Китая; глубоко чтим память павших героев революции, отдавших свою жизнь ради образования, защиты и строительства Нового Китая; глубоко чтим

память павших революционеров, самоотверженно посвятивших себя делу реформ, открытости и социалистической модернизации; глубоко чтим память высокоидейных и благородных патриотов, которые боролись за национальную независимость и народное освобождение со времени периода новой истории. Их величайшие подвиги во имя Родины и нации навечно вошли в историю! Их благородный дух навсегда останется в сердце народа!

Народ — творец истории, подлинный герой. Я хотел бы от имени ЦК КПК выразить глубокое уважение широким слоям рабочих, крестьян, интеллигенции, всем демократическим партиям и беспартийным деятелям, народным организациям и патриотически настроенным деятелям различных кругов, командирам и бойцам НОАК, офицерам и солдатам войск вооруженной милиции, сотрудникам органов общественной безопасности, командирам и бойцам пожарно-спасательных частей, всем социалистическим трудящимся, а также всем участникам единого фронта! Передать искренний привет соотечественникам из Сянганского и Аомэньского особых административных районов, тайваньским и зарубежным соотечественникам! От всего сердца выразить признательность народам и друзьям из разных стран мира, которые поддерживают дружественные отношения с китайским народом, оказывают внимание и поддержку делу китайской революции, строительства и реформ!

▲ Лю Шаоци

Наметить изначальную цель легко, но довести ее до конца сложно. Уроки прошлого помогают познать закономерность спадов и подъемов. Мы должны на основе обобщения исторического опыта постигать реальность и заглядывать в далекое будущее. Оценивая столетнюю борьбу Коммунистической партии Китая, мы должны ясно понять, в чем кроется наш успех в прошлом, и что может гарантировать наш успех в будущем. Таким образом, в новом походе мы будем более твердо и сознательно помнить изначальную цель и возложенную на нас миссию, создавать более светлое будущее.

Извлекая уроки из истории, открывая будущее, необходимо придерживаться твердого руководства со стороны КПК. Успех дела Китая коренным образом зависит от нашей партии. Более чем 180-летняя история китайской нации с периода новой истории, 100-летняя история Коммунистической партии Китая и более чем 70-летняя история Китайской Народной Республики полностью подтверждают, что без Коммунистической партии не было бы Нового Китая, не могло бы быть и речи о великом возрождении китайской нации. История и народ выбрали Компартию Китая. Руководство со стороны КПК — это самая сущностная особенность социализма с китайской спецификой, это наиважнейшее преимущество социалистического строя с китайской спецификой, это основа и жизненная артерия партии и государства, от него зависят интересы и судьба всех народов страны.

В новом походе мы должны отстаивать всестороннее руководство со стороны КПК, непрерывно совер-

шенствовать партийное руководство, усиливать политическое сознание, сознание интересов целого, сознание ядра и сознание равнения, укреплять уверенность в нашем собственном пути, теории, строе и культуре социализма с китайской спецификой, решительно отстаивать статус генерального секретаря как руководящего ядра ЦК КПК и партии в целом, защищать авторитет ЦК КПК и поддерживать его единое централизованное руководство. Ни на минуту не забывать о коренных интересах государства, постоянно повышать у партии уровень государственного управления на научной, демократической и правовой основе, в полной мере выявлять роль партии как руководящего ядра, владеющего обстановкой в целом и координирующего деятельность всех сторон!

Извлекая уроки из истории, открывая будущее, необходимо сплачивать китайский народ и вести его за собой в неустанной борьбе за прекрасную жизнь. Страна — это народ, народ — это страна. Завоевание и защита государственной власти есть не что иное, как завоевание сердца народа. Компартия Китая глубоко укоренилась в народе, она кровно связана с ним и черпает из него свои силы. КПК всегда представляет коренные интересы самых широких слоев народа, разделяет с ним радость и печаль и живет с ним одной судьбой. У партии нет собственных особых интересов, она никогда не представляла интересы каких-нибудь групп по интересам, правящих кругов и привилегированных сословий. Любые попытки оторвать КПК от китайского народа и противопоставлять их друг другу непременно будут обречены на провал! С этим не согласятся более 95 млн китайских коммунистов, не согласится также китайский народ, насчитывающий более 1,4 млрд человек!

В новом походе мы должны творить историю, прочно опираясь на народ, неизменно придерживаться беззаветного служения народу как коренного предназначения партии, твердо стоять на позиции народа, претворять в жизнь партийную линию масс, уважать творческую инициативу народа, следовать концепции развития, ставящей в центр внимания народ. Необходимо развивать всеобъемлющую народную демократию, защищать социальное равенство и справедливость, прилагать особые усилия для решения проблемы неравномерности и неполноты развития, для решения актуальных и сложных проблем, которые наиболее беспокоят народные массы и решения которых с нетерпением ждет народ, содействуя достижению более заметных и существенных сдвигов во всестороннем развитии личности и в осуществлении всеобщей зажиточности населения!

Извлекая уроки из истории, открывая будущее, необходимо продолжать продвигать китаизацию марксизма. Марксизм — это коренная руководящая идеология партии и государства, это душа и знамя КПК. Неизменно следуя основным положениям марксизма, придерживаясь реалистического подхода к делу, ис-

▲ Мао и Сталин 1949 г.

▲ Мао и Дэн Сяопин

ходя из реалий Китая, Коммунистическая партия Китая четко разбирается в общих тенденциях развития эпохи, удерживает историческую инициативу, проводит нелегкие поиски, непрерывно способствует китаизации и осовремениванию марксизма, ведет китайский народ к последовательному продвижению великих социальных преобразований. Успех КПК и преимущества социализма с китайской спецификой в конечном счете кроются в эффективном применении марксизма!

В новом походе мы должны, непоколебимо придерживаясь марксизма-ленинизма, идей Мао Цзэдуна, теории Дэн Сяопина, важных идей тройного представительства и научной концепции развития, всесторонне претворять в жизнь идеи о социализме с китайской спецификой новой эпохи, продолжать сочетать основные положения марксизма с конкретной реальностью Китая, с превосходной традиционной китайской культурой, под марксистским углом зрения наблюдать за эпохой, понимать ее характерные черты и направлять тенденции ее развития, продолжать развивать современный китайский марксизм и марксизм XXI века!

Извлекая уроки из истории, открывая будущее, необходимо продолжать сохранять и развивать социализм с китайской спецификой. Следование своему пути — это исходная точка всей партийной теории и практики, более того, это исторический вывод, сделанный партией в ходе своей столетней борьбы. Социализм с китайской спецификой — это коренное достижение партии и народа, перенесших бесчисленные трудности и выплативших за него колоссальную цену, это верный путь осуществления великого возрождения китайской нации. На основе продолжения и развития социализма с китайской спецификой, содействия скоординированному развитию материальной, политической, духовной культуры, а также цивилизованности общества и экологической цивилизации, мы сформировали новую китайскую модель модернизации и создали новую форму человеческой цивилизации.

В новом походе мы должны придерживаться основной теории, основной линии и основной стратегии партии, на основе единого планирования продвигать реализацию общей схемы пятиединого строительства, согласованно осуществлять четырехаспектную всестороннюю стратегическую концепцию. Необходимо всесторонне углублять реформы и открытость, исходя из условий нового этапа развития, полно, точно и всесторонне претворять в жизнь новую концепцию развития, формировать новую архитектонику развития, содействовать высококачест-

венному развитию, способствовать укреплению собственного потенциала в области науки и техники. Необходимо гарантировать народу положение хозяина страны, неуклонно придерживаться принципа верховенства закона в государственном управлении, неуклонно претворять в жизнь систему основных ценностей социализма, последовательно обеспечивать и улучшать жизнь населения в ходе развития, поддерживать гармоничное сосуществование человека и природы, согласованно содействовать повышению благосостояния населения, достижению могущества страны и созданию прекрасного Китая.

Более чем за пятитысячелетнюю историю развития китайская нация создала свою великолепную цивилизацию. Коммунистическая партия Китая имеет 100-летнюю практику борьбы, накопила более чем 70-летний опыт в области управления государством и подъема страны. Мы активно изучаем и заимствуем все полезные достижения человеческой цивилизации, приветствуем все полезные предложения и доброжелательную критику, но никак не принимаем никаких поучений от всяких самонадеянных умников! Коммунистическая партия Китая и китайский народ будут шагать вперед с гордо поднятой головой по выбранному ими самими пути, крепко удерживать в своих руках судьбу Китая для дальнейшего развития и прогресса!

Извлекая уроки из истории, открывая будущее, необходимо ускорять модернизацию национальной обороны и армии. Для создания могущественного государства необходимо укреплять армию, только могучая армия сможет обеспечить спокойствие в стране. Отстаивание принципа «партия командует винтовкой» и создание собственной народной армии — это неоспоримая истина, которую постигла КПК в результате суровой, жестокой борьбы. Народная армия, совершившая бессмертные подвиги во имя партии и народа, является прочной опорой, защищающей красную власть и национальное достоинство, а также мощной силой обеспечения мира в регионе и во всем мире.

В новом походе мы должны целиком и полностью претворять в жизнь идеи партии об укреплении армии в новую эпоху, осуществлять военно-стратегический курс новой эпохи, неуклонно сохранять абсолютное руководство народной армией со стороны КПК, неизменно идти по пути укрепления армии с китайской спецификой, всесторонне вести политическое строительство армии, наращивать военную мощь посредством реформ, опираясь на научно-технологические достижения и на высокопрофессиональные кадры, осуществлять управление армией в соответствии с законом, чтобы превратить народную армию в вооруженные силы мирового уровня и обладать более значительным потенциалом и более надежными средствами в области защиты государственного суверенитета, безопасности и интересов развития Китая.

▲ Пекин Руководство страны

▲ Флаг Китайской Советской республики в Цзянси

Извлекая уроки из истории, открывая будущее, необходимо прилагать неустанные усилия к формированию сообщества единой судьбы человечества. Мир, согласие и гармония — это концепции, к реализации которых китайская нация неустанно стремится и которые она наследует на протяжении более чем пяти тысячелетий. В крови китайской нации нет генов захватчиков и гегемонов. Коммунистическая партия Китая заботится о будущем и судьбе человечества, рука об руку движется вперед со всеми прогрессивными силами мира. Китай будет неизменно содействовать миру во всем мире, вносить свой вклад в глобальное развитие и защищать международный порядок.

В новом походе мы должны, высоко неся знамя мира, развития, сотрудничества и всеобщего выигрыша, проводить самостоятельную и независимую мирную внешнюю политику, неизменно следовать по пути мирного развития, способствовать построению нового типа международных отношений, продвигать создание сообщества единой судьбы человечества, содействовать высококачественному развитию в рамках инициативы «Один пояс и один путь», предоставлять миру новые возможности за счет новых достижений развития Китая. Вместе со всеми миролюбивыми странами и народами Коммунистическая партия Китая будет продолжать развивать общие ценности всего человечества — мир, развитие, равенство, справедливость, демократию и свободу. КПК будет продолжать развивать сотрудничество, не занимаясь конфронтацией; расширять открытость, не проводя политику самоизоляции; твердо стоять на позиции взаимной выгоды и обоюдного выигрыша, отказываясь от мышления игры с нулевой суммой; выступать против гегемонизма и политики силы, продвигая колесо истории вперед к светлым целям!

Китайский народ — это народ, который стремится к справедливости и не поддается насилию, а китайская нация — это нация, которая обладает сильным чувством национальной гордости и уверенности. Китайский народ никогда не третировал, не угнетал и не порабощал народы других стран в прошлом, не делает так в настоящее время, не будет так делать и в будущем. В то же время китайский народ ни в коем случае не позволит никаким внешним силам третировать, угнетать и порабощать себя. Тот, кто попытается это сделать, непременно потерпит полный провал перед стальной Великой стеной, возведенной из своей плоти китайским народом, насчитывающим свыше 1,4 млрд человек.

Извлекая уроки из истории, открывая будущее, необходимо вести великую борьбу, имеющую множество новых исторических особенностей. Решимость бороться и решимость побеждать — это могучая и непобедимая духовная сила КПК. Для осуществления великой мечты необходимо вести упорную и неустанную борьбу. Сегодня мы как никогда ранее за всю историю близки к осуществлению нашей цели — великого возрождения китайской нации, и как никогда ранее уверены в своих возможностях реализовать эту цель. В то же время мы должны быть готовы приложить еще более упорные и напряженные усилия.

В новом походе мы должны повышать бдительность против возможных угроз и опасностей и заблаговременно принимать меры предосторожности. Претворяя в жизнь всеобъемлющую концепцию национальной безопасности, мы должны координировать работу в сфере развития и безопасности, комплексно учитывать общую стратегию великого возрождения китайской нации и невиданные за последние сто лет значительные изменения в мире. Необходимо в полной мере понимать новые особенности и новые требования, возникшие в связи с изменением основного противоречия китайского общества, глубоко осознавать новые противоречия и новые вызовы, связанные со сложной международной обстановкой. Необходимо смело вести борьбу, совершенствовать умения и навыки ведения борьбы, как говорится, «встретившись с горой, прокладывать дорогу; встретившись с рекой, возводить мост», смело преодолевать всевозможные риски и вызовы.

Извлекая уроки из истории, открывая будущее, необходимо содействовать великому сплочению сынов и дочерей китайской нации. В ходе столетней борьбы Коммунистическая партия Китая всегда ставит единый фронт на важное место, непрерывно укрепляет и развивает широчайший единый фронт, сплачивает все

силы, которые можно сплотить, и мобилизует все позитивные факторы, которые можно мобилизовать, чтобы максимально концентрировать силы на совместной борьбе. Патриотический единый фронт — это важнейшее чудодейственное средство, которое помогает КПК в сплочении сынов и дочерей китайской нации в стране и за ее пределами для осуществления великого возрождения китайской нации.

В новом походе мы должны твердо стоять на позиции великого сплочения и великого объединения, отстаивать единство тождественности и многообразия, усиливать работу по идейно-политическому ориентированию, формировать широкий консенсус, собирать таланты со всех концов мира. Необходимо стараться найти наибольший общий делитель и очертить наибольший концентрический круг, чтобы создать такую благоприятную обстановку, при которой все сыны и дочери китайской нации в стране и за рубежом единодушно и совместными силами стремятся к достижению общей цели, и тем самым консолидировать грандиозные силы для национального возрождения!

Извлекая уроки из истории, открывая будущее, необходимо непрерывно продвигать партийное строительство как новую великую программу. Смелые революционные самопреобразования есть та яркая особенность, которая отличает КПК от всех других политических партий. Пройдя через горнило многочисленных испытаний, наша партия всегда сохраняет бурную жизненную энергию. Здесь одна из основных причин заключается в том, что мы все время придерживаемся принципов партийного самоконтроля и всестороннего устрожения внутрипартийного управления, надлежащим образом преодолеваем риски и испытания, возникающие в различные исторические периоды, стремимся к тому, чтобы в историческом процессе глубоких изменений мировой обстановки наша партия всегда шла в авангарде эпохи; в историческом процессе противостояния внутренним и внешним рискам она неизменно служила вечной надежной опорой китайского народа!

В новом походе нам необходимо крепко-накрепко усвоить истину: «чтобы ковать железо, нужно самому быть крепким», укреплять политическую сознательность в постоянном осуществлении всестороннего устрожения внутрипартийного управления. Придавая первостепенное значение партийному политическому строительству, продолжать стимулировать партийное строительство в новую эпоху как новую великую программу. Необходимо непрерывно ужесточать организационную систему партии, прилагать усилия к формированию контин-

▲ Подъем Государственного флага

гента высококачественных кадров, обладающих высокими моральными и деловыми качествами. Необходимо решительно и неуклонно продвигать работу по улучшению партийного стиля, созданию неподкупного аппарата и борьбе с коррупцией, безжалостно устранять любые факторы, приносящие вред передовому характеру и чистоте партии, уничтожать все вирусы, оказывающие разлагающее воздействие на ее здоровый организм, не допускать ее загнивания, изменения ее цвета и стиля, и стремиться к тому, чтобы она всегда была сильным руководящим ядром в историческом процессе отстаивания и развития социализма с китайской спецификой в новую эпоху!

Мы должны всесторонне и точно претворять в жизнь курс «одна страна — две системы», ориентированный на высокую степень самоуправления по принципу «Сянганом управляют сами сянганцы», «Аомэнем управляют сами аомэньцы», реализовывать полную юрисдикцию Центра над Сянганским и Аомэньским особыми административными районами, осуществлять правовые системы защиты национальной безопасности в САОР и АОАР и соответствующие механизмы их применения, охранять суверенитет, безопасность и интересы развития государства, а также социальную стабильность на обеих территориях, поддерживать долгосрочное процветание и стабильность Сянгана и Аомэня.

Решение тайваньского вопроса и полное воссоединение Родины — это историческая задача, к выполнению которой неизменно стремится Коммунистическая партия Китая, это общие чаяния всех сынов и дочерей китайской нации. Необходимо отстаивать принцип единого Китая и «Договоренности 1992 года», активизировать процесс мирного воссоединения Родины. Все сыны и дочери китайской нации, в том числе и соотечественники с обоих берегов, должны, единодушно взаимодействуя и рука об руку продвигаясь вперед, решительно пресекать любые попытки создания «независимого Тайваня», совместными усилиями открывать светлые перспективы возрождения китайской нации. Никто не должен недооценивать твердую решимость, непоколебимую волю и мощный потенциал китайского народа в защите суверенитета и территориальной целостности государства!

Будущее принадлежит молодежи, мы возлагаем на нее свои надежды. Сто лет тому назад — в те мрачные для Китая времена, группа новой молодежи, высоко держа идейный факел марксизма, упорно нащупывала путь к возрождению китайской нации. На протяжении ста лет под знаменем КПК китайская молодежь многих поколений посвятила свою молодость и силы делу партии и народа, став авангардной силой в осуществлении великого возрождения китайской нации. А в новую эпоху китайская молодежь должна брать на себя ответственность за великое возрождение китайской нации, развивать присущие китайцам высокие устремления, непоколебимую волю и твердую уверенность. Должна дорожить этой великой эпохой и золотой порой своей молодости, оправдать искренние надежды партии и народа!

Сто лет тому назад, в момент своего основания КПК насчитывала только 50 с лишним членов, а сегодня она уже стала крупнейшей в мире правящей партией более чем с 95 млн членов, которая руководит огромной страной с населением в более чем 1,4 млрд человек и обладает весомым влиянием в мире.

Сто лет тому назад китайская нация предстала перед миром как страна, находившаяся в состоянии полного упадка. А сегодня перед миром стоит нация, которая бурно развивается и неудержимыми шагами идет по пути к своему великому возрождению.

За истекшие сто лет Коммунистическая партия Китая успешно выполнила миссию, возложенную на нее историей и народом. Теперь она, сплачивая и ведя за собой китайский народ, встала на новый путь осуществления намеченной к столетию КНР цели.

Все члены Коммунистической партии Китая! ЦК партии призывает к тому, чтобы вы крепко помнили о своей изначальной цели и миссии, укрепляли свои идеалы и убеждения, реализовывали предназначение партии, всегда поддерживали кровные связи с народными массами, всегда жили с народом одними думами и вместе с ним трудились, разделяли их радости и невзгоды, продолжали прилагать неустанные усилия для реализации мечты народа о прекрасной жизни, и добивались еще большей славы во имя партии и народа!

Коммунистическая партия Китая неизменно посвящает себя вечному великому делу китайской нации. Проделав 100-летний путь развития, КПК сейчас находится в расцвете сил и энергии! Оглядываясь на прошлое и заглядывая в будущее, мы убеждены, что под твердым руководством КПК и благодаря тесному сплочению многонационального народа страны, цель полного построения модернизированной социалистической державы обязательно будет достигнута, а китайская мечта о великом возрождении китайской нации непременно сбудется!

Да здравствует великая, славная и верная Коммунистическая партия Китая!

Да здравствует великий, славный и героический китайский народ!»

***

Здесь необходимо обратить внимание на вопрос, по которому среди российских обывателей и экспертов идет многолетний спор: остается ли КНР социалистической страной или в ней произошла реставрация капитализма, как в России? Вопрос не праздный, важный для нас самих, ибо конъюнктурный ответ на него как раз и послужил почвой для «реформаторских» экспериментов над нашей страной после развала СССР, осуществленных гайдаро-чубайсовским либеральным отребьем. Следует помнить спекуляции, что, мол, Китай поднимается за счет якобы «замены социализма капитализмом, только под властью Компартии»? Многие тогда поверили, что и помогло реставраторам капитализма провернуть те асоциальные «перемены», которые

▲ Шанхай сегодня

наша страна расхлебывает до сих пор. И те, кто поверил утверждениям о «капиталистической реставрации» в Китае, просто удовлетворились примитивными объяснениями, что там-де нет как таковой социальной системы. На самом же деле: — Во-первых, сам факт достижения уровня среднего достатка уже свидетельствует о том, что социальная система, причем мощная и надежная, наличествует; более того, она — государственная, а не частная, что как раз и служит индикатором социалистического характера общественного строя. Во-вторых, надо понимать, что, в отличие от нашей страны, в Китае не было массовой приватизации, а возникший бизнес, в том числе крупный, складывался не вместо, а рядом с системой государственных и народных предприятий. И, разумеется, как при поддержке, так и под контролем государства, системным ядром которого выступает правящая Коммунистическая партия. Следовательно, ни о каком капитализме речи не идет; гораздо более адекватным является сравнение китайской политики реформ и открытости с ленинским НЭПом, главным признаком которого являлось сохранение «командных высот» в экономике за государством, а бизнесу отводилась роль, выражаясь словами Си Цзиньпина, «перераспределения ресурсов». В-третьих, уникальная по интенсивности и масштабам борьба с бедностью, проведенная в Китае в десятилетие после XVIII партсъезда, наглядно показывает именно социалистический характер экономики КНР; типологическим признаком капиталистической политики welfare state, приказавшей долго жить с распадом СССР и на самом Западе, служит адресный характер социальной помощи. В Китае же осуществлялась программа сплошного системного переустройства проблемных территорий за счет мощных центральных вложений — государственных инвестиций, тех самых, что у нас запрещаются требованиями МВФ. Именно ведущая роль государства и позволила так быстро и эффективно решить проблему бедности. Капитализму такое явно не под силу. В-четвертых, заблуждения по вопросу «социализм или капитализм?» в России во многом подпитываются, с одной стороны, дезинформацией со стороны буржуазного класса, монополизировавшего СМИ, а с другой — незнанием теоретических основ китайской модели социализма, в которой важнейшую роль играет теория новой демократии Мао Цзэдуна, прямо указывающая, что в условиях глобализации и внешней зависимости отсталых стран коммунисты выстраивают не только социалистический, но и национально-освободительный альянс с участием разных классов, в том числе национально ориентированной буржуазии, интересы которой подавляются глобализмом и ему противоречат. Поэтому спекулировать на китайском «капитализме» у нас могут либо недалекие и малообразованные люди, либо те, кто распространяют эту ложь в собственных классовых интересах.

Нужно внимательно изучить китайский исторический опыт. Ибо это опыт страны и народа, тесно переплетенных с нами историческими судьбами. И очень многое из него, определявшее нашу жизнь в прошлом, несомненно пригодится нам и в будущем.■

А.Б. МАРТИРОСЯН

СОВЕТСКАЯ РАЗВЕДКА НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

Один из известных американских публицистов, в прошлом сам профессиональный разведчик — хорошо известный историкам спецслужб Луи Фараго в свое время отмечал, что разведывательные службы оказывали и оказывают гораздо большее влияние на ход истории, чем это представляется некоторым. «За любым крупным событием, за спиной каждого государственного деятеля, причастного к этим событиям, стояли (и стоят — А.М.) разведчики, однако авторы научных хроник — то ли из-за высокомерия, то ли из чувства брезгливости — игнорируют их вклад и редко называют их имена...». Дело, конечно, не столько в высокомерии или брезгливости «авторов научных хроник», сколько в том, что разведки чрезвычайно редко афишируют свою деятельность и конкретные дела. Как правило, это происходит спустя многие и многие десятилетия, или, что чаще всего, вовсе не раскрывают суть своих операций. Обычно разведки говорят лишь о тех делах и тех операциях, а также разведчиках и агентах, о которых, помимо воли самих разведслужб, каким-то образом уже стало известно широкой общественности. Это вполне нормальная практика разведывательных служб всего мира. Однако и в этих случаях они говорят ровно столько, сколько позволяют соображения безопасности разведывательной деятельности, особенно же соображения безопасности разведчиков и агентов, особенно ценных. Так что нет ничего удивительного в том, что «авторы научных хроник» не говорят о роли разведок в тех или иных событиях. Особенно по «горячим следам». Хотя и бывают исключения.

▲ Берия Л.П.

▲ Сталин И.В.

▲ Вальтер Николаи

Иное дело, когда разведки (и вообще спецслужбы) уже официально предали гласности некоторые из своих операций, а также ранее секретную информацию, знать о которой в период ее особой актуальности имели право только считанные лица из числа высшего военно-политического руководства государства. Вот тут-то действительно непонятно, какими соображениями руководствуются «авторы научных хроник», игнорируя официальную информацию разведывательных служб. И, опять-таки, скорее всего это происходит не из-за их высокомерия или брезгливости, а вследствие простого неумения адекватно историческим реалиям оперировать раскрытой разведслужбами информацией в исторических исследованиях. Это действительно повсеместное явление, резко обедняющее эти исследования, а нередко приводящее и к ложным, а то и преднамеренно ложным выводам. Что, к слову сказать, в историографии трагедии 22 июня 1941 года буквально на каждом шагу. Одна почти полувековая склока вокруг знаменитого доклада ГРУ от 20 марта 1941 года чего стоит! Так оболгали, так зафальшивили все, что связано с этим докладом, так оклеветали ГРУ и Сталина, что трижды не приведи Господь!

Между тем, по отношению ко всем историческим исследованиям данные разведки, тем более доложенные в свое время высшему руководству государства, являют собой как бы эталонную информацию для контроля выводов в этих исследованиях. Ибо только адекватное историческим реалиям оперирование такой информацией дает шанс правильно понять те или иные действия лиц, получивших эту информацию. Выдающийся германский военный разведчик времен Первой мировой войны — полковник Вальтер Николаи — во время одного из допросов на Лубянке обронил такую фразу: «Став историком, я сохранил менталитет разведчика». Понятно, что подавляющее большинство историков пришли в эту науку не из разведки. А потому им не сохранять менталитет разведчика надо, а пытаться проникнуться этим менталитетом, дабы правильно оценивать рассекреченную информацию и не менее правильно оперировать ею. Хотя бы потому, что если говорить образно, то История — это разведка, разведывающая назад! И она обязана быть точной.

Накануне войны разведывательную деятельность вели следующие органы. Первое управление НКВД СССР, с февраля 1941 г. — НКГБ СССР, Главное Разведывательное Управление Генштаба и Разведывательное Управление Наркомата Военно-морского флота, их зарубежные резидентуры, территориальные органы госбезопасности, особенно в западных округах, разведка погранвойск, разведотделы штабов западных округов, а также Отдел международных связей Исполкома Коминтерна. Отдельные разведывательные задания выполняли также наркоматы связи и транспорта в виду имевшихся у них для этого возможностей. Кроме того, особую роль играла личная разведка Сталина.

Вопреки сложившемуся за послевоенный период едва ли не категорическому мнению о том, что-де разведка не обеспечила высшее военно-политическое руководство страны необходимой информацией, в действительности же это не так. Опираясь на громадное количество ныне рассекреченных документальных источников, а также публикаций

в открытой печати имею все основания заявить, что это не только никак не соответствует действительности, но и попросту является отпетой ложью в адрес славной советской разведки.

Вплоть до 22 июня 1941 года, преодолевая громадные трудности создания, роста и развития, массированное противодействие контрразведок стран, против которых велась разведывательная деятельность, а также различные политические издержки внутреннего порядка и т. п., советская разведка с честью и практически всегда своевременно выполняла возложенные на нее функции. Именно поэтому-то утверждение о том, что-де она с чем-то не справилась — есть ложь.

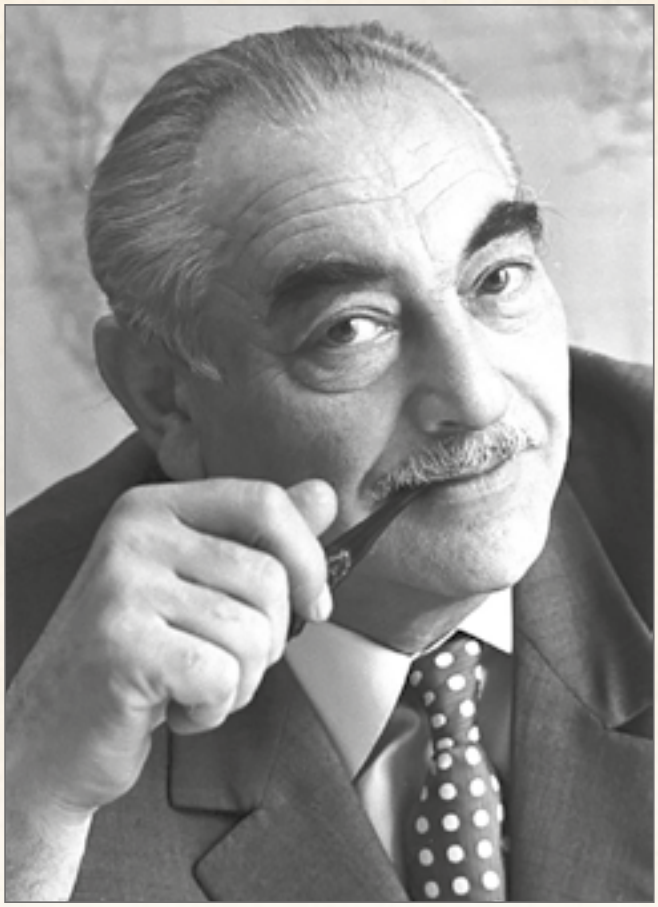
Непосредственно накануне войны советская разведка представила высшему политическому и военному руководству страны буквально все, о чем только может мечтать генеральный штаб. Заблаговременно была вскрыта подготовка гитлеровской Германии к войне против СССР, при чем задолго до того, как фюрер утвердил «План Барбаросса». Заблаговременно было начато фиксирование переброски войск вермахта на восток. Затем были установлены основные положения «Плана Барбаросса», выявлены основные группировки вермахта, направления главных ударов, боевой состав войск, включая их численность, вооружения и материально-техническое обеспечение, места их дислокации на глубину до 400 км вглубь германской территории, причем в ряде случаев вплоть до дислокации отдельных батальонов и даже рот, а также аэродромов подскока. Были выявлены также не только стратегический замысел, но и тактические приемы его реализации и многое другое. Естественно, добывались самые актуальные данные о вооружениях гитлеровской Германии, об экономике рейха, особенно военной. Были добыты даже данные о намеченной гитлеровскими варварами трагической судьбе советских военнопленных. Параллельно непрерывным потоком шла актуальная информация о позиции западных держав в связи с неизбежным нападением Германии, из которой специфическими методами разведывательного анализа вычленялось достоверное зерно.

Возможно, покажется слишком залихватским утверждение о том, что для советской разведки не было практически никаких секретов в подготовке гитлеровской агрессии. Однако такое мое заявление обосновано тем громадным объемом официально рассекреченной информации, прежде всего документальной, которой я располагаю. И потому смело могу утверждать подобное. Более того. Учитывая, что в последние лет двадцать развилась не очень хорошая привычка посыпать голову пеплом, что-де, не все вот выявили, потому и такая трагедия, да еще и репрессии сыграли свою роль, хочу со всей определенностью сказать следующее. Ни гражданским, ни тем более, военным историкам, особенно же бывшим разведчикам не было, нет, и быть не может ни малейшего основания утверждать подобное. Советской разведке не в чем себя винить. То, что она сделала перед войной — это просто фантастический подвиг этих скромных и неизвестных для остальных людей. И нечего принижать и тем более оскорблять их подвиг. Какая еще разведка в мире располагала агентурой на самом высшем уровне нацистской верхушки. Геринг был обложен агентурой. Гиммлер был обложен агентурой, Гесс был обложен агентурой, Риббентроп был обложен агентурой. И даже Гитлеру не удалось уберечься от всевидящего сталинского ока. Я уж не говорю о фантастических агентурных позициях советской разведки в США, Великобритании, Италии, Франции и других странах. Что же касается репрессий, то позвольте обратить ваше внимание на одно обстоятельство. Замена оперативного состава разведки стала осуществляться задолго до 1937 года. В ее основе лежали сугубо прагматические мотивы. На протяжении многих лет руководители разведок фактически ослабили конспиративность разведывательной деятельности, вовсю процветал шаблонный подход, внимание контрразведывательным аспектам разведывательной деятельности уделялось крайне незначительно, линии связи различных резидентур и агентурных групп не были изолированы друг от друга, что, естественно, подряд приводило к многочисленным серьезным провалам. А провалы, как известно, нередко ведут и к перевербовкам агентуры и разведчиков. Так что в принципе-то аресты начались отнюдь не пустом месте. Тем более что шпионаж против СССР в предвоенный период процветал таким махровым цветом, что только диву даешься. Кто только и как только не вел шпионскую работу против СССР! Почитаешь материалы того периода, и придешь в ужас.

Когда масштабы этой замены приобрели черты глобальной необратимости, то тесно повязанная с антисталинской оппозицией предыдущая «гвардия», не нашла ничего более умного, как начать строчить подлые доносы на своих же боевых товарищей. В общем-то, это было общей установкой антисталинской оппозиции — в случае арестов клеветать на ни в чем не повинных людей, дабы скрыть свою вину по принципу, чем больше посадят, тем быстрее прекратят репрессии против настоящих оппозиционеров. А иные и вовсе дали деру на Запад, в том числе и к Троцкому. А это уже приводило не только к неизбежной, по соображениям безопасности, консервации агентуры и многих агентурных линий, но и к массовым отзывам агентуры и разведчиков на Родину, где с ними уже разбирались по законам безопасности именно разведки. А они куда более жестки, чем даже тогдашнее уголовное законодательство СССР. К примеру, все хорошо знают о побегах на Запад таких предателей, как Натан Маркович Порецкий, Вальтер Кривицкий (Самуил Гершевич Гинзбург), Орлов-Фельдбин Лейба Лазаревич и некоторых других. В результате их предательства под угрозой расконспирации и ареста оказались не десятки, а сотни агентов, доверительных связей и опера-

▲ Ахмеров И.А.

▲ Бородин Норман Михайлович

тивных контактов разведки, а также разведчиков и десятки особо секретных операций разведки. Один только Кривицкий сдал британской разведке свыше 100 агентов, разведчиков и оперативных контактов советской разведки, включая даже тех, которые были задействованы в инфраструктурных сетях, то есть в системах связи. Когда доклад британской контрразведки МИ-5 о результатах опроса Кривицкого попал в Москву — спасибо великолепной «кембриджской пятерке» — то на Лубянке просто за голову схватились. И что после этого должно было делать руководство разведки и руководство страны?! Ведь даже «кембриджская пятерка» оказалась чуть ли не на грани провала. Естественно, что разбирались, и разбирались порой очень круто. И не только в смысле жестокостей. Порой из-за этого актуальной информации даже самых честных, ранее ни в чем не подозреваемых агентов не верили, потому что одним из методов разведывательной деятельности является использование выявленных агентов противника втемную как канал дезинформации. В британской разведке, к примеру, существовал отдел «ХХ», который занимался подобными делами. Слава Богу, что там был наш человек — Виктор Ротшильд, друг практически всей «кембриджской пятерки».

Я не оправдываю жестокости и суровое отношение к подобным случаям того времени. Я всего лишь пытаюсь привлечь внимание к исключительной сложности разведывательной деятельности, особенно последствий провалов, предательства и побегов. Вот еще один небольшой пример. Еще в 30-х гг. в США была сформирована прекрасная, мощная, обладавшая громадным, всепроникающим агентурным аппаратом нелегальная резидентура, которую, до осени 1939 года, возглавлял легендарный впоследствии советский разведчик-нелегал Исхак Абдулович Ахмеров. Осенью 1939 года он вместе со своим замом Норманом Бородиным был отозван в СССР. Как правило, при упоминании этой истории, едва ли не все не без удовольствия начинают тыкать в адрес Берии, что вот, мол, пришел свирепый вепрь, начал издеваться над лучшими кадрами разведки. Но никто не хочет замечать того, что из-за предательства Кривицкого нелегальная резидентура Ахмерова была поставлена на грань провала. Ведь предатель сообщил английской и американской спецслужбам ряд подробностей о тех лицах, которые использовались Ахмеровым. Более того. Опубликовал даже книгу якобы своих мемуаров. Якобы — потому, что накатал этот опус не он, а агент британской разведки Исаак Дон-Левин. Что же до Берии, то он сам был классным разведчиком, и ему ничего не оставалось делать, как отозвать Ахмерова и Бородина, а по прибытии, на время проверки,

понизить их в должности. К слову сказать, это вполне рутинная практика в подобных случаях. Когда же проверка закончилась и особенно после начала войны, Ахмеров вернулся в США, и на протяжении всей войны передавал такую уникальную информацию, что только ахаешь, когда знакомишься с ней. А заодно и гордишься таким асом. Ведь порою дело обстояло донельзя комично — о том, что он должен спланировать и предпринять, Рузвельт нередко узнавал значительно позже Сталина. Как ныне принято говорить, почувствуйте разницу! Кстати говоря, именно Ахмеров является одним из самых главных прототипов легендарного киногероя Штирлица, так как именно он обеспечил документальное разоблачение проводившейся англосаксаксами разведывательной операции «Санрайз» — об установлении сепаратного мира с гитлеровцами.

О вкладе таких агентов и разведчиков, как «Старшина», «Альта», «Ариец», «Кент», «Дора» и других, очевидно, нет нужды говорить. Об этом и так написано очень много. Лучше поговорим о малоизвестном и неизвестных. В деятельности советской разведки накануне войны особенно выделяются несколько обстоятельств.

Во-первых, советской разведке удалось добиться потрясающего успеха в своевременном разведывательно-информационном освещении генезиса «Плана Барбаросса». Информация о генезисе планов агрессии вообще является одной из самых засекреченных в мире разведок, потому как прослеживается весь интеллектуальный путь от возникновения предварительной идеи и самого замысла до разработки конкретного плана нападения. А ведь в военном деле это имеет чрезвычайное значение, так как позволяет вычислить алгоритм мышления стратегического командования противника, что впоследствии, при отражении агрессии, автоматически создает условия для Победы. Когда знаешь, как мыслит противник, причем знаешь на всю глубину его мышления, то не представляет особой трудности вычислить наиболее вероятные его действия в том или ином случае. Советская разведка, к слову сказать, дважды за период с конца 1936 по 22 июня 1941 года добывала подобную информацию. По своей сути это уникальный рекорд, который достоин занесения в Книгу Рекордов Гиннеса, потому как, откровенно говоря, не припомню в истории разведслужб что-либо подобное. В своих книгах о войне я детально показал, как это происходило.

Во-вторых, за счет оригинального маневрирования силами и средствами советской разведке удалось добиться фантастически редчайшего успеха, когда тактическая по своей природе разведка погранвойск НКВД СССР в последние три недели перед войной сыграла выдающуюся роль стратегической разведки. Именно она, разведка погранвойск, дважды смогла установить, причем документально, даты начала выдвижения войск ударных группировок вермахта на исходные для нападения позиции. Подчеркиваю, что ни одна из разведслужб, как институты системы обеспечения внешней безопасности страны, не смогла добиться такого успеха. К глубокому сожалению, в нашей исторической литературе о войне этот, без преувеличения величайший подвиг погранразведки практически никак не освещен. А то, что мне удалось собрать — мизер.

В связи с погранразведкой должен отметить еще одно важное обстоятельство. Со времен мемуаров Жукова, в нашей исторической литературе о кануне войны сложилась малопонятная «традиция» утверждать, что-де на нашу сторону перебежал только один перебежчик, и то в ночь перед нападением, да и тому якобы не поверили, и даже якобы расстреляли. В действительности же все обстояло как раз наоборот. Прежде всего, отметим, что только по тем данным, которые фигурируют в открытой литературе, есть все основания говорить как минимум о 24 перебежчиках с той стороны. Причем не все они были военнослужащими вермахта. Часть из них были польскими гражданами-патриотами, хорошо относившимися к СССР. Более того, зачастую именно эти граждане сообщали куда более ценную информацию, чем даже военнослужащие вермахта. Кстати говоря, окончательно точная дата и точное время начала выдвижения

▲ Орлов Фельдбин

▲ Порецкий Н.М.

войск ударных группировок на исходные для нападения позиции была установлена именно с их помощью. Далее. Никто их не расстреливал. Напротив, их очень подробно опрашивали, именно опрашивали, а не только допрашивали, а всю информацию немедленно сообщали в Москву. Некоторые из них были завербованы советской погранразведкой для ведения разведывательной деятельности против гитлеровцев.

В-третьих, что касается особенностей агентурной работы. В предвоенные годы сложилась уникальная традиция советской разведки — приобретать, в том числе и на вырост, так называемую, скажем по-граждански, плацдармную агентуру. Речь идет об агентах, которые занимают, если и не самый ключевой пост в объекте разведывательного проникновения, то, по крайней мере, такое положение, с позиций которого возможно постоянное информационное освещение чрезвычайно широкого круга вопросов. Наиболее характерными примерами на этот счет являются легендарная «кембриджская пятерка», которая была в состоянии осветить практически любой вопрос, связанный не только с Англией, но и с Германией, Италией, Японией, Португалией, Испанией, Венгрией, Румынией, а также странами антигитлеровской коалиции. Масштабы вклада «кембриджской пятерки» в разведывательной обеспечение безопасности СССР перед войной и во время войны просто неизмеримы. Это такое небывалое количество документальной информации, единственная мера измерения которой — гигантские чемоданы.

Военная разведка тоже осуществляла подобную деятельность. Например, перед 1 сентября 1939 г. всю информацию по вопросам германо-польских отношений, а также по сопутствующим вопросам, ГРУ получало от мощной агентурной группы, которая базировалась в германском же посольстве в Варшаве. Эта группа прекрасно знала даже то, что делает Абвер на польском направлении.

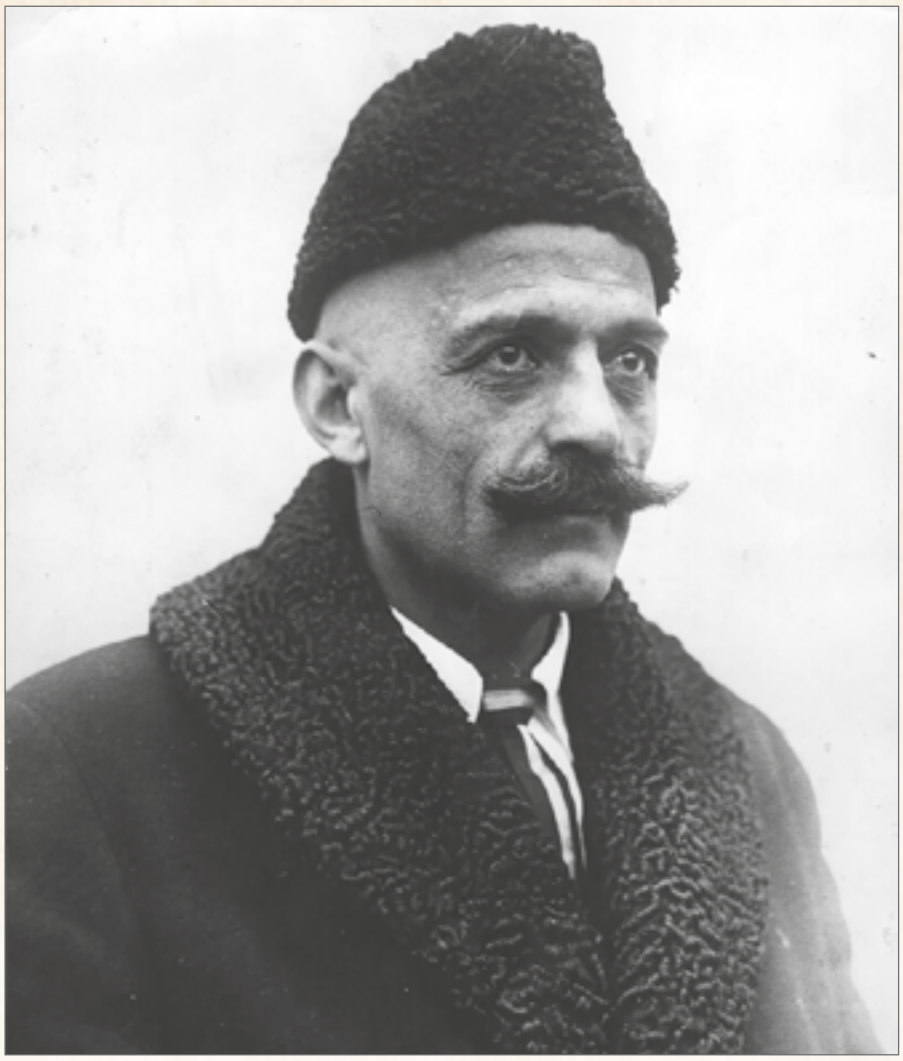
Такой же была и резидентура легендарного Рихарда Зорге, у которого в источниках и подысточниках числилось свыше ста прекрасно информированных лиц, занимавших различное положение.

В-четвёртых, что, прежде всего, касается личной разведки Сталина, хотя и остальные разведки тоже внесли немалый вклад. Личной разведке Сталина удалось выявить алгоритм геополитического и военно-геополитического мышления высшего нацистского руководства, прежде всего самого Гитлера. Это просто-таки фантастический успех, о котором практически мало что известно. Но это чрезвычайно важный успех, потому как если лидер противоборствующей стороны прекрасно осведомлен о таком уникальнейшем секрете, как алгоритм геополитического и военно-геополитического мышления руководителя страны- агрессора, то, по своей сути, владение таким секретом являет собой гарантированную основу неизбежности Победы над агрессором.

В порядке иллюстрации такого вывода позволю себе обратить Ваше внимание на едва ли широко известный факт, что подготовка, например, к Сталинградской битве была начата Сталиным еще 2 октября 1941 года! В самый тяжелый период накануне битвы под Москвой. Это стало возможным только лишь потому, что Сталин владел этим уникальным секретом, который затем был подтвержден также и соответствующей разведывательной информацией. Не говоря уже о том, что уровень компетентности Сталина в вопросах политики, геополитики, экономики и военного дела был выше всяких похвал и откровенно признавался как друзьями, так и его недругами. Уже в наше время некоторые ученые специально проанализировали отдельные работы Сталина еще начала 20-х гг. и пришли к категорическому выводу о том, что уже в то время Сталин являл собой более чем очень сильного доктора политологических наук, большого мастера политической стратегии и тактики.

Достичь упомянутого выше успеха было бы невозможно, если личная разведка Сталина не обладала бы уникальными агентурными и иными позициями в окружении нацистской верхушки. Вы только вдумайтесь, какого высочайшего полета, какого ума и таланта выдающиеся люди того времени работали на обеспечение Сталина глобальной стратегической информацией. Легендарный в мировой политике и геополитике первой половины XX века Карл Хаусхофер. На вопрос же о том, каким образом Сталин сумел найти общий язык с К. Хаусхофером и добился от него систематического направления в свой адрес строго конфиденциальных аналитических обзоров этого легендарного геополитика, могу сказать лишь одно. Начало этому, по требованию Сталина, положил небезызвестный Карл Радек, который был знаком с Хаусхофером еще с 1919 года по тайным переговорам, приведшим впоследствии к Рапалльскому договору и секретному военному сотрудничеству между РККА и Рейхсвером. Кроме того, нельзя не отметить, что не обошлось тут и без знаменитого мага Георгия Ивановича Гурджиева — одноклассника Сталина по духовной семинарии и его родственников — Меркуровых, один из которых был известным советским скульптором Сергеем Дмитриевичем Меркуровым. Однако перейдем к главному.

Именно Карл Хаусхофер сыграл одну из решающих ключевых ролей в том, что Сталин в совершенстве овладел всеми нюансами системы геополитического и военно-геополитического мышления Гитлера и его ближайших сподвижников, а также системы геополитического реагирования Запада на те или иные политические шаги фюрера. На протяжении многих лет К. Хаусхофер направлял Сталину детальные геополитические аналитические обзоры, которые составлялись на базе исключительно обширной, как правило, уже изначально глубоко аналитической, многократно проверенной по различным источникам информации, которая поступала к Хаусхоферу буквально со всего света, причем как от гражданских исследователей — журналистов, ученых, экономистов и т. д., — так и дипломатов, и раз-

▲ Гурджиев Г.И.

ведчиков. К примеру, легендарный Рихард Зорге многие свои аналитические обзоры предварительно «обкатывал» через Хаусхофера, в том числе, и в его знаменитом журнале «Геополитика».

Благодаря именно этому обстоятельству еще накануне войны Сталину удалось так разложить геополитический пасьянс, что США и Великобритания были вынуждены стать союзниками СССР в борьбе против гитлеровской Германии, хотя союзниками они были, и это надо честно признать, весьма подловатыми — Запад, что поделаешь.

Более того. В нашей исторической литературе считается высшим шиком и так и сяк лягать Сталина за Договор о ненападении от 23 августа 1939 года. Но кто бы отдал себе отчет в том, что этот филигранно-ювелирный дипломатический ход, оттянувший неизбежную войну почти на два года, был обеспечен тем, что Хаусхофер детально информировал Сталина о геополитическом образе мышления Гитлера, чем и воспользовался Иосиф Виссарионович в интересах безопасности СССР. Более того, кто бы отдал себе отчет в том, что именно с помощью Хаусхофера Сталин давно осознал высочайшую глобальную геополитическую эффективность принципиальной сути геополитического шантажа на мировой арене по Хаусхоферу. Он уже в середине 20-х гг. осознал это. Что, к слову сказать, позволило ему методично «вышивать» непробиваемый «бронежилет» для СССР в виде системы перекрещивавшихся между собой двусторонних Договоров о ненападении и нейтралитете со всеми основными государствами Западной Европы, а также соседями по периметру своих границ, особенно западных, северо-западных и южных, а затем и восточных. Так, за две недели до привода Гитлера к власти, советская военная разведка агентурным путем добыла запись беседы между командующим рейхсвером генералом Гаммерштейном и венгерским посланником в Берлине Кания, состоявшейся еще 11 декабря 1932 г. В документе, в частности, говорилось:

«Кания: Россия добилась все-таки чрезвычайных успехов своими пактами о ненападении, и ее дипломатические позиции очень укрепились.

Гаммерштейн: Следует, конечно, отличать дипломатическую мощь от мощи действительной. Все же, по моему мнению, Россия неприступна».

Тем самым безопасность СССР обеспечивалась вплоть до Мюнхенского сговора Запада с Гитлером. А когда стало ясно, что Запад не желает строить систему коллективной безопасности и тем более давать коллективный отпор грядущей агрессии, то Сталин, воспользовавшись творчески осознанными и переработанными им самим рекомендациями Хаусхофера, использовал полученные сведения в интересах Советского Союза. Ведь в основе подписания Договора о ненападении лежала уникальнейшая геополитическая формула. Ее суть в следующем: СССР с Германией, а по мере необходимости, но также в интересах собственной безопасности, и с ее основными союзниками тоже, ровно настолько, насколько западные демократии не столько не с СССР, сколько против него. Но не более того, чтобы тем самым хотя бы оттянуть, как минимум, на какое-то время фатально неминуемое столкновение с Германией, неизбежность которого предрешало постоянное и целенаправленное провоцирование Западом Германии к нападению на СССР. Если этого не знать и не учитывать, то очень трудно понять внешнюю политику Сталина в 1939-1941 гг.

Более того. Вообще едва ли известно, что именно геополитические обзоры аналитического характера, которые Хаусхофер направлял Сталину, стали одной из первопричин, опираясь на которую, Сталин, используя упомянутую выше формулу как обоюдоострый топор со «сменными топорищами», под корень срубил реальную в преддверии неминуемого столкновения с Германией угрозу трехфронтового нападения на СССР. То есть с помощью договоров о ненападении нейтрализовал и Японию, и Турцию. Они так и не посмели выступить с оружием в руках против СССР, хотя всю войну пакостили.

Еще более того. Именно аналитическая информация Хаусхофера сыграла одну из решающих ролей в том, что еще осенью 1940 года советская разведка — в данном случае НКВД СССР — начала малоизвестную операцию «Снег», суть которой сводилась к тому, чтобы заблаговременно обезопасить советский Дальний Восток от угрозы нападения Японии и повернуть вектор неизбежной японской агрессии на юг. Начинал эту операцию все тот же Ахмеров. На последнем этапе этой операции в дело включились также Рихард Зорге и его самый лучший, блестяще информированный и способный оказывать стратегическое влияние на правящие круги Японии агент Ходзуми Одзаки. Итогом стал Перл-Харбор и вступление США в войну.

А на точное знание, в том числе и нюансов системы геополитического мышления верхушки Третьего рейха и системы геополитического реагирования Запада на внешнеполитические шаги нацистского руководства Германии, отлично ложилась бесценнейшая информация из самых высших сфер гитлеровской Германии, которая поступала Сталину от выдающихся агентов нашей разведки:

От Ольги Константиновны Чеховой — выдающейся, мирового значения актрисы театра и кино в первой половине XX в., внесшей беспрецедентный вклад в Великую Победу.

Мы десятилетиями не ведали, что регулярно на стол Сталина ложились

▲ Ева Браун

спецсообщения, подписанные очаровательным женским псевдонимом «Мерлин» (на самом же деле так звали одного из прорицателей далекого прошлого), а уж о том, что за ним скрывается великая актриса, — и вовсе предположить не могли. Выдающаяся разведчица-нелегал, действовавшая под псевдонимом «Мерлин», она же Ольга Константиновна Чехова, работала на советскую разведку с 1922 по 1945 г. О масштабах ее разведывательной деятельности, объемах и особенно об уровне и качестве направлявшейся ею в Москву бесценной информации наглядно свидетельствуют следующие факты. Связь между О. К. Чеховой и Москвой поддерживали сразу три радистки в Берлине и его окрестностях. Случай беспрецедентный в мировой разведывательной практике того времени. Например, мощнейшая, использовавшая в качестве источников и подысточников информации свыше 100 иностранцев нелегальная резидентура легендарного Рихарда Зорге обслуживалась всего... одним радистом! Радистки О. К. Чеховой даже и не знали, чью информацию они передают, не говоря уж о ее содержании. Постоянное наличие в распоряжении Чеховой трех независимых друг от друга каналов радиосвязи неудивительно, ибо первоисточниками стратегически важной информации у нее были сами главари Третьего рейха — Гитлер, Геринг, Гесс, Геббельс, Кейтель, Шпеер и прочие, а также их жены и любовницы, с которыми она поддерживала тесные дружеские связи (например, «дружбу» с той же Евой Браун Ольга Чехова завела по указанию Москвы еще тогда, когда Гитлер только рассматривал ее кандидатуру на роль постоянной любовницы — в начале 30-х гг. прошлого века).

Кстати говоря, небезынтересно отметить, что проверку кандидатуры

Евы Браун Гитлер поручил малоизвестному в начале 30-х гг. Мартину Борману, будущему рейхсляйтеру и своему ближайшему помощнику. Но именно в это же самое время с ним на «короткой ноге» контактировал выдающийся советский разведчик-нелегал Борис Манойлович Афанасьев. Похоже, что именно это и послужило непосредственным импульсом, приведшим к указанию О. К. Чеховой заранее завести «дружбу» с Евой Браун. Раз уж случайно затронули Мартина Бормана, то сразу же отметим, что в советских агентах он никогда не ходил. Это совершенно беспочвенные выдумки Бориса Тартаковского, да еще и с какими-то неуместными ссылками на маршала Еременко. Уж если Тартаковский хотел на кого-то ссылаться, то, по крайней мере, не на Еременко, которого еще во время войны Сталин прозвал записным брехуном. Сама же эта идея о Мартине Бормане, как агенте советской разведки пришла к нам из США. Ее автор — Льюис Килзер, автор фантастически беспочвенной, необоснованной книги «Предавший Гитлера: Мартин Борман и падение третьего рейха». Единственный контакт Мартина Бормана с советской разведкой имел место на нейтральной почве. Упомянутый выше разведчик — нелегал Борис Манойлович Афанасьев, в бытность на нелегальной работе в Германии в начале 30-х гг. проживал в одном пансионате с Борманом и отношения дальше кружки пива и обычных разговоров за этим занятием не были развиты. Так что легенда, конечно, очень красивая, тешащая национальную гордость за нашу разведку, но всего лишь легенда.

Но вернемся к О. Чеховой. Гитлер же, что называется, души не чаял в ней и, присвоив ей специально для нее же учрежденное звание Государственной артистки Третьего рейха, приглашал ее на самые престижные мероприятия, во время которых демонстративно оказывал ей знаки высшего внимания (например, неизменно усаживал ее рядом с собой). Естественно, что Сталин едва ли не повседневно достоверно знал, что делает и что думает Гитлер, а заодно и его окружение. А в поток этой информации органически вплеталась не менее бесценная информация от субагентов лично Ольги Константиновны — старших офицеров вермахта: Альбрехта фон Квирингейма (штаб ОКВ), Вернера фон Хефтена и Эберхарда Финка (штаб ОКХ) О. К. Чехова завербовала их, когда они были еще лейтенантами. К концу войны все трое были полковниками. Первые два были казнены гестапо за участие в заговоре против Гитлера от 20 июля 1944 г. Тогда едва не пострадала и сама О. Чехова.

Колоссальную роль играла и информация, которая поступала от Марики Рёкк (урожденная Мария Керер) — выдающейся, мирового значения артистки театра, эстрады и кино в первой половине XX века. Если ориентироваться на шкалу особо ценной агентуры, то разведывательный статус Марики Рёкк фактически равен статусу О. К. Чеховой. Ибо и ее источниками информации

▲ Ольга Чехова, оперативный псевдоним Мерлин

▲ Карл Хаусхофер

▲ Мартин Борман

были все те же главари Третьего рейха (правда, она была все-таки ближе к Геббельсу). Формально Марика Рёкк принадлежала к агентурной группе советской военной разведки, носившей условное название «Крона». Ее создателем был один из самых выдающихся советских военных разведчиков XX в., легендарный Ян Черняк (к глубокому сожалению, ныне покойный). Группа была создана еще в середине 20-х гг. XX в. и действовала она около 18 лет, но ни один из ее членов не был раскрыт противником. Между тем в нее входило свыше 30 человек, большинство из которых стали видными офицерами вермахта, крупными промышленниками и дипломатами рейха. Однако насколько возможно судить по тем крохам информации, которые официально преданы гласности, эту группу курировала личная разведка Сталина. По каналам этой группы, в том числе и лично от Марики Рёкк, шла столь же бесценнейшая для советского руководства и командования информация.

В славной плеяде тех разведчиков, которые обеспечивали Сталина уникальнейшей разведывательной информацией, талантливый ученый-астролог и очень близкий к заместителю Гитлера по партии Рудольфу Гессу человек — граф Сергей Алексеевич Вронский (1915-1998) занимает особое место. Особенность разведывательного статуса С. А. Вронского проистекала из того, что он с детства блестяще владел оккультными дисциплинами — астрологией, хиромантией, магией, обладал отличными способностями к гипнозу и психотерапии, был отличным экстрасенсом-медиком. И, судя по всему, он использовался именно в этом направлении, так как был близко знаком не только с верхушкой Третьего рейха, но и поддерживал близкие дружественные отношения с личным астрологом Гитлера Карлом Эрнстом Крафтом. Как это явствует из весьма скромных описаний жизненного пути Вронского, он был занят информационным освещением наиболее скрытой от посторонних глаз части нацистского режима — его связи с оккультными силами, в том числе и связи через оккультные каналы с наиболее могущественными закулисными силами Запада. Надо сказать, что Сталина очень беспокоили эти связи. В них он усматривал наиболее серьезную угрозу безопасности СССР и, в конечном итоге, не ошибся. Ни накануне войны, ни под конец ее. Потому как именно по этим каналам в период миссии Гесса Англия гарантировала Гитлеру неоткрытие второго фронта аж до 1944 года. А в конце войны именно по этим же каналам, к которым затем подключились и разведслужбы, были инициированы тайные переговоры с нацистами об условиях сепаратного мира.

Граф был вхож, в частности, в круг членов тайного общества «Врил», создателем и главой которого являлся уже упоминавшийся выше Карл Хаусхофер, у которого, в свою очередь, были тесные контакты с одной из самых могущественных масонских лож Великобритании и вообще англосаксонского Запада — «Герметическим Орденом Золотой Зари». В тех скудных сведениях о тайной работе Вронского на Советский Союз и Сталина, которыми ныне возможно располагать, есть (правда, весьма глухие) намеки на какое-то его участие в проекте рейхсфюрера СС Гиммлера — «Аненербе» («Наследие предков»).

С. А. Вронский был одним из тех, кто в числе первых установил окончательную дату вторжения — 22 июня 1941 года. И если

исходить из его скупых слов, то это произошло где-то весной 1941 г., скорее всего, в начале весны, потому как на основании именно его астрологического прогноза Р. Гесс принял решение о полете в Англию, к которому ему еще надо было подготовиться. Гитлер же, как известно, впервые озвучил дату 22 июня только 30 апреля 1941 года. Судя по всему, Вронский, наряду с Зорге, был одним из тех разведчиков, что еще в конце 30-х гг. проинформировали Москву об угрозе нападения Германии в 1941 году. Зорге сообщил об этом в одной из январских 1937 г. телеграмм со ссылкой на своего «друга» Ойгена Отта, который, находясь в командировке в Берлине, присутствовал на каком-то совещании, где обсуждался ход выполнения ныне хорошо известного меморандума «Об экономической подготовке к войне» от 20 августа 1936 года. Собственно говоря, там и фигурировал срок четыре года от подписания документа, что чисто аналитически приводило к выводу о 1941 годе. Вронский же сообщил об этом явно весной 1938 г., так как тогда в Германии под контролем СС произошло особо секретное совещание астрологов, которое рекомендовало Гитлеру определить время нападения на СССР на 1941 г.

Кстати говоря, случай с Вронским далеко не единственный в практике использования экстрасенсов в интересах советской разведки. В составе легендарной разведгруппы Харро Шульце-Бейзена была профессиональная ясновидящая Анна Краус, внесшая неоценимый вклад в нашу Победу. Такими же способностями обладала и другой член этой же группы — Ода Шотт-Мюллер.

Разговор о роли советской разведки накануне войны будет не совсем полным, если мы не затронем один, как представляется очень важный аспект. Речь идет о знаменитом докладе ГРУ от 20 марта 1941 года. ЦАМО РФ. Оп. 14750. Д. 1. Л. 12-21. За многие десятилетия, прошедшие с того момента, когда сам факт наличия такого документа был предан гласности, вокруг него наворотили столько лжи, столько беспардонно чудовищной клеветы, что считаю своим долгом обязательно затронуть этот вопрос. Потому что всеми этими измышлениями был сформирован совершенно беспочвенный миф о том, что-де ГРУ в угоду Сталину ошиблось в определении времени нападения Германии на СССР. Отметим, что колоссальную роль в вакханалии измышлений вокруг этого документа сыграли Маршалы Советского Союза Г. К. Жуков и Ф. И. Голиков, а также доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, действительный член Академии военных наук, ныне покойный В. А. Анфилов. Пересказывать, что они натворили вокруг этого документа — тоже не буду, ибо сии их «подвиги» хорошо описаны ими же самими в их же книгах. Анфилов, к слову сказать, даже в посмертной книге продолжал ту же политику. Так что сходу перейдем к анализу главного. Но для начала позвольте напомнить выводы, которые были изложены в этом докладе:

1. На основании всех приведенных выше высказываний и возможных вариантов действий весною этого года считаю, что наиболее возможным сроком начала действий против СССР являться будет момент после победы над Англией или после заключения с ней почетного для Германии мира.

▲ Вронский С.А., астролог Гесса

▲ Марика Рёкк — Мария Керер, группа Крона

▲ Кембриджская пятерка

2. Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, быть может, германской разведки.

Так вот, кто бы вразумительно объяснил, на каком основании все без устали говорят о том, что-де выводы перечеркивали значение содержания этого доклада, а потому, видите ли, не имеют значения?! В чем конкретно, к примеру, ошиблось или сугодничало ГРУ, письменно указав в выводе № 2, что «слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года (т. е. 1941 г. — А. М.) войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, быть может, германской разведки»?!

Подчеркиваю свой вопрос, в чем конкретно все видят ошибку, угодничество, дань культу «гениального вождя» и т. д. и т. п., если ГРУ ни на йоту не ошиблось? Ведь нападение-то произошло не весной, а летом — 22 июня 1941 года, в день летнего солнцестояния! Разве это не известно?! Или это тоже требует каких-то особых доказательств?!

Ни аналитики ГРУ, ни сам его предвоенный глава Голиков, ни ГРУ в целом, ни на йоту не ошиблись в выводе № 2. Во-первых, потому, что еще с осени 1939 г., то есть после подписания между СССР и Германией Договора о ненападении от 23 августа 1939 г., Великобритания буквально зашлась в диком приступе бешенства имперского гнева, который ничем, особо подчеркиваю, ничем не был обоснован, кроме как веками же яростно русофобствующей наглостью Коварного Альбиона! С тех пор британской разведке официально было поручено не только демонизировать этот договор во вселенских масштабах. Чем, к слову сказать, она занимается до сих пор, в том числе и с помощью всякого рода негодяев-предателей типа Резуна-Брехуна. Уже тогда ей было поручено организовать систематическое провоцирование как Берлина, так и Москвы на вооруженное столкновение в смертельной схватке, дабы Англия смогла вылезти из трясины мировой войны, куда вляпалась по собственной же дурости. А с 22 июля 1940 г. это поручение британской разведке было оформлено уже личным приказом британского премьер-министра У. Черчилля «разжечь пожар в Европе», чтобы он перекинулся в первую очередь на СССР! Приказ был отдан главе Управления специальных операций МИ-6 Хью Дальтону, под началом которого работали и информаторы советской разведки, в частности, представитель всемирно знаменитого банкирского клана Ротшильдов — Виктор Ротшильд, ближайший друг и единомышленник великолепной «кембриджской пятерки» агентов

советской разведки. Так что Сталин прекрасно знал об этом приказе У. Черчилля, от которого априори ничего иного, кроме подлости и коварства, ожидать не приходилось.

Демонизацию этого договора британское правительство и британская разведка осуществляли и осуществляют по одной простой причине. Этот договор демонизируется отнюдь не потому, что якобы способствовал войне. После аншлюса Австрии и особенно Мюнхена, а, тем более, тех гарантий безопасности, что злоумышленно выдала Англия Польше и Румынии, война в любом случае была неизбежна. Так называемые «гарантии безопасности» Польше были выданы Великобританией лишь с одной целью — «гарантии были наиболее верным способом ускорить взрыв и мировую войну...подстрекали Гитлера», отмечал в свое время известный английский историк Б. Лиддел-Гарт. Главное же заключалось в том, что Договор поменял ее расписание, а, следовательно, и послевоенную конфигурацию, сделав невозможным для англосаксов войти в Восточную Европу как в начале войны, поскольку надо было оборонять Западную Европу, так и после победы для ее изъятия из орбиты СССР. Неуместно именуемый Пактом Молотова — Риббентропа советско-германский Договор о ненападении от 23 августа 1939 г. является крупнейшим провалом английской стратегии за весь XX век, и его всегда будут демонизировать. А ведь, к слову сказать, Сталин еще в конце марта 1935 г. открыто предупредил Англию о серьезной вероятности именно такого поворота событий! Более того, об этом же Англию открыто предупреждали и ее собственная разведка, и дипломатическое ведомство, и дипломаты иностранных государств, и разведслужбы союзных Англии иностранных держав, и проницательные журналисты-международники и т. д. Особенно же предупреждали в предмюнхенский период. Но разве то было нужно британскому премьер-министру Н. Чемберлену?! Кстати говоря, мало кому известно, какими уникальными разведывательными данными располагал Сталина за несколько месяцев до подписания Договора. Это очень любопытные данные. Прежде всего, отметим, что, начиная с середины 30-х гг., советская разведка регулярно «пасла» материалы сверхсекретного досье британского Форин Офис под названием «Германская опасность». Все, что заносилось в это досье, все, что поступало в Лондон по различным каналам, все становилось известным Москве. Что же касается до тех уникальных данных, о которых я только что упомянул, то речь идет о следующем.

1. Секретный меморандум британского МИДа от 22 мая 1939 г., направленный правительству Франции. В меморандуме открыто признавалась нецелесообразность заключения тройственного пакта о взаимопомощи между Великобританией, Францией и СССР, зато совершенно четко было прописано, что «в случае войны важно попытаться вовлечь в нее Советский Союз». Для Запада самым важным было втянуть СССР в войну!

2. Секретный доклад британского министра по координации обороны лорда Чэтфилда от 27 мая 1939 г. об итогах проходивших в апреле — мае 1939 г. секретных англо-французских штабных переговорах (на уровне Генштабов). В этом докладе черным по белому и с невероятной же циничностью англо-французские генштабовские «умиротворители» откровенно показали, как они намерены проигнорировать свои же гарантии безопасности Польши: «Если Германия предпримет нападение на Польшу, то французские вооруженные силы займут оборону по линии Мажино и будут сосредотачивать силы для наступления на... Италию». Что же касается Англии, то она, видите ли, «сможет осуществить эффективное воздушное наступление, в случае... если в войну вступит Бельгия». То есть совершенно открыто расписались, что выданные ранее гарантии безопасности Польше являлись преднамеренным обманом последней! Зато «в случае войны важно попытаться вовлечь в нее Советский Союз»! Они, значит, будут отсиживаться, и сосредотачиваться неизвестно для чего, а СССР — иди и отдувайся за них!

3. Запись секретной беседы от 29 июля 1939 г. политического деятеля Великобритании Родена Бакстона с влиятельным германским дипломатом — сотрудником службы дипломатической разведки германского МИДа Т. Кордтом. Содержание этой беседы свидетельствовало о том, что Англия намеревалась осуществить польский вариант Мюнхенской сделки с Гитлером. То есть сдать ему «в аренду» территорию Польши для нападения на СССР в обмен на очередной пакт о ненападении с Германией, ради чего Р. Бакстон от имени правительства Англии наобещал прекратить ведшиеся в то время переговоры о заключении пакта о взаимопомощи с СССР, начатые под давлением Москвы. Проще говоря, Великобритания намеревалась по аналогии с Мюнхенской сделкой отдать Гитлеру Восточную Польшу, дабы тот заимел бы, наконец, столь желанный для него плацдарм для нападения на СССР — плацдарм, с которым фюрер и его генералы еще на рубеже 1936-1937 гг. увязывали грезившейся им успех в блиц — «Дранг — нах — Остен» — криге. Одновременно такой же вариант готовился и для прибалтийских лимитрофов.

Однако едва только Иосиф Сталин дал достойный ответ, так тут же Коварный Альбион поставил перед собой уникальную по своей подлости геополитическую задачу: Восстановить График Войны в Первозданно-Британском Виде! Вот что и являлось сутью дезинформации английской разведки с осени 1939 г. И вот почему доклад ГРУ от 20 марта 1941 г. и начинался с абсолютно точной констатации реалий того времени: «Большинство агентурных данных, касающихся возможностей войны с СССР весной 1941 г., исходит от англо-американских источников, задачей которых на сегодняшний день, несомненно, является стремление ухудшить отношения между СССР и Германией».

▲ Овакимян Г.Б.

▲ Черняк Я.П.

Без этого Англия просто не смогла бы выжить! И в ГРУ это прекрасно понимали. Вот почему вывод № 2 был сформулирован именно так, как сформулирован, а не иначе: «Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской... разведки...». К тому моменту уже нарастал шквал неопровержимой информации внешней разведки НКГБ и ГРУ именно о таких действиях британской разведки. Тем более что на пике этого шквала выдающийся советский разведчик Гайк Бадалович Овакимян документально разоблачил в начале мая 1941 г. самую крупную из серии дезинформационных акций операцию британской разведки. Она преследовала цель на фоне «визита» Гесса в Англию ускорить вооруженное столкновение между СССР и Германией, дабы отвести от Англии уже отчетливо маячившее поражение в единоборстве с Германией, в которое, подчеркиваю это вновь, Англия вляпалась по собственной же дурости. Так в чем же ошиблось или со страху перед Сталиным сугодничало ГРУ в выводе № 2?!

Как видите, и в помине нет никаких оснований для подобных выводов. И без особых пояснений ясно, что в отношении действий английской разведки тон вывода доклада ГРУ не случайно категоричный. В то время как в отношении германской разведки — смягченно вероятностный. Может быть, именно тут ГРУ ошиблось или сугодничало? Да нет же, ежели здраво поразмыслить. Тут все логично, не говоря уж о том, что и оправданно с разведывательно-аналитической точки зрения. Потому что для будущего агрессора куда важней усыпить бдительность запланированной жертвы своей очередной агрессии, нежели брехать на всех европейских, а то и мировых перекрестках о том, что вот-вот он нападет! Германский военно-морской атташе в Москве Н. Баумбах в апреле 1941 г. усиленно старался опровергнуть слухи о войне и даже о дате ее начала — 22 июня. Небезынтересно отметить, что он лгал и говорил правду одновременно. Ложь была в том, что-де Германия не готовится к нападению, а вот правда состояла в том, что по состоянию на начало последней декады апреля 1941 г., когда разгорелась эта полемика, дата «22 июня» официально еще не была утверждена Гитлером в качестве даты нападения. Это произойдет только 10 июня 1941 года. Более того, на тот момент она еще не была озвучена даже самим Гитлером, который сделает это только 30 апреля 1941 г. Кстати, попутно хотелось обратить внимание на следующее. С этой историей связаны совершенно неадекватные фактам и реалиям того времени утверждения уважаемого в научных кругах человек историка А. И. Уткина, который считает себя вправе ретроспективно обвинять Сталина в том, что-де он передавал немцам секретную разведывательную информацию, получаемую от англичан накануне войны. И в качестве подтверждения приводит именно этот случай с Баумбахом. Это фигурирует во многих его книгах о Второй мировой войне. Последний раз в книге «Русские во Второй мировой», М., 2007, стр. 177. Но что было в действительности — я уже сказал. Более того. Добавлю, что 22 июня как дата нападения на СССР в категорическом тоне была заявлена бриттами специальному представителю прези-

дента США Рузвельта — Уильяму Донована — только 6 июня 1941 года. Если американцам, от которых в самом прямом смысле слова зависела жизнь Англии, эта дата была сообщена только 6 июня, то, как англичане могли сообщить ее Сталину еще в феврале-марте-апреле. А то, что британский посол озвучивал эту дату на одной из пресс-конференций в Москве, вовсе не означает, что он передал эти сведения Сталину. На тот момент это была расчетно-аналитическая дата. В подобные тонкости почему-то никто не хочет вникать. В тот момент об этой дате не знал даже один из самых информированных британских агентов в высшем германском командовании — пресловутый Адольф Хойзингер, он же агент «Фил». Так что более чем непонятно, чем руководствовался уважаемый доктор наук, выдвинув такое обвинение. Добавлю также, что по указанию Гитлера еще в начале 1941 г. были разработаны и введены в действие руководящие указания начальника штаба Верховного главнокомандования по маскировке подготовки агрессии против Советского Союза № 44142/41 от 15.2.1941, пункт первый которых так и гласил: «1. Цель маскировки — скрыть от противника подготовку к операции «Барбаросса». Это главная цель и определяет все меры, направленные на введение противника в заблуждение. Предположим, что тогда, в марте 1941 г., сие гитлеровское «цэу» по вопросам дезинформации не было известно советской разведке. Вполне вероятно, что так оно и было. Но сейчас-то, когда этот трофейный документ уже лет десять как опубликован, можно же было воздержаться от беспочвенных упреков в адрес ГРУ и тем более Сталина?!

Ведь ГРУ не ошиблось, высказав свое мнение о причастности германской разведки к слухам о возможности войны весной 1941 г. в смягченно вероятностной форме. Потому как если сопоставить этот вывод с тем, что было написано в том «цэу» № 44142/41 от 15.2.1941, то нетрудно будет заметить, что там была расписана вся дезинформационная брехология нацистов, кроме одной детали — ни в одной его строчке нет ни звука о дезинформации именно о времени нападения, то есть насчет весны 1941 г. и тем более о 22 июня! А с 12 мая 1941 г. началась вторая фаза германской дезинформационной операции — именно в тот день было подписано распоряжение № 44699/41 от 12.05.1941 начальника штаба Верховного главнокомандования Вооруженных сил рейха по проведению второй фазы дезинформации противника в целях сохранения скрытности сосредоточения сил против Советского Союза, в котором тоже нет ни звука о дезинформации по вопросу о времени нападения, тем более, весной 1941 г., до конца которой в тот момент оставалось всего 19 дней! А уж о дате нападения тем более. Тем не менее, все усиленно стремятся бросить в Сталина и ГРУ булыжник упрека, да поувесистей. Неужели так трудно уяснить, что замысел — спровоцировать СССР на какие-либо упреждающие грядущую агрессию «телодвижения» своими Вооруженными силами, которые затем можно

▲ Гесс Рудольф

▲ Гаммерштейн Э.К. командующий рейхсвером

было бы преподнести «прогрессивному демократическому мнению» Запада как агрессивные по отношению к Германии и тем самым заранее оправдать ее агрессию, — тоже присутствовал. Это вообще входило в арсенал тактических уловок стратегии блицкрига, не говоря уже о том, что это же было в тот момент и стратегической целью Англии и вообще Запада. Однако вплоть до самого нападения включительно, гитлеровцы едва ли не навзрыд все время сетовали, что Советский Союз не дает ни малейшего повода заподозрить его в каких бы то ни было «недружественных» и уж тем более в агрессивных намерениях по отношению к Германии. В кавычках потому, что никакой дружбы не было и в помине — был абсолютно голый прагматизм с обеих сторон.

Теперь обратим пристальное внимание на то, что ГРУ без обиняков назвало все сообщения о якобы неизбежности войны весной 1941 г. именно слухами. И тут никакой ошибки тоже нет — оценка аналитиков ГРУ и здесь абсолютно точна. А вскоре новые данные Лубянки вновь подтвердили это. И ГРУ именно потому точно оценило эти сообщения как слухи, что на тот момент, то есть по состоянию на 20 марта 1941 г., еще не было зафиксировано данных, способных засвидетельствовать хоть какую бы то ни было реальность подобных утверждений. Любая военная разведка, тем более столь солидная, как ГРУ, при оценке угрозы нападения, особенно в те безъядерные времена, исходила (да и сейчас будет исходить) из двух фактов: из факта сосредоточения войск противника у своих границ и особенно факта завершенности этого процесса. Так вот, именно в то время, то есть по состоянию на 20 марта 1941 г., ГРУ видело и четко фиксировало действия командования вермахта, связанные только с сосредоточением и развертыванием войск. Но самое главное, что оно видело в то время, — так это то, что этот процесс еще не завершен и даже еще не переведен в режим финишного этапа, то есть в режим военного времени, когда начинается отсчет времени «Х». Любая военная разведка, тем более столь многоопытная, как российская военная разведка располагает уникальными системами индикаторов, позволяющих даже по косвенным признакам своевременно зафиксировать тот факт, что процесс сосредоточения и развертывания войск противника завершен либо уже явно близится к завершению. По состоянию же на 20 марта 1941 г. ГРУ еще не располагало такой информацией. Потому и расценило эти сообщения о вероятности войны весной 1941 г. как слухи, распускаемые именно англосаксонскими, особенно британскими силами. Потому как их задачей в тот момент действительно являлось практически никак не скрывавшееся желание поскорее стравить СССР и Германию в смертельной схватке, что и было чуть позже вновь четко подтверждено сотрудником нью-йоркской резидентуры НКГБ Г. Б. Овакимяном.

ГРУ ни на йоту не ошиблось еще и потому, что по состоянию на 20 марта 1941 г. ни одна из разведслужб СССР еще не располагала хоть какими-то данными о переводе графика военных перевозок вермахта на Восток в режим финишного этапа и тем более в режим военного времени. Если на немецком штабном языке того периода, о введении в режим максимально уплотненного графика движения эшелонов. Этими исключительно важными данными однозначно индикаторного характера Москва стала обладать лишь в начале последней декады мая 1941 г., то есть в самом конце весны этого года. Именно тогда от своего ценного агента — крупного железнодорожного чиновника рейха — берлинская резидентура НКГБ получила неопровержимые документальные данные о том, что этот график переводится в режим военного времени (максимально уплотняется). Только в тот момент стало понятно, что процесс сосредоточения и развертывания войск вермахта для нападения на СССР вступил в финальную стадию. В том числе было установлено, что командование вермахта приступило к выдаче предписаний ж.-д. чиновникам рейха об их обязанности прибыть на некоторые узловые ж.-д. станции в приграничной зоне СССР на пятый день с момента начала агрессии против Советского Союза. А теперь сопоставьте. График военных перевозок вермахта был переведен в режим максимального уплотнения движения эшелонов 22 мая 1941 г., а уже 24 мая 1941 г. Сталин созвал секретное совещание членов Политбюро с участием высшего военного командования. И на этом совещании прямо так и заявил, что в самое ближайшее время, судя по всему, СССР может подвергнуться внезапному нападению со стороны Германии! То есть о переводе этого графика в иной режим он знал заблаговременно и, судя по всему, явно еще в начале мая, самое позднее, так как уже 13 мая он лично санкционировал выдвижение всех намеченных для этого войск к западным границам, насчет чего Жуков и Тимошенко и дали соответствующую директиву. Так за что же попрекать славное ГРУ и особенно Сталина в части, касающейся вывода № 2?! Как видите, не за что.

Но, быть может, ГРУ ошиблось или сугодничало, тем более из страха перед Сталиным, и даже отдало некую дань культу «гениального вождя» в выводе № 1 — «...наиболее возможным сроком начала действий против СССР являться будет момент после победы над Англией или после заключения с ней почетного для Германии мира»? Увы, для всех, кто абсолютно без каких-либо на то оснований вовсю «полощет» кровью и потом многих поколений военных разведчиков заработанный высочайший авторитет ГРУ и тем более имя Сталина, ничего подобного и в этом случае нет! ГРУ и в этом случае ни на йоту не ошиблось. Сама жизнь, весь ход последующих событий, сама трагедия 22 июня ясно показали, что ГРУ было изумительно точно в своем безошибочно провидческом, но столь трагически же подтвердившемся прогнозе. Вы только вдумайтесь в то, что же написало ГРУ в выводе № 1. Ведь военная развед-

ка в сущности-то беспрецедентно точно, провидчески спрогнозировало ситуацию с так называемой «миссией» Гесса: заместитель фюрера по партии именно для того и рванул в Англию, чтобы как раз и договориться на почетных условиях с лидерами верхушки ее правящей элиты!

Разве это никому не известно? Как этот вывод мог снять значение приведенных в докладе сведений, тем более ввести в заблуждение самого Сталина, если сама жизнь трагическим образом, но беспрецедентно точно подтвердила вывод № 1 доклада ГРУ от 20 марта 1941 г.? Все получилось так, как и прогнозировало ГРУ. Нападение на СССР произошло после того, как, во-первых, в Англию рванул Гесс. А, во-вторых, что и есть главное, после того, как между высокопоставленными представителями Англии и Р. Гессом была достигнута некая по сию же пору официально неизвестная в полном объеме и особенно в не вызывающей сомнений и подозрений документальной точности договоренность. Проще говоря, Гитлеру была гарантирована практически полная безнаказанность однофронтового разбоя Третьего рейха на Востоке, сиречь против СССР. Аж до 1944 г.! О чем, к слову сказать, в сентябре 1941 года Черчилль лично проболтался советскому послу Майскому.

Итак, в чем могло ошибиться или сугодничать ГРУ в части, касающейся вывода № 1?! Ведь дата 22 июня 1941 г., как дата нападения Германии на СССР, четко, однозначно, а главное же, письменно впервые была указана в документах германского военного планирования только 10 июня 1941 года. В документе под названием «Распоряжение главнокомандующего Сухопутными войсками о назначении срока начала наступления на Советский Союз» № 1170/41 от 10.6.1941 года. Разве требует особых доказательств тот факт, что 10 июня — это ровно месяц после 10 мая, то есть ровно месяц после того, как Р. Гесс сиганул через Ла-Манш в Англию? В чем здесь ошибка ГРУ или ошибка, а то и заблуждение самого Сталина? Ведь почти за три месяца до письменного свершения факта определения Гитлером даты нападения на СССР, ГРУ абсолютно точно их спрогнозировало, в том числе и особенно точно спрогнозировало ситуацию, в которой это решение будет принято, то есть в ситуации откровенных попыток Гесса достичь почетного мира с Англией?

В чем же тогда вина ГРУ или того же Сталина? А ни в чем! Ее попросту нет, потому как нет, и не было никакой ошибки — в помине не было, как, впрочем, и какого бы то ни было угодничества ГРУ перед Сталиным. В своих выводах № 1 и № 2, изложенных в докладе от 20 марта 1941 г., ГРУ ни на йоту не ошиблось. Уж сейчас-то это ясно как божий день! Этими выводами ГРУ ни на йоту и ни в чем не ввело Сталина в заблуждение, наоборот, точно обрисовало ему тот сценарий, которого более всего и следовало опасаться. И кто бы объяснил следующее. Ну что плохого могло быть в том, что основанное на тщательнейшем анализе реальных фактов мнение ГРУ точно совпало с провидческой позицией Сталина, если это совпадение совершенно ясно означало, что аналитики ГРУ фактически вышли на тот же высочайший уровень компетентности в вопросах мировой политики, каковым обла-

дал лично Сталин? И сам Сталин ни в чем не ошибался и не заблуждался, особенно в вопросе о времени, дате и антураже нападения Германии на СССР.

Уже после начала войны, 7 июля 1941 г., ГРУ направило Сталину и Молотову специальное сообщение подробного аналитического характера, в котором указывало, что «вооруженное выступление против СССР было предрешено задолго до перелета Гесса в Лондон для прощупывания почвы о возможности мирных переговоров между Англией и Германией, что подтверждается агентурными данными. Перелет Гесса в Англию нужно рассматривать как попытку Гитлера склонить Англию на заключение мира, поставив ее перед свершившимся фактом уже законченного сосредоточения основной группировки сил против СССР». Все верно, хотя склонить Англию к прямому, тем более письменному заключению такого мира Германии и Гитлеру не удалось. Ничего не фиксируя письменно, тем более свое «одобрям-с» агрессии Гитлера против СССР — это был бы абсолютно неопровержимый и потому-то абсолютно не обжалуемый смертный приговор самому Коварному Альбиону — вселенские бандиты с обеих сторон действительно договорились между собой и действительно на почетных для каждого из них условиях: максимально возможное снижение угрозы разрушения и тем более уничтожения Англии, особенно за счет воздушных бомбардировок, в обмен на свободу рук на Востоке, против СССР при едва ли не абсолютных гарантиях безнаказанности однофронтового блиц-«Дранг нах Остен»-крига против СССР аж до 1944 г.! ГРУ так и указывало в том спецсообщении от 7 июля 1941 г.: «По имеющимся данным, эта попытка склонить на мир Англию не увенчалась успехом, но в известной степени получила отражение в дальнейшем ходе военных действий между Германией и Англией в сторону их ослабления. Для подтверждения такого вывода необходимо привести следующие конкретные факты:

а) Переброска всех родов войск немецкой армии на Восток продолжается за счет ослабления группировки немецких войск на северо-западном побережье Франции...». То есть совершенно откровенно осуществлялась переброска ранее дислоцированных там для боевых действий против Англии войск вермахта. До остервенения опасавшийся войны на два фронта Гитлер ни при каких обстоятельствах не рискнул бы осуществлять такие переброски, не будь у него британских гарантий того, что в ближайшие два-три месяца, в течение которых ему грезился успех его блицкрига против СССР, в спину рейху на Западе не ударят! ГРУ, к слову сказать, зафиксировало конкретные результаты англо-германского сговора еще до нападения на СССР. В начале того спецсообщения ГРУ прямо указало, что еще до нападения на СССР Германия оставила в оккупированной части Франции всего 14-15 дивизий! Далее

▲ Обломки мессершмита, на котором Рудольф Гесс прилетел в Шотландию, 1941 год

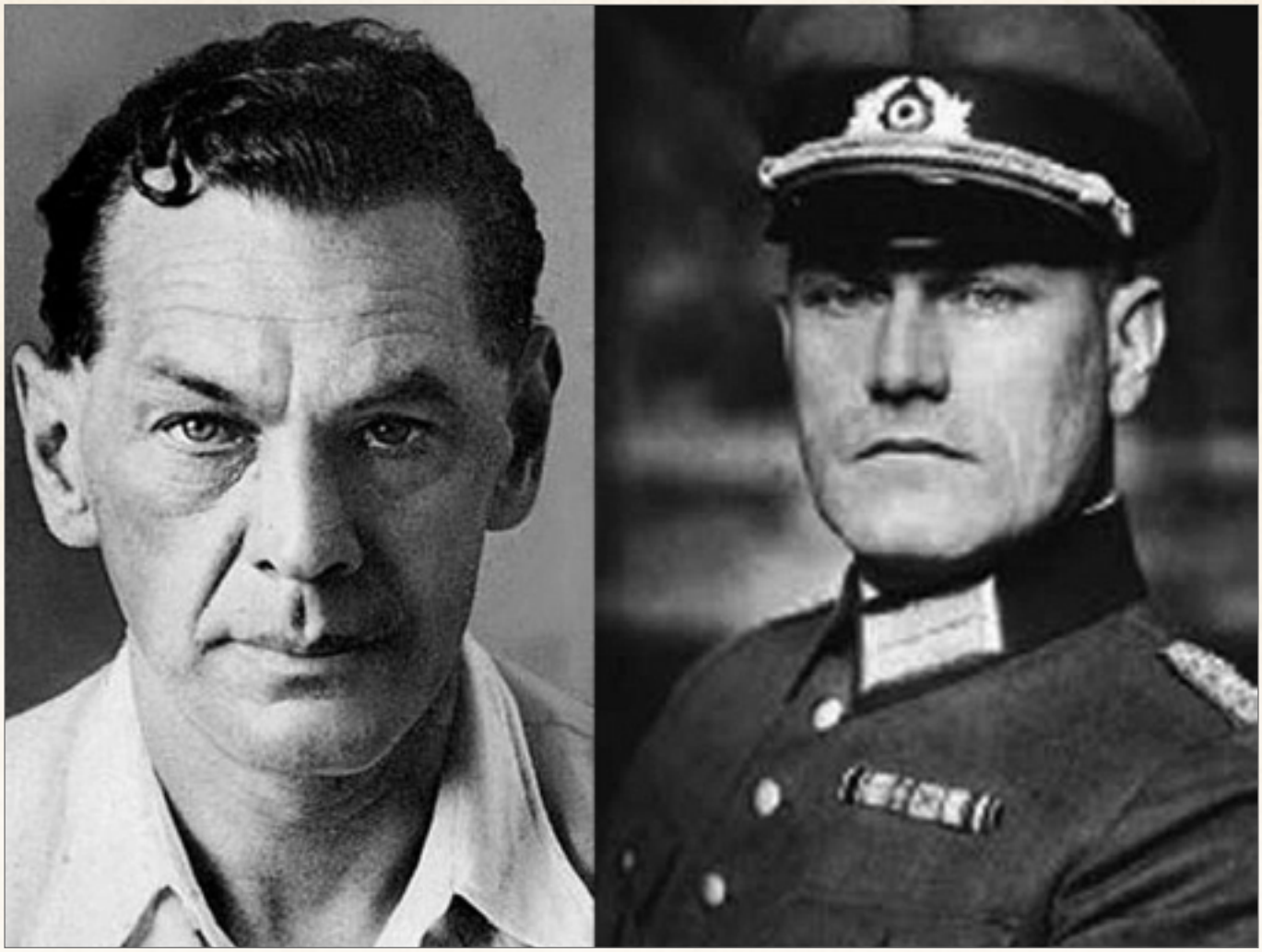
в том же спецсообщении ГРУ отмечало: «б) Усиление Восточного фронта германской авиацией продолжается. Захваченные пленные показывают, что их соединения за 3-4 дня до начала войны и даже в процессе войны переброшены из Франции». То есть ГРУ однозначно показывало ситуацию реального действия на практике достигнутого накануне агрессии против СССР англо-германского тайного сговора — гитлеровцы, совершенно не опасаясь последствий, перебрасывали громадные силы из Франции на Восточный фронт! Характерно также, что ГРУ указало на то обстоятельство, что этот процесс начался за 3-4 дня до нападения Германии на Советский Союз. А ведь именно это-то и означало, что к тому времени у Гитлера на руках уже были «железные» британские гарантии безнаказанности однофронтового нападения на СССР. Соответственно, выходит, что возобновление выдвижения войск вермахта на исходные для нападения позиции с 4.00 18 июня 1941 г., Гитлер санкционировал, уже располагая однозначным согласием Англии на его агрессию против Советского Союза!

ГРУ прямо назвало и те части люфтваффе, которые были переброшены с Запада на Восточный фронт. Это 4-й, 5-й и 8-й авиационные корпуса, 38-я бомбардировочная эскадра, 25-я авиационная эскадра, 6-я дальнеразведывательная эскадра и т. д. А ведь это многие десятки и даже сотни боевых самолетов люфтваффе, которые затем безнаказанно сеяли смерть и разрушения на советской территории.

Однако самый поразительный по смыслу в спецсообщении был пункт «в»: «Для действий английской и германской авиации на Западном фронте характерно резкое снижение активности начиная с середины мая»! Очевидно, что это резкое снижение активности боевой авиации двух воюющих государств произошло, во-первых, сразу после прибытия Гесса в Англию. Во-вторых, носило явный характер авансового платежа с обеих сторон. Ведь они обе одинаково нуждались в практическом подтверждении намерения каждой из них пойти-таки на тайный сговор. Тем более что со стороны Англии это вообще было ультимативным требованием, выполнение которого со стороны Германии эвентуально гарантировало как возможность самих переговоров с Гессом, так и особенно возможность достижения тайного сговора против СССР по указанной выше схеме. В свою очередь, это означает, что уже с середины мая 1941 г. обе стороны стали играть в профанацию под названием «взаимные бомбардировки» для отвода глаз: по сообщениям лондонской резидентуры ГРУ, гитлеровцы с того времени залетали в английское воздушное пространство одиночными самолетами! Кстати, и англичане, по тем же данным, тоже проводили свои налеты на Германию крайне незначительным количеством самолетов, потому как по сравнению с предшествовавшим перелету Гесса периодом их количество было снижено в 7,5 раза! Весьма характерно и то, что и те, и другие едва ли не в первую очередь снизили также и интенсивность налетов на важные объекты. Вот это «джентльмены», не приведи Господь!

Приведя вкратце эти данные об истинном значении выводов доклада ГРУ от 20 марта 1941 г., менее всего хотелось бы содействовать формированию мнения о едва ли не абсолютной безгрешности ГРУ накануне войны. Ни одна разведка мира не может быть безгрешной. От сотворения мира она действует в условиях дефицита, как правило, острого дефицита и времени, и не вызывающей сомнений истины, с которой, как с эталоном, можно сверять всю добываемую информацию. Добавьте к этому жесточайшее противодействие контрразведки того государства, против которого ведется разведка, особенно если оно считается наиболее вероятным и тем более главным противником, и даже не посвященному в тайны невидимого фронта станет ясно, что без ошибок или заблуждений не обходится. Другое дело, конечно, сколь быстро разведка избавляется от ошибок, ошибочных оценок и тех или иных заблуждений, в которые она могла угодить, в том числе благодаря искуснейшим стараниям контрпартнеров по невидимому фронту. И, надо признать, советская разведка очень быстро избавлялась от ошибок и заблуждений.

И в заключение хотел бы несколько слов сказать о доверии и недоверии Сталина к разведке, ее информации и отдельным разведчикам. Прежде всего, особо принципиальное общее положение. Если руководитель государства будет всецело полагаться только на разведывательную информацию, то не миновать ему роковых ошибок. Разведка, даже самая мощная, легко может стать жертвой чрезвычайно искусной дезинформации противника, выдав ее руководству своего государства как исключительно достоверную. Вспомните, как американцы нагрели нас со звездными войнами, втянув Советский Союз в новый, чрезвычайно затратный виток гонки вооружений, в результате чего экономика СССР надорвалась. Поэтому здоровый скепсис в отношении докладываемой разведывательной информации у руководителя государства просто обязан присутствовать. Такой здоровый скепсис был и у Сталина. Всякий раз, когда информация разведки затрагивала вопросы войны и мира, но при этом страдала общими выражениями или отсутствием каких-либо точностей в стратегических аспектах, Сталин, естественно, требовал от руководства разведки вновь и вновь все тщательно проверить. А, по возможности, еще и перепроверить. Это абсолютно нормальная практика руководителя крупнейшего государства мира. Тем более, накануне войны. Все это к тому, что вопреки сложившейся беспочвенной легенде, Сталин не писал никаких матерных резолюций на донесениях разведки, тем более за неделю до войны. Нигде нет ни малейшего упоминания о том, что такое имело место быть. Даже при публикации этого донесения разведки в рамках сугубо архивного издания. Нет ни звука об этом и в Очерках Истории Российской

▲ Рихард Зорге и Отт Ойген

Внешней Разведки. Причем, обращаю на это особое внимание, упомянутые издания выходили в период апогея самой разнузданной антисталинской пропаганды демократов ельцинского призыва. И, тем не менее, ни звука. А то, что у нас не разучились делать фальшивки — так вот это действительно непреложный факт. И вовсе не случайно, что эта фальшивка появилась не в советское время, а только в 1995 году, когда и защищать-то правду было некому.

Вплотную к вопросу о доверии и недоверии Сталина разведывательной информации примыкает и проблема скептического отношения руководства ГРУ и лично Иосифа Виссарионовича к Зорге и его информации. Причина кроется в контрразведывательной составляющей разведывательной миссии Р. Зорге в Японии. Обычно такие детали не учитывают. Куда приятней рассуждать о непонятом и незаслуженно игнорировавшемся легендарном разведчике, геополитике, выдающемся ученом-японисте (кстати, и синологе тоже). Никто и не собирается покушаться на выдающиеся таланты этого незаурядного человека. Однако, спустя шестьдесят с лишним лет со дня его гибели в японских застенках, очевидно, пора уже трезво посмотреть и на теневые стороны его разведывательной деятельности. А они, к глубокому сожалению, таковы, что, еще не придя в советскую военную разведку, Р. Зорге уже был на примете ... в британской разведке. Впервые с британскими спецслужбами он «познакомился» еще в 1929 г. во время пребывания в Англии по линии Коминтерна, где контактировал с представителями Англо-русского комитета профсоюзов, который, как известно, весной 1929 г. провел всеобщую забастовку протеста против политики правительства. Зорге был задержан британской полицией. «Это сыграло решающую роль, и после двукратного откладывания решения о том, где ему надлежит работать,16 августа 1929 г. его исключили из списка работников Западно-Европейского бюро Коминтерна и откомандировали в распоряжение ЦК ВКП (б). Именно в это время он оказывается в советской военной разведке. Свыше сорока лет считалось, что в том заслуга тогдашнего шефа ГРУ — Я. Берзина. Сейчас с документальной точностью установлено, наконец, что в советскую военную разведку Зорге напросился сам, причем с конкретной програм-

мой деятельности ... по Китаю!? Причем, будучи еще в Англии, где при помощи своей первой жены — Кристины — познакомился с резидентом ГРУ в Германии Константином Михайловичем Басовым. Настоящие Ф.И.О. — Аболтынь Ян Янович. В те годы разведка против Англии велась также и с территории Германии.

Письмами от 9 и 16 сентября 1929 г. Басов сообщил в Центр не только о необходимости привлечения Зорге к разведывательной работе, но и изложил целую программу его использования в Китае, автором которой был сам Р. Зорге. Предложение было принято и вскоре Зорге уже в Китае. И едва ли не с порога опять попал если и не полностью «под колпак» британской разведки, то, по крайней мере, под пристальное ее наблюдение. Среди его ближайших друзей в Китае была знаменитая в те годы левая по своим взглядам американская журналистка — Агнесс Смедли. Именно она в немалой степени способствовала разведывательным успехам Зорге в Китае. Причем, и это надо прямо указать, на знакомство и установление с ней дружественных отношений Зорге был ориентирован непосредственно руководством ГРУ. Агнесс Смедли давно находилась под очень пристальным вниманием британской разведки — как центрального аппарата, так и регионального подразделения в лице ее Индийского бюро. Потому, что она была сильно замешана в левых интригах с индийскими националистами в Германии, где многие из них искали не только сочувствия, но и поддержки. А. Смедли, наряду с сотрудничеством с американскими печатными СМИ, работала и на ряд германских газет. Под конец 20-х гг. интересы А. Смедли сместились на Китай, где она также установила серьезные связи с антиколониальным подпольем, в том числе и в зоне британского влияния. И опять угодила под пристальное внимание резидентуры британской разведки. В одной из своих первых корреспонденций из Китая, она сама описала ситуацию вокруг нее, как ей четко объяснили ее же коллеги журналисты: «На юге (Китая — А.М.) особенно сильна британская разведка. Можете быть уверены, что ей точно известно, когда вы прибыли в Китай, и все остальное о вас тоже, вплоть до того, как часто вы меняете нижнее белье». У британской разведки в Китае действительно были колоссальные возможности и все, что было связано с А. Смедли, плотным потоком оседало в досье на нее. Зорге же быстро установил тесные отношения с А. Смедли в Китае и, абсолютно не скрываясь, контактировал с ней. Британская разведка имела все основания усматривать за этим не только творческим союзом двух талантливых журналистов некое проявление германо-американского содействия Советам в антибританской деятельности на китайском плацдарме. В данном случае следует иметь в виду, что и А. Смедли, и Р. Зорге уже тогда активно сотрудничали со знаменитым журналом «Zeitschrift für Geopolitik» К. Хаусхофера. К тому же, Зорге работал под своим настоящим именем и, следовательно, установить, что ранее задерживавшийся в Англии известный функционер Коминтерна и активист германской компартии Рихард Зорге и германский журналист в Китае Рихард Зорге — одно и то же лицо не представляло особо труда. В Германии у британской разведки также была нехилая агентура, особенно в полицейских органах, тем более что из-за своей деятельности в Коминтерне он стал объектом особого внимания и полиции Веймарской Германии. Из-за совокупности этих обстоятельств, уже в период китайской командировки Зорге находился под пристальным наблюдением британской разведки. Между тем, Великобритания крайне нервозно воспринимала любые шаги СССР, Коминтерна и США на китайском направлении и вообще на азиатском азимуте. А Зорге, к стати сказать, несмотря на то, что дистанцировался от Коминтерна, один раз в Китае все же был вовлечен в деятельность бывших соратников по партийному подполью в связи с делом Ноуленса (Рудника). Что поставило его на грань провала, тем более что даже руководство службы безопасности компартии Китая и то проведало о его разведывательной миссии и даже о статусе резидента!? Более того. Бросалось в глаза британской разведке и такое обстоятельство. Ее данные свидетельство-

▲ Агнесс Смедли

▲ Улановский А.П. — Хаскелевич

▲ Одзаки Ходзуми

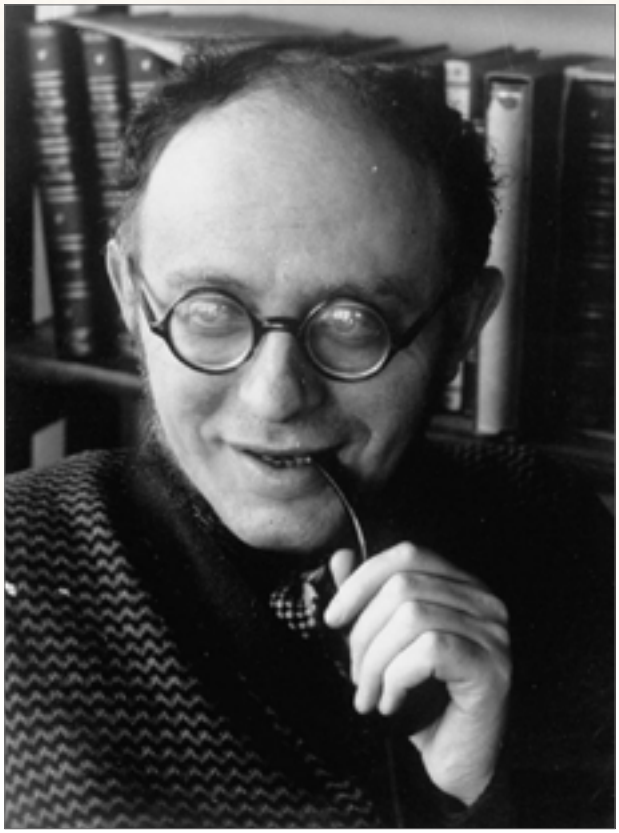
вали, что на китайском плацдарме сосредотачиваются как громадные силы Коминтерна, советской разведки и дипломатии, так и просоветски настроенные представители Германии. Особую тревогу вызывали данные о том, что это представители ее военных кругов во главе с генералом Гансом фон Сектом, который в то время являлся германским военным советником у Чан Кайши.

В свете известных геополитических страхов Великобритании насчет континентального блока, в том числе и с участием Китая, нетрудно представить себе те далеко идущие выводы, которые, очевидно, и сделала британская разведка из этих фактов. Она тем более не могла не сделать далеко идущих выводов, если учесть, что в Китае Зорге появился под руководством лица, издавна хорошо знакомого как британским спецслужбам, так и, впоследствии, контрразведкам многих стран, в том числе и нанкинского правительства — Улановского Александра Петровича (настоящие Ф. И. О. — Хаскелевич Израиль). Бывший анархист Хаскелевич еще до революции бежал из ссылки в Туруханском крае за границу и более двух лет провел в Англии, Франции и Германии. В начале 20-х гг. работал разведчиком нелегалом в Германии. Затем вплоть до 1928 г. в Профинтерне, в качестве представителя которого побывал в командировках в Германии и Китае, и везде «засветился». С 1928 г. вновь в военной разведке. При выезде в Китай в качестве резидента и куратора Зорге, очень быстро в очередной раз провалился и вынужден был покинуть страну уже в 1930 г. В том же году был направлен резидентом в Германию, где также быстро провалился. Хаскелевич очень хорошо был известен британским спецслужбам. И в период работы Зорге в Японии, куда он уезжал, обреченно зная, что бриты «сидят» у него «на хвосте», Хаскелевич в очередной, но на этот раз уже по-крупному «засветил» Зорге во время своего очередного провала в Дании, вошедшего в историю ГРУ как копенгагенский.

Когда Зорге в срочном порядке был отозван из Китая, он выдвинул новую идею — направить его в Японию в качестве журналиста и опять под своим же именем. Почему?! Почему что эта его идея должна была совпасть с началом попыток Троцкого установить контакты как с приведенными к власти в Германии нацистами, так и с представителями Японии?! Почему эта идея должна была совпасть с первыми попытками отца и сына Хаусхоферов установить союзнические отношения между Германией и Японией теперь уже на государственном уровне?! Ведь дорогу к будущей оси «Берлин-Токио» еще в 1933 году стал торить именно сын Хаусхофера — Альбрехт, с которым Зорге был близко знаком. Но вот ведь какое дело — с одной стороны, А. Хаусхофер был доверенным лицом самого Рудольфа Гесса. С другой же, Альбрехт Хаусхофер был активистом оппозиционной Гитлеру

группировки Mittwochgesellschaft, в которую входили многие высшие правительственные чиновники, дипломаты, генералы (в частности, генерал Бек), представители научной интеллигенции и клерикальных, преимущественно, католических кругов. [Кроме того, британская разведка, которая держала Хаусхоферов, особенно Альбрехта под плотным наблюдением, знала также, что, например, последний находился в постоянном контакте и с левой антигитлеровской оппозицией, вошедшей в историю под обобщенным названием «Красная Капелла».] Именно на эти силы, в том числе и на Р. Гесса, и пыталась выйти вдохновляемая Троцким антисталинская оппозиция. К слову сказать, еще с коминтерновских времен Зорге был весьма близок с некоторыми ее лидерами, в частности, с Бухариным и Радеком. Почему при таких обстоятельствах при выезде в Японию Зорге был остро сориентирован на установление отношений с формально малоизвестным помощником военного атташе Германии Ойгеном Оттом?! Ведь в тот период Отт мог представлять интерес не столько в указанной выше ипостаси, сколько как ближайший помощник последнего догитлеровского рейхсканцлера генерала К. фон Шлейхера, выполнявший в недавнем тогда прошлом функции особо доверенного связника между Шлейхером и Гитлером. Более того. В свое время Ойген Отт был одним из ближайших помощников генерала Ганса фон Секта, при котором и начиналось сотрудничество двух армий. Почему Зорге добивался получения рекомендательного письма именно к нему, в чем ему помог друг Отта — ведущий автор германской газеты «Täglische Rundschau», д-р У. Зеллер, о чем и о ком еще надо было знать, чтобы обратиться с такой просьбой?! Прежде всего, откуда это знание?! Более того, после того как Шлейхер вынужден был уйти в отставку с поста рейхсканцлера, Отта попросту сослали в Японию на очень незавидную должность и в таком случае спрашивается, зачем он мог понадобиться до такой степени, что Зорге добивался у д-ра Зеллера рекомендательного письма лично к Отту?!

Прибыв в Японию под своим именем, Зорге опять оказался под пристальным вниманием британской разведки, тем более что одним из его близких друзей стал британский военный атташе в Японии, генерал-майор британской армии Фрэнсис Стюарт Пигготт. Кроме того, Зорге продолжил интенсивное сотрудничество со знаменитым и влиятельным в международных кругах журналом «Zeitschrift für Geopolitik», где публиковал свои статьи о Японии, вызывавшие серьезный интерес во всем мире. Как корреспондент самого К. Хаусхофера и его журнала «Zeitschrift für Geopolitik», Зорге тем более привлек внимание к своей персоне. Самым главным агентом Зорге в Японии стал Ходзуми Одзаки, который ранее также «засветился» перед британской разведкой своей близостью с Агнесс Смедли еще в Китае (не исключено, что не без содействия бриттов Одзаки еще в Китае арестовывался

▲ Радек Карл

▲ Кривицкий В.Г.

японскими спецслужбами). В Японии Ходзуми Одзаки достаточно быстро сблизился с принцем Коноэ как авторитетный специалист по Китаю. А когда было создано Общество Сёва — стал одним из его членов. В 1935 году в Копенгагене в очередной раз с колоссальным треском провалился Хаскелевич-Улановский. Датской контрразведке он, естественно, и даром был не нужен — арестовали, промурыжили, выгнали и все. Однако все дело в том, что Дания — это старинная, еще со времен Первой мировой войны «вотчина» британской разведки. И уж она-то на этом провале поживилась, тем более что попался ее старый знакомый — Хаскелевич. Естественно, в силу жестких законов разведки, Центр принял решение об отзыве Зорге из Японии. Обычно его приезд в СССР в 1935 г. представляют как вызов для отчета о проделанной на первом этапе легализации работе, а также для знакомства с новым шефом военной разведки — Соломоном Урицким. Внешне все оно так и выглядело, но действительная причина его отзыва — это очередной грандиозный провал хорошо знавшего Зорге Хаскелевича. Он провалился 19 февраля 1935 г., а к лету Р. Зорге окружным путем прибыл в Москву. Однако вызов Зорге в Москву после провала Хаскелевича стал фактическим подтверждением того, что старый знакомый британской разведки — Р. Зорге — находится в Японии по заданию советской разведки. При всем том, что его отъезд, естественно, был соответствующе легендирован, тем не менее, совпадение по времени да при условии, что бритты его знали, автоматически давало серьезные основания для убежденности в том, что он отозван по указанию из Москвы из-за провала Улановского-Хаскелевича. И точно также возвращение Зорге в Японию вызвало у британской разведки очередной прилив подозрений. Что советская военная разведка далеко не спроста и не только ради разведывательных целей вертится в Японии вокруг германского посольства (кстати, в это время послом Германии в Японии был Дирксен, занимавший перед этим назначением аналогичный пост в Москве), военного атташе Германии и советника самого принца Коноэ. Именно не спроста, потому как в это время британская разведка по нарастающей получала агентурную и иную информацию о шашнях внутренней антисталинской оппозиции, как с представителями Германии, так и Японии. Естественно, что ход мыслей в ее выводах был предрешен — она откровенно усмотрела в этом попытку под вывеской разведывательной деятельности реализовать основной замысел военно-геополитического тройственного заговора. К этому британскую разведку обязывала и информация, которая поступала из Голландии, где под ее «колпаком» оказался резидент советской разведки — уже упоминавшийся выше Кривицкий, который вошел в тесный контакт с германскими заговорщиками в кругу приближенных к бывшему германскому кайзеру. Ни одна разведка не рассматривает такие данные как случайность, тем более, британская. Потому как получалось, что на плечевых концах тройственного заговора, грозившего трансформироваться в страшивший Великобританию континентальный блок, плотно висели представители советской военной разведки. Если вкратце резюмировать вышеизложенное, то выходит, что фигура хорошо известного британской разведке Рихарда Зорге стала нечто вроде «меченого атома». Особенно это стало характерно, когда и британская разведка пронюхала о ведущихся между Берлином и Токио секретных переговорах насчет заключения Антикоминтерновского пакта.

Если исходить из собственноручных показаний Зорге в японской контрразведке, его главное задание в Японии состояло в том, чтобы «отвести угрозу войны между СССР и Японией». Однако такое задание не является сугубо разведывательным. Оно выходит далеко за рамки сугубо разведывательной миссии. Это задание создать условия для оказания массированного политического влияния в выгодном для СССР направлении. Причем на основе использования прямо на месте добытой разведывательной информации. То есть разведывательная миссия Зорге в Японии изначально преследовала цели влияния на политику Японии. Результат это дало только в 1941 г. А до этого, за кулисами цели «отвести угрозу войны между Японией и СССР» достаточно легко было вести и иную работу по оказанию влияния — например, в рамках тройственного заговора. Тоже ведь «отвести войну»! Очевидно, неслучайно поэтому, что по свидетельству специалистов ГРУ, «план организации резидентуры в Токио (1933), определяющий цели создания и общие задачи резидентуры, излагающий предварительную схему ее организации и перечень намечаемых оргмероприятий, не был зафиксирован каким-либо специальным документом». Проще говоря, как ни странно, не сохранилось никаких специальных документов, фиксирующих цели создания, общие задачи и план организации токийской резидентуры Зорге. А ведь это просто немыслимо. Тем более что разработкой операции «Рамзай» руководил лично начальник военной разведки Я. Берзин. Значит, в разведывательной миссии Зорге в Японии, по меньшей мере, было нечто такое, чего даже Берзин не захотел доверять бумаге вопреки всем правилам планирования и проведения разведывательных операций. Так вот и спрашивается, что́ же это должно было быть, если даже сам шеф военной разведки Я.К. Берзин был репрессирован в рамках дела о военном заговоре, а Зорге попал под долгосрочный прессинг недоверия со стороны Москвы?! Кстати говоря, с 1932 г. военную разведку курировал никто иной, как будущий подельник Тухачевского — Ян Гамарник.

Зорге и верили, и не верили. Иногда просто верили или просто не верили, а затем, после 1937 г. настало время, когда ему перестали верить уже с большим смыслом. Потому что все, что было сказано

▲ Жуков и Тимошенко

выше, едва ли не мгновенно сложилось один к одному. В такой ситуации любая разведка начинает косо смотреть на своего сотрудника или агента. Ничего не поделаешь, законы разведки, увы, более чем суровы. К тому же следует учесть, что с разрешения руководства разведки, Зорге пошел на вербовку Абверу. Рано или поздно, но и это должно было сыграть злую шутку. Что касается его роли перед войной, то здесь необходимо сказать следующее. Он не сыграл какой-либо особой роли в определении времени и особенно даты нападения. Пальма первенства в этом принадлежит «Альте» — Ильзе Штёбе, а также другим агентам. Но Зорге сыграл серьезную роль в определении уровня и качества осведомленности гитлеровского командования об особой уцербности позиций советских войск у границы, чему, к слову сказать, в ГРУ сразу не поверили и потребовали объяснений. Роковая ошибка Зорге на том этапе состояла в том, что он изначально располагал такой информацией, но не сообщил ее сразу, а только по запросу ГРУ, на который ответил только 3 июля, когда было уже поздно.

Но самое главное, что сделал Зорге в ходе своей миссии в Японии, так это то, что он все-таки «отвел угрозу войны между СССР и Японией». Зато мы и обязаны свято чтить его память! Но при этом не забывать следующего. В том, что без тяжелых последствий удалось перебросить войска из Сибири и Дальнего Востока для уже спланированного контрнаступления под Москвой заслуга не только Зорге. Колоссальный вклад внесли и другие разведчики и резидентуры, не говоря уже о заслугах советской радиоразведки и криптографов, которые сумели расколоть самый тяжелый и особо защищенный код Страны Восходящего Солнца — «пурпурный».

И в заключение хотелось коротко осветить один вопрос. Как же могла случиться трагедия, если, как утверждает докладчик, разведка добыла едва ли не всю необходимую информацию?!

Ответ трагически прост. Все упирается в то, как была использована бесценная разведывательная информация. И тут приходится признать, что высшие военные руководители СССР, прежде всего, нарком обороны маршал С.К. Тимошенко и начальник Генерального штаба РККА генерал армии Г.К. Жуков, к глубокому сожалению, откровенно проигнорировали, если не сказать крепче, большую часть добытой разведывательной информации. Прежде всего, о направлениях главных ударов вермахта, не говоря уже о другом. ■

АВИАЦИЯ В КОНТРНАСТУПЛЕНИИ ПОД СТАЛИНГРАДОМ

▲ Подготовка к полету

Почти полтора года Красная Армия вела напряженную борьбу против армий фашистского блока. Создавшаяся тяжелая обстановка в первом периоде войны не сломила советский народ и его Вооруженные Силы. Сопротивление Красной Армии с каждым днем нарастало. Противник не смог достичь целей войны, поставленных на лето 1942 г.

К этому времени советские Военно-воздушные силы качественно изменились. Промышленность наращивала темпы выпуска авиационной техники, вооружения и боеприпасов. Повышалась живучесть самолетов за счет усиления броневой защиты экипажа и наиболее важных агрегатов, улучшения проектирования баков с горючим и противопожарного оборудования. В основном было завершено перевооружение ВВС на новые типы самолетов, что создавало условия для более успешного решения боевых задач.

Командование и штаб ВВС Красной Армии имели уже необходимый опыт в организации и ведении боевых действий авиации в крупных операциях и войне в целом. Стали лучше осуществляться взаимодействие авиации нескольких фронтов

и маневр ее силами по направлениям. Окреп авиационный тыл, хотя оснащенность его специальным и грузовым автомобильным транспортом была еще недостаточной. Батальоны аэродромного обслуживания получили опыт обеспечения авиационных полков в трудных условиях боевой обстановки. Более организованно осуществлялось перебазирование, улучшилась охрана и наземная оборона аэродромов, большое внимание уделялось их маскировке. Неустанно трудились инженерно-технический состав и воины других служб авиационных частей, обеспечивая своевременную подготовку самолетов к предстоящим боевым действиям. В ВВС имелось уже много авиационных полков, получивших боевые ордена и гвардейские знамена.

Была завершена перестройка партийно-политических органов. С введением единоначалия они стали больше уделять внимания укреплению авторитета командиров, усилению работы по воспитанию, а также бытовым вопросам личного состава. Значительно выросли партийные и комсомольские организации частей и соединений. Они пополнились молодыми воинами-авиаторами, большая часть из которых получила суровую закалку в минувших боях. Таким образом, советские ВВС к осени 1942 г. значительно укрепились.

Немецкие ВВС вместе с авиацией своих союзников к этому времени насчитывали на советско-германском фронте 3300 самолетов. По-прежнему отводилась решающая роль бомбардировочной авиации. Вместе с тем в германской промышленности наметилась тенденция к увеличению выпуска истребителей. Если в 1941 г. их было построено больше, чем бомбардировщиков, только на 11%, то в 1942 г. — уже на 27%. Поступили на фронт модифицированные истребители Ме-109ф, Ме-109Г-2 и новый тип истребителя ФВ-190, летно-тактические данные которого были несколько лучше ранее выпускаемых самолетов.

Производственная мощность германской авиационной промышленности была по-прежнему высокой. В 1942 г. она обеспечила выпуск 15400 самолетов, но восполнить потери ей не удавалось.

Воздушная обстановка к середине ноября 1942 г. характеризовалась повышением боеспособности и активности наших ВВС, которые уже имели численное превосходство над немецкой авиацией.

Советское Верховное Главнокомандование решило в ходе наступательных операций зимой 1942/43 г. лишить противника инициативы ведения войны и добиться коренного перелома в ходе войны. Главный удар предусматривалось нанести на юго-западном направлении по одной из самых крупных и самой активной вражеской группировке. В дальнейшем планировалось развернуть решительное наступление на южном крыле советско-германского фронта, а также провести одновременно ряд операций по улучшению положения наших войск на северо-западном и западном направлениях и ликвидировать блокаду Ленинграда.

▲ Пе-2

▲ Новиков А.А.

▲ Хрюкин Т.Т.

Для контрнаступления привлекались войска Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов. В их состав соответственно входили 17, 16 и 8-я воздушные армии. Для усиления воздушных армий трех фронтов решением Ставки ВГК из резерва было направлено два смешанных авиационных корпуса и семь отдельных дивизий. Кроме того, в интересах Юго-Западного фронта привлекалась авиация 2-й воздушной армии Воронежского фронта. Общее руководство всеми силами авиации осуществлял представитель Ставки ВГК по авиации командующий ВВС Красной Армии генерал А. А. Новиков, находившийся с небольшой оперативной группой в районе Сталинграда.

С учетом прибывших на пополнение авиационных частей и соединений к началу контрнаступления было сосредоточено 1414 самолетов, из которых 426 (По-2, Р-5, СБ) действовали только ночью. Противник на данном направлении имел 1216 самолетов.

Особое внимание обращалось на усиление фронтов штурмовой авиацией. Двухместные штурмовики Ил-2 к тому времени отлично зарекомендовали себя как самолеты поля боя, успешно взаимодействующие с пехотой и танками в наступлении и обороне. В самолетном парке четырех воздушных армий имелось 575 самолетов Ил-2.

Базирование авиационных полков 17-й и 16-й воздушных армий было приближено к участкам прорыва обороны противника. Авиационные части 8-й воздушной армии располагались на западном берегу Волги на расстоянии 100 — 150 км от участков прорыва. Из-за отсутствия разветвленных путей подвоза и малого количества автотранспорта ее аэродромы не были полностью подготовлены и располагали весьма ограниченными запасами бензина и боеприпасов. К началу контрнаступления наступил осенний ледоход, который еще более затруднил связь с правым берегом Волги.

В соответствии с замыслом Ставки ВГК войска трех фронтов в предстоящем контрнаступлении должны были нанести два мощных удара по флангам врага из районов северо-западнее и южнее Сталинграда по сходящимся направлениям на Калач, Советский, чтобы окружить, а затем разгромить его группировку.

На авиацию фронтов в ходе контрнаступления возлагалась задача прикрытия и поддержки ударных группировок, особенно танковых и механизированных корпусов, и ведения воздушной разведки. Большое внимание уделялось борьбе с немецкой авиацией. Завоевание господства в воздухе являлось одной из главных задач воздушных армий.

На основе поставленных задач авиационные штабы разработали планирующие документы на боевые действия авиации. В 8-й воздушной армии (командующий генерал Т. Т. Хрюкин, заместитель по политической части бригадный комиссар А. И. Вихорев, начальник штаба полковник Н. Г. Селезнев) основные усилия авиации сосредоточивались на поддержку ударной группировки фронта — 57-й и 51-й общевойско-

вых армий. Авиационную подготовку предусматривалось провести в ночь перед наступлением силами ночных бомбардировщиков По-2 и ударами штурмовиков по штабам и узлам связи перед атакой.

Содействие вводу в сражение и наступлению в глубине 13-го, 4-го механизированных и 4-го кавалерийского корпусов намечалось осуществлять ударами штурмовой авиации по огневым точкам и резервам противника, а прикрытие войск от воздействия вражеской авиации патрулированием истребителей в воздухе. В целях успешного осуществления взаимодействия с механизированными корпусами в глубине обороны противника каждому из них было придано по одному штурмовому и одному истребительному авиационному полку.

Для действий по резервам противника выделялась одна бомбардировочная дивизия. Часть сил авиации намечалось применить в интересах 62-й армии в случае перехода противника в наступление в полосе ее обороны.

Впервые боевые действия 8-й воздушной армии в наступательной операции были спланированы в форме авиационного наступления, которое предусматривало непрерывные действия авиации при подготовке атаки, в период атаки и во время действий пехоты и танков в глубине обороны противника.

В 17-й воздушной армии (командующий генерал С. А. Красовский, заместитель по политической части бригадный комиссар В. Н. Толмачев, начальник штаба полковник К. И. Тельнов) истребительные и штурмовые дивизии были оперативно подчинены командующим общевойсковыми и танковой армиями. По указанию командующего войсками Юго-Западного фронта генерала Н. Ф. Ватутина предусматривалось массированное применение авиации при нанесении ударов по резервам, танковым и моторизованным дивизиям противника.

В 16-й воздушной армии (командующий генерал С. И. Руденко, заместитель по политической части полковник А. С. Виноградов, начальник штаба генерал М. М. Косых) боевые действия авиации были спланированы на операцию с определением объектов действий и времени ударов на период прорыва тактической зоны обороны противника.

Авиации дальнего действия ставилась задача вести боевые действия в полосе Юго-Западного фронта по разрушению аэродромов, железнодорожных узлов, станций и воспрещению подхода резервов противника из глубины.

В соответствии с задачами и планами боевого применения авиации была проведена перегруппировка сил. Для усиления поддержки ударной группировки войск Юго-Западного фронта три авиационные дивизии 2-й воздушной армии Воронежского фронта (командующий армией генерал К. Н. Смирнов, заместитель по политической части генерал С. Н. Ромазанов, начальник штаба полковник Н. Л. Степанов) были перебазированы на правое крыло Юго-Западного фронта. Часть авиационных дивизий 2, 17 и 8-й воздушных армий за один-два дня до начала контрнаступления были перебазированы на передовые аэродромы.

В целях осуществления взаимодействия авиации с сухопутными войсками были разработаны плановые таблицы действий войск и авиации фронтов, в штабы общевойсковых армий направлены авиационные представители со средствами радиосвязи, а в 5 ю танковую и 21-ю армии Юго-Западного фронта — оперативные группы.

Для маскировки действительной дислокации авиационных частей строились ложные аэродромы. В 8-й воздушной армии на 25 действующих аэродромов было подготовлено 19 ложных, на 14 из них имитировались полеты ночью.

Много было сделано политорганами и партийно-комсомольскими организациями. Для воспитания личного состава на боевых традициях героического прошлого Красной Армии широко пропагандировалось обращение участников Царицынской обороны к защитникам города-героя. Накануне контрнаступления в частях и подразделениях проводились партийные и комсомольские собрания о задачах коммунистов

▲ Ватутин Н.Ф.

▲ Красовский С.А.

▲ Руденко С.И

и комсомольцев в предстоящей операции, а в ночь перед наступлением всему личному составу были зачитаны приказы военных советов фронтов.

Утром 19 ноября 1942 г. войска Юго-Западного фронта после мощной артиллерийской подготовки перешли в контрнаступление. Туман и низкая облачность исключили возможность действий авиации по намеченному плану. Только одиночные штурмовики наносили удары по войскам противника на направлении главного удара 5-й танковой армии.

После ввода в сражение 1-го и 26-го танковых корпусов войска фронта в первый же день прорвали тактическую зону обороны противника и продвинулись на 30 — 35 км. На пятый день операции, пройдя с боями до 150 км, наши войска освободили Калач и захватили несколько аэродромов противника. Это вынудило его срочно перебазировать авиацию на тыловые аэродромы и сократить ее действия в полосе наступления наших войск. Вследствие плохой погоды наша авиация продолжала действовать ограниченными силами.

Контрнаступление войск Сталинградского фронта началось 20 ноября. 8-я воздушная армия из-за тумана и плохой видимости действовала одиночными самолетами, уничтожая танки, кавалерию противника, и прикрывала части 13-го и 4-го механизированных корпусов. За четыре дня войска фронта успешно продвинулись на 115 км, овладели городом Советский и 23 ноября замкнули внутренний фронт окружения, соединившись в районе Калача с танковыми корпусами Юго-Западного фронта. В эти дни, несмотря на очень сложные метеоусловия, 8-я воздушная армия для поддержки войск совершила 340 самолето-вылетов.

16-я воздушная армия, поддерживавшая наступление 65-й и 24-й армий Донского фронта, из-за плохой погоды также не могла действовать с высокой активностью. За первые пять дней она совершила 238 самолето-вылетов для действий по живой силе и технике противника на поле боя, по его автоколоннам на дорогах и аэродромам.

Всего за время окружения вражеской группировки наша авиация произвела до 1 тыс. самолето-вылетов. Советские летчики, выполняя боевые задачи в сложных метеорологических условиях, показали образцы героизма и воинского мастерства. Так, 21 ноября шесть экипажей Ил-2, ведомые Героем Советского Союза капитаном В. М. Голубевым, вылетели для нанесения удара по аэродрому Совхоз «Победа Октября». На подходе к цели они были обстреляны зенитным огнем. Подавив средства ПВО, летчики атаковали аэродром и уничтожили восемь вражеских самолетов. На обратном маршруте штурмовики были атакованы истребителями. В ходе воздушного боя наши летчики сбили два Ме-109 и вернулись на свой аэродром без потерь.

Звание Героя Советского Союза Виктор Голубев получил здесь же, под Сталинградом, 12 августа 1942 г., а еще через год, 24 августа 1943 г., В. М. Голубев за новые выдающиеся подвиги в битве под Курском был награжден второй медалью «Золотая Звезда».

С 24 ноября погода несколько улучшилась, что позволило активизировать действия нашей авиации. Теперь она ежедневно совершала в среднем около 800 самолето-вылетов для прикрытия наступавших подвижных соединений, уничтожения живой силы и техники противника, ведения воздушной разведки, ударов по аэродромам, а также для транспортировки грузов войскам 62-й армии, отрезанным от своих тылов начавшимся ледоходом на Волге.

Стремительное продвижение наших войск вынудило вражескую авиацию перебазироваться на тыловые аэродромы. В результате этого, а также из-за понесенных потерь ее активность значительно снизилась. С 19 по 30 ноября авиация в среднем ежесуточно совершала по 115 самолето-пролетов.

Воздушные армии фронтов и авиация дальнего действия сосредоточивали свои удары по окруженной группировке противника. В конце ноября перед авиацией возникла новая задача — борьба с транспортной авиацией противника, пытавшейся снабжать по воздуху окруженную группировку. В первые недели для перевозки грузов привлекалось до 600 самолетов Ю-52, ФВ-200 и др. Позже, в связи с большими их потерями, противник вынужден был использовать для этой цели бомбардировщики Хе-111 и Ю-88. В начале декабря они стали осуществлять полеты группами в 20 — 40 самолетов под прикрытием истребителей.

Для воздушной блокады окруженной группировки в районе Сталинграда, которая продолжалась до капитуляции противника, привлекались 17, 16, 8-я воздушные армии и авиация дальнего действия.

Предпринятое в начале декабря наступление войск фронтов с целью ликвидации окруженной группировки не дало больших результатов. Противник упорно сопротивлялся. 12 декабря из района Котельниково сильная танковая группировка перешла в наступление и потеснила войска 51-й армии.

С 15 декабря, когда погода несколько улучшилась, наша авиация активными действиями уничтожала наступавшие танки и пехоту, а также эшелоны на перегонах. В результате активных действий войск и авиации дальнейшие попытки противника прорваться к своим окруженным войскам были ликвидированы. К 24 декабря и котельниковская группировка врага вынуждена была перейти к обороне, а затем начать отход.

За период 20 — 23 декабря 8-я воздушная армия совершила 758 самолето-вылетов для уничтожения танков и пехоты. Противнику были нанесены значительные потери, а войскам 51-й армии оказана существенная помощь в отражении наступления танковой группировки противника.

Одновременно с выходом. ударной группировки противника

▲ Смирнов К.Н.

▲ Голубев В.М.

на реку Мышкова активизировала свои действия и его окруженная группировка, которая в районе Карповки сосредоточила большое число танков и пехоты для наступления на соединение с танковой группировкой, находившейся уже на удалении 40 — 50 км от района окружения. Авиация 8-й и 16-й воздушных армий в это время систематически наносила удары по окруженным войскам, срывая их попытки прорвать фронт окружения. В момент наиболее напряженных боев на рубеже реки Аксай утром 18 декабря более 100 самолетов 16-й воздушной армии нанесли удар по скоплению противника в районе Карповки. Противник понес большие потери и был вынужден отказаться от дальнейших попыток вырваться из окружения.

В связи с начавшимся 12 декабря наступлением котельниковской группировки противника советское Верховное Главнокомандование приняло решение ускорить проведение наступательной операции Юго-Западного фронта с целью срыва планов противника по деблокированию его окруженной группировки. Войска фронта получили задачу нанести главный удар из района Верхний Мамон в направлении на Нижний Астахов, Морозовск, с тем чтобы выйти в тыл котельниковской группировки и во взаимодействии с 3-й гвардейской и 5-й танковой армиями, наносившими удар с востока, разгромить ее. С запада наступавшие войска обеспечивались 6-й армией Воронежского фронта, действовавшей на кантемировском направлении.

Для поддержки войск выделялось 455 самолетов 2-й и 17-й воздушных армий. Противник в этом районе также имел до 450 самолетов. Но в первые же дни операции соотношение в силах авиации несколько изменилось в нашу пользу в связи с приходом в состав 17-й воздушной армии вновь сформированного 3-го смешанного авиационного корпуса.

Войска Юго-Западного фронта перешли в наступление 16 декабря. Из-за плохой погоды в первые часы операции авиация не смогла поддержать войска, которые, встретив упорное сопротивление противника, продвигались медленно. Но в середине дня погода улучшилась, и это позволило совершить авиации более 200 самолето-вылетов в полосе наступления войск. Наши летчики бомбардировали и штурмовали узлы сопротивления, скопления войск в районах Твердохлебовки, Радченское, Богучара и аэродромы Тацинская, Морозовский. Продвижение наших войск ускорилось. К исходу 18 декабря стрелковые соединения совместно с танковыми и механизированными корпусами при поддержке авиации завершили прорыв укрепленной полосы обороны.

Действия 17-й воздушной армии высоко оценил командующий 3-й гвардейской армией генерал Д.Д. Лелюшенко:

«В течение 16—18 декабря 1942 г. летчики действовали отлично...».

В эти дни повторил подвиг капитана Гастелло летчик-штурмовик сержант Нуркен Абдиров, направив свой подожженный вражеским зенитным снарядом самолет в скопление танков противника. Абдирову было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

За первые пять дней наступления авиация в интересах войск Юго-Западного фронта совершила 2067 самолето-вылетов, в том числе 407 ночью. Ее эффективная поддержка позволила войскам развить успех и к исходу 21 декабря перехватить все пути отхода основных сил 8-й итальянской армии. Наиболее высоких темпов наступления достиг 24-й танковый корпус. За пять дней его части продвинулись вперед на 240 км. 24 декабря танкисты внезапным ударом овладели аэродромом и железнодорожной станцией Тацинская, где повредили до 350 вражеских самолетов и разгромили 5 складов с боеприпасами, 7 складов с продовольствием и вещевым имуществом. С выходом

▲ Лелюшенко Д.Д

▲ Молодчий А.И

▲ Ефремов Василий Сергеевич

подвижных соединений в этот район была перехвачена железнодорожная магистраль, питающая тормосинскую группировку противника.

В результате успешных действий Юго-Западного фронта были разгромлены 8-я итальянская армия и левое крыло группы армий «Дон». Наши войска при содействии авиации продвинулись на запад до 100 — 150 км, значительно отодвинув внешний фронт окружения и лишив противника возможности оказать помощь своей окруженной группировке. За время с 16 по 31 декабря 1942 г. 2-я и 17-я воздушные армии совершили 4177 самолето-вылетов, из них более 80% было затрачено непосредственно на содействие сухопутным войскам.

В эти же дни авиация 8-й воздушной армии активно поддерживала войска при разгроме котельниковской группировки. В первые дни наступления врага наши летчики помогли сухопутным войскам измотать и обескровить его танковую группировку в ожесточенных оборонительных боях на рубеже от Котельниково до реки Мышкова, а в дальнейшем они активно поддерживали их наступление. Когда 2-я гвардейская и 51-я армии стремительно начали продвигаться на юг, 8-я воздушная армия основные усилия сосредоточила для действий по отступающим войскам. В это время она частью сил, а также 16-я воздушная армия и авиация дальнего действия эффективно действовали по окруженной группировке и в значительной степени способствовали нашим войскам в срыве попыток врага прорвать внутренний фронт окружения.

В тяжелых и упорных боях под Сталинградом исключительное мужество и подлинный героизм проявил командир эскадрильи 10-го гвардейского ближнебомбардировочного авиационного полка старший лейтенант В. С. Ефремов. Он родился в этом городе, закончил ФЗУ и работал электромонтером, там же закончил школу военных летчиков.

Летчики эскадрильи под командованием В. С. Ефремова на самолетах СБ неустанно уничтожали вражеские самолеты на аэродромах, танки и пехоту на поле боя и в районе Котельниково и Тормосино. Только в битве у Волги В. С. Ефремов совершил около 100 боевых вылетов. За мужество и героизм в боях с немецко-фашистскими захватчиками 1 мая 1943 г. В. С. Ефремов был удостоен звания Героя Советского Союза, а 24 августа 1943 г. награжден второй медалью «Золотая Звезда».

Авиация дальнего действия наряду с выполнением задач по содействию нашим войскам наносила удары по резервам, железным дорогам и аэродромам противника. В период с 19 ноября по 31 декабря 1942 г. она совершила 962 самолето-вылета и сбросила на объекты врага более 900 тонн бомб, осуществляла перевозку грузов войскам фронтов. В битве под Сталинградом в частях авиации дальнего действия гремела слава комсомольского экипажа под

▲ Ил-2

командованием прославленного летчика Героя Советского Союза капитана А. И. Молодчего.

Бомбами, сброшенными Молодчим, были уничтожены десятки гитлеровских солдат и офицеров, взорваны склады боеприпасов, бензохранилища, подожжены железнодорожные эшелоны и станции, разрушены переправы, мосты и военные объекты. В битве на Волге он часто совершал по два вылета в ночь. В канун нового, 1943 г. в полку были подведены итоги боевых действий. Они оказались внушительными: 190 тыс. км пролетел экипаж Молодчего над территорией врага, свыше 200 тонн бомб сбросил он на различные военные и промышленные объекты и войска противника. За выдающиеся заслуги в борьбе с фашистскими захватчиками и проявленные при этом доблесть и героизм 31 декабря 1942 г. А. И. Молодчий был награжден второй медалью «Золотая Звезда». Это был первый дважды Герой Советского Союза в дальней авиации. Штурману экипажа С. И Куликову было присвоено звание Героя Советского Союза.

После разгрома тормосинской и котельниковской группировок снабжение по воздуху окруженной группировки оставалось для противника последней и единственной возможностью, чтобы продлить ее существование. Вражеская авиация понесла тяжелые потери. Увеличилось расстояние между внешним и внутренним фронтами окружения. Несмотря на это, немецкое командование не отказалось от попыток снабжать по воздуху войска, окруженные в районе Сталинграда. Борьба с авиацией стала главной задачей для наших ВВС. Большинство аэродромов, с которых действовал противник, находилось на расстоянии 250 — 350 км от района окружения; в результате этого сопровождение бомбардировщиков и транспортных самолетов истребителями стало невозможным. Они перешли к полетам ночью и днем только в сложных метеорологических условиях. Часть самолетов, пользуясь отсутствием к югу от района окружения сплошного фронта и аэродромов нашей авиации, следовали южнее этого района до восточного берега Волги, поворачивали на север и выходили в район Сталинграда с востока. В данной обстановке от нашего командования потребовалась организация круговой блокады окруженной группировки. Борьба с вражеской авиацией приобрела особенно актуальное значение.

За внешним фронтом окружения бомбардировщики и штурмовики уничтожали немецкие самолеты на их аэродромах. Для этого привлекались авиационные полки 17-й и 8-й воздушных армий и авиации дальнего действия. Особенно удачным был удар 9 января по аэродрому Сальск, где базировалось до 150 транспортных самолетов. Для их уничтожения были направлены семь Ил-2 под командованием капитана И. П. Бахтина в сопровождении истребителей. Первая атака самолетов по аэродрому была произведена внезапно, из-за облаков. Наши штурмовики совершили шесть заходов на цель. Бомбами, реактивными снарядами и пулеметно-пушечным огнем они вывели из строя и уничтожили более 70 самолетов Ю-52.

Между внешним и внутренним фронтами окружения в каждом из пяти секторов патрулировали истребители на вероятных маршрутах полетов противника, а также было организовано дежурство на аэродромах истребителей и штурмовиков для вы-

лета по вызову со станций наведения или «по-зрячему». В полосе, имевшей глубину 8 — 10 км и непосредственно прилегавшей к району окружения, авиация противника уничтожалась огнем зенитной артиллерии.

Наша авиация уничтожала вражеские самолеты в воздухе и на аэродромах в районе Бол. Рассошка, Карповка, Гумрак днем и ночью. Блокирование аэродромов ночью осуществлялось и самолетами По-2, которые сбрасывали бомбы по разгружавшимся транспортным самолетам противника.

Борьба с транспортными самолетами противника была успешной. В районе Больших Чепурников 18 самолетов 235-й истребительной авиационной дивизии во главе с ее командиром полковником И.Д. Подгорным атаковали 16 транспортных самолетов, летевших с грузом в район окружения. В первой же атаке они сбили девять Ю-52, из которых пять сгорели в воздухе, а остальные совершили посадку в поле на фюзеляж Восемь летчиков были взяты в плен. Остальные семь Ю-52 пытались уйти обратно, но наши истребители догнали их и уничтожили еще шесть самолетов. Лишь одному немецкому экипажу удалось уйти за линию фронта. Штурмовики уничтожали транспортные самолеты на аэродромах и в воздухе, за внешним фронтом и в районе окружения. Имея мощное вооружение, летчики Ил-2 вплотную подходили к ним и пулеметно-пушечным огнем или реактивными снарядами уничтожали их.

Воздушная блокада окруженной группировки в основном достигла своей цели. В воздушных боях и на аэродромах было уничтожено около 1200 самолетов противника, в том числе 80% транспортных и бомбардировщиков. Его окруженные войска оказались на голодном продовольственном пайке, ощущали острый недостаток в боеприпасах и бензине. Все это снижало их боеспособность и моральное состояние. Попытка немецкого командования организовать снабжение по воздуху крупной окруженной группировки своих войск потерпела крах. Были созданы благоприятные условия для ее полного уничтожения.

В период воздушной блокады успешно вели боевые действия части авиации дальнего действия. В это время образцы мужества и мастерства при выполнении боевых заданий в сложных метеорологических условиях показал штурман лейтенант В.В. Сенько. Ночью при сплошной облачности он безошибочно выводил свой самолет на железнодорожные узлы, сосредоточения войск, аэродромы и наносил точные удары по врагу. Освещением целей отважный штурман Сенько оказывал большую помощь своим товарищам в успешном выполнении боевых заданий.

За мужество и отвагу при выполнении боевых заданий В.В. Сенько

▲ Сенько В.В.

▲ Полбин И.С.

▲ Клещев Иван Иванович

25 марта 1943 г. было присвоено звание Героя Советского Союза. В последующем еще десятки раз он безошибочно водил группы дальних бомбардировщиков в глубокий тыл врага, нанося меткие удары по железнодорожным узлам, мостам, складам горючего и боеприпасам и другим важным объектам. За время войны В. В. Сенько совершил 430 боевых вылетов. Родина высоко оценила боевые дела, наградив его второй медалью «Золотая Звезда».

После того как Сталинградский фронт с 30 декабря 1942 г. был преобразован в Южный и перешел в наступление на ростовском направлении, задача по уничтожению окруженной группировки была возложена на Донской фронт, а воздушная блокада осуществлялась 16-й воздушной армией. Сорвав попытки противника деблокировать окруженную группировку, советское командование решило окончательно ее ликвидировать.

Воздушная обстановка в январе 1943 г. резко изменилась в пользу нашей авиации. Аэродромы противника находились на большом удалении, и его истребители не могли действовать в районе окружения. Самолетный парк 16-й воздушной армии был увеличен до 610 самолетов. Все ее силы направлялись на поддержку наступления только одной 65-й армии, наносившей главный удар.

Для обеспечения тесного взаимодействия с сухопутными войсками было организовано два вспомогательных пункта управления и вдоль линии фронта развернуто четыре радиостанции.

После того как ультиматум советского командования о капитуляции противником не был принят, на рассвете 10 января 1943 г. войска Донского фронта после мощной артиллерийской и авиационной подготовки перешли в наступление. 16-я воздушная армия, активно поддерживая войска при прорыве тактической зоны обороны, за сутки совершила 676 самолето-вылетов. Ее ударам подвергались войска, штабы, узлы сопротивления противника. Были прочно блокированы с воздуха аэродромы Большая Россошка и Питомник. Активно действовали летчики 2-го бомбардировочного авиационного корпуса (командир генерал И. Л. Туркель), которые в первый день операции совершили 172 самолето-вылета.

Окруженный противник яростно сопротивлялся и часто переходил в контратаки, которые с еще большей решительностью отражались войсками фронта при поддержке авиации. Наши войска к исходу 12 января заняли западную часть территории окруженной группировки. Успешно развивались боевые действия и в южном секторе. Под натиском войск 57-й армии противник с утра 15 января начал в беспорядке отступать к Сталинграду, а через шесть дней он был разгромлен.

▲ Чуйков В.И., командующий 62 армией

Советское командование вторично предложило гитлеровцам капитулировать. Но и это предложение было отвергнуто. Советские войска 22 января приступили к расчленению и полному уничтожению вражеской группировки. К исходу 24 января наши войска подошли к юго-западной и западной окраине города, а 26 января они соединились с войсками 62-й армии, находящимися в самом городе. Группировка врага оказалась расчлененной на две части, и вражеские войска целыми соединениями начали сдаваться в плен. 31 января капитулировала южная группа войск во главе с генерал-фельдмаршалом Паулюсом, а 2 февраля — северная.

16-я воздушная армия и авиация дальнего действия с 14 января и до полной ликвидации окруженной группировки активно поддерживали войска, нанося удары по живой силе и технике противника, уничтожали его самолеты на аэродромах и в воздухе.

Господство в воздухе, завоеванное в начале контрнаступления, благоприятно влияло на действия наших войск, бомбардировочной и штурмовой авиации. Если бомбардировщики и штурмовики в первой половине января действовали группами 3–9

▲ Борисов И.Г. Амет-Хан Султан

▲ Алелюхин А. В..

▲ Лавриненков В.Д,

самолетов с 1–2 заходов, то во второй половине января они совершали по 4–6 заходов на цель, сбрасывая в каждом из них по одной-две бомбы и обстреливая противника из пушек и пулеметов Бомбардировщики приступили к действиям группами до 40 самолетов.

В ходе боевых действий наряду с летчиками отвагу и мужество в боях проявляли и авиационные техники. 15 января на одном дальнем бомбардировщике в результате атак вражеских истребителей были разбиты приборы контроля винтомоторной группы и возник пожар. Находящийся в экипаже борттехник старший техник-лейтенант В.П. Ополев, тяжело раненный, вступил в единоборство с огнем. Ценой огромных усилий он ликвидировал очаг пожара, устранил повреждение, что позволило экипажу выполнить боевое задание и привести самолет на свой аэродром.

Всего за время подготовки и в ходе операции по ликвидации окруженной группировки с 1 января по 2 февраля 16-я воздушная армия и авиация дальнего действия совершили более 10 тыс. самолетовылетов. Нашим сухопутным войскам была оказана существенная поддержка

В ходе контрнаступления Красной Армии на южном крыле советско-германского фронта была разгромлена одна из крупнейших стратегических группировок противника.

С 19 ноября 1942 г. по 2 февраля 1943 г. 2, 17, 16 и 8-я воздушные армии и авиация дальнего действия совершили 35 929 самолето-вылетов. Авиация противника произвела около 18 500 самолето-вылетов. Советской авиацией было сброшено 141 тыс. бомб, 2 720 ампул с зажигательной смесью КС и израсходовано 30 тыс. реактивных снарядов. Войскам противника был нанесен значительный урон, а его авиация за период с 19 ноября по 31 января 1942 г. потеряла 3 тыс. самолетов.

За проявленную в боях с немецкими захватчиками отвагу, стойкость и организованность, за героизм личного состава впервые звание гвардейских получили 220-я и 268-я истребительные, 228-я и 226-я штурмовые, 263-я бомбардировочная и 272-я ночная бомбардировочная авиационные дивизии, 3, 17 и 24-я авиационные дивизии авиации дальнего действия и 102-я истребительная авиационная дивизия ПВО страны, которыми соответственно командовали полковники А. В. Утин, Б. А. Сиднев, Г. И. Комаров, подполковник Ф. З. Болдырихин, полковники Ф. И. Добыш и П. О. Кузнецов, генерал Д. П. Юханов, генерал Е. Ф. Логинов, подполковник Б. В. Бицкий, полковник И. Г. Пунтус. В 8-й воздушной армии 17 летчикам было присвоено звание Героя Советского Союза, а 3 тыс. авиаторов награждены орденами и медалями. В небе над Волгой родилась слава таких летчиков-героев, как И. С. Полбин, И. И. Клещев, В. Д. Лавриненков, А. В. Алелюхин, В. Н. Макаров, И. П. Моторный, З. В. Семенюк, Амет-Хан Султан, В. М. Голубев,

В. С. Ефремов, И. Г. Борисов и многих других. За участие в боях за Сталинград почетные наименования были присвоены 2 авиационным корпусам, 12 авиационным дивизиям и 21 авиационному полку.

Во время контрнаступления шире, чем в предшествующих операциях, осуществлялись маневр и сосредоточение авиации на направлении главных ударов сухопутных войск. Для организации взаимодействия видов авиации в районе боевых действий почти все время находился командующий ВВС Красной Армии маршал авиации А. А. Новиков. Являясь представителем Ставки ВГК по авиации, он участвовал в разработке плана контрнаступления, определял боевое напряжение авиации, распределял авиационные резервы и занимался вопросами материального обеспечения боевой деятельности авиации.

Советские ВВС получили опыт организации и ведения боевых действий при окружении и уничтожении крупной группировки противника.

Управление авиацией в ходе контрнаступления во всех воздушных армиях было в основном централизованным. На направлениях главных ударов организовывались вспомогательные пункты управления. Опыт их работы был отражен в инструкции ВВС, изданной в мае 1943 г. Главным средством управления авиацией, как на земле, так и в воздухе, стали радиосредства.

Наряду с боевой авиацией в операции принимали участие сотни самолетов Гражданского воздушного флота, которые выполняли задачи по транспортировке грузов, поддержанию связи штабов с передовыми частями и эвакуации раненых. За время битвы на Волге они совершили свыше 46 тыс. самолето-вылетов, перевезли около 31 тыс. солдат и офицеров и 2 587 тонн военных грузов, за что получили высокую оценку. Сотни летчиков, штурманов, инженеров и механиков были награждены орденами и медалями.

Большой опыт в работе получил авиационный тыл. В ходе операции его части научились успешно обеспечивать боевые действия авиации зимой при быстрых темпах наступления сухопутных войск.

Для переброски и снабжения авиационных частей успешно использовался и воздушный транспорт.

Одним из ярких показателей эффективности партийно-политической работы был рост рядов партии и комсомола. По неполным данным, за период боев между Доном и Волгой в 8, 16 и 17-й воздушных армиях было принято в партию 3 353 и в комсомол 863 человека.

Победы, одержанные Красной Армией в битве на Волге, коренным образом изменили обстановку на других участках советско-германского фронта и создали благоприятные условия для массового изгнания оккупантов из пределов нашей страны. ■

▲ В центре в кителе командующий Дальней авиацией Голованов Е.А.

Ф.П. ПОЛЫНИН

ВЫПОЛНЯЯ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ ДОЛГ

▲ Летчики-добровольцы

ПЕРВАЯ КОМАНДИРОВКА В КИТАЙ

Впервые мне довелось побывать в Китае в 1933–1934 гг. Несмотря на существование центрального правительства в Нанкине, в стране хозяйничали милитаристы, не прекращавшие междоусобных войн. От этого страдал прежде всего трудовой народ.

В 1933 г. на северо-западе Китая в приграничной провинции Синьцзян к власти пришло правительство, придерживающееся довольно прогрессивных для того времени взглядов. Дубань (правитель) Синьцзяна Шэи Шицай, формально признавая нанкинское правительство на деле пользовался неограниченной властью, ввел свои порядки, создал местную денежную систему и т.д. Правда, в этом он не был оригинален, так поступали многие китайские губернаторы-феодалы. Вместе с тем дубань проявлял дружеское отношение к СССР. Советский Союз, заинтересованный в длительном и прочном мире на своих границах, видя свой интернациональный долг в поддержке борьбы китайского народа против иностранных поработителей, счел возможным заключить с Синьцзяном ряд соглашений, в том числе торговое.

По просьбе провинциального правительства в Синьцзян была направлена группа советских инструк-

Полынин Федор Петрович (1906-1981), родился 7 (20) октября 1906 года в селе Сухой Отрог, Саратовской губернии, советский военачальник, генерал-полковник авиации (1946), Герой Советского Союза (1938). В Красной Армии с 1928 года. Окончил теоретическую школу летчиков (1929), Оренбургскую школу летчиков и летнабов (1931), курсы усовершенствования нач. состава при Военно-воздушной академии (1935), Военную академию Генштаба (1955). С января 1936 года командир авиационного отряда. С ноября 1937 по апрель 1938 добровольцем сражался в Китае против японских захватчиков. За мужество и отвагу, проявленные в боях, был удостоен звания Героя Советского Союза. С июня 1938 года старший инспектор по технике пилотирования ВВС Красной Армии. С октября 1939 года зам. командующего ВВС Киевского Особого военного округа. Командующим ВВС 13-й армии участвовал в советско-финляндской войне 1939-1940 гг. С августа 1940 года командир 13-й бомбардировочной авиадивизии, в этой должности вступил в Великую Отечественную войну. С августа 1941 года командующий ВВС Брянского фронта. С мая 1942 года зам. командующего 2-й, с сентября 6-й воздушной армией на Брянском и Северо-Западном фронтах. В 1943-1944 гг. командующий 6-й воздушной армией на Северо-Западном, 2-м и 1-м Белорусских фронтах. Принимал участие в битве под Москвой, в боях при освобождении Правобережной Украины, в Белорусской, Люблинско-Брестской, Варшавско-Познанской и Берлинской операциях. С ноября 1944 и до 1947года командующий ВВС Войска Польского. В 1947 году возвратился в СССР. С августа 1959 по май 1971 начальник тыла ВВС. Награжден 2 орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, 5 орденами Красного Знамени, 2 орденами Кутузова 1-й степени, орденами Кутузова 2-й степени, Трудового Красного Знамени, 2 орденами Красной Звезды, боевыми медалями и иностранными орденами и медалями.

торов-летчиков, в которую включили и меня. В нее входили также летчики Сергей Антоненок, Трофим Тюрин, штурман Александр Хватов, техники Сергей Тарахтунов и Павел Кузьмин.

Нам выделили два купе в поезде дальнего следования, билеты вручили заранее.

На Восток выехали ноябрьским вечером 1933 г. До Семипалатинска поезд шел чуть ли не неделю. За это время успели ближе познакомиться друг с другом. Мы старались ничем не привлекать внимание к себе. Одеты были во все гражданское. Лишь глубокой ночью, когда все спали, позволяли себе перекинуться несколькими словами о предстоящих делах. Вопрос, что нас ожидает, волновал каждого. Естественно, как специалисты мы чувствовали себя уверенно. Но нас беспокоили предстоящая встреча с новыми для нас нравами и в особенности незнание китайского языка, а ведь без этого научить летному делу крайне трудно.

— Э, да что толковать, — успокаивал нас никогда неунывавший Сергей Тарахтунов. — На месте увидим, что делать. Верно, Трофим?

Тюрин улыбнулся и согласно кивнул головой.

В Семипалатинске, сойдя с поезда, мы разыскали китайское консульство, оформили соответствующие документы и на другой день отправились дальше. Снежный вихрь бушевал за окнами вагона, в вентиляционных люках свистел ветер. Температура в купе упала чуть ли не до нуля. Мы надели на себя все, хранившееся в чемоданах, но согреться не могли.

Поезд шел по Туркестано-Сибирской железной дороге, построенной совсем недавно. «Турксиб», как тогда называли крупнейшую новостройку страны, соединил два богатейших экономических района — Сибирь и Среднюю Азию.

Сошли на маленькой станции Аягуз, затерявшейся в бескрайней степи. Там нас уже ждали. На ночевку разместились в деревянном бараке. Мне, как старшему группы, вручили пакет. Поспешно разорвав конверт, прочел лаконичное распоряжение:

«Собрать самолеты Р-5, и быть готовыми к перелету».

— А где они? — спрашиваю встретивших нас товарищей,

— Тут, неподалеку от станции.

На трассе Алма-Ата — Урумчи

На следующий день с трудом откопали занесенные снегом деревянные ящики, в которых находились части разобранных самолетов. Летное обмундирование стесняло движения, и мы выпросили валенки, полушубки и теплые перчатки. Трудились с утра до позднего вечера на 30-градусном морозе. Даже снимать перчатки было рискованным, пальцы буквально прикипали к металлу. Наконец, машины собрали и поставили на лыжи. Что бы не сорвало ветром, закрепили тросами. Заправили баки.

Когда немного прояснилось и ветер стих, мы поочередно облетали самолеты. Самый строгий осмотр не обнаружил изъянов в работе. Да и не мудрено: техники были опытные, работали в Научно-исследовательском институте Военно-Воздушных Сил и знали самолеты до винтика.

Некоторое время спустя наша группа перелетела на небольшой полевой аэродром вблизи границы. Здесь пришлось задержаться. Минули третьи сутки, а команда на вылет не поступала. За это время успели изучить по китайским картам рельеф местности, над которой предстояло лететь, запомнить названия речек, горных вершин, населенных пунктов.

Но вот со стороны Тарбагатая показался самолет. Бежим навстречу. Из кабины на землю спрыгнул немолодой летчик, пред ставился: Геннадий Белицкий. Он рассказал, что в Синьцзяне уже начала формироваться авиационная школа, но пришлось на время приостановить все: вспыхнула междоусобная война. Генерал Ма Чжуин, подстрекаемый японскими милитаристами, поднял вооруженный мятеж против провинциального правительства. Его войска окружили столицу Синьцзяна г. Урумчи и штурмуют крепостные стены. Губернатор провинции Шэн Шицай просит о помощи.

Урумчи расположен в долине, с трех сторон замкнутой горами, Население около 30 тыс. человек, преимущественно уйгуры и дунгане. Значительно меньше было китайцев и совсем немного русских.

— А есть ли аэродромы по пути и Урумчи? — спрашиваю Белицкого,

Он улыбнулся:

— Какие там аэродромы? Полевые площадки, кое-как очищенные от крупных камней.

— А как с горючим? Одной заправки до Урумчи не хватит.

— Садитесь в Шихо и ждите дальнейших указаний.

В ночь на 25 декабря нас подняли по тревоге. До аэродрома — рукой подать, всего 3 км, а добирались туда часа два. Бушевала метель, с ног валило. По прибытии нам объяснили:

— Предстоит боевое задание. Загрузите самолеты бомбами, захватите второй боекомплект к стрелковому вооружению. Не забудьте взять запас бензина.

Остаток ночи прошел в хлопотах. Наконец все было готово к вылету. Первым взлетел на своем Р-5 Костя Шишков, за ним я. Тяжелогруженая машина долго скользила по неровному от ветра снежному насту, пока, наконец, не оторвалась от земли. За мной в воздух поднялся Сергей Антоненок.

Я облегченно вздохнул: взлетели благополучно. Но самое трудное впереди. Перевалим ли через горный хребет Тарбагатай? Высота его 4 тыс. м, вершины гор закрыты облачностью. Оставалось одно: подняться как можно выше и лететь вслепую. А на самолетах не было ни радиостанции, ни кислородного оборудования. Высотомер, указатель скорости, компас, часы — вот и все паши приборы. При таком оборудовании полеты в сложных погодных условиях рискованны. Как только вошли в облака, потеряли из виду друг друга, каждый ориентировался самостоятельно.

Хронометр неумолимо отсчитывал минуты. По времени горы должны были остаться позади, а вокруг по-прежнему клубились облака. Снижаться опасно. Строго выдерживаю высоту, пока внизу не появляются «окна». Сквозь разрывы в облаках вижу каменистое плато. От кислородного голодания немного подташнивает, решаю снизиться. Передо мной открылась пустынная Джунгария, глазу остановиться не на чем. Ни деревца, ни кустика. Голые камни и песок.

Вглядываюсь в облака в надежде увидеть самолеты товарищей. Справа чуть позади замечаю черную точку. Сбавляю скорость, чтобы отставший догнал меня. По бортовому номеру узнаю машину Кости Шишкова. А где же Антоненок? Сколько ни смотрю, никого не видно. Оказалось, что Антоненок потерял ориентировку и вернулся.

Летим вдвоем. Внизу показалось какое-то селение. Смотрю на карту:

похоже Шихо. Приземляемся. К нам подходит высокий тучный офицер. На плечах у него погоны полковника царской армии. Вскинув руку к папахе, он представляется;

— Полковник Иванов. Как долетели, господа? Признаться, вначале я опешил от такого обращения! Советским людям было дико слышать «господа». Но взяв себя в руки, я представился, правда под другой фамилией.

— Давно вас ждем, господа, — продолжал полковник, с улыбкой покручивая свои черные, с проседью усы.

— Простите, кто вы будете? — не удержался я от вопроса,

— Командир кавалерийского полка русских эмигрантов, — ответил Иванов. — Мой полк входит в состав бригады китайских правительственных войск. Здесь я оказался потому, что мне, как русскому, приказано встретить вас.

«Час от часу не легче, — с горечью подумал я. — Не успели опомниться от рискованного полета через Тарбагатай, как вдруг новая неожиданность — стали не то гостями, не то пленниками полковника царской армии».

— Прошу вас, господа, — Иванов жестом показал на стоявший невдалеке тарантас, запряженный четверкой волов. — Вас ждут.

«Кто ждет? — пронеслась в голове тревожная мысль, и я невольно переглянулся с Шишковым. — Уж не расправа ли?»

— Прошу прощения, — отвечаю полковнику. — Мы не можем задерживаться. У нас задание лететь в Урумчи.

— Но там же... — предостерегающе начал он.

— Нас об этом предупредили.

— В таком случае не смею задерживать, — козырнул полковник.

Дозаправив самолеты горючим, мы передали остаток бензина китайцу. Минут через десять Шишков и я снова поднялись в воздух. Видимость была прекрасной, и наша пара без затруднений вышла на Урумчи.

Подлетая к городу, мы увидели у крепостной, стены огромную массу людей. Мятежники штурмовали крепость. Тускло мелькали частые вспышки выстрелов. Позади штурмующей пехоты гарцевали конники. И мне, и Шишкову доводилось бомбить цели только на полигонах. Нетрудно понять, какое волнение охватило нас.

Снижаемся и начинаем поочередно бросать в гущу мятежных войск 25-килограммовые осколочные бомбы. Внизу взметнулось несколько взрывов. На выходе из атаки штурманы строчат из пулеметов. Видим, толпа мятежников отхлынула от стены и бросилась бежать. Обогнав ее, помчалась в горы конница. На подступах к крепости отчетливо выделялись на снегу трупы. Почти у самой земли мы сбросили последние бомбы. Мятежники точно обезумели от внезапного воздушного налета. Позже выяснилось, что суеверные вояки генерала Ма Чжуина восприняли падающие с неба бомбы как божью кару. Никто из них ни разу в жизни те видел самолета. Разогнав мятежников, мы возвратились в Шихо.

В очередном боевом вылете нам предстояло разведать, не собрал ли снова генерал Ма Чжуин свои силы, рассеянные под Урумчи. Бензина в запасе не оказалось. Пришлось заправить и выпустить только самолет Кости Шишкова. Полетел он на разведку и не вернулся. Уже спустились сумерки, а его все нет. Неужели погиб?

К ночи привезли бензин. Мы со штурманом заправили машину, пополнили боеприпасы и утром, чуть свет, вылетели на поиски товарища. Но несмотря на все старания, обнаружить его не удалось. Заметив в одном из ущелий скопление конницы мятежников, Алеша Завьялов сбросил на нее все бомбы.

На следующий, день утром продолжались поиски Шишкова. Около двух часов безуспешно кружили мы над окрестностями Урумчи. И лишь на обратном пути заприметили самолет, искусно скрытый у самой крепостной стены. Самолет нашли, хорошо! Но где Костя? Если жив — почему не дает о себе знать? О своей тревоге сообщили нашему консулу.

К счастью, Костя Шишков был жив-здоров. Оказывается, его само-

▲ Летчики-добровольцы

▲ Китайские авиаторы

лет подбили мятежники, пришлось садиться на вынужденную. Приземлился он у крепостной стены Урумчи. Защитники города тотчас же бросились спасать летчика. Самолет успели подтащить я стене и замаскировать. Только с воздуха его можно было обнаружить.

Вскоре мятеж был подавлен. В честь победы был устроен большой прием. Губернатор провинции наградил всех советских летчиков, участников боевых действий. После подавления мятежа советские летчики-инструкторы занялись своими непосредственными обязанностями — подготовкой китайских летчиков. Для организации авиационной школы в Синьцзяне Советский Союз передал Китаю несколько самолетов Р-5 и По-2 со всем оборудованием. Была направлена и большая группа опытных инструкторов. Кроме ранее названных мною товарищей здесь работали Т. Мизерский, А. Сорокин, В. Шней, М. Колокольцев, А. Найденко, Г. Андрианов, П. Доброгаев, Калинин и др. Немалая заслуга в организации школы принадлежит советникам Г. И. Белицкому, Мамонову, М. Ф. Григорьеву. И все-таки создание школы продвигалось довольно медленно. Основные трудности возникали при наборе курсантов. Очень немногие китайские военнослужащие владели грамотой. А ведь изучать сложную авиационную технику непросто. Отсталость страны, скованной феодальными порядками, проявлялась везде и особенно здесь, в Синьцзяне. Отгороженный от остальной территории Китая высочайшими горными хребтами и безжизненными пустынями, он как бы застыл на пороге средневековья.

Начальником авиашколы китайское командование назначило генерала Вана. Меня определили к нему старшим советником по авиации.

С грехом пополам генерал набрал нужное количество кандидатов в летчики, и они приступили к занятиям. Тяжело приходилось ученикам, а учителям и того тяжелей. Многие курсанты самолета вообще никогда не видели. Изучая элементарные основы аэродинамики, они никак не могли понять, как это пропеллер может сам «ввинчиваться» в воздух и тянуть за собой такую тяжелую машину. К тому же никто из нас не говорил по-китайски, а слушатели совершенно не понимали русскую речь. Вот тогда-то нам очень пригодились приобретенные в академии навыки практического показа.

Однако китайцы пусть медленно, но все же делали первые успехи в учебе. Настал день, когда их допустили к вождению самолета. С каким упоением и восторгом они это выполняли! Прокатившись на быстрокрылой машине, курсанты собирались в кружок и начинали что-то громко обсуждать, энергично размахивая руками.

Мы поражались прилежности своих учеников. Они часами сидели на земле, не шелохнувшись и слушали лекцию, забывая об обеде и отдыхе. Особенно нравились им практические занятия. К машине они относились как к живому существу, буквально боготворили ее.

Между китайцами и нами установились дружеские отношения. Они понимали, что советские люди оказывают их родине бескорыстную помощь.

В китайской армии того времени господствовала жестокая палочная дисциплина. Солдата не считали за человека. Выходец из крестьян, он и в военной форме оставался «рабочей скотинкой», бесправным существом. Офицеры, рекрутируемые из привилегированных слоев общества, свысока относились к черни. Для них ничего не составляло до крови избить солдата или посадить его в яму, морить жарой, холодом или жаждой.

Однажды на наших глазах офицер избил будущего летчика только за то, что тот уронил котелок и якобы наделал шуму. Солдат стоял как вкопанный, не уклоняясь от ударов, а когда экзекуция кончилась, еще и поклонился офицеру «за науку». Нам очень хотелось заступиться за невинного человека, но, как говорится, со своим уставом в чужой дом не ходят.

Все это вынуждало нас с большим уважением относиться к простым людям, и они платили нам любовью. Бывало, принесут корзину яблок и от всей души угощают:

— На, ку-шай. Карашо ку-шай.

Мы старались не принимать подарков, но китайцы обижались.

По просьбе правительства провинции нередко мы совершали и далеко не учебные полеты, связанные с большим риском. Однажды мы со штурманом Тимофеем Мизерским отправились по неотложному делу в южную часть Синьцзяна. Погода стояла скверная. Сплошная облачность закрывала горы. Возвращаться назад уже поздно — горючего не хватит.

Стали искать обходный путь. Только через шесть часов полета заметили на вершине горы Ямашань сравнительно ровную площадку. Надо немедленно приземлиться, пока ее не закрыл туман. Идем на риск, но ничего не поделаешь: парашютов у нас не было. Я сбавил скорость, рассчитываю, как бы поточнее «притереть» самолет к земле. Слева — скала, справа — пропасть, и все-таки сел. Расскажи мне сейчас что-либо подобное — не поверил бы. Высота над уровнем моря около 2 тыс. м. Сошли с Мизерским на землю и обнялись: живы остались.

Отправляю штурмана вниз, в долину. Там, километрах в семи, находится наш аэродром. Надо же дать знать о себе, да и горючее на исходе. Сам остался у самолета. Спустилась ночь, в ущельях зашумел ветер. «Вот хорошо, — подумал я. — К утру туман разгонит». Но вместе с ветром крепчал мороз. Укрылся в кабине, а согреться не могу. И есть хочется, и холод донимает. Так и просидел до рассвета, не смыкая глаз.

Утром вижу: в мою сторону мчатся конники. Свои? Чужие? Прильнул к пулемету. Но опасения напрасны. На помощь спешили местные жители, а с ними Мизерский и техник Кузьмин. Две лошаденки тащили на спинах связанные веревками канистры с бензином.

После заправки китайцы помогли развернуть самолет в обратную сторону. На первый взгляд площадка была достаточной для разбега машины. Попрощались мы с китайцами, поблагодарили за помощь, начали разбег. Но оказалось, что я просчитался, дистанции для разбега не хватило, и самолет над обрывом про-

▲ Летчики-добровольцы

валился. Однако поскольку нужная скорость была достигнута, машина как бы зависла над пропастью, а потом постепенно набрала скорость и высоту. Опасность миновала. Погода в тот день стояла ясная, и мы благополучно добрались до Урумчи.

Каждый полет в горах Синьцзяна был связан с риском. Погода изменчива, горы безлюдные, растительности никакой. Окажись один на один с этим суровым краем — мало надежды выжить. Вылетая на задания, мы брали с собой запас продуктов, спички, нож, перевязочные материалы и другие необходимые в таком случае вещи. Особенно донимали ветры ураганной силы. Они бросали самолет как пушинку, на земле поднимали тучи пыли, даже крупную гальку. В таких случаях самолеты приходилось привязывать.

Однажды я куда-то улетел и вернулся на аэродром через несколько дней. Смотрю и глазам не верю: на поле ни единого самолета. Куда подевались? Подошел начальник отряда Алексей Разоренов, расстроенный, чуть не плачет.

— Что случилось? — встревожился я.

— Отлетались, — говорит. — Вся наша авиация вон в тот овраг свалилась, — и махнул рукой в сторону от аэродрома.

Оказалось, накануне разразился тайфун. Самолеты сорвало с крепежных тросов и унесло в овраг. Они были так изуродованы, что из 18 не могли собрать ни одного.

Глубокой осенью 1934 г. вернулись на Родину. В благодарность за оказанную помощь местные власти устроили советским летчикам теплые проводы. На смену нашей группе из Советского Союза прибыли новые инструкторы.

ЩИТ И МЕЧ

Вторая половина 30-х годов ознаменовалась резким обострением военно-политической обстановки в мире. Надвигались грозовые тучи второй мировой войны. Гитлеровская Германия, фашистская Италия и милитаристская Япония, заключив «антикоминтерновский пакт», открыто приступили к развязыванию военных действий в Европе и Азии.

В 1936 г. вспыхнул фашистский мятеж в Испании. Гитлеровская Германия и фашистская Италия, пользуясь политикой не вмешательства, которую проводили в то время правящие круги Англии и Франции, развернули широкие военные действия против испанского народа. Весь мир, затаив дыхание, следил за героической борьбой испанских трудящихся.

Правители милитаристской Японии решили, что настал и их час. Летом в 1937 г. они совершили вероломное нападение на Китайскую республику. Началась национально-освободительная война китайского народа с сильным и коварным врагом.

...После окончания курсов усовершенствования начсостава я получил назначение командиром отряда тяжелых бомбардировщиков (ТБ-3) в той же бригаде академии, где служил и раньше. Мы занимались изучением скоростного бомбардировщика СБ, только что появившегося в Военно-Воздушных Силах.

На исходе 1937 г. меня вызвали в одно из управлений:

— В Китае идет война. Японские милитаристы уже захватили все жизненно важные центры северо-восточной части страны. Китайское правительство обратилось к нам за помощью. Туда на днях вылетает группа советских летчиков-добровольцев. Нет ли у вас желания еще раз приложить там свои знания и опыт?

Честно говоря, я ждал такого предложения, потому что страдания китайского народа были близки мне. Согласился без колебаний.

— В таком случае заканчивайте дела в академии и выезжайте в Алма-Ату.

Мне было поручено возглавить экипажи второй группы бомбардировщиков СВ, направляемых для участия в боевых действиях в Китае. Экипажи скомплектованы в составе 31 пилота и 31 штурмана, а также соответствующего количества инженерно-технического персонала. Всего в эту группу входило примерно 150 советских военных специалистов (окончательно она оформилась позже, в Ланьчжоу, на базе московских и забайкальских отрядов).

До столицы Казахстана мы ехали поездом. Сюда же в огромных контейнерах привезли в разобранном виде самолеты-бомбардировщики. Заводская бригада специалистов сравнительно быстро смонтировала их, поставила на колеса. Им помогали пограничники. Десять дней ушло на облет самолетов.

Пока налаживали технику, с разных концов страны стекались экипажи. С радостью увидел я некоторых моих товарищей из авиационной академической бригады: Я. Прокофьева, Б. Багрецова, А. Купчинова, Г. Карпенко, В. Землянского, Г. Сорокина. В числе добровольцев были самые опытные воздушные бойцы, преимущественно коммунисты. Все они готовы были жизнь отдать за правое дело многострадального китайского народа в его борьбе, за национальную независимость.

Примерно в то же время в Китай готовились вылететь еще два отряда бомбардировщиков. Летчики-добровольцы из разных частей прибывали в Иркутск. За ними следом по железной дороге доставляли самолеты. Возглавлял группу командир бригады Г. Тхор, недавно вернувшийся из Испании. Их маршрут проходил через Монголию, Сучжоу, Ланьчжоу в Ханькоу.

И здесь подобрались опытные авиаторы, в основном командиры звеньев. Многих из них я помню по именам. Это летчики С. М. Денисов, В. И. Клевцов, А. И. Жаворонков, Синицын, С. Е. Сорокин, А. М. Вязников, А. П. Разгулов, Савченко, В. Ф. Стрельцов, В. М. Богдан, Румянцев, А. К. Кочерга, штурманы Ф. В. Федорук, А. Г. Поповец, В. И. Кузьмин, Г. П. Якушев, С. В. Фролов, В. В. Песоцкий, Г. Лакомов. Правда, экипажи пока не были укомплектованы воздушными стрелками. Первое время их заменяли техники самолетов.

В Китай вылетели в ноябре. Первую посадку сделали в Кульдже, Там ко мне, как к старшему группы, подходит штурман корабля ДБ-3 Ники-

▲ Мост через реку Хуанхэ

та Ищенко, только что вернувшийся из Урумчи и говорит:

— Советую с вылетом на Урумчи повременить. За горами свирепствует снежная буря.

Вначале я последовал его совету, но утром пришел к выводу, что необходимо продолжать путь. В телеграмме, полученной накануне, значилось категорическое требование «не задерживаться». Думаю, справимся, лететь вслепую приходилось не раз.

За те три года, что я покинул Китай, трасса не претерпела изменений. Попрежнему не было ни навигационного, ни метеорологического обеспечения полетов. Оставалась надежда только на себя, на свой опыт. Собрав экипаж, я назвал запасные посадочные площадки на случай, если пурга помешает выйти на аэродром назначения. «Быть готовыми действовать самостоятельно!» — таков был наказ командирам экипажей.

Над горами царило относительное спокойствие. Но потом, как и предупреждал Ищенко, мы попали в такую катавасию, что я не на шутку встревожился. Снежные комья ударяли в стекла, самолеты бросало из стороны в сторону. В пурге мы сразу же потеряли друг друга, и каждый действовал на свой страх и риск, Радиостанций на самолетах попрежнему не было. Долго ли длилась схватка со стихией — трудно сказать, но тогда казалось — вечность. Самолеты, конечно, разбросало, как лодки в штормовом море, и они собрались лишь на подходе к Урумчи.

Приземляемся один за другим. Хожу по аэродрому, считаю машины. Слава богу, все целы. Тогда-то я и проникся твердым убеждением: раз уж выдержали такое трудное испытание, сам черт не страшен.

На аэродроме появились летчики-китайцы, которых мне в свое время довелось учить пилотажу. Они сразу же узнали меня.

— Ой, ка-ра-шо! Ой, ка-ра-шо! — восклицали китайцы. Мне было приятно сознавать, что мои бывшие ученики — самостоятельные летчики.

На аэродром приехал начальник школы Ван, учтиво раскланялся.

— Вас приглашает губернатор Шэн.

Встреча с генерал-губернатором длилась недолго. Сохранилось впечатление, что после подавления мятежа он чувствовал себя уверенно, был в хорошем расположении духа.

— В школе, которую вы создали, — сказал он, — продолжаются занятия.

Он же сообщил, что в Синьцзяне начался сбор средств на приобретение в Советском Союзе самолетов-истребителей типа И-16.

Из Урумчи тронулись в путь через день. При посадке в Сучжоу произошла непредвиденная задержка. Разразилась пыльная буря. Самолеты привязали к вбитым в землю кольям. На этом аэродроме нам пришлось лихо. Только через 15 дней стихла буря, и мы получили возможность следовать в Ланьчжоу.

Еще в Урумчи нам выдали подробные карты местности, по ним мы

проследили свой дальнейший путь. Штурманский и инженерный расчеты показали, что, если лететь напрямую, через горы, горючего до Ланьчжоу хватит, если же в обход — не избежать дозаправки. Останавливаемся на первом варианте. По карте без труда можно было установить: горы высокие, случись что с самолетом — сесть негде.

Ланьчжоу расположен на высоте 1900 м над уровнем моря. Подлетая к нему, мы обратили внимание на два заметных ориентира: р. Хуанхэ, широчайшую водную магистраль, по которой плавало множество джонок, и Великую китайскую стену. Стена, изгибаясь словно огромная змея, пропадала где-то в сизой дымке гор.

На аэродроме нас встречали представители местных властей, военного командования, любезно предложили осмотреть город. В тот же день на наших самолетах китайцы нарисовали свои опознавательные знаки.

На следующий день нам предстояло отправиться в дальнейший путь — в Ханькоу. Снова тщательно проверяем машины, заправляем горючим. Полет до Ланьчжоу на большой высоте порядком утомил нас, не мешало хорошенько выспаться.

В Ланьчжоу находился базовый аэродром, где сосредоточивали доставленные автомашинами истребители, облетывали их. Здесь же пополнялись основные материальные запасы (горючее, продовольствие и т. д.). Базой руководил полковник Владимир Михайлович Акимов. В страну он приехал еще в 1925 г., владел китайским языком, знал местные обычаи и был здесь, как говорится, своим человеком. Хотя я уже многое узнал о жизни Китая во время пребывания в Синьцзяне, наставления Акимова оказались не лишними.

— Отсюда два воздушных пути, — сказал как-то в разговоре Акимов. — Один, через Сиань и Ханькоу, ведет в центральные районы Китая, другой, через горы, — в 8-ю Национально-революционную армию Чжу Дэ. Не мне вас учить, как летать в горах. Но мой долг напомнить, что они очень коварны. До вас один товарищ разбился в Сучжоу.

— Кто же? — невольно вырвалось у меня.

— Курдюмов из Брянска. Командир эскадрильи. Не учел, видимо, малой плотности горного воздуха и при посадке погиб.

Зная особенности высокогорных аэродромов, я считал нужным еще раз побеседовать об этом с экипажами.

За несколько километров до Ханькоу видим: в воздухе на разных эшелонах барражируют истребители. Чьи они? В Ланьчжоу нас предупредили: будьте осмотрительны, не исключено столкновение с японцами. Штурманы и стрелки на всякий случай подготовились к бою. Но встречные истребители, приветливо покачав крыльями, повели нас к аэродрому, остальные продолжали барражировать. Это были китайские летчики.

Совершив над аэродромом круг, идем на посадку. Никаких знаков на земле не выложено, обходимся без них. Короткий пробег по усыпанной гравием полосе, быстрое срулирование в сторону, чтобы освободить дорогу другим. Самолетная стоянка только справа. Слева от посадочной полосы тянется болото.

Нас встретил комдив Михаил Иванович Дратвин, советский военный атташе в Китае, исполнявший в то время обязанности главного военного советника при Чан Кайши. Вместе с ним па аэродроме находились старший военный советник по авиации полковник Павел Федорович Жигарев, будущий главный маршал авиации, главнокомандующий Военно-Воздушными Силами СССР. С Павлом Федоровичем я был знаком еще по Военно-воздушной академии, где работал летчиком-инструктором. В то время Жигарев был слушателем академии и делал свои первые шаги в авиации. Но уже тогда проявились его способности волевого командира и хорошего организатора.

На встречу прибыли и представители китайского командования — командующий авиацией генерал Чжоу Чжичжоу и переводчик Ван Си.

Наш приезд совпал со встречей нового, 1938 года, и за праздничным столом поднималось немало тостов за дружбу между китайским и советским народами.

Разместили нас в клубе под названием «Джапан» (Японский), где совсем недавно развлекались японские офицеры. В комфортабельном здании множестве комнат, в одной

▲ Летчики-добровольцы Д.А. Кудымов и А.З. Душин

▲ Дратвин М.И.

▲ Жигарев П.Ф.

из них столовая. В фойе — картины, зеркала. Жилье наше охраняли полицейские, одетые в черную униформу. Местные власти позаботились об ужине и вообще проявляли к нам большое внимание.

Поздней ночью, церемонно раскланявшись с хозяевами, М. И. Дратвин собрал нас в отдельной комнате и предупредил:

— Избегайте местных ресторанов и других злачных мест. В городе немало японских агентов. Вот сегодняшнее сообщение: пароход доставит сюда около 200 молодых женщин, преимущественно дочерей русских белогвардейцев. Сами понимаете, для какой цели их сюда засылают.

М. И. Дратвин уехал далеко за полночь. От него, а позже и от авиационного советника в Китае П. Ф. Жигарева я получил информацию о положении на фронтах, о силах японской и китайской авиации.

Япония готовила «большую войну» с Китаем задолго до ее начала. Особое внимание уделялось боевой авиации. Военно-воздушные силы Японии входили в состав ее армии как самостоятельная часть и подчинялись непосредственно императору. Японская авиация представляла собой внушительную силу — 17 авиационных полков. В ходе подготовки к войне велись усиленные тренировки летного состава, непрерывные полеты над морем, на полный радиус действия, отрабатывалась групповая слетанность. Экипажи бомбардировщиков учились наносить удары по аэродромам противника, осуществлять взаимодействие с наземными войсками. Широко практиковалось перебазирование авиации на новые аэродромы.

В 1936–1937 гг. большинство авиационных частей было оснащено новыми, более совершенными самолетами, обладавшими повышенными скоростью, дальностью полета и огневой мощью. Так, находившийся на вооружении японской авиации средний бомбардировщик СБ-96 имел бомбовую нагрузку 1 т, радиус действия — 2 тыс. км, скорость — 330 км. Двухмоторный бомбардировщик «Савойя» при бомбовой нагрузке 800 кг мог развивать скорость 380 км в час; одномоторный истребитель И-95–300– 350 км, а И-96 — до 380 км. Этот самолет, отличавшийся хорошей маневренностью, в основном предназначался для сопровождения бомбардировщиков.

К началу войны на вооружение японской авиации был принят истребитель И-97 (скорость — до 450 км в час). Кроме того, японцы располагали транспортными и разведывательными самолетами. Транспортная авиация широко использовалась для переброски по воздуху боевого снаряжения и продовольствия воинским частям. А главное — японские самолеты имели радио станции и приборы для ночных полетов.

Иную картину представляла китайская авиация. Их парк машин являлся, по существу, музеем древ-

▲ На китайской земле

ностей. Китай в то время не имел своей авиационной промышленности и вынужден был покупать самолеты за границей. Англия, Франция, Германия, Италия и США сплавляли туда все старье, давно списанное в их армиях. Устаревшие иностранные самолеты, которые находились на вооружении китайской авиации, значительно уступали японским по всем основным летно-тактическим характеристикам. Японские самолеты превосходили их по вооружению, скорости, маневренности, «потолку» и грузоподъемности. К примеру, английский истребитель с громким названием «Гладиатор» летал со скоростью всего до 200 км в час, запас горючего имел на два часа полета. А американский бомбардировщик «Боинг» летал и того медленнее — 170–180 км в час. Предельное пребывание его в воздухе не превышало четырех часов. Низкие тактико-технические данные имели истребители «Кэртис-Хаук», «Фиат-32», бомбардировщики «Капрони-101», «Фиат-Б3-3» и др.

Крайне тяжелое положение усугублялось еще и тем, что по своей подготовке китайские летчики уступали японским. В Китае не было ремонтных заводов, не хватало запасных частей к самолетам. Поэтому, когда начались решающие бои за столицу Китая — Нанкин, из 520 самолетов в строю осталось всего 20.

Эти самолеты свели в отдельный отряд и укомплектовали иностранными волонтерами, которых возглавил американский летчик Винсент Шмидт. Но эти люди прибыли вовсе не для того, чтобы по-настоящему воевать, и тем более жертвовать собой. Их интересовало другое: высокое жалованье, развлечения. Время свое иностранцы проводили в казино, различных увеселительных заведениях и на кортовых площадках.

Разноплеменный отряд волонтеров находился на аэродроме в Ханькоу, и нам приходилось не раз встречаться с его летчиками. Они были одеты в щегольские куртки, ботинки на толстой каучуковой подошве. Своего презрительного отношения и китайцам эти вояки даже не пытались скрыть. Один из волонтеров — американец — спросил меня однажды:

— Неужели вы намерены всерьез сражаться?

— А как же? Затем и прибыли, чтобы помочь китайскому народу в борьбе с японцами.

Волонтер усмехнулся:

— Была нужда рисковать ради дохлого дела.

— Почему «дохлого»? — спрашиваю.

— Все равно Китай войну проиграет, — убежденно сказал он. — Китайцы совсем не умеют воевать.

— Позвольте с вами не согласиться, — возразил я американцу. — Как бы ни было трудно — китайцы вышвырнут японцев со своей земли.

— Э-э! — присвистнул американец. — Это утопия.

Китайцы не любили волонтеров. Понять их было нетрудно. Эти чван-

ливые щеголи держали себя вызывающе, хотя ни одного боевого вылета так и не сделали.

Трагедия Китая заключалась в том, что политическое и военное руководство страны находилось в руках людей, которые свои эгоистические интересы ставили выше национальных. В армии процветали взяточничество, казнокрадство, бюрократизм, продажность, прямая измена.

Командующего китайской авиацией генерала Чжоу Чжичжоу совсем не беспокоило ее плачевное состояние. Он всячески покровительствовал жуликам и проходимцам, наживавшимся на закупках заведомо негодных самолетов, так как имел от того немалую выгоду. Взятки он брал без зазрения совести. Об этом узнал через китайцев наш авиационный советник П. Ф. Жигарев. Он-то и настоял перед китайским командованием о снятии Чжоу Чжичжоу с занимаемого поста.

Ответственность за состояние китайской авиации ложилась также на Кун Сянси, который долгое время контролировал закупки самолетов за границей. Находясь в дружбе с главой итальянской военно-воздушной миссии, он принимал от итальянских фирм заведомо негодные самолеты. Когда обнаружились эти злоупотребления. Кун Сянси был отстранен, однако изменить положение в авиации китайское правительство уже не могло.

Нельзя было всерьез говорить о становлении китайских ВВС, организации отпора японским агрессорам. Китайская авиация как боевая сила к концу 1937 г. утратила свое значение. Японские бомбардировщики разбойничали в небе Китая, по существу, безнаказанно. От бомбардировок особенно страдали крупные города. Зажигательные бомбы вызывали многочисленные пожары, и люди гибли тысячами в огне. Японская авиация буквально деморализовала население и войска.

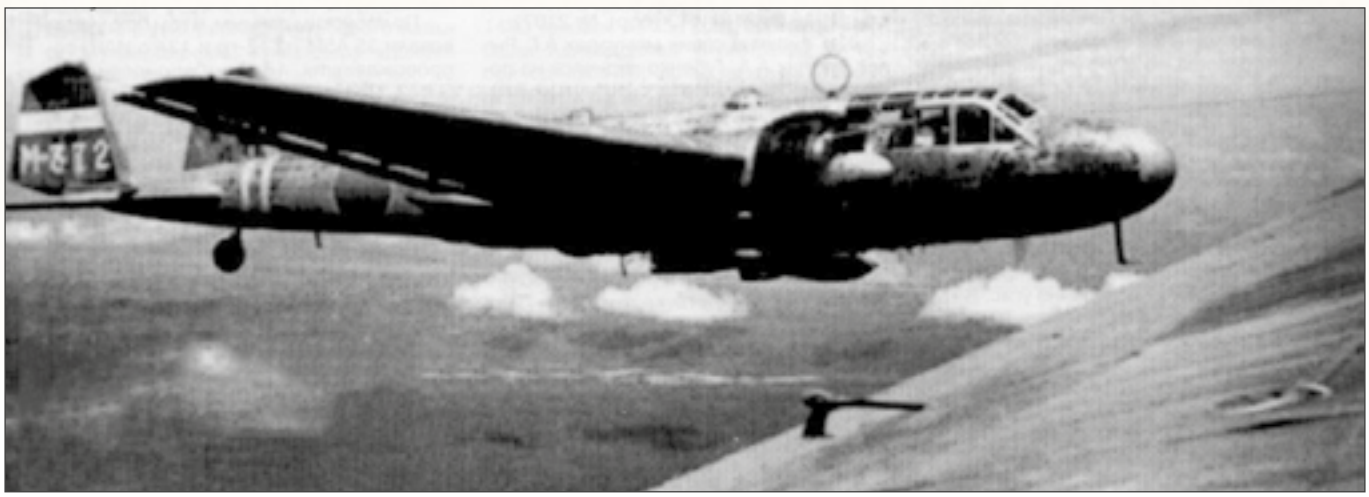
Советский Союз протянул своему дальневосточному соседу руку помощи. Советские летчики-добровольцы, прибывшие в Китай в конце 1937 г., способствовали резкому изменению положения. У китайского народа появился в воздухе не только «надежный щит», но и «разящий меч».

На следующий день после прибытия в Ханькоу я был приглашен к военному атташе М. И. Дратвину. В его кабинете присутствовал главный советник по вопросам использования советских летчиков-добровольцев в Китае Павел Васильевич Рычагов, который руководил всей их деятельностью. Это был крепыш, невысокого роста, богатырского телосложения, со смелыми, немного навыкате глазами. Слава о нем пошла с тех времен, когда он сражался с фашистами в Испании. Этому человеку посвятил не один свой очерк журналист Михаил Кольцов. В декабре 1937 г. его избрали депутатом Верховного Совета СССР. П. В. Рычагов одним из первых попросился воевать в Китай.

Здесь же находились военный комиссар А. Г. Рытов и П. Ф. Жигарев. Павел Федорович Жигарев охарактеризовал создавшуюся обстановку. Он обратил наше внимание на трудности, с которыми мы неизбежно столкнемся. Противник имел подавляющее численное превосходство в воздухе. У китайцев очень ограниченное число аэродромов, причем крайне примитивных, без современного навигационного оборудования. Для базирования наших самолетов они мало пригодны. Это обстоятельство ограничивает маневренность авиации.

Наиболее опасна бомбардировочная авиация противника, которая с прифронтовых аэродромов способна наносить мощные удары по объектам, находящимся в глубоком тылу. При весьма разветвленной системе шпионажа в Китае японцы обеспечены самой последней информацией о наличии наших самолетов на тех или иных аэродромах и могут нападать на них в самый выгодный момент. Все это усугубляется отсутствием надежной противовоздушной обороны, надежных средств связи, ремонтной базы, а также нехваткой обслуживающего персонала.

Практически полное истребление китайской авиации в самом начале войны, продолжал П. Ф. Жигарев, вы-

▲ Японский бомбардировщик

нудило задействовать наших летчиков-добровольцев в первые же часы их приземления на отведенных им аэродромах. К примеру, первая группа советских истребителей И-16 (23 самолета), приземлившаяся 1 декабря 1937 г. на нанкинском аэродроме, в течение того же дня 5 раз поднималась в воздух, чтобы преградить путь к городу японским бомбардировщикам. Несмотря на многократное численное превосходство противника, летчики Беспалов, А. Коврыгин, Самонин, Шубич и другие, смело вступив в бой, сбили шесть японских бомбардировщиков. Мы не потеряли ни одного самолета. Велико было ликование китайцев, рассказывал Павел Федорович, когда падали на землю японские самолеты. Населению города сразу же стало известно, что в воздухе советские летчики-добровольцы. Вокруг советского человека, появлявшегося на улицах города, собиралась толпа. Жители радостными криками выражали нам признательность.

Большую помощь китайским войскам оказала и наша бомбардировочная авиация. В начале декабря 1937 г. в Нанкин прибыла первая бомбардировочная группа СБ (вскоре по прибытии ее руководителем был назначен М. Г. Мачин). Летчики совершили внезапный налет на Шанхай, атаковали скопление судов на рейде и аэродром. Налет был удачным. Был потоплен японский крейсер, повреждены шесть других военных кораблей, сожжено много самолетов противника на аэродроме. Отличились летчики М. Г. Мачин, И. И. Козлов, Несмелов, Скоромников, Н. Сысоев, Аносов, Ф. И. Добыш, Нюхтилин, Микитин, Сахонин и многие другие.

Заканчивая рассказ, П. Ф. Жигарев подчеркнул, что наша главная задача — наносить удары по японским коммуникациям, оказывая содействие наземным войскам, бомбить караваны л транспорты противника и особенно уничтожать японские бомбардировщики на аэродромах и авиабазах, запасы горючего и боеприпасов. Одним словом, нужно изменить воздушную обстановку.

П. Ф. Жигарев, а также присутствовавшие при встрече М. И. Дратвин, П. В. Рычагов, А. Г. Рытов пожелали мне и моим товарищам боевых успехов в небе Китая.

Наша группа бомбардировщиков СБ тотчас же включилась в боевые действия. Мы бомбили аэродромы, транспортные коммуникации, места сосредоточения войск и боевой техники, боевые корабли и другие объекты. Первые налеты нашей авиации явились для японцев полной неожиданностью. Они настолько были уверены в своем господстве в воздухе, что даже не по заботились о системе противовоздушной обороны.

Советские летчики-добровольцы наносили чувствительный урон японским войскам. На некоторых участках фронта после налета бомбардировщиков японское командование было вынуждено приостановить наступление и привести в порядок свои разгромленные тылы. Немалые потери несла и японская авиация.

До прибытия советских летчиков-добровольцев японцы свою авиацию, не только истребительную, но и бомбардировочную, располагали главным образом на прифронтовых аэродромах, чтобы иметь возможность наносить бомбовые удары по глубоким тылам китайцев. Потери, понесенные после налетов наших бомбардировщиков, были настолько велики, что японское командование спешно было вынуждено перебазировать самолеты с прифронтовых аэродромов в глубокий тыл, за сотни километров от передовой.

На боевые задания мы ходили без прикрытия. Истребители отражали воздушные налеты на китайские города. Кроме того, наши СБ, в скорости превосходившие японские истребители, не опасались столкновений с ними. Мощное вооружение

▲ Бомбардировщик ТБ-3

▲ Рычагов П.В.

▲ Чан Кайши

позволяло нам самим с успехом отражать нападение. А в случае необходимости мы за счет скорости могли оторваться от противника. Это порождало уверенность в благополучном исходе каждого полета, вдохновляло на новые подвиги. Мы гордились замечательной техникой, созданной трудом советских ученых, конструкторов, рабочих.

Все военно-воздушные силы Китая в то время подчинялись авиационному комитету, действовавшему па правах главного штаба ВВС. Хотя формально во главе комитета стоял Чан Кайши, фактически авиацией командовал его заместитель генерал Мао Панчу. Сильное давление на руководство китайской авиацией оказывала, жена Чан Кайши Сун Мэйлин. В своих воспоминаниях С. П. Константинов пишет: «Сун Мэйлин занималась государственными, военными, коммерческими делами. Была секретарем авиационной комиссии, шефствуя над авиацией, попечительницей различных благотворительных обществ... и т. д.». И далее: «За искусственной улыбкой Чан Кайши и внешним обаянием его супруги скрывалось вероломство, полную меру которого испытали на себе наши люди».

Советские добровольцы находились на службе в китайской армии и подчинялись китайскому командованию. Тесные контакты с ним осуществлял главный советник П. В. Рычагов, занимавшийся вопросами использования советских летчиков-добровольцев в боевых действиях, через него мы и получали боевые задания. Кроме того, при нашей группе состоял специальный представитель авиационного комитета полковник Чжан, который, в свою очередь, информировал нас о боевой обстановке, обеспечивал всем необходимым, а в ряде случаев и сам давал боевые задания.

Постановка боевых заданий советскими военными советниками значительно уменьшала возможность утечки важной информации о выполняемых боевых заданиях. Тем не менее полностью исключить такую возможность мы, разумеется, не могли. В Ханькоу наша группа размещалась на территории бывшей японской концессии в клубе и, чтобы попасть па аэродром, нужно было ехать через весь город, на глазах у многочисленных жителей. Очевидно, каждый наш вылет на задание и возвращение с него быстро становились известными японскому командованию. Главное здесь заключалось в том, чтобы сохранить в тайне, какое именно задание мы будем выполнять.

В январе 1938 г. П. В. Рычагов сообщил мне, что на одном из аэродромов Нанкина сосредоточиваются японские бомбардировщики и истребители. Возможно, японцы, узнав в нахождении в Ханькоу группы советских бомбардировщиков, попытаются совершить налет. Необходимо было опередить противника и уничтожить его самолеты. Аналогичное распоряжение поступило и от полковника Чжана.

Поскольку успех операции зависел от внезапности нападения, мы приняли необходимые меры предосторожности. Вечером я собрал летчиков в изолированном от других комнат помещении, п ставил у двери часового и подробно рассказал о предстоящем задании.

Мы вылетели еще затемно. В свете луны серебром отливала широкая гладь Янцзы, в ней золотом светились отражения звезд. Иду впереди, за мной немного в отдалении Яша Прокофьев, за тем другие. Всего 26 экипажей. Колонну замыкал Вася Клевцов.

Советские самолеты появились совершенно неожиданно для японцев. Видимо, они еще спали, никакого движения на аэродроме не было заметно. Белые самолеты с красными кругами (отличительный знак японцев) выстроились в одну линию, как перед инспекторским смотром. И вот вниз полетели бомбы. Звенья, выдерживая дистанции, сбрасывали смертоносный груз на вражеский аэродром. То там, то здесь вспыхивали пожары. Группа самолетов легла на обратный курс. Внизу в пламени метались люди.

Позже стало известно, что противник понес большие потери.

Сгорело 48 самолетов. Аэродромные сооружения были уничтожены, разрушены или серьезно повреждены, уничтожены запасы горючего и боеприпасов. Аэродром на какое-то время был выведен из строя.

Агрессору, убежденному в своей безнаказанности, был дан серьезный урок. Все экипажи нашей группы проявили высокое воинское мастерство, отличную летную выучку. Нам удалось найти правильный тактиче-

▲ Константинов С.П., советник по разведке

ский ход, позволивший застать врага врасплох.

Только после того, как мы закончили бомбометание и легли на обратный курс, японцы пришли в себя. Зенитки открыли ожесточенный огонь. Шапки взрывов повисли справа, слева, сверху. При приближении к Нанкину я заметил, что один из моторов моего самолета начал терять тягу. Температура в системе охлаждения поползла вверх. Видимо, осколок попал в радиатор, и вода вытекла. Пришлось неисправный мотор отключить и лететь на одном, а управление группой передать Прокофьеву.

Дотянуть самолет до Ханькоу нам тогда не удалось. Мотор от перегрузки начал сдавать, высота падала. Ничего не оставалось, как идти на вынужденную посадку. Вижу: впереди — дамба, рядом — болотистый луг. Самолет коснулся травяного покрова и сразу же провалился. Никто из экипажа не пострадал. Где мы? На территории, занятой японцами, или у своих? Утопая по колено в грязи, обошли машину кругом. Она оказалась цела, только завязла в болоте по самый фюзеляж.

Кругом ни души. Вдруг над камышами мелькнула чья-то голова и тут же исчезла. Наконец показался и сам человек. Жестом приглашаем незнакомца подойти к нам. Он, видимо, понял, осторожно вышел вперед, а следом, как по команде, высыпало еще человек триста. Враждебных намерений китайцы не выказывали, потому что видели на самолете опознавательные знаки своей родины. Спрашиваем:

— Джапан ю мэй ю? (Японцы есть или нет?)

Отрицательно качают головами: «мэй ю» (нет).

Тогда начинаю изображать рукой, как крутят ручку телефона, и называю Ханькоу.

Снова качают головами: связи с Ханькоу нет.

Подхожу к одному из пожилых китайцев и показываю рукой на синюю полоску материи, пришитую к моему комбинезону. На полоске по-китайски значилось, что людям, предъявившим этот знак, необходимо оказывать содействие. Внизу иероглифы скреплены большой красной печатью.

— О-о! — заулыбались китайцы. — Рус, рус!

Перед приземлением я успел заметить, что справа протекает Янцзы. Река отсюда недалеко. Посоветовавшись с членами экипажа, решили попросить китайцев помочь вытянуть самолет из трясины и перекатить его к реке. А там, может быть, удастся разыскать баржу и переправить машину водой в Ханькоу.

Знаками объясняем китайцам, что нужно делать. Несколько человек тут же побежали в деревню, принесли с собой веревки, бревна, доски. Соорудили что-то наподобие настила, приподняли самолет, поставили на колеса. Потом зацепили веревками за стойку шасси.

— А теперь давай!

— Давай, давай! — засмеялись китайцы и хвостом вперед потянули машину к берегу. Их было много, они облепили самолет, словно муравьи, и семитонная громадина с трудом начала поддаваться.

С помощью подоспевших из деревни жителей самолет подкатили к берегу Янцзы, сделали сходни и осторожно спустили его на зыбкую палубу старенькой баржи. Оставалось закрепить колеса, чтобы он не скатился в воду.

Пыхтя и фыркая, к барже подошел маленький катерок. Пожилой капитан, держа фарфоровую трубочку в зубах, заулыбался: видно, ему впервые приходилось транспортировать столь не обычный груз.

— Ханькоу? — спросил он.

— Ханькоу, — подтвердили мы.

Капитан вытащил из кармана блокнот, оторвал листок, что-то изобразил на нем иероглифами и заставил меня расписаться. Что я подписывал — не знаю, но капитан аккуратно перегнул бумагу вдвое, положил во внутренний карман тужурки и застегнулся на все пуговицы. Для него, видимо, это был оправдательный документ на перевозку груза. Потом приложил руку к головному убору и ловко перебежал по трапу на катер. Мы устремились было на палубу баржи, но нас вежливо остановили: рекой плыть очень долго.

— Кушать, кушать нада, — тараторили китайцы. — Чифань, чифань.

Нас усадили в весельную лодку и отчалили к противоположному берегу, где виднелся небольшой городишко.

— Уху, Уху, — показывали на него китайцы. Недалеко от берега стояла приземистая кофейня. Туда нас и привели. Вкусно пахло жареным мясом, ароматным настоем из каких-то незнакомых нам трав. Хозяин кофейни, тучный, с тонкой косичкой на голове китаец, вежливо кланялся, предлагая все новые и новые блюда.

— Из пекла — на курорт, — пошутил Борис Багрецов.

Действительно, здесь было тепло и тихо, хотя в 20 км — линия фронта. Когда мы утолили голод, нас повели в ближайший домик, открыли небольшую комнату. Пол ее был

застлан циновками, у стены лежали валики, обтянутые драпировкой. Человек, сопровождавший нас, сложил ладони рук и наклонил на них голову. Это означало: спать, спать...

Пережили мы за день немало, и после вкусного обеда клонило ко сну. Сняли унты, комбинезоны, улеглись на полу. Но не успели сомкнуть глаза, за стеной — шум, треск барабанов, звуки, похожие на глухие выстрелы. Мы вскочили и на всякий случай достали пистолеты. Потом, не зажигая огня, приоткрыли занавеску и видим: по улице неторопливо шагает толпа, у многих в руках бумажные фонарики, хлопушки, факелы.

— Фу, черт. Напугали, — воскликнул техник Купчипов. Оказывается, китайцы справляли в ту ночь один из своих праздников. Мы снова улеглись, но сон не шел. Вскоре за окном занялся молочный рассвет.

Часа через два тот же сопровождающий принес свежеиспеченные лепешки, душистый чай. На поводках он вел трех осликов.

— А это зачем? — невольно вырвалось у меня при виде мирно дремавших животных. Китаец смешно оседлал палку, показав, что ослики поданы для нас.

— Да я же раздавлю эту скотину, если на нее сяду, — рассмеялся Багрецов. Был он широк в плечах, да и ростом природа не обидела.

В унтах, комбинезонах не только штурман, но и мы выглядели великанами, поэтому от услуг отказались. Зачем понапрасну мучить безответных животных?

До Аньцица нас провожал молодой, худенький китаец. По пути он пытался что-то рассказать, но, убедившись, что мы не понимаем, вышел вперед и начал мурлыкать себе под нос заунывную песню, взмахивая в такт шагам бамбуковой палкой.

— Товарищ капитан, — обратился ко мне Багрецов. — А вдруг китайцы увезут наш самолет не в Ханькоу, а в другое место?

Честно говоря, и я думал об этом. Не очень ли легковерно мы поступили.

— Ручаюсь, что привезут точно в Ханькоу, — постарался я рассеять опасения штурмана.

В городе с помощью провожатого мы разыскали местного губернатора и поведали ему о своих злоключениях. Губернатор принял в нашей судьбе живейшее участие. Он позвонил по телефону в Ханькоу и долго кого-то уговаривал, чтобы прислали самолет. Об этом мы его попросили.

Аэродром находился примерно в 6 км от города. Мы собрались было идти, но губернатор предупредил наше намерение.

— Рикша, рикша, — дважды повторил он известное нам слово.

— Рикша? Нет, — замахали мы руками. Мы категорически отказались от любезного предложения и направились пешком.

На аэродроме в глинобитной фанзе располагалась китайская комендатура. Когда мы вошли в помещение, дежурный офицер встал из-за стола и попросил нас подождать. Потом позвонил по телефону и сообщил, что самолет будет завтра.

Пока он нам объяснял, энергично жестикулируя руками, приоткрылась дверь, и мы увидели в соседней комнате японского летчика. Он что-то говорил китайскому офицеру, пытаясь улыбнуться.

▲ Бомбардировщик Полынина

▲ Мастера воздушного боя – летчики истребительной авиации, Герои Советского Союза майоры С.И. Грицевец и Г.П. Краченко

— Ваши летчики его сбили, а мы поймали, когда он спустился на парашюте, — пояснил комендант. Потом спросил:

— Что с ним делать?

— Что делать? Решайте сами, — ответили мы. — Он ваш пленник, поступайте с ним согласно китайским законам. Только вышли за дверь — позади раздался выстрел. Обращаемся к переводчику:

— Что случилось?

— Вы сказали «закон». Вот по закону и поступили. На аэродром в Аньцин за нами прилетел на бомбардировщике командир экипажа Савченко. С ним был и штурман.

— Но как же мы впятером втиснемся? — спрашивают командира экипажа.

— Ничего. Машина сильная.

Самолет повел я сам. Предстояло пересечь горный хребет. Погода пасмурная, шел дождь, видимость ограниченна.

Но вот и Ханькоу. Встретили нас на аэродроме с большой радостью. Трое суток никто не знал о нашей судьбе. Думали, погибли. И вдруг являемся живыми-здоровыми.

А я сразу с вопросом: пришла ли баржа с самолетом?

— Пока нет, но скоро будет, — постарались успокоить товарищи. Китайцы уже успели передать на аэродром, что самолет плывет по Янцзы, а летчики здоровы и невредимы.

— Только вот в чем вопрос: как мы доставим его на аэродром? — высказал свои опасения инженер П.М. Талдыкин.

Но об этом сейчас думать не хотелось. Я был преисполнен чувства благодарности к капитану катера, который честно сдержал свое слово.

К вечеру на аэродром приехал П.Ф. Жигарев. Он собрал всех участников боевого вылета на Нанкин и объявил благодарность. Рычагов предупредил нас:

— Японцы наверняка попытаются расквитаться за поражение. Будьте готовы к отражению налета на аэродромы.

Рычагов оказался прав. Дня через два с передовых постов воздушного наблюдения поступило сообщение: курсом на Ханькоу идет большая группа вражеских бомбардировщиков. Впереди и выше её — истребители.

Нам была знакома тактика японцев. Прежде всего они стремились втянуть в бой наши истребители, чтобы обеспечить свободу действий своим бомбардировщикам. Рычагов, используя опыт боев в Испании, предложил контрмеры. Он разделил истребителей на две группы. Одна из них вступила в схватку с вражескими истребителями, другая неожиданно для врага бросилась на бомбардировщиков, Оказавшись без прикрытия, бомбовозы сбрасывали свой груз куда попало и разворачивались назад. Но многим из них уйти не удавалось. Советские истребители преследовали японцев до тех пор, пока у них хватало горючего. Сбитые японские самолеты местные жители находили потом в плавнях, болотах, на рисовых полях. Захваченных в плен японских летчиков они связывали веревками и доставляли на ближайший аэродром.

Как только прозвучал сигнал тревоги, мы бросились к своим машинам, чтобы отвести их в безопасное место. Бомбардировщики поднимались в воздух первыми и находились в заранее намеченной зоне, пока шел бой. Истребители взлетали несколько позже. Не было никакого расчета заранее расходовать горючее, так необходимое для боя, а затем для преследования врага.

Из зоны была хорошо видна вся воздушная баталия между нашими истребителями и японскими. Бой завязался на высоте 2 тыс. м и вскоре распался па несколько очагов. Самолеты то взмывали ввысь, то начинали пикировать или выписывать глубокие виражи. Знойное блеклое небо полосовали светящиеся трассы. Вот загорелся один истребитель, задымил другой, блеснув на солнце крыльями, опрокинулся вверх колесами третий. Чьи самолеты падали — вражеские или паши, издали трудно было установить.

Клубок сражающихся «ястребков» стал постепенно смещаться на юг. Запас горючего у японцев кончался, до базы далеко, для них благоразумнее было отступить.

Когда мы возвратились па аэродром, на полосе зияли дымящиеся воронки от взрывов бомб, а в стороне что-то горело — самолет или автомашина — не разберешь.

Пришлось уйти на второй круг и ждать, пока приведут в порядок посадочную полосу.

Первым на аэродроме встретил нас инженер Ван.

— Пять самолетов сбили? — спросил я.

— Ага, ага, — радостно закивал китаец.

— А наших?

Ван показал один палец.

После налета на нанкинский аэродром японцы срочно перебазировали свою бомбардировочную авиацию в глубокий тыл. Наша группа практически показала, как в условиях, самой неблагоприятной воздушной обстановки можно решать задачу уничтожения вражеских бомбардировщиков.

На войне как на войне. Успешный налет на нанкинский аэродром всех радовал, придавал уверенность, вселял силу и гордость за себя и своих товарищей. Но во время этого налета мы понесли и первые потери. Всех омрачила гибель экипажа летчика Вдовина. Да и я со своими помощниками был на сантиметр от смерти.

Великолепную выучку, высокое боевое мастерство и самоотверженность продемонстрировали в небе Китая советские летчики-истребители, которые, несмотря на численное превосходство врага, сумели добиться на отдельных участках фронта полного господства в воздухе.

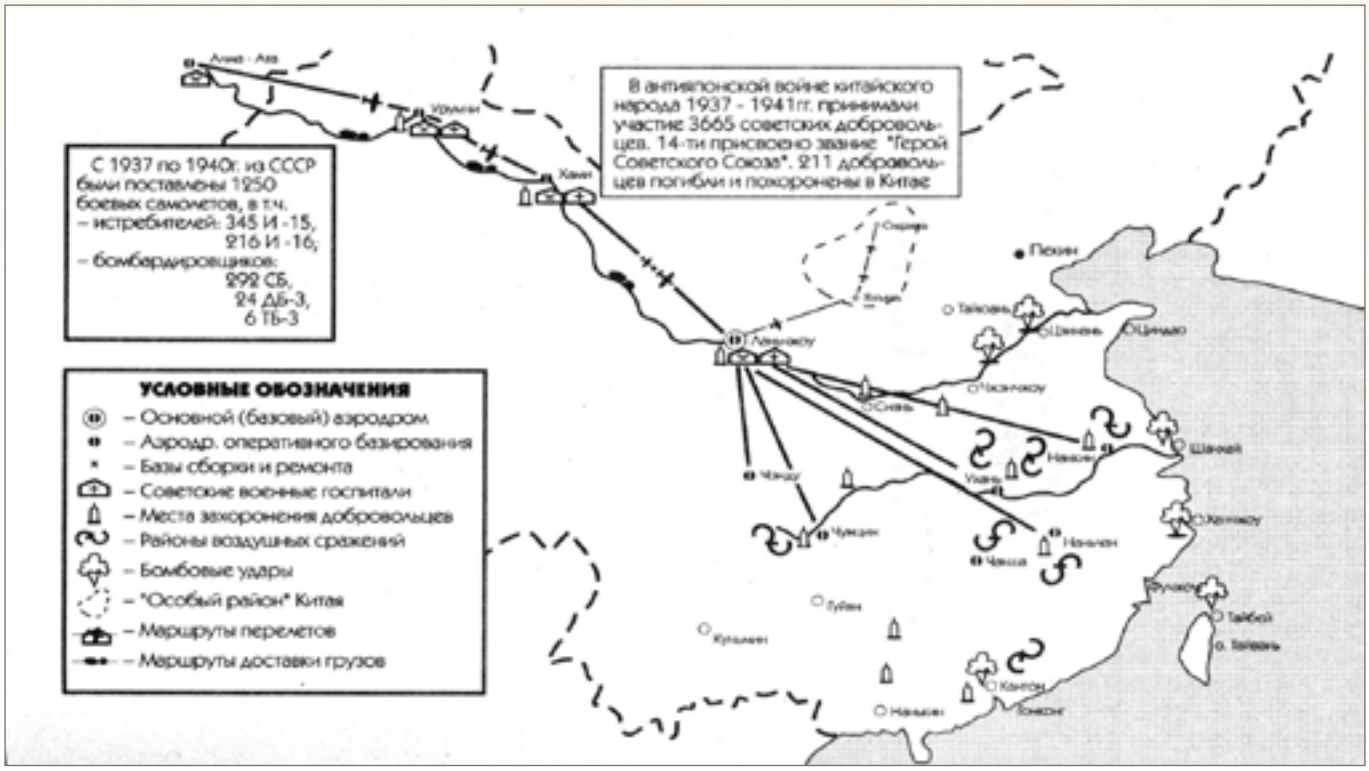
Уже в период пребывания нашей группы в Китае была значительно усилена истребительная авиация китайских военно-воздушных сил. В начале января 1938 г. на наньчанский аэродром прилетели 40 истребителей И-16, а затем новая группа советских летчиков во главе с А. С. Благовещенским, в нее входили опытные авиаторы — Б. Бородай, В. Дадопов, Н. Козлов, З. Плотников, Г. Кравченко, А. Шимипас и др.

В Наньчане к тому времени сосредоточились основные силы китайской истребительной авиации. Летчики-истребители в короткое время продемонстрировали превосходство советской военной школы. При каждой встрече японские асы несли большие потери, моральный дух их катастрофически падал. Все чаще отмечались случаи, когда японские самолеты уклонялись от боя, сбрасывали свой смертоносный груз мимо цели.

Постепенно наши добровольцы освоили театр военных действий и тактику японских военно-воздушных сил. Впервые нами был разработан и применен ряд тактических новинок. Одной из них явилось частое перемещение отрядов и групп с одного аэродрома на другой, что позволяло концентрировать силы на наиболее угрожаемых участках, дезориентировало японскую разведку, путало расчеты японского командования. Теперь каждый вылет японских летчиков встречал эффективное противодействие китайской авиации.

Так, в феврале 1938 г. во время большого налета японцев на Ухань советские летчики-добровольцы сбили в воздушном бою 12 японских самолетов. Потерпев сильное поражение, японское командование более двух месяцев не решалось посылать туда свою авиацию. Не случайно местное население называло советских летчиков «мечом справедливости».

Но продолжим рассказ о боевых делах нашей бомбардировочной группы. Как уже говорилось, одной из главных задач, поставленных перед нами командованием, было уничтожение японских самолетов, главным образом бомбардировщиков. Выполняли мы и другие ответственные задания. В этой связи вспоминается такой эпизод.

▲ Карта действий советких летчиков-добровольцев

В конце марта 1938 г. группировка японских войск, сосредоточенная на восточном участке Лунхайской железной дороги начала продвижение на Сюйчжоу, чтобы соединить северный фронт с центральным.

Меня вызвал П. В. Рычагов, Развернув на столе карту, он сказал:

— Японцы продолжают наступление в глубь страны. Резервы они обычно перебрасывают пароходами или самолетами, но основную массу войск и техники направляют по железной дороге. Самое уязвимое для них место — вот этот мост через Хуанхэ, — показал он карандашом. — По нашим сведениям, рядом с ним японцы возвели понтонную переправу.

Рычагов на время отвлекся от карты, прошелся по комнате и добавил:

— Китайское командование считает, что уничтожение моста сдержит наступление японцев. Их войска на какой-то момент останутся без резервов.

Потом помолчал и, сверкнув глазами, решительно добавил:

— А что, если грохнуть по мосту?

— Грохнуть можно, — отвечаю. — Цель заманчивая. Но ведь далеко.

— Знаю, — согласился Рычагов. — И все же давайте подумаем, как помочь китайцам. Игра стоит свеч.

Мы склонились над картой и стали прикидывать, как это лучше сделать. Без посадки туда не долететь. Значит, нужен промежуточный аэродром.

— Об этом я тоже думал, — сказал Рычагов. — Промежуточным может стать Сюйчжоу. Я договорюсь с китайцами, чтобы доставили туда горючее. Только, — и он приложил палец к губам, — о предстоящей операции ни-ни... Понятно?

Еще бы, во время работы в Китае нам стало особенно понятно, что такое держать язык за зубами.

— А сейчас ваша задача, — заключил Рычагов, — отобрать наиболее опытные экипажи, сделать необходимые расчеты, подготовить машины к вылету.

Рычагов уехал, а я долго еще сидел над картой, обдумывая со всех сторон столь сложное задание. С высоты, как известно, мост — точно тонкая ниточка, и попасть в него — не простое дело.

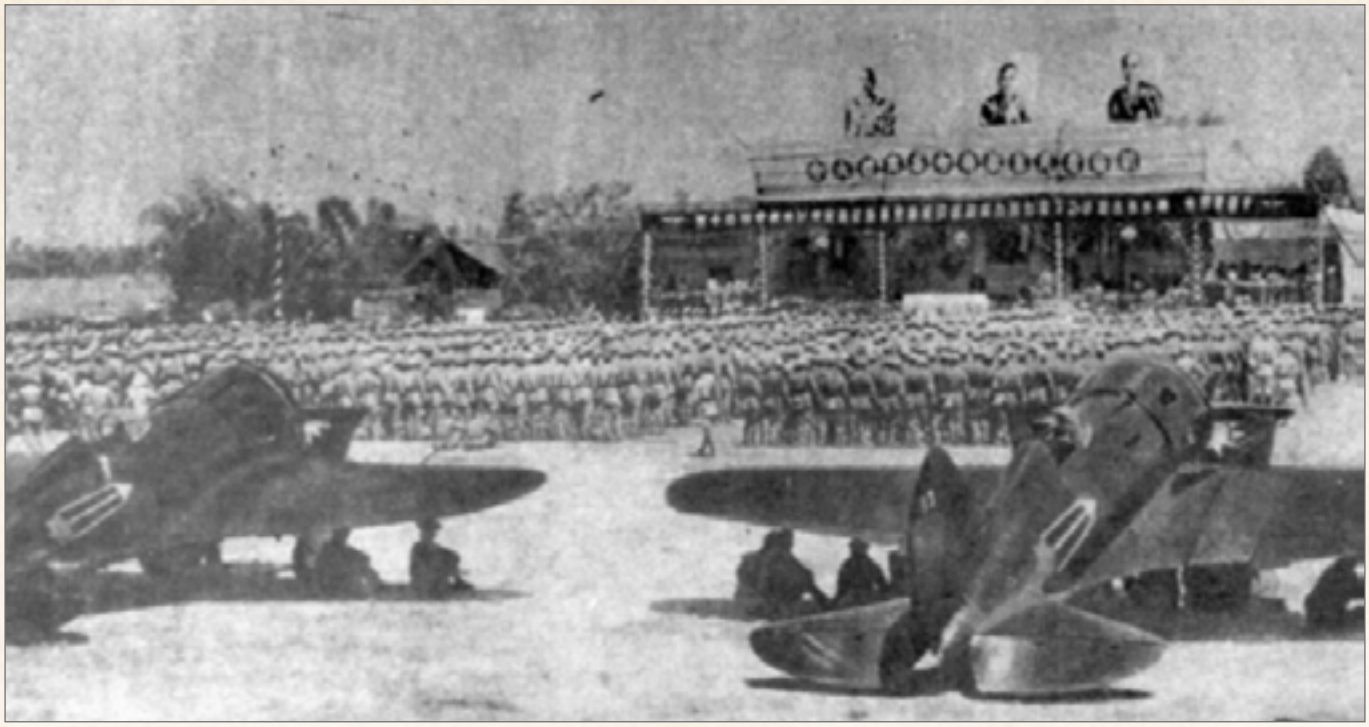
Мне пришла в голову идея. Посоветовался с инженером Талдыкиным, можно ли взять дополнительный груз бомб. Инженер, немного помедлив, ответил:

— Вообще я такого случая не припоминаю. Но уж если очень надо — попробуем сделать расчеты.

Чтобы проверить наши соображения, мы подвесили на один из са-

▲ Летчики-добровольцы в Китае

▲ Сражающийся Китай

молетов полный боекомплект, затем положили в него еще 36 малых бомб в ящиках. Перегруженная машина тяжело бежала по полосе, пока, наконец, между нею и землей не образовался просвет. Самолет все-таки набрал высоту. Опыт наш удался.

Для налета на мост было выделено три восьмерки бомбардировщиков СБ. Я принял командование этой группой.

Расстояние от нашей базы до цели более 1 тыс. км. Лететь пришлось в основном над территорией, захваченной противником. Весь полет проходил на высоте 5–6 тыс. м в общем спокойно.

Приближаясь к цели, мы увидели, как через огромный железнодорожный мост непрерывной чередой к линии фронта шли эшелоны с войсками и боевой техникой, а через понтонный мост — японская пехота и механизированные части.

Противник не ожидал нас. Ни одного выстрела не было сделано в нашу сторону. Через короткое время под ударами бомб железнодорожный мост рухнул в воду, а остатки понтонного моста поплыли вниз по течению. С ближайшего аэродрома начали подниматься японские истребители, но нас догнать они уже не могли.

На обратном пути снова приземляемся в Сюйчжоу, заправляемся горючим и летим дальше. Только сели в Ханькоу — подбегает представитель китайского командования и показывает распоряжение: следовать в Наньчан. Там нас уже ждал П. В. Рычагов.

— Вы не представляете, какое великое дело сделали, — сказал он. — Вы спутали все карты японского командования. Когда-то они соорудят новую переправу. Наступление неизбежно застопорится.

КУРС НА ТАЙВАНЬ

Ко второй половине января 1938 г. самолетный парк Японии оказался настолько истощенным, что правительству пришлось срочно заключить контракты с фирмами Германии и Италии на приобретение новых самолетов. Иностранные суда с боевой техникой не могли разгружаться в шанхайском порту. Японцы опасались налета советских бомбардировщиков. Поэтому разгрузка производилась на островах, в частности на главной базе. военно-воздушных сил Японии — о-ве Тайвань.

Из агентурных данных китайскому командованию стало известно, что на Тайвань прибыл очередной караван с авиационной техникой. Самолеты в разобранном виде в контейнерах доставлены на аэродром. Там же, на стоянках, часть машин уже была собрана и подготовлена к перелету в Шанхай. Завезены большие запасы горючего.

Мы стали готовить воздушный налет на этот объект. В разработку плана включился П. В. Рычагов.

Техники и механики получили задание: тщательно осмотреть бомбардировщики и заправить их горючим. Чтобы все сохранить в строжайшей тайне, решили подвешивать бомбы перед самым вылетом. Основная трудность заключалась в отсутствии вблизи моря удобной площадки для посадки скоростных бомбардировщиков и заправки бензином (расстояние до цели около1 тыс. км).

— Туда придется лететь напрямую, — сказал Рычагов. —

А на обратном пути сядете на заправку вот тут. — И он указал на аэ-

▲ Памятник советским летчикам в Ухане

родром Фучжоу, расположенный в горах, в 230 км от цели.

— Учтите, — добавил он, — поблизости от него нет характерных ориентиров. И еще одна трудность. На сухопутных самолетах предстоит лететь над водой. Сами понимаете: случись что — неминуемая гибель.

Японцы летали обычно вдоль линейных ориентиров — железных дорог, рек и т. д. Для нас это исключалось. Мы приложили кратчайший маршрут по прямой.

Когда общие указания стали предельно ясными, я вызвал штурмана группы Ф. В. Федорука, чтобы вместе обмозговать детали выполнения задания. Решили лететь на высоте 4500 — 5500 м. Мы понимали, что длительное кислородное голодание могло тяжело отразиться на самочувствии и работоспособности экипажей. Но другого выхода не было. На большой высоте увеличивалась дальность полета, поскольку меньше расходовалось горючего. И это обеспечивало успех.

Чтобы ввести японцев в заблуждение, решили вначале пройти севернее острова, потом резко развернуться вправо, снизиться с приглушенными моторами до 4 тыс. м и с ходу нанести удар. Над проливом спуститься еще до 2 тыс. м, чтобы позволить членам экипажей, как говорится, «глотнуть воздуха». Над материком же снова подняться до 4 тыс. м и идти к аэродрому на заправку.

Вместе с нашей группой, насчитывавшей 28 самолетов СБ, ведомых советскими летчиками-добровольцами, к налету на Тайвань готовилась вторая группа из 12 самолетов, в которой наряду с советскими добровольцами были и китайские летчики. К сожалению, ошибки в штурманских расчетах не позволили летчикам этой смешанной группы достичь острова, они вынуждены были прекратить полет и произвести посадку на запасном аэродроме.

22 февраля, непосредственно накануне налета па Тайвань, наша группа перелетела в Наньчан. Отсюда на следующий день мы должны были вылететь для выполнения боевого задания.

Пока летчики, штурманы и стрелки отдыхали, мы с комиссаром группы В. Петровым и Ф. Федоруком изучали карты, составляли схемы, делали необходимые расчеты. Под утро и нам часа два удалось поспать. Проснувшись в назначенный час, собрали экипажи и обсудили детали полета. Техники в это время снаряжали машины боеприпасами.

Все обещало хорошую погоду. Потом вдруг начали наплывать облака. «Может быть, это и к лучшему, — подумал я. — Вражеским зенитчикам наши самолеты не будут видны».

Командиры экипажей доложили, что к вылету все готово. Один самолет остался без воздушного стрелка: тяжело заболел. Что делать? Не хотелось оставлять бомбардировщик на аэродроме. Все-таки сотни килограммов бомб не будут лишними.

Выручил комиссар нашей группы В. Петров.

— Разрешите мне лететь за стрелка, — предложил он.

— Вы же всю ночь не спали, — говорю ему. И в самом деле, с вечера до самого утра он проверял, как готовятся самолеты к вылету.

— Ничего, выдюжу, — отвечал Петров, по привычке пригладив на голове ежик.

Глядя па этого крепыша, никто не усомнился в нем. Поступок комиссара вызвал новый прилив энергии у летчиков, гордостью за своих людей отозвался в душе каждого.

Начинало светать. Пора. И вдруг тишину нарушило характерное завывание. «Тимбо!» (Тревога!). На горизонте показались черные точки. Неужели к нам пожаловали японцы? Значит, кто-то передал им о нашем замысле. Откровенно говоря, по телу пробежал неприятный холодок. Ударят — и аэродром взлетит на воздух. Самолеты до отказа заправлены горючим, и бомбы уже подвешены.

Петров спрашивает с тревогой:

— Что будем делать?

Я молчу. Соображаю. Взлететь не успеем, на рассредоточение самолетов времени нет. Если зенитки не отгонят — все пропало.

А самолеты упорно идут на нас. Уже отчетливо видны две девятки. Подаю команду: «Всем в укрытия!», а сам продолжаю наблюдать за воздухом. Вижу, самолеты отворачивают влево — в сторону Чанша и вскоре исчезают за горизонтом. Беда миновала.

Потом мы с Петровым долго ломали голову, почему японцы не дошли до нашего аэродрома: то ли не заметили самолетов (еще не совсем рассвело), то ли получили задание бомбить именно Чанша. Все это так и осталось для нас загадкой.

Проводить нас в дальний и, надо сказать, рискованный полет на аэродром прибыли П. В. Рычагов и А. Г. Рытов, взволнованные не меньше, чем мы.

— Я еще по пути сюда увидел японские бомбардировщики, — со вздохом облегчения сказал П. В. Рычагов. — Ну, думаю, наделают сейчас трамтарарам. Кричу шоферу: «Жми на всю железку», будто чем-то могу помочь вам. А как увидел, что японцы разворачиваются и уходят в сторону, — плясать был готов от радости.

Все обошлось благополучно. Когда экипажи построились, П. В. Рычагов обратился к ним с краткой напутственной речью. В заключение он напомнил, что сегодня 23 февраля — 20-я годовщина РККА, и призвал достойно отметить этот праздник.

По сигналу ракеты 28 тяжело груженных бомбардировщиков один за другим поднялись в воздух. Набираем высоту 5500 м. Сердце бьется учащенно, кружится голова, клонит ко сну — первые признаки кислородного голодания. И тут можно рассчитывать только на собственную физическую выносливость.

Облачность под крылом постепенно рассеивалась. Наконец впереди сверкнула голубая полоска Тайваньского пролива, а за ней выплыл сам остров. С высоты он казался огромным, с желтыми крапинками изумрудом, вправленным в безбрежную гладь океана.

Как и было намечено ранее, мы прошли севернее Тайваня, а затем сделали резкий поворот и с приглушенными моторами начали снижение. Я осмотрелся и пересчитал машины: ни одна не отстала. Вражеских истребителей в воздухе пока не было. Но мы встретили другого врага — облачность. Что делать? Пробиваться сквозь облака или бомбить из-за облаков? Снижаться такой армадой груженных до отказа самолетов было рискованно. Бомбить вслепую, по расчету времени, — можно промахнуться.

Но внезапно облачность как бы разорвало, появилось «окно» и впереди по курсу открылся город, а сбоку — аэродром. Хорошо различались выстроенные в два ряда самолеты, серые, еще не распакованные контейнеры и белые цистерны около ангаров.

Основная база японских военно-воздушных сил выглядела внушительно. Никакой маскировки противник не соблюдал. Видимо, он чувствовал себя в полной безопасности.

Цель все ближе. На белых крыльях самолетов уже проступают красные круги. Штурман моего экипажа Ф. Федорук приготовился сбросить смертоносный груз. «Желаю удачи!» — подумал я, а у самого заныло под ложечкой: вдруг промажет? Тогда и все остальные не попадут в цель. Они же будут равняться по ведущему, а скорректировать нет возможности. А промазать немудрено: Федорук, как и все мы, за время продолжительного напряженного пути (а он, как штурман, прокладывал путь всей группе по незнакомому безориентирному маршруту) устал, к тому же сказывалось кислородное голодание. Что же тогда? «Нет, нет, не может быть!»-стараюсь отогнать от себя сомнения.

Машину слегка тряхнуло: бомбы пошли вниз. Провожаю их взглядом и вижу, как в центре стоянки один за другим взлетают фонтаны взрывов.

«Попал. Молодец, Федорук!»-радуюсь я и со снижением увожу самолет в сторону пролива. За мной следуют остальные экипажи моей девятки, а на цель выходят группы бомбардировщиков, возглавляемые Яковом Прокофьевым и Василием Клевцовым. Вражеский аэродром окутывают дым и пламя.

В небе появляются шапки разрывов. Это огонь японских зенитчиков. Поздно!

Мы сбросили на Тайвань 280 бомб, большинство их попали точно в цель. Наш удар был настолько внезапным, что ни один из вражеских истребителей не успел взлететь.

И вот остров далеко позади. Идем на высоте 2 тыс. м. Дышится легко. Только сейчас я почувствовал, как устал. Руки и ноги словно налиты свинцом. В голове шум.

Впереди все отчетливее вырисовываются коричневые горы. Тяну штурвал на себя. Самолет снова набирает высоту. Теперь, без бомбовой нагрузки, он особенно послушен. Да и горючего осталось мало.

На аэродром дозаправки вопреки опасениям Рычагова вышли точно. Это была узкая полоса, отгороженная с одной стороны горой, с другой — болотом. Но сели благополучно. Торопясь заправить самолеты горючим, техники просят не задерживаться — не исключен налет.

А Вася Клевцов стоит у своего бомбардировщика и сокрушенно качает годовой.

— Случилось что? — спрашиваю его.

— Левый мотор отказал. Еле через пролив перетянул, — отвечает он.

И мне подумалось, надо обладать огромной силой воли и мастерски управлять самолетом, чтобы на одном моторе преодолеть такое огромное расстояние и посадить неисправный бомбардировщик на узкую полосу затерявшегося в горах незнакомого аэродрома.

— Страшно болит голова, — пожаловался Клевцов. Я тоже чувствовал тошноту, но крепился. Надо срочно дозаправить машины и улетать, пока японцы не накрыли нас. В некоторых экипажах стрелков заменяли техники. Общими усилиями они быстро привели поврежденный самолет в порядок.

На аэродроме находился военком А. Г. Рытов. Пока мы с ним разговаривали, на стоянку прибежал испуганный китаец и что есть силы закричал:

— Тимбо!

Экипажи сразу же бросились к машинам.

— Федор Петрович! Захвати меня, — попросил Рытов.

Я приказал своему стрелку А. Купчинову перейти в другую машину, а на его место сел Рытов.

Сделал и еще одно перемещение. Обессилевшего от кислородного голодания Синицына посадил рядом со стрелком, его место за штурвалом занял летчик, прилетевший сюда раньше других.

В этот день мы провели в воздухе более семи часов. Когда приземлялись в Ханькоу, начало уже смеркаться. Ко мне подошел представитель командования китайской авиации. В руках он держал атлас. Чтобы уточнить место, куда мы летали, он начал медленно его перелистывать и показывать мне. Открыл один лист — я отрицательно качнул головой. Открыл другой — реакция та же. Наконец, увидев страницу с овом Тайвань, я кивнул утвердительно. Китаец почему-то вскрикнул, сел в автомашину и укатил. Мне оставалось только пожать плечами.

Мы не раз спрашивали себя: какими средствами связи пользовались китайцы для передачи сведений о происходящих событиях? Но делали они это довольно быстро, хотя и не имели ни телефона, ни радио.

Недолго оставался в тайне и налет на Тайвань. Когда мы подъехали к дому, в котором жили, нас ожидала толпа народа. Даже полицейские расплылись в улыбке. «Тайвань! Тайвань!» — выкрикивали китайцы, в знак восхищения поднимая большой палец правой руки. Выбежали навстречу наши авиаторы. Она обнимали нас, качали, высоко подбрасывая над головами. И было чему радоваться. Долететь на сухопутных самолетах до Тайваня, нанести бомбовый удар и без потерь вернуться обратно — трудно переоценить этот подвиг! В дерзком налете на вражескую авиабазу проявились лучшие качества наших летчиков, штурманов и стрелков. Не подвела нас и отечественная техника.

Тремя последовательными ударами с воздуха мы нанесли японцам ощутимый урон. По агентурным данным, они потеряли 40 самолетов (не считая тех, что находились в контейнерах); сгорели ангары и трехгодичный запас горючего.

На следующий день, после обеда, я встретил П. В. Рычагова:

— У китайцев только и разговоров, что о налете на Тайвань, Кстати, звонили от генерал-губернатора. В вашу честь сегодня устраивается банкет.

Поздравить советских летчиков с победой прибыла жена Чан Кайши — Сун Мэйлин. Рассказывали, что она назначает и смещает офицеров и генералов, награждает их орденами, производит через своего брата-миллионера закупки самолетов.

Сун Мэйлин была младшей сестрой вдовы выдающегося китайского революционера Сунь Ятсена. Образование она получила в Америке, владела несколькими европейскими языками. Сун Мэйлин явилась на банкет в сопровождении небольшой свиты. Она была стройна, миловидна, элегантна.

Меня, как командира группы, Сун Мэйлин усадила рядом с собой. По другую сторону от нее сидел главный военный советник М. И. Дратвин. На банкет были приглашены также П. Ф. Жигарев и П. В. Рычагов; присутствовали командующий китайской авиацией, губернатор Ханькоу и другие официальные лица. Наши летчики, штурманы и стрелки занимали два стола.

Первый тост Сун Мэйлин провозгласила за советских авиаторов-добровольцев, за успешный налет наших бомбардировщиков на крупнейшую военно-воздушную базу противника. От нее мы узнали, что

▲ Памятник в Китае советским добровольцам

японское правительство отдало под суд начальника этой базы и сместило губернатора Тайваня. Комендант авиабазы покончил жизнь самоубийством.

В разгар банкета официанты, все в черных фраках, принесли огромный торт. На нем цветным кремом было написано по-русски: «В честь РККА. Летчикам-добровольцам». Сун Мэйлин вручила награды и подарки всем участникам воздушного налета на Тайвань.

От редакции. Почти полвека Сун Мэйлин — супруга Чан Кайши оставалась одной из самых влиятельных женщин мира. Она не была ни президентом, ни правителем Китая, но при бездарном главнокомандующем и посредственном политике, каким являлся Чан Кайши, сыграла в политике уникальную роль для женщины своего времени. Мадам Чан Кайши развила бурную деятельность. Основала «Движение новой жизни», целью которого была объявлена модернизация Китая, возглавила патриотическое движение женщин. Прикладывала большие усилия к тому, чтобы добиться международной поддержки Китая. Заставила своего мужа создать китайские военно-воздушные силы. Супруга главкома лично контролировала закупки из США боевых самолетов С 1934 года она генеральный секретарь китайских ВВС.

Мадам «снежная королева», «императрица», так её величали иностранцы, не шла ни на малейшие уступки, касавшиеся интересов Китая. «Правыми могут быть только соотечественники, иностранцам этого не дано». Отсутствие угрызений совести, позволяло ей безжалостно расправляться со всеми, кто стоял у нее на пути. В мае 1945 года Чан Кайши вместе с остатками своей армии и двумя миллионами националистов эвакуировался на остров Тайвань. Вместе они создали отдельное государство в изгнании. Путем неимоверных усилий мадам Чан Кайши удалось убедить ООН (разумеется, не без активных действий со стороны США) признать за правительством крошечного марионеточного островного государства статус легитимного правительства всего Китая. Более 20 лет Тайвань Чан Кайши представлял Китай в Совете Безопасности ООН.

▲ Сун Мэнлин

Генерал В. И. Чуйков в бытность военным атташе СССР в Китае (1940-1942) писал: «Мне некоторое время пришлось наблюдать за деятельностью его супруги Сун Мэйлин. Она претендовала на роль влиятельной политической деятельницы (невольно на ум приходит сравнение с женой Мао Цзэдуна — Цзян Цин). Сун Мэйлин охотно снабжала советскую военную миссию информацией о состоянии дел в Китае, о положении на фронте, о планах японского командования. В её данных было больше дезинформации, чем информации, а в словах — больше провокационных намеков, чем искренней дружбы к Советскому Союзу. Она не раз ставила вопрос о том, что большой помощью Китаю явилось бы объявление Советским Союзом войны Японии. Её неофициальное положение давало ей возможность более свободно ставить такого рода вопросы».

В одной из газет, выходивших в Ханькоу на английском языке, появилось в те дни любопытное сообщение. В нем говорилось, что группа китайских самолетов, ведомая иностранными летчиками, совершила налет па Тайвань и нанесла японской авиации серьезный ущерб. Там же указывалось, что в налете участвовали американские летчики.

Кое-кто из китайцев, не разобравшись, начал поздравлять Шмидта. Тот воспринял это как должное

и с горделивым видом принимал незаслуженные комплименты. А когда выяснилось, что волонтеры тут ни при чем, вдруг встал в позу обиженного, написал рапорт об отставке и отбыл в Сянган (Гонконг). Впрочем, он и так должен был уехать. Эскадрилью волонтеров, как не оправдавшую своего назначения, вскоре расформировали.

Разгром военно-воздушной базы на Тайване вызвал у японцев шок. В течение месяца оттуда не вылетали их самолеты.

В феврале 1938 г. представитель китайского командования передал нам данные о том, что на одну из узловых станции Тяньцзинь-Пукоуской железной дороги регулярно прибывают военные эшелоны. Там скопилось много вражеских войск. Видимо, японцы намерены форсировать р. Хуанхэ.

Мы прикинули расстояние. От Ханькоу до цели по прямой 450 км. Наши самолеты могли бы слетать без посадки туда и обратно. Советуюсь с комиссаром Петровым. Приходим к выводу, что посылать на задание весь отряд пока нецелесообразно. Выделяем 13 экипажей, самолеты снаряжаем фугасными и осколочными бомбами.

Буквально через несколько часов группа вернулась. Ведущий В. Клевцов доложил:

— Разбомбили три эшелона, видели, как из вагонов выбегали солдаты.

Что же, для начала неплохо. Противник, несомненно, понес немалые потери в живой силе.

На следующий день меня вызвали в штаб. Там я узнал, что на аэродроме у узловой станции приземлилась большая группа тяжелых японских самолетов. В 40 км восточное вражеские войска начали переправу через Хуанхэ.

— Ваше решение? — спросили у меня.

— Решение простое, — ответил я. — Надо бомбить. Сразу по возвращении в отряд вызываю двух наиболее опытных командиров звеньев — Степана Денисова и Григория Карпенко и ставлю им задачу:

— Первая ваша цель — аэродром. Если же там не окажется самолетов, нанесите удар по скоплению войск на берегу реки.

Аэродром оказался пустым. Очевидно, японцы успели перебазировать самолеты. Зато переправа шла полным ходом. Первый удар паши экипажи нанесли по скоплению плотов и лодок. Затем начали бомбить вражескую пехоту, сгрудившуюся на берегу. Среди неприятельских войск поднялась паника. Потери японцев были немалые.

На другой день из штаба китайских войск, оборонявших противоположный берег, поступило сообщение, что переправа противника сорвана. Сотни солдат утонули, до самой темноты японцы подбирали убитых и раненых.

По случаю победы местные военные руководители устроила в клубе «Джапан» ужин. У нас для торжества была еще одна причина: вернулся «без вести пропавший» летчик-истребитель Григорий Кравченко. Целого и невредимого, китайцы привезли его на повозке, запряженной быками.

Во время ужина Кравченко рассказал нам о своих злоключениях, о том, как его подбили японские истребители.

А случилось это так. В воздушном бою Григорию Пантелеевичу удалось сбить один вражеский самолет. Он погнался за вторым. Но неожиданно откуда-то вынырнувшие два японских истребителя взяли его в клещи, и его машина загорелась. Пришлось выбрасываться с парашютом.

— Приземлился прямо в озеро, — рассказывал Кравченко. — Правда, место неглубокое, вода чуть выше пояса. Отстегнув лямки парашюта, тяну полотнище к себе. А из камышей выплывает лодка. Старик китаец толкает ее шестом. Подплыл ко мне, глаза злые, кричит:

— Джапан?

— Какой джапан? — отвечаю. — Русский я, русский.

— Рус? Рус? — сразу повеселел старик. Подтолкнул лодку ближе и протянул руку.

— Ты, Гриша, расскажи, как тебя китаец водкой угощал, — с усмешкой сказал А. Г. Рытов, выезжавший на поиски Кравченко.

— А что тут особенного, — застеснялся Григорий Пантелеевич. — Водка как водка. Только горячая.

— Кое-что ты не договариваешь, брат, — не отступал военком. И, обращаясь к сидящим рядом, продолжал:

— Захожу я это в фанзу и вижу: наш Гриша, как богдыхан, сидит на циновке, потом обливается, полотенцем утирается. Увидел меня, глаза сощурил и смеется. А китайцы наперебой угощают его горячей водкой. Он так пришелся им по душе, что еле отпустили. Всей деревней провожали.

Григорий Пантелеевич Кравченко был выдающимся летчиком нашего времени. С японцами ему довелось еще раз столкнуться на Халхин-Голе. Там он командовал авиационным полком. Позже стал генералом, дважды Героем Советского Союза.

В числе летчиков-истребителей, храбро сражавшихся в небе Китая, хочется назвать также Селезнева, Зингаева, Демидова, Панюшкина, В. П. Жукотского, Казаченко, И. Г. Пунтуса и многих других. Особенно нравился мне Антон Губенко. В одном из боев он таранил японский самолет, сам остался жив и привел покалеченную машину на аэродром. Всего в воздушных боях над Китаем Губенко сбил семь истребителей и бомбардировщиков противника. Китайское правительство наградило его орденом.

НА ТРАССЕ АЛМА-АТА — ЛАНЬЧЖОУ

Командование японских военно-воздушных сил решило ко дню рождения императора сделать подарок: 29 апреля 1938 г. нанести массированный бомбардировочный удар по г. Ханькоу. Зная, что истребительная группа там малочисленна, японцы, видимо, не сомневались в успехе. Китайское командование через своих агентов своевременно узнало о готовящемся налете и сообщило нашему главному военному советнику. Немедленно были приняты контрмеры:

▲ На маршруте Алма-Ата - Ланьчжоу

из Наньчана в Ханькоу направилась новая группа истребителей.

Советские летчики встретили японцев на дальних подступах к городу. Бой был долгим, ожесточенным, и результаты его не могли обрадовать императора. Из 54 самолетов противник не досчитался 21. Мы потеряли две машины с нашими дорогими товарищами.

На другой день об этом бое писали газеты. Правда, ни одной русской фамилии не упоминалось, но нам они были хорошо известны. С замечательной победой мы поздравили А. Губенко, А. Грисепко, С. Грицевца, Г. Захарова, А. Лысункина, А. Благовещенского, А. Душина, И. Пунтуса и др.

Более месяца японские летчики не появлялись в небе Китая. И только потом они отважились пробиться к Ханькоу. Правда, и на этот раз им «крупно не повезло». Из 18 бомбардировщиков и 36 сопровождавших их истребителей 14 было сбито.

В сражениях с японцами боевой опыт приобрели и китайские летчики, прошедшие подготовку под руководством наших инструкторов. В ночь на 20 мая 1938 г. они даже совершили полет над японской территорией, сбросили над о-вом Кюсю и префектурой Осака 1 млн. листовок. Летали они на наших бомбардировщиках СБ. Звено возглавлял Сюй Хуаншэнь. Поздравить китайских и советских летчиков с этим событием приехал Чан Кайши. На аэродром, где мы базировались, прибыло два черных открытых «паккарда». На передней машине сидел сам генералиссимус. Около командного пункта машины остановились. Я впервые близко увидел Чаи Кайши и, должен сказать, он произвел на меня неприятное впечатление. Среднего роста, сутулый, узкие бегающие глаза, приплюснутый нос, под которым топорщилась жиденькая щетка усов. В жестах, манерах было что-то наигранное, театральное.

Предубеждение против Чан Кайши у нас сложилось уже давно. Мы знали, что в военном отношении он на редкость бездарная личность, в политическом — демагог, двурушник и карьерист, люто ненавидевший коммунистов. Недолго пробыли на аэродроме Чан Кайши и его свита. Поздравив летчиков с удачным рейдом на Японские острова, он поспешил удалиться. Больше я его не встречал.

Заключив союз с КПК о совместной борьбе против японских агрессоров, Чан Кайши тем не менее плел против нее всевозможные интриги. Для него народные войска были, пожалуй, страшнее, чем японские. Он отказывался платить военнослужащим Красной Армии, переименованной к тому времени в Национально-революционную, денежное содержание, лишал ее вооружения.

Однажды мне довелось побывать в расположении 8-й Национально-революционной армии, которой командовал Чжу Дэ, отвезти необходимый ей груз.

На аэродроме меня спросили:

— Сколько килограммов может поднять бомбардировщик?

— Одну тонну.

▲ Антон Губенко

▲ Хрюкин Т.Т.

— Вот и отлично. Здесь груза как раз около тонны.

— А куда лететь? — спрашиваю.

— Вот сюда, — указали мне на китайской карте глухое место в горах.

— Там будет речушка, — пояснили товарищи. — Место приземления обозначено полотнищем. Рядом выложен другой знак, доказывающий направление ветра.

Вот и все данные, что мы получили перед вылетом.

— Нелегкая задача, — прошептал Багрецов.

Но времени мы должны были прибыть на место примерно через два с половиной часа. Но прошло уж три, вроде бы и речушка обозначилась, а полотнища нигде не видно. Долго кружили над безлюдными горами. Начало закрадываться сомнение — в тот ли район попали. Вдруг штурман кричит по переговорному устройству:

— Справа у подножия горы знак.

Глянул — верно. И направление ветра указано. Оказывается, мы не замечали полотнища, потому что его прикрывала тень от горы.

Делаю заход и сажаю самолет па усыпанную галькой площадку. Подходят представители армии Чжу Дэ, принимают груз и кладут его на коляски, чтобы по извилистой тропинке увезти в горы.

— Бензин надо? — поинтересовались они.

— Надо.

— Пожалуйста.

За огромным валуном стояли припасенные для нас канистры с бензином. Выливаем его в самолетные бака, прощаемся и улетаем.

...Летать на боевые задания, как убедился читатель, нам приходилось много. Мы выжали из своих самолетов все, что они могли дать. В июне 1938 г. нам предложили перебазироваться на тыловой аэродром Ланьчжоу. Там предстояло произвести ремонт машин, в частности сменить моторы.

Успешные боевые действия в небе Китая прежде всего определялись летным мастерством и боевой выучкой наших летчиков и штурманов. Большую роль играли в боевом обеспечении наших вылетов инженеры и техники, входившие в состав экипажей бомбардировщиков СБ. Эти неутомимые труженики днем и ночью готовили самолеты к боевым вылетам, а если требовалось, садились вместо стрелков за ШКАСы и летали на бое вые задания.

Среди добровольцев-москвичей в пашей группе некоторое время работал мой соратник по академической авиабригаде борттехник Вася Землянский. Я знал его еще с 1928 г., когда мы оба были курсантами Вольской авиашколы. Это был весельчак и музыкант, любимец всех курсантов и командиров школы. Он и здесь, в сложных боевых условиях, никогда не расставался с губной гармошкой. Этот «воздушный музыкант» налетал в небе Китая более 100 часов.

Самых добрых слов заслуживают инженеры и техники Петр Михайлович Талдыкин, успешно выполнявший обязанности инженера нашей группы, Алексей Кузьмич Корчагин, ныне доцент, кандидат военных наук, полковник в отставке, Андрей Купчинов, который летал вместе со мной на боевые задания и обслуживал мой самолет, Анатолий Сорокин, Андреи Курин, Федор Алабутин, Иван Кытманов, Степан Воронин, Михаил Аксенов, Василий Афанасьев, Григорий Захарков и др.

...В Ланьчжоу нас ждало новое распоряжение: самолеты передать очередной группе советских летчиков-добровольцев, возглавляемых Т. Т. Хрюкиным, а самим вернуться па Родину.

В Москву мы прибыли в начале июля и разместились всей группой в Хамовнических казармах. Нам предложили написать подробные отчеты о боевой деятельности в Китае. Этот материал представлял большую ценность для подготовки наших Военно-Воздушных Сил.

Состоялась памятная встреча с начальником ВВС А. Д. Локтионовым, а также другими руководителями авиации. Нас горячо благодарили за добросовестно исполненный долг, представили к наградам. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 ноября 1938 г. мне было присвоено звание Героя Советского Союза.

По инициативе заместителя начальника ВВС Я. В. Смушкевича из летчиков, воевавших в Испании и Китае, была создана инспекция. В ее задачу входило обобщать, внедрять в частях боевой опыт, разрабатывать соответствующие руководящие документы. Начальником инспекции назначили Героя Советского Союза А, К. Серова, а меня — заместителем по бомбардировочной авиации.

В инспекцию вошли также М. Якушин, Б. Смирнов, И. Лакеев, В. Клевцов, И. Душкин и др.

Но проработал я там недолго. Меня снова пригласили в одно из управлений Генштаба:

— Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение оказать Китаю еще более широкую военную и материальную помощь. Под Алма-Атой создана специальная база. Оттуда через границу будут переправляться самолеты, вооружение, боеприпасы. Начальником базы назначен полковник Грязнов, вы — его заместителем и начальником авиационной трассы.

Вручили документы, пожали руку, а па прощание сказали:

— На авиатрассе много неполадок. Наведите там порядок. От ее бесперебойной работы будет во многом зависеть своевременная доставка грузов Китаю.

Условия работы на трассе были очень тяжелыми. От Алма-Аты до конечного пункта Ланьчжоу было размещено 11 авиабаз. Все аэродромы имели грунтовое покрытие, кругом горы. После дождей па аэродромы с окружающих гор вместе с водой наносило много крупных камней. Перед полетом, а нередко и каждый день приходилось собирать эти камни. Для выполнения этой тяжелой работы китайские власти привлекали местное население.

Я приступил к работе на авиатрассе в октябре 1938 г. Вместе со мной в Алма-Ату приехали военный комиссар трассы И. Д. Ветлужинский, главный инженер З. А. Иоффе, штурман П. Т. Собин, гражданский летчик на самолете ДС-3 Ф. М. Коршунов и др.

Наша основная задача состояла в обеспечении регулярной поставки китайским военно-воздушным

▲ Чжу Дэ

▲ Погибшие герои летчики-добровольцы

силам советских самолетов. Надо было, несмотря на технические трудности и нелегкие природные условия, обеспечить прием и подготовку к полету на аэродромах трассы самолетов и экипажей советских летчиков.

Протяженность трассы составляла около 3 тыс. км. На всем атом огромном расстоянии отсутствовали надежные средства не только воздушной, но и наземной связи. Здесь не было и характерных ориентиров, пригодных для определения местонахождения самолета. Единственная грунтовая дорога с воздуха была плохо заметна. Движение па этой дороге было малоинтенсивным, к тому же частые пылевые бури, которые в этом районе были обусловлены близостью пустыни Гоби, делали ее практически невидимой.

На каждой промежуточной базе были созданы советские авиационные комендатуры, работали авиационные специалисты, имелись горючее и другие заправочные материалы, а также за пасы продовольствия. Через комендатуры осуществлялась связь с местными китайскими властями.

В мою задачу как начальника авиационной трассы входило обеспечение не только безопасности перегонки, но и сборки самолетов. Для этой цели были организованы две сборочные базы. Одна из них функционировала в районе Алма-Аты. На сборке бомбардировщиков СБ трудилась целая бригада рабочих авиационного завода. С рабочими этого завода мне приходилось встречаться ранее, когда я осваивал там самолет СБ под непосредственным руководством В. А. Окулова, который впоследствии стал директором завода и проявил выдающиеся организаторские способности, особенно во время войны. Позднее на этом заводе я получал самолеты СБ для ВВС. Сплоченный, самоотверженный коллектив рабочих, техников и инженеров в любых, даже самых трудных, условиях выполнял поставленную задачу. И здесь, в Алма-Ате, рассматривая свою работу как по четное и ответственное задание Родины, рабочие круглосуточно не покидали своих рабочих мест, делая небольшие перерывы лишь для приема пищи и короткого отдыха. Многие из них, не взирая па труднейшие условия суровой зимы, в несколько раз перевыполняли нормы выработки.

Каждый собранный самолет я был обязан лично облетать, проверить вооружение и оборудование. За его техническую и боевую готовность я нес ответственность вместе с приёмщиком при заводе инженером Н. П. Селезневым, с которым мы работали очень дружно.

После облета и проверки все самолеты данной партии пере давались экипажам советских летчиков-добровольцев и затем отправлялись по авиатрассе в Ланьчжоу.

Однажды мне пришлось лидировать группу самолетов бомбардировщиков ДБ-3А, которые летели в Китай под руководством Г. А. Кулишенко и комиссара С. Я. Федорова. Находившиеся на трассе аэродромы не смо-

гли принять эти машины, их взлетная полоса была слишком короткой. Ближайший китайский аэродром, пригодный для посадки этих машин, находился в Аньси, т. е. на расстоянии около 2 тыс. км. Но такое расстояние мой СБ без посадки не мог преодолеть. Пришлось всей группой лететь до Урумчи, где я пересел на другой, специально подготовленный самолет СБ. Причем остальные самолеты ДБ-3 делали круги над аэродромом, ожидая меня.

Вторая сборочная база была организована в Хами, на границе пустыни Гоби. Здесь собирали истребители И-15 и И-16. До Хами их транспортировали па автомашинах в разобранном виде в сопровождении наших летчиков-добровольцев. Собраные истребители принимали и облетывали сами летчики-истребители, а затем на бомбардировщике СБ я лидировал их до конечного пункта авиатрассы — Ланьчжоу. Однажды мне пришлось вести группу из 40 истребителей, которую возглавляли известные советские летчики С. П. Супрун и К. К. Коккинаки.

Всего за время моей работы па трассе в Китай мы переправили 400 боевых самолетов. Ни один из них не потерпел аварии.

В боях за свободу китайского парода советские летчики-добровольцы проявили героизм и самопожертвование. В этом мы видели свой интернациональный долг, долг коммунистов и советских патриотов.

Немало советских летчиков-добровольцев отдали жизни, сражаясь па китайской земле. Навечно останутся в памяти народной имена замечательных советских летчиков — Бдайциева, Бушина, Воробьева, И. Гурова, Г. Кулишенко, П. Муравьева, К. Опасова, В. Петрова, Резинки, Румянцева, Рахманова, С. Смирнова, Е. Сухорукова, С. Фролова, Шустера и многих других, погибших в боях за свободу Китая. Всего в Китае в период японо-китайской воины погибло около 200 советских летчиков.

Это о них гласит надпись на обелиске, воздвигнутом в центральном парке Уханя: «Память о советских летчиках будет вечно жить в сердцах китайского парода. Пусть этот благородный дух пролетарского интернационализма, присущий рабочему классу, всегда развивает и укрепляет братскую нерушимую дружбу китайского и советского народов». .

▲ Памятник советским летчикам в Ухане

Н.Г. КУЗНЕЦОВ, Адмирал Флота Советского Союза.
В 1939–1946 гг. нарком Военно-Морского Флота СССР

И ТИХООКЕАНЦЫ СКАЗАЛИ СВОЕ СЛОВО

▲ Авачинская бухта

Несмотря на памятные уроки у озера Хасан в 1938 году и на Халхин-Голе в 1939 году, милитаристское правительство Японии ждало только случая, чтобы возобновить уже совместно с Германией военные действия против СССР.

В своих агрессивных планах японский империализм метил на захват всего советского Дальнего Востока с Сибирью, а также Камчатки (в Авачинской бухте Петропавловска японцы собирались создать главную северную базу японского флота на Тихом океане). Об этом без стеснения писала японская печать. Японские милитаристы создали у границ СССР два плацдарма: маньчжурский и курильско-сахалинский. Оккупировав Маньчжурию, японцы перебрасывают туда отборную Квантунскую армию и к осени 1941 года доводят ее численность до 750 тысяч человек. К тому же она подкрепляется еще войсками Маньчжоу-Го в 180 тысяч человек и войсками монгольского князя Дэ-Вана в 12 тысяч человек. Кроме того, находящиеся в Северном Китае японские войска численностью до миллиона человек в любой момент могли быть переброшены в Маньчжурию. Непосредственно в метрополии японцы имели

▲ Установка минного поля

резерв сил в количестве 13 дивизий, которые также были готовы к переброске их в Маньчжурию или к высадке на советскую территорию.

На курильско-сахалинском плацдарме находилось 5 японских дивизий, предназначенных для наступательных действий против советского Сахалина и Камчатки. Численность японских войск у наших границ оставалась почти неизменной на протяжении всей войны.

В сентябре 1940 года в Берлине был подписан тройственный пакт между Германией, Японией и Италией, направленный против Советского Союза.

Наше правительство делало все, чтобы удержать Японию на нейтральных позициях. 13 апреля 1941 года с Японией был подписан договор о нейтралитете. И. В. Сталин сам прибыл на вокзал, чтобы проводить японского министра иностранных дел И. Мацуоку, подписавшего договор. На это обратил внимание весь мир: ни один министр иностранных дел не удостаивался еще такой чести.

Однако договор о нейтралитете не мог служить гарантией того, что Япония при благоприятных для нее условиях не выступит на стороне Германии. Вероломство японской военщины, которая фактически управляла страной, издавна было хорошо известно и по русско-японской войне, и по агрессии Японии против Китая. Наконец, в памяти были свежи бои у озера Хасан и на Халхин-Голе.

2 июля 1941 года в Токио состоялась так называемая имперская конференция, подробно рассмотревшая военно-политическую обстановку на Дальнем Востоке в связи с нападением гитлеровской Германии на Советский Союз. В принятой на конференции «Программе национальной политики» Японии указывалось: «Хотя наше отношение к германо-советской войне основывается на духе «оси» трех держав, мы в настоящее время не будем вмешиваться в нее и сохраним независимую позицию, секретно завершая в то же время военную подготовку против Советского Союза... Если германо-советская война будет развиваться в направлении, благоприятном для империи, она, прибегнув к вооруженной силе, разрешит северную проблему и обеспечит стабильность положения на Севере».

В соответствии с этим решением конференции японский генеральный штаб разработал план войны против СССР, зашифрованный под названием «Кантокуэн» (особые маневры Квантунской армии). Для осуществления плана, который предусматривал захват советского Дальнего Востока и значительной части Сибири, летом 1941 года была проведена мобилизация. Численность японских войск в Маньчжурии в течение двух месяцев была увеличена вдвое и к концу августа 1941 года достигла 600 тысяч человек.

Только провал гитлеровского плана молниеносной войны заставил японских правителей воздержаться от прямой агрессии против СССР.

Однако на протяжении всей войны Советского Союза с фашистской Германией Япония фактически нарушала договор о нейтралитете, оставаясь потенциальным союзником гитлеровского рейха. Так, уже 8 декабря 1941 года японское правительство вопреки международному праву объявило проливы Лаперуза, Сангарский и Корейский своими «морскими оборонительными зонами», поставив, таким образом, под контроль своих вооруженных сил Японское море и все выходы из него. В декабре 1941 года японцы потопили советские торговые суда «Кречет», «Свирьстрой», «Перекоп»

и «Майкоп» и захватили суда «Симферополь» и «Сергей Лазо».

Когда с началом войны на Западе наши флоты на Севере, Балтике и Черном море начали первые постановки мин и приступили к развертыванию кораблей и частей, встал вопрос: а как быть с флотом на Дальнем Востоке? Готовность средств ПВО, рассредоточение кораблей и затемнение баз исключали, конечно, внезапность нападения японцев. Но при огромном преимуществе японского флота в силах было бы очень опасным опоздать с серьезными предупредительными мерами.

Обстановка на Дальнем Востоке настоятельно требовала приступить к минно-заградительным операциям. Однако я не мог отдать такой приказ без разрешения правительства: это была не только военная, но и политическая акция. Один из членов ГКО, вызвавший меня для устного доклада, с пристрастием выяснял, насколько действительно необходима постановка мин у дальневосточных берегов. Я доказывал, что она поможет флоту в защите побережья. Докладывая, я не скрывал и того, что какая-то часть мин, возможно, будет сорвана с якорей и унесена в открытое море, а значит, появится у берегов Японии.

После моих настойчивых обращений разрешение наконец было получено. 12 июля 1941 года начались первые постановки мин в заливе Петра Великого, около Владивостока, а затем и возле других дальневосточных военно-морских баз. Корабли и суда оповестили об опасных для плавания районах. Чтобы на минные поля не зашли иностранные суда, в районе Владивостока организовали специальные корабельные дозоры.

С наступлением осенних штормов какую-то часть мин, как и следовало ожидать, сорвало с якорей. Господствующие в это время года северо-западные ветры унесли мины в открытое море.

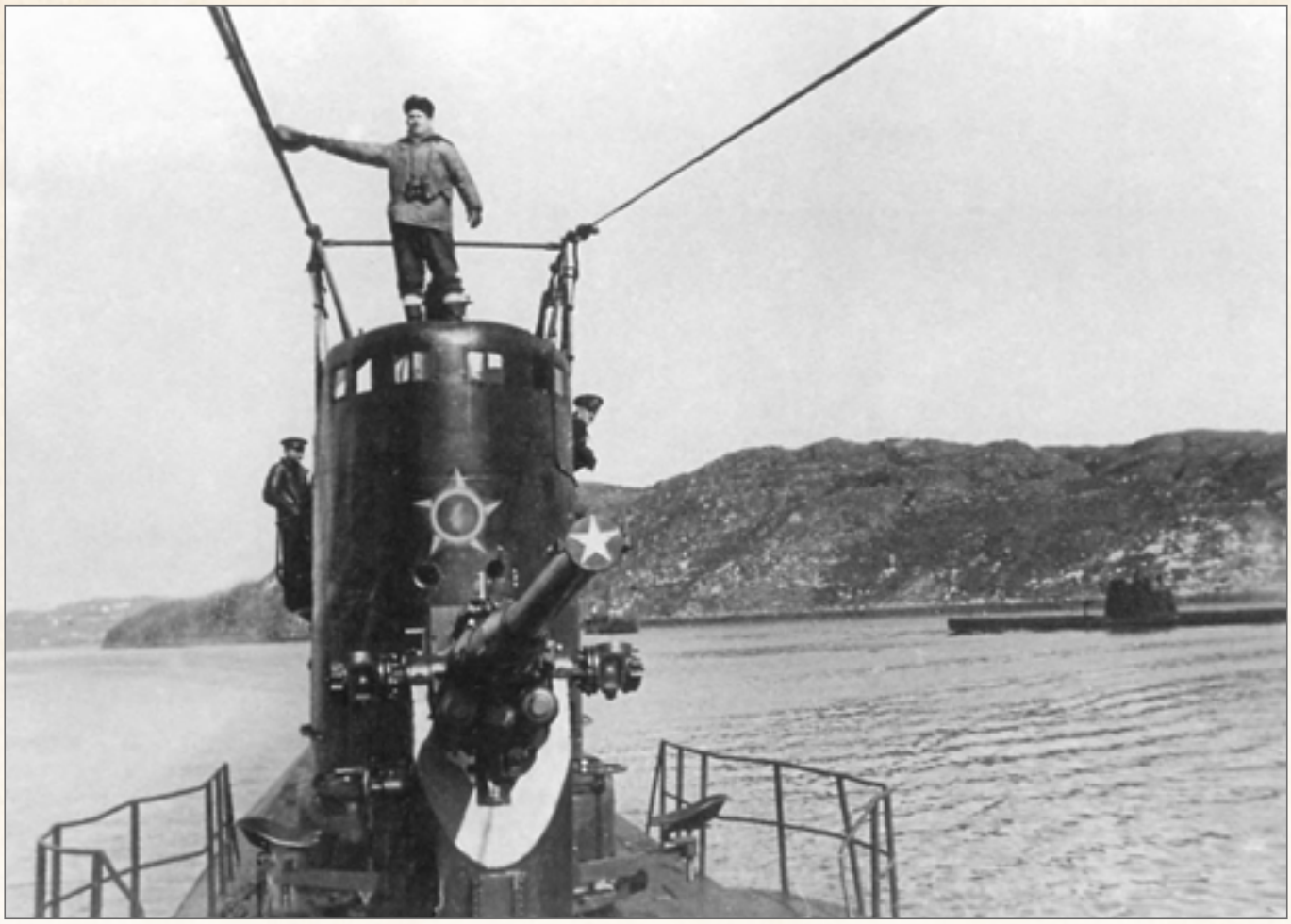
Но у командования Тихоокеанского флота стало спокойнее на душе, когда перед каждой базой появилась оборудованная минно-артиллерийская позиция. Прибрежные воды систематически просматривались с самолетов, а специально выделенные корабли уничтожали обнаруженные плавающие мины. Безопасность торговых судов на подходах к базам обеспечивали военные лоцманы.

С декабря 1941 года в связи с началом войны Японии против США, Англии и их союзников на Тихом океане обстановка на нашем Дальнем Востоке несколько разрядилась. Япония направила основные морские силы на юг.

Некоторое ослабление напряженности вблизи наших дальневосточных берегов, а главное — изменение в нашу пользу положения на советско-германском фронте позволили Тихоокеанскому флоту оказать действенную помощь фронту. Я уже писал, что тысячи тихоокеанцев в составе морских бригад приняли участие в боях под Москвой и на других сухопутных направлениях. Дальневосточники посылали другим флотам и корабли, и отлично подготовленных командиров и матросов. В 1941 году не удалось усилить Северный флот переводом туда кораблей с Балтики, поэтому решено было пополнить

▲ В морском походе

▲ Подготовка к походу

Северный флот кораблями с Тихого океана В том же году с Тихого океана на пополнение Северного флота отправили шесть подводных лодок. Подводникам предстояло скрытно пересечь Тихий океан, где в поисках американских кораблей и транспортов курсировали японские лодки, спуститься к экватору, Панамским каналом пройти в Атлантику, миновать районы наиболее активных действий немецких лодок в северной части Атлантического океана, подняться выше Северного полярного круга — к 72° северной широты — и оттуда следовать в базы Северного флота. По договоренности с правительствами союзных держав нашим лодкам разрешался заход в порты Датч-Харбор на Алеутских островах, Сан-Франциско, Панаму, Галифакс в Канаде и Рейкьявик для приема топлива, продовольствия и для ремонта, если он потребуется. Лодки отправлялись попарно. 25 сентября 1942 года из Петропавловска-Камчатского вышли «Л-15», командиром которой был капитан-лейтенант В. И. Комаров, и «Л-16» под командованием капитан-лейтенанта Д. Ф. Гусарова. Вслед за ними из Владивостока отправились четыре другие лодки.

11 октября, когда до Сан-Франциско оставалось 820 миль, на просторах Тихого океана вдруг раздался сильный взрыв. Над подводной лодкой «Л-16» взметнулся столб воды и дыма. Через 2—3 минуты она исчезла под водой со всем экипажем. Ее атаковала неизвестная подводная лодка. Сигнальщики другой нашей лодки, «Л-15», обнаружили 2 перископа. Артиллеристы «Л-15» выпустили по ним 5 снарядов, и перископы скрылись под водой.

Переход лодок оказался трудным. Шла война, и опасность подстерегала их в любой точке огромного пути.

Первой 24 января 1943 года пришла в Полярный подводная лодка «С-51», которой командовал капитан 3 ранга И. Ф. Кучеренко. Встретить лодку в гавань прибыли командующий Северным флотом А. Г. Головко, начальник отдела подводного плавания штаба контр-адмирал Н. И. Виноградов и командир бригады подводных лодок Герой Советского Союза капитан 1 ранга И. А. Колышкин.

Остальные лодки прибыли в марте — июне.

Это был первый за всю историю советского подводного флота столь долгий переход. Подводные лодки прошли через два океана — Тихий и Атлантический — и девять морей — Японское, Охотское, Берингово, Карибское, Саргассово, Северное, Гренландское, Норвежское и Баренцево. Каждая из них пробыла в море более 2200 часов и оставила за кормой 17 тысяч миль.

▲ Кучеренко Иван Фомич

Отличная выучка подводников-тихоокеанцев, их стремление сразиться с фашистами помогли успешно завершить поход.

Прибывшие на Север лодки активно включились в борьбу с врагом. Их экипажи, продолжая вести боевой счет отважных подводников-североморцев, топили корабли и суда гитлеровцев. Вскоре за боевые заслуги перед Родиной подводная лодка «С-56» была удостоена звания гвардейской и награждена орденом Красного Знамени, «С-51» также стала Краснознаменной, а их бесстрашные командиры Григорий Иванович Щедрин и Иван Фомич Кучеренко получили высокое звание Героя Советского Союза. Эти и другие отличия, заслуженные тихоокеанцами в суровых арктических водах, — еще одно доказательство того, сколь действенной была помощь Тихоокеанского флота своему северному собрату.

Подводные лодки того времени не идут ни в какое сравнение с современными. Но тогда мы считали их отличными.

Техника поистине развивается быстро, и темпы этого развития неимоверно ускоряются. То или иное открытие создает широкие возможности для технического прогресса во многих смежных областях.

Мне хочется привести пример ускорения темпов развития техники, знакомой морякам из области подводного судостроения.

Прообразом подводной лодки можно считать «потаенное судно» народного умельца Ефима Никонова, которое он предложил еще в 1719 году. При первых испытаниях присутствовал Петр I. Идея заслуживала внимания, но техника не позволяла должным образом реализовать мечту.

В середине XVIII века англичанин Симоне предложил подводную лодку, созданную на иных принципах, но правильная в основе своей мысль еще не могла стать реальностью. Исторически на очереди еще стояли паровые суда вместо парусных.

Во Франции, которая во времена Наполеона была сильна на суше и слаба на море, Фултон в 1800 году предложил построить подводную лодку «Наутилус» для борьбы с «владычицей морей» Британией. Такое судно было крайне необходимо. Однако попытка воплотить конструкторскую мысль в реальность оказалась безуспешной: идея далеко опередила технические возможности.

Ближе к реальности оказалась подводная лодка нашего соотечественника С. Джевецкого, которую он испытывал в Одессе в конце 1879 года. Это было уже стальное судно, но надежность его действия под водой оказалась недостаточной. Идея плавать «потаенно» под водой временно была оставлена.

Подводные лодки были признаны годными для военных целей только в начале XX века. Окончательно в этом убедились в годы первой мировой войны. Ошеломляющие успехи подводных лодок (потопление в течение двух часов трех английских крейсеров, торпедирование русского крейсера «Паллада») дали мощный толчок развитию подводного оружия. Подводная лодка стала подлинно боевым подводным кораблем.

А через пятьдесят лет после первой мировой войны появились современные атомные подводные гиганты. Они плавают вокруг света без пополнения топливом, ныряют под лед и всплывают точно на Северном полюсе...

Однако, восхищаясь темпами развития техники, я невольно уклонился от темы. Не ведя боевых действий до августа 1945 года, Тихоокеанский

флот не только совершенствовал боевую выучку частей и кораблей, но и вносил значительный вклад в дело победы над фашистской Германией. Кроме того, через Владивосток все военные годы шли грузы из США. Тихоокеанцы по возможности оберегали транспорты от своих и японских мин, а временами, когда возникала опасность нападения японского флота, кое-где даже конвоировали их.

Япония медлила с выступлением против Советского Союза. Медлила, но вовсе не отказывалась от нападения. И нам приходилось быть постоянно настороже и держать на Дальнем Востоке значительные силы.

Командование Тихоокеанского флота держало флот в повышенной готовности, и Главный морской штаб внимательно следил за обстановкой на этом огромном морском театре. Вице-адмирал И. С. Юмашев не без основания беспокоился за побережье, а я постоянно напоминал ему, чтобы он не дал застигнуть себя врасплох. Мы старались передать ТОФ боевой опыт, полученный на западных морских театрах. Комфлота просил помочь ему выделением средств, но их неоткуда было взять, наоборот, мы заставили его выделить часть подводных лодок и авиации для усиления Северного флота.

Чем труднее складывалось у нас положение на западе, тем более вызывающе вели себя японцы. Это заставляло наше Верховное Главнокомандование постоянно держать на Дальнем Востоке войска соответствующей численности. Таким образом, хотя Япония медлила с нападением на нашу страну, ее агрессивное поведение являлось косвенной помощью фашистской Германии.

К лету 1945 года военная и экономическая мощь Японии была в значительной мере ослаблена. Но ее правительство путем упорного сопротивления рассчитывало добиться заключения мира на выгодных для себя условиях. Наступательные операции американо-английских вооруженных сил на Тихом океане развивались крайне медленно. Так, например, бои за небольшой остров Окинава длились около трех месяцев, хотя против восьмидесятитысячного гарнизона острова было брошено более 450 тысяч американских солдат и офицеров, 1 317 кораблей и 1 727 самолетов. Американцы потеряли здесь 48 025 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести, 34 корабля и 763 самолета, 368 американских кораблей были повреждены. Такой ход боев не предвещал скорого окончания войны. Не случайно союзники на Потсдамской конференции, как и в Ялте, настаивали на быстрейшем вступлении СССР в войну с Японией.

Точно о дне и часе нашего выступления и на Потсдамской конференции сказано не было. Но я знал, что приготовления идут полным ходом и что война на Дальнем Востоке начнется в первой половине августа.

Во время работы Потсдамской конференции начальник Генштаба А. И. Антонов на очередном совещании членов нашей делегации спросил меня о готовности Тихоокеанского флота к боевым действиям. Я ответил вопросом: к какому сроку должен быть готов флот? Алексей Иннокентиевич уклончиво ответил: сроки приближаются. Я заверил, что Тихоокеанский флот и Амурская флотилия в основном уже закончи-

▲ Щедрин Григорий Иванович

▲ Потсдамская конференция, Антонов А.И. в центре, слева Кузнецов Н.Г.

ли подготовку, и мы, моряки, просим об одном: чтобы нас предупредили хотя бы за несколько дней до начала боевых действий. Мне это обещали.

Подготовка к операции шла в обстановке всемерной секретности. Переброска войск и техники проводилась скрытно. Даже многие лица высшего командного состава ехали на Дальний Восток под чужими именами.

Когда конференция подходила к концу, И. В. Сталин спросил меня, не собираюсь ли я на Дальний Восток. Я ответил, что намерен после конференции на один-два дня задержаться на Балтийском флоте.

— Медлить не следует, — заметил Верховный.

Эти слова подтвердили мою догадку, что сроки начала войны совсем близки.

Уже там, в Потсдаме, я узнал, что на меня возлагается координация действий Тихоокеанского флота и Амурской флотилии с действиями сухопутных войск.

8 августа 1945 года по радио было объявлено решение Советского правительства о вступлении в войну против Японии. Советский Союз преследовал справедливые и благородные цели: ликвидировать последний очаг агрессии и ускорить окончание второй мировой войны, изгнать японских захватчиков из Маньчжурии и Кореи и тем самым оказать содействие китайскому и корейскому народам в их освободительной борьбе против империалистического рабства, вернуть нашей стране исконно русские земли — Южный Сахалин и Курильские острова.

В это время я уже летел в Читу. Моим летчиком был полярник май-

▲ Василевский А.М. на японском УРе, 1945

▲ Адмирал Иван Степанович Юмашев

▲ Андреев В.А.

ор А. И. Бехтинов. В Иркутске, несмотря на предостережение метеорологов о плохой погоде на трассе, он заявил: «Доберемся благополучно».! И снова блеснул своим искусством: в дождь, при низкой облачности, маневрируя между горами, он нашел нужный аэродром. Никто нас не ожидал: все считали, что в такую погоду лететь невозможно.

— Откуда вы взялись? — удивился маршал А. М. Василевский, когда я вошел к нему на КП.

А. М. Василевский, назначенный главнокомандующим советскими войсками на Дальнем Востоке, познакомил меня с обстановкой и замыслом операции.

План Ставки Верховного Главнокомандования предусматривал стремительное наступление одновременно на трех направлениях — из Приморья, из района Хабаровска и со стороны Забайкалья, с тем чтобы расчленить и уничтожить по частям Квантунскую армию.

Руководство всей кампанией было возложено на маршала А. М. Василевского. На западной границе Маньчжурии был развернут Забайкальский фронт, которым командовал маршал Р.Я. Малиновский, на северо-восточной границе —2-й Дальневосточный фронт под командованием генерала армии М. А. Пуркаева, а на востоке, упираясь своим флангом в Японское море, сосредоточились войска 1-го Дальневосточного фронта под командованием маршала К. А. Мерецкова. Тихоокеанским флотом командовал адмирал И. С. Юмашев, Амурской флотилией — контр-адмирал Н. В. Антонов.

Советское правительство объявило войну Японии 8 августа, а в ночь на 9 августа начались боевые действия.

Наступая одновременно с трех направлений, наши войска начали продвижение. Они преодолевали труднопроходимую, сильно пересеченную высокими хребтами местность. Сражения начались по фронту, протянувшемуся на пять тысяч километров.

Сразу же в боевые действия включились наши моряки.

Тихоокеанский флот (командующий адмирал И. С. Юмашев, член Военного Совета генерал-лейтенант береговой службы С. Е. Захаров, начальник штаба вице-адмирал А. С. Фролов) к тому времени имел в своем составе 2 крейсера, 1 лидер эсминцев, 12 эсминцев и миноносцев, 78 подводных лодок, 204 торпедных катера, десантные суда, тральщики и другие корабли. ВВС Тихоокеанского флота насчитывали более 1,5 тысячи самолетов. Японский флот к августу 1945 года имел до 500 боевых кораблей. Хотя основные силы его были отвлечены на борьбу против военно-морских сил США, мы не могли забывать, что японцы имеют возможность быстро перебросить свои корабли в Японское море.

Еще до начала войны СССР с Японией были определены зоны действия морских, воздушных и сухопутных сил Советского Союза и США. Разграничительная линия между зонами проходила в 90—120 милях от материка в Японском море и в 15—25 милях от нашего побережья в Тихом океане и Беринговом море.

Тихоокеанский флот был переве-

▲ Терновский Георгий Владимирович

ден на оперативную готовность №1 еще на рассвете 8 августа 1945 года. Торговые суда укрылись в заранее установленных пунктах, а на' морских коммуникациях была введена система конвоев. К старым минным заграждениям, поставленным еще в 1941 году, пришлось добавить новые.

Флоту следовало в первые же дни войны высадить ряд десантов на Корейском полуострове. Кроме того, на флот и Северную Тихоокеанскую флотилию возлагались оборона всего морского побережья и нарушение коммуникаций противника. Ближайшими портами, через которые могли поступать грузы и войска для Квантунской армии, были Юки, Расин и Сейсин. К высадке десантов в этих портах и был подготовлен флот. По сведениям разведки, порты охраняла сильная береговая артиллерия. Наиболее укрепленным считался порт Сейсин, где находились гарнизон до 4 тысяч человек и сильная береговая оборона.

Для поддержки наших десантов были использованы дивизии пикировщиков и штурмовиков. Одновременно с воздушными налетами на порты должны были нанести удар наши торпедные катера. Их действиями руководил командир 1-й бригады торпедных катеров капитан 2 ранга П. Ф. Кухта, а дивизионами катеров — капитаны 3 ранга К. В. Казачинский, С. П. Кострицкий и капитан-лейтенант М. Г. Малик.

Первые атаки с воздуха и с моря были смелыми и удачными. Уже к 11 августа создалась благоприятная обстановка для высадки десантов в портах Юки и Расин, что и было сделано в течение двух дней, несмотря на плохую погоду. Захват этих портов позволил приступить к боям за Сейсин. Для этого потребовались более крупные силы. В десант вошли 335-я стрелковая дивизия, 13-я бригада и 355-й батальон морской пехоты Тихоокеанского флота. Командиром высадки назначили капитана 1 ранга А. Ф. Студеничникова, а десант возглавил командир бригады морской пехоты генерал-майор В. П. Трушин.

Бои за Сейсин были чрезвычайно тяжелыми. Японцы бросали в бой все новые и новые подкрепления. Первому эшелону, состоявшему из 355-го батальона морской пехоты, в течение только одной ночи (на 15 августа) пришлось отбить четырнадцать вражеских атак.

Несмотря на фанатически упорное сопротивление противника, 16 августа военно-морская база Сейсин была занята десантными частями флота и 335-й стрелковой дивизией из состава Чугуевской оперативной группы.

Мне доложили, что в этих боях отличился флагманский артиллерист сторожевых кораблей капитан 3 ранга Г. В. Терновский. Когда наши десантники в порту оказались в тяжелом положении, Терновский сформировал отряд из двадцати пяти моряков с кораблей и с ними высадился на берег.

— Это не тот ли Терновский, что служил на Черном море? — спросил я.

— Тот самый.

Я хорошо помнил Терновского еще по Новороссийску. Там он прославился тем, что поставил «катюши» на торпедные катера. Реактивные установки на море оказались грозным оружием. С легкой руки Терновского в конце войны «катюши» появились на многих кораблях.

За свой подвиг в Сейсине Г. В. Терновский был удостоен звания Героя Советского Союза.

После освобождения Юки, Расина и Сейсина генерал-лейтенант С. И. Кабанов, назначенный командующим Южным морским оборонительным районом, получил возможность организовать оборону портов, чтобы там могли базироваться наши корабли.

В середине августа мы вместе с А. М. Василевским вылетели из Читы в Приморье. Маршал хотел лично проследить за действиями 1-го Дальневосточного фронта, а мне в эти дни следовало быть ближе к штабу флота. Погода в момент вылета была сносной, но примерно на полпути от Хабаровска самолет попал в сильные грозовые облака. Молнии сверкали совсем рядом, а ливень буквально ослеплял летчиков. Все же удалось пилоту отыскать площадку, пригодную для посадки. Еле приземлились. Видимости никакой. Оказались мы на небольшом полузаброшенном аэродроме. Имевшаяся на нем рация, как и рация самолета, обладала небольшой дальностью. Чтобы связаться со штабом и с Москвой, Александру Михайловичу пришлось добираться до ближайшей железнодорожной станции. А на следующее утро небо было ясным, и мы спокойно добрались до Уссурийска. До чего же переменчива погода на Дальнем Востоке!

Вместе с А. М. Василевским мы побывали в штабе 1-го Дальневосточного фронта. Маршал К. А. Мерецков с похвалой отозвался о действиях моряков-тихоокеанцев.

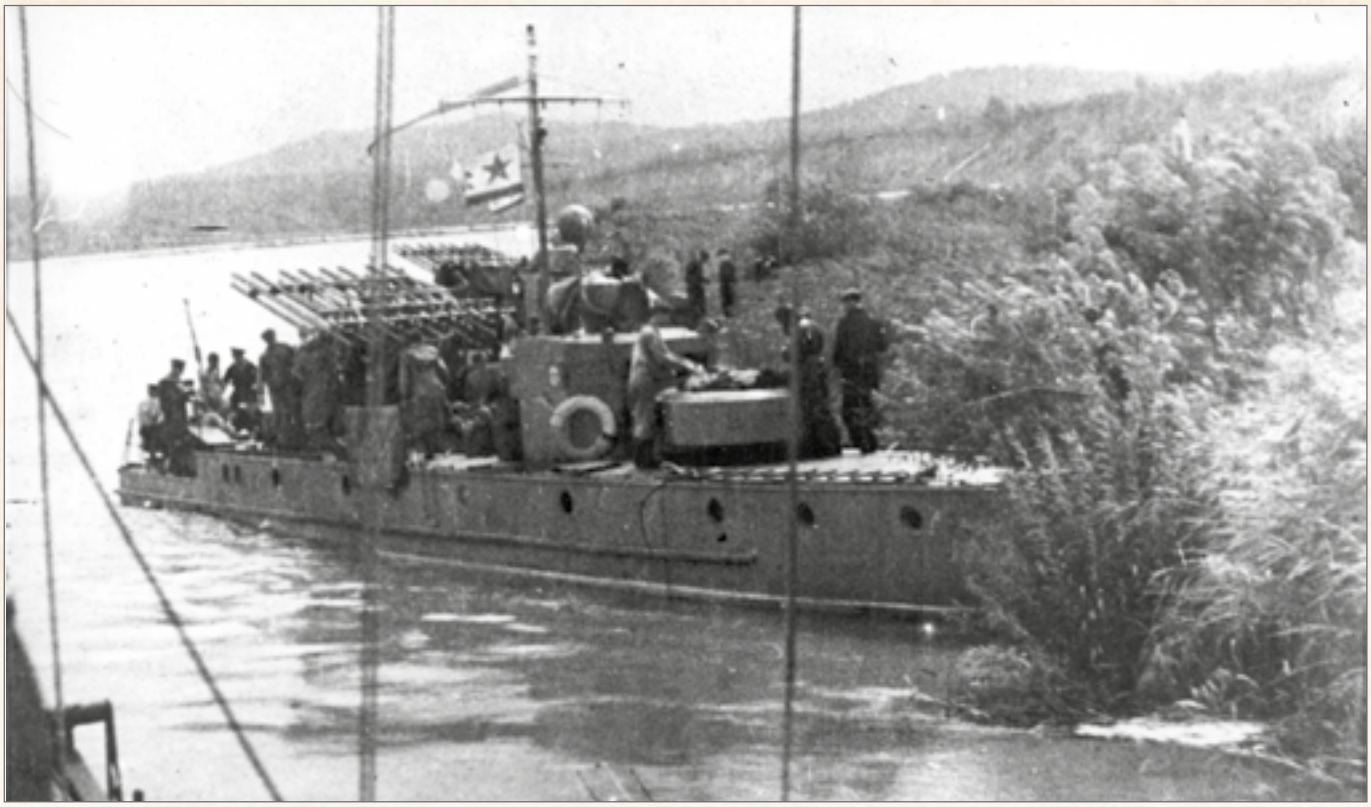
На другой день я вылетел во Владивосток.

На флагманском командном пункте Тихоокеанского флота меня познакомили с подробностями боев за Сейсин и планом предстоящего крупного десанта в Гензан. Северная Тихоокеанская флотилия в это время уже приступила к борьбе за острова Курильской гряды и южной части Сахалина.

Операции шли по плану. Кое-где японцы еще оказывали упорное сопротивление. Оправдались наши заботы о том, чтобы тихоокеанцы настойчиво овладевали боевым опытом других флотов. Сейчас здесь было немало командиров, участвовавших в боях на Черном море, Балтике, на Севере. Такими были, например, генерал С. И. Кабанов, а также начальник штаба флота вице-адмирал А. С. Фролов, с которым я встре-

▲ Морской десант

▲ Амурская флотилия

чался еще в трудные дни 1942 года на Керченском полуострове. Сейчас он со знанием дела планировал десантные операции.

В общем дела шли хорошо. Победа над фашистской Германией как бы зарядила дальневосточников и тихоокеанцев на скорую победу. Моральное состояние наших войск было высоким, никакие препятствия не могли остановить их порыва.

Командующего Тихоокеанским флотом адмирала И. С. Юмашева я знал давно. На Черном море, когда я служил на крейсерах, И. С. Юмашев командовал эсминцем, а затем дивизионом миноносцев. Под его командованием мне довелось служить в 1935— 1936 годах, когда он возглавлял бригаду крейсеров.

На редкость спокойный, отлично знающий свое дело моряк, Юмашев в 1937 году был назначен командующим Черноморским флотом. А в марте 1939 года, когда встал вопрос о назначении опытного моряка на Тихоокеанский флот, я без колебаний назвал именно его. Мы вместе с ним направились тогда во Владиостей. Словом, флотилия помогла прорывать оборону противника, овладевать городами, уничтожать совместно с войсками окруженные группировки японских войск, высаживать десанты.

Остановлюсь еще на одной операции флотилии. Оставив Тунцзян, противник отходил по дороге Тунцзян — Фуцзинь, а затем вверх по реке Сунгари. Фуцзинь был важной армейской и речной базой японцев. 11 августа мониторы «Ленин» (командир капитан-лейтенант А. К. Павлов), «Сунь Ятсен» (командир капитан 3 ранга В. Д. Корнер) и бронекатера устремились вверх по реке. На борту кораблей следовали два батальона и штурмовая рота морской пехоты. Пройдя километров 15—20, монитор «Ленин» высадил на берег один из батальонов, который начал двигаться параллельно реке прямо на Фуцзинь. Затем корабли под вражеским огнем ворвались на рейд Фуцзиня и высадили десант на причалы. В это время с севера в город вошла 171-я танковая бригада. Общими усилиями Фуцзинь был взят.

Нашим кораблям приходилось двигаться вверх по Сунгари, местами преодолевая серьезные преграды: сплошной поток бревен и плотов, пущенных японцами с верховьев реки, упавшие фермы взорванных железнодорожных мостов. Моряки все-таки отыскивали фарватеры и продолжали двигаться к намеченным целям. По пути была захвачена и разоружена Сунгарийская речная флотилия японцев.

В том, что в течение нескольких дней нашими войсками была разгромлена 750-тысячная Квантунская армия, есть заслуга и моряков Амурской флотилии.

Успешные действия флотилии высоко оценены правительством — 3 315 ее моряков, старшин и офицеров были награждены орденами и медалями, 7 удостоены звания Героя Советского Союза. Вот их имена: контр-адмирал Н. В. Антонов, капитан 1 ранга М. Г. Воронков, капитан 3 ранга В. Д. Корнер, капитан-лейтенант И. А. Хворостьянов, капитан-лейтенант Л. Н. Пантелеев, капитан С. М. Кузнецов, старший лейтенант

И. А. Сорнев и старшина 1-й статьи Н. Н. Голубков.

За отвагу экипажей мониторы «Сунь Ятсен» и «Свердлов», канонерские лодки «Красная Звезда» и «Пролетарий», 1-й отдельный дивизион бронекатеров, 1-й отряд бронекатеров стали гвардейскими.

Бригады флотилии получили наименования: 1-я Харбинская Краснознаменная, 2-я Амурская Краснознаменная, 3-я Уссурийская ордена Нахимова I степени и 4-я Амурская ордена Ушакова I степени.

Находясь на Дальнем Востоке, я дважды разговаривал с И. В. Сталиным по телефону. Как-то, выслушав мой доклад об обстановке на море, он шутя спросил:

— Все еще воюете?

Тогда наши части высаживались на последний остров Курильской гряды — остров Кунашир.

— На Хоккайдо высаживаться не следует, — так же шутливо предупредил.Верховный.

— Без приказа не будем, — ответил я. Через несколько дней меня снова позвали к телефону. Верховный спросил, когда я вылетаю в Москву.

— Не задерживайтесь. Надо решать вопрос о новой судостроительной программе.

▲ Торпедные катера

В правительстве уже думали о будущем нашего Военно-Морского Флота.

После этого разговора с Москвой я побывал еще в Хабаровске, где встретился с А. М. Василевским, Р. Я. Малиновским, К. А. Мерецковым, М. А. Пуркаевым. Мы подвели итоги этой молниеносной кампании.

Рано утром я вылетел в Москву. Всю дорогу — а на «Дугласе» путь с Дальнего Востока до столицы занимал полтора суток — я сидел с карандашом в руке, прикидывал, какие нам нужно строить корабли. На память приходили еще довоенные годы и первые наметки «большого морского и океанского флота».

В годы войны мне доводилось бывать в наших крупных судостроительных центрах. С горечью смотрел на недостроенные линкоры и тяжелые крейсеры, стоявшие на стапелях или у стенок заводов. Их не успели перед войной ввести в строй. Они были запланированы большой судостроительной программой, которую нам не дала реализовать война. Помню, у меня еще в тридцатых годах возникало сомнение по поводу линкоров: каким образом и куда мы будем выводить их из мелководной Балтики и закрытого Черного моря, если война начнется неожиданно? (...)

Опыт войны показал возросшую роль авиации и на сухопутном фронте, и на море. Огромные линкоры оказались беззащитными перед авиацией. Чтобы их прикрывать, нужны были десятки истребителей. Американские линейные корабли стали жертвой японской авиации в Перл-Харборе. Впоследствии американцы выводили их в океан только в сопровождении авианосцев.

▲ Десант на Курилы

▲ Кузнецов Н.Г., Тихоокеанский флот, 1945

Не имея воздушного прикрытия, фашисты были вынуждены прятать свой линкор «Тирпиц» в норвежских фьордах, пока его в конце концов не потопили своими шеститонными бомбами английские самолеты «ланкастер». Думается, роль авианосцев поняли не только США, но и англичане и немцы, но быстро сооружать такие сложные корабли в ходе войны нелегко.

У нас война с Германией носила прежде всего континентальный характер, и нам не потребовались корабли крупнее, чем крейсеры. Линейные корабли действовали лишь от случая к случаю.

А вот наша флотская авиация поработала в войну много и успешно. Она часто решала успех боя и на суше и на море, нанося чувствительные удары по вражеским коммуникациям, портам, базам. Там, где было достаточно самолетов, мы с помощью авиаторов решали такие задачи, которые раньше осуществляли только с помощью кораблей.

Немало славных страниц вписали в историю нашего Военно-Морского Флота подводные лодки, особенно на Северном флоте.

Наметки новой судостроительной программы вырисовывались пока только вчерне. В Москве я посадил за работу своих ближайших помощников, и в первую очередь, конечно, начальника Главного морского штаба.

Постепенно наши мысли отлились в определенные цифры проекта судостроительной программы, главные идеи которой основывались на изучении богатейшего опыта войны.

В том же 1945 году мною был представлен десятилетний план проектирования и судостроения. В этом плане основными классами боевых кораблей были названы авианосцы (большие и малые), крейсера с 9-дюймовой артиллерией, подводные лодки, эсминцы и т. д.

Споры, проходившие в процессе обсуждения, касались в основном авианосцев, на которых я настаивал и которые не принимались к постройке. По крейсерам больших споров не было. По эсминцам шли очень горячие споры. Я категорически возражал против строительства большого числа старых эсминцев проекта № 30, так как они не имели универсальной артиллерии. Очень много говорили о новых типах подводных лодок, которые нам уже были известны. Вопрос о тяжелом крейсере с 12-дюймовой артиллерией при мне даже не стоял, хотя Министерство вооружения не раз, как я помню, рекомендовало 12-дюймовую пушку.

Когда споры о новой программе находились в самом разгаре, я был снят с должности. Таким образом, программа послевоенного судостроения окончательно обсужда-

▲ Порт-Артур наш!

▲ На морских коммуникациях

лась и была принята без меня, вопреки моему мнению, без учета моих предложений. Строительство этих кораблей в основном также прошло в мое отсутствие (1946—1951 гг.).

Я же лично все время считал самыми крупными ошибками в послевоенном судостроении появление в строительстве тяжелого крейсера, строительство большого числа эсминцев проекта № 30, продолжение строительства старых подводных лодок проекта № 15.

По всем этим вопросам имеется большая переписка, особенно о неполноценности эсминцев проекта № 30. Я поднимал эти вопросы и после своего возвращения в 1951 году на работу в Москву на должность министра Военно-Морского Флота.

Мною были приняты все меры для скорейшего перехода на новые эсминцы, неоднократно докладывалось о необходимости строительства десантных судов и авианосцев.

В докладе № 2222 от 1 сентября 1951 года я написал, какими старыми кораблями мы обладаем, и просил принять ряд срочных мер.

Не утверждаю, что в то время я стоял на самых правильных позициях и умел предусмотреть самое новое, но утверждаю, что если бы были приняты мои предложения, то к 1952—1953 гг. мы имели бы авианосцы, подводные лодки, десантные корабли, крейсера, сильные в зенитном отношении, которые не трудно было бы переделать в ракетные, имели бы самые современные эсминцы и т. д.

Флот должен быть сбалансирован исходя из задач, стоящих перед Вооруженными Силами страны. Только это определит соотношение надводного и подводного флота, классов кораблей, типов самолетов, вооружения. Следует также учитывать, что изменилась обстановка, изменились средства вооруженной борьбы.

Все это учитывается сейчас. Наш флот строится с учетом опыта минувших войн и на основе научного предвидения на будущее.

Уже в Москве я увидел в газете Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 сентября 1945 года о награждении большой группы моряков Тихоокеанского флота, Амурской и Северной Тихоокеанской флотилий. Нашел здесь и свою фамилию. И. С. Юмашеву, Н. В. Антонову и мне было присвоено звание Героя Советского Союза.

Через несколько дней М. И. Калинин вручил мне Золотую Звезду и орден Ленина. Конечно, я переживал большую радость. И вместе с тем сознавал, что это оценка не только и не столько моего труда, но прежде всего признание героизма советских моряков, заслуг всего нашего флота перед социалистической Родиной. Высокая награда обязывала работать еще больше и еще лучше. ■

С.М. ШТЕМЕНКО

ИЗУЧЕНИЕ ОПЫТА ВОЙНЫ

▲ Авиация в годы войны

К началу войны в составе Генерального штаба были органы, занимавшиеся организацией, мобилизацией, призывом и укомплектованием войск. Через месяц после начала войны, а точнее — 29 июля приказом Народного комиссара обороны создается Главное управление формирования и укомплектования войск Красной Армии (Главупраформ), и все органы, ведавшие данными вопросами в Генеральном штабе, были переданы этому управлению. Начальником Главупраформа с 8 августа 1941 г. стал армейский комиссар 1 ранга Е.А. Щаденко, бывший одновременно заместителем Наркома обороны. В Оперативном управлении Генерального штаба остался только оргучетный отдел, который в основном ведал статистикой, учетом войск и их дислокацией.

Такое решение во многом определялось сложившейся в первые месяцы войны тяжелой обстановкой и, видимо, было принято с целью разгрузки Генерального штаба, сосредоточения его внимания на вопросах оперативных. Но если вопросы мобилизации и укомплектования войск в военное время действительно могут и должны быть изъяты из ведения Генерального штаба, то этого нельзя делать в отношении организационных вопросов. Практика работы вскоре показала, что организация войск — дело Генерального штаба, и заставила исправить ранее принятое решение.

Уже в первые месяцы войны генштабисты столкнулись с острой нехваткой у нас танков. Противник же, имея преимущество в воздухе, продолжал продвигаться и действовать мощными танковыми клиньями, стремясь разорвать в клочья оборону советских войск. Встал вопрос о соответствии организационной структуры войск сложившимся условиям.

В частности, требовалось решить задачу — нужно ли продолжать взятый перед войной курс на создание механизированных корпусов, является ли он правильным в новой обстановке? Теоретически этот курс по-прежнему признавался верным, но выявилось, что промышленность в ту тяжелую пору не может в корот-

Штеменко Сергей Матвеевич — *советский военный деятель, генерал армии (1948). Родился 7 (20) февраля 1907 г. в бедняцкой казачьей семье, станица Урюпинская области войска Донского. Настоящая фамилия Штеменков, изменена на Штеменко при получении документов в 1916 г. по настоянию матери. Окончил церковно-приходскую школу. В 1924 г. уехал в Москву на заработки. В октябре 1926 г. призван в Красную Армию. Окончил Севастопольскую школу зенитной артиллерии (1930), Военную академию механизации и моторизации им. И. В. Сталина (1937), Академию Генерального штаба им. К. Е. Ворошилова (1940). Служил командиром взвода разведки, командиром артиллерийской батареи, начальником штаба отдельного артиллерийского дивизиона, командиром отдельного учебного танкового батальона. В 1939 г. в составе группы слушателей Академии Генштаба участвовал в освобождении Западной Украины. Во время советско-финляндской войны был в составе Оперативного управления Генштаба. С 1940 г. в Генштабе — старший помощник начальника Близневосточного отдела Оперативного управления. Во время Великой Отечественной войны с августа 1941 г. заместитель начальника, а с июня 1942 г. начальник направления Оперативного управления Генштаба. После поражения Южного фронта Сталин послал на Кавказ Берию с поручением спасти там положение. Берия просил рекомендовать кого из работников Генерального штаба ему взять с собой, и ему порекомендовали Штеменко как молодого и способного штабного работника, он взял его с собой, и несколько месяцев Штеменко был с ним. Это, к сожалению, многое потом определило и в его судьбе, и в его поведении. С апреля 1943 г. Штеменко первый заместитель начальника, а с мая начальник Оперативного управления Генштаба. Принимал участие в планировании операций и осуществлении замыслов Верховного Главнокомандования по разгрому вооруженных сил фашистской Германии и милитаристской Японии. По заданию Ставки ВГК постоянно выезжал на фронты для оказания помощи в организации и проведении операций. В ноябре 1943 г. во время Тегеранской конференции сопровождал Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза И. В. Сталина в Тегеран. В 1945 г. после разгрома фашистской Германии и взятия Берлина Штеменко активно участвовал в организации Парада Победы в Москве на Красной площади 24 июня. С апреля 1946 г. начальник Главного оперативного управления, заместитель начальника Генерального штаба. С ноября 1948 г. начальник Генерального штаба, в июне 1952 г. снят с поста начальника Генштаба. Назначение Штеменко на должность начальника Генерального штаба было инициировано и подготовлено Берией, он имел на него свои виды. Сталин же не допускал, чтобы у Берии было большое влияние на военные дела. Усмотрев через какое-то время, что Берия осуществляет такое влияние и имеет соответствующую информацию от Штеменко, Сталин снял Штеменко с поста начальника Генерального штаба. Штеменко был назначен начальником штаба Группы советских войск в Германии. В июле 1953 г. после свержения и ликвидации Берии, Штеменко был снят с должности, понижен в звании до генерал-лейтенанта и назначен начальником штаба Западно-Сибирского (Сибирского с 1956) военного округа. С августа 1956 г. начальник Главного разведывательного управления в звании генерал-полковник. В октябре 1957 г. Штеменко предупредил находящегося в командировке в Югославии министра обороны маршала Жукова о готовящемся его свержении, в ноябре Штеменко был снят с должности, понижен в звании до генерал-лейтенанта. С мая 1958 г. первый заместитель командующего Приволжского военного округа, в июне 1961 г. переведен на ту же должность в Закавказский военный округ. С июля 1962 г. начальник Главного штаба Сухопутных войск, с апреля 1964 — начальник Главного организационно-мобилизационного управления Генерального штаба. 19 февраля 1968 г. вторично присвоено звание генерал армии, с августа начальник Штаба Объединенных вооруженных сил государств — участников Варшавского договора. Умер в Москве 23 апреля 1976 г. Похоронен на Новодевичьем кладбище.*

▲ Советские танки, Курская дуга

кие сроки полностью обеспечить техникой эти весьма крупные соединения. Следовательно, правильнее было отказаться от таких формирований на то время, пока народное хозяйство не даст войскам боевые машины в нужном количестве.

Как же в данном случае поступить? Рассуждали примерно так: реальной силой, способной дать отпор гитлеровским танкам и моторизованной пехоте, является советская пехота. Для устойчивости необходимо ее насытить противотанковой артиллерией и танками. Серьезная танковая поддержка могла быть реально оказана за счет более мелких соединений, частей и подразделений, т. е. танковых бригад, полков и батальонов, а не за счет корпусов, которые действовали самостоятельно. На том и остановились.

В последующем положение с производством танков постепенно менялось в лучшую сторону. Стали думать о возврате к корпусам, поскольку опыт войны свидетельствовал, что без них невозможно развитие операций на большую глубину, где требовалось сочетать сильный огонь с большой ударной силой, подвижностью и маневренностью, способностью самостоятельно действовать в отрыве от пехоты. Поэтому весной 1942 г. приступили к формированию танковых армий, танковых, а вслед за ними и механизированных корпусов. Первоначальный состав танковых армий был смешанным: три танковых корпуса и две-три стрелковые дивизии.

Эта организация оказалась достаточно совершенной для операций с незначительным отрывом танковых корпусов от пехоты. Но она сковывала маневр армии при глубоком проникновении танковых соединений в тыл противника, поскольку стрелковые дивизии в этом случае неизменно отставали, а управление силами армии серьезно затруднялось. Неоднородность состава создавала, кроме того, ряд других трудностей.

Характер наших глубоких операций в 1943-1945 гг., начиная с контрнаступления под Сталинградом, потребовал отказа от смешанной организации танковых армий. Под Курском они были уже однородного состава (два танковых и один механизированный корпуса, истребительно-противотанковые, артиллерийские и другие части, органы тыла). Наряду с танковыми армиями остались отдельные танковые и механизированные корпуса и бригады. Организационная структура танковых войск стала чрезвычайно гибкой. Она обеспечивала действие танков вместе с пехотой и самостоятельное применение больших танковых масс во взаимодействии с авиацией. Эта организация соответствовала маневренным формам борьбы, которые тогда применяли советские войска на полях сражений.

Такова небольшая иллюстрация к вопросу о важности соответствия организационной структуры войск материальной основе и сложившейся обстановке. Изменение и развитие организационных форм наблюдалось буквально во всех видах и родах войск.

Подобные важнейшие организационные мероприятия, естественно, не могли решаться помимо Генерального штаба. Больше того, Генеральному штабу было поручено изучить их и дать свои предложения. Офицеры Генштаба вместе с представителями Главупраформа выезжали на фронты и в боевой обстановке изучали соответствие организационных форм того или иного организма требованиям войны.

Практика боевой деятельности и работы Генштаба заставила в конце апреля 1942 г. восстановить в его составе Организационное управление, на которое возлагалась разработка организационных и других директив, контроль за их исполнением и учет войск, находящихся на фронтах. Оргучетный отдел Оперативного управления был передан этому управлению. С Главупраформа вопросы организации войск частично были сняты, хотя оргштатное управление в его составе осталось.

В связи с таким половинчатым решением вопроса, естественно, возник параллелизм в работе Генштаба и Главупраформа. Поэтому в июне того же года был издан специальный приказ за подписью И. В. Сталина, которым разграничивались функции Генштаба и Главупраформа. Однако приказ этот тоже оказался полумерой.

Весной 1943 г. Ставка и Генеральный штаб, готовясь к Курской битве, проводили большие организационные мероприятия. Формировались стрелковые, авиационные, артиллерийские дивизии. Еще раньше восстановили корпусное звено управления. О размахе работы свидетельствует хотя бы то, что к апрелю 1943 г. в резерве Ставки было десять армий, несколько танковых, механизированных и артиллерийских корпусов, управление Резервного (впоследствии Степного) фронта. Генеральному штабу, не имевшему надлежащего органа, стало не под силу справляться с таким объемом работы, а параллелизм с Главупраформом на деле оставался.

Такое положение заставило решить организационный вопрос капитально. Оргштатное управление в Главупраформе закрыли, а в Генштабе наконец-то создали полноценный орган, ведавший организацией войск. 4 мая 1943 г. И. В. Сталин подписал приказ, в котором были определены состав и задачи этого органа.

Операторы занимались организационной работой повседневно. Она была обязательным элементом планирования любой операции, поскольку типового состава фронтов, по сути дела, не существовало, хотя и полагалось фронту иметь несколько армий, в том числе одну воздушную, одну-две танковые. Но этот состав по конкретным величинам не всегда был одинаковым. Скажем, на Карельском фронте не требовались танковые армии. Зато там были легкие стрелковые корпуса, нигде больше не применявшиеся. Каждый раз для новой операции состав фронтов пересматривался, им давались новые силы (или изымались), но именно в том сочетании по родам войск, характеру соединений, который диктовался обстановкой.

Наши организаторы всегда работали рука об руку с операторами, изучали опыт войны и своевременно перестраивали боевые организмы так, чтобы они успешно решали возникавшие в ходе войны задачи. Без этих наших товарищей, без их труда была немыслима ни одна серьезная операция на фронте. У них всегда можно было найти ответ на вопросы о численности любой дивизии на любом участке фронта, ее потерях, сроках получения пополнения. Подобные же данные организаторы могли дать о любом корпусе, армии, фронте и обо всех Вооруженных Силах в целом. Они точно знали, сколько, где и какие формируются резервы, степень их готовности к отправке на фронт, местонахождение в пути и т. д. Труженики-организаторы были правой рукой операторов.

С апреля 1942 и до октября 1946 г. органы, занимавшиеся организационными вопросами, возглавлял генерал-лейтенант А. Г. Карпоносов. Это был настоящий генштабист — умный, очень трудолюбивый и исполнительный, вежливый, но мягкий и немного робкий. Порученный ему участок работы он знал очень хорошо, вел дело умело и тщательно и всегда говорил правду. По вот по службе ему как-то не везло. Есть на свете такие «невезучие» люди: каждый промах их заметен, когда они не виноваты — им ставится в вину ошибка другого, и они не в состоянии себя защитить. Не подошли своевременно к фронту резервы — виноват Карпоносов, хотя повинны в этом органы путей сообщения; Главупраформ не подал своевременно пополнение для дивизий — обвиняют его же, мотиви-

▲ Штеменко С.М. и Антонов А.И.

▲ Четвериков Н.И.

◀ Карпоносов А.Г.

руя это отсутствием своевременной заявки на пополнение, и т. д. Мы не раз с А. И. Антоновым слышали от Сталина нелестные отзывы о Карпоносове, хотя Верховному Главнокомандующему было известно, что дело свое тот знает и ведет хорошо. И не раз А. И. Антонов защищал его, когда Сталин предлагал поставить на эту работу другого генерала.

Вскоре после окончания войны на Дальнем Востоке И. В. Сталин опять поставил вопрос о Карпоносове.

— Надо опыт, накопленный в Генштабе, передавать военным округам, — сказал он, как обычно неторопливо прохаживаясь вдоль стола.

— Генштаб теперь должен сократиться, и всех освобождающихся следует направить в округа. Вот и ваш любимчик Карпоносов, — продолжал он, — тоже пусть едет передавать опыт. Куда вы его предлагаете определить? — неожиданно спросил Сталин, обращаясь к Антонову.

У Алексея Иннокентьевича слова застряли в горле: он приготовился защищать Карпоносова, но своим вопросом И. В. Сталин, как он нередко делал, когда не хотел выслушивать объяснений, лишил его этой возможности.

— Разрешите подумать, — ответил Антонов.

— Хорошо. Подберите ему должность заместителя начальника штаба в одном из округов.

20 октября 1946 г. А. Г. Карпоносов был назначен заместителем начальника штаба Приволжского военного округа.

Заместителем А. Г. Карпоносова с мая 1943 г. был генерал-лейтенант Н. И. Четвериков, он же возглавлял Организационное управление. Николай Иванович старый генштабист. Он прослужил в Генштабе более 25 лет на различных должностях и большую половину из них возглавлял органы, ведающие организационными вопросами. Уволился он по возрасту в начале 60-х годов в звании генерал-полковника. Это был требовательный, немного резкий, малоразговорчивый, до педантичности любящий точность человек. Его ближайшим сотрудником был генерал-майор А. И. Ефремов, ставший потом генералом для особых поручений при первом заместителе Министра обороны.

В качестве начальников, ведавших различными родами войск и выполнявших специальные задачи, были подобраны опытные и хорошо знающие свое дело офицеры. Так, стрелковыми и воздушно-десантными войсками занимались в разное время полковники А. Н. Ныркov и Ф. Ф. Тришин. Конницей и бронетанковыми войсками генерал-майор С. В. Сретенский. Артиллерийскими и минометными частями генерал-майор П. И. Канюков. Техническими войсками (инженерные, связь и др.) полковник В. В. Вишняков и после него полковник П. А. Политыко. Последний одно время занимался вопросами дислокации. Военно-воздушными силами ведал полковник И. С. Алексеев, а с 1944 года — полковник Н. К. Ермаков, органами управления полковник Ф. М. Архипов и в конце войны — генерал-майор А. И. Сычев.

Очень своеобразным вопросом военно-учебных заведений занимались полковник И. О. Скворцов и с 1944 г.- полковник А. В. Голденков; тыловыми частями и учреждениями — полковник И. М. Ещенко.

Знатоками организационного планирования были полковни-

ки И. А. Киселев, С. Н. Рябокобылко, П. В. Дудоладов, И. И. Ильченко, А. А. Бочков, М. Н. Костин.

Строгий учет численности войск вел полковник, а затем генерал-майор С. М. Подольский. Учетом и выдачей знамен руководил полковник И. В. Смирнов. Контроль за укомплектованием войск был возложен на полковника И. И. Зоткина, а после него — на полковника П. В. Дудоладова.

Бессменным начальником отдела оперативных перевозок был энергичный и «пробивной» полковник И. К. Ткаченко, без которого операторы, что называется, и дыхнуть не могли. Он всегда знал, что подается на любой фронт и где находятся эшелоны.

Вопросами дислокации войск занимался полковник А. К. Немчинов. Инспекторскую группу возглавлял полковник А. Н. Шумилов. Обеспечивали работу организационных органов майор В. Н. Хрусталев и капитан И. И. Зубков.

Мною названы только офицеры, которые руководили разработкой организационных вопросов и контролировали их исполнение. Понятно, что я просто не в состоянии дать каждому из них исчерпывающую характеристику. Но могу сказать, что все перечисленные генералы и офицеры досконально знали порученный участок работы и внесли свою лепту в наше общее дело победы над врагом. Вместе с каждым из них трудились десятки помощников-офицеров. И в целом это был хорошо слаженный, квалифицированный коллектив, который ведал важнейшими вопросами строительства и организации Красной Армии.

Как уже говорилось, каждому командиру предоставлялась в годы войны широкая инициатива в общей тактике и тактике применения родов войск. У него были права даже в отношении оперативного искусства. Но в области организационного строительства командиры могли только выявлять достоинства и недостатки организации войск и докладывать о них Генштабу, представляя, конечно, при этом свои предложения по ее усовершенствованию. Такой порядок не являлся ошибкой иначе было нельзя. Организация боевых организмов полков, дивизий, армий, фронтов, в том числе их численность, количество и качество вооружения, как производные от той или иной организации, должны быть стабильными, незыблемыми на какой-то отрезок времени, причем значительный, а не краткосрочный. Только в этом случае организация войск будет соответствовать тактике и оперативному искусству, окажет свое влияние на процесс совершенствования военного искусства, поскольку связь между последним и организационными формами войск является диалектической. Организация войск, если она правильная, должна изменяться только тогда, когда появляется новое оружие и новая техника, или если этого требуют специфические условия театра военных действий.

В Генштаб стекались предложения от командиров и штабов всех степеней, которые испытывали на практике разного рода войсковые организмы. На эти всегда очень обоснованные соображения и опирался в первую очередь Генеральный штаб, улучшая организацию войск.

В период войны при каждых серьезных организационных изменениях в Генштаб обязательно вызывались командиры дивизий, полков и даже батальонов действующей армии. Их мнение по организации войск обязательно и внимательно выслушивалось. Само собой разумеется, что подобные изменения обсуждались в Ставке с вызовом командующих войсками фронтов.

И Ставка, и Генштаб придавали очень большое значение изучению передового опыта войны и внедрению его в практику войск. В Генштабе на базе отделения оперативной подготовки был создан отдел по использованию опыта войны. Руководителем его стал генерал-майор П. П. Вечный.

Новому отделу вменялось в обязанность изучать боевой опыт войны и соответствующие выводы, полезные для действий войск, доводить до широких масс командиров. На этот же отдел возлагалась орга-

▲ Шиловский Е.А.

низация разработки всякого рода общевойсковых инструкций, наставлений и уставов.

Молодой отдел быстро нашел себя и осенью 1942 г. уже издал «Сборник материалов по изучению опыта войны No I», который был посвящен событиям июля августа этого года.

В кратком вступлении к сборнику указывалось, что цель его — «довести до войск действующей Красной Армии, резервных формирований, военных академий и командного состава главных и центральных управлений Народного комиссариата обороны опыт боевых действий Великой Отечественной войны».

Сборник доводился до командиров полков всех родов войск. В нем помещались материалы как по опыту советских войск, так и по опыту войск противника. Несмотря на очень трудное время (июль — август 1942 г.), Генштаб смотрел далеко вперед и счел возможным поместить в этом сборнике материалы по уничтожению окруженных группировок противника, хотя до этого мы еще сами попадали в такое опасное положение. Следующая статья предлагала некоторые выводы по морским десантным операциям за 1941 год. Далее следовали краткий обзор бо-

евого использования средств противотанковой обороны, материалы о применении войсковых средств в борьбе с авиацией противника.

В предвидении подготовки и проведения крупных наступательных операций в сборник поместили также статью «Опыт проведения оперативной военной игры на фронте». Ряд материалов посвящался полевой обороне и применению гитлеровскими войсками зенитной артиллерии для стрельбы по наземным целям.

Заключала сборник краткая статья «К вопросам изучения опыта войны», где говорилось о необходимости обобщения этого опыта, о внедрении в войска лучших приемов ведения боевых действий, о необходимости быстрой и хорошей информации относительно новых способов ведения боя.

Верховный Главнокомандующий внимательно просмотрел первый сборник. Он ему понравился. А скоро представился случай на основе опыта войны разработать важный приказ No 325 Народного комиссара обороны, который сыграл заметную роль в боевом применении танков в годы войны. Приказ был подписан И. В. Сталиным 16 октября 1942 г., за месяц до контрнаступления под Сталинградом, где танковые войска блестяще себя показали.

Теперь уже было ясно, что отдел по использованию опыта войны работает правильно, и мы с нетерпением ждали второй номер сборника. Он появился в ноябре 1942 г. и открывался статьей «Оперативно-тактические уроки зимней кампании 1941/42 г.». Вообще этот сборник выглядел более внушительно. В нем имелось несколько статей по действиям зимой, о борьбе за господство в воздухе, что было очень кстати. Но самое главное состояло в том, что сборник отчетливо показал важность работы по использованию опыта войны. Как бы подтверждая это, на его страницах помещался упомянутый выше приказ Народного комиссара обороны No 325. Здесь же была напечатана директива Генерального штаба по изучению и использованию опыта войны и инструкции по этому поводу штабам фронтов и армий.

П. П. Вечный сам редактировал сборники, и делал это, надо сказать, умело, чем реабилитировал себя до некоторой степени в глазах И. В. Сталина, который не забыл, что Петр Пантелеймонович имел отношение к неудаче Крымского фронта в мае 1942 г.

Всего таких сборников издали двадцать шесть и завершили это дело уже в 1948 г.

Объем работы все более расширялся. В марте 1944 г. отдел развернули в управление по использованию опыта войны с тем же начальником во главе. Но теперь кроме прежних сборников управление выпускало еще «Информационные бюллетени» и «Сборники тактических примеров». В бюллетенях помеща-

▲ Вечный П.П.

▲ Боевой устав зенитной артиллерии

▲ Боевой устав пехоты батальон-полк

▲ Боевой устав пехоты

лись материалы по боевому опыту войск — в основном тактического звена: по разведке, боевым порядкам, способам управления, форсированию рек. По 1947 г. включительно было выпущено 70 «Информационных бюллетеней». В «Сборниках тактических примеров» публиковались описания интересных боев, в основном роты и батальона, в том числе в особых условиях. До 1946 г. включительно вышло 23 сборника.

Управление по использованию опыта войны (сокращенно оно называлось УПИОВ) имело небольшой, но хорошо подобранный состав командиров. В прошлом подобная задача в таких больших размерах в наших Вооруженных Силах не решалась. Сотрудники управления учились искусству обобщения опыта войны, изыскивали способы наиболее правильного и быстрого его оформления в процессе повседневной работы. Чтобы быть на уровне предъявляемых требований, им приходилось поддерживать очень тесный контакт с Оперативным управлением. От нас они получали необходимые материалы по действиям войск, в частности донесения представителей Генштаба с фронтов. В свою очередь, многие наши начальники, которые часто бывали на фронтах, принимали участие в разработке статей для сборников. Поэтому среди авторов нередко можно было встретить фамилии В. А. Болятко, К. Ф. Васильченко, Я. А. Куцева, В. Ф. Мернова, В. И. Сумина и многих других операторов.

Командиры этого управления сами часто бывали в действующей армии, где изучали опыт боев и сражений (разумеется, не только положительный). Мы помогали им организовывать сбор материалов непосредственно в войсках, и поэтому часто они шли прямо по горячим следам войны. Привлекались к этому делу и преподаватели военных академий, сотрудники военно-исторического отдела.

Из состава управления по использованию опыта войны и военно-исторического отдела наиболее запомнились мне как глубокие исследователи и, если можно так сказать, популяризаторы этого опыта генерал-майоры Н. А. Таленский, П. Д. Коркодинов, Н. М. Замятин; полковники Ф. Д. Воробьев, П. Г. Есаулов, П. С. Болдырев, И. П. Мариевский; бывшие тогда еще подполковниками острые, пытливые и скорые Н. Г. Павленко, И. В. Паротькин. Для редактирования привлекались такие крупные специалисты, как генерал-лейтенант Е. А. Шиловский, генерал-лейтенант артиллерии Ф. А. Самсонов и другие.

Управление сыграло очень большую роль не только в изучении опыта боевых действий. Оно активизировало мысль нашего командного состава. Из стен его вышли многие видные историки Великой Отечественной войны и научные работники.

Верховный Главнокомандующий следил за работой Генштаба по исследованию опыта войны, интересовался выпуском материалов для войск. Каждый новый сборник ему обязательно посылался.

▲ Воронов Н.Н.

В 1942 г., когда отдел прочно стал на ноги и приобрел некоторый опыт работы, по указанию И. В. Сталина был разработан проект Боевого устава пехоты. Разрабатывался он по его же указанию своеобразно. В Москве были сделаны первоначальные наброски устава, затем несколько групп командиров выехали на фронты. И там при участии специально выделенных наиболее способных и опытных командиров рот, батальонов и полков проект устава был окончательно написан. Для рассмотрения проекта устава в центре была создана особая комиссия, которая еще раз его просмотрела и внесла свои последние поправки. Затем устав в течение двух дней рассматривался на заседании Ставки с приглашением с фронтов командиров разных степеней — от роты до дивизии включительно. Только после этого 9 ноября 1942 г. Нарком обороны утвердил устав и ввел его в действие.

И. В. Сталин понимал, как важно развивать инициативу командного состава, его умение правильно принимать решение в любой, в том числе и самой сложной обстановке, какую ни один устав предусмотреть не в состоянии. Поэтому в своем приказе, вводящем устав в действие, он внес пункт 4, дающий возможность боевого творчества и широкой инициативы командиров. В нем было записано: «Указания устава надлежит применять строго сообразуясь с обстановкой».

Метод разработки уставов с привлечением опытных командиров из войск и специалистов, которые давали весьма ценные рекомендации, прочно укоренился и применяется по сей день. Хотя и не все уставы рассматривались в Ставке, но докладывали о них обязательно.

В этой связи позволю себе рассказать читателям об одном поучительном эпизоде. Как-то в начале декабря 1944 г. при очередном докладе обстановки Верховный Главнокомандующий спросил, как работает новое управление по изучению опыта войны. А. И. Антонов доложил, что работает, дескать нормально, люди стараются и часто бывают на фронтах, сборники мы вам представляем.

- А по-моему, — заметил И. В. Сталин, — работает оно плохо, а вы за этим не следите. Известно ли Генштабу и управлению, что в этом году изданы два артиллерийских устава — и оба с серьезными нарушениями установленных правил и порядка в этом деле?

Мы с Антоновым переглянулись. Я ничего не знал и решил молчать. Антонов тоже замялся. Тогда Верховный Главнокомандующий, не дожидаясь ответа, потребовал тщательно разобраться, все проверить и через два дня ему доложить.

Оказалось, что без ведома Ставки командующим артиллерией Красной Армии Главным маршалом артиллерии Н. Н. Вороновым были разработаны и представлены на утверждение два устава: 29 мая 1944 г.- Боевой устав зенитной артиллерии, а 18 октября того же года — Боевой устав артиллерии Красной Армии. Оба устава были утверждены Маршалом Советского Союза Г. К. Жуковым.

В назначенный день наш доклад по обстановке на фронтах и по «делу об уставах» начался сразу после заседания Политбюро. И. В. Сталин долго ходил по кабинету и, обращаясь к членам Политбюро, сказал:

— Надо по этому случаю издать приказ. Генштабу, наверное, неудобно писать про двух больших начальников, поэтому мы сами напишем.

29 мая 1944 года, — начал диктовать И. В. Сталин, — Главным маршалом артиллерии тов. Вороновым был представлен на утверждение зам. Наркома маршала Жукова без предварительного одобрения со стороны Ставки Верховного Главнокомандования Боевой устав зенитной артиллерии Красной Армии (две части).

Затем, посмотрев в уставы, лежавшие у него на столе, продолжил:

— 18 октября 1944 года, также без представления и без доклада Ставке Верховного Главнокомандования, тов. Вороновым был внесен на утверждение маршала Жукова Боевой устав артиллерии Красной Армии.

Маршалом Жуковым без достаточной проверки, без вызова и опроса людей с фронта и без доклада Ставке указанные уставы были утверждены и введены в действие.

Немного помедлив, Сталин продолжал:

— Проверка показала, что эти уставы в связи с поспешностью, допущенной при их утверждении, имеют серьезные пробелы, они не учитывают ряда новых систем орудий и не увязаны с планом принятия уставов артиллерии Красной Армии.

Нужно сказать, что Верховный Главнокомандующий обычно пояснял причину, вызывающую необходимость того или иного приказа. Так он поступил и сейчас.

— Народный комиссариат обороны исходит из того, что устав — это не приказ, имеющий силу на короткий срок. Устав — это свод законов для Красной Армии на годы. Поэтому требуется перед утверждением устава тщательная его проверка с вызовом товарищей с фронта. В таком порядке был утвержден Боевой устав пехоты. В таком же порядке надо было вести работу при представлении на утверждение и этих уставов, чтобы не допустить ошибок и, чтобы попусту не наказывать потом военнослужащих из-за нарушения дефектных уставов. Приходится установить, что тов. Воронов пренебрег этим методом выработки и представления на утверждение уставов, а маршал Жуков забыл о нем...

Теперь наступила очередь заключительной части приказа. Все присутствующие внимательно слушали. И. В. Сталин ровно и твердо произнес:

— В связи с этим...- И затем, чуть помедлив, словно подчеркивая смысл, продиктовал: — Первое. Отменяю, — опять посмотрел в уставы, где были проставлены номера приказов, — приказы No 76 и 77 от 29 мая 1944 года и 209 от 18 октября 1944 года заместителя Наркома обороны СССР маршала Жукова об утверждении и введении в действие Боевого устава зенитной артиллерии и Боевого устава артиллерии Красной Армии.

Второе. Ставлю на вид Главному маршалу артиллерии товарищу Воронову несерьезное отношение к вопросу об уставах артиллерии.

Третье. Обязываю маршала Жукова впредь не допускать торопливости при решении серьезных вопросов.

Приказываю:

Для просмотра и проверки указанных выше уставов образовать комиссии:

а) комиссию по просмотру и проверке Боевого устава зенитной артиллерии;

б) комиссию по просмотру и проверке Боевого устава артиллерии.

Заместителю Народного комиссара обороны СССР товарищу Булганину определить состав комиссий и представить мне на утверждение.

Настоящий приказ разослать всем командующим фронтами (округами), армиями, начальникам главных и центральных управлений и командующим родов войск Наркомата обороны СССР...

Мы, да и все другие, кого это касалось, запомнили этот урок навсегда. ■

▲ Сталин И.В.

Г.В. ДОРОФЕЕВ

СТАЛИН. ЖИЗНЬ И БОРЬБА

▲ Сталин на съезде

16 января начала работу XIII конференция РКП(б). Сталина избирают в состав президиума, и он выступает с докладом «Об очередных задачах партстроительства», в котором подвергает резкой критике группу партийцев, делающих попытку ревизовать решения X, XI, и XII съездов партии и под предлогом демократии открыть двери для фракционной и групповой деятельности внутри партии. «Для того, — говорил Сталин, — чтобы она, эта внутренняя демократия, стала возможной, нужны два условия или две группы условий, внутренних и внешних, без которых всуе говорить о демократии.

Необходимо, во-первых, чтобы индустрия развивалась, чтобы материальное положение рабочего класса не ухудшалось, чтобы рабочий класс рос количественно, чтобы культурность рабочего класса поднималась и чтобы рабочий класс рос также качественно. Необходимо, чтобы партия, как авангард рабочего класса, также росла, прежде всего качественно и прежде всего за счет пролетарских элементов страны. Эти условия внутреннего характера абсолютно необходимы для того, чтобы можно было поставить вопрос о действительном, а не о бумажном проведении внутрипартийной демократии.

Вторая группа условий — условия внешнего характера, без наличия которых демократия внутри партии невозможна. Я имею в виду известные международные условия, более или менее обеспечивающие мир, мирное развитие, без чего демократия в партии немыслима. Иначе говоря, если на нас нападут и нам придется защищать страну с оружием в ру-

ках, то о демократии не может быть и речи, ибо придется ее свернуть. Партия мобилизуется, мы ее, Должно быть, мобилизуем...»

Сталин говорил об ошибках Троцкого. Но он знал, что это не ошибки, а сознательно провокационные действия. Уж такой он человек. Сегодня одно, завтра — другое. Вчера он голосовал за резолюцию Политбюро и Президиума ЦК, где обсуждался вопрос о внутрипартийной демократии, а на второй день выдвинул свою личную платформу, где противопоставлял партийный аппарат — партии, молодежь — старым большевистским кадрам, предлагал изменить качественный состав партии за счет большого приема в ее ряды интеллигенции и просто праздношатающихся, настаивал на допущении фракционной и групповой работы внутри партии. В своей платформе Троцкий давал понять, что ЦК ему не указ и что всякие решения, исходящие из этого органа, не заслуживают внимания.

«Ошибка Троцкого, — констатировал Сталин, — заключается в том, что он возомнил себя сверхчеловеком и противопоставил себя ЦК».

Сталин не говорит вслух, что скрывается за этой «ошибкой», но он знает, что Троцкий рвется к власти. Он спровоцировал дискуссионные митинги по всей стране, а сам спрятался и делал вид, что все происходит само по себе, без его участия. Он отмалчивался и тогда, когда у него спрашивали за кого он: за ЦК или за оппозицию.

Не было Троцкого и на конференции. Говорили, что он болен. Однако Сталин знал, что это очередная его уловка. Он всегда уходил от прямой дискуссии. Больше того, он считал (и Сталин знал о том), будто Сталин просто не достоин, чтобы он, Троцкий, вступал с ним в полемику. Вместо себя он подставлял кого-либо из своих единомышленников, которые выкрикивали из зала всякие несуразности. Сталин досконально изучил повадки Троцкого. Разглагольствования о демократии — его конек и стратегический маневр, за которыми он стремится спрятать свои истинные намерения и цели: подменить ленинизм троцкизмом, растащить партию по национальным группам и фракциям и захватить власть в стране.

Уже в первой половине двадцатых годов, при жизни Ленина, Сталин определил направление своей деятельности: не допустить раскола партии, пополнить ее ряды сознательными рабочими и избавиться от троцкистской оппозиции. Без решения этих вопросов строительство социализма окажется под угрозой, останется просто благим пожеланием. Больше того, будет создана угроза, что к власти придут политические приспособленцы, карьеристы и всякого рода проходимцы, которые предадут и продадут интересы государства и с поднятыми руками сдадутся на милость мирового капитала. И первый, кто это сделает, будет Троцкий.

***

То, чего опасался Сталин в середине двадцатых годов и от чего он тогда уберег партию и страну, случилось шестьдесят лет спустя, когда к власти пришел Горбачев. Он действовал точно по рецепту Троцкого. Прежде всего, он поставил себя над Политбюро и самостоятельно принимал решения по вопросам внутренней и внешней политики государства. Троцкистский лозунг «за демократию» он дополнил лозунгами: «за плюрализм»; даешь «социализм с человеческим лицом», «новое мышление» и прочей тарабарщиной. Он настолько заморочил голову партии и народу своей демагогией, что уже никто ничего не мог понять.

Он открыл двери в партию карьеристам, крохоборам, рвачам, для которых интересы народа и государства просто не существовали. На эту публику (язык не поворачивается назвать их коммунистами) он и решил опереться в своей перестроечной политике. Однако в компартиях республик, крайкомах, обкомах и горкомах партии, где были настоящие коммунисты, его не поддерживали. Тогда он вытаскивает на свет другой троцкистский лозунг, где партийный аппарат противопоставляется партии и призывает «открыть огонь по штабам». «Вы снизу, — заявляет он, — а я сверху». Начался повсеместный развал партийного руководства, шельмование и травля требовательных и стойких руководителей партии. Их обвиняли в бюрократизме, консерватизме, сталинизме, обливали грязью за проявленную принципиальность. Местечковые перестройщики из числа тех, которых уже успел воспитать Горбачев, даже призывали к физической расправе с «партийными бюрократами».

Когда авторитет партии был подорван, горбачевцы реанимировали троцкистскую идею о фракциях и по-новому использовали ее в новых условиях. Они разделили партию на демократов и консерваторов. Естественно, демократы — это горбачевцы, а консерваторы — сталинисты. И тогда случилось то, что и должно было случиться после раскола и разгрома правящей партии. К власти в стране пришли... — я не могу подобрать слова, как их правильно назвать — ельцины, яковлевы, шеварднадзе, бурбулисы. Они круто повернули руль на 180 градусов, изменили социальный строй и отдали страну на разграбление иностранному капиталу и своим горбачевским коммунистам, в одночасье превратившимся в олигархов и новых русских.

***

Спустя три дня после завершения работы XIII конференции РКП(б) умирает Ленин. Последние годы он тяжело болел, и врачи не давали никаких гарантий на его выздоровление. Все ждали его смерти, но, как всегда бывает в таких случаях, она стала неожиданной. Кончина Ильича была невосполнимой утратой для партии и всего народа. Ушел из жизни великий кормчий, который вел страну по неизведанному пути. Он не выбрал преемника. Но эта проблема его волновала и мучила перед кончиной. Он досконально знал свое окружение, знал их межличностные отношения и боялся, что на этой почве может произойти раскол партии. Чтобы упредить подобное развитие

событий, Владимир Ильич предполагал увеличить число членов ЦК.

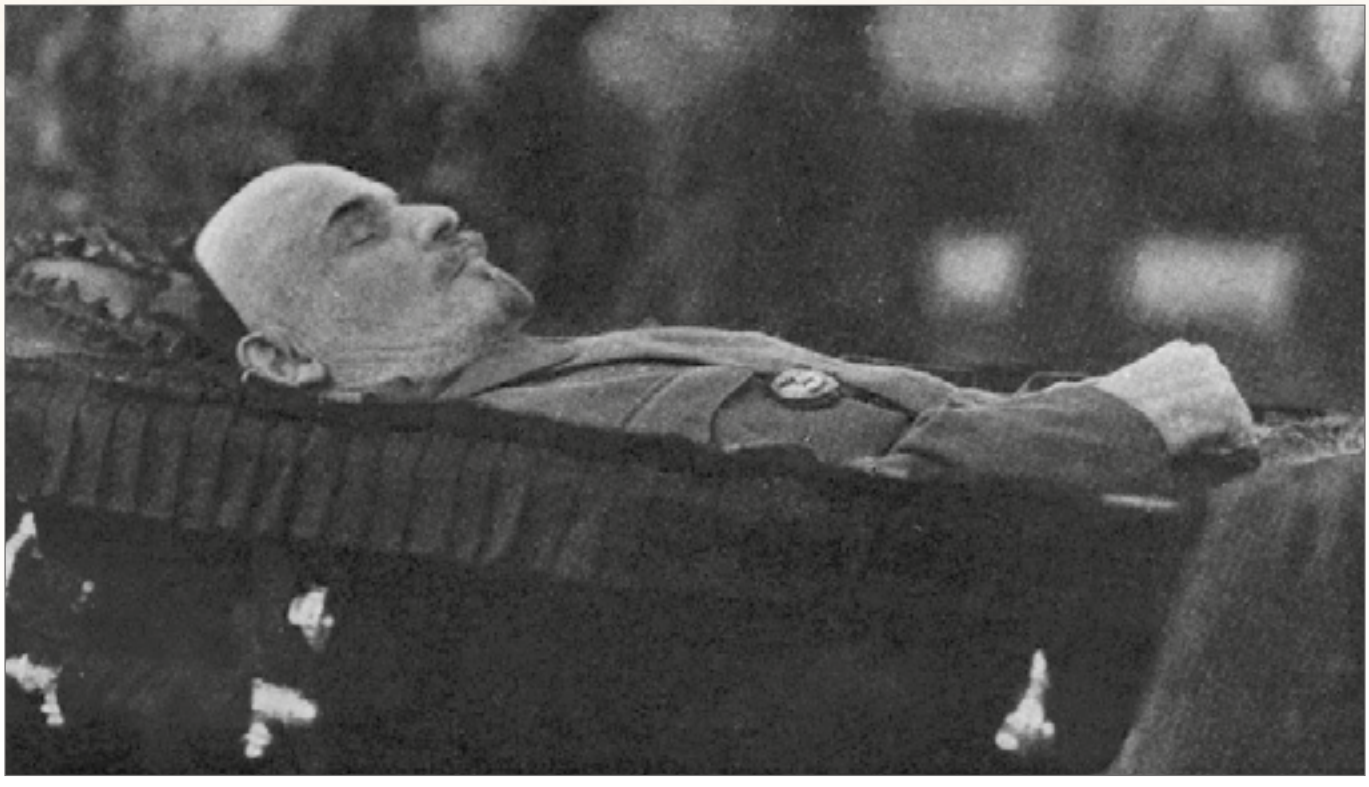
«Такая реформа, — писал он в своем последнем письме к съезду, — значительно увеличила бы прочность нашей партии и облегчила бы для нее борьбу среди враждебных государств, которая, по моему мнению, может и должна сильно обостриться в ближайшие годы».

Но больше всего Ленина беспокоили и волновали взаимоотношения Сталина и Троцкого. «Отношения между ними, — продолжал он анализировать сложившуюся ситуацию в ЦК, — по-моему, составляют большую половину опасности того раскола, который мог бы быть избегнут и избежанию которого, по моему мнению, должно служить, между прочим, увеличение числа членов ЦК до 50, до 100 человек».

В этом письме Ленин дает оценку личным качествам Сталина, Троцкого, Зиновьева, Каменева, Пятакова и Бухарина. Наряду с положительными сторонами их деятельности он прямо говорит и об их недостатках. Он отмечает, что «Сталин слишком груб», а октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева (имеется в виду их капитулянтское поведение, когда они выступили в мещанской газете «Новая жизнь», предав гласности секретный план партии о подготовке вооруженного восстания) не является случайным, как и «необольшевизм Троцкого».

Из молодых членов ЦК Ленин характеризует только Бухарина и Пятакова. «Бухарин, — пишет Владимир Ильич, — не только ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно считается любимцем всей партии...» Однако к этой лестной характеристике он добавляет совершенно противоположную: «... но его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики)».

Сталин так и не понял, что хотел сказать Ленин в своем письме: похвалил он Бухарина или отругал? Наконец, что это за «крупнейший теоретик партии», если он схоластик, который «никогда не учился» и «никогда не понимал вполне диалектики», а «его... воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским»? И последнее: Бухарин «...законно считается любимцем всей партии...». Откуда это у Ленина? Кто узаконивал любовь к Бухарину? Ленин всегда четко и ясно выражал свои мысли, а здесь... Видимо, уже сказывалось болезненное состояние Владимира Ильича, или он диктовал свое письмо под влиянием жены, Надежды Константиновны. В последнем предположении Сталин убедился, когда ознакомился с «Добавлением к письму»: «Сталин слишком груб, — писал Ленин в своем добавлении, — и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общении между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности Генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличался от тов.

▲ Кончина Ленина

Сталина только одним перевесом, именно: более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д. Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью. Но я думаю, что с точки зрения предохранения от раскола и с точки зрения написанного мною выше о взаимоотношениях Сталина и Троцкого, это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение».

Сталин много думал над ленинским добавлением к письму. У Владимира Ильича не было претензий к его деловым качествам, но он был недоволен его грубостью. В чем, когда и к кому она проявилась? Вот загадка! Сам Ленин, когда речь шла об интересах дела, не отличался большим тактом. Троцкого он называл Иудушкой, Каменева и Зиновьева — предателями и требовал их исключения из ЦК. Кое-кого, того же Троцкого, он называл проституткой и еще более хлесткими словами. Сталин не позволял себе подобных выражений, и в то же время его обвинили в грубости и в нелояльности. Почему вдруг Ленин, не имея претензий к его работе и деловым качествам, изменил к нему свое отношение до такой степени, что даже предлагает сместить его с должности Генсека?

▲ Ленин В.И.

Как и тогда, когда он впервые ознакомился с письмом Ленина, так и сейчас, спустя 23 года, он был убежден, что Ленин диктовал это письмо под сильным влиянием Крупской, с которой у Сталина накануне произошел серьезный конфликт. Он возник из-за разного отношения к больному Ленину. Чтобы не волновать Владимира Ильича, врачи настоятельно рекомендовали не информировать его о происходящих событиях в стране, где оппозиция проводила митинги с критикой Советской власти. По поручению и требованию ЦК Сталин должен был обеспечить установленный врачами режим. Однако скоро он узнает, что Крупская, вопреки указаниям врачей, информирует больного Ленина о положении дел в стране, что, естественно, не способствует его выздоровлению. Это возмутило Сталина, и он в резкой форме отчитал жену Ленина. Возможно, он и перегнул тогда палку. Возможно, нужно было говорить с ней мягче и тщательнее подбирать выражения. Но он не сдержался. Так уж случилось. Надежда Константиновна обиделась и тут же написала письмо Каменеву:

«Лев Борисович, по поводу коротенького письма, написанного мной под диктовку Влад. Ильича с разрешения врачей. Сталин позволил вчера по отношению ко мне грубейшую выходку. Я в партии не один день. За все 30 лет я не слышала ни от одного товарища ни одного грубого слова, интересы партии и Ильича мне не менее дороги, чем Сталину. Сейчас мне нужен максимум самообладания. О чем можно и о чем нельзя говорить с Ильичом, я знаю лучше всякого врача, т. к. знаю, что его волнует, что нет, и во всяком случае лучше Сталина. Я обращаюсь к Вам и к Григорию (речь идет о Зиновьеве), как к более близким товарищам В. И., и прошу оградить меня от грубого вмешательства в личную жизнь, недостойной брани и угроз. В единогласном решении контрольной комиссии, которой позволяет себе грозить Сталин, я не сомневаюсь, но у меня нет ни сил, ни времени, которые я могла бы тратить на эту глупую склоку. Я тоже живая, и нервы напряжены у меня до крайности.

Н. Крупская».

* * *

Как только Каменев и Зиновьев получили это послание, они тут же проинформировали обо всем Троцкого и Бухарина. Стали советоваться, что делать дальше. Сталина они считали выскочкой и недоучившимся семинаристом и ненавидели. Однако ничего не могли с ним поделать, поскольку его поддерживал Ленин. Сейчас появилась возможность лишить Сталина этой поддержки. Зиновьев вызвался показать письмо Надежды Константиновны Ленину. Троцкий отклонил такой вариант и предложил свой.

— Пусть Крупская, — сказал он, — сама все расскажет Ильичу.

Взвесили все «за» и «против» и ничего лучшего не придумали. Во-первых, они будут в стороне от этой истории и их никто ни в чем не заподозрит, а во-вторых, Крупская, кроме того, что уже написала в своих письмах, может многое добавить и чисто по-женски пустить слезу... как жена. Это будет то, что надо.

Замысел заговорщиков оказался убийственно правильным, и надежды их полностью оправдались. Вскоре Сталин получает гневное письмо от Владимира Ильича:

«Товарищу Сталину.
Копия: Каменеву и Зиновьеву.
Уважаемый товарищ Сталин!

Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее. Хотя она Вам и выразила согласие забыть сказанное, но тем не менее этот факт стал известен через нее же Зиновьеву и Каменеву. Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделано против моей жены, я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения.

С уважением Ленин».

Сталин извинился. Но интрига против него была завязана. Хотела того Крупская или нет, но именно ее имя явилось ключевым в той игре. И то, что Ленин в своем добавлении к письму употребил фразу «Сталин слишком груб...» и ставил вопрос обдумать способ перемещения его, Сталина, с поста Генсека на другую должность — ее работа и ее заслуга.

Так, совершенно на бытовой почве, была построена большая политика заговорщиков. Сталин чувствует, что его пытаются загнать в угол. Он понимает, что, несмотря на его извинения, Ленин на него затаил обиду. Сталин знает и то, что масла в огонь будут подливать Каменев, Зиновьев и их единомышленники. Они будут пытаться манипулировать больным Ильичем с тем, чтобы правдами и неправдами убрать Сталина с поста Генсека. А когда место освободится, его займет Троцкий. Других реальных претендентов нет. Однако Владимир Ильич слишком хорошо знает, на что способен Лев Давыдович. Весь период с 1904 года до Февральской революции 1917 года Троцкий вертелся все вокруг да около меньшевиков, ведя отчаянную борьбу против Ленина. За время от Октябрьской революции до 1922 года Троцкий, находясь уже в партии большевиков, успел произвести две грандиозные вылазки против Ленина и партии: в 1918 году — по вопросу о Брестском мире и в 1921 году — по вопросу о профсоюзах. Были у него и другие «проколы». С такой биографией невозможно рассчитывать на доверие Ленина.

«Впрочем, — думал Сталин, — чем черт не шутит. Троцкий скользкий человек, прекрасный оратор, большой демагог, и у него немало сторонников, таких, как Каменев и Зиновьев. И он вполне может стать Генсеком. А это будет катастрофа».

* * *

Однако события развивались не так, как планировала оппозиция. 21 января 1924 года Ленин уходит из жизни. Страна в трауре. Со всех концов необъятного Советского Союза, из-за рубежа в Москву спешат люди, чтобы проститься с вождем мирового пролетариата. Что касается Троцкого, то он спокойно встретил весть о кончине Владимира Ильича. В это время он отдыхал в Абхазии. Смерть Ленина не была для него новостью. Еще до отъезда на Кавказ он знал, что дни Владимира Ильича сочтены. Об этом ему сообщил доктор

▲ Ленин на Красной площади

▲ Похороны В.И. Ленина

Федор Александрович Готье, лечивший Ленина. Тогда перед Троцким встала дилемма: ехать на Кавказ или отложить поездку. Друзья посоветовали: ехать. Они его заверили, да и сам он был уверен, что без Ленина они легко возьмут власть в свои руки. А когда это свершится, будет не до отдыха — работы невпроворот, и поэтому нужно сейчас набраться сил. Он уезжал на Кавказ с верой в свое великое предназначение. И теперь ждал радостных вестей от своих соратников. Он был вдали от похоронной суеты вокруг Ленина, которого он всегда ненавидел и боялся, и теперь навсегда избавлялся от его насмешливого, всезнающего и всепонимающего взгляда. В Москве лютые морозы, а здесь задумчиво покачиваются под ласковым солнцем раскидистые платаны и пальмы. В столовой дома отдыха, где их с женой отменно кормят, на стене висят два портрета: Ленина в траурном обрамлении и его, Троцкого. Он уверен, что скоро портрет Ленина снимут и останется только один портрет.

Правда, позже, когда его уже вышлют из страны, в своей книге «Моя жизнь» он напишет, что очень хотел приехать на похороны Владимира Ильича, но его умышленно обманули, сообщив, что похороны будут в субботу, в то время, когда они состоялись в воскресенье. Вот если бы не эти происки врагов, он бы обязательно приехал в Москву, чтобы проститься с Лениным. Однако в его жалкие и запоздалые оправдания никто не верил.

Для Сталина же смерть Ленина была настоящей трагедией. Он знал, что после нее еще сильнее обострится борьба за власть. Отъезд Троцкого на Кавказ его не удивил. Он сразу понял, что это своеобразный отвлекающий маневр оппозиции и что в столице остались его верные единомышленники, которые готовы совершить любые перестановки в руководстве партии и страны. По Москве уже пущен слух, будто бы именно он, Сталин, отравил Владимира Ильича. Столь злобная и грязная клевета просто потрясла Сталина. Он догадывался, что на этом фоне Троцкий предполагает вернуться в Москву, что называется, на белом коне и наказать преступника, погубившего вождя мирового пролетариата. Словом, все уже было разложено по полочкам: кому пироги, кому пышки, а кому и шишки.

Однако троцкисты просчитались. Сталин не сидел сложа руки. Разгадав замыслы оппозиционеров, он наносит упреждающие удары. В ЦК у него сформировано большинство, и он принимает меры по устранению сторонников Троцкого из военного ведомства. Вместо Склянского, любимца Льва Давыдовича, сюда назначаются сторонники Сталина. С Украины был отозван Фрунзе в тем, чтобы глубже вникнуть в дела военного ведомства. Сталин поручает ему возглавить делегацию и съездить в Сухуми, чтобы согласовать с Львом Давыдовичем кадровые вопросы. «По существу, — позже писал Троцкий в своей книге «Моя жизнь», — это была чистейшая комедия. Обновление личного состава в военном ведомстве давно совершалось полным ходом за моей

▲ Михаил Фрунзе

спиной, и дело шло лишь о соблюдении декорума (приличия)».

Но Сталин отправлял Фрунзе в Сухуми не только и даже не столько для того, чтобы «соблюсти приличия», а чтобы дать понять Троцкому, что он разгадал его хитроумный маневр и тому не удастся въехать в Москву под возгласы «ура!».

Об этом эпизоде своей жизни Сталин вспомнил спустя более чем двадцать лет. Он представил, в каком бешенстве был Троцкий, выслушивая сообщения Фрунзе о кадровых перестановках в военном ведомстве. Лев Давыдович всегда считал себя умным комбинатором, мастером многоходовок и не допускал даже мысли, что его кто-то может переиграть на его же поле.

Но и в этом случае он не укротил свою гордыню. «В Сухуми, — писал он, — я лежал долгими днями на балконе лицом к морю. Несмотря на январь, ярко и тепло грело в небе солнце. Между балконом и сверкающим морем высились пальмы... Вместе с дыханием моря я всем существом своим ассимилировал уверенность в своей исторической правоте против эпигонов...»

* * *

Сталин перехватил инициативу у оппозиции. Он владеет ситуацией в Москве и в стране. Над гробом Ленина Сталин клянется следовать его заветам: держать высоко и хранить в чистоте высокое звание члена партии; хранить единство партии; укреплять диктатуру пролетариата; крепить союз рабочих и крестьян; укреплять и расширять союз республик; быть верным принципам коммунистического интернационала.

Это была не только клятва верности заветам Ленина. Это была программа его жизни. Что бы он ни делал потом, в годы испытаний, напряженного труда и ожесточенной борьбы, как бы ни складывалась ситуация в стране и в его личной жизни, он никогда не забывал о своей клятве. И в день Великой Победы над фашистской Германией он мог с чистой совестью сказать себе: «Я был верен клятве Ленину».

* * *

Сразу же после смерти Ленина и в последующие годы Троцкий развернул бурную деятельность против Сталина. Его союзниками были, вначале попеременно, а позже все сразу, Зиновьев, Бухарин, Каменев... У них практически была одна платформа. Все они ненавидели Сталина и в то же время ревниво относились друг к другу — каждый мнил себя крупной величиной. Сталина же считали временной и проходной фигурой. Троцкий во всеуслышание говорил, что Сталин — это интеллектуальное и моральное ничтожество. Был пущен слух, что он издевается над женой, спаивает и обкуривает детей. Красочно описывались даже подробности этого обкуривания. Сажает, мол, сына на колени и пыхтит на него дымом из трубки, ребенок задыхается, а он смеется и утверждает, что дым закаляет детский организм. Словом, этакий домашний садист. Сталин догадывался, откуда ветер дул. Ему не хотелось думать, что к слухам какое-то отношение имеет Надежда. Тем не менее, он решил поговорить с ней.

— Это бухаринские сплетни, — сказал он, — ты бы поменьше общалась с ним.

Надежда действительно была частым гостем в бухаринской семье. Ей нравился Николай Иванович. Он был общительным, обаятельным и совсем не похожим на ее вечно озабоченного мужа. Она приятельствовала с молоденькой женой Бухарина. У них было много общего, и о многом они

говорили по душам. Между прочим, судачили и о мужьях. Жена Бухарина восторгалась своим мужем, а Надежда только вздыхала.

— А мой, — говорила она, — молчит, много курит и все думает, думает... бог знает о чем.

Если к этой правде добавить немного вымысла, то легко получится какой угодно портрет, или шарж, или карикатура.

— А чем тебе не нравится Николай Иванович? — спросила Надежда. — Нормальный человек...

— Я не говорю, что он ненормальный, — возразил Сталин. — Только после твоих посещений много лишних разговоров. Ты бы поменьше там откровенничала.

— Так ты меня подозреваешь, что я распускаю о тебе сплетни?! — возмутилась Надежда. — Такого ты мнения о своей жене! Ты вечно всех подозреваешь. Все нехорошие.

Один ты у нас хороший. Скажи, с кем ты дружишь?..

Надежда обрадовалась, что у нее появился повод высказать мужу все, что она о нем думает. Она была просто женщиной, и ей нужен был просто мужчина. Все остальное уходило на второй план и не имело для нее значения. Сталин понимал это. Он по-своему любил ее. Но не в такие минуты. Казалось, они жили в разных мирах и говорили на разных языках. Неизвестно, откуда появлялась неприязнь, но она росла, ширилась и заполняла всю комнату... А ведь желания ссориться и выяснять отношения у него не было.

— Смотри, Надя, — сказал Сталин, когда она наконец замолчала, — я предупреждаю тебя: будь осторожна в выборе своих друзей.

Уже позже, будучи в изгнании, Троцкий писал, что о бытовой жизни Сталина ему рассказывал Бухарин и он же говорил ему, что Сталин спаивает и обкуривает своих детей. В своих подозрениях Сталин оказался прав.

К Иосифу Виссарионовичу прилепили, ссылаясь на Ленина, кличку «грубый», а от себя уже добавляли «неотесанный», безграмотный и неуживчивый человек, скрывает ленинское «завещание», в котором Владимир Ильич предлагает сместить его с поста Генсека.

Оппозиция провоцирует Сталина на скандал, его хотят скомпрометировать любым способом. Сталина это не удивляет. На объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) он говорит, что это даже нормальное явление: «Тот факт, что главные нападки направлены против меня, — говорит Сталин, — объясняется очень просто. Я лучше других знаю все плутни оппозиции, и надуть меня не так просто. Вот они и ругают меня, сплетничают и провоцируют на скандал. Что ж, пусть развлекаются на здоровье. Сталин — человек маленький. Оппозиция во главе с Троцким вела еще более хулиганскую травлю против Ленина. Вот послушайте, как пишет Троцкий о Ленине: «Каким-то бессмысленным наваждением кажется дрянная склока, которую систематически разжигает сих дел мастер Ленин, этот профессиональный эксплуататор всякой отсталости в русском рабочем движении».

Стоит обратить особое внимание на язык. Если так Троцкий пишет о Ленине, то стоит ли удивляться тому, что он ругает теперь почем зря одного из многих учеников Ленина — Сталина? «Более того, — продолжает Сталин, — я считаю для себя делом чести, что оппозиция направляет всю свою ненависть против меня. Оно так и должно быть. Я думаю, что было бы странно и обидно, если бы оппозиция, пытающаяся разрушить партию, хвалила бы меня, защищающего основы ленинской партийности».

Сталин не обходит острых углов. «Вопрос о «завещании» Ленина, — сказал он, — стоял у нас — если не ошибаюсь — еще в 1924 году. Существует некий Истмен, бывший американский коммунист, которого изгнали потом из партии. Этот господин, потолкавшись в Москве среди троцкистов, набравшись некоторых слухов и сплетен насчет «завещания» Ленина, уехал за границу и издал книгу под заглавием «После смерти Ленина», где он не щадит красок для того, чтобы опорочить партию, ЦК и Советскую власть, где все строит на том, что ЦК нашей партии «скрывает» «завещание» Ленина. Так как этот Истмен находился одно время в связях с Троцким, то мы, члены Политбюро, обратились к Троцкому с предложением отмежеваться от Истмена, который, цепляясь за Троцкого и ссылаясь на оппозицию, делает Троцкого ответственным за клевету на нашу партию насчет «завещания». Троцкий действительно отмежевался от Истмена, дав соответствующее заявление в печати».

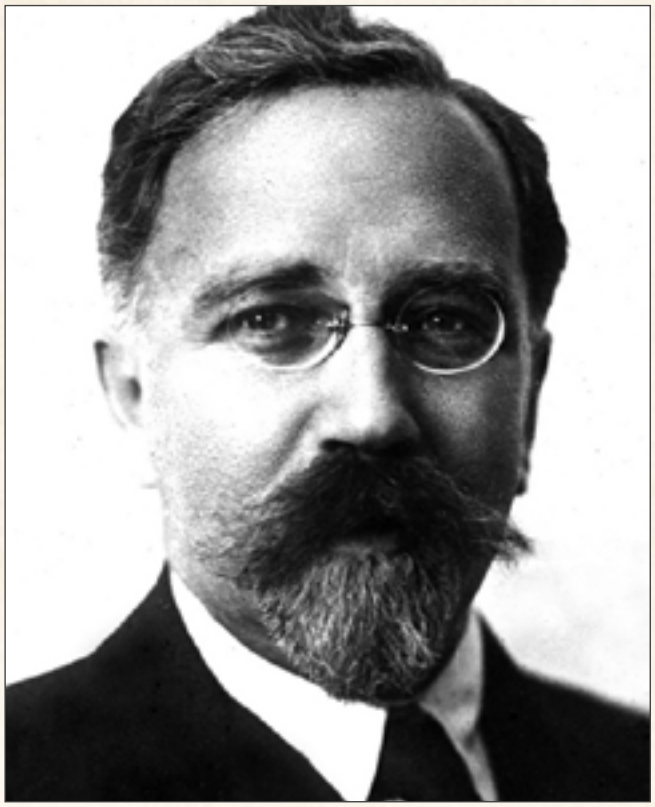
Сталин оглашает это заявление, где говорится, что «всякие разговоры о скрытом или нарушенном «завещании» представляют собой злостный вымысел и целиком направлены против фактической воли Владимира Ильича и интересов созданной им партии».

«Кажется ясно? — продолжает Сталин обличать оппозицию. — Это пишет Троцкий, а не кто-либо другой. На каком же основании теперь тот же Троцкий, Зиновьев и Каменев блудят языком, утверждая, что партия и ЦК «скрывают» «завещание» Ленина? Блудить языком можно, но надо же знать меру».

* * *

К сожалению, чувство меры оппозиции было не известно. Явно и тайно она продолжала вредить партии и стране. Не чувствуя за собой вины, Сталин вынужден был оправдываться и объясняться. Разговоры о том, что Ленин предлагал съезду, ввиду «грубости» Сталина, обдумать вопрос о его замене на посту Генсека, вынуждают Иосифа Виссарионовича написать заявление об отставке. Однако делегаты XIII съезда обязали Сталина оставаться на своем посту.

Словом, как ни пыталась оппозиция козырнуть «завещанием» Ленина, ничего не выходило. «Завещание» било не по Сталину, а по оппозиции, где Ленин обвиняет Троцкого в «необольшевизме», а насчет ошибок Каменева и Зиновьева во время Октября говорит, что эти ошибки не являются «случайностью». Отсюда вывод: политически нельзя доверять ни Троцкому, который страдает «необольшевизмом»,

▲ Каменев Л.Б.

▲ Зиновьев

ни Каменеву и Зиновьеву, ошибки которых не являются «случайностью», а могут и должны повторяться. Что касается Сталина, то о его ошибках в «завещании» нет ни одного слова. Больше того, Ленин подчеркивает его деловые качества. Что касается мнения Ленина о его «грубости», то здесь Сталин стал жертвой Надежды Константиновны, эксплуатирующей болезненное состояние Ильича. Однако Сталин не мог и не хотел плохо думать о Ленине. Никогда он не упрекал и Крупскую, с легкой руки которой его зачислили в грубияны. Наоборот, он решил подтвердить ленинскую характеристику.

— Да, товарищи, — сказал он в одном из своих выступлений, — я груб, но я груб в отношении тех, которые грубо и вероломно разрушают и раскалывают партию. Я этого не скрывал и не скрываю. Возможно, что здесь требуется известная мягкость в отношении раскольников. Но этого у меня не получается.

Ему хотелось сказать, что и Владимир Ильич не очень-то был вежлив с оппортунистами, но не сказал.

***

Вторая половина двадцатых годов была особенно трудной в его жизни. Борьба внутри партии совпала с домашними неурядицами. Вопреки предостережению Сталина, Надежда Сергеевна еще больше сблизилась с семьей Бухарина. Оттуда она уже приходила настроенная на определенный лад. Он работал, не поднимая головы, без отдыха, а она одолевала его пустяками и придирками.

— Ты где стрижешься и бреешься? — как-то спросила она Сталина после очередного возвращения от Бухарина.

— Почему это тебя интересует? — настороженно спросил Иосиф Виссарионович.

— Просто интересно, какая там баба тебя обхаживает?

— Брось молоть глупости, — сказал Иосиф Виссарионович. — Лучше возьми да почитай газеты. Там все расписано, где и с кем я бываю.

— Это твои газеты, — взорвалась Надежда Сергеевна, — там нет ни одной строчки правды. Они все лгут и восхваляют тебя. Они не знают, какой ты есть на самом деле, а я знаю. Знаю, что к твоим услугам еще жены Егорова и Гусева, а я тебе совсем не нужна.

— Это тебе Николай Иванович сказал? — спросил он. — Я ведь тебя предупреждал, чтобы ты туда не ходила.

— При чем здесь Бухарин? — взвилась Надежда. — Все говорят! Да я и сама вижу. Ты совсем перестал бывать дома, не занимаешься воспитанием детей... Ты думаешь, что я дура, ничего не вижу и не понимаю.

Надежда Сергеевна много видела, но понимала все как-то по-своему. Чисто по-женски. Слишком много эмоций и слишком мало здравого смысла. С одной стороны, ее мучило чувство ревности, а с другой — ей ближе и понятнее был Бухарин. Здесь также срабатывало ленинское «завещание».

— Кто такой Бухарин? — спрашивала она мужа и сама же отвечала: — «Любимец партии». Это говорю не я, так сказал Ленин. Кто такой Сталин? — опять задает она вопрос

и снова сама же отвечает: — «Грубиян». Опять-таки это говорю не я, а так определил Владимир Ильич. К слову сказать, в своем «завещании» он рекомендовал сместить тебя с должности Генсека. Так кому я должна верить? Конечно, Бухарину — «любимцу партии». Николай Иванович выступает в защиту сельских тружеников. Именно он бросил лозунг: «Обогащайтесь!» Что в этом плохого? Почему он не понравился тебе? Просто ты завидуешь Бухарину. Его любят, а тебя никто не любит.

— Откуда тебе известно, что писал Ленин в своем «завещании»? — спросил Сталин. — Насколько мне известно, его письмо пока нигде не печаталось.

— Потому и не печаталось, что ты скрыл его от партии, — парировала Надежда.

— Так тебя проинформировал Николай Иванович? — внешне спокойно спросил Сталин.

— При чем здесь Бухарин? Сейчас все об этом говорят.

Уже в который раз Надежда выгораживает свой источник информации за оговоркой «все». Но Сталин твердо знает, откуда дует ветер. Он понимает, что оппозиция решила действовать через его жену. Она становилась игрушкой в их руках. Ему было и жаль Надежду, и в то же время брала злость за то, что она не слушает мужа и так легко поддается чужому влиянию. Все же он попытался закончить неприятный разговор спокойно.

— Я тебя еще раз прошу, — продолжал Сталин, — будь осторожна в выборе друзей. Они могут тебя использовать в своих целях.

— А это уже не твое дело, — возразила Надежда, — с кем хочу, с тем и дружу. Я ведь не говорю тебе, чтобы ты не дружил с Ворошиловым и Молотовым.

Сталин вдруг остро почувствовал, как далеко они удалились друг от друга. А главное, не было пути к сближению.

Судьба распорядилась так, что он должен будет оставаться один на один со своими мыслями, заботами, тревогами и во враждебном окружении, готовом в любую минуту наброситься на него, и рядом не будет человека, которому он без опасения мог бы доверить свою жизнь или хотя бы без опаски повернуться спиной.

***

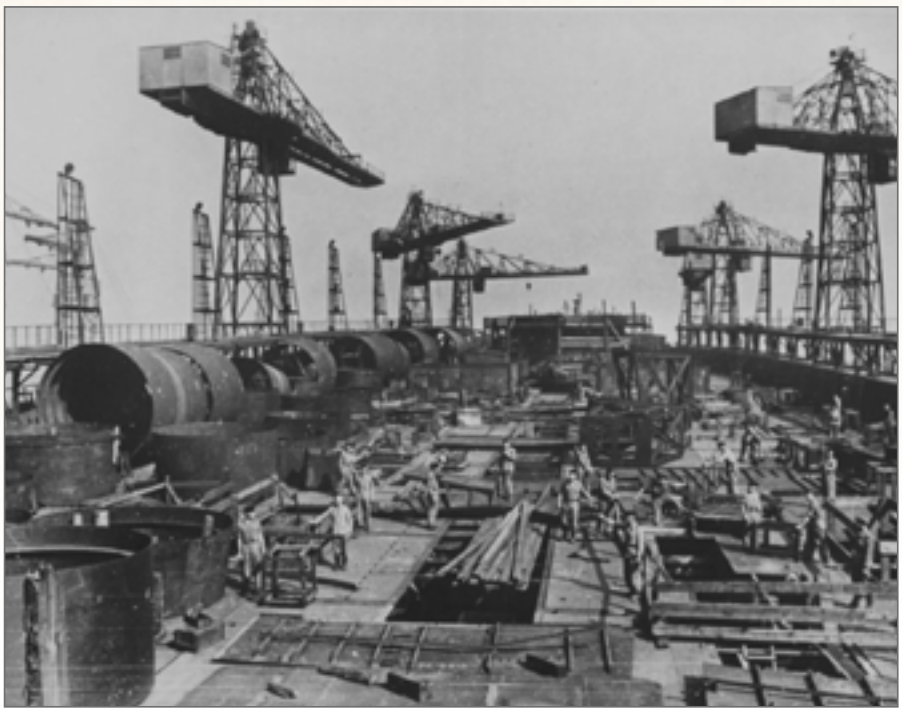
Молодое Советское государство начинало строить новый уклад жизни не в безвоздушном пространстве, а в жестком враждебном окружении. Правительства многих стран мира новую Россию не признавали, бойкотировали, стараясь задушить экономически. Внутри страны тоже далеко не все были в восторге от нововведений. В обществе и в партии появились определенные колебания и шатания от увлечения и восторгов до уныния и упадка. Легче было верблюда пропустить в игольное ушко, чем провести огромную полуразрушенную страну путем реформ.

Шаг влево, шаг вправо — и гибель государства была бы неизбежной.

В чем состояла опасность правого уклона, которое имело ярко окрашенную оппортунистическую окраску? Лидеры этого направления недооценивали влияние внешних сил, не видели опасности в восстановлении прежних, капиталистических, отношений в экономике страны, не понимали механики классовой борьбы в условиях диктатуры пролетариата. Если Сталин настаивал на ускорении темпов индустриализации, проведении реформ в сельском хозяйстве и на жесткой государственной монополии внешней торговли, то так называемые «правоуклонисты» требовали прежде всего облегчения жизни капиталистическим элементам в городе и деревне, а проблемы индустриализации отодвигали в сторону как второстепенные.

Это направление в партии возглавил Бухарин. Хотел он того или нет, но он ослаблял позиции рабочего класса и подымал шансы тех, кто желал восстановления старых порядков в советской стране.

Левое направление в партии возглавлял Троцкий. В своей брошюре «Программа мира» он писал: «Отстояв себя в политическом и военном смысле, как государство, мы к созданию социалистического общества не пришли и даже не подошли... До тех пор, пока в остальных европейских государствах у власти стоит буржуазия, мы вынуждены, в борьбе с экономической изолированностью, искать соглашения с капиталистическим миром; в то же время

▲ Индустриализация

можно с уверенностью сказать, что эти соглашения, в лучшем случае, могут помочь залечить те или другие экономические раны, сделать тот или иной шаг вперед, но подлинный подъем социалистического хозяйства в России станет возможным только после победы пролетариата в важнейших странах Европы».

Другими словами, Троцкий утверждал, что без победы пролетарской революции в западных странах в России социализма не построить. И так как скоро такой революции на Западе не предвидится, то вывод напрашивается сам собой: Россия должна либо переродиться в буржуазное государство, либо сгнить на корню. Эта теория противоречила ленинскому учению о «победе социализма в одной стране».

Сталин стоял на ленинской позиции и был убежден, что из «...России нэповской будет Россия социалистическая».

Таким образом, в двадцатые годы определилось три главных направления: бухаринское, троцкистское и ленинско-сталинское. Кто победит? В ЦК не было единства. Какая судьба ожидает страну и народ? Никто не знает. Положение более чем серьезное. В сложившихся условиях возможен раскол партии и гибель революционной России; возможен возврат к капитализму; и возможно строительство социализма. Что делать руководству страны в такой ситуации? Это должен был определить XIV съезд партии, подготовка к которому шла полным ходом. На нем оппозиция намеревалась дать решительный бой Сталину.

Однако в самой оппозиции тоже не было единства. Бухарин боялся Троцкого. Троцкий так высоко себя оценивал, что не принимал в расчет ни Бухарина, ни Сталина. Сталин для него был недоучившимся семинаристом и ограниченным человеком. Бухарина же Троцкий считал недостойным себя слабым противником.

Что касается Сталина, то он серьезно относился и к Бухарину, и к Троцкому. У него была своя тактика и стратегия по отношению к ним. Пока у оппозиции нет единства, считал он, у него есть возможность выиграть сражение, используя одну группу против другой. Во всяком случае, нельзя одновременно объявлять войну лидерам левого и правого уклона. Нужно разгромить их по одиночке, не дав возможности объединиться.

Иосиф Виссарионович никогда ничего не делал наполовину. Если брался за какое-то дело, то всегда доводил его до конца. В его работе не было мелочей. Он видел не только начало каких-либо действий, но и их конечный результат. Может быть, поэтому никто никогда не видел его растерянным, паникующим, потерявшим самообладание. То, что для других являлось трагедией или тупиком, для него лишь очередным ходом. Он заранее просчитывал подобное развитие событий и имел несколько вариантов выхода. Он всегда предполагал, что может случиться

▲ XIV съезд

худшее. А в его памяти отпечатывались не только крупные события, но и детали, связанные с ними.

XIV съезд партии был не только памятной вехой в жизни Сталина, но и решающим в судьбе страны. Если бы он дрогнул тогда перед напором противника, то не было бы ни СССР, ни Парада Победы, не было бы ничего. Развитие современной мировой истории пошло бы по другому направлению...

* * *

Содокладчиком на съезде был Зиновьев. Вот он уверенно идет к трибуне, самодоволен, и сам черт ему не брат. Накануне съезда Сталин приглашал его к себе, чтобы согласовать позиции. Разговор был долгим, но бесплодным. Зиновьев решительно отказался от какого-либо компромисса. Его не пугала даже угроза раскола партии. Больше того, он заявил, что если такое случится, то в этом будет виноват не он и его единомышленники, а Сталин. Собственно, Сталин и не предполагал какого-либо компромисса, а просто советовал ленинградской депутатской группе, которую возглавлял Зиновьев, поддержать курс на индустриализацию страны.

— Мы не против индустриализации, — сказал Зиновьев, — но у нас на этот «счет есть свое мнение.

С тем Зиновьев и вышел на трибуну съезда. Лейтмотивом его выступления было абсолютное неприятие программы индустриализации в том виде, как она была изложена Сталиным.

— Мы не можем провести индустриализацию, — говорил Зиновьев, — на те «грошовые» накопления, которые у нас есть. Не следует начинать развитие страны с тяжелой индустрии. Это нереально. Это несбыточная мечта фантазеров. Надо делать упор на подъем легкой промышленности, как это делали во всех развитых странах. Именно здесь мы можем получить необходимые средства для проведения индустриализации.

Ту же мысль высказал Сокольников и другие делегаты, явно подготовленные заранее. Сталин слушал их выступления и старался понять, чего в них больше: демагогии, непонимания существа вопроса или просто враждебного отношения к нему лично. В конце концов он пришел к выводу, что здесь присутствуют все факторы одновременно.

То, о чем говорил Зиновьев и его единомышленники, Сталин знал очень хорошо. Историю индустриализации в капиталистических странах он изучил досконально. В одних странах она действительно начиналась с легкой промышленности; в других — с ограбления колоний. Плюс ко всему, у тех и других было время на неспешное развитие тяжелой промышленности. Как правило, на это уходило более ста лет. Что касается Советской России, то у нее не было того времени и тех возможностей, которые имелись у капиталистических стран. Не было времени на спокойное накопление средств от развития легкой промышленности. Не было у нас и колоний, как, к примеру, у Англии. Тот путь, который капиталистические страны прошли за сто лет, мы были обречены (именно обречены), считал Сталин, пройти за десять лет. Если мы этого не сделаем, думал он, нас задушат, россиян превратят в рабов, а ту легкую про-

▲ Делегаты съезда

мышленность, которую мы успеем создать, заберут себе. Это ясно как дважды два.

— Конечно, — продолжал Зиновьев, — развитие легкой промышленности также требует определенных затрат. Но здесь мы легко выходим из положения. Станки и прочее оборудование для развития этой отрасли мы можем ввозить из Германии в обмен на зерно и сырье. Немцы остро нуждаются в емком советском рынке и в получении зерна и сырья из нашей страны. Тут, так сказать, взаимный интерес и взаимная выгода.

Предложение Зиновьева сразу же насторожило Сталина. Высказанная им идея была ему хорошо известна. Но он не стал перебивать оратора. Он всегда в этих случаях проявлял такт, терпение и уважение к ораторам. Это уже позже, во времена Хрущева, появилась манера одергивать, останавливать, перебивать докладчика и просто прогонять его с трибуны. Сталин себе такого не позволял. Только после того, как Зиновьев закончил свое выступление, Сталин задал ему вопрос:

— Кому принадлежит идея сотрудничества с Германией, которую вы высказали в своем докладе?

Зиновьев не ожидал такого вопроса. Он рассчитывал, что высказанная им программа действий будет принята, что называется, на «ура». Как-никак, он предлагал выход из трудного положения, в котором находилась страна, причем, казалось, более реальный, чем сталинский план индустриализации, предполагавший еще больше осложнить ситуацию в экономике страны. Какое-то время Зиновьев молчал, собираясь с мыслями. В зале стояла мертвая тишина. Делегаты ждали ответа.

— Идею сотрудничества с Германией, — наконец ответил Зиновьев, — выносили, выстрадали и разработали наши экономисты.

— Очень хорошо, — не повышая голоса, спокойно сказал Сталин. — В таком случае скажите, почему ваш выношенный, выстраданный и разработанный вами план как две капли похож на план Дауэса?

Зал замер в ожидании ответа, а Зиновьев растерянно молчал. Он как-то сразу сник, и делегатам даже показалось, что он стал ниже ростом.

— Ну что ж, — так же тихо, не повышая голоса, сказал Сталин, — если вам нечего сказать, тогда мы попробуем разобраться сами.

Зиновьев явно лукавил или откровенно лгал, когда говорил, что идея сотрудничества с Германией была «выношена» и «выстрадана» им и его сподвижниками. Она на самом деле была взята напрокат из плана американского экономиста Дауэса, председателя Международного комитета экспертов, созданного для урегулирования вопроса о германских репарациях. Заокеанские мудрецы разработали четкую программу удовлетворения собственных интересов, предусматривавшую воз-

можность дать толчок промышленному развитию Германии. Что касается Советского Союза, то по этому плану он превращался в придаток или в заложника капиталистической экономики.

— В чем здесь дело, — сказал Сталин, обращаясь к делегатам съезда. — Как известно, Германия проиграла войну. Страны-победительницы Англия и Франция предъявили ей крупный репарационный счет, который она не в состоянии оплатить. В свою очередь, победители также понесли тяжелые военные потери и задолжали США 26 миллиардов долларов. Вот такой получился расклад. Германия нищая, а с нищего, как известно, взять нечего, а Англии и Франции нужно отдавать долги. Думали-гадали и решили поправить свои дела за счет СССР. Идею подбросил Дауэс. Он предложил оживить и восстановить промышленность Германии, используя при этом рынок, сырье и зерно нашей страны. Схематично все выглядит так: Германия поставляет в Россию станки и получает из СССР сырье и зерно. Для Германии появляется рынок сбыта, ее промышленность набирает темпы, и она выплачивает репарационный долг. Все выглядит более чем прилично. Всем, мол, хорошо. Все довольны. Однако у этой, внешне приличной, идеи есть неприличный оборот: оставить СССР аграрной страной. Но я думаю, у них этот номер не пройдет. Мы должны поставить дело таким образом, чтобы превратить нашу страну из аграрной в индустриальную, из страны, ввозящей оборудование, в страну, производящую это оборудование. Они, авторы плана Дауэса, хотели бы ограничить нас производством, скажем, ситца, но нам этого мало, ибо мы хотим производить не только ситец, но и машины, необходимые для производства ситца. Они хотели, чтобы мы ограничились, скажем, производством автомобилей, но нам этого мало, ибо мы хотим производить не только автомобили, но и машины, производящие автомобили...

Сталин говорил тихо, но в наступившей тишине каждое его слово было отчетливо слышно, близко и понятно каждому из сидящих в зале делегатов съезда. Он даже физически чувствовал свою близость, свое слияние с этой огромной массой людей.

— И последнее, — сказал Сталин. — План Дауэса, который нам так настойчиво рекомендовал Зиновьев, смертельно опасен для советского народа. Стоит нам клюнуть на эту приманку и начать индустриализацию страны с легкой промышленности, как мы окажемся безоружными перед лицом империалистической агрессии, от которой, как говорил Ленин, мы всегда на волоске, защищаться будет нечем. Известно, что современная война — это война моторов. Самолеты, пушки, танки производит не легкая, а именно тяжелая промышленность. Так что клюнь мы на удочку оппозиционеров, и империалисты разгромят нас. Народ наш частично физически истребят, частично превратят в рабов, все же накопленное нами в ходе развития легкой промышленности заберут себе.

После выступления Сталина оппозиционерам, как говорится, можно было бы сушить весла. Приплыли. Однако битому неймется. На трибуну подымается Каменев. Он с открытым забралом идет в наступление на Ста-

▲ На съезде

▲ Сталин на съезде

лина и вспоминает «завещание» Ленина, предлагавшего сместить Сталина с поста Генерального секретаря ЦК партии.

— Лично я полагаю, — говорил Каменев, — что наш Генеральный секретарь не является той фигурой, которая может объединить вокруг себя большевистский штаб ЦК партии. Сталин не может выполнять роль объединителя большевистского штаба...

Дальше ему уже не дали говорить делегаты съезда. Из зала неслись возгласы: «Неверно!», «Чепуха!», «Сами себя разоблачили!», «Долой с трибуны!»

Делегаты стоя, бурными аплодисментами приветствовали Сталина. Авторитет оппозиции упал до нулевой отметки. Но она не считала себя побежденной. Что касается Троцкого, то у него был свой взгляд на сложившуюся ситуацию. В своей книге «Моя жизнь» он пишет: «Курс шел на самодовлеющее национальное развитие, и старая формула «шапками закидаем» усердно переводилась теперь на новосоциалистический язык. Попытка Зиновьева и Каменева хоть частично отстоять интернациональные взгляды превращала их в глазах бюрократии в «троцкистов» второго сорта». Другими словами: съезд и партия идут не в ногу с Зиновьевым, Каменевым и Троцким. И далее:

«...Зиновьев и Каменев оказались вскоре взаимно противопоставлены Сталину, а когда они попытались из «Тройки» перенести спор в Центральный комитет, — то обнаружилось, что у Сталина несокрушимое большинство».

Теперь все свои надежды Зиновьев и Каменев возлагали на Троцкого и подталкивали его к более решительным действиям. Троцкий их просил не торопиться. «Нам надо брать дальний прицел, — говорил он своим соратникам, — нужно готовиться к борьбе всерьез и надолго».

***

Пока оппозиция собирала силы и готовилась к новой борьбе, Сталин круто поворачивает руль управления страной в сторону индустриализации и перестройки всего народного хозяйства на социалистический лад. Он готовится к новой войне. Все было подчинено этой цели. Забегая вперед, следует сказать: под руководством Сталина программа XIV съезда партии была полностью выполнена. За 10 лет советский народ прошел тот путь, на который западным странам понадобились столетия. За такое короткое время Страна Советов из аграрной превратилась в мощное индустриальное государство. Сталин провел серию экономических, военных, социально-политических и идеологических мер для укрепления обороноспособности государства. Был выдвинут лозунг — догнать и перегнать по уровню производства продукции на душу населения развитые капиталистические страны.

Но главные усилия были направлены на развитие отраслей промышленности, обеспечивающих нашу обороноспособность. На Урале, в Сибири, Средней Азии ускоренными темпами развивалась топливно-энер-

гетическая база. Большое значение имело создание «второго Баку» — нового нефтедобывающего района между Волгой и Уралом. Обращалось особое внимание на металлургическую промышленность — основу военного производства. Был расширен и реконструирован Магнитогорский металлургический комбинат, завершено строительство Нижнетагильского. Были созданы «заводы-дублеры» (филиалы заводов Европейской части СССР) на Урале, в Западной Сибири и Средней Азии — в районах, находившихся вне пределов досягаемости авиации возможного западного военного противника.

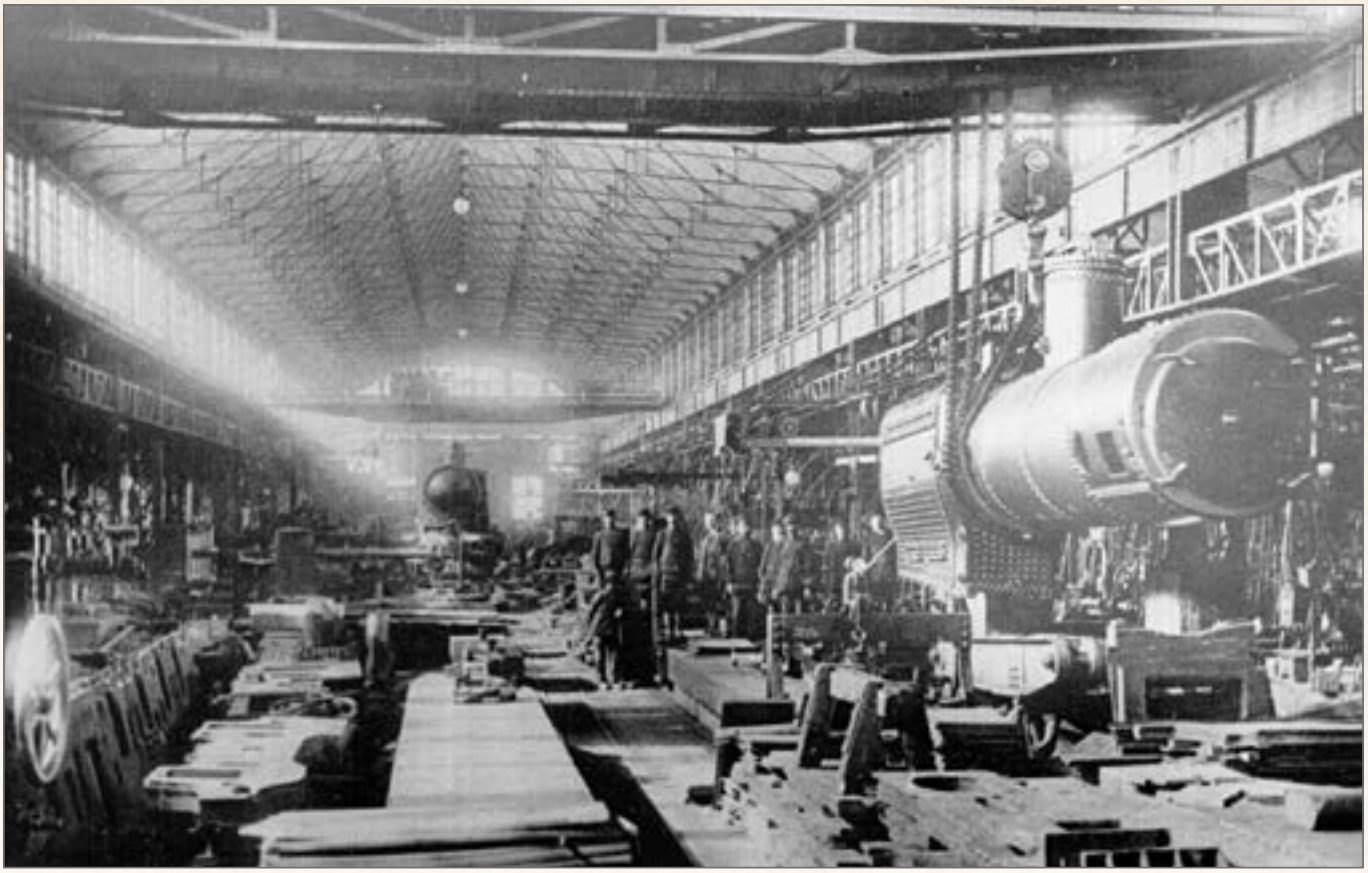
В эти годы рабочий день Сталина начинался с докладов о положении дел на строительстве новых и реконструкции устаревших предприятий. Никакие оправдания и отступления от намеченных графиков не принимались и не учитывались. Никакое разгильдяйство и оплошности не допускались и карались судом.

Особое внимание уделялось строительству авиационных, танковых и других оборонных заводов, переводу многих предприятий тяжелой и легкой промышленности на производство военной продукции. Начался выпуск стрелкового, артиллерийского оружия и боеприпасов. Только благодаря таким решительным преобразованиям уже на первом месяце войны промышленность смогла производить автоматическое стрелковое оружие и установки ракетной артиллерии («катюши»). Благодаря сталинской линии на индустриализацию и обороноспособность страны, к началу войны с Германией были разработаны новые конструкции самолетов-истребителей Як-1 и МиГ-3, пикирующего бомбардировщика Пе-2, штурмовика Ил-2, танков Т-34 и КВ. Однако массовое производство новой техники не успели наладить. Для этого нужно было реконструировать предприятия и внедрить новые технологии, что уже приходилось осуществлять в ходе войны.

Социальная политика также была обусловлена нуждами обороны страны. Накануне войны была принята программа развития государственных трудовых резервов. Она предусматривала создание широкой сети школ фабрично-заводского обучения (ФЗО) и ремесленных училищ для подготовки молодежи к трудовой деятельности. На предприятиях осуществляется переход на 8-часовой рабочий день и 7-дневную рабочую неделю. Особый (круглосуточный) режим вводится на предприятиях оборонного значения. Был принят закон о судебной ответственности (вплоть до тюремного заключения) за самовольный уход с работы, прогулы и опоздания. Люди недоедали, недосыпали, плохо одевались. Они беспредельно устали. В стране росло недовольство. К середине тридцатых годов. напряжение достигло своей высшей точки. Вокруг

▲ Автомобилестроение

▲ Внутренний вид паровозно-механической мастерской завода

говорили о необходимости облегчения положения людей, о прекращении политики «закручивания гаек» и «натягивания вожжей». Об этом шла речь в узком кругу членов политбюро. Зарубежная печать кричала о сталинском геноциде русского народа. Сталин практически остался один на один со своими заботами и планами. Но выбора у него не было. Если он сегодня снизит темпы в создании военного потенциала и ослабит производственную дисциплину, то завтра, когда начнется война, им нечем будет защититься. Империалисты, напав на Советский Союз, победным маршем пройдут до Урала. Первой, кто это сделает, будет нацистская Германия. К тому ее подталкивают западные державы, проводившие политику уступок немецкой агрессии. Кульминационным моментом такой провокации стало Мюнхенское соглашение между Германией, Англией и Францией, позволившее Гитлеру расчленить, а потом оккупировать Чехословакию.

Неспокойно было и на Дальнем Востоке. Япония, захватив большую часть Китая, приблизилась к советским границам и начала прощупывать силы Советского Союза. Летом 1938 года японская группировка нарушает границу СССР в районе озера Хасан. В мае 1939 года Япония делает новую попытку проверить силы Красной Армии в районе реки Халхин-Гол. И в первом, и во втором случае японские группировки получили достойный ответ.

Сталин внимательно следил за всеми сплетениями, переплетениями, соглашениями империалистических государств. Однако все его попытки заключить антигитлеровский союз кончались провалом. В этих условиях нечего было и думать о снижении обороноспособности страны.

Сегодня, когда политики послесталинской эпохи, вслед за Хрущевым, говорят, что Сталин не готовил страну к войне, они нагло лгут и продолжают лгать. Иосиф Виссарионович начал готовиться к войне со второй половины 20-х годов, сразу после XIV съезда, когда был взят курс на индустриализацию страны. Параллельно с созданием мощного военно-промышленного потенциала проводилось реформирование армии. Принимается закон о всеобщей военной обязанности, позволяющий увеличить ее численность до 5 млн. человек. Началось обучение командных и инженерно-технических кадров в военных училищах и академиях. Большое внимание уделялось созданию отдельных бронетанковых и механизированных частей, устанавливаются генеральские и адмиральские звания, вводится единоначалие.

Среди населения развернулась оборонно-массовая работа: вводится допризывная подготовка учащихся старших классов, активизируется деятельность Общества содействия армии, авиации, флоту (Осоавиахим).

Сталин очень спешил и брался за все дела сразу. Сам мало спал и не давал спать стране. Для себя он

сделал окончательный выбор: лучше сейчас, затянув пояса, работать до седьмого пота, чем стать легкой добычей для агрессора. Он не «отпускал вожжи». Вздыбленная страна мчалась навстречу опасности и неотвратимой судьбе. С недоумением и страхом, удивлением и злорадством смотрел весь империалистический мир на все происходящее в Советском Союзе. Все были уверены в скорой кончине Новой России. И для того были все основания. Такого напряжения в своей истории не испытывала ни одна страна, ни один народ в мире.

Вспоминая этот период времени, Сталин не мог обвинить себя в каких-либо просчетах. Совесть его перед историей была чиста. Он ничего не выдумывал и ничего не хотел для себя лично — он хотел спасти страну и народ от надвигающейся беды. Не все понимали его: будет, мол, война или нет, еще неизвестно, а так жить, как сейчас живем, нельзя. Он и сам это знал и видел.

В его власти было изменить ситуацию. Он мог затормозить индустриализацию страны, меньше строить оборонных предприятий и дать больше денег на социальные нужды: медицину, образование, больше строить жилья, удвоить и даже удесятерить производство конфет и кофточек. Но он знал и то, что нынешняя сладкая жизнь в лихую годину войны обернется горькими слезами для всего народа. Поэтому он не пошел на поводу своих советчиков и доброжелателей, не испугался злобных воплей зарубежной прессы и угроз внутренних врагов, а они не прекращались. Своих позиций никто не сдавал. Ни накануне войны, и ни тогда, в конце двадцатых...

***

Оппозиция готовилась к решающей схватке со Сталиным. Такая схватка должна была произойти на XV съезде партии, который назначался на конец 1927 года. По мнению троцкистов, это было подходящее время. В стране много недовольных политикой Сталина. Накопилось столько горючего материала, что было достаточно одной спички, чтобы снова разжечь пожар гражданской войны или, на худой конец, просто сместить Сталина.

«В разных концах Москвы и Ленинграда, — писал Троцкий в своей книге «Моя жизнь», — происходили тайные собрания рабочих, работниц, студентов, собиравшихся в числе от 20 до то и 200 человек, для того чтобы выслушать одного из представителей оппозиции. В течение дня я посещал два-три, иногда четыре таких собрания... В общем на этих собраниях в Москве и Ленинграде побывали до 20 000 человек. Оппозиция очень искусно подготовила большое собрание в зале высшего технического училища, который был захвачен изнутри. Попытки администрации помешать нам оказались бессильными. Я и Каменев говорили около двух часов».

О чем говорили на таких собраниях, Сталину было известно.

▲ Магнитка

Не отставали от Троцкого и Каменева и другие оппозиционеры — Зиновьев, Пятаков, Преображенский, Серебряков, Альский... Они спекулировали на трудностях, связанных с индустриализацией страны, убеждали людей, что Сталин скрыл от народа «завещание» Ленина (это для оппозиции уже стало стандартным обвинением Сталина), в котором он предлагал освободить его с поста Генсека, что Сталин, захватив власть в партии и государстве, ведет страну и народ к гибели, требовали допущения фракций и группировок в партии.

— Режим, установленный Сталиным внутри партии, — говорили Троцкий и его единомышленники, — совершенно недопустим. Он убивает самодеятельность партии... и грозит оказаться совершенно несостоятельным перед лицом надвигающихся серьезных событий.

В Москве и Ленинграде создаются подпольные типографии. В отпечатанных здесь листовках оппозиция извращала всю работу партии, связанную с обороной страны, предрекала гибель Советской власти и призывала изменить политическую и экономическую политику в стране.

Сталин внимательно следил за троцкистской оппозицией. Он знал, чего она добивается, и понимал, что может произойти, если сделать ей уступки. Кроме группы Троцкого, в ВКП(б) имелись и другие группировки: «рабочая оппозиция», «сапроновцы» и другие. Каждая из этих маленьких групп считала предлагаемый ею путь развития страны единственно правильным. Но если всем им предоставить право создавать типографии и проводить свою, только им известную линию, что же тогда останется от партии? Понимают ли это Троцкий и его сподвижники? Сталин в конце концов пришел к выводу, что оппозиция все понимает и сознательно тянет страну в болото. Но действует она на редкость примитивно и нагло. Небольшая и ничтожная кучка оппозиционеров навязывает свою волю большинству сторонников линии ЦК ВКП(б), а когда их не слушают, они вопят об отсутствии демократии и насилии.

Раскольнические действия оппозиции ведут ее к объединению с пробуржуазной прослойкой внутри страны и антисоветскими силами за пределами страны. Оппозиция пополняется и обволакивается контрреволюционными элементами, наносит непоправимый ущерб партии и народу.

Ленин говорил, что можно довести дело до разрушения партии, если потакать дезертирам и раскольникам. Это ленинское предостережение

▲ Троцкий в Мексике

Сталин никогда не забывал. Он предложил исключить Троцкого и Зиновьева из ЦК партии. Его поддержали все члены ЦК. Судьба оппозиционеров была предрешена. Они стали «дробиться» и «колоться».

«Единственной заботой Зиновьева и его друзей стало теперь своевременно капитулировать... — пишет Троцкий. — Они надеялись, если не заслужить благоволение, то купить прощение демонстративным разрывом со мной в момент XV съезда. Они не рассчитали, что двойной изменой политически ликвидируют себя. Если нашу группу они своим ударом в спину временно ослабили, то себя они обрекли на политическую смерть. XV съезд постановил исключить из партии оппозицию в целом».

Каменев и Зиновьев за свою антисоветскую деятельность против Советской власти были преданы суду, а Троцкий выдворен из Москвы в Казахстан. 20 января 1929 года ему вручили предписание, в котором он обвинялся «...в контрреволюционной деятельности, выразившейся в организации нелегальной антисоветской партии, деятельность которой в последнее время направлена к провоцированию антисоветских выступлений и к подготовке вооруженной борьбы против Советской власти».

В постановлении говорилось: «Гражданина Троцкого, Льва Давидовича — выслать из пределов СССР».

***

В 30-е годы Троцкий поселился в Мексике. Здесь он развел бурную деятельность против Советского Союза. В отличие от всех остальных, он очень хорошо знал партию изнутри, знал ее сильные и слабые стороны. Он был особенно опасен накануне войны. Своими действиями он стремился расколоть мировое рабочее движение и ослабить наших союзников в борьбе с фашистской Германией. Вот как оценивает деятельность Троцкого за рубежом генерал-лейтенант НКВД Павел Судоплатов.

«Ныне в угоду политической конъюнктуре, — пишет Павел Судоплатов в своей книге «Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950-е годы», — деятельность Троцкого и его сторонников за границей в 1930–1940-х годах сводят лишь к пропагандистской работе. Но это не так. Троцкисты действовали активно: организовывали, используя поддержку лиц, связанных с Абвером, мятеж против республиканского правительства в Барселоне в 1937 году. Из троцкистских кругов в спецслужбы Франции и Германии шли «наводящие» материалы о действиях компартий в поддержку Советского Союза. О связях с Абвером лидеров троцкистского мятежа в Барселоне в 1937 году сообщил нам Шульце-Бойзен, ставший позднее одним из руководителей нашей подпольной группы «Красная капелла». Впоследствии, после ареста, гестапо обвинило его в передаче нам данной информации, и этот факт фигурировал в смертном приговоре гитлеровского суда по его делу.

О других примерах использования Абвером связей троцкистов для розыска скрывавшихся в 1941 году в подполье руководителей компартии Франции докладывал наш резидент в Париже Василевский».

***

В последние годы XX столетия и начала XXI века новоявленные демократы подняли идеи Троцкого на щит. Они изображают его героем и мучеником сталинского режима. Его книги печатают миллионными тиражами. Политики новой волны, следуя его учению, привели Советский Союз к развалу, а народ стал заложником капиталистических или, как сейчас говорят, индустриально развитых государств.

«Сталин и Троцкий, — пишет Павел Судоплатов, — противостояли друг другу, но разница заключалась в том, что в изгнании Троцкий противостоял не только Сталину, но и Советскому Союзу как таковому. Эта конфронтация была войной на уничтожение. Сталин да и мы не могли относится к Троцкому в изгнании просто как к автору философских сочинений. Тот был активным врагом Советского государства.

Жизнь показала, что подозрительность и ненависть Сталина и руководителей ВКП(б) к политическим перерожденцам и соперникам в борьбе за власть имела под собой реальную почву. Решающий удар по КПСС и Советскому Союзу был нанесен именно группой бывших руководителей партии».

Первоначально узкокорыстные интересы борьбы за власть демократы маскировали заимствованными у Троцкого лозунгами «борьбы с бюрократизмом и господством партаппарата», призывая народ открыть огонь по штабам, а потом раскололи (к чему и стремился Троцкий) партию и приступили к ее компрометации. Это можно было сделать только путем открытой и наглой клеветы на Сталина. Здесь также, как говорится, не мудрствовали, а взяли все измышления Троцкого, к которым, по подсказке западных идеологов, добавили несусветную ложь. Действовали по принципу: бросай больше грязи, что-нибудь да прилипнет.

К сожалению, убаюканное перестроечной демагогией, молодое поколение не смогло сразу разгадать эту идеологическую диверсию, а когда поняли, кто и куда их ведет, то было уже поздно — все оказались под пятой международного финансового капитала, а великая страна Советский Союз — в развалинах.

***

Разгром зиновьевской партийной группы и изгнание Троцкого за пределы СССР странным образом совпало с кризисом внутри семьи Сталина. Надежду в это время трудно было узнать. Она или сидела, закрывшись в своей комнате, или нервно молча двигала стулья, стол и хлопала дверью, демонстрируя свое недовольство. На детей она вообще не обращала внимания, а если они к ней обращались с какими-либо вопросами, заявляла, что она занята и лучше об этом спросить папу, который все знает. Иосиф Виссарионович попытался было навести мосты, но из его затеи ничего не вышло.

— А что тебе не нравится в моем поведении? — вопросом на вопрос ответила Надежда. — Я, кажется, не лезу в твои дела, а ты не лезь в мою душу.

▲ Сталин И.В. и Аллилуева Надежда

Сталин догадывался, что происходит с женой. Она по-прежнему часто бывала в семье Бухариных. Именно от них она приходила взвинченной и раздраженной. О чем там говорили, Сталин мог только догадываться. Бухарин был страшно напуган судьбой Каменева и Зиновьева. Он прямо был связан с этой группой и не сомневался, что Сталину все известно. Ни о чем другом он говорить не мог, в том числе и в присутствии Надежды Сергеевны. Бухарин знал, что она его не выдаст, и говорил, не особенно выбирая выражения.

— Он боится за свою власть, — с истерическими нотками в голосе кипятился Николай Иванович, — ему не нужны старые большевики-ленинцы. Он всех нас уничтожит. Он нас будет резать. После изгнания Троцкого он возьмется за других. На очереди я первый.

Женщины с тревогой слушали его речь. Но у Надежды к чувству тревоги примешивалось и чувство зависти к жене Бухарина. Николай Иванович свободно обсуждал кремлевские дела со своей женой. А вот Сталин никогда дома не говорил о своей работе, о том, чего он боится или страстно желает, идут дела хорошо или наоборот. Его работа была почему-то запретной темой, и Надежда Сергеевна только по каким-то, едва уловимым, изменениям мимики и жестов могла догадываться, что происходит в душе Сталина. Все ее попытки разговорить мужа всегда кончались неудачей.

— Это не кухонный разговор, — обычно отвечал Сталин, — да и у тебя есть задачи поважнее наших кремлевских склок. Смотри лучше за детьми.

Такие ответы бесили Надежду. Она не хотела даже думать о том, что муж отводит ей роль домашней хозяйки. К тому времени она уже училась в Промышленной академии. На лекциях много времени уделялось планам партии по перестройке народного хозяйства, о том, что говорил Сталин об индустриализации и реформах в сельском хозяйстве. Она конспектировала его высказывания, но не знала, когда и где он об этом говорил. Ситуация казалась ей парадоксальной, и она бросила вести все эти записи. Молодой преподаватель (многие не знали, что она жена Сталина) сделал ей замечание. Она покраснела, а кто-то из слушателей сказал:

— А зачем ей писать, что говорил муж, она и так все знает.

Теперь пришла очередь стушеваться преподавателю.

— Извините, пожалуйста, — сказал он, побледнев, — я не знал, что вы жена Сталина.

Надежда молча поднялась и выбежала из аудитории. Дома она выплеснула все свои эмоции.

— Ты всюду ставишь меня в неловкое положение, — кричала она, — как только люди узнают, что я твоя жена, от меня шарахаются, как черт от ладана!

— А в чем дело? — спросил Сталин. — И кто от тебя шарахается?

— А в том! — переходя на повышенный тон, почти кричала Надежда. — Преподаватели только и говорят, какой ты умный и прозорливый. А я должна все это конспектировать.

Надежду раздражала и сбивала с толку такая двойственность в ее отношениях с мужем. Везде висели

его портреты, на которых он совсем не был похож на себя. Газеты писали Сталин — то, Сталин — это... Сталин сказал... Сталин определил... Но ведь это же ее Иосиф... которого она знает, как никто другой. Она его жена... Да вот на прошлой неделе он маялся болью в животе и бегал безостановочно в туалет, а перед этим болел инфлюэнцей... Он такой, как все. Даже хуже. Он храпит по ночам. Он засушенный чурбан... Он коротышка... Он хуже всех на свете. Он несусветный скряга...

Будучи Генеральным секретарем правящей партии, Сталин жил на одну зарплату, которой явно не хватало на содержание семьи. Надежда вечно нуждалась в деньгах. Ей надоело об этом напоминать мужу, и она (еще в 1926 году), забрав Светлану и Василия, уехала в Ленинград к отцу. Там она намеревалась устроиться на работу, чтобы самой зарабатывать деньги и содержать детей. Сталин был обескуражен таким отчаянным, сумасбродным поступком. Он позвонил ей и пообещал приехать, чтобы забрать домой, но Надежда не удержалась от ядовитого упрека.

— Не надо, не приезжай, — сказала она, — это очень дорого обойдется тебе и государству. Я сама приеду.

В одном из писем она писала:

«Иосиф, пришли, если можешь, рублей пятьдесят, мне выдадут деньги только 15 сентября в Промакадемии, сейчас я сижу без копейки. Если пришлешь, это будет хорошо.

Надя».

Письмо было унизительным и для нее, и для него. Но у него в самом деле не было денег. Сталин жил так же, как подавляющее большинство людей в стране, которой он правил, которую он перестраивал на новый лад. Он считал аморальным жить в роскоши, когда народ постоянно недоедал, а зачастую и голодал.

Надежде это казалось дикостью. Глава государства, Генеральный секретарь правящей партии не имеет денег. Она не может себе позволить купить ни приличное платье, ни шляпку, тогда как жены Троцкого, Бухарина, Рыкова и других деятелей, занимающих более низкие посты в партии и правительстве, чем ее муж, разодеты по последней французской моде. Это было унизительно, и она мелко и провокационно мстила мужу за свое унижение. Чтобы досадить ему, она пошла на похороны известного троцкиста Иоффе, где собрались все оппозиционеры Сталина во главе с Троцким, Зиновьевым и Каменевым. Все выступающие публично поливали ее мужа грязью, а она, единственная из жен членов Политбюро, присутствующая на похоронах Иоффе, стояла и спокойно слушала. Больше того, она пошла даже на поминки, на которых все повторилось еще раз.

Естественно, после ее возвращения Иосиф Виссарионович высказал в резкой форме все, что он думает об этом поступке. А она молча и с ухмылкой слушала его упреки. Наконец-то она вывела его из равновесия и наказала за свое ущемленное самолюбие. Однако ей показалось, что этого мало.

▲ Красная Армия

▲ Авиаторы

— А в чем дело? — сделав удивленное лицо и пожав плечами, спросила она. — Что тебе не нравится? Впрочем, я понимаю, в чем тут дело: тебе больше нравится, когда тебя восхваляют в твоих газетах, и совсем не нравится, когда тебя критикуют и говорят правду.

— Какую правду?! — взорвался Иосиф Виссарионович. — Ты хоть понимаешь, что ты говоришь? Или...

— У каждого своя правда, — назидательно ответила Надежда, — и нужно уметь считаться с чужим мнением. Почему ты считаешь, что ты всегда прав, что только ты один не ошибаешься?

Надежда явно провоцировала его на большой скандал, который выходил бы за рамки семейных отношений. Иосиф Виссарионович не мог себе этого позволить. Кремлевские неурядицы и партийные потасовки не могут быть предметом обсуждения на кухне.

— Ты или дура, — сказал он, — или умный провокатор. Но ни в первом, ни во втором случае я не клюну на твою удочку.

Сказал зло и грубо. Позже жалел о сказанном и хотел объясниться. Но Надежда еще не прекратила свои военные действия на семейном фронте. Теперь она, в роли обиженной и оскорбленной, вынашивала новый план скандальной операции. Да такой, чтоб побольней хлестнуть мужа. После недолгих раздумий она решила, что после окончания учебы в академии она уедет к сестре в Харьков, устроится там на работу и начнет новую жизнь. У нее будет зарплата, и она наконец купит себе и новое платье, и новые туфли. О детях она как-то не думала. Ей важно было доказать мужу, что она самостоятельный человек и в его помощи не нуждается.

О своих планах Надежда рассказала жене Бухарина. Та их одобрила. Что касается Николая Ивановича, то он чуть ли не аплодировал ей.

— Ты, правильно сделаешь, Наденька, — сказал он, — с таким мужем долго не протянешь. Я, большевик-ленинец, также хотел бы куда-нибудь сбежать от нашего Генсека, но не могу. Я обречен.

***

Когда Бухарин говорил, что хотел бы «куда-нибудь сбежать», то он не лукавил. Николай Иванович был тесно связан с троцкистской группой и чувствовал, что Сталин обо всем хорошо осведомлен. Правда, в силу характера, постоянства в контактах с оппозицией у Бухарина не было. Он то примыкал к компании Троцкого, то отходил от нее. Однако в общем и целом он был на стороне троцкистов, и июля 1928 года он в присутствии Каменева обсуждал с Сокольниковым методы борьбы со Сталиным. Каменев сделал краткую стенограмму этой беседы и послал Троцкому, а вскоре она попала и к Сталину. Судя по всему, Бухарин был напуган предстоящим пленумом ЦК и ЦК ВКП(б), предполагавшим обсудить вопрос «О правом уклоне

в ВКП(б)», инициатором и вдохновителем которого были три члена Политбюро — председатель Коминтерна Бухарин, Председатель Совета Народных Комиссаров СССР Рыков и председатель Всесоюзного Совета Профессиональных Союзов Томский. Чувствовалось, что правооппортунисты не были уверены в победе своей фракции и хотели заручиться поддержкой сторонников Троцкого.

Стенограмма начиналась с общего вывода.

«Сокольников: Бухарин окончательно порвал со Сталиным и находится в трагическом положении.

Бухарин: Сталин — это Чингисхан и беспринципный интриган, который все подчиняет сохранению своей власти. Сталин знает одно средство — месть, и в то же время всаживает нож в спину. Поверьте, что скоро Сталин нас будет резать. Что касается политической линии Сталина, то она губительна для революции и ведет к гражданской войне. С ним мы можем пропасть.

Сокольников: Томский как-то, сидя за столом со Сталиным, сказал ему: «Наши рабочие в тебя стрелять начнут».

Бухарин: При Сталине и тупице Молотове, который учит меня марксизму и которого мы называем «Каменной задницей», ничего сделать нельзя.

Каменев: Каковы ваши силы?

Бухарин: Наши потенциальные силы огромны. Рыков, Томский, Угланов абсолютно наши сторонники. Я пытаюсь оторвать от Сталина других членов Политбюро, но пока получается плохо. Орджоникидзе не рыцарь. Ходил ко мне и ругательски ругал Сталина, а в решающий момент предал. Ворошилов с Калининым тоже изменили нам в последний момент. Я думаю, что Сталин держит их какими-то особыми цепями. Оргбюро ЦК ВКП(б) наше. Руководители ОГПУ Ягода и Трисиллер тоже. Андреев тоже за нас.

Свою главную политическую задачу я вижу в том, чтобы последовательно разъяснить членам ЦК губительную роль Сталина и подвести середняка-цекиста к его снятию.

Каменев: Но пока он смещает вас.

Бухарин: Что мы можем сделать? Снятие Сталина сейчас не пройдет в ЦК. Однако подготовка к этому идет. Планирую опубликовать в «Правде» статьи с критикой Сталина, а также доклад Рыкова, в котором поставим все точки над «i».

Неожиданно Бухарин впал в истерику и к удивлению Каменева закричал:

— Если страна гибнет, мы гибнем. Если страна выкручивается — Сталин вовремя поворачивает, и мы тоже гибнем. Что же делать? Не получив ответа от Каменева и внешне успокоившись, Бухарин обратился к Каменеву с просьбой:

— Я просил бы, чтобы вы с Зиновьевым одобрениями Сталина не помогали ему душить нас. Прошу вас сказать своим, чтобы они не нападали на нас».

О тайных операциях оппозиции Сталина информировали те же, кого

▲ На стройках первой пятилетки

▲ Строительство плотины ДнепроГЭС (30-е годы)

Бухарин пытался завербовать в свой лагерь и которые не поддавались на его уговоры. Другие дали согласие поддерживать Бухарина, но тут же, на всякий пожарный случай, доложили Сталину о готовящемся против него заговоре. Таким образом, Сталину точно было известно соотношение сил, выступающих против него. Однако он не знал, какую позицию занимает его жена в этой сложной политической игре. Последние факты, связанные с похоронами Иоффе, свидетельствовали о том, что оппозиция использует ее в своих интересах. Очевидно, это была попытка, кроме лобовой атаки, напасть на него и с тыла, разрушив дом и семью. Сталин почувствовал опасность и попытался сблизиться с женой, увести ее из-под оппортунистического влияния. Однако здесь он безнадежно опоздал. Надежда уже была очарована Бухариным и слушала только его. А Николай Иванович советовал ей не затягивать свой отъезд в Харьков и обещал устроить ее там на приличную и хорошо оплачиваемую работу. Поэтому, когда Иосиф Виссарионович попытался предупредить ее об опасности со стороны Бухарина, она только улыбалась.

— Ты всех в чем-то подозреваешь, — говорила Надежда. — В Кремле ты боишься, что у тебя хотят отнять власть, а дома ты боишься, что твоя жена стала оппортунисткой и ее хотят от тебя увести.

— Если не стала оппортунисткой, так можешь стать, — предупредил Иосиф Виссарионович. — Если не увели, то могут увести.

— Тогда ты и меня зарежешь, — парировала Надежда Сергеевна.

— А это откуда у тебя?

— Все говорят, — сказала Надежда. — Ты что, не слышал этого раньше?

Сталин вспомнил о недавней стенограмме, где Бухарин говорил Сокольникову, что он, Сталин, «скоро будет нас резать», и понял, до какого уровня уже удалось оппозиции обработать его жену.

***

Сказанная Надеждой фраза не была случайной. Бухарин подбросил ее специально, чтобы узнать, что известно Сталину о его недавнем разговоре с Каменевым. Сталин разгадал маневр и сказал, что впервые слышит эту глупость.

— А ты сама способна думать? — спросил Иосиф Виссарионович жену. — Или ты можешь только повторять, что сказали другие?

Сталину не хотелось вникать в тонкости женской психологии. Он

относился к Надежде, как испокон веков на Кавказе джигиты относились к женщинам. Вероятно, можно сказать, что он любил ее по-своему. Но кавказский менталитет всегда четко обозначал женский круг обязанностей, отделяя его от мужского. Там, на его родине, женщина не могла и не должна была вмешиваться в мужские дела. К тому ясе на их взаимоотношениях сказывались разница в возрасте и груз забот, которые лежали на нем, и разное отношение к жизни, и понимание окружающей обстановки, и оценка человеческих качеств, и многое, многое другое. Сталин оценивал окружающих его людей по роли, какую они играли в делах страны, а Надежда — по тому, как они относятся к ней лично. У них было разное отношение к жизни, и слишком мало того, что бы их объединяло.

Чтобы был мир и лад в семье, Надежде Сергеевне требовалось подняться на уровень мужа или ему опуститься на уровень жены. Ни тот, ни другая не могли и не хотели этого делать. Правда, существовала еще одна узкая дорога к счастью. Нужно было, чтобы Надежда Сергеевна увидела в своем муже великого человека, способного совершить то, что другим не под силу. Нужно было понять, что судьба определила ей великую роль — быть рядом с человеком, способным преобразовать мир. Но она не могла. Она считала себя образованной и интеллигентной женщиной, закончившей курсы благородных девиц, а его (как постоянно говорили в семье Бухарина) грубым и невежественным сыном сапожника. Она считала свое замужество неудавшимся. Ее раздражало, что в газетах печатаются его статьи и портреты, а преподаватели академии ссылаются на его высказывания. Однажды свое возмущение по этому вопросу она высказала Бухарину, и он нашел ответ на то, чего она не могла понять.

— У него власть, — сказал Николай Иванович, — он захватил ее и пользуется ею. Желающих идти против власти нет. Все боятся. Троцкий было пошел и сломал себе шею. Пойдем мы — нас ждет та же участь.

После такого объяснения, все, как ей казалось, объясняющего, вражда к мужу возросла еще сильнее. Поэтому на его вопрос, способна ли она думать, она тут же с раздражением ответила:

— Я способна думать, а у кого много власти, тому думать не требуется. Сила есть — ума не надо.

Во время разговоров с женой у Сталина всегда было ощущение, что он говорит с человеком, который его не слышит. А редкие попытки что-то объяснить, понять, поговорить о том, что ее волнует и что она хочет, ни к чему не приводили.

Жена Жданова называла ее «душевно больной», так как «не было причин ей томиться и страдать». Возможно, так и было, и этим пользовались его противники. ■

▲ Призыв РККА

М.М. КОЗЛОВ

ГЕНЕРАЛ АРМИИ А.И. АНТОНОВ

▲ А.И. Антонов в Генеральном штабе

Имя генерала армии Антонова Алексея Иннокентьевича по праву стоит в ряду выдающихся советских военачальников. Выращенный Коммунистической партией, он прошел суровую школу борьбы по защите социалистического Отечества и внес значительный вклад в строительство Советских Вооруженных Сил, совершенствование структуры Генерального штаба и войсковых штабов, в развитие советского военного искусства. Особенно широко и всесторонне раскрылся его талант в годы Великой Отечественной войны на посту первого заместителя и начальника Генерального штаба. Разработанные при его непосредственном участии планы военных кампаний и стратегических операций, проведенных в 1943-1945 гг., служат ярким примером творческого подхода к решению сложных задач стратегического планирования, руководства войсками действующей армии.

Козлов Михаил Михайлович (1917-2004), советский военачальник, генерал армии (1979), профессор. Родился 23 октября (5 ноября) 1917 г. в селе Староселявино Тамбовской губернии. На военной службе с 1936 г. После окончания в 1939 г. Тамбовского пехотного училища командовал учебным взводом, с октября 1940 г. старший адъютант учебного батальона. На фронтах Великой Отечественной войны с октября 1941 г. Воевал на Южном фронте в должности заместителя начальника штаба стрелкового полка. С февраля 1942 г. воевал на Воронежском, 1-м и 2-м Украинских фронтах, находясь на штабных должностях. С октября 1944 г. и до конца войны — начальник штаба 232-й стрелковой дивизии. После войны, с августа 1945-го по июнь 1946 г. заместитель начальника оперативного отдела штаба армии. В 1949 г. окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. С 1949-го по 1953 г. службу проходил в Генеральном штабе ВС СССР. После окончания в 1955 г. Высшей военной академии им. К. Е. Ворошилова назначен начальником отдела оперативной подготовки штаба Северо-Кавказского военного округа. Затем последовательно занимал должность начальника оперативного управления штаба Киевского военного округа и Группы советских войск в Германии. С 1967 г. начальник штаба Забайкальского военного округа. С мая 1968 г. 1-й заместитель начальника, а с октября 1969 г. начальник Главного оперативного управления Генерального штаба — заместитель начальника Генерального штаба ВС СССР и одновременно секретарь Главного Военного Совета обороны СССР. С марта 1974 г. 1-й заместитель начальника Генерального штаба ВС СССР.В январе 1979 г. назначен начальником Военной академии Генерального штаба ВС СССР им. К. Е. Ворошилова. Имея многолетний опыт штабной работы и обладая глубокими теоретическими знаниями по оперативной подготовке крупных штабов, внёс весомый вклад в формирование у слушателей штабной культуры, поддержание постоянной боевой и мобилизационной готовности войск (сил) и органов управления. Плодотворно занимался совершенствованием учебно-методической и научно-исследовательской работы. Главный редактор первой в СССР энциклопедии «Великая Отечественная война» (1985). С 1986 г. в Группе генеральных инспекторов МО СССР. С 1992 г. в отставке. Награждён 2 орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, 2 орденами Красного Знамени, орденами Богдана Хмельницкого 2-й и 3-й ст., Александра Невского, 2 орденами Отечественной войны 1-й ст., 3 орденами Красной Звезды, орденом «За службу Родине в ВС СССР» 3-й ст., медалями, а также иностранными орденами и медалями. Умер в Москве 15 марта 2004 г. Похоронен на Троекуровском кладбище.

***

Алексей Иннокентьевич Антонов родился 15 сентября 1896 года в белорусском городе Гродно в семье военнослужащего. Рано лишившись родителей, он переехал в Петроград, где учился сначала в гимназии, затем в университете и одновременно работал на заводе. В 1916 году был призван в армию и направлен в Павловское военное училище. После окончания ускоренных курсов получил чин прапорщика и был зачислен в егерский полк. Начало боевой службы Алексея Иннокентьевича совпало с бурными днями революционных событий, в которых он принял непосредственное участие.

С большим воодушевлением встретил Алексей Иннокентьевич Великую Октябрьскую социалистическую революцию, которая коренным образом изменила всю его дальнейшую жизнь. В разгар Гражданской войны, когда над молодой Советской республикой нависла суровая опасность, А. И. Антонов вступил в ряды Красной Армии. Начав войну помощником начальника штаба 1-й Московской рабочей дивизии на Южном фронте, он закончил ее в должности начальника штаба бригады 15-й стрелковой дивизии.

После окончания Гражданской войны А. И. Антонов, находясь на штабной работе, усердно совершенствует свою военную подготовку. Важным событием в его жизни явился 1928 год: он был принят в ряды Коммунистической партии и поступил на учебу в Военную академию имени М. В. Фрунзе. После окончания академии он проходил практику в должности начальника штаба 46-й стрелковой дивизии, а затем снова учился — теперь уже на одногодичных высших курсах оперативного факультета Военной академии имени М. В. Фрунзе. Завершив учебу, успешно работал на различных штабных должностях: начальника штаба дивизии, укрепленного района, начальника оперативного отдела штаба Харьковского военного округа.

Учитывая способности Алексея Иннокентьевича к оперативной работе, командование округа направило его в открывшуюся в 1936 году академию Генерального штаба РККА, которая готовила высшие командные кадры для Советских Вооруженных Сил. Здесь он приобрел хорошие навыки оперативно-стратегического мышления. Накануне войны его направляют в Киевский Особый военный округ на должность заместителя начальника штаба округа по организационно-мобилизационной работе.

В августе 1941 года генерал-майор А. И. Антонов стал начальником штаба Южного фронта. В сложной и напряженной обстановке осуществлялось руководство войсками. Именно в этих условиях ярко проявились его деловые качества: оперативность, умение быстро и правильно разбираться в противоречивой обстановке и находить верные решения, четкость постановки задач подчиненным, организованность в работе, высокая штабная культура и исполнительность, которые были замечены в Генеральном штабе. Поэтому, когда в июле 1942 года резко обострилась обстановка на южном крыле советско-германского фронта и потребовалось усиление руководства войсками, решением Ставки ВГК генерал-лейтенант А. И. Антонов возглавил сначала штаб Северо-Кавказского фронта, а затем Черноморской группы войск. В начале ноября этого же года он становится начальником штаба Закавказского фронта.

В декабре 1942 года по рекомендации А. М. Василевского А. И. Антонов был назначен первым заместителем начальника Генерального штаба и начальником Оперативного управления (за полгода до назначения Антонова из-за недостаточно хорошо организованной работы начальники Оперативного управления сменились семь раз). В его жизни и деятельности начался новый, наиболее насыщенный событиями большого значения период, в ходе которого всесторонне раскрылись его дарования.

Важнейшей задачей Генерального штаба являлось руководство войсками действующей армии, планирование кампаний и стратегических операций, всестороннее обеспечение функционирования Ставки Верховного Главнокомандования. Роль первого заместителя начальника Генерального штаба и начальника Оперативного управления в выполнении этих функций была исключительно ответственной. И. В. Сталин сначала присматривался к А. И. Антонову, проверял деловые качества. С прибытием в Генштаб он направил его в действующую армию в помощь А. М. Василевскому, который, являясь представителем Ставки, координировал действия войск на воронежско-курском и харьковском направлениях.

В конце марта 1943 года А. И. Антонов возвратился в Генеральный штаб. Доложив Верховному Главнокомандующему результаты проведенных операций, он сделал четкие выводы о сложившейся обстановке на орловском и харьковском направлениях и изложил соображения Генштаба о перспективе дальнейших действий войск на Курской дуге. И. В. Сталин остался доволен его работой. Алексею Иннокентьевичу было оказано большое доверие: вместе с начальником Генерального штаба А. М. Василевским он начал работать непосредственно в Ставке. В мае 1943 года ему было присвоено воинское звание генерал-полковник.

«Отличная теоретическая подготовка, высокие организаторские способности, ясный ум и большая выдержка наряду с выдающимся оперативным дарованием А. И. Антонова, — отмечает С. М. Штеменко, — предвещали, казалось, длительное пребывание его у кормила Оперативного управления. Но в отсутствие А. М. Василевского, а оно становилось все чаще и длительнее, на плечи Алексея Иннокентьевича ложился непомерный груз обязанностей начальника Генерального штаба. Исполнять одновременно две такие тяжелые должности, да еще во время войны, было не под силу даже Антонову. Убедившись в этом, Ставка освободила его от непосредственного руководства Оперативным управлением, что позволило Алексею Иннокентьевичу практически возглавить Генеральный штаб, конечно поддерживая самый тесный контакт с А. М. Василевским, постоянно информируя его о всем существенном и получая взамен соответствующие указания, советы, поддержку».

На посту первого заместителя начальника Генерального штаба А. И. Антонов принимал самое активное участие в разработке замыслов, планировании, подготовке кампаний и стратегических операций, в руководстве войсками фронтов в ходе их проведения. Каждая из них была победоносно завершена советскими войсками. Особенно большой успех был достигнут в битве под Курском. В августе 1943 года Совет Народных Комиссаров СССР, учитывая личный вклад А. И. Антонова в подготовку

▲ А.И. Антоно, 30-е годы

▲ Генерал-лейтенант А.И. Антонов, 1943 г.

и проведение этой битвы, присвоил ему высокое воинское звание генерал армии.

Вслед за Курской битвой Ставка спланировала и успешно провела зимнюю кампанию 1944 года, в результате которой были разгромлены крупные группировки противника под Ленинградом и Новгородом, на Правобережной Украине и в Крыму. Важную роль сыграл А.И. Антонов в разработке стратегического плана летне-осенней кампании 1944 года, отличавшейся еще более решительными целями и невиданным до сих пор размахом.

Целеустремленная и плодотворная работа А.И. Антонова в Генеральном штабе создала ему высокий авторитет в Вооруженных Силах, в Ставке, во фронтах и армиях. Когда в феврале 1945 года встал вопрос о назначении начальника Генерального штаба в связи с переходом А.М. Василевского на командную работу (командующим 3-м Белорусским фронтом), на этот высокий пост была предложена кандидатура Алексея Иннокентьевича. Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин, отмечает А.М. Василевский, дал согласие на это потому, «что Генеральный штаб к тому времени уже имел у себя, в лице А.И. Антонова, кандидата на эту должность, вполне подготовленного, прошедшего хорошую штабную школу и заслужившего за последние полтора года своей работы в должности первого заместителя начальника Генерального штаба высокий авторитет не только в Вооруженных Силах, но и в Центральном Комитете партии, в ГКО и в Ставке».

Одновременно с назначением начальником Генерального штаба А.И. Антонов постановлением ГКО был включен в состав Ставки. Круг его обязанностей расширился.

Под руководством А.И. Антонова была проведена большая и напряженная работа по планированию и подготовке стратегических операций завершающей кампании в Европе (Восточно-Прусской, Висло-Одерской, Восточно-Померанской, Венской, Берлинской, Пражской и др.). Почти все они готовились в сжатые сроки. Общий замысел начал складываться еще в ходе летне-осеннего наступления советских войск в 1944 году. Учитывая возросшие военно-экономические возможности страны, боевую мощь Вооруженных Сил, искусство военачальников и мастерство войск, завершающая кампания планировалась с решительными целями. Конечной целью ее операций (прежде всего Берлинской) явился сокрушительный разгром вермахта и безоговорочная капитуляция фашистской Германии. Важной заслугой Алексея Иннокентьевича в подготовке этой кампании было то, ‘что он лично увязывал, решал все важнейшие вопросы стратегического планирования и успешно справился с этой сложной и ответственной задачей.

Большой вклад внес А.И. Антонов в разработку и планирование Дальневосточной кампании. Богатый опыт, накопленный Советским Верховным Главнокомандованием в борьбе с агрессором на западном фронте, позволил скрытно подготовить и нанести мощный сокрушительный удар по Квантунской армии. В короткие сроки отборная группировка, составлявшая, по сути дела, ядро сухопутных войск вооруженных сил Японии, была полностью разгромлена. Япония капитулировала.

После Великой Отечественной войны А.И. Антонов проводил большую работу по дальнейшему укреплению Советских Вооруженных Сил, развитию боевого сотрудничества между армиями социалистических стран. До ноября 1948 года он — начальник, затем первый заместитель начальника Генерального штаба. С ноября 1948 по апрель 1954 года — первый заместитель и командующий войсками Закавказского военного округа. В апреле 1954 года Алексей Иннокентьевич снова возвратился в Генеральный штаб на должность первого заместителя начальника и члена коллегии Министерства обороны СССР. В мае 1955 года по рекомендации

Центрального Комитета КПСС и Советского правительства ему было оказано высокое доверие руководителями социалистических стран: он был назначен начальником штаба Объединенных вооруженных сил государств — участников Варшавского Договора. На этом посту Алексей Иннокентьевич проработал до конца своей жизни.

На всех постах, доверенных Военно-политическим руководством страны, А. И. Антонов внес большой вклад в развитие советского военного искусства. Особенно ярко проявился его оперативно-стратегический талант во время работы в Генеральном штабе. Характерными чертами его деятельности в этот период явились: глубокая и всесторонняя оценка стратегической обстановки в интересах обоснования выбора направления главного удара; тщательный учет всех факторов при выработке замысла кампаний и стратегических операций; стремление обеспечить достижение стратегической внезапности нанесения удара по врагу; высокая штабная культура и четкая организованность в работе; тесная увязка теоретических положений с практикой, глубокое изучение опыта войны и оперативное внедрение его в боевые действия войск; предельная осмотрительность и партийная принципиальность в военно-дипломатической работе и др.

Одной из главных черт в оперативной работе А. И. Антонова выделялась глубокая и всесторонняя оценка обстановки в интересах обоснования выбора направления главного удара в кампаниях и стратегических операциях. С апреля 1943 года он лично готовил исходные данные по этим вопросам для Ставки. Доклад Генерального штаба являлся основой для принятия Верховным Главнокомандующим стратегического решения. Так, при разработке плана Курской битвы высказывались различные мнения о выборе направления главного удара при переходе советских войск в контрнаступление после отражения удара немецко-фашистских войск. Командование Воронежского фронта предлагало наступать в направлении Харьков, Днепропетровск с последующим выходом на рубеж Кременчуг, Херсон, что давало возможность разгромить группу армий «Юг», освободить важные промышленные районы (Донбасс и Харьков) и приблизиться к нашим южным границам, что ускоряло выход из войны Румынии и Болгарии.

Генеральный штаб тщательно изучил этот план. Докладывая в Ставке свое заключение по нему, Алексей Иннокентьевич отметил, что наряду с положительными факторами он имеет ряд недостатков. Главный из них заключается в том, что в нем не затрагивается центр советско-германского фронта. При ударе советских войск в южном направле-

▲ Берлин, 1945 год, Антонов крайний справа

▲ В центре А.И. Антонов, Берлин, Потсдам

нии мощная группа армий «Центр» постоянно будет угрожать северному крылу нашей стратегической группировки. Кроме того, в плане остается в стороне киевское направление — важное в политическом и военном отношении. Генштаб выдвинул свою идею нанесения главного удара в направлении Киева. Обосновывая ее, А.И. Антонов своими расчетами доказал Верховному Главнокомандующему, что здесь, как и при наступлении на Днепропетровск, выводится из строя группа армий «Юг» и открывается перспектива развития наступления в западном направлении. С выходом советских войск к Карпатам расчленяется стратегический фронт противника, нарушается взаимодействие между его главными группировками, возрастают возможности для последующих действий советских войск (в том числе на центральном направлении). Ставка согласилась с идеей Генерального штаба.

Важная черта деятельности А.И. Антонова — учет всех факторов, от которых зависит успех выработки замысла и тщательность подготовки кампаний и стратегических операций. Ярким примером этому может служить подготовка Белорусской операции. «Алексей Иннокентьевич взял на себя нелегкий труд, — отмечает С.М. Штеменко, — лично разработать основы плана решающего наступления в летней кампании 1944 года, то есть Белорусской стратегической операции, получившей кодовое наименование «Багратион». По первоначальному замыслу конечной ее целью ставилось: ликвидация так называемого белорусского балкона в обороне противника и выход советских войск на рубеж Десна, Молодечно, Столбцы, Старобин. Предусматривались разгром фланговых группировок врага и развитие успеха по сходящимся направлениям на Минск. Все силы четырех фронтов (1-го Прибалтийского, 1, 2 и 3-го Белорусских) нацеливались лишь на группу армий «Центр». В общей сложности против 42 вражеских дивизий, оборонявших белорусский балкон, должны были наступать 77 наших стрелковых дивизий, три танковых, один механизированный и один кавалерийский корпуса. Считалось, что такие силы могли гарантировать выполнение замысла операции.

Однако при дальнейшем расчете выявилось, что группа армий «Север» может оказать существенную помощь группе армий «Центр», а слабый 2-й Прибалтийский фронт окажется не в состоянии надежно сковать противостоящего противника, т.е. войска группы армий «Север». По мере уточнения сил и средств противника корректировался план операции. Основываясь на заключении Генерального штаба (которое представил А.И. Антонов), Ставка ВГК окончательно сформулировала замысел операции и определила

войскам более решительные цели — окружить и уничтожить в районе Минска основные силы группы армий «Центр». Наша ударная группировка была значительно усилена и доведена до такого состава, который позволил успешно справиться с поставленной задачей.

Координировавший вместе с А. М. Василевским усилия войск, действовавших на данном направлении, Г. К. Жуков отмечает, «что наш Генеральный штаб в этот период стоял на большой высоте в искусстве планирования крупных стратегических наступательных операций». В этом большая заслуга принадлежала А. И. Антонову.

Характерной чертой деятельности Алексея Иннокентьевича было стремление обеспечить достижение стратегической внезапности нанесения удара по врагу. Для этой цели Генеральный штаб проводил целый комплекс мероприятий. К важнейшим из них можно отнести организацию скрытности подготовки операций и дезинформации противника.

В качестве примера здесь также можно привести подготовку Белорусской операции. В разработке плана принимали участие А. М. Василевский, А. И. Антонов, С. М. Штеменко и соответствующие направления Оперативного управления. Все работы, связанные с подготовкой операции, проводились скрытно. Генеральный штаб подготовил специальный план оперативной маскировки и строго контролировал его выполнение войсками и штабами. Перегруппировка войск осуществлялась только ночью, а вывод ударных группировок в исходные районы — лишь накануне наступления. Дополнительно включенные в состав 3-го и 1-го Белорусских фронтов танковые армии прибывали: 5 ТА — к началу, а 2 ТА — в ходе операции. Рекогносцировка проводилась в строгом режиме обороны. Все материально-технические запасы накапливались заблаговременно и тщательно маскировались от противника. Не допускались никакие телефонные и радиопереговоры, а также какая-либо переписка, касающиеся предстоящей операции. Все мероприятия на переднем крае, в тактической и оперативной глубине проводились только под видом укрепления обороны, что притупляло бдительность врага.

Приступая к разработке плана операции, А. И. Антонов большое внимание уделял мероприятиям по дезинформации противника. Одну из первоочередных задач Генерального штаба он видел в том, чтобы как-то «убедить» гитлеровское руководство в подготовке советским командованием летом 1944 года главного удара на юге и в Прибалтике. В связи с этим в начале мая командующим 3-м Прибалтийским

▲ С.М. Штеменко и А.И. Антонов

▲ Вручение ордена Ленина

и. 3-м. Украинским фронтами были отданы соответствующие распоряжения о создании ложных, районов и имитации сосредоточения в них крупных группировок войск (стрелковых, танковых и артиллерийских соединений). Это сильно настораживало гитлеровское руководство, вводило его в заблуждение. Важную роль в дезинформации противника играло оставление на юго-западном направлении почти до начала Белорусской операции всех шести танковых армий. Вражеская разведка строго следила за ними и делала определенные выводы: поскольку они остаются на этом направлении, советское командование вероятнее всего здесь и предпримет наступление летом 1944 года. Исходя из этого, руководство вермахта из 34 танковых и моторизованных дивизий, находившихся на всем советско-германском фронте, 24 продолжало держать южнее Припяти. Определенную роль в дезинформации противника сыграла разведка боем, проведенная по распоряжению Генерального штаба на широком фронте. Немецко-фашистское командование так и не смогло выявить направление главного удара советских войск в начале их наступления, что способствовало быстрому разгрому оборонительной группировки врага в его тактической зоне.

Важнейшими чертами оперативной и организаторской деятельности А.И. Антонова были высокая штабная культура и четкая организованность в работе, личная дисциплинированность и исполнительность, постоянная требовательность к себе и подчиненным, опора на коллектив и личная ответственность за порученное дело. Прибыв в Генеральный штаб, А.И. Антонов стал прививать эти качества всему коллективу. Необходимо отметить, что до его назначения в Генеральный штаб И.В. Сталин считал (по свидетельству А.М. Василевского) штабную работу канцелярским делом, не всегда выслушивал соображения его руководящих работников. Однако Алексей Иннокентьевич, опираясь на поддержку А.М. Василевского, сумел повлиять на изменение этого мнения. Изучив распорядок дня Генерального штаба, он нашел большие резервы для повышения эффективности его работы. Об этом было доложено Верховному Главнокомандующему, и по его решению установлен четкий и в то же время жесткий регламент работы всех управлений и должностных лиц при подчинении ее главным образом интересам Оперативного управления, которое всецело работало на Ставку. «И.В. Сталин, — отмечает С.М. Штеменко, — установил порядок круглосуточной работы Генштаба и лично регламентировал время его руководящего состава. Например, заместителю начальника Генштаба, на пост

которого в декабре 1942 года прибыл А. И. Антонов, полагалось находиться при исполнении своих обязанностей по 17-18 часов в сутки. На отдых ему отводилось время с 5-6 часов утра до 12 дня. А мне, занимавшему с мая 1943 года должность начальника Оперативного управления, отдыхать разрешалось с 14 до 18-19 часов. Точно так же были расписаны часы работы и отдыха для всех других руководящих работников».

По установленному распорядку работа Генерального штаба и полевых управлений фронтов (отдельных армий) строго сочеталась с работой Ставки. Более слаженной и четкой стала она и в самом Генеральном штабе, что значительно повысило его роль и компетентность. И. В. Сталин уже не принимал ни одного оперативного решения без предварительной проработки его в Генеральном штабе. Все это способствовало повышению качества и оперативности руководства действующей армией.

Большое внимание А. И. Антонов придавал совершенствованию штабной службы и повышению ее культуры. Он, отмечает Г. К. Жуков, кроме всех своих других достоинств, обладал блестящим умением оформления материала. В его работе не было мелочей. Так, прибыв в Генеральный штаб, Алексей Иннокентьевич установил, что оперативные карты ведутся неоднообразно, обстановка на них наносится несогласованно, на каждом направлении по-разному. Посоветовавшись с товарищами, он определил единый порядок их ведения, для чего были установлены условные цвета и знаки для определенного времени и вида боевых действий. Это позволяло карту любого направления читать без пояснений, что избавляло генералов и офицеров от многих непроизводительных потерь времени и, главное, ограждало от ошибок. Принцип краткости, четкости и выразительности Алексей Иннокентьевич требовал неукоснительно соблюдать при оформлении и других оперативных документов, что стало нормой работы всех сотрудников Генерального штаба.

Все это оказало влияние на повышение четкости функционирования всего большого коллектива, каким являлся Генеральный штаб. В свою очередь его слаженная работа обеспечивала Ставке ВГК успешное решение ее задач, что в целом значительно повышало уровень стратегического руководства Вооруженными Силами. «Большой труженик и блестящий знаток штабной службы, — отмечает С. М. Штеменко, — Алексей Иннокентьевич крепко держал в своих руках все нити оперативного руководства боевыми действиями многомиллионной армии».

А. И. Антонов уделял пристальное внимание обобщению и изучению опыта войны, оперативному доведению его до войск. Еще в 1942 году в Генеральном штабе на базе отделения оперативной подготовки был создан отдел по использованию опыта войны. Он выпускал Сборники материалов, имевших главной целью «довести до войск действующей Красной Армии, резервных формирований, военных академий и командного состава главных и центральных управлений Народного Комиссариата Обороны опыт боевых действий Великой Отечественной войны». По инициативе Алексея Иннокентьевича в марте 1944 года

▲ Де Голь награждает военачальников Красной Армии

▲ Крым, позади Сталина Антонов

на базе этого отдела было развернуто управление по использованию опыта войны, которое выпускало Сборники и Информационные бюллетени.

Опыт войны находил свое отражение в уставах, наставлениях и различного рода общевойсковых инструкциях. Кроме того, на основании обобщения опыта издавались Ставкой ВГК, Генеральным штабом директивы по важнейшим проблемным вопросам военного искусства: способам подготовки и ведения операций (боевых действий), управлению войсками, оперативной маскировке, инженерному оборудованию местности и другим вопросам. Так теория, обогащенная опытом, преломлялась в практике боевых действий войск.

Важным участком деятельности А. И. Антонова в годы Великой Отечественной войны и в послевоенные годы была его военно-дипломатическая работа. Ее отличительными чертами являлись классовая принципиальность, высокая культура, осмотрительность и обоснованность. Широкий круг задач приходилось решать Генеральному штабу по развертыванию иностранных формирований дружественных нам стран на территории СССР и их боевому применению на советско-германском фронте. После Тегеранской конференции 1943 года большое развитие получило взаимодействие Советских Вооруженных Сил с союзными армиями, что также повлияло на возрастание объема работы. Встречи А. И. Антонова с начальниками и представителями миссий и различного рода военными делегациями, военно-дипломатическая переписка стали обычным делом. «Согласованные на таких встречах вопросы, — отмечает С. М. Штеменко, — выносились затем на решение Ставки». Все выводы и предложения по ним строго основывались на соответствующих решениях Центрального Комитета партии и Советского правительства. После принятия Ставкой решения по тем или иным вопросам они неуклонно проводились в жизнь. По Генеральному штабу почти все военно-дипломатические документы начиная с 1943 года оформлялись, как правило, за подписью А. И. Антонова.

Как известно, огромную роль в деятельности антигитлеровской коалиции играли конференции руководителей трех великих держав — СССР, США и Великобритании. На них принимались основные решения, определявшие характер, время и силы предстоящих операций, направления главных ударов союзных

армий и районы сосредоточения основных усилий. На двух из них: Крымской (Ялтинской) и Берлинской (Потсдамской) — генерал А. И. Антонов входил в состав советской делегации и являлся главным военным советником И. В. Сталина. Он готовил военные вопросы для главы советской делегации, делал доклады с анализом военно-стратегической обстановки и прогнозом ее развития, вел переговоры в различных комиссиях и на встречах с военными представителями союзников. Со своими задачами на этом поприще Алексей Иннокентьевич справлялся успешно. Этому способствовала его широкая эрудиция, высокий уровень военной подготовки и политический кругозор, богатая практика оперативной работы и приобретенные в Генеральном штабе навыки стратегического мышления. Он был в курсе всех событий на фронтах войны, хорошо знал возможности противоборствующих сторон, точно анализировал обстановку и четко формулировал выводы по ней. К этому необходимо еще добавить, что к каждой конференции Алексей Иннокентьевич долго и тщательно готовился, «прорабатывая различные варианты той или иной ситуации, которая могла возникнуть на конференции, изучал документы и запасался справками. Насколько мне известно, — отмечает С. М. Штеменко, — глава делегации был доволен его работой».

В довоенное время в служебных аттестациях вышестоящие начальники Антонова подчеркивали его умение применять свой опыт штабной работы и безошибочно разрешать вопросы, широкую инициативу, сообразительность, способность умело разобраться в сложной обстановке, выносливость в походной жизни, аккуратность и настойчивость.

Интересны и заслуживают внимания отзывы современников об А. И. Антонове. Авиаконструктор А. С. Яковлев: «Этот культурный и образованный человек производил очень благоприятное впечатление. Антонов был очень близок к Сталину, который считался с его мнением, питал к нему явную симпатию и доверие, проводил вдвоем с ним долгие часы, обсуждая положение на фронтах и планируя будущие операции. Антонов держался просто, без высокомерия и гонора. Он был всегда скромно одет — защитная гимнастерка, бриджи, сапоги, и только генеральские погоны выдавали его высокое положение в армии».

С. М. Штеменко: «Алексей Иннокентьевич был человеком исключительным. Его отличительными чертами являлись прежде всего высокая эрудиция, общая и особенно военная культура, которые проявлялись в широте и глубине подхода ко всем вопросам работы, в речи, поведении, отношении к людям. За шесть лет совместной работы в Генеральном штабе мне ни разу не приходилось видеть его «вышедшим из себя», вспылившим, обругавшим кого-то. Он обладал удивительно ровным, уравновешенным характером, ничего, однако, общего не имевшим с мягкотелостью. Уравновешенность и задушевность у Антонова сочетались с редкой твердостью и настойчивостью, я бы сказал, даже с некоторой сухостью в официальных делах. Он не терпел верхоглядства, спешки, недоделок и формализма. На поощрения он был скуп, и заслужить их могли лишь люди думающие, инициативные, точные и безукориз-

▲ Крымская конференция, справа от Сталина Антонов

ненные в работе. Он очень ценил время и тщательно его планировал».

Член Военного Совета Северо-Кавказского фронта С. М. Ларин называл А. И. Антонова «Ледяным сфинксом».

Р.Я. Малиновский, в 1942 году заместитель командующего войсками Северо-Кавказского фронта: «Антонов, несомненно, обладал незаурядными организаторскими способностями, гениальным постижением замыслов противника и умением хитроумно разрушать эти замыслы».

Сослуживцы характеризовали А. И. Антонова как человека светлого ума, ровным, прямым, внимательным и чутким. Будучи очень аккуратным, зная цену времени, требовал этого и от других. Его возмущала грубость и недобросовестность, ложь, неуважение к человеческому достоинству.

Алексей Иннокентьевич был человеком разносторонних интересов. Культурная жизнь страны, наука, литература, искусство глубоко интересовали его. Он следил за новинками политической, военной, научной, художественной литературы, постоянно пополняя свою библиотеку, в которой отразилось всё многообразие его интересов. Любил поэзию, музыку, театр, кино. Путешествия, охота, спорт — лыжи, гребля, волейбол — были его любимым отдыхом.

Советская Родина высоко оценила заслуги А. И. Антонова по руководству боевыми действиями войск (сил) в период Великой Отечественной войны и в деле повышения боевой готовности Вооруженных Сил СССР в послевоенные годы. Он награжден высшим военным (полководческим) орденом «Победа», тремя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова I степени, орденами Кутузова и Отечественной войны I степени, боевыми медалями. Он был награжден высшими военными орденами Польши, Франции, Чехословакии, Югославии, США, Монголии, Болгарии. Умер Алексей Иннокентьевич 18 июня 1962 года. Похоронен на Красной площади в Москве, у Кремлевской стены. Вся его жизнь — яркий пример беззаветного служения своей Родине. В памяти народной он остался выдающимся и талантливым военачальником, сочетавшим в себе партийную принципиальность с высокой компетентностью, профессиональное мастерство с постоянным тяготением к самоусовершенствованию, дисциплинированность и строгую ответственность за порученное дело с творческой инициативой, отзывчивым и неутомимым в работе на благо нашей великой Родины.

▲ А.И. Антонов

От редакции. В 2003 году ряд крупных советских и российских военных деятелей (Маршалы Советского Союза С. Л. Соколов, Д. Т. Язов, В. Г. Куликов, В. И. Петров, генералы армии А. И. Грибков, В. И. Варенников и М. А. Гареев), обратились к нынешнему главковерху- президенту России Путину В. В. с оставшимся без ответа письменным ходатайством о присвоении генералу армии А. И. Антонову звания Героя Российской Федерации (посмертно). В обращении, в частности, было указано: «Антонов в буквальном смысле „сгорел на работе". Генерал армии Антонов являлся единственным генералом, который был удостоен ордена Победы, но его фамилия не упоминается в длинных списках военачальников, имевших особые заслуги перед Родиной. А. И. Антонов не стал ни Маршалом Советского Союза, ни Героем Советского Союза, хотя вполне этого заслуживал». ■

М. КАРЫШЕВ, военный корреспондент

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ БУНКЕРА

▲ Бункер

9 мая, в праздник Победы, собираются друзья фронтовики. Вспоминают войну, боевых товарищей, рассматривают пожелтевшие от времени фотографии. Вот одна из них: разрушенное, еще дымящееся здание фашистского рейхстага. Внизу дата — 4 мая 1945 года. Этот день военному корреспонденту армейской газеты Карышеву особенно памятен. Накануне, 3 мая, он получил от редактора армейской газеты «Боевой натиск» полковника А.П. Карбовского задание — поехать в только что взятый нашими войсками Берлин и привезти материал о советских воинах, водрузивших Знамя Победы над рейхстагом.

— Постарайтесь, — сказал в заключение редактор, — побывать в здании имперской канцелярии, если оно уцелело, побеседуйте с нашими командирами, узнайте, кто из гитлеровских главарей захвачен в плен.

***

4 мая чуть свет наш редакционный «пикап» остановился у стен рейхстага. Собрав необходимый материал о водружении Знамени Победы, мы отправились к имперской канцелярии. Но побывать в бункере, где всего лишь несколько суток назад укрывались Гитлер и его клика, к сожалению, не удалось. Не помогли ни корреспондентские документы, ни наши убедительные просьбы: советский офицер, к которому мы обратились, был неумолим. Он сказал, что помещение сильно пострадало, находится в аварийном состоянии и заходить в него нельзя. Никаких интересных подробностей об обитателях имперской канцелярии, их судьбе узнать тогда мы не смогли.

И все-таки «знакомство» с ними у меня произошло. Случилось это позднее...

После войны состоялось несколько судебных процессов над гитлеровскими генералами, привлеченными к уголовной ответственности за совершенные ими преступления против советского народа. В конце апреля — начале мая 1945 года некоторые из них находились в ставке Гитлера, в подземном бункере, или посещали его в дни агонии фашистской Германии. Мне предоставилась

▲ Ганс Раттенхубер

▲ Фосс

возможность ознакомиться с материалами этих процессов, а на ряде из них присутствовать. Из всего этого хотелось бы выделить показания очевидцев о том, что происходило в бункере в его последние дни.

К числу таких очевидцев относятся несколько приближенных и доверенных лиц Гитлера. Прежде всего это начальник его личной охраны генерал-лейтенант войск СС и полиции Раттенхубер, оставшийся, по его словам, до конца верным своему фюреру, телохранителем которого был с 1933 года. До последней минуты он находился в бомбоубежище под зданием новой имперской канцелярии и лишь после самоубийства фюрера, поздним вечером 1 мая 1945 года, покинул подземелье, рассчитывая пробиться на запад. Но это ему не удалось. 2 мая Раттенхубер был взят в плен.

На суде он подтвердил, что в свое время служил в баварской полиции и участвовал в 1919 году в ликвидации Баварской советской республики, в уничтожении ряда ее руководителей. С Гитлером он познакомился еще в 1920 году, когда баварское правительство заключило будущего фюрера в ландсбергскую тюрьму за организацию путча с целью захвата власти в Баварии. Раттенхубер находился в числе полицейских, несших охрану арестованного. Отношение к Гитлеру было снисходительным. Это позволило ему здесь, за решеткой, написать «Майн кампф» — программную книгу, в которой изложены людоедские планы завоевания мира. После захвата Гитлером власти Раттенхубер некоторое время был адъютантом Гиммлера, а затем стал бессменным телохранителем фюрера. В 1941–1943. годах Раттенхубер сопровождал Гитлера в поездках на советско-германский фронт — в Винницу и другие города.

Группенфюрер СС Раттенхубер (этого высокого чина в фашистской партии он был удостоен в 1945 году) пытался отрицать свою причастность к массовым репрессиям в отношении советских граждан, в частности в Виннице, когда там находилась ставка Гитлера. И лишь под давлением неопровержимых фактов он вынужден был признать предъявляемые ему обвинения правильными.

Да, заявил Раттенхубер, во время поездок с Гитлером на советско-германский фронт он «принимал меры в целях безопасности фюрера». Эти меры означали следующее: все жители из ближайших сел и деревень выселялись и удалялись на значительное расстояние. Всюду рыскали тайные агенты, задерживали «подозрительных» (а ими оказывалось большинство советских людей), передавали их в тайную полицию СД. А оттуда, как правило, они уже не возвращались.

Занимая руководящий пост при фашистском правительстве Германии в «имперской службе безопасности» и в преступной организации СС, Раттенхубер в своей практической деятельности проявлял активность и личную инициативу, за что не раз

награждался фашистскими руководителями. Лично Гитлер вручил ему золотой значок НСДАП, а Гиммлер — именное серебряное кольцо с надписью: «Моему любимому Раттенхуберу».

Не менее колоритна фигура вице-адмирала Фосса. Этот матерый фашист был задержан немецкими коммунистами в одном из берлинских подвалов утром 2 мая 1945 года в куртке рядового солдата германской армии.

В своих первых показаниях Фосс писал: «Я был особо доверенным лицом фюрера, одним из тех немногих, кто был верен Гитлеру до конца».

Свою преданность фашистскому правительству и фюреру Фосс доказывал не один раз. В 1936 году он помогал палачу Франко в борьбе с испанскими патриотами, за что был награжден Гитлером Железным крестом. В 1939 году Фосс занимался разработкой плана военных операций против польского флота и непосредственно участвовал в разбойничьем захвате польского порта Гдыня. В 1940–1941 годах он готовил военных моряков для предстоящего нападения на Советский Союз, прививал им нацистские понятия безжалостного ведения войны с людьми «низшей» расы, а в 1942 году в Прибалтике и Крыму уже практически лично осуществлял эти понятия. С 1943 года и до конца войны Фосс — представитель в ставке Гитлера от главного командования германского военно-морского флота. Он был непременным участником всех совещаний высших военачальников, где обсуждались вопросы, ведения захватнической войны против СССР и других стран.

Об одном из таких совещаний Фосс пишет: «В августе 1944 года на совещании у Гитлера обсуждался вопрос о том, как бы быстрее подавить варшавское восстание. Было принято решение направить в Варшаву дополнительные войска, как можно больше орудий и минометов, чтобы массой снарядов и мин стереть с лица земли и Варшаву, и восставших поляков».

В судебном заседании Фосс заявил: «Я одобрял политику Гитлера, своими действиями способствовал ведению войны против СССР. Я считаю, что эти мои действия преступны, как и вся война с Россией».

2 мая 1945 года в Берлине советские воины взяли в плен одного из приближенных Гитлера, его личного пилота — генерал-лейтенанта войск СС Ганса Бауэра. И для него попытка скрыться, выбраться из города оказалась неудачной.

Бауэр вступил в гитлеровскую партию в 1926 году, за верность фашизму получил лично от Гитлера высшую партийную награду — золотой значок НСДАП. В 1932 году по предложению Гиммлера и Гесса Бауэра назначили личным пилотом Гитлера, а с 1934 года он стал командовать правительственной авиаэскадрильей. Во время второй мировой войны неоднократно вылетал с Гитлером в города Советского Союза:

▲ Ганс Бауэр

▲ Хельмут Вейдлинг

▲ Вильгельм Монке

▲ Гюнше Отто

Винницу, Николаев, Херсон, Донецк, Запорожье, Смоленск, в район озера Ильмень. Не один раз привозил он к Гитлеру его верных сателлитов: Муссолини, Лаваля, Антонеску, Хорти, Маннергейма. Это свидетельствует об исключительном доверии к нему со стороны Гитлера, которому он был предан всей душой. Он не скрывал этого и, находясь в плену, всячески восхвалял фюрера.

В судебном заседании Бауэр заявил: «Книгу «Майн калиф» читал и полностью разделяю изложенные в ней взгляды. Как был убежденным нацистом, так и остаюсь».

Утром 2 мая на участке 47-й гвардейской дивизии сдался в плен командир 56-го танкового корпуса генерал артиллерии Вейдлинг. На предварительном допросе он сообщил, что несколько дней назад Гитлер лично назначил его командующим обороной Берлина.

Вейдлинг — кадровый офицер. Горячий сторонник фашизма, он быстро продвигался по службе. В войне против СССР командовал дивизией, танковым корпусом. Кровавый след оставил этот гитлеровский генерал на нашей земле. По его приказу создавались лагеря смерти. В одном из таких лагерей, в местечке Озаричи, в Белоруссии, сотни советских граждан, больше половины которых составляли дети, были заражены тифом и все погибли. Вейдлинг лично отдавал приказы о создании «зон пустынь» на территории, которую оставляли отступавшие под ударами Красной Армии гитлеровские войска.

На суде он показал:

«В марте 1943 года я отдал приказ при отступлении из ржевского мешка уничтожать все на пути отхода, население угонять на запад, а сопротивляющихся расстреливать. Мой приказ был выполнен. После отхода дивизии в этом районе остались лишь руины, все было сожжено и взорвано».

Под тяжестью, неопровержимых улик Вейдлинг вынужден был признать свою вину и в том, что в городах Торопец, Вязьма. Гжатск, в Полесской и Бобруйской областях Белоруссии по его приказам производились массовые расстрелы советских людей. «Во время войны, — заявил он, — мы считали русских неполноценными людьми, отсюда и происходили все наши преступления».

Среди захваченных в плен советскими войсками оказался и бригаденфюрер Мойке — фашист, как говорится, до мозга костей. Установленные судом факты свидетельствуют о том, что Монке — отборнейший из отборных представителей черной гитлеровской гвардии.

В 1931 году Вильгельм Монке — человек реакционных убеждений — становится членом нацистской партии, считая ее программу наиболее соответствующей задаче «уберечь Германию от возможной коммунистической революции». В 1933 году он вступает в войска СС, в составе которых участвует в захвате Австрии, Чехословакии, Бельгии, Голландии, Польши. В 1944 году Монке в качестве командира дивизии СС «Адольф Гитлер» воюет на Западном фронте.

Многочисленные награды, в том числе Золотой крест, — свидетельство его верной и преданной службы «обожаемому фюреру».

Генерал Монке не отрицал перед судом, что до последней минуты существования гитлеровской империи выполнял свой долг заядлого фашиста — «вел упорную борьбу с наступающими советскими войсками».

В апрельские дни 1945 года, когда шли уличные бои в Берлине, Монке, едва оправившись от ранения, в беседе с адъютантом Гитлера Отто Гюнше выразил сожаление по поводу недостаточно, по его мнению, эффективных мер по защите Берлина и предложил свои услуги. Гюнше доложил об этом разговоре Гитлеру, после чего Монке был назначен, по существу говоря, последним командиром боевой группы по обороне правительственного квартала Берлина.

Сколько жизней советских воинов было унесено в результате фанатичных, безнадежных действий Монке и его эсэсовских головорезов! Это была агония обреченных. Полный разгром берлинской группировки и бессмысленность дальнейшего сопротивления не остановили и не образумили Монке. С оружием в руках он попадает в плен.

Давая показания советскому суду, все перечисленные выше нацисты рассказали о том, что произошло в последние дни апреля 1945 года в бункере под имперской канцелярией.

* * *

Ближайшие сподручные Гитлера, находившиеся с ним до его последнего часа в бункере или приходившие в него для доклада и получения инструкций, рассказали об обстановке растерянности и безнадежности, которая царила в эти дни в логове самого кровожадного зверя, существовавшего когда-либо на земле. Эта обстановка ярко и убедительно показала, насколько нагло ведет себя бандит на проселочной дороге перед своей жертвой и насколько он жалок, когда попадает в руки правосудия или, когда возмездие за совершенные преступления представляется ему неизбежным. Вот эту судьбу, если можно так сказать, всемирного бандита и отражают в известной мере показания приспешников Гитлера — Раттенхубера, Вейдлинга, Монке, Бауэра и адмирала Фосса.

Вот их свидетельства.

«Более подробно хочу осветить в своих показаниях последние дни в ставке Гитлера, — пишет вице-адмирал Фосс, — ибо это произвело на меня слишком сильное впечатление и хорошо сохранилось в памяти. С момента начала советского наступления на Берлин Гитлер находился постоянно в подземном убежище под зданием имперской канцелярии. Уже тогда возле него остались только самые преданные ему лица: Ева Браун, Геббельс со своей семьей, начальник генерального штаба сухопутных войск генерал Кребс, шеф-адъютант Гитлера Буркдорф, заместитель по делам фашистской партии Борман, представитель министерства иностранных дел Хевель и я. Кроме нас там находился только технический и обслуживающий персонал».

«20 апреля — день рождения фюрера, — рассказывал Раттенхубер. — Обычно в этот день проходил парад войск на улице Аксе. Устраивались также приемы, вручались подарки».

▲ Имперская канцелярия

▲ Геббельс

◀ Гиммлер

Но в тот год установившийся ритуал был нарушен. 20 апреля 1945 года свой «подарок» Гитлеру преподнесли наступающие советские войска. Именно в этот день Красная Армия обстреляла Берлин. Мощная канонада советского «бога войны» загнала фашистских главарей в подземелье, в бункер, расположенный на глубине 16 метров и покрытый 8-метровым слоем бетона. В этом помещении, напоминавшем гробницу, и состоялось последнее поздравление фюрера с днем рождения. Сам именинник напоминал живой труп.

«Еще более усилилось дрожание его рук, левую ногу он тяжело волочил. Гитлер сильно опух, говорил еле слышным голосом. Глаза имели какое-то ненормальное выражение, как у душевнобольного», — рассказывал на суде Раттенхубер,

Фашистские правители отчаянно пытались отсрочить свой неизбежный конец. На повестке дня ежедневных совещаний у Гитлера стоял один-единственный вопрос: как задержать наступление советских войск.

Бригаденфюрер Монке, принимавший участие в этих совещаниях, показал:

«Говорилось лишь о приближении русских со всех сторон... О наступлении англичан и американцев упоминалось лишь вскользь. Лично у меня сложилось впечатление, что фюрер рассматривает их наступление как нечто второстепенное и в противоположность этому с большой серьезностью относится к расширению русского предмостного укрепления в районе Штеттина».

Гитлеровская пропаганда неистово кричала по радио о новом «секретном оружии», которое по приказу Гитлера вскоре будет применено на фронте и принесет Германии победу.

«Пропаганда твердила о новом оружии, — замечает в связи с этим Монке, — но на первом же совещании у Гитлера я понял, что никакого нового оружия не будет».

24 апреля состоялось назначение Вейдлинга командующим обороной Берлина. В связи с этим Вейдлинг был вызван к Гитлеру. Об этой встрече он пишет:

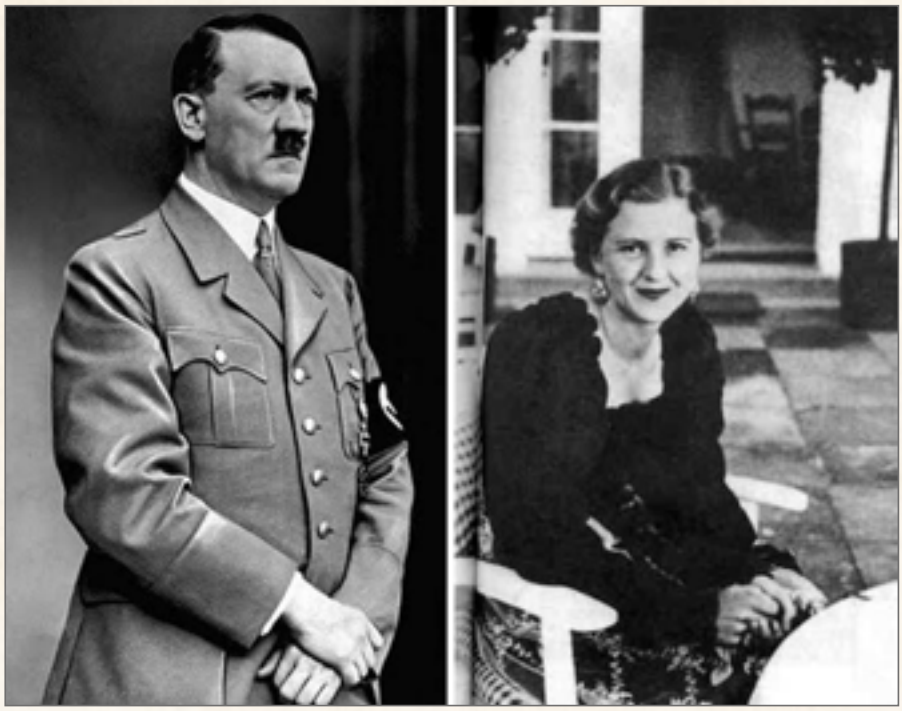
«...В сравнительно небольшой комнате Гитлер сидел в кресле перед большим столом. При моем приходе он встал с заметным напряжением и оперся обеими руками о стол. Левая нога у него непрерывно дрожала. С опухшего лица на меня смотрели два лихорадочно горящих глаза. Улыбка на лице, с которой он меня встретил, сменилась застывшей маской. Фюрер протянул мне правую руку. Она также дрожала, как и левая нога. В конце нашей беседы Гитлер развил характерный для его дилетантства оперативный план по освобождению от блокады Берлина».

Когда аудиенция окончилась, Вейдлингу показалось, что все увиденное и услышанное им не более как сон.

Уже в течение нескольких дней он непрерывно участвовал в боях и твердо знал, что через несколько дней наступит окончательная катастрофа, если в последний час не произойдет чуда. Боеприпасов имелось ограниченное количество, горючее почти иссякло, а главное, войска были лишены воли к сопротивлению, так как не верили больше в победу и в целесообразность дальнейшей борьбы.

Неужели возможно чудо?! Неужели ударная армия Венка является тем резервом Германии, о котором Геббельс так много кричал в последние недели и который может ее спасти? Или это только измышления фанатика, не имеющего никакого представления о действительности?

Вейдлинг покинул кабинет Гитлера, как пишет он, «потрясенный

▲ Гитлер и Ева Браун

▲ Штумпф Ганс Юрген

видом человеческой развалины, которая стоит во главе германского государства, и находясь под сильным отрицательным впечатлением от того дилетантства, которое царило в руководящих инстанциях».

Когда Кребс сообщил Вейдлингу, что фюрер назначил его командующим обороной Берлина, он ответил: «Лучше бы Гитлер оставил в силе приказ о моем расстреле (за якобы самовольную передислокацию штаба корпуса. — М.К.), тогда, по крайней мере, меня миновала бы эта чаша». При своем назначении Вейдлинг получил приказ Гитлера оборонять город до последнего человека.

В эти дни Гитлер придерживался той точки зрения, что помощь ему непременно окажут войска, находившиеся вне Берлина, особенно он рассчитывал на 9-ю и 12-ю армии. 25 апреля в телеграмме гросс-адмиралу Деницу он писал: «Борьба за Берлин является роковой битвой Германии. По отношению к ней все другие задачи и фронт имеют второстепенное значение. Поэтому прошу вас оказать всяческое содействие этой борьбе».

Командующий военно-воздушным флотом генерал-полковник Штумф получил приказ ввести для обороны Берлина все наличные силы авиации.

Сражение за Берлин Гитлер называл битвой за судьбу Германии. Все это ему нужно было для того, чтобы вселить хоть какую-то надежду в людей, обороняющих город, заставить их упорно вести бои.

Монке пишет, что во второй половине дня 26 апреля Гитлер лично продиктовал радиограмму в штаб оперативного руководства с требованием немедленно сообщить, где находятся передовые части 9-й и 12-й армий, как идет наступление на Берлин. Эта телеграмма ввиду плохого состояния радиосвязи смогла быть передана лишь к исходу 27 апреля. В ответ на нее фельдмаршал Кейтель сообщил, что ввиду сильных атак русских 12-я армия не может продолжать наступление на Берлин, а основная часть сил 9-й армии окружена.

* * *

«Должен сказать, — признается Фосс, — что события развивались быстрее, чем мы предполагали. Огонь со стороны советских войск настолько усилился, что связь с учреждениями, находившимися вне Берлина, была быстро утеряна».

Советские войска начали штурм Берлина.

Это, конечно, сразу же усилило паническое настроение фашистских главарей. Перед лицом неизбежной расплаты за чудовищные злодеяния они стали покидать Берлин.

Дорога на Мюнхен, вспоминает Вейдлинг, получила название «имперской дороги беженцев»,

В числе первых беглецов оказался Геринг, которого еще в 1939 году Гитлер провозгласил своим преемником. Воспользовавшись наступившей сумятохой, имперский маршал вылетел в Берхтесгаден, где пытался объявить о смещении Гитлера. По приказу последнего Геринг был арестован и находился под стражей, пока под предлогом болезни не отказался от занимаемых постов. Пленение Геринга американцами, Нюрнбергский процесс и ампула яда — таков финал бывшего «второго лица» гитлеровского рейха, вдохновителя и организатора невиданных в истории зверств.

Вслед за Герингом сбежал из Берлина рейхсфюрер СС Гиммлер. В связи с его бегством Раттенхубер показал, что с середины апреля 1945 года Гиммлер больше не появлялся в ставке Гитлера.

«В кабинете Гитлера, — вспоминал Вейдлинг, — происходило обсуждение обстановки. Я докладывал. В этот момент в кабинет ворвался государственный секретарь Науманн и, прервав мой доклад, в большом возбуждении доложил: «Мой фюрер, стокгольмский радиопередатчик сообщил, что Гиммлер сделал предложение англичанам и американцам о капитуляции Германии». Воцарилась тишина. Гитлер стучал своими тремя карандашами по столу. Его лицо исказилось, в глазах был виден испуг. Беззвучным голосом он сказал что-то Геббельсу, похожее на слово «предатель»...

Перед смертью Гитлер исключил шефа гестапо из партии и лишил его всех государственных постов.

Как известно, Гиммлер избежал Нюрнбергского процесса, хотя и был задержан английскими войсками. Главный фашистский палач, организатор концлагерей, в которых погибли миллионы людей, разгрыз ампулу с ядом.

Любопытны показания Раттенхубера о Риббентропе, Розенберге и Бормане;

«Влияние Риббентропа быстро уменьшалось, в связи с тем, что выяснилось его незнание действительной обстановки в Югославии, Болгарии и Румынии. Гитлер в 1944 году делал серьезные упреки Риббентропу в связи с тем, что не была своевременно разоблачена группа английских шпионов в немецком посольстве в Анкаре. За обедом Гитлер во всеуслышание говорил, что министерство иностранных дел ничего не знает, и при этом подчеркивал, что от Гиммлера и СД он получает более точную информацию. Понятно, что это усилило имевшуюся уже ранее взаимную неприязнь между Гиммлером и Риббентропом. После перехода на сторону СССР Румынии и Болгарии Гитлер редко принимал Риббентропа, утверждая, что он «рассказывает сказки».

В начале апреля 1945 года Риббентроп неоднократно добивался приема у Гитлера, но безуспешно. 23 апреля он по приказу Гитлера выехал к своей семье в местечко Фуш; в Берлине он больше не появлялся».

На Нюрнбергском процессе Риббентропу был вынесен смертный приговор. Перед казнью бывший фашистский дипломат находился в состоянии полной прострации; на эшафот он не шел, его несли по тюремному коридору.

▲ Борман

Розенберг, по словам Ваттенхубера, редко бывал у Гитлера: в 1941–1943 годах он был на приеме не более пяти раз.

Преступной деятельности бывшего министра по делам оккупированных восточных территорий Розенберга была подведена черта Нюрнбергским процессом. Когда прозвучали слова «к смертной казни через повешение», Розенберг потерял сознание.

* * *

По свидетельству Раттенхубера, одним из наиболее близких к Гитлеру людей был Борман — исключительно жестокий, эгоистичный человек. Эти его качества проявлялись даже по отношению к своей семье, терпевшей от него издевательства и побои. Попойки Бормана носили затяжной характер. Возможно, а скорее всего, наверное, об этом знал Гитлер, но он смотрел на это сквозь пальцы, поскольку Борман был исключительно преданным ему человеком, ни на один шаг не отходившим от своего фюрера.

По мнению Фосса, Раттенхубера и Бауэра, Борман, после того как покинул бункер, не мог далеко уйти: они считают, что он [206] погиб на мосту через Шпрее от прямого попадания советского снаряда.

Раттенхубер рассказывает, что по мере продвижения к мосту огонь усиливался и группы постепенно рассеивались. Только он, Борман и Науманн достигли моста. В это время немецкие зенитные батареи предприняли попытки прорваться через мост. Раттенхубер прыгнул на одну из пушек, остальные находившиеся с ним последовали его примеру. Вскоре Раттенхубер оказался на другой стороне реки.

Однако спастись ему не удалось: он был пленен наступающими, войсками. От офицеров, попавших вместе с ним в плен, он узнал, что Борман, Науманн и Хегель убиты, а Бауэр и Бетц ранены. А вот что показал личный пилот Гитлера Бауэр: — Мы выступили вечером первого мая группой в составе Бормана, статс-секретаря Науманна, доктора Штумфеггра, адъютанта Бетца, ге-

нерала Раттенхубера, Хегеля и ряда офицеров СС. Танкисты группы Монке должны были обеспечить продвижение в направлении Ораниенбурга. Но мы попали под сильный пулеметный огонь, который велся из здания министерства финансов, и пробиться не смогли.

Вопрос. Когда и где вы видели в последний раз Бормана?

Ответ. Мы пробивались вместе до угла Фридрихштрассе. Это было примерно в три часа утра второго мая. Оставаться здесь дальше было нельзя. Борман, Науманн и Штумфеггер двинулись через Цигелынтрассе в направлении Шёнхаузераллее. Я остался за углом, так как считал совершенно невозможным пробиться в этом направлении. С тех пор Бормана я больше не видел. Убежден, что его нет в живых, так как была ужасная стрельба и практически пройти было невозможно.

Тем не менее бесспорных доказательств, подтверждающих смерть Бормана, нет. На Нюрнбергском процессе защита предприняла попытку засвидетельствовать гибель бывшего начальника гитлеровской партийной канцелярии и тем предотвратить его розыски. В качестве свидетеля был допрошен личный шофер Гитлера Эрих Кемпке, который 2 мая 1945 года якобы был очевидцем гибели Бормана. Но показания Кемпке были путаными, неопределенными и поэтому не могли быть признаны достоверными. На Нюрнбергском процессе Бормана судили заочно и приговорили к смертной казни через повешение.

Около 28 лет продолжались поиски Мартина Бормана, одного из главных военных преступников, на совести которого миллионы жертв.

Лишь в апреле 1973 года генеральная прокуратура Франкфурта-на-Майне объявила Бормана мертвым и сообщила о прекращении его поисков.

Это решение основывалось на показаниях свидетелей, утверждавших, что Борман покончил жизнь самоубийством 2 мая 1945 года в Берлине на Инвалиденштрассе.

В результате вновь произведенных раскопок в западноберлинском районе Моабит найдены два скелета, которые по всем данным являются останками Мартина Бормана и личного врача Гитлера эсэсовца Людвига Штумфеггера.

По данным экспертизы, исследовавшей один из черепов, удалось установить, что это череп Бормана. Кроме того, зубной техник, который в свое время делал Борману мост на зубах, узнал свою работу.

Между зубами были обнаружены мелкие осколки стекла, что позволяет предположить, что Борман, страшась возмездия за совершенные преступления, покончил с собой с помощью ампулы с цианистым калием.

Говоря о личном окружении фашистского главаря, Раттенхубер пишет: «В Германии долгое время не было известно имя близкой приятельницы Гитлера Евы Браун. Она работала в фотомагазине личного фотографа и лучшего друга Гитлера Генриха Гофмана, который в силу своего монопольного положения зарабатывал столько денег, что был одним из наиболее богатых людей в Германии. Он был настоящим алкоголиком и в пьяном виде совер-

▲ Грэйм

▲ Ханна Райч

шал скандалы, известные широкой публике».

Семнадцатилетняя Ева Браун познакомилась с Гитлером в 1929 году. Жила она, как утверждает Раттенхубер, в предместье Мюнхена — Богенхаузене, в вилле, которую ей купил фюрер. Браун никогда не появлялась в обществе. Гитлер посещал ее обычно поздно вечером, причем втайне от своего ближайшего окружения. Ева ежедневно развлекала Гитлера анекдотами о партийных руководителях, не боясь какого-либо наказания. Даже Борман, которого все боялись и ненавидели, серьезно опасался Евы Браун.

Раттенхубер и другие нацисты, очевидцы событий тех дней, единодушно свидетельствуют, что свадьба Адольфа Гитлера и Евы Браун состоялась в бункере имперской канцелярии в полночь 29 апреля 1945 года в присутствии небольшой группы приближенных. Обряд бракосочетания происходил в малом конференц-зале. Жених подписался своим подлинным именем — «Шикльгрубер», невеста — «Ева Гитлер».

«Мир призраков», «погружение в ад» — так характеризуют последние дни фашистского логова и свадьбу фашистского диктатора его обитатели.

12 лет верой и правдой служил бывший руководитель личной охраны Раттенхубер своему патрону. Естественно, он хорошо изучил ближайших лиц из окружения фюрера. Это дало ему право с полным основанием записать в своих показаниях: «О мужском окружении Гитлера нельзя сказать ничего хорошего. Это были господа, купавшиеся в роскоши и презираемые за это народом, или жестокие деспоты, которых все ненавидели и боялись».

Такими были крупные бонзы типа Геринга и Бормана. Под стать им была и более мелкая сошка. [208]

Личный адъютант Гитлера обергруппенфюрер Шауб еще в 1923 году сидел вместе с ним в тюрьме в городе Ландсберге. Его пьяные оргии с наложницами не были секретом. Свое положение при Гитлере он использовал для завоевания новых любовниц.

▲ Рейхстаг

Шауб в апреле 1945 года по заданию Гитлера вылетел из Берлина в Мюнхен, где лично уничтожил весь архив Гитлера — стенографические отчеты военных совещаний, которые хранились там, начиная с 1942 года.

* * *

Наступило 29 апреля. Ожесточенный артобстрел и беспрерывные бомбардировки логова продолжались. Сгорел гараж вместе с находившимися там машинами. Советские войска заняли район Потсдамского вокзала и приблизились к сильно укрепленному району зоопарка.

В 22 часа состоялось последнее совещание у Гитлера. О том, как оно проходило, рассказал Вейдлинг:

— У собравшихся в кабинете для обсуждения создавшегося положения настроение было подавленное. Гитлер осунулся еще больше, чем было до сих пор, тупо глядел на лежавшую перед ним оперативную карту. Я высказал известное положение о том; что даже самый храбрый солдат не может сражаться без боеприпасов, настойчиво просил, чтобы Гитлер разрешил начать прорыв. Он долго раздумывал, затем усталым, безнадежным голосом сказал: «Чем может помочь этот прорыв? Мы из одного котла попадем в другой. Нужно ли мне скитаться где-нибудь по окрестностям и ждать своего конца в крестьянском доме или в другом месте? Уж лучше, в таком случае, я останусь здесь. — Затем с горькой иронией в голосе заметил: — Посмотрите на мою оперативную карту. Все здесь нанесено не на основании сведений собственного, верховного командования, а на основании сообщений иностранных передатчиков. Никто нам ничего не сообщает. Я могу приказывать что угодно, но ни один приказ мой больше не выполняется».

Вейдлинг заявил, что максимум через два дня, 1 мая, русские будут здесь, у бункера. Просьбу Геббельса и его жены — разрешить им вылет на небольшом самолете из Берлина — Гитлер отклонил. Но этого и невозможно было сделать, так как улица Аксе была вся изрыта воронками.

Кстати сказать, авиасвязь со ставкой прекратилась уже раньше. Об этом рассказал Бауэр — оберпилот Гитлера.

Последним самолетом, который 26 апреля приземлился на Шарлот-

тенбургершоссе, был одноместный самолет «Фезелер-Шторх». На нем прилетел вызванный Гитлером, генерал-полковник Грейм с женой — летчицей спортсменкой Ханной Райч. С большим трудом удалось прорваться в центр Берлина, лететь над самыми крышами, над Тиргартеном самолет был обстрелян советскими зенитками. Грейм получил ранение в ногу. Райч взяла управление на себя и посадила самолет на автомагистраль близ имперской канцелярии.

Гитлер пригласил в кабинет Х. Райч и тихо сказал: «Ханна, вы принадлежите к тем, кто умрет со мной. У каждого из нас есть ампула с ядом, — он протянул ампулу Ханне. — Я не хочу, чтобы кто-нибудь из нас попал к русским в руки, и я не хочу, чтобы наши тела достались русским. Тела Евы и моё будут сожжены». Фанатично преданная Гитлеру Райч просила Гитлера разрешить ей остаться в Берлине и разделить его судьбу, но Гитлер приказал ей вместе с Греймом покинуть Берлин. По свидетельству Х. Райч во время разговора «Гитлер являл собой трагикомическую картину: почти вслепую метался от стены к стене с бумагой в дрожащих руках, — затем внезапно останавливался, садился за стол, передвигал по карте флажки, обозначавшие несуществующие армии. Полностью распавшийся человек».

Приняв Грейма, Гитлер сообщил ему об отстранении Геринга со всех должностей и немедленно назначил Грейма главнокомандующим люфтваффе, присвоив ему звание генерал-фельдмаршала авиации.

После беседы с Гитлером Ханна Райч и Грейм улетели. Это и был последний рейс из Берлина.

Раненый Грейм на том же самолете, пилотируемом Х. Райч прибыл в Плён (близ Киля), в ставку преемника фюрера гросс-адмирала Деница. 9 мая вместе с Х. Райч Грейм сдался американским военным властям. Находился под следствием до 23 мая. По программе обмена заключенных подлежал передаче советской стороне. Узнав об этом, преданный до мозга костей нацизму, в ночь на 24 мая в тюремном лазарете Грейм покончил жизнь самоубийством, отравившись ядом, капсула с цианистым калием была ему вручена Гитлером в бункере имперской канцелярии через Ханну Райч.

* * *

Советские войска вели бои в непосредственной близости от имперской канцелярии. До бункера оставались считанные метры.

«Чудо», на которое так надеялся Гитлер, не произошло, а выход оставался только один — покончить с собой. Фосс, Раттенхубер, Бауэр и Вейдлинг в своих показаниях подробно описали последние часы и минуты Гитлера.

▲ Дениц

Вот показания Бауэра:

— 30 апреля 1945 года, примерно во второй половине дня, Гитлер позвал к себе в бомбоубежище меня и моего адъютанта. Когда мы вошли, Гитлер сказал: «Бауэр, я хочу с вами попрощаться. Благодарю за службу, возьмите картину на память... Надо иметь мужество сделать и для себя вывод, я кончаю... Русские уже несколько дней на Потсдамской площади, я боюсь, что они обстреляют нас усыпляющим газом, чтобы взять живыми в плен. Мы изобрели такой газ, и сейчас он есть и у русских».

После этого фюрер отпустил нас.

Спустя примерно два часа я вернулся в убежище и сразу заметил, что в нем курят, а это при Гитлере было строго запрещено. Я спросил кого-то: «Что, уже все кончено?» И получил ответ: «Да, все кончено». Все находившиеся в бункере были очень взволнованы.

А вот что рассказал о последних минутах Гитлера вице-адмирал Фосс:

— Последняя моя встреча с фюрером произошла 30 апреля примерно в 15 часов 15 минут по берлинскому времени: в половине дня Гитлер вызывал к себе в кабинет всех лиц, находившихся в его главной квартире. Я был принят Гитлером последним, и наша беседа продолжалась около 15 минут. Он попросил меня любыми средствами передать вновь назначенному рейхспрезиденту гросс-адмиралу Деницу свое завещание.

Фосс утверждал, что во время этой беседы Гитлер будто бы сказал: «Я понял, какую непоправимую ошибку совершил, напав на Советский Союз».

По свидетельству Раттенхубера, Гитлер, попрощавшись с ним и другими приближенными к нему нацистами, заявил: «Я решил уйти из жизни. Постарайтесь вырваться из Берлина вместе с войсками». По его же словам, Гитлер отравился примерно около 4 часов дня 30 апреля 1945 года в своем подземном бомбоубежище. «Впоследствии я узнал, что он отравился цианистым калием», — говорил он.

Перед этим Гитлер приказал своим телохранителям — эсэсовцам Линге и Гюнше сжечь его труп и труп Евы Браун.

Линге и Гюнше исполнили это поручение, но трупы горели весьма медленно.

«Около 18 часов, — показывал Раттенхубер, — ко мне подошел один эсэсовец и попросил разрешения пройти через комнату, так как нужно было достать бензин, чтобы сжечь трупы до конца. Он сказал, что от несгоревших трупов исходит такое зловоние, что невозможно стоять на посту».

Отвратительное зловоние. Таков логический конец кровавого палача.

* * *

После бесславного конца Гитлера оставшиеся в бункере Геббельс, Борман и другие нацисты принимали все меры к своему спасению. В подземелье был срочно вызван генерал Вейдлинг, который и рассказал впоследствии об агонии фашистских правителей.

Примерно в 18 часов он прибыл в имперскую канцелярию, и его немедленно провели в кабинет фюрера. За столом сидели Геббельс, Борман и Кребс.

Кребс заявил, что Гитлер покончил жизнь самоубийством в 15 часов 50 минут. Его смерть должна пока оставаться в тайне. Перед смертью Гитлер назначил рейхспрезидентом гросс-адмирала Деница, рейхсканцлером рейхсминистра доктора Геббельса, министром по делам партии рейхслейтера Бормана, министром обороны фельдмаршала Шернера, министром внутренних дел Зейс-Инкварта. По радио об этом поставлен в известность маршал Сталин. Уже в течение примерно двух часов делается попытка связаться с русскими командными инстанциями.

Как показывал Фосс, при обсуждении плана прорыва из Берлина он настаивал на осуществлении немедленной попытки выбраться из города. Но Геббельс и Борман решили направить генерала Кребса на переговоры с советским командованием. Целую ночь ждали возвращения Кребса. Из бункера никого не выпускали, чтобы весть о смерти Гитлера не дошла до армии.

Геббельс написал письмо Советскому правительству. Вот его текст:

«Согласно, завещанию ушедшего от нас фюрера, мы уполномочиваем генерала Кребса в следующем. Мы сообщаем вождю советского народа, что сегодня в 15 часов 50 минут добровольно ушел из жизни фюрер. На основании его законного права фюрер всю власть в оставленном им завещании передал Деницу, мне и Борману. Я уполномочил Бормана установить связь с вождем советского народа. Эта связь необходима для мирных переговоров между державами, у которых наибольшие потери».

Г. К. Жуков доложил об этом письме И. В. Сталину, который сказал:

«Доигрался, подлец. Жаль, что не удалось взять его живым. — А затем приказал: — Никаких переговоров, кроме капитуляции, ни с Кребсом, ни с другими гитлеровцами не вести».

Кребс возвратился в 10 часов утра 1 мая и принес ответ, что речь может идти только о безоговорочной капитуляции.

Весь день 1 мая был заполнен подготовкой к прорыву из окружения, который начался около 10 часов вечера. Но прорыв не удался. Советские войска плотным кольцом окружили остатки разбитой фашистской армии и принудили ее сложить оружие.

Раттенхубер пишет, что Геббельс после смерти Гитлера заявил: «Это неизбежный конец. Я последую его примеру». Так и случилось. Правда, сделал он это не сам. По его просьбе эсэсовец выстрелом в затылок прикончил рейхсминистра пропаганды. Примеру мужа последовала и жена. Перед смертью она с помощью врача-эсэсовца убила своих детей.

Так кончил свое существование гитлеровский бункер — последнее убежище нацистских главарей. ■

▲ 2 мая 1945 года, слева Вейдлинг

В.Н. ЗЕМСКОВ, советский, российский историк,
доктор исторических наук. Г.Н.С. Института российской истории РАН.

НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

▲ План Барбаросса

Одна из главных тем в советской истории — отношение народа к И. В. Сталину. Почему граждане СССР его поддерживали, шли за ним, несмотря на жесткую политику в отношении крестьянства, на репрессии, на тяжелые потери в Великой Отечественной войне? Дело в том, что политика И. В. Сталина была направлена на укрепление Советского государства, создания мощной тяжелой и оборонной промышленности, развитой экономики, что способствовало в конечном итоге безопасности и повышению благосостояния советского народа. Так называемые историки либерального толка, а по существу представители пятой колонны в своих опусах и средствах массой пропаганды по оболваниванию народных масс, всеми силами стремятся навязать людям мысль о том, что советские люди ненавидели советскую власть и боялись её. Поддержку Сталина народом объясняют нашей «рабской психологией», привычкой обожествлять верховного правителя. Самым эффективным оружием против лжи является правда. В науке она добывается кропотливым трудом ученых. Долг профессиональных историков — представить читателям, правдивые, тщательно выверенные факты и тем самым помочь им сделать правильные выводы.

История советского общества в предвоенные 1938–1941 годы относится к числу наименее исследованных периодов отечественной истории XX века. Даже в официальной советской историографии ему уделялось явно недостаточное внимание. В различных трудах по истории СССР, истории КПСС и др. период 1938–1941 годов освещался в основном скомкано, схематично и как-то скороговоркой. В постсоветской же литературе история советского общества в предвоенные годы либо совсем перестала исследоваться, либо же затрагивались некоторые аспекты, представляемые чаще всего в разоблачительном или карикатурном виде.

А ведь речь идет о том поколении нашего народа, которому предстояло в недалеком будущем выдержать тяжелейшее испытание в виде Великой Отечественной войны и одержать в ней Великую Победу. Один только этот аргумент, казалось бы, должен был вызвать повышенный интерес исследователей к изучению отечественной истории периода 1938–1941 годов.

Прежде всего, следует сказать, что перед Великой Отечественной войной и в обществе, и в политическом руководстве росло ощущение растущей военной угрозы. Война представлялась вероятной, но отнюдь не неизбежной. В разговорах рабочих, крестьян, служащих, интеллигенции противником в будущей возможной войне иногда назывались Япония или Англия, но чаще — Германия, т. е. в большинстве случаев потенциальный противник определялся совершенно правильно. Проведенные в январе 1941 года масштабные военные учения, на которых отрабатывался сценарий отражения немецкой агрессии, показывают, что и политическое руководство СССР не заблуждалось относительно того, кто является главным потенциальным противником.

Однако господствовали представления, что войне с Германией будут предшествовать какие-то требования и ультиматумы, ухудшение и разрыв дипломатических отношений, официальная отмена действия советско-германского пакта о ненападении от 23 августа 1939 года и т. д. Того, что немцы нападут внезапно, при действовавшем на момент вторжения советско-германском пакте о ненападении, — именно такого сценария, который на самом деле случился на рассвете 22 июня 1941 года, похоже, не предвидел никто. Это значит, что при в целом правильном определении потенциального противника в будущей возможной (но не фатально неизбежной) войне в то же время и в обществе, и в высшем политическом руководстве имела место недооценка степени коварства и вероломства германских нацистских правителей. И. В. Сталин и другие советские руководители до самого последнего момента лелеяли надежду, что войны с Германией удастся избежать дипломатическим путем.

По нашему мнению, наиболее верную оценку поведению Сталина (и в целом политического руководства СССР) перед лицом германской угрозы дала советский посол в Швеции А. М. Коллонтай, которая в день немецкого вторжения, 22 июня 1941 года, сказала, что Сталин, «конечно, надеялся и верил, что война не начнется, пока не состоятся переговоры, в ходе которых может быть найдено решение, позволяющее избежать войны». Это подтверждает и тот известный факт, что утром 22 июня 1941 года Сталин, находясь в удрученном состоянии от известия о внезапной германской агрессии и осознания крушения указанных надежд, говорил, что немцы «обрушились на нас без всякого предлога, не проведя никаких переговоров; просто напали, подло, как разбойники». Пять дней спустя, 27 июня 1941 года, В. М. Молотов в разговоре с английским послом в Москве С. Криппсом признался, что советское руководство совершенно не ожидало, что война «начнется без всякого спора или ультиматума».

Теперь вернемся немного назад, в 1940-й год. Было зафиксировано, что после известия о поражении Франции и вступлении немецких войск в Париж (июнь 1940 года), в народе велись такие разговоры: «Сколько с Германией ни дружим, а Советскому Союзу будет то же, что и Франции». Удручающее впечатление это известие произвело и на высшее советское руководство.

Главной целью внешней политики СССР в этот период было стремление не быть втянутым в орбиту разрастающейся новой мировой войны. Американский посол в СССР

▲ Земсков В.Н.

▲ Подписание советско-германского пакта

Л. Штейнгардт писал 2 октября 1940 года в Вашингтон: «Если говорить о советской политике, как я ее понимаю, то она направлена на то, чтобы избежать войны...».

Еще со времен «хрущевской оттепели» Сталина активно критикуют за всякие «ошибки» и «просчеты». На наш же взгляд, его взвешенная и осторожная стратегия, направленная на предотвращение возможной войны с Германией, была в целом правильной, но, к сожалению, не дала желаемого результата. Надо понимать, что от политического руководства СССР далеко не все зависело, ведь вопрос о том, быть или не быть войне, решался все-таки не в Москве, а в Берлине. Могли ли у советского руководства в данной ситуации быть более верные альтернативы? На этот вопрос совершенно правильно ответил израильский историк Г. Городецкий: «И все же даже теперь, задним числом, трудно назвать более верные альтернативы, какие могли бы быть у Сталина. Если бы он принял упреждающие меры, удар можно было бы в лучшем случае смягчить, но, конечно, не предотвратить». К этому верному заключению Г. Городецкого мы бы добавили следующее: известно, что план нападения на СССР (план «Барбаросса») был любимым детищем Гитлера (он лично его инициировал и взлелеял), и в свете этого никакая, даже самая мудрая стратегия по недопущению германо-советской войны не могла сподвигнуть его, Гитлера, к отказу от плана «Барбаросса», т. е. практически не имела никаких шансов на успех.

Английский корреспондент Александр Верт, находившийся с 3 июля 1941 года в СССР, писал: «...В годы войны я многим в Советском Союзе задавал два таких вопроса: «Что вы думали о советско-германском пакте?» и «Когда пакт еще находился в силе, в какой момент вы начали серьезно сомневаться насчет него?»

На первый вопрос мне почти всегда отвечали примерно следующее: «Каждый, конечно, понимал, что тошно и неприятно делать вид, будто мы друзья с Гитлером; но уж такое положение сложилось в 1939 году, что нам любой ценой надо было выиграть время, а другого выбора у нас не было. Мы не думали, чтобы и самому Сталину очень нравилась эта идея, но мы глубоко верили в его правоту; если он решил заключить с Гитлером пакт о ненападении, значит, он наверняка знал, что другого выхода нет. И не забывайте также, что нам в то же время грозила и японская агрессия; нам пришлось драться на Халхин-Голе как раз в то же время».

А ответ на второй вопрос неизменно следовал в таком приблизительно духе: «Мы начали действительно нервничать, когда увидели, что Гитлер сумел за какой-нибудь месяц, если не меньше, разгромить французскую армию. Мы питали довольно большое доверие к французской армии, и мы многое также слышали о линии Мажино, а по-

тому — будем говорить прямо — рассчитывали, что война во Франции продлится долгое время и что в результате немцы будут сильно ослаблены. Эгоисты? Да, мы были эгоистами, а кто ими не был?... Мы никогда не ожидали, что немцы так внезапно нападут на нас, а главное, что они сумеют захватить у нас такую огромную территорию, но мы чувствовали, что должны готовиться к очень тяжелой борьбе, если Гитлер спятит с ума настолько, что полезет на нас».

Был также и дополнительный вопрос, который я задавал с интересом: «Между разгромом Франции и нападением Германии на Советский Союз происходила война между Германией и Англией — что вы о ней думали?» Тут ответы становились неопределенными, но в общем они сводились к следующему: «К Англии у нас относились совершенно по-разному. Знаете, сама жизнь научила нас быть против англичан — после этого Чемберлена, Финляндии и всего прочего. Но постепенно, как-то очень незаметно мы начали восхищаться англичанами, потому, очевидно, что они не склонились перед Гитлером. В наших газетах много писали о бомбардировках Лондона, Ковентри и других английских городов. И мы начали также сочувствовать английскому народу: начали думать, что рано или поздно нам тоже суждено будет испытать нечто подобное. Особенно болела за англичан наша интеллигенция. У многих уже тогда начала складываться мысль, что война Англии против Гитлера — это «справедливая война». Но потом, в мае (1941 года), в Англию вдруг прилетел Гесс, и мы вновь стали смотреть на Англию с опаской и подозрением»».

Со смешанным чувством тревоги и надежды было встречено в народе опубликованное 14 июня 1941 года сообщение ТАСС, в котором опровергались слухи о скорой войне между Германией и СССР. Основное содержание этого сообщения звучало так: «...В английской и вообще в иностранной печати стали муссироваться слухи о «близости войны между СССР и Германией». По этим слухам: 1) Германия будто бы предъявила СССР претензии территориального и экономического характера, и теперь идут переговоры между Германией и СССР о заключении нового, более тесного соглашения между ними; 2) СССР будто бы отклонил эти претензии, в связи с чем Германия стала сосредоточивать свои войска у границ СССР с целью нападения на СССР; 3) Советский Союз в свою очередь стал будто бы усиленно готовиться к войне с Германией и сосредоточивает войска у границ последней.

Несмотря на очевидную бессмысленность этих слухов, ответственные круги в Москве все же сочли необходимым, ввиду упорного муссирования этих слухов, уполномочить ТАСС заявить, что эти слухи являются неуклюже состряпанной пропагандой враждебных СССР и Германии сил, заинтересованных в дальнейшем расширении и развязывании войны.

ТАСС заявляет, что: 1) Германия не предъявляла СССР никаких претензий и не предлагает какого-либо нового, более тесного соглашения, ввиду чего и переговоры на этот предмет не могли иметь места; 2) по данным СССР, Германия так же неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы, а происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся от операций на Балканах, в восточные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям; 3) СССР, как это вытекает из его мирной политики, соблюдал и намерен соблюдать условия советско-германского пакта о ненападении, ввиду чего слухи о том, что СССР готовится к войне с Германией, являются лживыми и провокационными...».

В советской и постсоветской литературе было выпущено немало критических стрел в адрес этого сообщения ТАСС, что, на наш взгляд, не совсем справедливо. Советское руководство просто обязано было в той ситуации выступить с публичным миролюбивым заявлением, и тогда еще не было известно, что оно окажется бесполезным. Трудно согласиться и с распространенным в литературе мнением, что данное сообщение ТАСС оказало «расхола-

▲ Подписание акта капитуляции Франции 1940 г.

живающее» или «усыпляющее» воздействие на советский народ. На самом же деле оно породило в нем определенную встревоженность и обеспокоенность, так как в тексте прямо говорилось о сосредоточении германских войск вблизи границ СССР. На этот счет А. Верт верно подметил: «Советские люди к тому времени уже достаточно привыкли читать правительственные сообщения между строк, чтобы не увидеть косвенного намека в такой фразе: «переброска германских войск... связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям». Очень многие русские, которых это сообщение ТАСС далеко не успокоило, следующие несколько дней с тревогой ожидали, какова будет «реакция» на него Берлина. По словам бывшего румынского посланника в Москве Гафенку, тысячи людей сидели в эти дни за своими радиоприемниками, ожидая новостей из Берлина. Но они так ничего и не услышали. Германское правительство никак не ответило на это сообщение ТАСС и даже не опубликовало его».

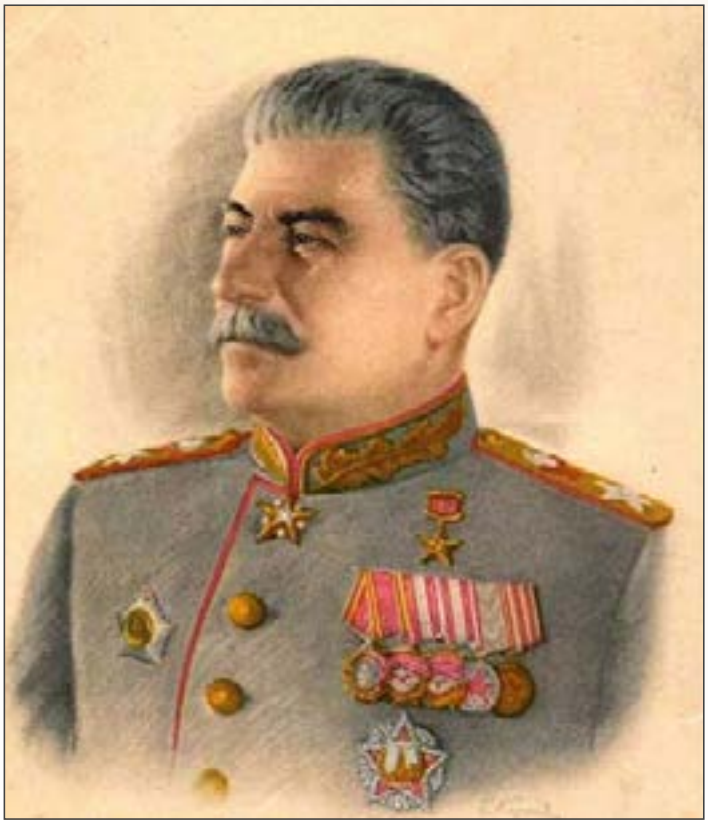
Тем не менее миллионы советских людей продолжали надеяться и верить, что Гитлер не решится напасть на СССР. Представлялось совершенно невероятным, чтобы политики, находящиеся в здравом уме, всерьез могли вынашивать планы завоевания самой большой (по территории) страны в мире и к тому же имевшей, в чем многие были уверены, очень сильную армию. Казалось, элементарное благоразумие должно было удержать от такого рискованного шага. Когда же немецкое нападение все же состоялось, то, по свидетельству А. Верта, «многих (советских людей) чрезвычайно удивляло, что СССР вообще подвергся вторжению». Это как-то не укладывалось в рамки здравого смысла.

Американский историк Г.С. Дойч, имея в виду скептицизм в настроениях политиков на Западе в конце 1939— начале 1940 годов относительно намерений Гитлера напасть на ведущие западные страны — Францию и Англию, поскольку это выглядело чистым безумием и противоречило здравому смыслу, справедливо отметил: «Тогда мало кто осознавал, что все нормальные и разумные доводы не могут быть применимы к Гитлеру, который действовал по своей собственной, необычной и зачастую извращенной логике, бросая вызов всем доводам здравого смысла». Уповая на то, что у Гитлера якобы возобладают благоразумие и здравый смысл, на Западе фактически «прозевали» начавшееся 10 мая 1940 года масштабное немецкое наступление с целью сокрушить западные демократии. Во многом теми же причинами объяснялась и «внезапность» немецкого нападения на СССР 22 июня 1941 года.

В советском общественном сознании весьма вероятной представлялась перспектива совместной германо-английской агрессии против СССР, несмотря на то что было известно, что с сентября 1939 года Англия и Германия находятся в состоянии войны между собой. Счи-

▲ Молотов В.М.

▲ Сталин И.В

талось, что это не помешает им организовать совместное нападение на СССР. Подобного рода подозрения еще больше обострились в дневные часы 22 июня 1941 года при известии о немецком нападении, о чем, например, свидетельствует бывший нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов: «Все думали, что британский флот идет на всех парах в Северное море для совместной с Гитлером атаки на Ленинград и Кронштадт». Позднее в сознании советских людей с трудом, не без изрядной доли скепсиса и недоверия, происходило признание того факта (до войны, по общему мнению, совершенно невероятного), что англичане являются нашими союзниками.

А. Верт так описывает трансформацию в советском общественном сознании образа Англии из врага в союзника: «Почти все комментарии, которые я слышал от русских, сводились к следующему: «Мы слышали насчет Гесса, и мы подозревали, что между Англией и Германией существует какой-то сговор. Мы помнили о Мюнхене и об англо-франко-советских переговорах летом 1939 года. Мы глубоко переживали бомбежки Лондона, но мы все время испытывали чувство недоверия по отношению к Англии. Когда Германия напала на нас, одной из наших первых мыслей было, что, может быть, она сделала это по договоренности с Англией. А что Англия станет нашей союзницей — да, союзницей, — это превзошло все наши ожидания»».

1 сентября 1939 года был принят Закон о всеобщей воинской обязанности (опубликован в газете «Правда» 3 сентября 1939 года). Осенью 1939 года в обстановке большого патриотического подъема проводился призыв городской и сельской молодежи в ряды РККА (Рабоче-Крестьянской Красной Армии). Эту аббревиатуру надо понимать буквально: армия была именно рабоче-крестьянской, и лица рабочего или крестьянского происхождения составляли в ней абсолютное большинство. Служба в Красной Армии составляла не только почетную обязанность граждан СССР, но и прекрасную школу воспитания советской молодежи. Рейтинг красноармейца по степени почета и уважения в общественном сознании был неизмеримо выше, чем это имело место в царские времена у солдат старой русской армии. Старики, многие из которых являлись в прошлом солдатами царской армии, с гордостью смотрели на своих одетых в красноармейскую форму детей и внуков и даже завидовали им. Пожилой крестьянин Н. Н. Жаров из дер. Грабки Мытищинского района Московской области говорил: «Теперь идет красноармеец по улице и гордится своим званием. А то ли раньше было? Вспомнишь старое — сердце заболит. Солдата раньше за последнего человека считали. В общественный сад вход запрещен, в трамваях ездить нельзя, я сам на своей спине хорошо испытал, что значила служба в царской армии. Красная Армия — лучшая школа, особенно для нашего колхозного молодняка». Под специфическим термином «колхозный молодняк» имелась в виду крестьянская молодежь.

Именно в предвоенные годы окончательно сформировалась советская общественно-политическая система с присущими ей особенностями. Фактически на шестой части земного шара сложилась новая цивилизация. Это была уникальная цивилизация, аналогов которой не было в истории человечества ни вы прошлом, ни в настоящем. Советская цивилизация, несмотря на наличие всякого рода недостатков, издержек и негативных явлений, в тот период еще являлась молодым организмом, достаточно жизнеспособным и имевшим потенции для дальнейшего поступательного развития.

В СССР царил дух боевитости, готовности к ратным и трудовым подвигам, предрасположенности к массовому героизму и самопожертвованию. Это как бы было визитной карточкой молодой советской цивилизации. Можно только поражаться удивительной близорукости и извращенности представлений политического и военного руководства фашистской Германии, что СССР вместе с его политической системой и вооруженными силами есть якобы «гнилое строение», которое «рухнет» при первом же ударе германской армии. Так, перед нападением на СССР Гитлер внушал фельдмаршалу Рундштедту: «Вам нужно только пнуть дверь — и все гнилое строение рухнет».

Можно согласиться с выводом английского историка А. Кларка, что Гитлер, приняв решение о нападении на СССР и предвкушая быструю и легкую победу, «просмотрел один очень важный фактор в своей оценке потенциала русских.

Теперь вермахт имел перед собой противника совершенно иного сорта, не похожего на мягонькие нации Запада».

Конечно, в обществе существовали антисоветские, антибольшевистские и антисталинские настроения. Но не стоит преувеличивать их масштабы. Сложившийся в СССР общественно-политический строй имел массовую поддержку— большинство людей были преданы ему. Он являлся воплощенным идеалом Октябрьской революции 1917 года, и само Советское государство в сознании миллионов людей воспринималось как единственное в мире государство рабочих и крестьян. Поэтому советские граждане в массе своей в случае военной опасности были готовы защищать не только свою Родину, свое государство безотносительно к его политическому устройству, но и сложившуюся в СССР общественно-политическую систему, его общественный и государственный строй.

Эту особенность в ментальности советского народа тонко уловил А. Верт, понимавший, что советские люди борются с немецкими захватчиками не только за свою родину, но и за существовавший тогда общественно-политический строй. «Было бы, разумеется, слишком большим упрощением, — писал А. Верт, — считать (как считают некоторые), что это была «национальная» или даже «националистическая» война, и ни-

чего больше. Нет, в этой национальной, народной войне советские люди сражались также за свою, советскую власть». Верт также правильно понимал, как это следует из его вышеприведенной цитаты, что советские люди считали советскую власть именно своей властью. Тут еще надо иметь в виду, что тогда выражение «советская власть» имело более глубокий и широкий смысл (в том числе и заменяя собой понятие «российская власть»), в противовес намерению вторгнувшегося на территорию СССР противника навязать «немецкую власть».

Надо также учитывать, что СССР был многонациональным государством, в котором декларировались идеи равенства, равноправия и дружбы народов, отрицался как национализм, так и национальный, нигилизм. Включавший в себя десятки наций и народностей советский суперэтнос, который обычно называют советским народом, являлся порождением именно сложившегося в СССР общественно-политического строя. Историк Е. М. Малышева справедливо отмечала: «Общественно-политический строй, сложившийся в СССР на основе социалистической, марксистской идеологии, в предвоенный период создал такое феноменальное суперэтническое образование с высочайшей пассионарностью, как советский народ». Тезис, конечно, не бесспорный, но мы с ним в основном согласны. Понятия «советский общественно-политический строй» и «советский народ» до такой степени взаимосвязаны, что отрывать их друг от друга, как это иногда делается в литературе, методологически неверно и противоречит принципу историзма. Ведь такой суперэтнический феномен, как советский народ, вряд ли мог бы образоваться в условиях какого-то иного общественно-политического строя.

Та этнополитическая общность людей, которую мы называем советским народом, была воспитана в антифашистском духе. С момента прихода Гитлера к власти в Германии и до заключения советско-германского пакта о ненападении, т. е. с января 1933 года до августа 1939 года, в СССР активно велась пропаганда по разоблачению фашизма. В результате этой пропаганды антифашизм стал важной составной частью менталитета советского народа. После заключения советско-германского пакта о ненападении 23 августа 1939 года антифашистская пропаганда в СССР была приглушена, но антифашистская составляющая в ментальности советского народа отнюдь не исчезла. Она сохранялась как бы в латентном состоянии, готовая в любой момент при соответствующем изменении обстоятельств заявить о себе во весь голос. Этот момент, как известно, наступил 22 июня 1941 года.

Сам по себе советско-германский пакт, заключенный 23 августа 1939 года, в широких кругах советского общества воспринимался с трудом, и никогда не исчезало ощущение его противоестественности. На сознание людей удручающе действовала неожиданная трансформация германского фашизма из врага чуть ли не в «друга». Все это тонко подметил Константин Симонов, написавший в своих воспоминаниях: «Что-то тут невозможно было понять чувствами. Может быть, умом — да, а чувствами — нет. Что-то перевернулось и в окружающем нас мире, и в нас самих. Вроде бы мы стали кем-то не тем, чем были; вроде бы нам надо было продолжать жить с другим самоощущением после этого пакта». То, что произошло 22 июня 1941 года, сразу же все поставило на свои места, привело к возвращению адекватного восприятия германского фашизма как опасного врага.

Представление о том, что это есть отечественная война, активно внедрялось в советское общественное сознание с первого же дня немецкой агрессии. В заявлении Советского правительства, которое днем 22 июня 1941 года зачитывал по радио В. М. Молотов, в частности, упоминалось, что Россия уже подвергалась вторжениям, что «в свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил Отечественной войной, и Наполеон потерпел поражение», и, подчеркивалось в заявлении, «то же будет и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны. Красная Армия и весь народ вновь поведут победоносную Отечественную войну за Родину, за честь, за свободу». Дважды упоминавшийся в этом заявлении термин «Отечественная война» довольно прочно врезался в сознание людей — уже с 22 июня 1941 года в народе пошли разговоры, что началась новая Отечественная война.

Это тогда понимали и наиболее дальновидные и проницательные люди на Западе. А. Верт вспоминал, что у него 2 июля 1941 года состоялась продолжительная беседа с английским историком Б. Пэрсом, который сказал: «Я уже вижу, что это будет огромная отечественная война, более крупная и успешная, чем война 1812 года». Верт и Пэре относились к немногочисленной тогда плеяде иностранцев-оптимистов, которые даже летом и осенью 1941 года, несмотря на впечатляющие успехи германской армии, были твердо убеждены, что Гитлер войну с Россией не выиграет.

Верт обратил внимание на поразительное отличие в реакции французского общества на немецкое вторжение во Францию в мае 1940 года и настроениях большинства советского народа в конце июня—августе 1941 года. О Франции он написал следующее: «...вся Франция была совершенно ошеломлена и ее быстро охватили пораженческие настроения. Миф о неприступности линии Мажино, которым все эти годы убаюкивали французский народ, вдруг рассыпался в прах». Применительно же к СССР Верт дал совсем иную характеристику: «Страну охватил ужас, но к нему примешивалось чувство национальной непокорности и опасение, что это будет долгая, упорная и отчаянная борьба... И все же, казалось, лишь очень немногие думали о возможности полного военного поражения и завоевания страны немцами. В этом отношении контраст с Францией во время германского вторжения 1940 года был

▲ Потапов М.И.

разительным».

Попавший в плен к немцам генерал М.И. Потапов на допросе, состоявшемся 28 сентября 1941 года, на вопрос о том, готов ли русский народ в глубине души вести войну и в том случае, если обнаружит, что армия отступила до Урала, ответил: «Да, он будет оставаться в состоянии моральной обороны».

Мы вынуждены упрекнуть западную историографию в системной фальсификации в одном важном вопросе. Из того, что известно сегодня о планах политического и военного руководства Германии в отношении Советского Союза, однозначно следует вывод, что для народов СССР понятие «Великая Отечественная война» является адекватным и по сути, и по содержанию. Однако в западной литературе именно это адекватное понятие тщательно избегают употреблять, подменяя его поверхностными, примитивными и иногда даже карикатурными формулировками типа «схватка двух тоталитарных режимов», «сталинская война» и т. п.

Впрочем, подобный упрек можно адресовать и ряду современных российских авторов. Именно им известный историк А.К. Соколов напоминает непреложную истину, что для Советского Союза это была «война за выживание, за право России вообще существовать» и, следовательно, «термин «Великая Отечественная война», которого многие авторы стараются избегать как советского идеологического штампа, является верным и позволяет правильно освещать события войны, не исключая даже самых мрачных и печальных ее страниц».

Надо признать, что у отдельных западных авторов при освещении войны Германии с Советским Союзом присутствует понимание того, что со стороны русского и других народов СССР это была именно Великая Отечественная война. Вот что, например, писал западногерманский историк Г.-А. Якобсен: «Советы провозгласили свою борьбу «Великой Отечественной войной» и тем самым пробудили в русском народе все национальные чувства и страстное желание защищать свою Родину; за многие века истории России такой призыв всегда открывал огромные источники силы для борьбы против иностранных интервентов». Как раз понимание характера этой войны со стороны СССР позволяет таким западным авторам, как Г.-А. Якобсен, более-менее правильно и адекватно интерпретировать и освещать ее возникновение, ход и результаты.

В литературе и публицистике постсоветского времени прослеживается тенденция, которую мы бы деликатно назвали недооценкой степени опасности, нависшей над самим существованием нашей цивилизации в связи с германским вторжением. Но недооценка здесь недопустима, так как факты говорят под этим углом зрения именно о страшной опасности. Так, находившийся в советском плену генерал-фельдмаршал Ф. Шернер на допросе, состоявшемся 28 апреля 1947 года, сказал: «В мае или июне 1941 года... Гиммлер открыто заявил, что вскоре предстоит большая война на Востоке, целью которой является вытеснение славян из восточного пространства и колонизация славянских земель немцами. При этом он ориентировал на физическое истребление русских в случае оказания ими сопротивления во время вторжения немцев в пределы России. Он тогда заявил буквально следующее: «Если мы при выполнении наших планов в России натолкнемся на упорное сопротивление народа и армии, то ничего не остановит нас перед очищением страны от славян». Таковы известные мне факты, предшествующие нападению Германии на Советский Союз».

Конечно, в 1941 году такие откровения еще не были известны,

но советские люди в массе своей интуитивно чувствовали, что немецкие фашисты во главе с Гитлером замыслили нечто подобное. Во многом из этого интуитивного чувства проистекала непоколебимая решимость дать достойный отпор захватчикам и, невзирая на все жертвы, трудности и лишения, разгромить и уничтожить их. 28 июля 1941 года в газете «Правда» была опубликована статья писателя А. Толстого, в которой говорилось: «Мы должны объединиться в одной воле, в одном чувстве, в одной мысли — победить и уничтожить Гитлера и его армию, которые несут смерть и рабство, рабство и смерть и больше ничего...». Эти слова как нельзя лучше отражали морально-психологический настрой подавляющего большинства советских людей.

В этом общенародном порыве защитить Родину естественным образом произошло сплочение атеистов и верующих. Уже 22 июня 1941 года глава Русской Православной Церкви митрополит Московский и Коломенский Сергий выступил с обращением к православным христианам, в котором говорилось: «В последние годы мы, жители России, утешали себя надеждой, что военный пожар, охвативший едва не весь мир, не коснется нашей страны. Но фашизм, признающий законом только голую силу и привыкший глумиться над высокими требованиями чести и морали, оказался и на этот раз верным себе. Фашиствующие разбойники напали на нашу родину. Попирая всякие договоры и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю. Повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени пред неправдой, голым насилием принудить его пожертвовать благом и целостью родины, кровными заветами любви к своему отечеству...». Заканчивалось обращение Сергия словами: «Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей Родины. Господь нам дарует победу».

Советский посол в Англии И. М. Майский вечером 22 июня 1941 года записал в своем дневнике: «Итак, война! Неужели Гитлер ищет самоубийства? Мы не хотели войны, очень не хотели войны. Мы делали все возможное для того, чтобы ее избежать. Но раз германский фашизм навязал нам войну, пощады быть

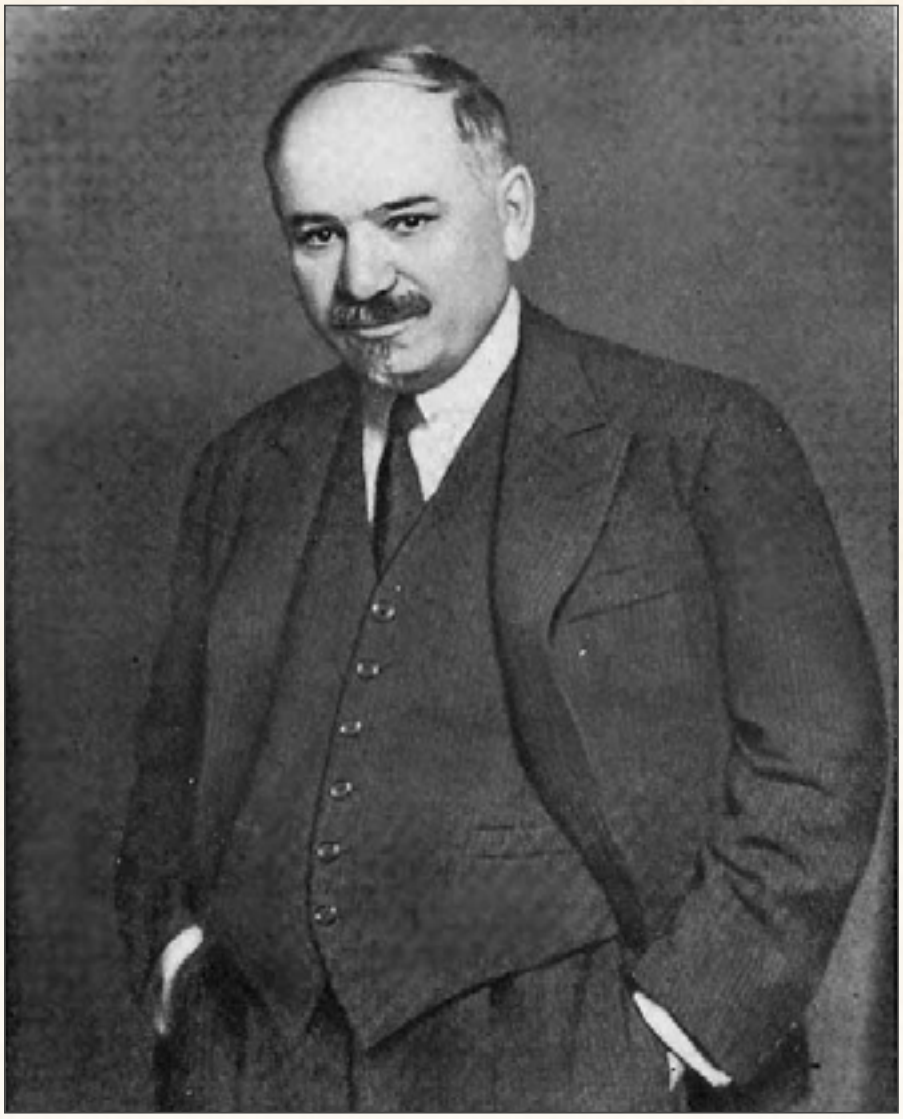

не может. Будем драться твердо, решительно, упорно до конца...». Примечательно, что применительно к Гитлеру И. М. Майский еще в первый день немецкого нападения на СССР употребил слово «самоубийство», и это, волею судеб, оказалось пророчеством в прямом смысле (как известно, Гитлер 30 апреля 1945 года покончил жизнь самоубийством в бункере имперской канцелярии, окруженной со всех сторон наступающими частями Красной Армии).

Существует представление, что в СССР большинство населения пострадало от репрессий и якобы было ими запугано. Это, конечно, сильное преувеличение. Документально подтвержденная статистика репрессий известна— она неоднократно публиковалась, и из нее вытекают совсем иные выводы. К тому же простые советские граждане в массе своей мало что знали или вообще ничего не знали о репрессиях, жертвами которых стали многие тысячи невинных людей, и впервые услышали об этом только после знаменитой речи Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС в 1956 году. А тогда, в довоенные годы, сложившийся в СССР политический режим в сознании многомиллионных масс народа прочно ассоциировался не с террором и репрессиями, а с воплощенными идеалами социальной справедливости. И этот режим однозначно расценивался большинством советских граждан как самый справедливый на всем земном шаре.

В литературе и публицистике последних двух десятилетий отчетливо прослеживается тенденция реанимировать лживый тезис Гитлера о «превентивной войне» Германии против СССР. Концепция «превентивной войны» с ее соответствующим обоснованием наиболее рельефно была изложена в речи Гитлера в рейхстаге 11 декабря 1941 года:

«...Я не искал войны, а, напротив, делал все, чтобы ее избежать. Но я бы забыл свой долг и действовал бы вопреки своей совести, если бы, несмотря на понимание неизбежности столкновения, не сделал отсюда одного единственно возможного вывода: считая Советскую Россию смертельнейшей опасностью не только для германского рейха, но и для всей Европы, я решил всего за несколько дней до этого столкновения дать сигнал к наступлению. Сегодня имеются поистине неоспоримые и аутентичные материалы, подтверждающие факт намерения русских осуществить нападение на нас. Точно также нам известен и тот момент, когда должно было произойти это нападение. Учитывая осознанную нами во всем ее объеме только ныне огромную опасность, могу лишь поблагодарить Господа нашего, вразумившего меня в нужный час и давшего мне силу сделать то, что должно было сделать...».

▲ Майский И.М.

В этом заявлении Гитлера нет ни слова правды. Абсолютно все — сплошное вранье, и это было убедительно доказано еще на Нюрнбергском процессе. Однако в последние два десятилетия в литературе и публицистике довольно неожиданно произошла реанимация этой выдумки Гитлера: мол, Гитлер всего лишь упредил Сталина, готовившего агрессию против Германии (по некоторым версиям, якобы даже не только против Германии, но и в целом против Запада). Делается это обычно посредством тенденциозного подбора фактов и их извращенной интерпретации, а также целой системы логических построений, носящих преимущественно казуистический характер.

▲ Берлин, Рейсхстаг, май 1945 года

И все эти «творческие» усилия направлены на то, чтобы «доказать», что заявление Гитлера в рейхстаге 11 декабря 1941 года будто бы было «правдивым».

Несмотря на все обоснования «правдивости» тезиса Гитлера о «превентивной войне», он, этот тезис, как был лживым, так таковым и останется навсегда. Ибо он прямо противоположен исторической правде. Тот же немецкий историк Г.-А. Якобсен (несмотря на то что в молодости он, будучи военнослужащим вермахта, участвовал в войне против СССР) нашел в себе мужества написать правду: «...Необходимо разрушить одну все еще распространенную легенду: германское нападение на Советский Союз в 1941 году... не являлось превентивной войной. Решение Гитлера осуществить его было порождено отнюдь не глубокой тревогой перед грозящим Германии предстоящим советским нападением, а явилось конечным выражением той его агрессивной политики, которая с 1938 года становилась все более неприкрытой». Именно это заключение Г. А. Якобсена и является исторической правдой.

К разряду системной фальсификации истории следует отнести настойчивые в последние годы попытки представить СССР как якобы виновника Второй мировой войны, поставить его в один ряд с фашистской Германией. Это совершенно недопустимо. Томас Манн как-то сказал о Третьем рейхе: «Это не государство и не социальный порядок, это дьявольское злодейство. Война против него — это священная война человечества против самого дьявола». Сказано, конечно, слишком резко, с элементами мистицизма, но по большому счету Т. Манн прав. Ведь во Второй мировой войне речь шла о спасении европейской (и еще шире— в целом человеческой) цивилизации от «коричневой чумы». И в этой «священной войне» (по выражению Т. Манна) прогрессивного и свободолюбивого человечества нельзя отрицать огромный вклад Советского Союза и его вооруженных сил. Нельзя забывать и о многомиллионных жертвах советского народа, принесенных на алтарь Победы.

И как же в свете этого можно ставить на одну доску гитлеровскую Германию и Советский Союз, вермахт и Красную Армию? Дмитрий Медведев в интервью газете «Известия» 7 мая 2010 года сказал: «Те, кто ставит на одну доску роль Красной Армии и роль фашистских захватчиков, совершают моральное преступление». Хорошо сказано, но к сожалению, указанное моральное преступление процветает в литературе и публицистике, а также в политике и пропаганде. ■

Н.Ф. ЧЕРВОВ, генерал-полковник, участник Великой Отечественной войны,
кандидат военных наук

ВЕЛИКИЕ ГОСУДАРИ

▲ Черчилль, Рузвельт, Сталин, Крымская конференция

Выдающуюся роль в создании антигитлеровской коалиции, ее руководстве и в достижении Победы над фашизмом во Второй мировой войне сыграла великая троица — И. Сталин, Ф. Рузвельт, У. Черчилль. В сложнейших условиях международной военной обстановки они сумели, несмотря на непримиримые социальные и другие противоречия, многочисленные военно-политические перипетии, найти основы объединения, сотрудничества, определить взаимоприемлемые цели и задачи войны и мобилизовать миллионы народов на их достижение. В этом состоит огромная заслуга руководителей СССР, США и Англии перед всем прогрессивным человечеством.

Без преувеличения можно утверждать, что руководители антигитлеровской коалиции, приведшие государства и народы к Победе над фашизмом — Ф. Рузвельт, И. Сталин, У. Черчилль, — несомненно обладали качествами великих государственных деятелей XX века и таковыми, безусловно, вошли в летопись истории.

ФРАНКЛИН ДЕЛАНО РУЗВЕЛЬТ — 32-й президент Америки (1933—1945) — первый из американских президентов, который, преодолев сопротивление американской реакции, 16 ноября 1933 г. добился дипломатического признания Советского Союза. При его правлении Америка стала нашим союзником во Второй мировой войне. Хотя стороны не всегда и не во всем были согласны друг с другом, мы никогда не забудем, что Рузвельт с открытым сердцем, искренне восхищался храбростью и силой советских солдат, их патриотизмом.

В то время, когда весь Запад трубил: «Дни России сочтены», «Армия русских развалилась», «Москва на краю пропасти» и т. д., американский президент 30 сентября 1941 г. писал Сталину: «Я не могу передать Вам, насколько мы все восхищены доблестной оборонительной борьбой советских армий. Я хочу воспользоваться этим случаем в особенности для того, чтобы выразить твердую уверенность в том, что Ваши

армии в конце концов одержат победу над Гитлером, и для того, чтобы заверить Вас в нашей твердой решимости оказывать всю возможную материальную помощь».

Кем же все-таки был Франклин Рузвельт по своим убеждениям и делам? Безусловно, он был прежде всего верным сыном Америки, американского народа. Приняв страну с великой депрессией конца 20 — начала 30-х годов, Рузвельт сумел поднять Америку на ноги. По его решению были в срочном порядке приняты прогрессивные законы, которые составили суть нового курса Рузвельта: чрезвычайный банковский закон о помощи; о регулировании сельского хозяйства; о восстановлении промышленности; о трудовых отношениях; о социальном страховании; о справедливых условиях труда; о нейтралитете и др. Все законы были проведены в жизнь.

Благодаря своим знаниям, опыту, организаторскому таланту, ему удалось не только спасти американский капитализм, но и вывести его на вершину цивилизованного развития. Именно по этой причине его авторитет в стране и на международной арене был непререкаемым.

Оставаясь сторонником и защитником капиталистического строя, Рузвельт в отличие от предшествующих ему американских президентов с первых дней своего правления начал строить советско-американские отношения на основе добрососедства, уважения и взаимной выгоды. Верный сын Америки был хорошим другом Советского Союза.

Особой заботой Рузвельта был второй фронт. Являясь сторонником открытия его на севере Франции, Рузвельт поддерживал в этом вопросе Сталина и выступал против балканского варианта Черчилля.

Свою идею о высадке англо-американских войск на севере Франции президент намеревался осуществить в 1942 г., но под давлением Черчилля и внутренней оппозиции согласился на перенос операции «Оверлорд» на более поздние сроки. По сути, его позиция в этом вопросе до Тегеранской конференции была двойственной: он соглашался с предложением Черчилля о проведении военной операции в Средиземном море и одновременно выступал за «Оверлорд».

▲ Рузвельт в домашней обстановке, 1941

На Тегеранской конференции и после нее Рузвельт утвердился на первоначальной своей позиции — «Оверлорд». Больше всего его беспокоило время высадки десантных сил. Он боялся опоздать!

После Сталинградской операции и особенно Курской битвы он вдруг почувствовал, что Европа может оказаться в железных объятиях Сталина. «А ведь Европа нам нужна, — убеждал себя Рузвельт, — без Европы не будет сильной Америки». Операцию «Оверлорд» он стал сравнивать с древнегреческим мифом «Похищение Европы». Сталин представлялся ему в качестве Зевса, который может превратиться в «чудесного золотого быка» и похитить прекрасную Европу вырвать ее из цепких рук англосаксов.

Рузвельта озарили другие мысли: Европу должен похитить американский орел, но так, чтобы упредить могучего Зевса. Об этом его просили генералы ОКНШ в Квебеке (август 1943 г.), предупреждая о возможности «самостоятельной русской победы» до начала вторжения англосаксов во Францию. Об этом предупреждал его Черчилль в своем паническом послании, требуя принять срочные меры, чтобы не дать красным стать хозяевами в Центральной Европе. «Это поздно сделать уже сейчас, — писал Черчилль, — а завтра станет невозможным вообще». Британский премьер пророчествовал о том, что Америка и Англия любыми средствами должны предотвратить «большевизацию» Европы.

После Тегеранской конференции Рузвельт начал торопить, спешить с открытием второго фронта на севере Франции:

- на совещании в Каире (3–7 декабря 1943 г.) американская и английская делегации согласились создать самостоятельные верхов-

▲ Рузвельт выступление по радио

ные командования для каждого театра военных действий. Верховным командующим войсками на европейском театре военных действий был назначен американский генерал Дуайт Эйзенхауэр. В канун Рождества президент США объявил по радио об этом решении;

- президент США дважды (в ноябре и декабре 1943 г.) разъяснял Эйзенхауэру обстановку, значение операции «Оверлорд», необходимость ее ускоренной подготовки.

Казалось бы, вся работа по подготовке десантной операции идет по плану, но беспокойство по поводу самостоятельной русской победы президента не покидало. Рузвельт понял, что Германия выдохлась. Численность ее вооруженных сил составляла около 10 млн человек. Общая численность Советских Вооруженных Сил была значительно большей.

К концу 1943 г. численность американских вооруженных сил достигла почти 13 млн и английских — около 5 млн человек. Оценив все эти цифры, Рузвельт убедился, что паническое послание Черчилля обоснованно и что Америка запоздала с операцией «Оверлорд». Впервые за много лет войны он глубоко сожалел о том, что ему не удалось отстоять свою идею об открытии второго фронта на севере Франции в 1942 г. «Похищение Европы» русским Зевсом стало реальностью!

Огромной заслугой американского президента перед человечеством были его неимоверные усилия относительно обустройства мирного послевоенного будущего.

Ф. Рузвельт в ходе всей Второй мировой войны никогда не сомневался в ее победном исходе для антигитлеровской коалиции. Он мечтал о послевоенном мире, его благоустройстве, когда смолкнут пушки. Мечтал создать «Дом добрых соседей» — так американский президент называл будущую Организацию Объединенных Наций. Далеко смотрел один из умнейших людей планеты.

Выступая в конгрессе 1 марта 1945 г., президент США Ф. Рузвельт предсказывал народам планеты путь в безопасное будущее. Он говорил: «Мир, который мы строим, не может стать американским или британским миром, русским, французским или китайским миром. Он не может быть миром больших или миром малых стран. Он должен быть миром, базирующимся на совместных усилиях всех стран... Должен прийти конец системам односторонних действий, замкнутых блоков, сфер влияния, баланса сил и всех этих и подобных методов, которые использовались веками и всегда безуспешно». Мудрые слова великого президента Америки!

К сожалению, в связи с уходом из жизни Франклина Рузвельта, его предсказания не сбылись. Возможности построения безопасного мира не были использованы.

В этой связи представляет интерес факт предвидения Рузвельтом развития послевоенного мира. Государственная прозорливость помогала ему разглядеть за горизонтом Вто-

рой мировой войны два возможных пути развития событий.

Первый путь, по мыслям Рузвельта, предполагал добрососедство и содружество боевых союзников после войны, особенно сохранения советско-американского согласия. В этом случае развитие мира виделось ему при минимальном оружии, возможности приостановки работ по созданию атомной бомбы, использования атомной энергии только в мирных целях, приостановки многочисленных программ строительства ВМС и ВВС, неразвертывания многочисленных опорных пунктов (военных баз) по всему свету.

В то же время в своем видении он не исключал другой путь развития в случае, если после войны СССР и США по каким-либо причинам окажутся на противоположных полюсах. Тогда неизбежно самое худшее — обострение обстановки, вражда и конфронтация двух сверхдержав, балансирование на грани новой мировой войны. Последствия такого послевоенного мира труднопредсказуемы. В ущерб всему человечеству появятся горы оружия с обеих сторон, которые могут быть многократно увеличены за счет появления атомных бомб.

Как исключить, не допустить такого положения, чтобы бывшие боевые союзники стали потенциальными врагами, открытыми противниками?

Рузвельт не мог найти подходящего ответа на этот вопрос. После мучительных раздумий он глубоко уверовал, что для этого необходимо в интересах мира во всем мире разработать тремя государствами — США, СССР и Англией — упомянутый важнейший вопрос в таком плане, который исключал бы возможность начала накопления вооружения любым из трех союзников друг против друга. Гарантией должны были бы служить всесторонние инспекции.

«Настало время, — убеждал себя Рузвельт, находясь под впечатлением Сталинградской битвы и Тегеранской конференции, — откровенно переговорить на этот счет с русским премьер-министром. И по результатам этих переговоров определить, какие шаги следует предпринимать для решения общей задачи».

После разгрома Гитлера под Сталинградом и под Курском Рузвельта уже никогда не покидали мысли о все большем усилении военной и экономической мощи Советского Союза, об этом ему постоянно напоминали ближайшее окружение, военные и дипломаты. Да и он сам видел, что СССР после войны будет ключевой державой мира и в военном, и в экономическом отношениях.

Сумеет ли правильно распорядиться этой помощью Советская Россия? Не получится ли так, что вместо советско-американского согласия начнется жесткое противоборство? На замену согласия придет военное противостояние? Что тогда?

Мысленно рассуждая о предстоящем откровенном разговоре со Сталиным, президент невольно вспомнил о письме всемирно известного физика Альберта Эйнштейна. Когда это было? 1939 год, когда была разбита Польша.

▲ Черчилль Рузвельт, 1941 год

Вот текст письма Эйнштейна:

«Альберт Эйнштейн Олд Гроув-роуд Нассау- Пойнт Пеконик, Лонг-Айленд 2 августа 1939 г.

Ф.Д. Рузвельту
Президенту Соединенных Штатов
Белый дом
Вашингтон, Округ Колумбия

Сэр,

Ознакомившись в рукописи с недавними работами Э. Ферми и Л. Сцилларда, я пришел к выводу, что в самом ближайшем будущем можно будет превратить элемент уран в новый и важный источник энергии. Некоторые моменты создавшегося положения требуют, как мне кажется, внимательного изучения и, в случае необходимости, быстрых действий правительства. Потому я считаю своим долгом довести до Вашего сведения следующие факты и предложения.

За последние четыре месяца работы Жолио во Франции, равно как и работы Ферми и Сцилларда в Америке, сделали возможным провести полную ядерную реакцию в большом количестве урана, с помощью которой можно будет выделить огромную энергию и новые элементы, подобные радию. Сейчас кажется почти бесспорным, что этого можно достичь в ближайшем будущем.

Это новое явление может навести на мысль об изготовлении соответствующих бомб... нового типа, обладающих чрезвычайной мощностью. Одна такая бомба, доставленная на борту корабля и взорванная в порту, может уничтожить и весь порт и все, что есть на примыкающей к нему территории. Однако такие бомбы могут оказаться слишком тяжелыми для транспортировки по воздуху.

Соединенные Штаты располагают небольшими запасами урановой руды, да и та имеет низкое содержание урана. Хорошая руда имеется в Канаде и в оккупированной немцами Чехословакии, а самые мощные запасы урана находятся в Бельгийском Конго.

▲ Рузвельт, Черчилль, 1941 год, Атлантика

Ввиду сложившейся обстановки, возможно, Вы сочтете целесообразным установить постоянный контакт между Правительством и группой физиков, которые работают над цепной реакцией в Америке. Такой неофициальный контакт могло бы установить лицо, пользующееся Вашим доверием. В ее задачи входило бы следующее:

а) связаться с министерствами, информировать их о ходе дел и делать рекомендации Правительству о необходимых действиях, обращая особое внимание на решение задачи по обеспечению поставок урановой руды в Соединенные Штаты;

б) ускорить экспериментальные работы, которые в настоящее время осуществляются в рамках бюджетов университетских лабораторий, обеспечивая необходимые средства, если такие средства потребуются, используя свои связи с частными лицами, которые пожелают внести свой вклад в это дело, и, возможно, заручившись поддержкой заводских лабораторий, имеющих необходимое оборудование.

Насколько я понимаю, Германия прекратила продажу урана из захваченных чехословацких рудников. Возможно, такие решительные действия объясняются тем, что Вайцзеккер, сын заместителя статс-секретаря Германии, откомандирован в Институт кайзера Вильгельма в Берлине, где теперь ведутся работы по урану, дублирующие американские.

Искренне ваш
Альберт Эйнштейн».

Письмо Эйнштейна доложил президенту его неофициальный советник по экономике Александр Сакс только 11 октября 1939 г. Рузвельт несколько раз перечитал письмо Эйн-

▲ Рузвельт и Черчилль

штейна. Затем дал распоряжение создать комиссию для расследования вопроса. 1 ноября был представлен президенту доклад комиссии, в котором подтверждались все выводы и оценки письма Эйнштейна. Комиссия считала, что «такое исследование заслуживает прямой финансовой поддержки правительства».

Несмотря на рекомендации, средства не были выделены и крупные работы не начинались из-за отсутствия финансирования. Рузвельт колебался. Появление нового оружия огромной разрушительной силы могло явиться источником бед для человечества, «ящиком Пандоры». Поэтому президент откладывал наступление атомного века на потом.

7 марта 1940 г. Эйнштейн направляет через Сакса второе письмо президенту. В нем один из «творцов Вселенной» писал:

«С начала войны в Германии усилился интерес к урану. Сейчас я узнал, что в Германии в обстановке большой секретности проводятся исследовательские работы, в частности в Институте физики, одном из филиалов Института кайзера Вильгельма. Этот институт передан в ведение правительства, и в настоящее время группа физиков под руководством К. Ф. фон Вайцзеккера работает там над проблемами урана в сотрудничестве с Институтом химии. Бывший директор института отстранен от руководства, очевидно, до окончания войны».

Второе письмо сильно обеспокоило Рузвельта тем, что Германия может первой получить в руки атомное оружие. Поэтому Америка, хотя и медленно, но в конце 1941 г. приступила к практической работе над Манхэттенским проектом в условиях государственного финансирования. Первое испытание атомной бомбы состоялось в пустыне Аламогордо (штат Нью-Мексико) в 5 ч 30 мин 16 июля 1945 г., то есть за несколько минут до наступления дня в этой части Земли. Атомная эпоха началась, но... без Франклина Делано Рузвельта.

Великого президента Ф. Д. Рузвельта нередко критиковали в США в то время, да и сегодня так считают, что будто бы он недостаточно заботился о послевоенном могуществе Америки, уделяя больше внимания «мечте» о общем мире на земле. На деле все было как раз наоборот.

Рузвельт всегда был за могущество Америки, только благодаря его таланту страна вылезла из депрессии и стала могучей. Но он видел могущество Америки не с помощью оружия, в том числе атомного, а в результате развития экономики и разумной организации жизни внутри страны. Богом его была не военная сила США, а демократическое устройство страны, могучая экономика — образец и пример для других государств, а также готовность жить в мире со всем миром. Он был противником монополии одного государства на мировое господство, считал опасным для мира появление в будущем новых претендентов на гегемонию с помощью большой дубинки, выступал за сообщество

не правительств, а народов за международное сотрудничество наций.

Такие принципы внешней политики, которыми руководствовался Рузвельт, не находили поддержку со стороны монополий, корпораций, олигархов и прочих властелинов мира. Они называли его мечтателем.

После кончины президента Рузвельта его преемник Г. Трумэн, спустя пару месяцев, в своем послании конгрессу объявил о том, что «победа, которую мы одержали, поставила американский народ перед лицом постоянной и жгучей необходимости руководства миром». На это опираются и нынешние руководители США.

«Во время Потсдамской конференции, — рассказывал однажды А. Громыко, — новый американский президент Г. Трумэн нарочито стремился вносить в обсуждаемые вопросы элементы остроты, особенно в отношениях со Сталиным. Чувствовалось, что он настроен на жесткий разговор, на давление и обострение советско-американских отношений. В качестве решающего преимущества и фактора шантажа у Трумэна был козырь в виде атомной бомбы.

24 июля после окончания одного из заседаний, когда Сталин направлялся к выходу, президент Трумэн задержал его и сказал:

«Я хотел бы сделать конфиденциальное сообщение. Соединенные Штаты создали новое оружие большой разрушительной силы, которое мы намерены применить против Японии».

Эту информацию. Сталин принял к сведению спокойно, не проявив никаких эмоций, лишь поблагодарив за сообщение.

Трумэн убеждал потом Черчилля, что Сталин ничего не понял из сказанного им о новом оружии, дескать, не придал этому никакого значения. Однако в действительности было не так. Выйдя из помещения, Сталин сказал Молотову:

▲ Черчилль - Нам нужна победа

«Этот чудак думает, что мы ничего не знаем, ну пусть думает. Передай, Вячеслав, Курчатову, чтобы он ускорил работы!»

Как потом оказалось, атомное оружие явилось одной из важнейших операций США и Англии по развертыванию «холодной войны», гонки вооружений, жесткой конфронтации и военного противоборства против Советского Союза. Союзники стали врагами, а мир начал развиваться по второму пути, возможность которого предвидел Ф. Рузвельт. Думается мне, что «холодная война» со всеми ее драматическими и трагическими последствиями могла бы и не быть, если бы у руля Америки после Второй мировой войны продолжал находиться Франклин Делано Рузвельт.

ЧЕРЧИЛЛЬ УИНСТОН ЛЕОНАРД СПЕНСЕР (1874—1965) был британским премьер-министром (1940—1945,1951—1955).

Его политическое лицо многолико, многомерно, с наличием большого числа красок, как в калейдоскопе. В ходе Второй мировой войны Черчилль фактически был первым политическим и государственным лидером, который понял, что без военного союза с СССР его страна, Великобритания, не в состоянии выиграть войну и потерпит поражение. Поэтому 22 июня 1941г. — в день нападения Германии на Советский Союз — он заявил о поддержке борьбы советского народа.

Сотрудничая с СССР в рамках антигитлеровской коалиции, Черчилль оставался ярым антикоммунистом, стремился препятствовать росту влияния нашего государства и его Вооруженных Сил в войне, активно отстаивал незыблемость британской империи.

Однако такая оценка одного из лидеров «большой тройки» была бы далеко не полной без описания, с одной стороны, его положительной роли в деятельности антигитлеровского союза, с другой — его скрытых, закулисных действий, направленных на ослабление, истощение СССР в борьбе с гитлеровской Германией в надежде про-

▲ Черчилль и Рузвельт

диктовать ему свою волю в конце войны.

Заслугой Черчилля с начала Второй мировой войны и особенно после нападения Германии на Советский Союз является его реализм в политике. Он не только первый среди западных деятелей увидел огромную угрозу миру со стороны гитлеровской Германии, но и понял необходимость бескомпромиссного уничтожения нацизма совместно с США и таким мощным союзником, как СССР. В этом была его мудрость и государственная прозорливость.

Черчилль многократно заявлял о том, что Гитлер и нацистский режим представляют смертельную угрозу всему тому, что дорого Англии и Франции.

В апреле 1933 г., когда Гитлер потребовал «равенства в вооружениях», Черчилль сразу понял, что это «возрождение германского милитаризма», крайне опасное при нацизме, и в недалеком будущем «мы несомненно окажемся на пороге всеобщей европейской войны».

В апреле 1934 г. он предупреждал палату общин о все возрастающем авиационном устрашении со стороны Германии, считая, что через три года германская военная авиация будет вдвое сильнее английской.

В 1936 г. Черчилль словно провидец заявил в английском парламенте о том, что Германия «вооружается в массовых, еще невиданных масштабах в истории этой страны. Во главе ее стоит кучка торжествующих головорезов... Очень скоро им придется сделать выбор между экономическим и финансовым крахом... войной, у которой не может быть иной цели... кроме как германизации Европы под нацистским контролем».

В 1938 г. он резко осудил мюнхенскую сделку, заявив в палате общин, что это соглашение является поражением для Англии, которая вошла в орбиту нацистской Германии, в зависимое от нее положение.

Если суммировать все эти выступления и дела Черчилля того времени, то чётко вырисовывается его политическая программа по вопросу безопасности страны. Ее суть состоит в том, что в центре Европы в 30-е годы по вине «политики умиротворения» зародился очаг большой войны. Агрессором выступает Германия.

Военная угроза опасна не тем, что нацисты готовятся к войне против Советской России, а прежде всего тем, что гитлеровская Германия является опасным врагом Англии. Потому Великобритания должна опираться в своей европейской политике на Францию и Лигу Наций. Оставаясь последовательным противником коммунистической России, Черчилль после мюнхенского сговора вносит поправку в свою стратегию — он все чаще рассуждает вслух, что в коалицию государств против Гитлера следует включить Советский Союз.

Представляя свое новое правительство парламенту 13 мая 1940 г., У. Черчилль произнес краткие, но глубокого смысла слова: «Я скажу палате, как уже сказал тем, кто вошел в правительство, — я не могу вам предложить ничего, кроме крови, труда, слез и пота. Перед нами пора тяжких страданий. Перед нами много, много месяцев борьбы и лишений. Вы спросите, какова наша политика? Я отвечу: вести войну на море, на суше и в воздухе со всей мощью и силой, дарованной нам господом, вести войну против чудовищной тирании, равной которой еще никогда не было в мрачном, горестном списке человеческих преступлений... Вы спросите, какова наша цель. Я отвечу одним словом: победа, победа во что бы то ни стало, победа, несмотря на все ужасы, победа, как бы то ни был длинен и тяжел к ней путь, ибо без победы не может жить — поймите это ясно, — не может выжить Британская империя, не может выжить все то, за что стоит Британская империя, не могут выжить импульсы веков, движущие человечество к достижению его целей...»

Став в 1940 г. британским премьер-министром, он решил исправить ошибку Чемберлена и опираться в будущей войне на СССР. Это был серьезный политический шаг Черчилля, так как в стране в то время господствовали «мюнхенцы», враждебные СССР, которые и мысли не допускали идти на союз с коммунистической Россией в борьбе с нацистской Германией. Их классовая идеология господствовала над здравым смыслом. Да и у самого Черчилля ненависть к социализму сидела в генах и была его неизлечимой бо-

лезнью, которая особенно усилилась после советско-германского договора о ненападении.

По оценке советского посла в Лондоне И. М. Майского (1932—1943), сам Черчилль неоднократно говорил о себе, что его богом является Британская империя и что все его политические действия определяются интересами сохранения империи.

«Теперь, после 22 июня 1941 г., интересы Британской империи по-прежнему довлели над сознанием Черчилля, однако в обстановке Второй мировой войны он считал, что эти интересы прежде всего связаны с Атлантикой и Тихим океаном, с бассейном Средиземного моря и Ближним Востоком. Вопрос же о России у Черчилля стоит на втором месте и вдобавок еще проникнут внутренним противоречием: Россия нужна как союзница против Германии и в то же время Россия опасна, ибо если она выйдет из войны очень усилившейся, то может поставить в трудное положение Британскую империю — не как завоевательница ее территорий, а как мощный морально-политический фактор, способствующий ее внутреннему разложению».

Черчилль не хотел поражения СССР, ибо в этом случае победоносная Германия с удвоенной силой обрушилась бы на Англию и, вероятно, в конце концов оккупировала бы Британские острова. Но Черчилль не хотел также полного разгрома Германии, ибо в этом случае СССР стал бы слишком могущественным и исходящее от него влияние грозило бы подорвать колониальные основы Британской империи да и вообще вызвать в мире большие потрясения антикапиталистического характера.

Идеальным с точки зрения Черчилля было бы, если Германия и СССР вышли из войны сильно потрепанными, обескровленными и на протяжении по крайней мере целого поколения бродили бы на костылях, в то время как Англия пришла бы к финишу с минимумом потерь и в доброй форме европейского боксера.

Этой стратегией он руководствовался в ходе всей Второй мировой войны, особенно при решении вопроса об открытии второго фронта и конечных целях войны. Отсюда, естественно, вытекало стремление проявить максимум экономии в затрате собственных усилий на выигрыш войны и, наоборот, переложить максимум страданий и потерь на Советский Союз.

Однако Черчилль в одном важном и принципиальном вопросе просчитался. Он далеко не сразу сумел правильно оценить огромную экономическую мощь и военную силу Советского Союза в войне. Как многие другие западные государственные и политические деятели, он исходил из того, что Германия и СССР измотают друг друга в мертвой схватке, истощат свои силы и ресурсы, и тогда англосаксы станут диктовать свою волю на международной арене. На деле такой сценарий не сработал.

Уже после Сталинграда Черчилль увидел, что исход Второй мировой войны решается на советско-германском фронте в пользу Советского Союза, а это по раскладу британского премьера может привести к огромному влиянию советской супердержавы в послевоенном мире. Потому он сменил свою стратегию — от политики открытой поддержки союзника по антигитлеровской коалиции перешел к скрытой войне против него, которая все больше усиливалась по мере успешных действий Советских Вооруженных Сил и их стремительного наступления на Запад.

▲ Уинстон Черчилль

▲ Черчилль в кресле Гитлера, Берлин, 1945

По моему мнению, можно определенно утверждать, что именно с этого момента Черчилль стал главной фигурой в антигитлеровской коалиции, по инициативе которого происходили основные драматические взаимоотношения между «большой тройкой», а — значит, и между союзными государствами в целом.

Британский премьер откровенно саботировал и затягивал по времени открытие второго фронта на севере Франции, стремился во что бы то ни стало воплотить в жизнь свой балканский вариант, тормозил военные поставки в СССР, проводил тайные переговоры с главарями гитлеровской Германии, был не прочь уберечь Германию от полного разгрома и безоговорочной капитуляции. А в первые послевоенные годы выступил в Фултоне главным глашатаем развязывания «холодной войны» против Советского Союза.

При наличии только перечисленных серьезных разногласий сегодня приходится лишь удивляться, каким образом лидерам «большой тройки» удалось остаться союзниками до победного конца. Большую роль в сохранении коалиции, безусловно, сыграл президент США Ф. Рузвельт.

Взять, например, проблему открытия второго фронта в Европе. На настоятельные призывы Сталина, которые поддерживал Рузвельт, открыть второй фронт на севере Франции Черчилль реагировал различными отговорками вплоть до 1943 г. Его коварная стратегия по затягиванию второго фронта фактически сработала. Цель была ясна — оставить русских один на один воевать с немцами, с тем чтобы продолжать истощать Советский Союз.

При этом британский премьер не только противился открытию второго фронта на севере Франции, но правдами и неправдами пытался убедить Рузвельта и Сталина в необходимости реализации балканского варианта, разумеется, не ради помощи Красной Армии, а с целью опять же оставить русских один на один в борьбе с гитлеровцами и остановить советские войска как можно восточнее германской границы.

Если бы Рузвельт согласился с черчиллевским балканским вариантом, то наверняка война в 1944 г. пошла бы совершенно по другому пути. Рузвельт не согласился. Операция «Оверлорд» стала неизбежной.

СТАЛИН ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ (1879—1953) — Генеральный секретарь ЦК ВКП(б). Во время Второй мировой войны — Председатель Совета Народных Комиссаров, Председатель Государственного Комитета Обороны, народный комиссар обороны СССР, Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами Советского Союза. Являлся одним из организаторов антигитлеровской коалиции.

О Сталине много написано. Еще больше наговорено, особенно очернительного, несправедливого. Причины фальсификации личности Сталина, как мне кажется, раскрыл сам Сталин еще задолго до Великой Отечественной войны. В беседе с Александрой Михайловной Коллонтай в ноябре 1939 г. И. Сталин сказал: «Многие дела нашей партии и народа будут извращены и оплеваны прежде всего за рубежом, да и в нашей стране тоже. Сионизм, рвущийся к мировому господству, будет жестоко мстить нам за наши успехи и достижения. Он все еще рассматривает Россию как варварскую страну, как сырьевой придаток. И мое имя тоже будет оболгано, оклеветано. Мне припишут множество злодеяний.

Мировой сионизм всеми силами будет стремиться уничтожить наш Союз, чтобы Россия больше никогда не могла подняться. Сила СССР — в дружбе народов. Острие борьбы будет направлено прежде всего на разрыв этой дружбы, на отрыв окраин от России. Здесь, надо признаться, мы еще не все сделали. Здесь еще большое поле работы.

С особой силой поднимает голову национализм. Он на какое-то время придавит интернационализм и патриотизм. Возникнут национальные группы внутри наций и конфлик-

ты. Появится много вождей-пигмеев, предателей внутри своих наций.

В целом в будущем развитие пойдет более сложными и даже бешеными путями, повороты будут предельно крутыми. Дело идет к тому, что особенно взбудоражится Восток. Возникнут острые противоречия с Западом.

И все же как бы ни развивались события, но пройдет время, и взоры новых поколений будут обращены к делам и победам нашего социалистического Отечества. Год за годом будут приходить новые поколения. Они вновь поднимут знамя своих отцов и дедов и отдадут нам должное сполна.

Свое будущее они будут строить на нашем прошлом». (Цит. по: Соловьев Б., Суховеев В. Полководец Сталин. М., 1999. С. 9.)

Конечно, Сталин —личность сложная, противоречивая. Но личность великая, гениальная, познать которую можно только с объективных позиций того времени.

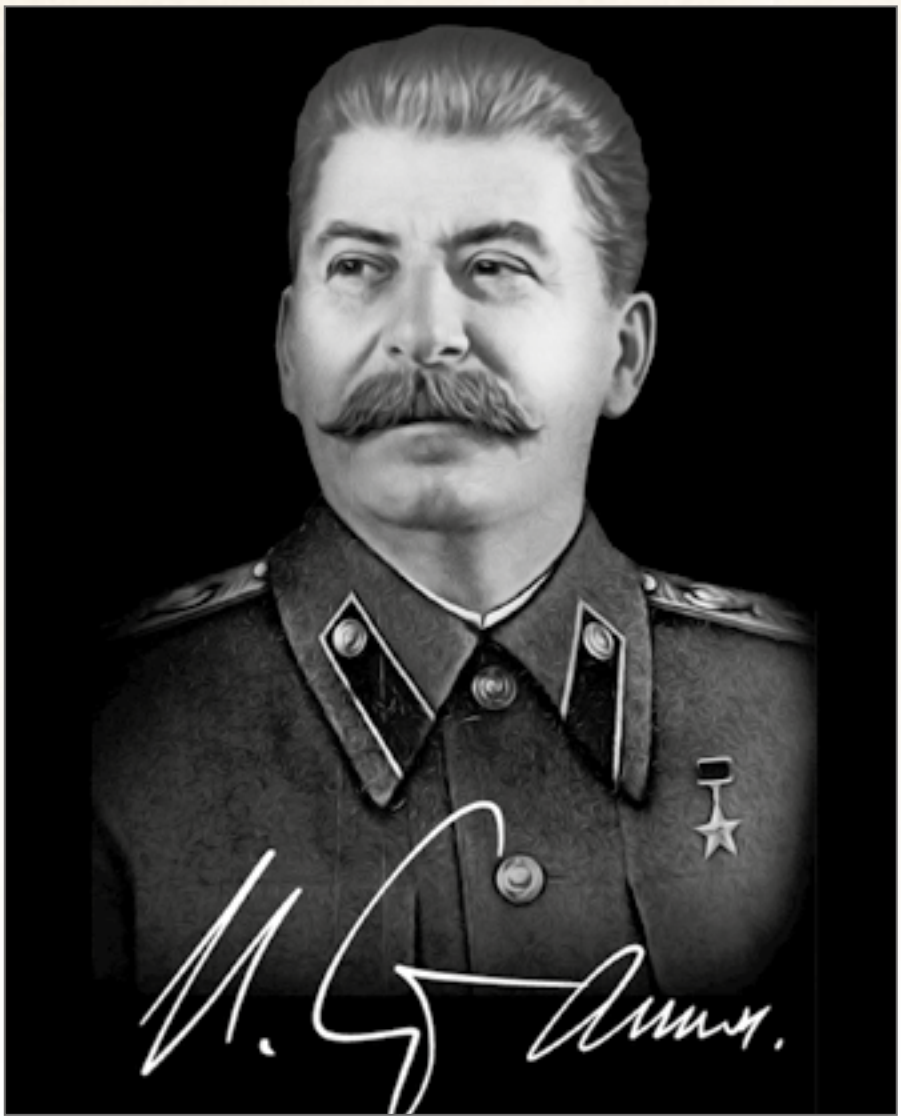
Справедливо писал Михаил Александрович Шолохов на этот счет: *«Нельзя оглуплять и принижать деятельность Сталина в тот период. Во-первых, это нечестно. А, во-вторых, вредно для страны, для советских людей, и не потому, что победителей не судят, а прежде всего потому, что ниспровержение не отвечает истине».*

Люди моего седого поколения лучше других знают, что при Сталине перед войной и в ходе войны, особенно в начальный период, были просчеты, ошибки, злоупотребления властью. Однако были и победы, великие дела и свершения. Поэтому отношение к своей истории должно быть серьезным, компетентным, ответственным. *«Мы — не последнее поколение в истории. За нами придут другие и тоже будут судить о наших делах, объективности наших оценок, о наших просчетах». (Вестник МИД СССР. 1988. № 15. С. 31.)*

С этих позиций следует подходить и к оценке исторической роли Сталина. Между тем ряд историков, политологов и прочих писателей разных мастей, вопреки объективности и правдивости, распространяют о Сталине заведомую клевету, при этом изворачиваются и фальшивят без меры. Например, пытаются обвинить его в сговоре с Гитлером в 1939 г., что, дескать, позволило фюреру развязать Вторую мировую войну, возложить только на Сталина ответственность за просчеты и ошибки начального периода войны, принизить его роль и значение в руководстве страной и Вооруженными Силами в войне, а также в деятельности антигитлеровской коалиции.

Осуждая Сталина за август 1939 г., судьи истории обычно ссылаются на пакт Молотова — Риббентропа, то есть Договор СССР и Германии о ненападении, и правдами и неправдами доказывают, что Сталин якобы сорвал союз с западными демократами, поскольку Англия и Франция не были абсолютными врагами СССР и была реальная перспектива договориться с ними. Требовались выдержка, терпение и умение маневрировать. Но Сталин, дескать, устал и попросту смешал на доске все фигуры!

На деле обстановка была другой, и факты опровергают подобные утверждения. В настоящее время хорошо известно, что политическая паутина того времени была чрезвычайно сложной: англичане с французами вели сделку с немцами, итальянцами, японцами и с Советским Союзом; немцы разыгрывали антисоветскую карту в сговоре с Лон-

▲ И. Сталин

▲ Сталин, Рузвельт, Ялта, 1945

доном и Парижем и интриговали Москву возможным соглашением с Англией и Францией, одновременно угрожали полякам; поляки, не считаясь с реалиями, в оскорбительном тоне отказались от военной помощи СССР и пребывали в растерянности, готовые на союз или с немцами, или с англичанами. США поддержали «Мюнхен», требовали от Англии и Франции «не спешить с соглашением с Советами», бросили на произвол судьбы Польшу, считали, что война Германии с СССР даст большую выгоду всему западному миру.

В этой паутине интриг, сговоров, тайных переговоров Сталин понимал самое главное: надеяться ему не на кого. СССР — одинокий остров в окружении капиталистических государств. Основное, самое важное в избранной им стратегии — не допустить общего сговора империалистических хищников против СССР. Принять все необходимые меры, чтобы избежать одновременной войны на два фронта — с Японией и Германией — в условиях международной изоляции.

До начала Второй мировой войны Сталин был преисполнен решимости договориться с Англией и Францией. Он даже пытался привлечь США к тушению разгоравшегося мирового пожара. По его указанию за подписью М. И. Калинина была направлена соответствующая телеграмма президенту Рузвельту.

К сожалению, инициатива Сталина не получила поддержки в Белом доме. В беседе с полпредом СССР в США К. А. Уманским 30 июня 1939 г. Рузвельт высказал лишь общие пожелания о достижении успеха переговоров между СССР, Англией и Францией. Это тоже была двойная игра. На столе у Сталина лежала телеграмма Уманского о том, что президент США *«не решился воспользоваться имеющимися в его распоряжении моральными и материальными средствами для воздействия на англичан и французов с целью повлиять на их внешнеполитическую линию». (История внешней политики СССР 1917—1945 гг. Т. 1. С. 371-372.)*

Телеграмма Уманского говорила Сталину о том, что хитросплетения западных демократов продолжаются, при этом каждый думает прежде всего о себе. Что оставалось делать Сталину?

В той критически сложившейся обстановке у него не было иного пути, кроме как принять предложение Гитлера и заключить 23 августа 1939 г. с Германией пакт о ненападении (сроком на 10 лет). Сталин, однако, знал, с кем имеет дело. В узком своем кругу он почти всегда называл Гитлера и его окружение «жуликами». А при подписании пакта сказал немецкой делегации: «Разумеется, подписывая пакт, мы не забываем того, что вашей конечной целью является нападение на нас».

Даже после подписания договора и вплоть до обмена ратификационными грамотами (24 сентября 1939 г.) советские руководители искали сотрудничества с Лондоном и Парижем, надеялись, что они согласятся на совместные действия против агрессора. Но усилия СССР не увенчались успехом. Классовая ненависть западных держав к социализму оказалась сильнее чувства самозащиты.

Таким образом, тайная закулисная политика правящих кругов Англии и Франции по сговору с Гитлером при молчаливом согласии США вынудила Сталина пойти на заключение пакта о ненападении с Германией. Он не мог действовать иначе, так как необходимо было предотвратить создание объединенного антисоветского фронта империалистических государств, в результате которого была бы поставлена под угрозу судьба социализма.

Англия, Франция и Польша отвергли предложение СССР о военном союзе, сорвали переговоры. Сталин видел, что Англия и Франция не хотят применять силы против Германии и не придут на помощь Польше в случае нападения на нее Германии. Что оставалось делать?

Было два пути: либо созерцать и ждать, когда Гитлер захватит всю Польшу и выйдет к границам СССР, либо договориться с Германией о разделе Польши и воссоединении братских украинского и белорусского народов. Думаю, что и сегодня нет сомнения в правильности избранного Сталиным второго пути в интересах государства.

Допускал ли Сталин нападение Германии на СССР в союзе с Англией и Францией?

Сталин хорошо знал, что Англия и Франция часто и нагло обманыва-

ли своих союзников, включая СССР. Поэтому у него не было оснований надеяться на то, что западная «демократия» (в лице Чемберлена и Даладье) придет на помощь СССР при нападении на него Германии.

Какой возможный сценарий действий выбрал бы Сталин 1 сентября 1939 г., если бы Англия, Франция и Польша обратились к СССР с предложением о совместных военных действиях против Германии?

Можно предполагать с большой вероятностью, что в этом случае Сталин выступил бы на стороне Англии, Франции и Польши, денонсировав договор о ненападении с Германией.

Однако Англия и Франция, объявив войну Германии, фактически бросили своего союзника — Польшу и за восемь месяцев «странной войны» не сделали ни одного выстрела.

Следует ли понимать, что «союзничая» с воюющим Гитлером, Сталин вынужден был помогать ему?

Такие суждения неверны в принципе. Сошлюсь на мнение Черчилля. В своих мемуарах на этот счет он писал: *«Нужно отдать справедливость Сталину, он всеми силами старался лояльно сотрудничать с Гитлером, в то же время собирая все силы, какие он только мог собрать на необъятных просторах России. Они (Сталин и Молотов. — Авт.) были исполнены решимости любыми средствами выиграть время и не намеревались, насколько они могли оценить эту проблему, основывать русские интересы и стремления исключительно на победе Германии».*

По мнению крупного японского советолога Хэроми Тэратани, при заключении пакта о ненападении с Германией Сталин проявил себя государственным деятелем высшей квалификации... Не будь пакта о ненападении, судьбы мира сложились бы по иному и отнюдь не в пользу СССР.

Заключив договор с Германией, Советский Союз спутал карты всех своих противников. Технически это было выполнено прямо ювелирно. Были перечеркнуты планы англичан, заигрывавших с Германией, и в меньшей степени с СССР, а на деле пытавшихся стравить их между собой. Среди прочего следует отметить и такой выигрышный момент для СССР: миллионная Квантунская армия так и простояла у границы с СССР шесть лет, не сдвинувшись с места.

Что касается оценки личности Сталина в годы Великой Отечественной войны, то предоставлю слово окружающим его авторитетам.

Г. Жуков в своих мемуарах пишет: *«И. В. Сталин внес большой личный вклад в дело завоевания победы над фашистской Германией и ее сателлитами. Авторитет его был чрезвычайно велик и поэтому назначение Сталина Верховным Главнокомандующим было воспринято народом и войсками с воодушевлением...*

Сталин владел основными принципами организации фронтовых операций и операций групп фронтов и руководил ими со знанием дела, хорошо разбирался в больших стратегических вопросах. Эти способности И. В. Сталина как Верховного Главнокомандующего особенно раскрылись, начиная со Сталинградской битвы.

...В руководстве вооруженной борьбой в целом И. В. Сталину по-

▲ Верховный Главнокомандующий Генералиссимус Сталин

▲ День рождения Черчилля, Тегеран, 1943

могли его природный ум, опыт политического руководителя, богатая интуиция, широкая осведомленность... Несомненно, он был достойным Верховным Главнокомандующим». (Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 342, 346—347.)

Маршал А. Василевский встречался со Сталиным постоянно. В своих мемуарах «Дело всей жизни» он дает следующую оценку Сталину-полководцу: *«Оправдано ли было то, что Сталин был назначен Верховным Главнокомандующим? Ведь он не был профессиональным военным деятелем.*

Безусловно, оправдано.

...По моему глубокому убеждению, И. В. Сталин, особенно со второй половины Великой Отечественной войны, являлся самой сильной и колоритной фигурой стратегического командования. Он успешно осуществлял руководство фронтами, всеми военными усилиями страны на основе линии партии и был способен оказывать значительное влияние на руководителей политических и военных союзных стран по войне. Работать с ним было интересно и вместе с тем неимоверно трудно, особенно в первый период войны. Он остался в моей памяти суровым и волевым военным руководителем, вместе с тем не лишенным и личного обаяния.

И. В. Сталин обладал не только огромным природным умом, но и удивительно большими познаниями. После Сталинградской и особенно Курской битв он поднялся до вершин стратегического руководства. Теперь Сталин мыслит категориями современной войны, разбирается во всех вопросах подготовки и ведения операций... Он превосходно владел искусством стратегии.

Думаю, Сталин в период стратегического наступления Советских Вооруженных Сил проявил все основные качества советского полководца».

Нарком ВМФ СССР Н. Г. Кузнецов дает оценку Сталину под другим ракурсом: *«Я не берусь нарисовать обстоятельный портрет этой необычайно сложной личности. Бесспорно одно: у него были и ошибки, но нельзя отрицать великих свершений, которых добилась страна под его руководством, принижать выдающуюся роль И. В. Сталина в итоге Великой Отечественной войны.*

Мне приходилось беседовать со многими людьми, которые встречались со Сталиным, работали вместе с ним, и я не помню ни одного человека, который не отдал бы должное его уму, знаниям, железной воле. Сталин — многогранная натура, и рассматривать только одну грань его личности, забывать другие черты его характера — это значит уходить от правды». (Кузнецов Н. Г. Курсом к победе. М., 1975. С. 462.)

Маршал бронетанковых войск М. Катуков вспоминает о том, что *«Сталин имел глубокие знания в вопросах техники, все знал о танках и хорошо понимал природу ведения танкового боя. Так мог говорить только высокой квалификации специалист, проработавший много лет в этих отраслях».*

А. Громыко вспоминает о Сталине как о личности: *«...он человек мысли. Он брал точностью формулировок и, главное, нестандартностью мышления.*

Сталин относится к той категории людей, которые никогда не позволяли тревоге, вызванной теми или иными неудачами на фронте, заслонить трезвый учет обстановки... уверенность в конечной победе над врагом.

...В манере поведения Сталина всегда корректность. Даже в гневе — а мне приходилось наблюдать

и это — Сталин обычно не выходил за рамки допустимого. Избегал он и нецензурных выражений». (Громыко А. Указ. соч. М, 1988. Т. 1. С. 199—204.)

Без лукавства смею утверждать, что абсолютное большинство моего седого поколения считает, что среди созвездия замечательных советских полководцев первым полководцем был сам Сталин. Благодаря ему Советский Союз одержал Великую Победу. Он создал военную экономику за каких-то три месяца 1941 г., организовал эвакуацию в восточные районы СССР более 1300 крупных, главным образом военных, предприятий, в том числе на Урал — 455, в Западную Сибирь — 210, в Среднюю Азию и Казахстан — 250.

Сталин был выше на голову любого западного буржуазного политика. Не случайно, что именно он стал центральной фигурой в формировании и работе антигитлеровской коалиции. Во многом благодаря ему она укрепилась и работала продуктивно. Его огромная политическая воля, организованность, целеустремленность и настойчивость позволили решать острейшие принципиальные вопросы. На счету советского руководителя нелегкий успех многочисленных ответственных переговоров в Москве, Тегеране, Ялте, Потсдаме. Возглавляя на этих международных совещаниях советскую делегацию, Сталин успешно справлялся с решением задач, несмотря на порой большие разногласия между союзниками.

Например, генерал де Голль, вспоминая о Тегеранской конференции, в своих мемуарах пишет: *«Сталин разговаривал как человек, имеющий право требовать отчета. Не открывая двум другим участникам конференции русских планов, он добился того, что они изложили ему свои планы и внесли в них поправки согласно его требованиям. Рузвельт присоединился к нему, чтобы отвергнуть идею Черчилля о широком наступлении западных вооруженных сил через Италию, Югославию и Грецию на Вену, Прагу и Будапешт. С другой стороны, американцы в согласии с Советами отвергли, несмотря на настояния англичан, предложение рассмотреть на конференции политические вопросы, касавшиеся Центральной Европы, и в особенности вопрос о Польше, куда вот-вот должны вступить русские армии». (Де Голль Ш. Военные мемуары. Кн. 2. М., 1960. С. 239.)*

▲ Черчилль и Сталин, 1944 Москва

Посол США в СССР Аверелл Гарриман (1943-1946), участник трех конференций, в своих воспоминаниях признает, что его удивляли в советском вожде «глубокие знания, фантастическая способность вникать в детали, живость ума и поразительно точное понимание человеческого характера... Я нашел, что он лучше информирован, чем Рузвельт, более реалистичен, чем Черчилль, и в определенном смысле наиболее эффективный из военных лидеров».

В годы Великой Отечественной войны советский руководитель никогда не сомневался в победе СССР. На этот счет имеются многочисленные факты и в 1941 г., и в последующем, в том числе его беседы с Г. Гопкинсом, А. Иденом, У. Черчиллем и другими деятелями, а также после Тегеранской конференции, когда он уверенно сказал, что «у нас хватит и своих сил добить гитлеровскую Германию». Такая уверенность подтверждалась успехами советских войск на фронтах войны, ростом военно-экономического могущества страны, способностью один на один разгромить врага.

Сталин уделял огромное внимание послевоенному миропорядку, высказывался за необходимость создания всемирной организации государств с большими правами

и полномочиями, которая могла бы отстаивать мир и равноправные отношения между ее членами. Он горячо поддерживал предложение Рузвельта по созданию ООН.

В глазах старшего поколения Сталин был и остался человеком, обладавшим аналитическим умом, несокрушимой волей, выдающимися организаторскими способностями, огромным влиянием на массы людей, на свой народ, с которым он умел говорить о самых сложных проблемах просто, ясно, доходчиво, без лжи и обмана.

Что касается оценки Сталина как исторической личности, то ее следует рассматривать в масштабах всего XX века: он спас СССР и его народы, а также народы Европы от фашистского рабства, истребления и порабощения; превратил нашу страну в мировую сверхдержаву с ядерным оружием и овладевшую космосом; предотвратил развязывание третьей мировой войны в первые сумасшедшие годы «холодной войны» благодаря военной мощи страны и возможностям советского уничтожающего ответного ядерного удара.

Ему, Сталину, наше поколение обязано возрождением великой России, возвращением русскому народу его истории, культурных традиций, обычаев, православной духовности. Он дал нам порядок и законность, а также гарантированную безопасность.

Когда Сталин «принял Россию с сохой», перед ним стоял вопрос: быть или не быть ей великой державой? Он решил эту задачу, оставив нам могучее государство. В этом его историческая заслуга!

Как известно, в «большой тройке» у Сталина были очень непростые взаимоотношения с У. Черчиллем. Тем не менее британский премьер-министр дал по достоинству высокую оценку жизни и деятельности Сталина. Она известна. Но для будущего поколения позволю ее повторить.

Речь Черчилля в палате общин 25 декабря 1959 г. по случаю 80-летия И. В. Сталина

▲ Вручение И.В. Сталину ордена Победа

(Переведено из Британской энциклопедии. Статья «И. В. Сталин»)

Большим счастьем для России было то, что в годы тяжелейших испытаний страну возглавлял гений и непоколебимый полководец — Сталин.

Он был выдающейся личностью, импонирующей нашему жестокому времени того периода, в котором проходила вся его жизнь.

Сталин был человеком необычной энергии, с несгибаемой силой воли: резким, жестоким, беспощадным как в деле, так и в беседе, которому я, воспитанный в английском парламенте, не мог ничего противопоставить.

Сталин, прежде всего, обладал большим чувством юмора и сарказма, а также способностью точно воспринимать мысли. Эта сила была настолько велика в Сталине, что он казался неповторимым среди руководителей государств всех времен.

Сталин произвел на нас величайшее впечатление. Он обладал глубокой, лишенной всякой паники логической и осмысленной мудростью. Он был непоколебимым мастером находить в трудные моменты пути выхода из самого безвыходного положения. В самые критические моменты, а также в моменты торжеств был одинаков, сдержан и никогда не поддавался иллюзиям.

Он был необъятной сложной личностью.

Он создал и подчинил себе огромную империю.

Это человек, который уничтожил своего врага руками своих врагов.

Сталин был величайшим, не имеющим себе равного в мире диктатором. Он принял Россию с сохой, а оставил ее оснащенной атомным оружием.

Сегодня мы еще пока не забыли и вспоминаем День Победы. Устраиваем парады. Произносим речи. Но о Сталине при этом говорим или шепотом, или вообще замалчиваем его имя. Мол, победил народ сам по себе, а Сталина вроде и не было.

Несправедливость исторических оценок свидетельствует о трусости нынешних политиков, не имеющих своего мнения. Они поддались влиянию фальшивой пропаганды Солженицына, А. Яковлева, Волкогонова, Резуна, Радзинского и прочих болтунов, работающих по программе Даллеса против нашей страны, ради материальной выгоды.

Сталин был вождем и защитником советского народа, русского народа. Высшим приоритетом его деятельности была верность народу и Советской России. Его считают диктатором. Ну и что? В то время вся Европа была перенасыщена авторитарными, профашистскими и фашистскими режимами с диктаторами во главе — Муссолини в Италии, генерал Франко в Испании, Салазар в Португалии, маршал Петэн во Франции, Гитлер в Германии, маршал Пилсудский в Польше, маршал Антонеску в Румынии, адмирал Хорти в Венгрии, Тисо в Словакии, маршал Маннергейм в Финляндии и т. д.

Диктатура Сталина была обусловлена жестокими, беспощадными годами того времени (середина 20 — начало 40-х). Что было тогда?

Весь капиталистический мир трещал по швам, корчился в конвульсиях мирового экономического кризиса (1929—1933 гг.). Была великая депрессия. Миллионы безработных. Голод. Рост классовой борьбы. Гражданские войны в Китае, Испании. Очаги войны на Дальнем Востоке, в Африке, в Европе. Консолидация блока фашистских агрессоров (антикоминтерновский пакт). Военные провокации японских самураев против СССР (Хасан, Халхин-Гол). «Умиротворение» Гитлера. Всемирный пожар в Европе.

Внутри страны после гражданской войны (1918–1922) шла бескомпромиссная, жестокая борьба за социализм: коллективизация, индустриализация, разгром оппозиций, форсированная подготовка страны к войне с фашистской Германией.

Империалистические силы Запада вместе с «пятой колонной» пытались столкнуть Россию в бездну, растащить ее по кускам и решить

▲ Церковные иерархи

свои противоречия за ее счет. Только благодаря диктатуре Сталина, его железной воле, умению предвидеть развитие событий, патриотизму народа, который безгранично верил своему вождю, нам удалось сохранить Советское государство. Противостоять атакам Запада. Ликвидировать «пятую колонну» в важнейших государственных структурах — в Вооруженных Силах, НКВД, Наркомате иностранных дел и ряде других органах; сделать страну индустриальной державой; всесторонне подготовить ее к войне и в кровопролитных сражениях наголову разгромить гитлеровскую Германию.

Таковы были реальные результаты. Как правильно подметил известный философ Р. Косолапов, «в своем времени Сталин переиграл всех» — в том числе Черчилля, Гитлера, Рузвельта, японских самураев. За все эти разумные деяния потомки «обиженных и оскорбленных», злобные антисоветчики не могут простить Сталину, клевещут на него, распространяют фальшивки и небылицы.

В отличие от европейских диктаторов моральное право на диктатуру Сталину дала война, которая с 1929 г., не переставая, обжигала нас огненным пламенем, а в 1941–1945 гг. принесла огромные разрушения. Только благодаря его стальной воле и мужеству наша страна дважды восстала из пепла. В результате Сталин выполнил свою историческую миссию на этой земле, а весь мир узнал правду о новом общественном строе, о правах советских людей на труд, на отдых, образование, на медицинское обеспечение, на справедливую и счастливую жизнь. В этом его величие.

Нередко критикуют Сталина за отсутствие в то время в стране демократии и свободы слова. А разве в других странах эти категории тогда были? А если где и были, то чем они отличались от советских? Никакой разницы, по существу, не было в этой области между странами Запада и Советским Союзом. Когда западная демократия вскармливала Гитлера для похода против нас, многие годы шла с ним «под ручку», переносила на свою почву отдельные элементы нацистского режима — неужто это были свобода слова или демократия?

Все общественные явления надо рассматривать с исторических позиций. Неправильно будет кричать только об ошибках советской власти, не замечая положительного, героического, высокоинтеллектуального,

поистине эпохального, которое было достигнуто в то время и о котором сегодня лишь можно только мечтать.

Антисталинцы разных мастей винят Сталина в невинных жертвах и других ошибках во время его правления. Спору нет — были допущены определенные ошибки. Но он воссоздал великую Советскую державу, создал лучшую в мире цивилизацию, заткнувшую за пояс хваленый Запад. Если взвесить на исторических весах его грехи и его заслуги, то величие Сталина не будет умалено — стрелки весов отклонятся далеко в сторону его неоспоримых державных заслуг.

На одном из международных семинаров в Мадриде в конце 80-х гг. представитель литовского «Саюдиса» пытался злословить в адрес Сталина. Председатель собрания, испанец по национальности, в ответ сказал: «Сталина знает весь мир. Он принес раскрепощение миллиардам людей. Из его рук получили свободу вся Европа, Китай, другие государства. Наше собрание не может согласиться с неправдой в адрес великого человека».

Оценивая Сталина как историческую личность, никогда не следует забывать, что в период его деятельности наша страна не раз стояла перед опасностью уничтожения. Спрашивается, каким должен быть руководитель государства, если оно оказалось перед лицом гибели или распада? Только таким, каким был Сталин, который сделал для России больше, чем любой другой государственный деятель на протяжении всей нашей тысячелетней истории.

Моя фронтовая молодость прошла с именем Сталина, Родины. Много раз своими глазами я видел вождя на трибуне Мавзолея во время военных парадов и демонстраций, видел лицо умного государственного деятеля, обращенное к многотысячному народу на Красной площади, к народам всей России. В молодой душе офицера-фронтовика сложился свой образ вождя: человека, олицетворявшего государство; человека, жившего для миллионов трудящихся, которые преданно верили ему и совершали поистине изумительные, героические дела.

Сегодня многочисленные его враги, разного рода приспособленцы, двурушники, перевертыши, ловчилы распространяют, наряду с другими фальшивками, злонамеренные мысли о том, что будто бы Сталин ушел из жизни в одиночестве, без родных и друзей. Но это не так. Люди моего поколения хорошо помнят те дни. Из миллионов человеческих глаз катились слезы, ими можно было наполнить реки. Среди большинства народа стоял безмолвный стон и плач. Неподдельно рыдали и вытирали слезы люди разных национальностей, чинов и профессий на массовых траурных мероприятиях. Вся страна переживала тяжелую утрату родного и близкого человека. «Отец, прощай! Прощай, родной и до последнего вздоха любимый отец! Как многим мы тебе обязаны...» — это М. А. Шолохов сказал за всех нас накануне похорон Сталина.

Пусть кликушествуют как угодно: культ, исчадие ада, монстр, пугало и т. д. Однако пытаться предать забвению имя Сталина — значит стать на путь предательства русского народа, его истории. Говорю это в связи с тем, что культ великой личности — это от Бога. После Сталина тоже были культы, но без личности, — а в ельцинский период стал процветать культ наличности. Что касается монстра и пугала, то пусть они останутся для тех, кого действительно надо ненавидеть: троцкистов всех разновидностей, которым Сталин помешал захватить власть в России и установить господство над Россией, а также плебеев, присосавшихся к советской власти с целью сведения с ней счетов. Борьба была жестокой и коварной. Те силы, которые развязали ее первыми, как шулера в картежной игре, указывали на первоисточник, на Сталина, считая себя лишь невинной жертвой. Однако крапленые карты не помогли.

Неоспоримая заслуга советского лидера состоит в том, что он всегда действовал с учетом конкретных условий обстановки; проводил политику в интересах подавляющего большинства народа, который верил ему и его активно поддерживал; он беспощадно боролся с контрреволюционной оппозицией и подавлял ее, стремился очистить страну перед войной от «пятой колонны»; он победил Гитлера, перед которым трепетала вся Европа, под его руководством советский народ выиграл Великую Отечественную войну; он был цементирующей силой антигитлеровской коалиции, советского

▲ Почетный караул, Сталин и Черчилль

народа и государства; благодаря ему было создано содружество социалистических государств Европы и Азии, начался развал колониальный системы империализма.

Сталин был рачительным хозяином страны. Под его руководством Советское государство в период войны получило слаженное и быстро растущее военное хозяйство. Разгром фашистской Германии означал также экономическую победу СССР и преимущество его экономики перед капиталистической. После войны наша страна в кратчайший срок за счет собственных ресурсов восстановила довоенный уровень развития народного хозяйства, затем значительно превзошла его и еще больше укрепила военно-экономическую мощь Советского государства. По многим показателям сталинская экономика вышла на уровень передовых капиталистических стран. При этом она работала на благо человека, в интересах безбедной жизни основной массы населения.

Оставленное после Сталина народное хозяйство СССР было настолько мощным и крепким, что выдержало бестолковые волюнтаристские эксперименты Хрущева, так называемый брежневский застой, хлестаковщину Горбачева, беспробудный ельцинский запой с его курсом губительных реформ по западническим рецептам, невиданным доселе воровством и грабежом страны. Несмотря на все усилия по развалу советской экономики, она до сих пор кормит и поит Россию, демократов и либералов и их зарубежных хозяев.

Я не обеляю Сталина, не делаю его святым. Прошу только молодое поколение — не верьте гнусным спекуляциям и домыслам о советском лидере. Жизненная правда о нем неодолима. Никаким гаденышам-фальсификаторам нашего прошлого не удастся умалить, очернить, предать забвению выдающуюся личность великого Советского государства — Иосифа Виссарионовича Сталина. Его имя как победителя фашизма навечно занесено на хранение в скрижали истории.

▲ Сталин, Трумэн, Потсдамская конференция

* * *

В заключение хочу подчеркнуть следующее. К началу Второй мировой войны фашистский блок государств представлял собой колоссальную силу, угрожающую миру и безопасности практически всех стран и народов. Предотвратить мировой пожар можно было только совместными усилиями СССР, Англии, Франции и США, к чему настойчиво призывал Советский Союз. Однако предательский курс западной демократии на умиротворение Гитлера предполагал не борьбу с агрессором, а направление ее против Советской России.

Правда истории состоит в том, что в те годы немцы, итальянцы, англичане, французы, венгры и другие народы и их правительства стали фактически пособниками фашистов и тем самым покрыли себя позором. Англия, Франция и США в то время на весь мир кричали о «красной угрозе», о «большевистской заразе», стращали народы мировой коммунистической революцией. Сегодня вся эта демократия старается не вспоминать о своем позоре, так как бездар-

ная Политика ее руководителей была жестоко наказана.

Около двух лет гитлеровская Германия насиловала всю Европу, захватывая одну страну за другой, унижая и оскорбляя их национальное достоинство, превращая некогда свободные народы в рабов. А правители западной демократии раболепски ползали на коленях перед фюрером, вымаливая у него снисхождение. Только когда Германия захватила почти всю Европу, правительствам США и Англии не оставалось ничего иного, как признать допущенные ими преступления и стать на путь организации совместной с Советским Союзом борьбы с фашистской Германией, Италией и Японией.

Так было. Забыть сегодня такой предвоенный позор своей недальновидной политики и пытаться соблюсти «невинность» — значит потерять чувство национального достоинства.

Антигитлеровская коалиция с точки зрения социально-классовых отношений была фактически аномалией. Противоречия между США и Англией, с одной стороны, и СССР — с другой, сохранялись с первого и до последнего дня войны.

Что касается руководителей антигитлеровской коалиции, то это были люди, разные по натуре, характеру, своим способностям, умению отстаивать и защищать интересы своего государства. Их роль в ту эпоху была не одинаковой. Но несмотря на все их различия, внутренние противоречия, каждого из них трудно переоценить.

Сталин, Рузвельт, Черчилль — великие государи. Каждый в отдельности — не человек, а глыба. Люди разной идеологии, они сумели создать мощную коалицию, которая разгромила фашизм — этакое полчище цивилизованных гуннов, и стали победителями во Второй мировой войне. Они управляли миллионными массами людей. Им верили народы всех стран, рукоплескал весь мир. Их имена навечно вписаны в историю гигантов мысли. Они бессмертны.

Российские патриархи Сергий и Алексий называли Сталина богоданным вождем. Когда Сталин умер, в Русской православной церкви ему пропели вечную память. Почему это произошло в то самое безбожное время? Потому, что Церковь и народ знали, что никто из вождей так по-отечески не заботился о русском народе, о России, как Сталин. Он был верным сыном России и за нее отдал свой ум, талант, жизнь.

Рассказывают, что за несколько дней до ухода из жизни Сталин ближайшим своим соратникам сказал: «Пропадете вы без меня. Или передеретесь между собой, или с голоду помрете. Беда будет в России».

Глубоко через барьеры времени смотрел Иосиф Виссарионович, будто охватывал сталинским взглядом просторы великой России, которой он оставил после себя одного только золотого запаса 2050 тонн, а главное — сплоченную его волей и социалистической идеей единую семью многомиллионного народа. ■

▲ Ялтинская конференция

ЗА КОГО И КАК ВОЕВАЛА ФРАНЦИЯ

▲ В оккупированном немцами Париже

"Великой победительнице" во II мировой войне — гордой и прекрасной Франции в средствах массовой информации уделяется всегда много внимания, популяризируется «легендарное французское Сопротивление», движение «сражающаяся Франция». В нашей стране тоже прославляли эксцентричных французов как союзников, например, фильм «Нормандия-Неман». Однако всегда замалчивался тот факт, а сколько французов встало на сторону нацистской Германии? У не сведущих людей (незнакомых с истинной историей) складывается такое ощущение, что неведомо ведь, как бы страны антигитлеровской коалиции обошлись без нее? Они — французы — привнесли столько шарма в общую Победу. И вот, собрав новые факты и архивные документы, мы позволим себе в несколько ином ключе поведать о "великом победном вкладе" Франции во II мировую войну.

Начнем с воспоминаний нашего известного в свое время писателя Бориса Горбатова, одного из немногих корреспондентов, допущенных присутствовать и освещать Акт о безоговорочной капитуляции Германии. Событие происходило 8 мая 1945 года в Берлине, в здании офицерского клуба бывшего военно-инженерного училища Вермахта. Он пишет, что вопреки сложившемуся мнению, капитуляцию Германии принимал не один Жуков, но равноправные представители держав-победительниц, Жуков же был председателем комиссии. Горбатов довольно подробно описывает происходящее — вот Кейтель встает и идет к столу, садится за стол и подписывает все экземпляры акта. Это длится несколько минут. В зале молчание, только трещат киноаппа-

▲ Дюнкерк, эвакуация

раты. Фельдмаршал Кейтель встает, обводит взглядом зал. Ему нечего сказать и тогда он вдруг улыбается жалким подобием улыбки, вынимает монокль и возвращается к своему месту за столом немецкой делегации. Но прежде, чем сесть, он вытягивает перед собой свой фельдмаршальский жезл и кладет его на стол. Акт о капитуляции подписывают генерал-адмирал фон Фридебург, генерал-полковник Штумпф. Все это происходит молча, без слов. И без слов ясно, что это безоговорочная капитуляция. Немецкие уполномоченные также молча подписывают акт. Затем акт подписывают маршал Жуков и британский главный маршал авиации сэр Артур Теддер. Вот подписывают акт свидетели — командующий стратегическими воздушными силами США генерал Спаатс и представитель французской делегации генерал де Латр де Тассиньи. Обратим внимание на то, что де Тассиньи подписывает Акт, как свидетель. Обычно, после подписания документов, следует рассказ в самых разных источниках, что Кейтель вдруг обращает внимание, что за столом, рядом с Жуковым, Теддером и Спаатсом, сидит французский генерал де Латр де Тассиньи. Далее у Кейтеля, с носа упало пенсне (хотя он носил монокль), и он воскликнул, глядя на француза: "Как, и вы тоже нас победили?!" Далее описывают довольно сухую церемонию прощания, а потом Кейтеля с сопровождающими лицами выводят из зала заседаний. Потом их в столовой сытно кормят с отличным вином и даже на десерт подают мороженое.

Единственный штрих по Кейтелю, стоит добавить, что решением Нюрнбергского трибунала он был приговорен к повешению. Геринг, Йодль и Кейтель сопроводили свои прошения просьбой о замене повешения расстрелом в том случае, если в помиловании им будет отказано, мотивируя тем, что "фельдмаршалов не вешают". В помиловании им отказали и Кейтель был повешен вместе с остальными (кроме Геринга, который накануне казни принял яд). Однако, возвращаясь к событиям 8 мая, надо отметить, что существует Стенограмма капитуляции, которая была опубликована Наркоминдел СССР, кроме того, подробное описание оставили Ш. де Голль, Б. Горбатов, К. Симонов и другие присутствовавшие там лица. О фразе Кейтеля в адрес французов нигде нет упоминания.

Как ни странно, впервые озвучил эту фразу Ш. де Голль в своих воспоминаниях. Вот, что он пишет: *"В заключительном акте капитуляции представитель Франции поставил свою подпись наряду с подписями России, Соединенных Штатов и Великобритании. Генерал-фельдмаршал Кейтель даже воскликнул: "Что, и французы здесь?", доказав тем самым, что Франция и ее армия не зря потратили столько сил и принесли столько жертв". (Голль Ш. де. Военные мемуары: Спасение 1944–1946. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Транзиткнига», 2004. — 799)*, написанную вскоре после войны.

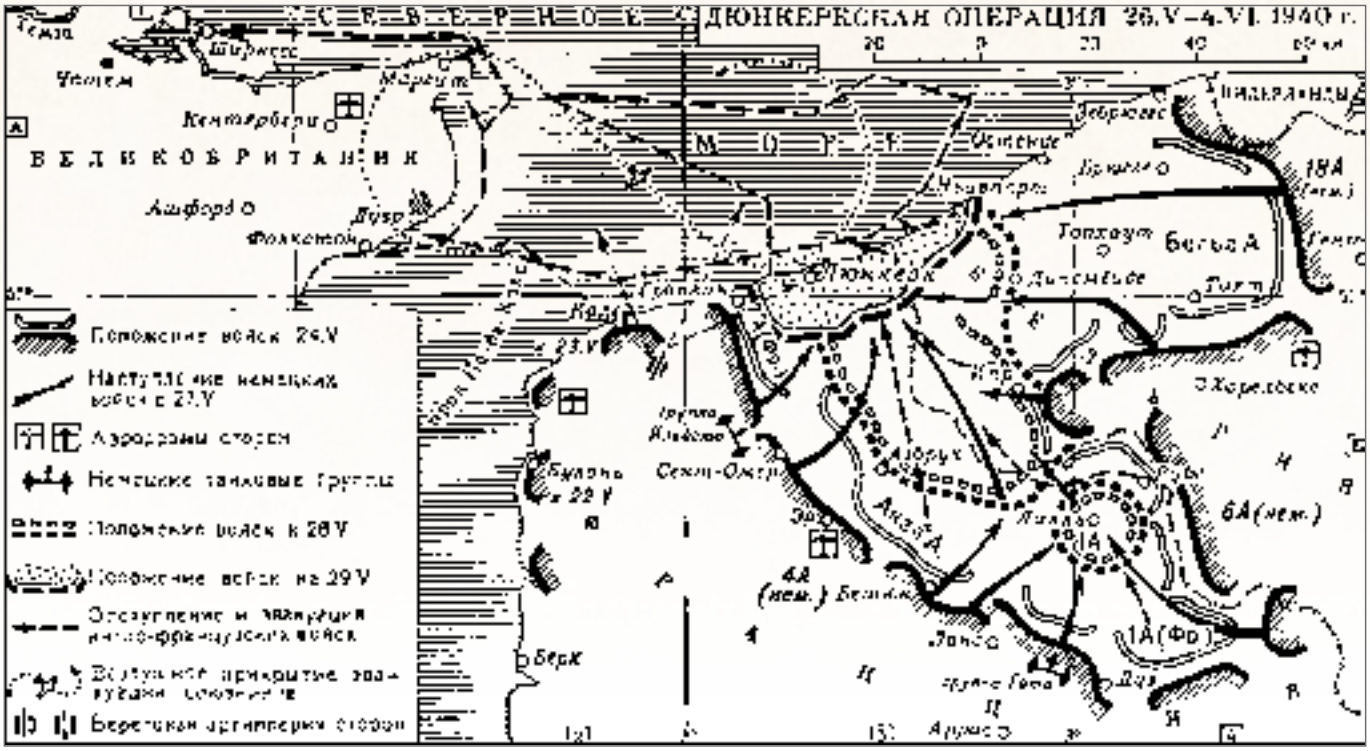
Но мы говорим о Франции и ее "выдающемся вкладе в победу над нацизмом". 10 мая 1940 года Уинстон Черчилль вступил на пост премьер-министра. А в 6.30 утра 15 мая его разбудил телефонный звонок пре-

мьер-министра Франции Поля Рейно из Парижа, который взволнованным голосом сообщил: *"Нас разбили! Нас бьют!"* Черчилль не мог этому поверить. Чтобы великая французская армия исчезла за одну неделю? Это невозможно. *"Для меня были непостижимы масштабы революции, произошедшей в военном деле со времен последней войны и проявившейся в массированном применении танков"*, — вспоминал позднее Уинстон Черчилль.

Коротко, без описания хода военных операций, напомним, что 10 мая 1940 года немецкие войска перешли границу Нидерландов и Бельгии. В тот же день французские войска вошли в Бельгию. Непосредственно на германо-французской границе боевых действий не велось. Первый бой немецких и французских войск произошел только 13 мая в Бельгии. В тот же день немецкие войска пересекли бельгийско-французскую границу, а уже 25 мая главнокомандующий французскими вооружёнными силами генерал Вейган заявил на заседании правительства, что надо просить немцев о принятии капитуляции. 16 мая премьер-министр Черчилль вылетел в Париж для выяснения обстановки и встретился с премьером Рейно и генералом Гамеленом. В этот день передовые немецкие части уже находились в 100 км западнее Седана и стремительно продвигались по открытой местности, не встречая никакого сопротивления.

Между немцами и Парижем, а также Ла-Маншем, не было практически никаких серьезных сил, которые могли вермахту противостоять. Однако Черчилль еще не знал об этом. *"Где стратегические резервы, есть ли силы для маневра?" Командующий союзными армиями Гамелен, пожав плечами, ответил: "Нет никаких". "Я был поражен, — писал впоследствии Черчилль — Это было неслыханно, чтобы великая армия, подвергнувшаяся нападению, не держала никаких войск в резерве. Я признался, что это одна из самых больших неожиданностей в моей жизни"*. Можно много рассуждать о военных планах, о хитрых маневрах немцев, о Дюнкерке, куда немцы загнали в общей сложности 10 английских, 18 французских и 12 бельгийских дивизий — почти 400 000 человек. Вопрос — почему? — просто висит в воздухе.

Ответ на этот вопрос, по нашему мнению, что бы не утверждали различные источники, кроется только в ОДНОЙ ПРИЧИНЕ — ФРАНЦУЗЫ, 25 ЛЕТ НАЗАД ПЕРЕЖИВШИЕ СТРАШНУЮ, РАЗРУШИТЕЛЬНУЮ, УНЕСШУЮ МИЛЛИОНЫ ЖИЗНЕЙ ВОЙНУ — ПРОСТО НЕ ХОТЕЛИ ВОЕВАТЬ ИЗ-ЗА КАКОЙ-ТО ПОЛЬШИ. Лишним подтверждением этому служат многочисленные письма немецких солдат и офицеров, о том, что из разговоров с военнопленными, они с удивлением узнавали, что французы толком даже не знали, где расположена Польша, ради которой их послали на смерть. Так или иначе, после боевых действий, немцам досталось в общей сложности 2 472 артиллерийских орудия, почти 65 тысяч автомашин, 20 тысяч мотоциклов, 68 тысяч тонн боеприпасов, 147 тысяч тонн топлива и 377 тысяч тонн снаряжения и военного имущества. 8 тысяч пулемётов и около 90 тысяч винтовок, в том числе всё тяжёлое вооружение и транспорт 9 английских дивизий. Англичане по-

▲ Дюнкеркская операция

▲ Франция после капитуляции

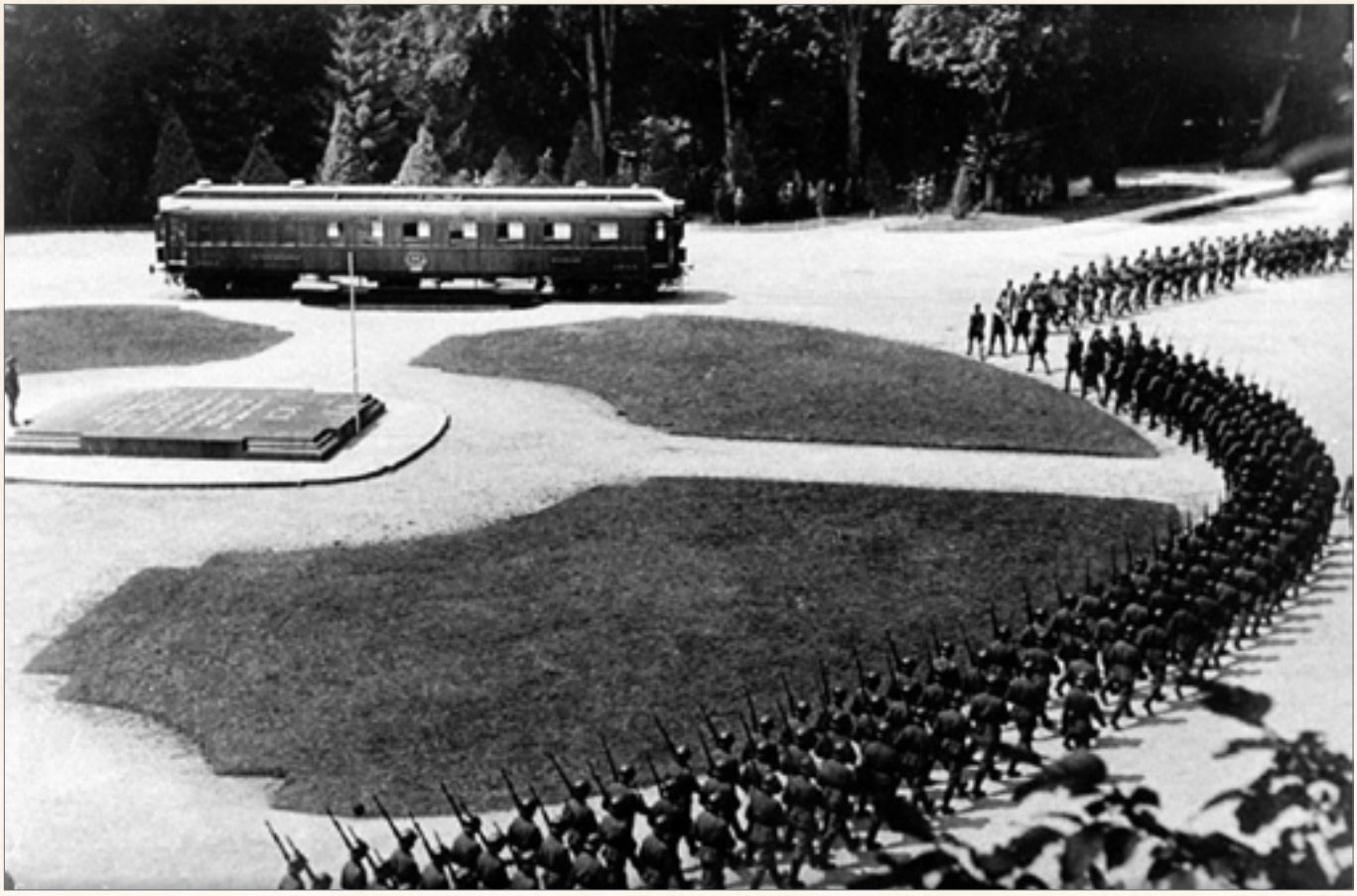
теряли 106 самолётов и около 2 000 солдат и моряков. В ходе боёв и после окончания эвакуации из района Дюнкерка были взяты в плен 50 тысяч французов, но около 15 тысяч военнослужащих французской армии попали в плен к немцам, когда прикрывали последний этап эвакуации, будучи уверены, что они тоже будут вывезены британским флотом. Но англичане их на борт не взяли. Впоследствии немецкая пропаганда использовала этот эпизод для разжигания антибританских настроений среди французов, что работало практически беспроигрышно. Французская армия в результате войны потеряла около 300 000 человек убитыми и ранеными, а полтора миллиона было взято в плен. Авиацию и танки немцы использовали для вооружения вермахта. К концу июля немцы уничтожают или нейтрализуют почти весь французский флот. 8 июня немецкие войска достигли реки Сены. 10 июня правительство Франции переехало из Парижа в район Орлеана. Париж был официально объявлен открытым городом и утром 14 июня немецкие войска вступили в столицу Франции. Французское правительство бежало в Бордо. 19 июня немцы преодолели Луару, последний рубеж, надежду не пустить немцев на юг Франции.

22 июня 1940 года в Компьенском лесу было заключено франко-германское перемирие. Специально для этого случая был доставлен из музея железнодорожный вагон маршала Фоша, в котором происходило подписание соглашения в 1918 году. Гитлер посидел в вагоне и, не скрывая радости, сообщил своим генералам, что достиг цели своей жизни — разгромил Францию, которая, по его убеждению, навязала Германии позорный Версальский договор 1919 года. Договор подписали: со стороны Германии начальник штаба Верховного главнокомандования Вильгельм Кейтель, со стороны Франции — генерал Шарль Хюнтцигер. А 24 июня на вилле Инчеза (около Рима) был подписан унизительный акт о капитуляции Франции перед Италией. Военные действия закончились 25 июня.

Согласно условиям капитуляции, 3/5 территории Франции были отданы под управление Германии. Французские войска были разоружены, а содержать немецкие оккупационные войска должны были сами же французы. Италия получала терри-

▲ Капитуляция Франции, 1940 год 22 июня

▲ Вагон Фоша 1944

торию Франции площадью в 832 км². Французский флот (7 линкоров, 18 крейсеров, 48 эсминцев, 71 подводную лодку и другие суда) должен был быть разоружён под контролем Германии и Италии. Теперь предстояла неслыханная оккупация.

***

Итак, Гитлер, по его словам, "осуществил мечту своей жизни" - разгромил Францию. Официально война закончилась 25 июня 1940 года. Немцы потеряли — 45 074 человек убитыми, 110 043 ранеными и 18 384 пропавшими без вести.

Маршал Петен, герой I мировой войны, был провозглашён практически единогласно, национальным собранием в городе Виши 10 июля 1940 года "главой Французского государства". Эта должность наделяла его диктаторскими полномочиями: ему были подчинены все ветви власти упразднённой Третьей Республики, а правительство передало ему свои права. Франция была разделена — 2/3 территории было оккупировано, а южная территория государства и все колонии перешли под контроль коллаборационистского правительства (режим Виши) маршала Филиппа Петена. Эльзас и Лотарингия были немцами аннексированы, а северные департаменты Франции объединили с Бельгией, назвав эти земли Рейхскомиссариат Бельгия-Северная Франция. 28 июня Гитлер получил от папы Римского послание — такие же были адресованы Муссолини и Черчиллю, — в котором глава Ватикана предлагал свое посредничество в интересах "установления справедливого и почетного мира". Но папа подчеркивал, что, прежде чем что-то предпринимать, желал бы удостовериться, как будет воспринято его предложение противоборствующими сторонами. С аналогичными предложениями выступил и король Швеции.

На всю войну ушло шесть недель и наступило "жуткое время" оккупации Франции. По-прежнему работали магазины, кафе и все остальные заведения. Немецким солдатам и офицерам было велено вести себя культурно, за всё платить, не дикарствовать в отношении женщин и носить чистую форму и носки под начищенную обувь. Период оккупации сейчас, особенно на западе, предпочитают вспоминать, как героическое время. Шарль де Голль, который неустанно вел, и вел, и вел народ за собой и привел к величайшей из Побед Франции! Сопротивление!!! Как же оно сопротивлялось все пять лет! Даже появилось в те времена героическое определение — "лежачее сопротивление". Термин означал, что француженка гордо, возможно под пение "Марсельезы", отказывала германскому солдату в интимной услуге. Воистину — патриотическое самопожертвование. Несколько позже это выражение приобрело немного другой смысл.

Однако кадры фотохроники свидетельствуют, что все было не совсем

▲ Романтическое знакомство

так, как рассказывают седые ветераны, голубоволосые дамы-ветеранши и пишут в современных учебниках истории Франции. В Париже 1942-1944 годов корреспондент немецкого журнала "Сигнал" снимал на цветную пленку повседневную жизнь парижан, обычные солнечные дни, улыбки французов, приветствующих оккупантов. Спустя десятилетия после войны подборка фото стала выставкой "Парижане во время оккупации". Она вызвала грандиозный скандал — слишком "убийственным" оказался контраст между героической легендой и правдой.

Вернемся в 1940 год. Проходит всего несколько дней и вероломные англичане проводят против вчерашних союзников операцию "Катапульта" по захвату и уничтожению кораблей французского флота в английских и колониальных портах Франции. Операция была проведена Королевским флотом Великобритании после перемирия Франции и Германии. Англичане прекрасно понимали, что весь французский флот попадает под контроль Германии. Правительство Виши во главе с маршалом Петеном и командующий флотом адмирал Дарлан неоднократно заявляли, что ни один корабль не достанется Германии, (а кому же они достанутся?), английское правительство почти сразу рассматривало возможность попадания четвертого по величине флота мира в руки немцев.

Для начала ночью 3 июля 1940 года англичане предприняли попытку захватить французские корабли, находившиеся в британских портах, но получили жесткий отпор. Стало ясно, что и остальной флот, в соответствии с перемирием, потихоньку перейдет к немцам. И тогда почти одновременно на несколько французских баз англичане бросили свои эскадры. Начинались бои с переговоров, французам предлагали отойти на английские базы, но французы упрямо стояли на своем и английский флот сделал то, что и должен был сделать — атаковал противника.

После нападения вишистское правительство разорвало дипломатические отношения с Великобританией, что осложнило англо-французские отношения на многие годы. Объективности ради, надо отметить, что немцы до 1942 года не предпринимали попыток завладеть французскими кораблями. Когда же в рамках операции "Антон" 26 ноября немецкие войска вошли в Тулон и попытались захватить французские корабли (операция "Лила"), французские моряки при угрозе захвата их флота немцами затопили свои корабли. Такой вот флотский героизм страны-победительницы. Германская военная администрация установила и сумму репараций побежденным французам — 400 млн. франков в день. Страшно писать, но под германским контролем оказались некоторые французские банки и даже военные предприятия, а в 39 крупнейших французских компаниях участвовал германский капитал. Война войной,

▲ Петен и Гитлер за сотрудничество

а бизнес — бизнесом. Оккупация набирала обороты. Формально режим Виши — Петена проводил политику нейтралитета, но фактически сотрудничал с нацистской Германией и Японией. В апреле 1942 года главой вишистского правительства стал ярый сторонник нацистов Пьер Лаваль. Он времени даром не терял и помогал нацистам депортировать 76 000 французских евреев в лагеря смерти (количество погибших в ходе Холокоста евреев Франции составляет около 120 тысяч человек).

Следует отметить, что губернаторы французских колоний в Индокитае, Африке и на арабском Востоке поддерживали союз с нацистской Германией. В сентябре 1940 года англичане потерпели поражение в Сенегале, пытаясь захватить город Дакар. Французы потопили 3 корабля и сбили 6 самолетов. 35 тысяч «солдат Виши» сражались против англичан в Сирии и Ливане. В Алжире французская группировка в 60 тысяч боролась против союзников. Лишь в ноябре 1942 года англо-американские войска разгромили ее. Целых шесть месяцев 8 тысячная группировка «солдат Виши» отражала атаки англичан на остров Мадагаскар, сложила оружие после того как закончились боеприпасы.

Из-за сражений и вероломств, мы чуть было не упустили такой важный момент, как сердечное согласие между оккупантами и улыбчивыми француженками, чьи почти полтора миллиона мужей стали военнопленными. Немцы не зря чистили ботинки и утюжили мундиры. Между ними и француженками стали возникать — стыдно сказать такое о «стране победительнице» — интимные связи. Франция — не какая-то славянская Польша. Поэтому, выполняя специально разработанные инструкции, немцы вели себя с побежденными в высшей степени корректно. И в первые же дни оккупации парижские девицы начали заигрывать с оказавшимися такими вежливыми и совсем не страшными, а очень даже щедрыми и культурными победителями. А за пять лет сожительство с немцами приняло колоссально-массовый характер, что командованием вермахта поощрялось, так как сожительство с француженкой не считалось "осквернением расы". Появились и дети с арийской кровью в жилах, причем много детей — более 200 000.

Бурная эротичная жизнь француженок во время гитлеровской оккупации потребовала решения новой проблемы — венерические болезни, которые всегда разрушали тылы многих армий. А вермахт вообще был поставлен в исключительные условия, при тех обстоятельствах, которые складывались во Франции. Этому вопросу был посвящен целый ряд специальных совещаний, которые только добавляли головной боли руководству третьего рейха. Столкнувшись с незапланированной проблемой, её мудро решили созданием борделей для героических победителей.

***

Существует масса различных домыслов, получающих все более широкое распространение, особенно если это связано с "демонической" фигурой Отца народов для нынешней власти, особенно в наши дни, когда история приобретает все более широкий спектр поиска врагов в стане социализма. Мало им врагов в мире — ищи там, где есть хоть какие-то признаки социализма. Это и меткие удары про страну-производителя калош для нужд мирового пролетариата, и патриотические фигуры высшего пилотажа — если нас вынесли из камуфляжного храма, то и Верховного Главнокомандующего в годы войны (пусть он и на заднем плане в виде портрета) — вынести по просьбам граждан оттуда же в самую первую очередь и прочая несуразица. Оживляются странные истории военного периода, когда сказку надо сделать былью — помните Мединского: *"Люди, которые выступают против легенды о подвиге 28 панфиловцев — "мрази конченые", потому что это святая легенда, к которой нельзя прикасаться"*. А что же делать с правдой, тоже святой, особенно "мразям конченым", которые этот дикий псевдоисторический фарс на нюх не переносят?

Вот недавно в ряде официальных ресурсов, читаем, каким же гадом был Сталин, что поздравил Гитлера со взятием Парижа! Целыми статьями! Ну почему честно, ведь прошло уже целых 80 лет, не написать, что никакой телеграммы не было, а было вот что: 14 июня 1940 г. гитлеровцы оккупировали Париж. Через три дня, 17 июня 1940 года, с победой своих близких союзников-немцев поздравил Кремль, о чем сообщил своему руководству в телеграмме посол Шуленбург. Единственный документ, в котором сообщается о советских поздравлениях по вышеупомянутому случаю, была срочная телеграмма *(№ 1167 от 17 июня 1940, которая опубликована во 2-м томе книги "СССР — ГЕРМАНИЯ 1939-1941. Документы и материалы о советско-германских отношениях с сентября 1939 г. по июль 1941 г." (VILNIUS, "MOKSLAS", 1989).*

Этот документ обозначен — № 35 — телеграмма посла Германии в СССР Шуленбурга в МИД Германии: "Телеграмма. Москва, 18 июня 1940 — 1.40. Получена 18 июня 1940 — 4.00. № 1167 от 17 июня

Можно сказать, что хрен редьки не слаще, что поздравила — таки советская власть нацистское зверье с победой над несчастной Францией. Чушь! С Францией существовал акт о взаимопомощи, по которому страны уже 6 лет не могли договориться. И это поздравление не более, чем протокольная часть достаточно длинной беседы наркома иностранных дел с послом страны, с которой в текущий момент подписан *"Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом"*. Но кому-то очень хочется все это обмарать, объявить советскую власть исчадием ада и так далее. Зачем? Почему? Никто и не собирается воспевать ВСЁ, что сделала советская власть, но зачем тогда опять в неё галошами бросаться?

Возвращаемся во Францию, оккупированную немецкими войсками. Французское правительство переехало в Виши, а Париж управлялся немецкими военными и французскими официальными лицами,

одобренными немцами. В Париже стал действовать комендантский час (не забываем, что Британия к тому времени уже наносила бомбовые удары, хотя пока только по городам Германии. Но кто знает, что там у англичан на уме?). Комендантский час действовал с девяти вечера до пяти утра, с сентября 1940 года было введено нормирование продуктов, табака, угля, бензина и одежды. Миллион парижан уехали в сельскую местность, где было больше еды. В своё время, британцы призвали французов защищать Париж улицу за улицей, но Петен ответил: *"Превратить Париж в город руин не повлияет на проблему"*.

12 июня правительство объявило Париж открытым городом, подчеркнув, что сопротивления не будет. И уже в 5:30 утра 14 июня первый немецкий авангард вошел в город и направился в центр. К концу дня немцы вывесили флаг со свастикой у Триумфальной арки и организовали военные парады с оркестром на Елисейских полях и площадях. Увидев немецкое "миролюбие", парижане начали возвращаться и к середине 1940 года выяснилось, что население снова увеличилось до 1,5 миллионов, а к 1 января 1941 года — до 2,5 миллионов. Пока французы разбирались что к чему, началась одна из величайших краж произведений искусства в мировой истории. Для начала были вывезены все еврейские частные коллекции, например, Герман Геринг специально посетил Париж и 3 дня отбирал работы для своей частной коллекции. Он выбрал двадцать семь картин, в том числе работы Рембрандта и Ван Дейка, принадлежащие Эдуарду Ротшильду, а также витражи и мебель. Пятнадцать железнодорожных вагонов с произведениями искусства были отправлены в Германию личным поездом Геринга.

Вместе с тем, очень неплохо пристроились во времена оккупации деятели литературы и искусства. Для многих из них оккупанты устраивали целые международные экскурсии — в поездках по городам Германии писатели и журналисты знакомились с культурной жизнью Рейха, гостили

35. ПОСОЛ ШУЛЕНБУРГ — В МИД ГЕРМАНИИ

Телеграмма

Москва, 18 июня 1940 — 1.40
Получена 18 июня 1940 — 4.00

№ 1167 от 17 июня
Очень срочно!

Молотов пригласил меня сегодня вечером в свой кабинет и выразил мне самые теплые поздравления советского правительства по случаю блестящего успеха германских вооруженных сил.[1] Далее Молотов информировал меня о советских действиях по отношению к прибалтийским государствам. Он сослался на доводы, опубликованные в газетах, и добавил, что стало необходимо положить конец всем интригам Англии и Франции, пытающихся посеять недоверие и разногласия между Германией и Советским Союзом в прибалтийских странах.

Для переговоров о формировании там новых правительств советское правительство, в дополнение к аккредитованным там полпредам, послало следующих особо уполномоченных лиц: в Литву — заместителя Народного комиссара иностранных дел Деканозова; в Латвию — Вышинского, представителя Совета Министров[2]; в Эстонию — ленинградского партийного лидера Жданова.

В связи с бегством Сметоны[3] и возможным переходом границы подразделениями [бывшей] литовской армии[4], Молотов заявил, что литовская граница охраняется явно недостаточно. Советское правительство, поэтому, если потребуется, окажет литовскому правительству помощь в охране границ.

Шуленбург

[1] Имеется в виду разгром Германией Франции. — *Прим. сост.*
[2] Имеется в виду Совет Народных Комиссаров СССР. — *Прим. ред. нем. изд.*
[3] Президент Литвы. — *Прим. сост.*
[4] В отличие от Латвии и Эстонии, Литва граничила не только с Советским Союзом, но и с Германией. Перед лицом советской оккупации для многих литовцев не оставалось ничего иного, как бежать в соседнюю Германию. Так поступали не только члены литовского правительства, высшие военные чины и дипломаты, но и целые воинские подразделения литовской армии, нелегально переходившие германо-литовскую границу и сдававшиеся немцам. — *Прим. сост.*

▲ Телеграмма посла Германии в СССР Шуленбурга

в университетах, театрах, библиотеках и музеях. В городе Льеж набирался опыта и оттачивал перо молодой сотрудник местной газеты Жорж Сименон, широко известный нашим читателям и зрителям, как создатель образа комиссара Мегрэ. Как любитель прозы "с продолжением", он опубликовал антисемитскую серию из девятнадцати статей под общим названием "Еврейская угроза". Большой друг советского народа и частый гость в СССР, известный писатель, драматург и поэт Поль Клодель в подобном тоне освещал еврейскую угрозу, создав даже "Кружок Клоделя", где проблема дискутировалась нацистскими и французскими интеллектуалами. Муссолини свел дружбу с еще одним другом нашего народа — Жаком Ивом Кусто, который на немецкие и итальянские деньги исследовал морские глубины, параллельно занимаясь разработкой и усовершенствованием акваланга и аппаратуры для подводных съемок для военно-морского флота оккупантов.

Интересна судьба еще одного знаменитого француза - Пабло Пикассо, который провел всю оккупацию в Париже и возобновил работу в своей студии на улице Гран-Августин. Он часто встречал посетителей немцев в своей студии, одновременно восхищенных и подозрительных, так как его работы самим фюрером были офици-

ально признаны "дегенеративными" и подлежали уничтожению.

Пикассо сделал открытки-копии его знаменитого антифашистского произведения "Герника", чтобы продавать или раздавать посетителям в качестве сувениров и серьезно обсуждал искусство и политику с приезжающими немцами. Хотя его работы были официально признаны "дегенеративными", картины продолжали продаваться в аукционных домах. Немецкие казначеи нашли хранилище Пикассо, где он хранил частную коллекцию произведений искусства, принадлежащих евреям, которые немцы могли бы конфисковать. Пикассо так сбил их с толку своей абстрактной экспрессивностью и малопонятными высказываниями, что немцы ушли, так ничего не взяв. Другие "дегенеративные" художники, по мнению немецких "истинных" искусствоведов, например, Кандинский и Анри Матисс, отправляли рисунки в Париж из своей резиденции в Ницце, хотя и были официально осуждены, но продолжали работать и продавать свои работы в подсобных помещениях парижских галерей. Философ и романист Жан-Поль Сартр продолжал писать и публиковаться.

Кумир советской публики и главный сердцегрыз 50-60-х годов Жерар Филип играл тогда в престижном театре Жана Вилара и снимался в кино. Особенным успехом у немцев, и, безусловно, немок, которые в качестве вспомогательных войск заполнили Париж, пользовался фильм "Малютки с набережной цветов" с совсем молодым и неотразимым Жераром Филипом. (Интересно, что отец актера Марсель Филип после войны был приговорен к расстрелу за сотрудничество с оккупантами, однако с помощью сына Жерара сумел бежать в Испанию, где в достатке и благополучии провел остаток жизни.)

Любопытная история произошла с главным мушкетёром *(не путать с шляпоносцем Михаилом Боярским)* и Фантомасом мирового экрана. У актеров и художников-гомосексуалистов были облюбованы места в Булонском лесу и несколько баров. Любимец публики молодой актер Жан Марэ официально преследовался за гомосексуализм, но с немцами он в связь не вступал. В пьесе "Тристан и Изольда", популярнейшей у немцев, он пользовался неслыханным успехом, да еще блистал в фильмах, снятых совместным кинопроизводственным объединением (германо-французским), и его никто не трогал, а вот популярного актера и его друга Роберта-Юга Ламбера арестовали из-за его отношений с немецким офицером и он умер в концентрационном лагере.

Ряд видных деятелей искусства покинули страну — Жан Габен, кинорежиссер Жан Ренуар и другие. Но с немцами сотрудничали многие известные актеры, которые остались, под предлогом, что они избегают политики и смогут, наконец, сосредоточиться на искусстве. Среди них были актер Фернандель, кинорежиссер и драматург Саша Гитри, а также певцы Эдит Пиаф, Тино Росси, Шарль Трене и еще один страстный поклонник советского образа жизни — Ив Монтан. Веселил до упаду шутками над евреями наш любимец Луи де

▲ Культурная жизнь Парижа

▲ Музыка для парижан

Фюнес, выступавший в престижных залах. Вся Франция стоя рукоплескала певцу Морису Шевалье, который исполнил в своём новом ревю несколько полюбившихся оккупантам песен. Нацисты попросили Шевалье выступить в Берлине и спеть для радио Парижа и Берлина. Он отказался, но выступил перед французскими военнопленными в Германии и взамен добился освобождения десяти военнопленных. Потом, после подвига, все-таки пел и для Берлина, и для Парижа, но это уже не столь важно... О его отваге и героизме по сей день слагают легенды. А вот легендарная модельер Коко Шанель активно сотрудничала с нацистской разведкой. Это документально подтверждено рассекреченными архивными документами вместе с её показаниями. Более того, во французских архивах есть записи, в которых говорится, что Коко Шанель значилась агентом абвера (военная разведка) еще в 1919–1944 годах. То есть была завербована сразу по окончании I мировой войны! Коко Шанель к началу II мировой уже была всемирно известна как автор "маленького черного платья" и духов "Шанель № 5". После войны Коко Шанель была арестована и оказалась в тюрьме, провела там несколько месяцев и после освобождения из французских казематов уехала в Швейцарию, а не на лесоповал. Затем триумфально вернулась в Париж в 1954 году, еще больше раскрутив на "чужбине" свой модный бизнес.

Немцы тоже в долгу не оставались, постоянно пытаясь соблазнить парижан своей культурой. В 1941 году они организовали фестиваль немецкой музыки Берлинской филармонии в Парижской опере, спектакль театра Шиллера в Берлине в знаменитом Театре Елисейских полей и выставку немецкого скульптора Арно Брекера-монументалиста, любимца фюрера. Геббельс организовывал творческие поездки в Германию для знакомства с работой германского киноконцерна "UFA" таких известных французских артистов, как Даниэль Дарье, Фернандель и других. В годы оккупации во Франции снимали больше фильмов, чем во всей Европе, так как в ведомстве Геббельса средств не жалели.

Но многое изменилось в жизни Франции, когда их культурные оккупанты-гости 22 июня 1941 года вступили в смертельную схватку с варварским еврейским большевизмом. Тысячи французов добровольно высказали желание сражаться с врагом человечества — СССР. На Восточном фронте из добровольцев-французов были сформированы как минимум две части, которые воевали в составе вермахта, под французским флагом и с французским командным составом. Французский добровольческий легион уже с осени 1941 года принимал участие в войне против СССР в битве под Москвой и был единственной не немецкой частью, принявшей участие в этой операции. 5 ноября 1941 года маршал Петен направил легионерам напутствие: *"Перед тем, как вы пойдёте в бой, мне радостно сознавать, что вы не забываете — вам принадлежит часть нашей военной чести"*.

Как тут не вспомнить и мемуары Шарля Де Голля: *"...что Франция и ее армия не зря потратили столько сил и принесли столько жертв". (Голль Ш. де. Военные мемуары: Спасение 1944–1946. — М.: ООО "Издательство АСТ": ООО "Издательство Астрель": ООО Транзиткнига, 2004. — 799).* И пусть фраза была сказана по другому поводу, но по смыслу — прямо в точку.

***

Во Франции после нападения Германии на Советский Союз произошли изменения. Помимо более жесткой системы нормирования продуктов и промтоваров, была объявлена программа, которая требовала, чтобы большее количество молодых французов работало на немецких заводах, в обмен на возвращение военнопленных из Германии. Эта программа вызвала справедливый гнев французов и свободолюбивый дух республики нашел свое отражение в сотнях анонимных обвинений парижан в адрес других парижан, которые недостаточно активно поддерживали немцев работой на образцовых германских предприятиях. Отмечен даже сверхгероический случай, когда на стене завода "Рено", который выпускал для Вермахта танки, кто-то из бесстрашных духом французов, начертал букву "V" — victory (победа)! Письма писали исключительно в местную полицию, потому как не знали реакции властей Германии. Душераздирающие сцены наблюдались в оккупированном Париже — из-за нехватки топлива количество автомобилей на улицах Парижа упало с 350 000

до войны до чуть менее 4 500 (!). Все чаще стали использоваться архаичные средства передвижения, такие как фиакр, запряженный лошадьми. Метро работало, но вагоны были переполнены. В 1939 году на улицах Парижа сновали 3.5 тыс. автобусов, а осенью 1940 года осталось только 500. Стали популярными велосипеды и их цена резко возросла, что бесконечно возмущало французов.

Скрашивала тяжелую жизнь парижан постоянная охота на евреев. С самого начала оккупации к евреям в Париже относились особенно сурово. 18 октября 1940 года немецкие оккупационные и местные власти постановили, что евреи будут иметь особый статус и им будет запрещено заниматься свободными профессиями, такими как торговля, промышленность, что повлияло на юристов, врачей, профессоров, владельцев магазинов, а также запретить им посещать определенные общественные места, а их собственность была конфискована. С мая 1942 года все евреи в оккупированной зоне старше шести лет должны были носить жёлтый значок "Звезда Давида". Знаменательные события происходили 16-17 июля 1942 года, когда французская полиция задержала 13 152 еврея. *После войны полицейские, которые ловили евреев, остались на работе и стали ловить тех французов, которые доносили на евреев.* Начальник полиции Парижа сослался на устный приказ немцев "что-нибудь сделайте, наконец, с евреями". Так добрые и оккупированные французы доносами улучшали свой жилищный фонд и благосостояние за счет оставленного евреями в квартирах имущества. Облаву и власти, и немцы сочли провалом, так как они подготовили поезда на 32 тысячи человек. Поэтому по призыву властей парижане удвоили бдительность, чтобы не ударить в грязь лицом, и аресты продолжались весь 1943 и первую половину 1944 года. К моменту Освобождения Франции 43 000 евреев из парижского региона, или около половины всего населения общины, были отправлены в концентрационные лагеря, где 34 000 человек погибло. Следует отметить, что в октябре 1940 года абвер (военная разведка и контрразведка вермахта) прекратил прием внештатных осведомителей во Франции: в стране уже насчитывалось 32 000 «стукачей», опутавших сетью все города, информируя оккупантов о «подозрительном поведении» соседей.

Заслуживает внимания и такой факт. Во Франции возникла сеть публичных домов для немецких военнослужащих. Франция стала первой и самой мощной индустрией женского тела в Европе, предоставив свои многочисленные бордели оккупантам. Помещения и персонал был практически сформированы, осталось решить только вопрос критерия арийской расовой чистоты. Здесь за дело взялись сами "жрицы любви" — при малейшем подозрении они сообщали в соответствующие службы. Их коллег по профессии тщательно проверяли на принадлежность к арийской расе, то есть всех евреек-конкуренток парижские проститутки практически самостоятельно выявили и сдали немцам или полиции.

Параллельно с этими событиями происходили и события сугубо военные. Еще с конца лета стали формироваться французские добровольческие подразделения для битвы с большевиками. Еще в июле 1941 года пришло записаться в войска более 13 000 добровольцев. На московском направлении французские формирования понесли существенные потери по большей части от обморожений и болезней и были отведены в тыл. *(любопытно, что самые упорные бои с частями Красной Армии они вели на том самом Бородинском поле).* После переформирования их использовали для антипартизанских действий в Белоруссии.10 февраля 1945 года была сформирована 33-я гренадерская дивизия войск СС "Шарлемань" ("Карл Великий") из одноимённой французской бригады войск СС, воевавшей на Восточном фронте. Численность дивизии колебалась в пределах 7 000 человек, но регулярно пополнялась за счет добровольцев.

Любопытно, что именно в Африке начала образовываться структура будущей французской администрации. 3 июня 1943 года в Алжире был учрежден Французский комитет на-

▲ Интернациональная диверсионная группа, 1944

ционального освобождения (ФКНО) под совместным председательством двух генералов. Первый — Жиро стал главнокомандующим французских сил в Северной Африке, де Голль — на остальных французских территориях.

В марте 1945 года была разгромлена Красной Армией в Померании дивизия войск СС "Шарлемань" и её остатки были отведены в тыл. Однако, батальон этой дивизии (около 300 человек) в Берлинской операции вместе с дивизией "Нордланд" защищал район Рейхстага. Также, перед самым началом битвы за Берлин, к дивизии присоединились личный состав и бригады "Жанна д'Арк". Во время этого последнего, бессмысленного и беспощадного боя вокруг бункера рейхсканцелярии и Рейхстага, французы еще раз доказали теперь уже никому не нужную эффективность. По воспоминаниям немцев, французы дрались до последнего, защищая рейхсканцелярию, совместно с датчанами и норвежцами из дивизии СС "Нордланд" и за день боев 28 апреля в Берлине было уничтожено 108 советских танков, из них 62 — тремя сотнями бойцов "Шарлемань". Четыре бойца батальона были удостоены рыцарского железного креста 29 апреля на одной из самых последних церемоний награждений в рейхе. Остатки батальона мелкими группами пытались просочиться из Берлина. Около 30 человек были взяты в плен Красной Армией и переданы французским властям. Интересная цифра: число военнопленных французов в плену СССР в 1945 году достигло 23 136 человек, что втрое превышает численность дивизии "Шарлемань", то есть несложно подсчитать, как быстро пополнялась добровольцами дивизия.

Было бы несправедливо не упомянуть о знаменитом полке "Нормандия — Неман", также сражавшемся на Восточном фронте в составе Красной Армии. За время боевых действий лётчики полка совершили 5 240 боевых вылетов, провели около 900 воздушных боёв, одержали 273 подтверждённых победы, 36 неподтверждённых, и повредили более 80 немецких самолётов. *(Для сравнения — у А.И. Покрышкина на счету 59 самолетов противника — лично и 6 в группе, еще 15 официальных побед, одержанных в 1941 году, не вошли в его счет — во время бомбежки сгорели наградные документы в штабе авиаполка, у И.Н. Кожедуба — за два неполных года он уничтожил 62 немецких самолёта).* Потери полка "Нормандия — Неман" за время ведения боевых действий составили 42 лётчика. Всего за время ведения боевых действий через эскадрилью прошло 96 человек боевого состава. Полк участвовал в Курской битве в 1943 году, Белорусской операции в 1944 году, в боях по разгрому немецких войск в Восточной Пруссии в 1945 году. *(Часть пилотов еще в СССР выразили желание вернуться во Францию — на подаренных им Советским правительством истребителях Як-3. Полк "Нормандия" базировался на аэродроме Ле-Бурже и был переформирован в авиаполк ПВО двухэскадрильного состава по 16 Як-3 в каждой и с сентября 1945 года включен в структуру округа противовоздушной обороны Парижа).*

В самой Франции жизнь тоже кипела — французы, проживавшие на территории Виши, 28 февраля 1943 года создали фашистскую военизированную организацию *"Национальный революционный фронт"*, действующее полицейское подразделение которое называлось Миличе (народная милиция). Его особая функция заключалась в том, чтобы помочь немцам в их борьбе с Сопротивлением, которое они квалифицировали как "террористическую" организацию. Национальный революционный фронт пользовался широкой поддержкой у оккупированных французов, часто проводились митинги в поддержку германских и местных властей. Во время освобождения Франции в 1944 году большинство его членов предпочли сражаться бок о бок с немцами, и многие из них направились в Германию.

А что же такое "Свободная Франция"? 18 июня 1940 года британская ВВС передала по радио речь прибывшего в Великобританию генерала Шарля де Голля, а вскоре были распространены листовки, в которых генерал обращался "ко всем французам" с заявлением: *"Франция проиграла сражение, но она не проиграла войну! Ничего не потеряно, потому что эта война — мировая. Настанет день, когда Франция вернёт свободу и величие... Вот почему я обращаюсь ко всем французам объединиться вокруг меня во имя действия, самопожертвования и надежды"*.

Генерал потом много еще чего говорил — звал, призывал, взывал, но как сказал Черчилль о Де Голле: *"Персонаж привлекательный и вместе с тем раздражающий и ... бесполезный"*. Но ярче всего отношение британского премьера выразилось в тот день, когда де Голль воспротивился американо-британской операции по уничтожению французских вишистов, крепко засевших в Сирии и на Мадагаскаре и отказавшихся сдаться союзникам. *"Вы — не Франция. Вы — сражающаяся Франция. Вы ведете войну с Англией вместо того, чтобы вести ее с Германией!!"* Черчилль дошел даже до того, что, ухватившись за стул и переломив его надвое, закричал: "Я вас сломаю, как этот стул!". Стул он действительно сломал, как и отношения с де Голлем, с которым до конца своих дней был холоден, но подчеркнуто вежлив.

29 сентября 1941 года СССР официально признал "Свободную Францию" и установил с ней дипломатические отношения через посольство СССР при Союзных правительствах в Лондоне.

Точных цифр о том, сколько же французов воевало против СССР на Восточном фронте, нет, есть только данные о пленных французах — в советском плену побывало 23 136 граждан Франции. Располагая этими цифрами можно смело сказать, что Франция приняла активное участие в Великой Отечественной войне на стороне нацистской Германии, но не во II мировой, где ее роль весьма и весьма незначительна.

***

Следует коснуться темы — это французское Сопротивление и восстановление в республике порядка и справедливости, основанных на мести коллаборационистам.

Начнем с того, что, описывая выше французские СС дивизии, воевавшие на Восточном фронте, не было сказано ничего о выдающемся вкладе Франции в деле освобождения СССР от нацистов. Представить сложно, как наша страна обошлась бы без 14 бойцов-французов из партизанского отряда, неизвестно, как попавших в те места, и приготовлявших партизанам еду под пение гимна гордой страны — "Марсельезы." Их товарищи по оружию рассказывают, что однажды отряду пришлось отступить под натиском карателей, но французы донесли до новой базы, не растеряв ни одного предмета, всю! кухонную утварь и продолжали героически варить наваристые украинские борщи из шампиньонов и лягушек до самого прихода Красной Армии. Звучит, как анекдот, но это своего рода концентрат французского Сопротивления на Восточном фронте.

Могучая организация де Голля, "Свободная Франция", числом 7 000 человек бесстрашно боролась с нацистами из Лондона (а это почти целая дивизия). А вот через три года, после поражения фашистов под Сталинградом и на Курской дуге, когда перелом в войне стал очевиден, туда стали приходить добровольцы — летом 1943 года в "Свободной Франции" сражалось 39 000 коренных французов: увы, в 2,5 раза меньше, чем в вермахте (на Восточном и Северо-Африканском фронтах). Относительно партизан – "маки" (с ударением на последний слог), следует отметить, сопротивление стало массовым тоже в 1943-м, после крупных поражений нацистов на Восточном фронте, когда немцы принялись угонять молодёжь на работу в Германию. Французы скрылись в лесах и горах, где героически отсиживались. Но совершали и мужественные нападения на оккупантов, которые везли еду для своих воинских частей. В среде повстанцев большинство составляли мужчины в возрасте до 30 лет. Тогда англичане сообразили, что в самом "боевом" возрасте есть тяга к стрельбе, то забросали маки с воздуха оружие, боеприпасы.

Особого внимания, наряду с "лежачим сопротивлением", заслуживают французские герои-виноделы. Во Франции оккупантов сильно привлекали не только памятники культуры и француженки, но и прославленные французские вина. Немцы даже создали должность -вайнфюрер — для людей, которые обеспечивали регулярную доставку французского вина армии. Вайнфюреры действовали в каждом регионе и имели неплохие контакты с большинством французских производителей (кстати, и после войны)**.** Миллионы литров французского вина выпил вермахт за годы войны, особенно марок бордо и шампань, причем немцы его не отбирали, а закупали по сверхвыгодным для производителей ценам.

После 1944 года многие герои-виноделы гордо рассказывали о своем сопротивлении оккупантам, мо-

▲ Партизанки Парижа, 1944

▲ Папа-маки позирует восхищенной публике, 1944

тивируя тем, что продавали им вино не самого лучшего качества, а немного похуже. Такой урон германской армии не замедлил сказаться — двое солдат вермахта так ублажились шампанским, что на следующий день оказались в лазарете и не воевали на Восточном фронте целый день, что безусловно умножает подвиг виноделов — сколько бойцов Красной Армии остались в живых, благодаря лазаретному похмелью целых двух нацистов. Благодаря винному бизнесу довольно безбедно провели годы оккупации несчетное количество французов, причем те военнопленные, которых немцы отпускали домой, не торопились, а зарабатывали хорошие деньги в сезон виноделия и возвращались домой не с пустыми руками.

Но вернемся к Сопротивлению. Де Голль времени даром не терял и поддерживал воззваниями деятельность Сопротивления. Воззвания вообще были его страстью. Англичане, как народ более практичный, стали использовать французов, обосновавшихся в Британии, в диверсионных целях. Всего на территорию Франции были доставлены 375 агентов спецслужб США, 393 агента спецслужб Великобритании и 868 агентов де Голля. Почти полк (на круг) уже находился во Франции! К концу 1943 года резервы говоривших по-французски агентов оказались исчерпаны, союзники начали формировать группы из трёх-четырех человек (состоявшие из одного англичанина, одного американца и французов), которые были одеты в военную форму и открыто действовали совместно с партизанами.

У французов была своя героиня. Зовут её Жаклин Неарн, которая после оккупации выехала в Англию, в 1941 году стала агентом английских спецслужб и в январе 1943 года была заброшена во Францию. По результатам деятельности она была награждена орденом Британской империи и торжественно похоронена в Лондоне. В память о её подпольной деятельности названы улицы, площади, станции метро и ещё масса примечательных мест обеих столиц. Свой подвиг она подробно описывала в своих мемуарах. Приведем только самую душераздирающую сцену из её воспоминаний: *"...Вместе с маки мы решили перерезать все железные и автомобильные дороги в районе. Спустя пять суток после дня D наш отряд из ста пятидесяти человек окружило две с половиной тысячи немцев, идущих в Нормандию. У Роморантена завязался бой, продолжавшийся четырнадцать часов. Немцев было явно больше, и в конце концов нас прижали к обширному кукурузному полю. Я спряталась среди высоких растений и была вынуждена оставаться на палящем солнце в течение одиннадцати часов. Немцы немного постреляли и утихли".*

Что касается французского Сопротивления, то оно, мягко говоря, было очень сильно мифологизировано, и именно «французским» назвать его было проблематично. С момента оккупации Франции немцами, никакого сопротивления не было больше года. Лишь 21 августа 1941 года коммунист Пьер Жоржес застрелил офицера немецкого ВМФ в метро Парижа. Это стало первым случаем убийства нациста во Франции.

К началу высадки союзников во Франции, численность маки составила 135 000 человек (не считая безоружных "сочувствующих"). Любопытно, что 60 000 (чуть ли не по-

ловина) из них были испанскими республиканцами, сбежавшими от Франко воевать с нацистами, 2 000 — немецкими коммунистами, 3 000 повстанцев являлись советскими гражданами — военнопленными или эмигрантами, перебравшимися во Францию после Гражданской войны из России и других стран.

15 августа 1944 года армии союзников стояли уже недалеко от Парижа. 17 августа 1944 военный комендант Парижа Дитрих фон Хольтиц приказал по особому распоряжению Гитлера заминировать наиболее важные объекты и здания в городе, чтобы уничтожить город в случае его сдачи врагам. С фон Хольтицем провели соответствующую беседу, связавшись с ним через представителей нейтральных стран. Генерал свой приказ отменил и сдался парижанам. "Битва за Париж" продолжалась 19 — 25 августа 1944 года и 20 000 немцев и их сторонников довольно быстро поняли бессмысленность борьбы, поэтому сопротивление носило "очаговый" характер в разных частях города. 24 августа 1944 года в 21 час 20 минут, в город сразу с двух сторон начали входить 4-я пехотная дивизия США и 2-я бронетанковая дивизия "Свободная Франция", под командованием генерала Леклерка общей численностью в 16 тыс. человек. С помощью артиллерии и танков им удалось почти полностью подавить сопротивление немцев и вишистов в центре Парижа и на окраинах.

Безусловно, едва немцев выбили из Парижа, число и маки, и солдат "Свободной Франции" резко возросло — за неделю до целого миллиона. У них было даже собственное название "Сопротивленцы последнего часа", потому что легко и безопасно примыкать к тем, кто побеждает. А мы вот возьмем и вспомним, что до лета 1941 года среди французов не было даже намеков на партизанское движение, так как французы спокойно и весьма любезно относились к оккупации.

Но одно малоизвестное событие нельзя обойти вниманием. 6 июня 1944 года состоялась высадка англо-американских войск в Нормандии. Во время боев в плен к немцам попали военнослужащие армий союзников - более 20 тысяч американских, британских и канадских солдат. По образу и подобию будущего "Парада пленных", который был проведен на центральных улицах Москвы 17 июля, немцы реши-

▲ Парижанки выкрикавая проклятья, бьют пленных британских десантников, июль 1944

▲ Последствия горизонтального коллаборационизма, 1944

ли провести по парижским улицам военнопленных, захваченных при высадке в Нормандии. Француженки надавали пощечин американским солдатам, то есть, женщины, которых пришли освобождать от немецкой оккупации проявили сверх агрессивность. Реакция парижан была довольно доброжелательной на их поступки, складывалось ощущение, что по улицам ведут ненавистных агрессоров. Немцам пришлось даже осаживать особо ретивых, чтобы толпа не покалечила пленных.

Уже через месяц, в августе 1944 года, Париж будет освобождён союзниками и эти же парижане будут размахивать флажками на параде англо-американских войск, кататься на их джипах, обниматься, признаваться в вечной любви союзникам и демонстрировать свою ненависть к немцам. Начались парадные шествия союзнических войск на Елисейских полях, в которых непременно принимал участие и Шарль де Голль. Широко известен даже случай, когда днём 29 августа немецкий снайпер с крыши одного из домов в центре Парижа недалеко от «Hôtel de Crillon» произвёл выстрел в выступающего на параде Шарля де Голля, но промахнулся и был уничтожен ответным огнём. Де Голль же спокойно договорил свою речь и покинул трибуну под овации добрых парижан и гостей столицы.

После парадов, французы осмотрелись по сторонам, и поняли, что нет интереснее занятия, чем ловить и казнить коллаборационистов и брить головы француженкам, которые были замечены в связях с оккупантами. За сотрудничество с нацистами были осуждены почти 40 тысяч человек, был вынесен 2 071 смертный приговор, но пыл мести быстро угасал и 1 303 человека получили замену смертной казни символическими сроками заключения. Но 768 смертных приговоров на всю Францию привели в исполнение. Однако, больше всего отыгрались на женщинах, которые находились в связях с оккупантами.

Заработала целая индустрия — более 20 000 женщин были наголо обриты и подвергнуты самым грязным унижениям за связь с немцами или работу на них в гражданских учреждениях. По доносам, во многих случаях несправедливым, добрых парижан, женщины получили поражение абсолютно во всех правах, в том числе лишились и жилья. Интересно французы решили жилищный вопрос — сначала за доносы на евреев, потом за то, что доносил на еврея, а потом и за связь с немцами. Такова французская жизнь. После чисто спонтанных расправ, большую часть этих женщин "пропускали" через суды и 18 500 женщин были признаны французским правосудием "национально недостойными", то есть были поражены абсолютно во всех правах. Но им оставили право на жизнь.

Маршал Петен был осуждён и приговорён к смертной казни, однако в силу пожилого возраста приговор был заменён на пожизненное заключение. В 1949 году Петена, которому было уже 93 года, по указу президента Венсана Ориоля перевели в частный дом с охраной на Порт-Жуанвиле, в котором менее чем через месяц, 23 июля, Петен умер. Он был похоронен в форме маршала Франции. Остальные французы также с достоинством пережили тяжелые годы оккупации.

2 декабря 1944 года в Москве состоялось знаменательное событие: В.М. Молотов встречал председателя Совета Министров Временного пра-

вительства Франции генерала Шарля де Голля. Сталин, вместо запланированных 30 минут, беседовал с гостем долгих 15 часов. Обсуждалось много вопросов, но главным был один — будут ли СССР и Франция "дружить вместе" против Великобритании. Де Голль настоятельно убеждал сделать будущий советско-французско-английский договор просто советско-французским. Услышав это предложение, Сталин неожиданно сказал, что "такой поворот может обидеть Черчилля". В свою очередь де Голль ответил: "Неужели Сталину не приходилось прежде обижать английского бульдога?" В итоге Сталин настоял на своем, и пакт остался трехсторонним. Но зато был подписан Договор о дружбе и военной помощи между Францией и СССР. Де Голль напрасно убеждал Сталина, что надо забыть и про Англию, и про Черчилля: "Англия всегда и везде опаздывает", и что ее можно рассматривать лишь как "второй этаж безопасности". Из СССР де Голль уезжал, прекрасно понимая, что поездка была более чем оправдана. И, как показала история, генерал оказался прав: встреча со Сталиным и подписанный документ сделали свое дело — Франция, которая была признана одной из стран-победительниц, после разгрома нацистской Германии вернула себе статус великой державы. В свое время только твёрдая позиция Сталина в Ялте спасла Францию от оккупационного режима, исключительно по его настоянию французов включили в антигитлеровский лагерь. Генералиссимус же настоял на выделении Франции особой французской зоны оккупации в Германии.

Помня о де Голле и французских летчиках полка «Нормандия-Неман», мы должны знать и о французах в немецко-фашистском вермахте, о французском Легионе, повторившем судьбу «Великой армии» Наполеона, о многих тысячах французов, сражавшихся в различных формированиях вооруженных сил третьего рейха против армий антигитлеровской коалиции.

Благодарность и в отношениях между людьми не так уж часто встречается, а уж в истории стран и народов вообще, кажется, никогда. Вот уж кому, казалось бы, ежедневно красные гвоздики к могиле Сталина у кремлёвской стены носить, так это французам. Не носят, нос воротят, говорят, что Сталин был хуже Гитлера. ■

▲ Подписание советско-франко-английского договора, 1944 декабрь

Н. П. ЛЫКОВ

«ОРГАНИЗАЦИЯ УКРАИНСКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ». ЕЁ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОТИВ СССР ПЕРЕД ВОЙНОЙ

▲ УПА

СОЗДАНИЕ ОУН

Украинские националисты, оказавшиеся в эмиграции и создавшие за рубежом широкую сеть организаций и групп, понимали, что организационная раздробленность мешает активному руководству подрывной деятельностью против Советской Украины. Встал вопрос о консолидации политических сил националистов. К середине 20-х годов сложилась обстановка, при которой наиболее сильные позиции занимала не политическая, а военная организация националистов — УВО, имевшая больше возможностей для проведения враждебной деятельности на территории Советской Украины. Поэтому участники УВО высказывались за консолидацию политических, а не только военных сил украинского национализма. Аналогичные соображения возникали и у представителей империалистических государств, в чьих интересах действовали националистические элементы.

Несмотря на большую работу, которую вела УВО против Советского государства по заданию империалистических разведок, ее деятельность скоро перестала удовлетворять все возрастающие разведывательные запросы Германии, Польши и Англии. Дело было, разумеется, не в том, что УВО в какой-то мере снизила активность своей контрреволюционной деятельности, а в том, что ее военные рамки не позволяли иностранным

разведкам организовать требуемую работу на более широкой основе, с использованием всех группировок националистов, в том числе и военных кадров.

В связи с этим была выдвинута идея создания так называемого надпартийного центра, который мог бы объединить все наиболее реакционные националистические кадры. Необходимость создания сильной объединенной политической организации вызывалась и тем, что позиции националистов на территории Советской Украины из года в год слабели, близился их полный разгром.

Еще в 1926 году была предпринята попытка создать единый политический центр, объединяющий все группы антисоветской украинской эмиграции. В Праге состоялась конференция представителей «правительства УНР», гетманцев, эсеров, эсдеков, УВО, «Легии украинских националистов» (ЛУН), «Группы украинской национальной молодежи» (УНМ) и «кубанцев». Трехдневные разговоры закончились разрывом из-за расхождений в вопросе... о характере власти на Украине после свержения Советской власти, так как каждая группировка стремилась, чтобы к власти пришли ее руководители. Найти общую платформу не удалось.

В марте 1927 года несколько участников УВО, входивших в «Группу УНМ» и ЛУН, взялись за разработку проекта устава «Союза организаций украинских националистов», объединяющего все эти организации. Предполагалось, что в последующем в него будут вступать другие организации и отдельные лица. Устав был одобрен УНМ и ЛУН, и 12 июля 1927 года состоялось учредительное собрание союза, избравшее управу в следующем составе: Сциборский — председатель, Козак — заместитель, Нижанковский — секретарь, Черновский — орг-референт, Нововирский — политреферент. Задачей управы «Союза ОУН» было созвать съезд, который сформулировал бы программу националистов.

3–7 ноября 1927 года в Берлине состоялась I конференция украинских националистов, создавшая «Провод украинских националистов» во главе с Коновальцем. В состав «провода» вошли также Мартынец, Андриевский и Сциборский. В январе-феврале 1929 года состоялся первый конгресс («Великий збір»), который провозгласил создание ОУН, выработал ее устав и программу. Эта дата и считается датой возникновения оуновской организации.

Основная материальная и людская база ОУН была в Галиции и на Волыни, входивших в то время в состав Польши. Становление ОУН относится ко времени завершения разгрома на Украине националистических элементов в КП(б)У, разного рода национал-уклонистов и антисоветского националистического подполья, ко времени укрепления дружбы народов СССР и позиций пролетарского интернационализма. Поэтому попытки ОУН создать организационные националистические звенья на территории Советской. Украины успеха не имели.

Основной ареной, главным плацдармом подрывной деятельности ОУН против Советской Украины стали западные области Украины,

▲ Коновалец

▲ Сциборский Николай

▲ ОУН УПА

входившие в тот период в состав буржуазной Польши, Чехословакии и Румынии.

Украинские буржуазные националисты создали в западных областях Украины ряд крупных антисоветских организаций, которые поставляли иностранным разведкам шпионов, террористов и диверсантов для засылки на территорию Советской Украины, вели активную антисоветскую пропаганду, отравляли ядом национализма сознание трудящихся, пропагандировали фашизм. Главари всех этих организаций, поддерживаемые верхушкой реакционного униатского духовенства, призывали украинцев бороться с коммунизмом, используя в этих целях все средства. Главной из вражеских организаций, созданных украинскими националистами в западных областях Украины была ОУН.

Галиция и Волынь были исконными украинскими землями. После захвата их панской Польшей пилсудчики установили там жестокий режим национального гнета, зверской эксплуатации и произвола. Украинцам запрещалось говорить на родном языке. Все украинские школы были закрыты. Варварски разрушалась украинская культура. Такое положение породило среди украинского населения, особенно среди молодежи, ненависть к угнетателям — польским панам, острый протест против своего бесправия. Жестоко угнетая украинцев, польские паны в то же время вели агитацию против Советского Союза, распространяя всевозможную клевету о жизни в СССР.

Все это использовали в своих вражеских целях оуновцы. «Провод» ОУН, ловко спекулируя на национальных чувствах украинцев и на своей внешней революционности, на деле помогал польским оккупантам угнетать украинское население западных украинских земель. Если в этот период и был совершен ряд террористических актов против представителей польских властей, то большинство их было организовано низовыми ячейками на свой страх и риск или устроено с провокационной целью, как это показали многие процессы над украинскими националистами в Польше.

Вынужденная считаться с ростом революционной и национально-освободительной борьбы украинского населения в Польше, ОУН призывала украинцев к забастовкам, бойкоту. Все эти призывы ОУН носили демагогический характер и провозглашались лишь с целью оказать давление на польские правительственные круги. ОУН часто становилась в оппозицию по отношению к другим украинским буржуазным партиям, обвиняя их в консерватизме и продажности, на каждом шагу твердила о своей революционности, и все это для того, чтобы привлечь на свою сторону народные массы.

Если одну часть украинского населения ОУН старалась увлечь своей беззастенчивой демагогией, то коммунистов и сознательных трудящихся националисты стремились уничтожить физически или запугать: нападали на собрания революционно настроенных рабочих и крестьян, на отдельных революционеров. ОУН вместе с польской полицией засылала своих агентов в революционные организации, в частности в Коммунистическую партию Западной Украины, чтобы разложить ее изнутри. В том же направлении, но менее активно, дей-

ствовала ОУН в те годы в Закарпатской Украине и на Буковине.

Украинские националисты пытались спровоцировать войну Польши с СССР, напав в 1930 году на советское консульство в Львове, а в 1933 году совершив убийство посла СССР в Польше Войкова. Они не раз заявляли, что «вооруженное восстание против Польши — абсурд, что главное для них — это борьба с Советской властью». Однако свои антисоветские устремления они прикрывали демагогическими фразами «о борьбе с наездником» (захватчиком), якобы польскими оккупантами, хотя в действительности главным своим противником считали СССР.

Это подтверждается докладом гестапо на совещании 7 октября 1938 года с участием представителей верховного главного командования, главного управления полиции, министерства иностранных дел, пропаганды и других ведомств. В протоколе, в частности, указывается: «Штандартенфюрер Мюллер в докладе заявил, что следовало бы объяснить полякам, что это именно Германия отвлекла группу Коновальца от Польши и направила ее против большевизма. Капитан Дэринг добавил к этому, что группа Коновальца дала верховному главному командованию обязательство ничего не предпринимать в Польше, а работать исключительно против большевизма».

С приходом к власти Гитлера в 1933 году усиливаются связи украинских националистов с гитлеровцами. Уже в конце 1933 года Коновалец ведет переговоры с Гитлером о совместной работе.

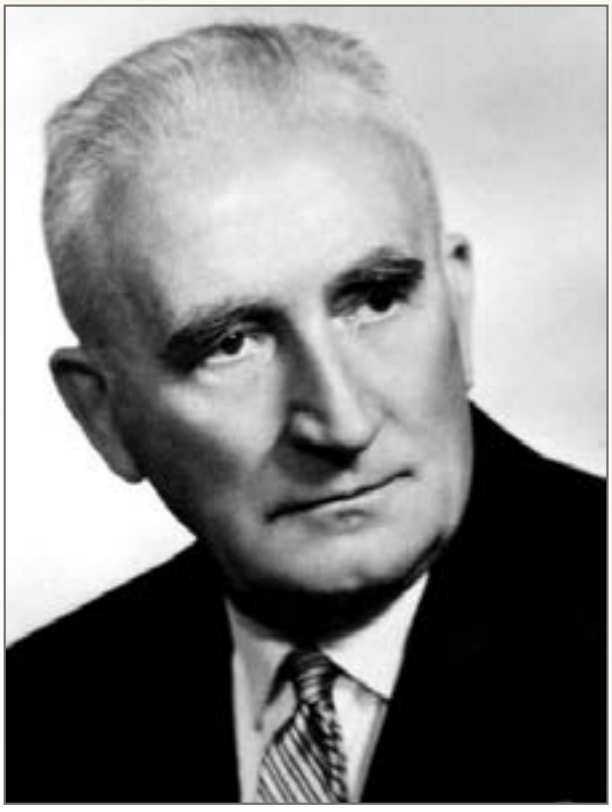
В результате этих переговоров в январе 1934 года по приказу германского инспектора полиции Дильсена и полковника Рейхенау берлинская (центральная) организация, руководимая самим Коновальцем, влилась в штат гестапо на правах особого отдела. В предместье Берлина Вильгельмсдорф на средства немецкой разведки были построены казармы для украинских националистов, и велось обучение сформированных по военному образцу отрядов. Эти отряды имели свою форму и были приравнены к гитлеровским штурмовым отрядам, руководил ими офицер гестаповский Ярыга-Рымарт, он же Карпати, известный среди членов ОУН как Рико-Ярый.

Характерно, что именно в этот период, когда «вождем» ОУН являлся Коновалец, платный агент германской военной разведки, был создан военный штаб, в задачу которого входило проведение мероприятий по созданию вооруженных отрядов, в том числе легионов, вне пределов Украины, на территории Германии, а также составление и отработка мобилизационных планов для «внешней войны».

Руководителем военного штаба ОУН был назначен ближайший помощник Коновальца — полковник Мельник, членами: генерал УГА и начальник штаба Петлюры — Курманович, петлюровский генерал Капустянский и полковник УГА Вышиванный, он же эрцгерцог Вильгельм фон Габсбург, племянник бывшего австрийского императора Франца-Иосифа, еще в первую мировую войну претендовавший на гетманство на Украине.

▲ Рико-Ярый

▲ Полковник Мельник А.

В период лихорадочной подготовки гитлеровской Германии к вооруженному нападению на Польшу, а затем на Советский Союз, германская военная разведка — «Абвер» получила от фюрера приказ усилить предвоенную подрывную работу внутри этих стран.

ОУН уже в это время широко рекламирует не только свое практическое сотрудничество с немецким фашизмом, но и духовное родство с ним. Оуновцы, например, во всеуслышание заявляли: «Новые националистические движения носят в разных странах свои наименования: в Италии — фашизм...в Германии — национал-социализм, а у нас — украинский национализм».

Усиление подрывной работы ОУН в 30-х годах и активная переброска из-за кордона на Советскую Украину эмиссаров, террористов, диверсантов, шпионов были неразрывно связаны с захватническими планами руководителей фашистской диктатуры в Германии и явились результатом прямых директив Гитлера.

Подрывной деятельностью ОУН в Западной Украине непосредственно руководила львовская краевая экзекутива ОУН, которой были подчинены низовые звенья оуновских организаций, действовавших во многих населенных пунктах Западной Украины.

Центральный «провод» ОУН во главе с Коновальцем, как и прежде, оставался в Берлине и работал под непосредственным руководством разведывательных служб фашистской Германии.

ПОДГОТОВКА ОУН К ВОЙНЕ С СССР

Воссоединение Западной Украины с Советской Украиной внесло замешательство в ряды оуновцев. Многие главари ОУН бежали на территорию так называемого «генерал-губернаторства» в г. Краков, куда и был перенесен центр всей антисоветской националистической деятельности. Во главе центра стал активный оуновец Степан Бандера, который сидел до 1939 года в польской тюрьме, за участие в убийстве Перацкого (в 1934 году). Членами этого центра были Лебедь Николай — также сидевший в польской тюрьме, соучастник Бандеры в убийстве Перацкого; Шухевич Роман — бывший руководитель вооруженных отрядов ОУН в Закарпатской Украине, и ряд других. В задачу центра входила организация «пятой колонны» на территории западных областей УССР и противодействие установлению Советской власти и ее мероприятиям в западных областях Украины.

Для организации и практического руководства вооруженным восстанием против Советской власти при краковском центре был создан так называемый «повстанческий штаб». Этот штаб по указанию немецкой разведки должен был организовать восстание в западных областях УССР к моменту военного нападения гитлеровской Германии на Советский Союз.

При непосредственном участии немецких разведчиков на территории «генерал-губернаторства» была создана широко разветвленная сеть разведывательно-диверсионных школ и военных курсов, где готовились разведчики, диверсанты, террористы и эмиссары ОУН для заброски на Украину с целью подготовки там вооруженного восстания и организации шпионажа в пользу Германии.

«Провод» ОУН разработал специальные инструкции для националистов, засылавшихся на Украину накануне войны.

В «Политических указаниях» (май 1941 года) писалось, в частности:

«1. Тем, кто приходит на ЗУЗ (Западноукраинские земли), следует стараться наладить контакт с сетью. Если разбита — пробовать восстановить, очень скрытно и без акций...

2. Ожидая войны... изучать и проверять почву, настроения среди населения, армии, администрации...

6. Пробовать переслать некоторых людей, прежде всего легальным порядком... на ОСУЗ (Осередне-Східні українські землі — Центрально-Восточные украинские земли), где надо создать звенья нашей организации и создать революционную ситуацию».

В этих указаниях предусмотрено, как следует вести себя националистам, когда начнется «вторжение чужих войск на Украину», и затрагиваются другие вопросы подрывной деятельности.

Краковским центром ОУН в приграничной полосе были заложены опорные пункты, которые занимались непосредственной переброской оуновских эмиссаров через границу. Вся эта работа проводилась под непосредственным руководством немецко-фашистских органов и с их санкции. Особенно усиленно использовала оуновцев немецкая военная разведка «Абвер», которая,

▲ Бандера и Шухевич

начиная с 1939 года, стала настойчиво требовать от краковского центра ОУН сведений о Советском Союзе и активизации подрывной деятельности националистического подполья на Украине. В Кракове немецкой разведкой был создан разведцентр, непосредственно использовавший оуновцев в шпионской работе против СССР.

Наряду с ведением подрывной работы германское военное командование готовило и военные кадры украинских националистов для использования их в предстоящей войне против СССР. С этой целью на территории Германии, «генерал-губернаторства» и оккупированной немцами Чехословакии гитлеровцами были созваны для украинских националистов школы офицеров, подофицеров, летчиков, танкистов и шоферов.

В 1940 году в Кракове был сформирован двухтысячный отряд «сечевых стрельцов»; в Варшаве — «украинский легион» под командованием петлюровского полковника Белодуба, в г. Люкенвальде — батальон «украинских сечевиков» под руководством петлюровца Барабаша.

Оуновцы, оставшиеся в глубоком подполье на территории УССР, получили от центрального «провода» указание не сдавать захваченное ими в большом количестве во время отступления и развала войск панской Польши оружие, сохранять и укреплять свою организацию, готовить кадры к вооруженному выступлению против Советской власти. Рассчитывая захватить с помощью этих оуновцев руководящие посты в государственных учреждениях западных областей Украины и власть в местных Советах, «провод» дал им указание проникать в советские учреждения и организации.

Для непосредственного руководства вражеской деятельностью оуновского подполья на территории западных областей УССР был создан еще один подпольный центр — Львовский краевой «провод» ОУН. Он приступил к созданию из оуновцев отрядов для вооруженного выступления против Советской власти, произвел перегруппировку всех оуновских кадров. Во избежание провала были приняты меры к тому, чтобы отсеять «неустойчивые» элементы, а оставшихся проверенных членов ОУН взять на учет и привести в полную боевую готовность. Всех кадровых оуновцев, которым угрожал арест органами государственной безопасности, переправляли на территорию Польши, занятую Германией, для включения их в формировавшиеся вооруженные легионы и походные группы оуновцев.

В первые месяцы после воссоединения отдельные подпольные оуновские формирования пытались организовать в некоторых западных районах Украины вооруженные выступления, но они были быстро ликвидированы органами государственной безопасности и войсками.

После первого крупного удара, нанесенного органами госбезопасности оуновскому подполью в декабре 1939 года, краковский центр ОУН усилил заброску на Украину своих эмиссаров (организаторов подполья), стараясь заменить арестованных органами государственной безопасности главарей.

Органы государственной безопасности приняли меры к выявлению нелегальных каналов связи оуновского подполья, имевшегося на территории западных областей Украины, с закордонными центрами, к внедрению своей агентуры в закордонные центры и в нелегальные звенья ОУН на Украине.

Многие эмиссары краковского центра были задержаны. Но неко-

торым из них все же удалось проникнуть на территорию западных областей Украины и приступить к налаживанию и активизации работы по созданию там подпольных оуновских организаций и центров, подчиненных Львовскому краевому «проводу» ОУН. Ликвидировать львовский краевой «провод» ОУН, непосредственно возглавлявший вражескую деятельность оуновцев в западных областях Украины, в то время не удалось.

Документально доказано сотрудничество «Организации украинских националистов» еще в тот период с немецким гестапо. В львовской краевой экзекутиве и нижестоящих «проводах» ОУН существовали референтуры разведки. Многие оуновцы являлись агентами гестапо.

Захваченный органами госбезопасности в 1940 году эмиссар Бандеры Думанский, который по заданию краковского центра трижды пересекал советскую границу, к моменту ареста входил в руководящее ядро львовского краевого «провода». На следствии он показал:

«. Я являлся руководителем разведки Львовской краевой экзекутивы «Организации украинских националистов» и агентом немецкой разведки... «Организация украинских националистов» контактирует свою работу с гестапо. Представляя немецкой разведке шпионские сведения о силах Красной Армии и промышленно-экономической мощи СССР, наша организация от немецких властей получает всевозможные субсидии в виде оружия и мест убежища для работы против Советской власти...

«Организация украинских националистов», преследуя цель свержения Советской власти на Украине, рассчитывает на помощь со стороны Германии и поэтому, отвечая требованиям германского империализма, полностью находится на содержании гестапо».

По заданию и при помощи немецко-фашистской разведки Бандера за короткое время (февраль — март 1940 года) перебросил в западные области Украины значительное число отобранных им оуновцев. Вооруженное выступление, по данным агентуры, внедрявшейся органами в закордонные центры, намечалось на начало 1940 года, а затем было перенесено на осень 1940 года.

10 марта 1940 года заседание руководящего штаба краковской краевой экзекутивы вынесло решение:

«а) подготовить и в кратчайший срок перебросить на территорию УССР руководящие оуновские кадры с целью создания в Львове и на Волыни штабов по подготовке вооруженного восстания;

б) в двухмесячный срок освоить территорию, составить ясное представление о наличии революционных повстанческих сил, оружия, военно-технического обеспечения, настроениях населения, «о наличии сил Советского Союза, сил польской и еврейской контрреволюции, усилить вербовку в организации ОУН, активизировать пропаганду под лозунгом «Украина для украинцев».

Руководство ОУН при непосредственном участии и помощи немецкого командования формирует из националистически настроенной украинской молодежи военизированные отряды и части так называемой «украинской армии»,

▲ ОУН УПА

«украинских легионов» и «сечевых стрельцов», вербует молодежь в «украинские таборы» — школы, дружины и курсы, где под руководством немецких офицеров проводится усиленная военная подготовка. Украинскими военными организациями непосредственно руководит бывший полковник петлюровской армии Роман Сушко. Для личного состава украинских военных подразделений была установлена специальная форма, подобная бывшей польской.

Помимо указанных украинских частей, немцы организовали «арбайт динст» («служба работы») и «верк динст» («служба охраны»).

Немецкие власти на территории Польского губернаторства предоставили оуновцам ряд привилегий:

а) назначали украинских националистов на административные должности: бургомистрами, волостными и сельскими старостами, чиновниками госучреждений и т. д.;

б) образовали украинскую полицию, рядовой и командный состав которой комплектовался из украинских националистов;

в) привлекали оуновцев к охране границы наравне с немецкими солдатами. Организовали для этих целей специальные курсы.

Все военные формирования ОУН содержались на немецкие средства и предназначались для использования как против англо-французской коалиции, так и против Советского Союза в случае военного столкновения между Германией и СССР.

Пунктами военных формирований служили г. Краков и г. Белз, где были организованы специальные школы по подготовке этих кадров (мужчин и женщин). Заброска националистических кадров с оккупированной территории Польши на Украину осуществлялась с помощью немецких властей.

В марте 1940 года органы государственной безопасности провели вторую крупную операцию, в ходе которой был арестован руководящий состав выявленного львовского краевого «провода» и ряд главарей окружных, уездных и надрайонных «проводов» ОУН.

В связи с арестом главарей львовского краевого «провода» в конце марта 1940 года краковский центр нелегально перебросил во Львов новый состав краевого «провода», который создал «штаб по организации вооруженного выступления». Этот штаб оуновского подполья также был вскрыт и ликвидирован органами государственной безопасности в 1940 году.

После ареста второго состава львовского краевого «провода» ОУН закордонный центр вновь перебросил во Львов своих эмиссаров и опять восстановил львовский краевой «провод», который просуществовал до сентября 1940 года. Краевой «провод» восстановил областные и окружные организации и их центры, возобновил связь с уездными, районными и сельскими организациями ОУН и развернул работу по сбору шпионских сведений для немецко-фашистской разведки и подготовке вооруженного выступления.

▲ Сушко Р.К

Арестованные главари оуновского подполья дали показания, что вооруженное выступление приурочивалось к осени 1940 года, когда они ожидали военного нападения фашистской Германии на Советский Союз. Во всех организациях ОУН были выделены специальные разведчики, которые вели наблюдение за зданиями, где размещались войсковые части и органы государственной безопасности, а также проведены другие мероприятия по подготовке к выступлению.

Оуновское подполье уделяло особое внимание националистической обработке молодежи, особенно учащихся. Львовским краевым «проводом» были созданы молодежные («юнацкие») организации и группы ОУН, задачей которых являлось ведение националистической пропаганды среди учащихся и подготовка наиболее подходящих из них к вербовке в оуновские организации. Участники молодежных оуновских организаций широко использовались в качестве связников, разведчиков, распространителей антисоветских листовок и т. п.

В сентябре 1940 года органами госбезопасности был ликвидирован третий состав львовского краевого «провода», арестован ряд активных участников бандеровского подполья, в том числе главарей областных и окружных организаций. Связь между группировками бандеровцев во многих местах была нарушена, подполье дезорганизовано. В октябре 1940 года оуновцы создали в Львове новый, четвертый по счету, центр для ведения шпионской и иной подрывной работы на территории западных областей УССР.

В конце осени 1940 года оуновцы усилили террористическую деятельность против партийно-советского актива. В западных областях Украины был совершен ряд террористических актов против сельских активистов. Главари банд прибегали к угрозам и насилию по отношению к тем, кто их не поддерживал, запугивали жителей предстоящими репрессиями, выселением и т. п.

Закордонный «провод» ОУН и краевая экзекутива ставили своей задачей сохранить наличный состав организации и расширить базу своего влияния. В этих целях областным проводникам предложено вести подготовку к переброске за кордон националистов, находящихся на неле-

гальном положении, с тем расчетом, чтобы за зиму на территории, занятой немцами, они прошли подготовку и к весне 1941 года вновь возвратились в УССР для организации вооруженного восстания.

Всего с территории западных областей Украины намечалось перебросить за кордон до 1000 человек, которые в течение октября и ноября формировались в отдельные группы и направлялись на заранее подготовленные пункты переправы. Незначительная часть оуновцев мелкими группами прорвалась через границу, но подавляющее большинство их благодаря принятым оперативным мерам было задержано или вынуждено возвратиться обратно.

Для руководства деятельностью ОУН на территории западных областей Украины по решению краевой экзекутивы в каждом округе предполагалось оставить только по два опытных подпольщика. Для руководства уездными, подрайонными, надрайонными организациями были выдвинуты новые кадры оуновцев, находящихся на легальном положении.

В целях пресечения террористической деятельности оуновских организаций и дальнейшего разгрома националистического подполья в декабре 1940 года в западных областях Украины были подготовлены и проведены новые крупные операции по аресту главарей и активных участников ОУН.

В разосланных в ноябре 1940 года указаниях центрального аппарата местным органам госбезопасности по вопросам борьбы с оуновскими бандами ставились такие главные задачи:

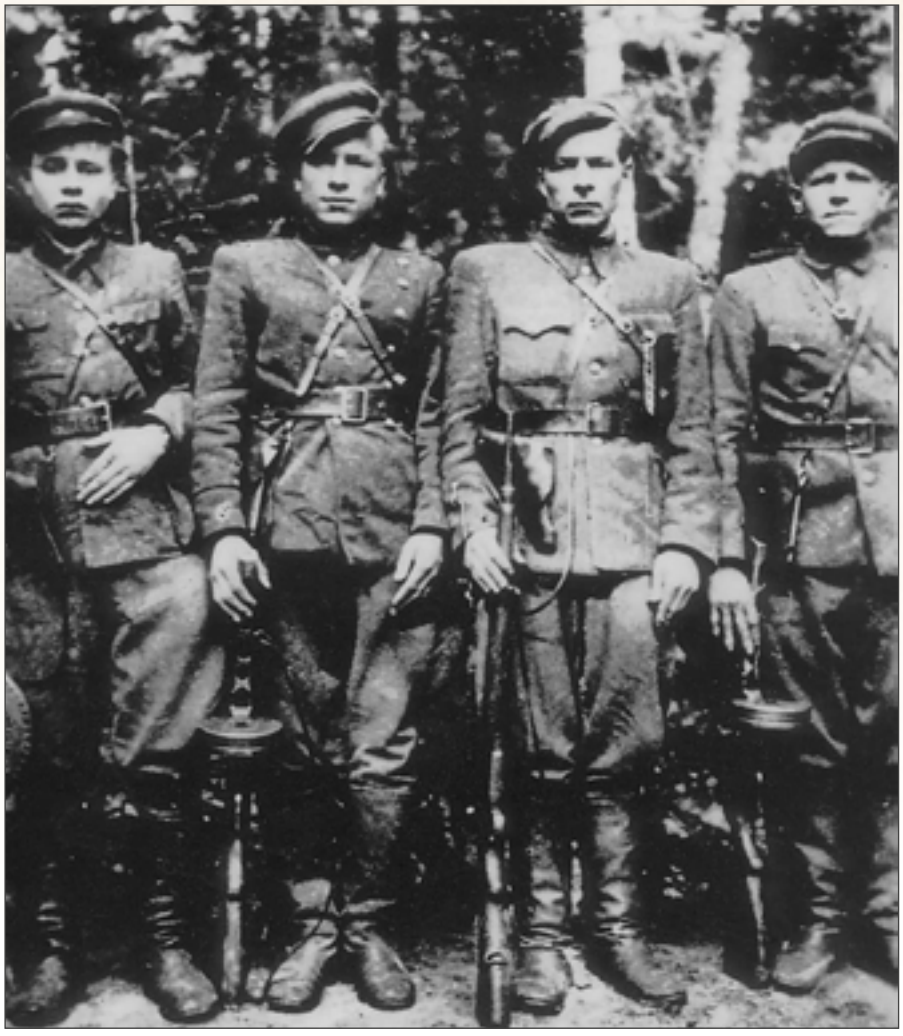
— Внедрение в руководящие круги ОУН квалифицированной и авторитетной агентуры, способной пробраться к руководству Львовской краевой экзекутивой, захватить его в свои руки и использовать для перехвата каналов связи оуновцев с низовыми звеньями и с закордоном.

— Проведение через внедренную в руководство ОУН агентуру массовой разложенческой работы среди оуновской «низовки», в подавляющем большинстве состоящей из социально близких нам элементов, чтобы вырвать ее из-под влияния старого руководства, работающего по прямому заданию иностранных разведок.

— Выявление и планомерная ликвидация актива этой организации.

С октября 1939 по апрель 1941 года органами государственной безопасности в западных областях Украины был вскрыт ряд широко разветвленных подпольных антисоветских организаций и групп украинских националистов, арестовано большое число участников этих организаций, у которых изъято много оружия, боеприпасов, полиграфическая техника. За период с начала 1941 года по 20 июня 1941 года количество арестованных на Украине оуновцев составило более двух тысяч человек. Однако полностью ликвидировать оуновское подполье в западных областях Украины к началу нападения фашистской Германии на Советский Союз не удалось. Вражеское подполье продолжало действовать.

Агентура органов государственной безопасности сообщала, что подполье ОУН приводит в боевую готовность свои организации. Это подтверждалось и показаниями арестованных оуновцев. Оуновцы заготовили большое количество антисоветской литературы и листовок, разработали различные инструкции, мобилизационные планы и другие документы, содержавшие основные установки по вопросам вооруженного выступления.

▲ УПА

▲ Перацкий Бронислав

▲ Лебедь Николай

На основании агентурно-следственных материалов установлено, что краковский «провод» ОУН и львовская краевая экзекутива дали низовым звеньям организации директиву усилить диверсионно-террористическую деятельность на территории западных областей. Выполняя это указание, участники ОУН на местах приступили к составлению «черных списков» партийно-советского и колхозного актива, сотрудников НКГБ и НКВД, а также лиц, подозреваемых в сотрудничестве с ними. Они вели наблюдение за чекистами, устанавливали их адреса, изучали особенности поведения и личные качества.

В июне 1941 года, в момент нападения фашистской Германии на Советский Союз, в ряде западных областей оуновские банды, не сумевшие организовать массовых вооруженных выступлений и не получившие поддержки широких масс трудящихся, совершали нападения на работников органов государственной безопасности, военнослужащих Красной Армии, партийных и советских активистов.

ПЕРВЫЙ РАСКОЛ ОУН

Вся подготовка к нападению на Советский Союз велась по директивным указаниям германской разведки и немецкого генерального штаба всеми без исключения националистическими группировками, начиная от самых реакционных — бандеровцев и мельниковцев — и заканчивая так называемыми радикальными направлениями украинского буржуазного национализма.

Утверждения бандеровцев о том, что они якобы в отличие от мельниковцев мало участвовали в подготовке нападения на СССР, являются ничем не прикрытой ложью. Верноподданнически служили германскому фашизму и те и другие, стараясь перещеголять своих политических противников не только своей преданностью хозяевам, но и изощренностью своих преступлений против украинского народа.

Не помещал этому и раскол в ОУН, подготовленный немцами и осуществленный Бандерой накануне нападения гитлеровской Германии на Советский Союз. Гитлеровцы были заинтересованы в этом расколе, чтобы еще эффективнее использовать оуновцев в своих захватнических целях.

В 1938 году в г. Амстердаме был убит руководитель ОУН полковник Евгений Коновалец. Его пост занял полковник Андрей Мельник, до этого управлявший имениями митрополита Шептицкого. Вышедший из тюрьмы Бандера тоже стал претендовать на пост руководителя.

Вокруг Бандеры группировались молодые члены ОУН. Бандера сохранил связь с националистами Западной Украины еще со времени, когда он был краевым руководителем, к тому же он пользовался славой «мученика», сидевшего в польской тюрьме за участие в террористическом акте над министром внутренних дел Польши Перацким, и мог поэтому рассчитывать на некоторые симпатии отдельных групп украинского населения западных областей Украины.

Выступление оппозиции, или «бунт Бандеры», как его называли мельниковцы, состоялось в Кракове, в котором накануне нападения

фашистской Германии на СССР концентрировалась украинская националистическая эмиграция.

11 февраля 1940 года сторонники Бандеры конспиративно провели конференцию, которая разработала тезисы, оправдывавшие их выступление против «провода» А. Мельника.

В тезисах указывалось:

«1. ПУН отвечает нуждам ОУН по своему личному составу, который, пребывая все время в эмиграции, утратил способность понимать потребности и нужды организации.

(ПУН — «Провод украинских националистов», руководящий орган оуновцев мельниковского направления. Ред.).

2. ПУН и А. Мельник пришли к власти на основании мифического завещания Евгения Коновальца, а не избирались в соответствии с требованиями постановления первого ВЗУНа (Великого збора українських націоналістів).

3. Члены ПУНа: Я. Барановский и Е. Сеник-Грибковский скомпрометировали себя связью с польской полицией».

Под флагом борьбы за устранение этих недостатков и происходит раскол в ОУН, завершившийся образованием 10 ноября 1940 года так называемого «революционного провода» (РП ОУН) под руководством Бандеры. Кроме Бандеры, в «провод» вошли: Р. Шухевич, Н. Лебедь, Дм. Мирон, Яр. Отецько, Ст. Ленкавский и др. Состав «провода» был узаконен решением второго ВЗУНа, состоявшегося в Кракове в апреле 1941 года.

Второй ВЗУН мельниковцев, проведенный в августе 1939 года в Риме, бандеровцы объявили недействительным, в частности, на том основании, что в Риме не присутствовали представители организационных звеньев ОУН, действовавших «в крае», то есть на территории Украины. В связи с этим они приняли меры к тому, чтобы в Краков на их ВЗУН попали представители местных организаций, действовавших в западных областях Украины, воссоединившихся с УССР. Это им удалось. В частности, на второй ВЗУН бандеровцев в Краков с Волыни нелегально ездил «проводник» ОУН из юго-западных областей Украины Ив. Климив («Легенда») и его секретарь Ковалинская (жена одного из главарей ОУН Тюшко).

Второй ВЗУН бандеровцев принял специальное постановление «по делу диверсии Мельника». Мельник был исключен из организации. Ему было запрещено впредь проводить какие-либо мероприятия от имени ОУН. Пунктом 17-м своего решения второй ВЗУН бандеровцев предупреждал Мельника и его сторонников о том, что «с каждым отклонением от этого предостережения ОУН будет бороться как с диверсией».

Таким образом, произошел раскол в ОУН, разделивший эту организацию на два враждующих лагеря.

К вероломному нападению Германии на Советский Союз мельниковцы и бандеровцы готовились с одинаковым рвением. Никаких серьезных разногласий в тактике и практической деятельности этих организаций не было и не могло быть, так как оба «проводника» состояли на связи в одном и том же отделе «Абвера», как об этом показал на следствии заместитель начальника «Абвер-2» полковник Эрвин Штольце, и ревностно выполняли его указания.

Несколько позднее, руководствуясь исключительно пропагандист-

НОВИЙ ШЛЯХ
THE NEW PATHWAY
СЛАВА УКРАЇНІ! — ВОЖДЕВІ СЛАВА!
Згідно з ВОЛЕЮ СЛ. ПАМЯТІ ВОЖДЯ ЕВГЕНА КОНОВАЛЬЦЯ ПРОВІД ОУН проголосив ГОЛОВОЮ ПРОВОДУ ОУН і ВОЖДЕМ УКРАЇНСЬКОГО НАЦІОНАЛІСТИЧНОГО РУХУ Полковника АНДРІЯ МЕЛЬНИКА
ХАЙ ЖИВЕ ВОЖДЬ!
Заява Довіря Новому Вождеві
ЛЯХИ ЗАСУДИЛИ 32 УКРАЇНЦІВ
ЛЯХИ 'ПАЦИФІКУЮТЬ'
НОВА УГОРСЬКА ПРОПОЗИЦІЯ

скими мотивами, бандеровцы стали объяснять раскол в ОУН своими разногласиями с мельниковцами по вопросам «средств и путей к созданию самостийной Украины». При этом бандеровцы говорили, что мельниковцы «целиком ориентировались на германский фашизм, совершенно игнорируя значение национальных сил». Они якобы надеялись, что Германия, подчинив себе громадные территории, вынуждена будет создать украинское государство и призовет националистов управлять им. Бандеровцы уверяли, что их союз с гитлеровцами носил иной характер. Ориентируясь на Германию, они якобы являлись «сторонниками активного участия украинских национальных масс в борьбе с СССР, а если потребуется и с Германией, чтобы Украина не превратилась в колонию последней». Бандеровцы уверяли также, что проявляли осторожность в связях с Германией, так как стремились привлечь на свою сторону население восточной Украины, «зараженное большевистской идеологией, проявляющее антифашистские настроения».

Факты свидетельствуют о том, что заявления о тактических разногласиях мельниковцев и бандеровцев, выдвинутые после раскола, носили чисто демагогический характер. Выполняя указания «Абвера», мельниковцы и бандеровцы в специально созданных немцами школах готовили агентуру для засылки на территорию Советского Союза, пользовались помощью немецких инструкторов для военного обучения участников своих организаций.

Еще до вторжения гитлеровцев на территорию Советского Союза мельниковцы и бандеровцы стали готовить так называемые «походные группы ОУН», перед которыми ставились задачи:

1) продвигаясь с частями немецкой армии, захватывать руководящие посты в местных органах самоуправления оккупированной Украины, Дона, Кубани;

2) создать разветвленную сеть националистических организаций;

3) проводить активную антисоветскую деятельность на оккупированной территории.

▲ Батальон СС «Нахтигаль»

Следует отметить, что бандеровцы, хваставшиеся впоследствии своими «заслугами» в борьбе с оккупантами и обвинявшие мельниковцев в пособничестве немцам, при подготовке походных групп оставили мельниковцев далеко позади, создав четыре таких группы. В марте 1940 года бандеровцами был также сформирован легион имени Е. Коновальца, позднее переименованный в «Нахтигаль» («Соловей»).

Соперничать в активности с бандеровцами во время войны мог только «курень» Войновского, сформированный Мельниковыми на Буковине, который, продвигаясь вместе с захватчиками, оставлял так называемую «украинскую администрацию самоуправления» в местностях, оккупированных немцами.

Бандеровцы не только поддерживали тесную связь с гитлеровцами, но и установили контакт с итальянскими фашистами, послав туда своего агента Стецько. Аналогичную деятельность мельниковцы вели через своего представителя в Италии Онацкого.

Таким образом, накануне войны против СССР фашистская Германия в лице украинских националистов получила в свое распоряжение сотни профессиональных шпионов и диверсантов для подрывной деятельности против Советского Союза, не давая при этом главарям ОУН никаких обязательств политического характера. Уже позже Бандера и другие главари ОУН хвалились, что немецкая военная разведка получала от них такие ценные шпионские сведения, что именно благодаря им вермахт добился крупных успехов в первые же дни войны против СССР.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УКРАИНСКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ В ПЕРИОД ГИТЛЕРОВСКОЙ ОККУПАЦИИ

ПОСОБНИКИ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ОККУПАНТОВ

Украина относится к тем районам Советского Союза, которые сильно пострадали в годы нашествия германского фашизма. Немецко-фашистские захватчики нанесли народному хозяйству Украины огромный ущерб. С помощью жесточайшего террора оккупанты хотели покорить украинцев, превратить их в рабов «немецко-фашистской расы господ».

Активными пособниками немецких фашистов были украинские буржуазные националисты.

На территории восточных областей Украины к началу Великой Отечественной войны не было националистических организаций. Об этом говорят и сами националисты. В журнале «Украинский самостийник» за октябрь 1962 года Мирослав Прокоп пишет: «В 1941 г. не существовало сколь-нибудь серьезных украинских организационных сил (националистов. — Прим, авт.) в давнишней УССР» (стр. 9). Основные кадры украинских националистов были сосредоточены на прилегающих к УССР землях так называемого «генерал-губернаторства», где под руководством и на средства разведки фашистской Германии их готовили к вторжению на Украину. Значительные националистические силы находились также на территории западных областей Украины.

С началом войны украинские националисты двинулись на Украину вслед за германскими войсками. Они укрепляли уже существующие организационные звенья в Западной Украине и насаждали новые в восточных областях. Вместе с немецко-фашистскими войсками на территорию СССР с боями вторглись заранее обученные и вооруженные отряды ОУН, которые убивали советских людей, грабили и разоряли города и села.

На Украину вместе с гитлеровцами пришли 4 походные группы ОУН:

1-я северная группа (командир Р. Шухевич), сформированная в районе г. Холм (Польша). Шла в авангарде немецко-фашистских войск. Заданное направление ее движения: Ковель — Луцк — Здолбуново — Житомир — Киев — Полтава — Харьков;

2-я северная группа, сформированная в районе Перемышля. Заданное направление движения: Львов — Тернополь — Проскуров — Винница — Казатин — Фастов — Киев. Предусматривалось, что после выполнения стоящих перед ней задач эта походная группа ОУН направит часть своих кадров в Донбасс, на Дон и в Краснодарский край;

3-я южная группа, сформированная в районе г. Санок (Польша). Заданное направление ее движения: Дрогобыч — Стрый — Львов — Тернополь — Винница — Кировоград — Кривой Рог — Днепропетровск — Николаев;

4-я южная группа (командир Рико-Ярый), сформированная в основном из участников ОУН, обучавшихся в венских и пражских учебных заведениях. Именовалась она легион «Ролланд» и включала около 200 человек. Маршрут ее начинался на территории Румынии. Часть участников этой группы составила впоследствии ядро краевого «провода» ОУН «Трансністрия», а другая использовалась в качестве проводников и переводчиков в немецких и румынских воинских частях.

Группы Шухевича и Рико-Ярого принимали участие в боях с Красной Армией, а затем использовались в карательных операциях против мирного населения на оккупированной советской территории.

В июне 1941 года все группы вышли в поход и вступили на Украину. Из «проводов» (штабов) групп были созданы краевые «проводы» ОУН («осередних», восточных, южных украинских земель и «Трансністрия»), а из «роев» — областные, окружные, районные звенья ОУН.

Помимо походных групп ОУН после нападения фашистской Германии на Советский Союз вместе с немецкими войсками на Украину явилось также большое число оуновцев в качестве «зондерфюреров», переводчиков, проводников и прочих представителей «особого назначения» центрального органа ОУН, занимавшегося организацией и проведением диверсионно-террористической работы.

Оуновцы, находившиеся в западных областях Украины, оказавшись в первые дни войны в тылу Красной Армии, обстреливали из-за угла отступающие части, убивали командный состав, советских и партийных работников. В селах они истребляли всех сельских активистов, уничтожали отрезанные от подразделений отдельные группы советских воинов.

Многие украинские националисты были взяты гитлеровцами на службу в качестве охранников лагерей для советских военнопленных, проходили специальную подготовку и по примеру своих хозяев занимались массовым уничтожением военнопленных. Особой жестокостью отличались националисты, состоявшие в охранной службе лагеря СС «Травники». Они зверски уничтожили тысячи советских бойцов, бежавших из лагерей и укрывавшихся от гитлеровских захватчиков в селах.

На оккупированной территории УССР украинские националисты привлекались немецко-фашистскими властями к службе в разведорганах, гестапо, в городских и сельских управах, а также в так называемой «украинской вспомогательной полиции», которая активно использовалась немецко-фашистскими оккупантами для борьбы с партизанским движением и иной враждебной деятельности против советского народа.

Гитлеровская разведка и гестапо широко использовали украинских националистов для ведения фашистской агитации среди населения, внедрения в партизанские отряды, выявления связей партизанских отрядов с населением, для насаждения своей агентуры на оккупированной территории, выявления советских и партийных работников, а также агентуры органов государственной безопасности, оставшейся на территории Советской Украины или заброшенной в оккупированные районы.

Предательскую работу против Советского Союза вели по заданиям немецко-фашистских захватчиков не только оуновцы (мельниковцы и бандеровцы), но и другие украинские националисты, в том числе и националисты англо-французской ориентации — петлюровцы, объединенные за кордоном в «украинские центральные комитеты» и «украинские допомоговые комитеты».

На временно оккупированной территории Украины германская разведка в целях подготовки шпионских кадров из украинских националистов и других предателей создала специальные разведывательно-диверсионные, террористические и пропагандистские школы. Фашистские

▲ Бульбовцы

▲ Боровец

захватчики формировали из украинских националистов шпионские и диверсионно-террористические группы и отряды, которые действовали на оккупированной территории и забрасывались в тыл Красной Армии.

Украинские националисты рассчитывали, что они понадобятся гитлеровцам в роли местного правительства. В первый период войны и бандеровцы, и мельниковцы, и даже петлюровцы пытались создать националистические органы самоуправления. Бандеровцы 30 июня 1941 года созвали в Львове (в этот день город был захвачен фашистскими войсками) собрание «представителей западно-украинских земель», на котором провозгласили «самостийную Украину» и объявили об образовании «правительства» во главе с «премьер-министром» Стецько — первым заместителем Бандеры по ОУН.

После захвата Львова фашистскими оккупантами руководящая верхушка украинских националистов мельниковского направления создала там же так называемую «Украинскую национальную раду», в официальной декларации которой говорилось, что все усилия этой организации будут направлены на оказание помощи фашистской армии в ее борьбе против СССР. В Киеве мельниковцы организовали «Национальную раду Украины».

На территории Ровенской области, в ее северной части, создание «самостийной Украины» провозгласил прибывший вместе с гитлеровцами и снабженный мандатом эмиграционного петлюровского «правительства УНР» кадровый оуновец Тарас Боровец (клички «Тарас Бульба», «Гонта», «Старый», «Бык»), бывший владелец каменоломни на Ровенщине. Он действовал как представитель заместитель председателя Директории и главного атамана УНР Андрея Левицкого.

Каждая из националистических групп старалась как можно лучше услужить оккупантам и оттеснить соперника. Особенно острая борьба разгорелась между бандеровцами и мельниковцами. Наряду с активной пособнической деятельностью мельниковцы создавали организационные звенья и развертывали борьбу против своих противников-бандеровцев. Последние, руководствуясь решениями второго ВЗУНа, начиная с 1941 года, осуществляли беспощадный террор в отношении руководящих и рядовых членов ОУН — мельниковцев. За короткое время ими были убиты Барановский, Сеник-Грибовский, Соколевский и другие руководители «Провода украинских националистов».

Желание мельниковцев подчинить своему влиянию большинство националистически настроенных элементов заставило их пойти на установление в 1942 году контакта с руководителем формирования «Полесская сечь» — Тарасом Боровцом («Тарас Бульба»). Официальным представителем ПУН при Боровце был Олег Штуль (Жданович), после войны редактор мельниковской газеты «Українське слово», издающейся в Париже.

И мельниковцы, и бандеровцы приложили немало усилий к тому, чтобы расправиться друг с другом руками гитлеровских оккупантов, донося «об измене» своих противников немецким карательным органам. Но в планы фашистских оккупантов не входило создание централизованной националистической власти на Украине. Поэтому, хотя бандеровское правительство немедленно

▲ Стецко

▲ УПА

заверило немецкое командование в том, что его цель состоит в «выполнении принципов, указанных Гитлером», фашисты разогнали его, а Бандеру и Стецько взяли под домашний арест и отправили в Германию. Хотя Рада, провозглашенная мельниковцами, возникла как объединение националистов германофильского направления, она тоже была распущена. Тем же закончилась и «самостийность» Боровца.

Гитлеровские захватчики расчленили Украину на несколько частей. Первая часть, в которую входили Волынь, Подолия, Житомирщина, Киев, Полтавщина и Запорожье, была разделена на 6 округов, где хозяйничали фашистские генерал-комиссары, причем в эту часть был включен также южный район Белоруссии. Вторая часть — западные области Украины (Галиция) — была присоединена к так называемому «генерал-губернаторству». Третья часть Украины, куда входила вся территория между Бугом и Днестром («Транснистрия» с центром в Одессе), а также Буковина и Измаильская область, на основании договора между буржуазной Румынией и Германией была передана Румынии. Четвертая часть — территории Донбасса, Харьковской, Черниговской и Сумской областей — была подчинена непосредственно гитлеровскому военному командованию.

Расчленив Украину, немецко-фашистские захватчики посадили украинских националистов на различные посты в местных органах так называемого «украинского национального самоуправления», созданного националистами с разрешения оккупантов. Чтобы четко определить границы дозволенного националистам, был издан приказ, в котором говорилось, что органы самоуправления не должны рассматриваться как самостоятельные, их задача заключается в том, чтобы выполнять распоряжения фашистских военных властей.

При активном участии украинских буржуазных националистов оккупанты повсеместно вводили принудительный труд, в Германию были насильственно вывезены более двух миллионов человек.

Германские фашисты расхищали и уничтожали богатства Украины, стремились подорвать ее индустриальную мощь, низвести республику до положения сырьевого и аграрного придатка империалистической Германии. И в этом украинские буржуазные националисты тоже активно помогали гитлеровцам.

В ходе истребления и порабощения народов фашисты использовали старый прием разжигания национальной вражды. Германские фашисты натравливали украинцев на поляков, и наоборот, а украинцев и поляков — на русских. Они давали оружие бандам оуновцев, чтобы те истребляли поляков и русских, и вооружали польских предателей, чтобы уничтожать украинцев. Фашисты использовали польских и украинских изменников, предавших свой народ, для устройства кровавых погромов.

Украинские националисты, стараясь услужить фашистам, устраивали настоящую охоту за пленными красноармейцами и советскими людьми, бежавшими из немецко-фашистской неволи. Истощенных и раздетых людей, перед которыми на украинской земле была открыта дверь каждого дома, они перехватывали на дорогах и после жестоких пыток убивали. Особенно зверствовали украинские националисты, объединившиеся в «Украинском центральном комитете» (УЦК), который был создан по заданию немецко-фашистских захватчиков на территории оккупированных ими западных областей Украины. УЦК находился в Львове, возглавлял его старый украинский националист Кубиевич.

За годы оккупации фашистами были убиты и замучены на территории Украины свыше 4 миллионов советских граждан. В этом черном деле им активно помогали украинские националисты.

ОРГАНИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИХ ВООРУЖЕННЫХ ФОРМИРОВАНИЙ

Главари украинских буржуазных националистов, действуя в угоду гитлеровским оккупантам и по их подсказке, создали на территории Украины вооруженные формирования трех типов: лжепартизанские отряды, дивизию СС «Галичина» и так называемую Украинскую повстанческую армию (УПА).

В самом начале создание «лжепартизанки» было задумано националистами как мероприятие, направленное на ослабление подлинного партизанского движения и подпольной борьбы украинского народа против немецко-фашистских оккупантов. Известно, что на оккупированных землях Украины, как и в других районах страны, занятых врагом, под руководством партийных организаций развернулась подпольная борьба против захватчиков. На территории Украины во время оккупации действовало 14 областных, 154 городских и районных подпольных партийных комитетов, более 700 партийных ячеек, а также 12 подпольных обкомов комсомола, 265 горкомов и райкомов комсомола, 670 комсомольских ячеек.

Для подпольной партийной работы и активного участия в партизанской борьбе на Украине были оставлены десятки тысяч коммунистов. В ходе борьбы к ним примкнули и героически сражались вместе с ними сотни тысяч советских граждан. В западных областях Украины, которые были оккупированы в первые дни войны, организованного подполья заблаговременно создать не удалось. В июле 1941 года ЦК Коммунистической партии Украины направил в эти области через линию фронта 800 партийных и советских работников. С ходом войны подпольная партизанская борьба все больше разгоралась. Многие чекисты по поручению партии непосредственно участвовали в подпольной, партизанской, разведывательно-диверсионной работе.

Подавлению подпольно-партизанского движения фашистские захватчики вынуждены были уделять не меньше внимания, чем сражениям на фронтах. Украинские националисты сыграли свою предательскую роль и в этом деле. Выполняя волю оккупантов, они не только служили у них старостами, полицаями, агентами, карателями, но и прибегали к созданию националистического подполья, маскирующегося антинемецкими лозунгами, с тем, чтобы отвлечь народные массы от подлинно антифашистской подпольной и партизанской борьбы. Это решение было принято на первой конференции ОУН, состоявшейся в сентябре-октябре 1941 года в с. Збоиски, на окраине Львова.

Это была хитро задуманная провокационная комбинация. В 1941–1942 годах на территории западных областей Украины, особенно в лесах Волыни, бандеровцы, действуя по указке своих хозяев — фашистских захватчиков и их разведки, усиленно вовлекали в свои вооруженные «партизанские» группы украинцев, спасавшихся в лесах от чудовищной эксплуатации и грабежа, от насильственного вывоза в рабство в Германию. Бандеровцы создавали и пополняли свои вооруженные банды, используя растущую ненависть населения к гитлеровцам. Люди, обманным путем вовлеченные в вооруженные отряды, считали, что их поведут на борьбу с оккупантами. Однако бандеровцы, не скупясь на нелестные слова по адресу немцев в своих листовках, на деле всюду, где только могли, сдерживали вооруженные выступления местного населения про-

▲ Дивизия СС Галичина

▲ Дивизия СС Галичина

тив фашистских захватчиков.

Населению и рядовым членам ОУН бандеровцы старались внушить, что вести активную борьбу против фашистских оккупантов пока невозможно, потому что массы украинского населения якобы еще не подготовлены к ней, что они должны сначала изучить поведение и тактику гитлеровцев, а потом уже начать борьбу с ними. «Нашим первым врагом является Москва», — заявляли бандеровцы. Антисоветскую пропаганду они вели не только устно, но и в печати. В лесах бандеровцы создали типографии, которые наводняли населенные пункты антисоветскими листовками, газетами и журналами, различными провокационными обращениями к населению и советским партизанам.

Аналогичную деятельность по созданию вооруженных банд бандеровцы пытались проводить и в восточных областях Украины. Центральный «провод» ОУН бандеровцев направлял туда своих эмиссаров из западных областей Украины, которые должны были создавать организационные звенья, а при возможности и вооруженные группы.

Украинские националисты, объявляя себя в провокационных целях врагами фашистских захватчиков и создавая вооруженные отряды якобы для борьбы с оккупантами, на деле вели активную вооруженную борьбу против советских партизан и Красной Армии, терроризировали и грабили население, убивали мирных жителей, участвовали в партизанских экспедициях, оказывали всяческую помощь оккупантам.

Член центрального «провода» ОУН Степаняк на следствии показал:

«... Проводившаяся ОУН антинемецкая пропаганда была рассчитана не на поднятие масс на борьбу против немцев, а на завоевание на этой почве масс украинского народа для борьбы против Советского Союза... Я лично могу полагать, что немцы имели в центральном «проводе» свою агентуру и, возможно, это являлось причиной, что центральный «провод» не проводил в жизнь своих же «антинемецких» решений... Позже, в 1943 году, были официальные приказы по УПА, запрещавшие нарушать немецкие коммуникации и уничтожать склады оружия и продовольствия, а также нападать на немецкие соединения даже в том случае, когда они обессилены и отступают с фронта...»

Таким образом, это «антинемецкое подполье» имело в действительности совсем другое назначение.

Центральный Комитет Коммунистической партии Украины и Правительство Украинской ССР, разоблачая эти коварные приемы врага, в одном из своих воззваний к населению оккупированной Украины писали:

«... Немцы и их слуги — украинско-немецкие националисты хотят обмануть, сдержать борьбу украинского народа со своим заклятым врагом — немецкими захватчиками, создавая лжепартизанские отряды, украинско-немецкие националисты делают это для того, чтобы украинцы, которые горят ненавистью к немецким захватчикам, не пошли в настоящие советские партизанские отряды, которые действительно ведут борьбу с немецкими, итальянскими и венгерскими оккупантами».

Созданные украинскими националистами вооруженные банды, лжепартизанские отряды грабили и убивали мирных жителей, участвовали в карательных экспедициях гитлеровцев, оказывали всяческую помощь оккупантам в борьбе против партизан.

Одновременно с созданием вооруженных банд бандеровцы в период немецко-фашистской оккупации Украины принимали активные меры к насаждению на оккупированной территории своих подпольных «тереновых», то есть территориальных антисоветских организаций, причем не только в западных, но и в восточных областях Украины. В частности, на территории восточных областей Украины бандеровцам удалось создать, хотя и малочисленные, Киевский и Днепропетровский краевые «проводы», 14 областных и 30 окружных «проводов», а также сеть низовых организаций, в которые вовлекались предатели украинского народа, уголовные и обработанные

в националистическом духе элементы.

Работу по созданию антисоветского подполья на территории Украины вели и мельниковцы, также пользовавшиеся всемерной поддержкой фашистских захватчиков. Правда, их враждебная деятельность не могла сравниться по размаху с бандеровской, однако органам государственной безопасности пришлось уделять серьезное внимание борьбе и с этими врагами Советского государства.

Появление пехотной дивизии СС «Галичина» связано непосредственно с поражением немецко-фашистских войск на восточном фронте.

Разгром гитлеровской военной группировки на Волге был переломным моментом в ходе Великой Отечественной войны. Немецкое командование прибегло к тотальной мобилизации. В этих условиях украинские националисты пообещали фашистам выставить миллионную армию. Военный союз фашистов и украинских националистов, возникший еще накануне нападения на Советский Союз, в ходе войны расширился и укрепился.

В распоряжении органов государственной безопасности имеется письмо оуновского главаря Мельника гитлеровскому фельдмаршалу Кейтелю. Письмо написано в Берлине 6 февраля 1943 года, то есть через несколько дней после завершения Красной Армией операции по ликвидации волжской группировки германских войск. В этом письме Мельник просил германские военные власти разрешить Мельниковым приступить к созданию «Украинской национальной армии». Мельник при этом напоминал, что украинские националисты в период гражданской войны вместе со старой германской армией боролись против большевиков. Он обращал внимание Кейтеля и Гитлера на то, что «русские части», сформированные гитлеровцами из военнопленных, не надежны и бороться против Красной Армии не будут. Заверяя Гитлера в верности и готовности до конца бороться против Советской власти, Мельник просил поручить ему создание «Украинской национальной армии».

Немецко-фашистские военные власти дали согласие на формирование войсковых частей из украинских националистов. Из затеи создать украинскую армию ничего не вышло. В восточных областях Украины эта «идея» вообще не получила никакой поддержки. Поэтому решено было создать дивизию, собрав в нее националистические элементы из бывшей Галиции.

Усилиями немецких фашистов и украинских националистов, главным образом мельниковцев, в западных областях Украины была сформирована «украинская» дивизия СС «Галичина». Чтобы привлечь в нее население, немецко-фашистские газеты сообщили, что в Львове в «украинскую» дивизию якобы записались 10 тысяч добровольцев, в Коломые — 15 тысяч и т. д. Эти цифры, конечно, намного преувеличены, но сам факт создания дивизии и активной работы мельниковцев в этом направлении несомненен. Командиром дивизии был назначен начальник «военного штаба» ОУН петлюровский генерал Курманович. Глава униатской (греко-католической) церкви митрополит Андрей Шептицкий благословил дивизию СС «Галичина» на борьбу против своих братьев и отцов, против воинов Красной Армии, как благословлял и оправдывал прислужничество оуновцев немецким фашистам, их зверства и насилия над советскими людьми, их разбойничью, бандитскую деятельность на Украине после изгнания гитлеровцев.

Вооруженные части дивизии СС «Галичина» находились вместе с немецко-фашистскими гарнизонами в западных областях Украины, в Польше и Чехословакии. В августе

▲ Капустянский, петлюровский генерал

▲ Клячковский - Клим Савур

1943 года дивизия СС «Галичина» вела бои против партизанского соединения дважды Героя Советского Союза Ковпака, а затем участвовала в боях на фронте против Красной Армии. Впоследствии, в одном из боев в районе г. Броды Львовской области, дивизия СС «Галичина» была окружена частями Красной Армии и разбита; остатки ее бежали в Западную Германию, а затем через Италию были вывезены в Англию и Канаду.

Но попытки организовать националистов для вооруженной борьбы с Красной Армией на этом не прекратились.

С ходом войны украинские националисты все яснее понимали, что их хозяева — немецкие фашисты не выиграют войны, разгром их Красной Армией неизбежен. А раз так, то неизбежно и возвращение советских войск на оккупированные немцами земли. У руководителей ОУН возник план — попытаться после отступления гитлеровцев под ударами Красной Армии навязать советским войскам вооруженное столкновение, чтобы не допустить занятия ими территории хотя бы западных областей Украины или же поднять на этих землях антисоветское восстание и создать при англо-американском покровительстве буржуазное украинское государство. Поэтому, начиная с 1942 года, украинские националисты предпринимают попытки создать вооруженные формирования для «этих целей» Одновременно руководители ОУН стараются войти в сговор с американцами и англичанами, чтобы при благоприятном развитии событий заручиться их дипломатической и военной поддержкой.

Вооруженные группы под названием УПА — «Украинская повстанческая армия» — впервые появились в 1942 году. Так Тарас Боровец называл свои банды бывшей «Полесской сечи», перешедшие по тактическим соображениям на нелегальное положение. Позже остатки этих групп Боровец переименовывал в «Украинскую народно-революционную армию» (УНРА). И УПА Боровца, и его УНРА выступали под видом патриотических сил, борющихся с оккупантами. В действительности же они выполняли задания по борьбе с советскими партизанами, устраивали погромы, грабежи, истребляли советских активистов. Вооруженные группы пытались создавать и мельниковцы, но эти группы не сыграли заметной роли в событиях того времени.

С конца 1942 года на Волыни, а затем в других западных областях Украины отряды УПА начали создавать бандеровцы.

Нельзя думать, что УПА комплектовалась только на добровольных началах.

Прежде всего была проведена насильственная мобилизация в УПА украинской молодежи. В УПА вовлекали большей частью обманом и угрозами. Оуновцы широко пропагандировали УПА как военное формирование украинского народа для борьбы с немецкими поработителями. Позже, когда к территории Западной Украины приближалась Красная Армия, бандеровцы всячески запугивали население и призывали украинцев уходить в лес, в УПА, чтобы сохранить свою жизнь.

Во главе УПА стояли «главное командование» и его «штаб». Командующим УПА вначале был Клячковский (кличка «Клим Савур»), а затем член центрального «провода» ОУН бандеровцев Шухевич.

УПА была разделена на четыре группы: северную, южную, восточную и западную. Во главе каждой группы стояли «командующий» и его «штаб». Группы разбивались на полки, «курени» (батальоны), «сотни» (роты), «четы» (взводы) и «рои» (отделения). На вооружении УПА имелись винтовки, автоматы, станковые

и ручные пулеметы, минометы, пушки и другая боевая техника.

В УПА действовал специальный агентурно-разведывательный орган — «служба безопасности» (СБ), которую возглавлял «командующий» УПА. Основная задача СБ состояла в том, чтобы насаждать агентуру для шпионской, диверсионной и террористической деятельности в партизанских отрядах и в тылу Советской армии, а также готовить агентуру, которая, оставаясь на территории, освобождаемой от немецко-фашистских захватчиков, должна была внедряться в агентурный аппарат органов государственной безопасности и предотвращать проникновение в УПА агентуры советских органов государственной безопасности. СБ занималась составлением списков коммунистов, комсомольцев и советских активистов, которых оуновцы намечали физически уничтожить. Одновременно «служба безопасности» уничтожала рядовых участников УПА, которые высказывали просоветские взгляды или выражали недовольство тем, что отряды УПА вели борьбу не с немецко-фашистскими захватчиками, а с партизанами и частями Советской армии.

Эта тактическая линия была выработана на третьей конференции ОУН, проходившей в феврале 1943 года вблизи г. Олеско Львовской области. С учетом изменений в ходе войны в пользу СССР ОУН решила переориентироваться на англо-американцев, надеясь, что они окажут украинским националистам поддержку в борьбе против Советского государства. Конференция приняла решение о подготовке условий для открытой вооруженной борьбы с Советским Союзом, а также обсуждала вопрос о возможной замене наименования организации, поскольку ОУН скомпрометировала себя связью с фашистскими захватчиками. Эту линию закрепил и «Третий надзвычайный сбор ОУН», состоявшийся в августе 1943 года вблизи с. Слобода Золотая Козовского района Тернопольской области.

При освобождении частями Красной Армии Львова оперативная группа органов безопасности захватила особо секретные документы германского военного командования и разведки. В этих документах отражен весь ход и результаты тайного сговора представителей бандеровского центрального «провода» ОУН с немецко-фашистскими захватчиками о совместной вооруженной борьбе против советских партизан, Красной Армии и органов Советской власти. Этот секретный сговор бандеровских главарей с немецко-фашистскими захватчиками держался в тайне от рядовых участников ОУН и УПА, а тем более от населения. Целиком отдавая себя в распоряжение германского военного командования, центральный «провод» ОУН бандеровцев заверял гитлеровцев, что все свои организации и банды УПА он «подчиняет задаче выполнения указаний германского командования». Центральный «провод» ОУН бандеровцев гарантировал безопасность подвоза к линии фронта немецко-фашистских войск и боевой техники, обязывался представлять шпионские данные о Красной Армии, активизировать вооруженную борьбу с партизанами и подрывную диверсионно-террористическую работу в тылу советских войск.

Документально установлено, что центральный «провод» ОУН бандеровцев вступил в тайный сговор о совместных вражеских действиях против СССР и с представителями бывшего правительства буржуазной Румынии. Немало главарей ОУН одновременно являлось агентами и немецко-фашистской, и румынской разведок. В переговорах с румынским правительством центральный «провод» ОУН просил оказать отрядам УПА помощь вооружением, продовольствием, обмундированием. В результате предварительных переговоров в Одессе между представителями центрального «провода» ОУН и румынской разведки было достигнуто соглашение о том, что буржуазная Румыния будет оказывать действующим на Буковине бандам УПА помощь оружием, боеприпасами и обмундированием.

Центральный «провод» ОУН бандеровцев поддерживал связь с военным командованием венгерских оккупационных войск и вел тайные переговоры с представителями венгерского фашистского правительства. Венгерское фашистское правительство согласилось помогать бандам УПА оружием, а оуновцы обещали обеспечивать венгерскую разведку необходимыми шпионскими материалами, оказывать венгерским войскам содействие в целях безопасного отхода их с советской территории и совместно с ними вести вооруженную борьбу против Советского Союза.

Как видно из захваченных документов, перед главарями УПА и ОУН гитлеровские захватчики ставили следующие задачи:

— избегать прямых боевых столкновений с передовыми частями Красной Армии, выжидать, когда эти части продвинутся на запад, после чего организовывать налеты на обозы войсковых частей с целью захвата вооружения, боеприпасов, продовольствия и средств связи, уничтожать мелкие подразделения Красной Армии, офицерский состав, захватывать штабные документы;

— препятствовать восстановлению органов Советской власти в освобожденных районах Украины, уничтожать партийных и советских работников, местный актив, делать налеты на советские и хозяйственные учреждения и организации, на органы государственной безопасности;

— срывать мобилизацию местного населения в Красную Армию путем активной агитации против мобилизации и путем уничтожения семей мобилизованных, терроризировать население, сжигать призывные пункты, нападать на колонны мобилизованных, уводить их в лес, в банды УПА;

— взрывать мосты, переправы и другие военные объекты, выводить из строя железнодорожные и иные важные сооружения;

— усилить шпионскую работу по сбору сведений о мероприятиях военного командования и органов Советской власти, выявлять и уничтожать агентуру органов государственной безопасности;

— укреплять и расширять сеть подпольных оуновских организаций, созданных в освобожденных Красной Армией западных областях УССР, направлять в восточные области Украины подразделения УПА и эмиссаров для связи с имеющимися там оуновскими организациями, активизировать их деятельность и создавать новые вооруженные отряды;

— повсеместно вести устную и печатную антисоветскую националистическую агитацию, направленную на дискредитацию мероприятий партийных и советских органов, создавать в этих целях подпольные типографии, выпускать и распространять листовки и антисоветскую литературу.

СОЗДАНИЕ «УКРАИНСКОЙ ГОЛОВНОЙ ВЫЗВОЛЬНОЙ РАДЫ» (УГВР)

Националистические главари, скрывавшие от рядовых участников свои связи с немецко-фашистскими оккупантами, по мере приближения линии фронта и освобождения Красной Армией территории Украины все более откровенно помогали фашистам, а перед их изгнанием всю свою враждебную деятельность направили на борьбу с Красной Армией.

К лету 1944 года, когда большая часть западных областей Украины была освобождена от немецко-фашистских захватчиков и по националистическим формированиям были нанесены первые удары, рядовые участники ОУН, УПА и УНРА стали колебаться, многие националистические элементы, насильно мобилизованные в банды, начали отказываться от вооруженной борьбы с Красной Армией и разбегаться.

Чтобы предотвратить полный развал подполья и удержать его участников под своим влиянием, главари ОУН и УПА решили создать вместо старого оуновского центра, скомпрометировавшего себя в глазах рядовых оуновцев и населения, новый руководящий орган из главарей и активных участников антисоветских националистических групп, который можно было бы рекламировать как «национальный» центр и использовать для объединения всех украинских националистических организаций и групп в борьбе против Советской власти.

Еще в марте 1944 года, по предложению находившихся тогда на Украине членов бандеровского центрального «провода» ОУН, был создан «инициативный комитет», разработавший проект временной «платформы» нового центра, приемлемой не только для бандеровцев, но и для мельниковцев и других националистических групп, не состоявших в ОУН.

Этот «инициативный комитет» в июне 1944 года созвал в Стрелковском лесу «представительное собрание», на котором присутствовали 20 националистических главарей: от «Украинской повстанческой армии» — Шухевич, назначенный в 1945 году после ликвидации «Клима Савура» «командующим УПА»; от «Украинского национально-демократического объединения» — его председатель Мудрый, который в прошлом был вице-президентом польского сейма и редактором газеты УНДО «Дило»; представители ОУН бандеровцев и ОУН мельниковцев, а также националистических групп из восточных областей Украины, в частности старый украинский националист, выходец из восточных областей Украины Осьмак.

▲ УПА

Основная цель «представительного собрания» заключалась в том, чтобы обсудить вопрос об объединении всех украинских националистов для борьбы против Советской власти и создания единого центра, который бы руководил этой борьбой.

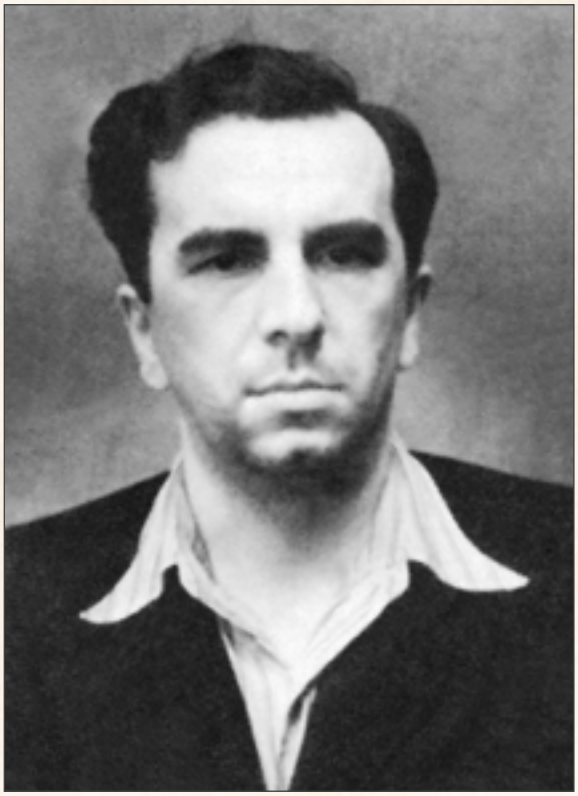
«Представительное собрание» приняло единую для всех украинских националистических организаций и группировок «политическую платформу», где говорилось, что Советский Союз будто бы выйдет из войны ослабленным, вследствие чего создастся благоприятная обстановка для борьбы за образование «Украинского самостийного соборного государства». Прежде всего, — указывалось в «платформе», — необходимо организовать «единый всеукраинский национальный фронт».

Чтобы объединить все националистические силы и координировать их действия на Украине и за ее пределами для борьбы против Советского Союза, за создание «украинского самостийного соборного государства», из представителей всех украинских националистических течений по инициативе бандеровцев на «представительном собрании» был создан единый «всеукраинский руководящий центр», так называемая «Українська головна визвольна рада» (УГВР), которая поставила перед собой три основные задачи:

руководить борьбой всех украинских националистов против Советской власти, за «самостийность» Украины; представлять украинских националистов за границей; образовать «первое всеукраинское правительство» и собрать «первое украинское всенародное представительство».

В «платформе» говорилось также, что объединение различных националистических групп в УГВР произошло на основе их общего стремления к вооруженной борьбе против Советской власти. «Платформа», основной смысл которой сводился к реставрации на Украине буржуазно-помещичьего строя, содержала в себе демагогические обещания украинскому народу политических «свобод» и указывала, что экономической основой государственного строя будет частная инициатива в промышленности, сельском хозяйстве и торговле. В ней подчеркивалось, что УГВР в борьбе за «самостийность» Украины будет стремиться к союзу с националистами всех стран Европы и Азии.

«Представительное собрание» избрало «президентом» УГВР старого националиста Осьмака, выходца из восточных областей Украины, активного участника контрреволюционной Центральной рады, СВУ и других националистических организаций, впоследствии примкнувшего к бандеровцам. Первым «вице-президентом» был избран Мудрый. Выдвигая Осьмака в качестве «президента», украинские националисты стремились подчеркнуть этим, что деятельность УГВР в равной мере распространяется на территорию как западных, так и восточных областей Украины. Председателем так называемого «генерального секретариата» УГВР и «генеральным секретарем» по военным делам «представительное собрание» избрало Шухевича.

▲ Охримович В. О.

Несмотря на кажущийся представительный характер, УГВР практически была творением бандеровцев.

Мельниковцы тремя месяцами раньше — 24 апреля 1944 года пытались создать свой «всеобъемлющий центр». «Национальная рада» в Киеве, «Украинская национальная рада» в Львове и «Украинская национальная рада Закарпатья» были слиты во «Всеукраинскую национальную раду» (ВУНР), которая, однако, никакой роли в политической жизни не играла.

В конце июля 1944 года «президиум» УГВР решил оставить на территории Украины «президента» УГВР Осьмака, «вице-президента» Вовка, члена «президиума» Дужего и «главу правительства» Шухевича, а остальных главарей УГВР переправить за границу, чтобы они представляли интересы украинских националистов в капиталистических странах и руководили оттуда всей вражеской деятельностью украинских националистов против Советского Союза.

В связи с быстрым продвижением Красной Армии на запад и освобождением западных областей Украины от немецко-фашистских захватчиков главари УГВР не успели развернуть активной националистической деятельности на территории Украины. Некоторые из активных участников УГВР, в том числе и Осьмак, были захвачены органами государственной безопасности, а большинству из них удалось бежать за границу, установить там связь с американской и английской разведками и под вывеской «Закордонного представительства УГВР» (ЗП УГВР) развернуть активную враждебную работу. ■

П.А. СУДОПЛАТОВ, генерал-лейтенант, в 30-е годы заместитель начальника Иностранного отдела НКВД. Во время войны начальник 4-го (разведывательно-диверсионного) управления НКВД-НКГБ, после Победы возглавлял особую группу МГБ, был заместителем начальника Первого (разведывательного) главного управления МГБ.

ЭМИГРАЦИЯ НА СЛУЖБЕ СОВЕТОВ

▲ Судоплатов П.А

ОПЕРАЦИЯ «КОРИДОР»

О российской эмиграции, о сложнейших отношениях с нею нашей политической и военной разведки написано немало. Этому, в частности, посвятили свои произведения советские писатели Никулин и Ардаматский. Операции ЧК «Трест» и «Синдикат» — наиболее известные. Благодаря им многие знают о борьбе с белой эмиграцией, о внедрении в нее наших чекистов с тем, чтобы парализовать ее деятельность, направленную против советского государства.

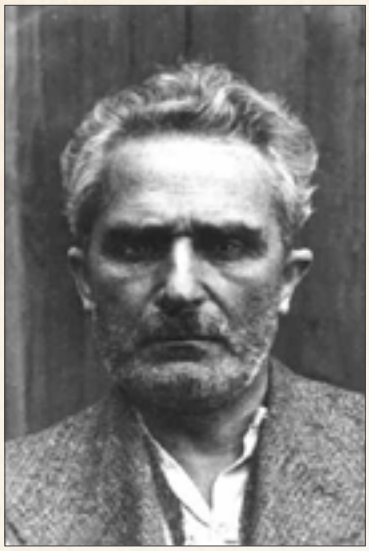
Однако этого нельзя сказать обо всей эмиграции. Часть ее, вдоволь надышавшись чужим воздухом Европы и, возможно, из ностальгических чувств, повернулась к нам лицом. С помощью этих людей мы стали приобретать ценные источники информации, что давало возможность обеспечить безопасность государства по предотвращению террора со стороны остатков белого подполья.

В конце двадцатых и особенно в начале тридцатых годов установившиеся связи с эмиграцией стали для нас незаменимым каналом, способствовавшим проникновению в важнейшие гражданские, правительственные и государственные структуры ведущих капиталистических стран с целью изучения наших главных противников.

При Вячеславе Менжинском была начата операция «Коридор», которую курировали помощники начальника Иностранного отдела ОГПУ Валерий Горожанин и Макс Штейнберг. Горожанину посвятил свое известное стихотворение «Солдатам Дзержинского» Владимир Маяковский. Позже руководили работой по связям с эмиграцией начальник отделения ИНО, герой операции «Синдикат» А. Федоров и вскоре сменивший его М. Штейнберг. Мы активно выводили за рубеж наших доверенных людей. Ведь вплоть до коллективизации процедура выезда за пределы страны была очень простой. Заграничный паспорт можно было получить в уездной милиции. В это время существенное значение для оперативной работы органов госбезопасности приобрело ведение учетов выездов за границу наших граждан в связи с пребыванием там их родственников. И когда по указанию Менжинского были предприняты меры по активизации работы с эмиграцией, прежде всего мы обратились к этим данным.

В эмиграции весомую политическую роль играли бывшие работники дипломатических ведомств Российской империи. Сложилась такая ситуация, что после ликвидации российских посольств их бывшие сотрудники использовались в качестве консультантов внешнеполитических ведомств Франции, Англии, США, Германии при выработке политики по отношению к Советскому Союзу. Это и была так называемая вторая линия нашей работы по вербовке видных деятелей эмиграции.

Деятельность значительных эмигрантских колоний, а также их руководителей была взята нами под контр-

▲ Горожанин В.М.

▲ Штрандман В.Н.

▲ Маклаков В.В.

оль. В числе их был В. Штрандман, который до революции возглавлял российское посольство в Югославии. В апреле 1918 года правительство Колчака назначило Штрандмана посланником в Королевстве сербов, хорватов и словенцев в Югославии. В двадцатые — тридцатые годы он в Белграде занимался оказанием помощи российским беженцам. Его избирали делегатом Нансенского комитета, названного в честь известного мореплавателя. В 1934 году Штрандман стал уполномоченным российского Красного Креста в Югославии. В его окружении нам удалось создать прочные позиции, позволившие в 1938 году выйти на очень важные связи с военными кругами Югославии.

Еще один видный деятель эмиграции, который находился под нашим контролем, — Евгений Васильевич Саблин. Этот человек, проживая в Лондоне, имел большие связи среди англичан. Был дипломатом, секретарем российской миссии в Тегеране. В 1915 году его назначили первым секретарем российского посольства в Лондоне. После Февральской и Октябрьской революций оставался вторым лицом посольства России в Лондоне. Скончался Саблин в английской столице после второй мировой войны. Он был вхож в английский Форин-офис — МИД Великобритании. Долгое время был там внештатным консультантом по российской политике и российской проблематике.

Благодаря деятельности закордонных агентов Дьяконова и Третьякова мы подобрали ключи к еще двум российским эмигрантам — Милюкову и Маклакову. Милюков — фигура известная. Это крупный политический деятель, авторитет которого в кругах эмиграции был очень большой. С ним даже встречались советские дипломаты после окончания войны. Маклаков — крупный государственный деятель дореволюционной России. В октябре 1917 года был послом Временного правительства. Нам удалось полностью контролировать всю его почту, к которой в Кремле проявлялся вполне закономерный интерес. Ибо в переписке Маклакова с Саблиным и Штрандманом давались оценки крупных событий того времени. Причем комментарии были не только по материалам открытой прессы, но и по важнейшим источникам министерств иностранных дел Франции и Великобритании. После признания Францией СССР в 1924 году Маклаков возглавил эмигрантский комитет, объединявший различные российские и зарубежные организации. Руководил он также центральным офисом по делам русских беженцев в Париже, который был признан французскими властями и Лигой Наций. Вся его деятельность не могла оставаться вне нашего поля зрения.

Но работа по эмиграции — это не только то, что связано с изучением обстановки и анализом ситуации. Работая с эмигрантами, завязывая с ними отношения, формируя подходы и позиции, мы всегда помнили, что это исключительно деликатное дело. Используя тягу россиян, проживающих за границей, к общению, мы получали политическую, экономическую информацию, что не только помогало в оценке той или иной политической обстановки, но и позволяло через этих людей оказывать влияние на развитие событий.

Здесь следует признать, что политическая борьба в нашей стране в значительной степени инспирировалась искусственным преувеличением роли эмиграции в создании внутренней оппозиции. С этим связаны политические процессы в отношении Промпартии, Трудовой крестьянской партии (ТКП), процесс Союзного бюро меньшевиков, которые были инициированы советской внешней разведкой. Наша агентура часто преувеличивала масштаб связей российской военной и политической эмиграции с зарубежными государственными деятелями и спецслужбами. Был и другой аспект. Поступающие агентурные сведения из спецслужб Германии, Франции и Англии некритически констати-

▲ Третьяков Сергей

▲ Бандера С.

ровали утверждения монархистов, промышленников из числа русской эмиграции о том, что они имеют множество сторонников в Советской России, особенно в кругах научно-технической интеллигенции и среди военных специалистов.

С этим связано одно неприятное событие. Наш видный закордонный агент Третьяков был потрясен, узнав, что его переписка с профессорами Кондратьевым и Рамзиным, которые проходили по делу Промпартии, по обвинению «в организации контрреволюционного заговора», была преподнесена как доказательство в открытом судебном заседании. Имя Третьякова замелькало в официальных советских изданиях. Таким образом произошла его расшифровка. К нему был проявлен соответствующий интерес со стороны немецких и французских спецслужб. Третьяков вынужден был обратиться к нашему резиденту в Париже и выразить законное негодование по этому поводу.

Надо, однако, признать, сообщения ОГПУ и НКВД из-за кордона отражали не наличие организованной оппозиции в Советском Союзе, а скорее довольно широкое распространение антисоветских настроений главным образом среди интеллигенции и специалистов. Да, эти враждебные настроения имели место, было и оппозиционное отношение к советской власти, и неприятие пятилеток, индустриализации, но все это преподносилось руководству как существование организованного контрреволюционного подполья. Таким образом, следственные органы, опираясь на указания, поступающие сверху в связи с информацией, пришедшей из-за границы, делали определенные выводы. Все это инициировало первую волну репрессий против научно-технической интеллигенции в начале тридцатых годов.

Любопытен такой момент. Агентурная работа английской и французской разведок против СССР вплоть до 1938 года также концентрировалась на использовании русской эмиграции. Англичане даже назначили русского эмигранта В. Богомольца региональным резидентом на Балканах и в Румынии по операциям против Советского Союза. И только в 1939 году, после массовых арестов и чисток в СССР, руководством английской, французской и немецкой спецслужб, особенно после похищения и вывоза нами руководителя «Российского общевоинского союза» Миллера, было осознано, что русская эмиграция нашпигована и разложена агентурой ОГПУ-НКВД. Обострение борьбы между эмигрантскими группировками, во многом спровоцированное нашим проникновением, вызвало у спецслужб противника недоверие к русской эмиграции, сдержанность в использовании ее кадров. По этой причине в будущей войне она не смогла сыграть важной политической роли, на что первоначально рассчитывали в руководящих кругах Германии, Англии, Франции, США и Японии. И в то же время у англичан, французов, не говоря уже о немцах и японцах, не было других кадров для организации агентурной работы в Советском Союзе, кроме эмигрантов и их родственников, учитывая антисоветские настроения многих из них, а также знание языка и реальной обстановки в стране.

КАК РАЗЖИГАЛИСЬ ПРОТИВОРЕЧИЯ

После похищения Миллера и Кутепова немцы, разумеется, поняли, что «Российский общевойсковой союз» контролируется нами. Позже к нам попали немецкие директивы, из которых было ясно, что Германия очень осторожно подходит к сотрудничеству как с русской, так и с украинской эмиграцией. Надо сказать, что мы вели очень большую работу по расколу ОУНовского подполья. Нам было известно, что в агрессивных планах Гитлера ОУНовская организация выходила на первое место для создания немецкого протектора-

та на Украине. Мы заслали в эту организацию агента-украинца. Перед ним была поставлена цель — разжигание противоречий в двух кланах, сложившихся в ОУН. Один из них возглавлял Мельник, другой — Бандера. До августа 1939 года организация украинских националистов возглавлялась бывшим управляющим имением митрополита Шептицкого полковником Андреем Мельником. Мельник претендовал на роль вождя украинских националистов. Другой лидер ОУН Бандера был освобожден немцами из польской тюрьмы, где он отбывал срок за организацию убийства министра внутренних дел Польши Перацкого. Наши действия были направлены на то, чтобы вызвать между ними острый конфликт. Мельник прибыл для переговоров в Краков. Бандера предлагал ему одну из руководящих должностей в главном проводе ОУН, возглавить который намеривался сам. Но они не сговорились, поскольку Мельника это не устроило. Бандера сколотил вокруг себя группу известных националистов, которые укомплектовали батальон «Нахтигаль», выполнявший впоследствии карательные операции на Украине. Со временем Бандера обвинил Мельника в том, что он не использовал благоприятную обстановку для создания самостийной Украины в момент падения Польши, а также способствовал засорению ОУН агентами польской полиции. Так, Ярослав Барановский, постоянно сопровождавший полковника Коновальца, за опоздание в одной из поездок (воспользовавшись которым, я ликвидировал Коновальца) был объявлен агентом польской охранки и расстрелян самими бандеровцами.

По сути дела, именно Бандера создал раскол в ОУН. Он являлся, по словам Мельника, прежде всего «диверсантом с маниакальными наклонностями». Мельниковцами даже распространялись слухи о том, что он был агентом советской разведки. В этом они заподозрили члена бандеровского провода адвоката Горбового и «сдали» его немцам. После войны он был нами перевербован и сыграл большую роль в уничтожении бандеровского подполья во Львове.

В эмиграции были разные течения. Она не представляла единого кулака, выступающего против советской власти, чем мы активно пользовались. Существовало противоборство между украинской, российской и кавказской эмиграцией. Например, для русских эмигрантов раздражителем номер один была деятельность украинцев по созданию «самостийного государства». Это настроение содержалось в эмигрантской переписке, которую перехватывал НКВД. Нам стало известно, что украинские националисты при поддержке немцев, в случае поражения СССР, хотят воссоздать украинское независимое государство, в чем их не поддерживало белоэмигрантское крыло антисоветской эмиграции на Западе.

То же относится и к кавказской эмиграции. «Независимая Грузия», созданная грузинскими меньшевиками и укрывавшаяся в качестве эмигрантского правительства в Париже, также вызывала большое беспокойство в белоэмигрантском крыле российской монархической эмиграции, которая никаких симпатий к разделу России не испытывала и считала эту деятельность антирусской, антигосударственной. Наша агентура старалась использовать это настроение.

Противоборство эмигрантских группировок очень сильно на себе ощущал наш противник. Он был дезориентирован в направлениях их деятельности, тщательно скрывал свои контакты с ними и постоянно попадал впросак; офицеры английской и французской разведок не очень четко ориентировались в особенностях наших отношений с Прибалтикой и Украиной. И лишь после войны, когда встал вопрос о борьбе с СССР на совершенно иной основе, американцы решили создать антибольшевистский блок народов во главе с последним премьером Временного правительства Керенским, осевшим тогда в США. Но из этой затеи ничего не вышло. Против подчинения великодержавным русским националистам выступили сначала украинцы, а затем и другие эмигрантские националистические организации.

ВОКРУГ ЧЕХОСЛОВАКИИ

Наряду с материалами из Лондона от Кэрнкросса через каналы русской эмиграции были получены, от Штрандмана и Саблина, подтверждающие данные о ближайших планах западных держав к разрешению чехословацкого кризиса, о предательстве ими Бенеша и об отказе Франции от гарантий, данных Чехословакии в 1934 году.

В связи с событиями в Чехословакии осенью 1938 года через эмиграцию мы были проинформированы о том, что западные державы намерены твердо вести линию на договоренность с Гитлером. Сообщение было получено за три недели до подписания знаменитого мюнхенского соглашения. Эта же информация ставила нас в известность о другом важном обстоятельстве, которое

▲ Саблин Е.В

▲ Деникин А.И., белоэмигрант

▲ Стояднович М.Х.

и подталкивало Сталина в 1938 году к активным действиям в Чехословакии — поддержке акции Бенеша по свержению правительства Югославии, во главе которого был тогда Милан Стоядинович. Суть вопроса состояла в следующем. Чехословакия и Югославия при поддержке Франции подписали соглашение о создании так называемой малой Антанты, целью которой была защита территориальной целостности Югославии и Чехословакии. Когда обстановка в 1937 году стала обостряться и возникла так называемая проблема судетских немцев, мы получили сведения о том, что правительство Милана Стоядиновича не собирается выполнять свои обязательства перед Чехословакией. Фронт поддержки Чехословакии с юга был оголен, и рассчитывать на прочные тылы не приходилось. Бенеш пытался переубедить югославов и решил прибегнуть к нашей помощи. Мы поддались на уловки военизированной ассоциации «Объединение или смерть» и сербской экстремистской группы «Черная рука», их возможности по свержению Стоядиновича оказались невелики. Однако то обстоятельство, что чешские и югославские круги, взаимодействуя друг с другом, прибегают к негласной поддержке СССР, для нас было очень кстати. Надо сказать, что секретное соглашение между СССР и Чехословакией было заключено еще в 1935 году, а с югославами в 1940-м, когда в Москве был создан тайный канал связи между Кремлем и Белградом.

В январе 1940 года нами через эмиграцию была получена докладная записка генерала Деникина по русскому вопросу, представленная премьер-министру Франции Даладье, в которой содержалась оценка «интернациональной политики большевизма». Эмиграция и Деникин в январе 1940 года первыми оценили реалии советской внешней политики, указав на то, что «великодержавные, геополитические соображения защиты глобальных российских интересов доминируют над принципами большевистского интернационализма и поддержки мирового революционного движения».

Для нас эта информация имела очень важное значение. Из нее мы не только узнали ход мыслей противника, но и увидели (хотя мной это воспринималось совершенно естественно), что в записке Деникина четко формулировались общие установки Сталина и Молотова по внешнеполитическим вопросам, в частности о том, что мировое коммунистическое движение должно прежде всего действовать в направлении поддержки СССР, а не классового противостояния в капиталистическим мире. Но самым важным было то обстоятельство, что мировое коммунистическое движение, деятельность компартий Европы, опора на наших зарубежных друзей и источников — все это было подчинено главной цели советской внешней политики — утверждению СССР как ведущей державы на международной арене. Таким образом, идеологические соображения в практической деятельности Коминтерна со второй половины тридцатых годов были отодвинуты на второй план. Коммунистические партии зарубежья мы рассматривали

как свой боевой резерв в будущем военном противостоянии.

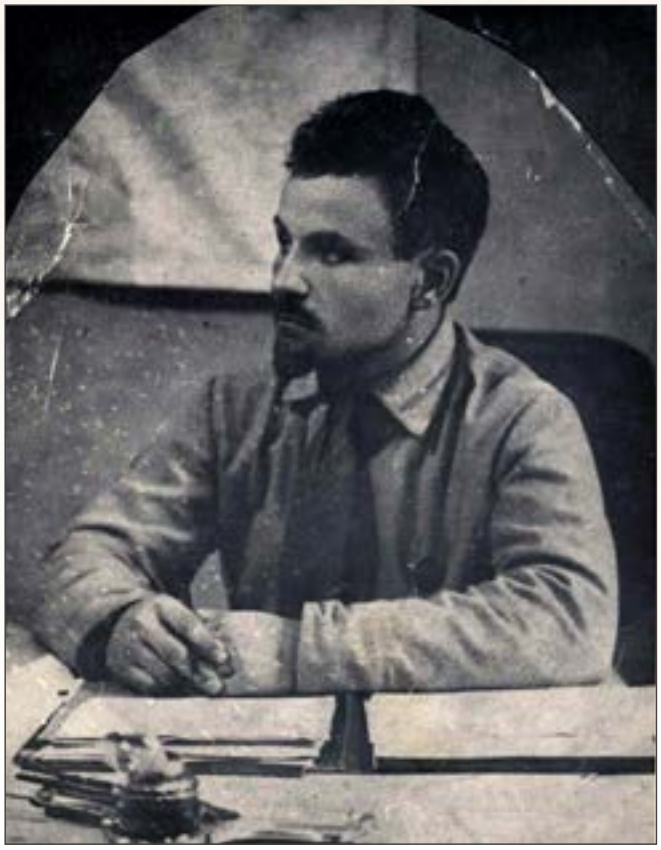
Работа с эмиграцией позволила нам выйти на самые ценные источники информации, которые негласно разделяли нашу идеологию и взгляды. Эти люди внесли огромный вклад в нашу победу в войне с фашизмом. Они стали со временем, как теперь говорят, агентами влияния. Тогда такой термин мы не использовали. Мы считали их искренними друзьями и опорой Советского Союза.

Невольно возникает вопрос: почему эмигранты сотрудничали с нашей разведкой? К этому времени Советская Россия играла уже иную роль в мировой политике. Это особенно почувствовалось после вступления нашего государства в Лигу Наций, превращения его в великую державу. Именно эти события подтолкнули руководителей эмиграции на официальные и негласные контакты с советскими представителями. Надо не забывать, что эмиграция была неоднородной. Среди нее были монархисты, меньшевики, эсеры, националисты. Тут следует выделить одно существенное обстоятельство, известный парадокс. Сталин лично знал видных деятелей эмиграции, в особенности грузинских меньшевиков. Французские, английские разведывательные и контрразведывательные службы также уделяли повышенное внимание грузинской эмиграции, полагая, что через нее можно выйти на грузинское окружение Сталина или Берии. Такой интерес к грузинской эмиграции с нашей стороны и западных спецслужб привел не только к активному противоборству в течение длительного периода, но и определил на длительную перспективу значение Кавказа и в особенности бакинской нефти в военной и внешнеполитической деятельности Советского Союза, Англии и Франции в тридцатые — сороковые годы.

Нам удалось также наладить тесную связь с эмиграцией, осевшей на Дальнем Востоке. Этой работой руководил первоначально Я. Минскер, затем С. Шпигельглаз, а после И. Чичаев и начальник восточного отделения ИНО М. Яриков. Нынешние историки разведки не особенно распространяются об их роли, за исключением Чичаева. А зря! Причина простая. Шпигельглаз, а затем Яриков были репрессированы по клеветническим обвинениям. К этому приложили руку не только Берия, Кобулов, но, к сожалению, и их коллеги-сослуживцы, которые позднее заняли важные посты в аппарате разведки. Скажем, В. Пудин, ветеран ЧК, участник операции против Савинкова, активно обличал Ярикова и Шпигельглаза в шпионаже, являясь вместе с тем их подчиненным в ряде операций на Дальнем Востоке. А впоследствии Пудин препятствовал реабилитации Ярикова и Шпигельглаза органами военной юстиции.

▲ Чичаев И.А

▲ Артузов А.Х

▲ Карин Ф.Я.

▲ Шпигельглаз С.М.

ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА И ЭМИГРАНТЫ

Состояние работы по эмиграции во многом предопределило характер взаимодействия советских разведывательных органов за рубежом. В частности, военная разведка тоже держала связь с эмиграцией. Но при этом она не могла решать многие вопросы без данных оперативных учетов НКВД. Именно по этой причине первоначально в США, Германии, Франции, Китае создавались в двадцатые — тридцатые годы совместные резидентуры ИНО ОГПУ и Разведупра Красной армии.

Новый этап начался после провалов Разведупра, когда разведывательное управление Красной Армии «усилилось» А. Артузовым, прекрасно знавшим эмиграцию, который привел с собой и назначил на руководящие должности Штейнбрюка и Карина, видных работников Иностранного отдела НКВД и имеющих огромный опыт агентурной работы. Военная разведка стала более внимательно оценивать людей при использовании эмигрантов русского происхождения, принимала во внимание их связь с зарубежными спецслужбами и контрреволюционными организациями.

Этот этап работы с эмиграцией привел нас к осознанию необходимости проверки не только эмигрантов-агентов первой волны. Мы стали придавать значение родственным связям эмигрантов с крупными государственными чиновниками в администрациях Англии, Франции, США и в большей степени Германии.

С середины тридцатых годов среди эмиграции сложился новый психологический климат в отношении к нашей стране. Это произошло под влиянием событий, связанных с войной в Испании, с вторжением Японской армии в Китай. Повлиял и мировой кризис 1929–1933 годов, а также небывалый рост престижа нашей страны, информация о научных открытиях, достижениях техники, трудовом энтузиазме. Многие другими глазами стали смотреть на новую Россию благодаря поездкам к нам видных зарубежных деятелей — Бернарда Шоу, Герберта Уэллса.

Эмигрантов настраивало на сотрудничество с нами признание Западом советского государства как важнейшего фактора в мировой политике, его роль в пересмотре Германией Версальских соглашений.

Именно на идеологической основе, на симпатиях к коммунизму начала тайное сотрудничество с советской разведкой знаменитая «Кембриджская пятерка», группа видных деятелей научно-технической интеллигенции США, Англии, Франции и т. д. Привлекая их к агентурной работе на идеологической основе, мы старались не ставить во главу угла идеологию в контактах с ними. Хотя все информационные источники, привлеченные на идеологической основе, безусловно, считались наиболее надежными.

Сотрудничество эмиграции с западными спецслужбами создавало фон информации, поступавшей как по линии военной разведки, так и по линии НКВД в Кремль. И эта информация уже в канун войны,

до заключения в 1937–1938 годах советско-германского пакта о ненападении, в разгар войны в Испании и обсуждения великими державами трагической судьбы Чехословакии ставила перед нами вопрос о налаживании контактов с Германией и о возможном советско-германском соглашении.

Эмиграция, как чувствительный слой, по наводящим вопросам работников немецких, английских и французских спецслужб ощущала, что все больше превращается в разменную монету в отношениях между Западом и Советским Союзом. Но она уже втянулась в эту жизнь и, как говорится, вошла во вкус.

Прощупывание позиций крупных европейских держав накануне войны отразилось на настроениях русской эмиграции, неизбежно вовлекло ее в лабиринты разведывательных операций и тайной дипломатии в Европе и на Дальнем Востоке.

АНТИСЕМИТИЗМ ИЛИ БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ?

В работе советской разведки по эмиграции в тридцатые годы выделилось новое направление — борьба с троцкизмом. Здесь приходилось опираться прежде всего на коминтерновские резервы, особенно на первоначальном этапе. Мы не ставили перед нашей эмигрантской агентурой задачу по ликвидации Троцкого, а использовали ее преимущественно для организации наружного наблюдения за троцкистами. Нам важно было проникнуть в троцкистские эмигрантские организации, искавшие выходы на установление связей со своими единомышленниками в Советском Союзе. Для этого эффективно были использованы негласные агентурные ячейки аппарата компартий, отпочковавшиеся от Коминтерна. Классический пример — использование литовской группы братьев Дмитрия и Алексея Сеземанов, Ю. Айдулиса и др. Эта группа отделилась от литовского комсомола и была перенацелена на проникновение в штаб-квартиру троцкистской организации в Париже.

Нельзя не отметить, что троцкистские группы на Западе в большей части состояли из лиц еврейского происхождения. Поэтому у нас возникла необходимость в агентуре, которая имела бы связи с их родственниками, знакомыми и так далее. Пришлось использовать выходы на еврейские мелкобуржуазные и социал-демократические организации, в общение с которыми входили интересовавшие нас лица. Нами была использована, в частности, спецагентура из сионистских организаций в Палестине, завербованная Я. Серебрянским по указанию Дзержинского еще в конце двадцатых годов.

Именно эти группы наиболее эффективно действовали по разложению троцкистского движения и уничтожению его руководителей. Похищение троцкистского архива в Париже, ликвидация секретаря исполкома IV Ин-

▲ Троцкий Л.Д.

▲ Серебрянский Я. И.

▲ Альтер Г.

▲ Менжинский В.Р.

тернационала были бы невозможны без участия этой агентуры.

То же самое можно сказать и о разгроме еврейского националистического подполья на территории СССР накануне войны. Сейчас все это преподносится с позиций антисемитизма. Нередко можно услышать, что в борьбе Сталина с Троцким имели место и антисемитские мотивы. Однако это не совсем так. Шла борьба за власть, было личное соперничество, а уж потом ко всему этому добавлялись антисемитские нюансы, если они действительно имели место. По крайней мере, в тридцатые годы не могло быть и речи о каких-либо антисемитских установках или настроениях в работе советского разведывательного аппарата.

Сейчас нередко можно услышать наивный вопрос: как удалось натравливать евреев на евреев? При этом подразумевается убийство Троцкого. По этому поводу могу сказать, что в работе разведки всегда ставка делалась на внутренний раскол и соперничество в среде противника, что было характерно для националистических организаций. Нельзя не учитывать и того, что сионистские, организации и еврейские группы социал-демократического толка, примыкавшие к социалистическому Интернационалу, вели смертельную борьбу друг с другом. В годы войны доходило даже до того, что сионистские лидеры в неофициальных секретных беседах с советскими представителями, в частности с М. Литвиновым, К. Кукиным и сотрудником разведки В. Хангуловым, ясно давали понять, что они не рассматривают расстрел советскими властями лидеров Бунда — еврейской социал-демократической партии — Г. Альтера и В. Эрлиха, ныне реабилитированных, как проблему «преследования евреев» и ни в коей мере не участвуют в антисоветской пропаганде Бунда по этому вопросу. ■

В.Н. ПАВЛОВ

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

▲ Павлов, Черчилль и Сталин

Шел 1939-й год. Закончен курс наук на теплоэнергетическом факультете Московского энергетического института. Настала пора готовить дипломные проекты. Я избрал своей темой проект паровой конденсационной турбины мощностью 100 тысяч киловатт. Меня особо интересовал расчет на прочность длинных лопаток последних ступеней, в частности определение математическим путем частоты собственных колебаний их с учетом влияния центробежных сил. Выбор этой темы не был случаен. С первых курсов института я увлекался высшей математикой, теоретической механикой, теорией упругости и другими теоретическими науками. Мечтал стать теоретиком в области применения математических методов в инженерных задачах. В студенческом журнале "Теплотехник" были опубликованы мои первые работы в этих областях.

Поставленная в дипломном проекте цель была достигнута с помощью метода советского академика Б.Г. Галеркина. *(Б.Г. Галеркин (1871-1945) — инженер и ученый, академик АН СССР (1935 г.), один из создателей теории изгиба пластин, лауреат Сталинской премии СССР (1942)).*

25 марта я защищал свою работу перед государственной экзаменационной комиссией, рекомендовавшей опубликовать ее в научно-техническом журнале. Мне был выдан диплом инженера-теплотехника с отличием. Профессор А.В. Щегляев предложил мне аспирантуру. Радости моей не было предела. Казалось, что это был мой звездный час. *(А.В. Щегляев (1902-1970) — теплотехник, член-корр. АН СССР, лауреат Сталинских премий СССР (1948, 1952).*

Павлов Владимир Николаевич (1915-1993), советский дипломат, имел ранг чрезвычайного и полномочного посланника. Кандидат в члены ЦК КПСС. Переводчик высшей квалификации. Владел отлично немецким, английским, французским, испанским языками. Переводчик И.В. Сталина на Тегеранской, Крымской и Потсдамской конференциях глав государств антигитлеровской коалиции. Пользовался у Сталина абсолютным доверием. Родился 19 июня 1915 года в Москве в семье инженера-путейца. Окончил Московский энергетический институт. Инженер-теплотехник. В 1939-1940 годах 1-й секретарь Полномочного представительства СССР в Германии. В 1940-1941 годах заведующий Центрально-Европейским отделом НКИД СССР. В 1947-1948 годах советник Посольства СССР в Великобритании. В 1949-1953 годах заведующий 2-м Европейским отделом МИД СССР. В 1952-1953 годах секретарь Постоянной комиссии по внешним делам при Президиуме ЦК КПСС.

Окончив Энергетический институт, Павлов занялся научной работой. Языками увлекался для себя. В семье с большим уважением относились к иностранным языкам. Он с детства в доме всегда слышал иностранную речь. Обладая незаурядными лингвистическими способностями к моменту окончания средней школы, прекрасно знал немецкий, английский, а позднее французский итальянский и испанский языки. Неожиданно в 1939 году его вызывают в ЦК ВКП(б). На Старой площади на немецком языке с Павловым беседовали два человека в присутствии ответственного работника ЦК. Как выяснилось, они должны были выяснить, как он знает язык. И выяснили, заявив: "Он знает немецкий лучше нас". Тут же его направили в Наркоминдел к В.М. Молотову, которого только что назначили наркомом вместо М.М. Литвинова, и он обновлял аппарат. Все это было как во сне, Павлов не хотел быть дипломатом, ему было 24 года, все его мысли были в науке. Об этом он честно сказал Молотову на первой же беседе. Но нарком коротко и четко отрезал: — Вы коммунист и обязаны работать там, где нужнее. Так Павлов стал помощником наркома иностранных дел СССР.

Вернувшись в Германию после подписания «Договора о ненападении» с Советским Союзом в 1939 году министр иностранных дел нацистской Германии Иоахим фон Риббентроп писал: «После краткого официального приветствия мы вчетвером — Сталин, Молотов, граф Шуленбург и я — уселись за стол. Кроме нас присутствовал наш переводчик — советник посольства Хильгер, прекрасный знаток русской жизни, и молодой светловолосый русский переводчик Павлов, который явно пользовался особым доверием Сталина».

Главный маршал авиации А.Е. Голованов в своих мемуарах писал: «...Речь Черчилля была невнятна, говорил он, словно набрав полон рот каши, однако Павлов ни разу не переспросил его, хотя беседа была весьма продолжительна. В руках Павлова были записная книжка и карандаш: он, оказывается, одновременно стенографировал. Небольшого роста, белокурый молодой человек обладал поразительным мастерством переводчика».

В 1939 году Павлов находился в Германии, являясь 1-м секретарем Полномочного представительства СССР. Во время визита В.М. Молотова в Берлин 12 ноября 1940 года на встрече советского наркома с Гитлером, Павлов вновь выступал в роли переводчика. Вспоминая об этом визите, Павлов отмечал вялое, очень неприятное рукопожатие фюрера, ладонь которого была влажной и холодной, одновременно отметил, что «Гитлер всегда говорил самостоятельно, без подсказок, речь его была плавной, логичной». Будучи помощником наркома иностранных дел, Павлов сопровождал В.М. Молотова в его официальных поездках в Англию и в США на встречи с Черчиллем и Рузвельтом.

Павлов чувствовал, что Сталин к нему относится лучше, чем к другим. На всех фотографиях он оказывается в центре внимания, всегда чуть позади Сталина. Это не потому, что фотографы так засняли, — Павлов всегда, увидев фотографа, отходил в сторону или прятался за спину Сталина. Но генсек всегда сам тянул его за рукав в кадр. И это не было просто жестом — действительно, отношение Сталина к Павлову было в полном смысле слова отеческим. Когда советская делегация в 1943-м году ехала в Тегеран, в поезде произошел интересный эпизод. В одном купе — Сталин, Берия и Павлов. Берия начинает говорить на гру-

зинском со Сталиным. Павлов, конечно, ничего не понимает. Сталин по-русски громко Берии: «Прекрати разговор на этом языке, ты что не понимаешь, что рядом сидят люди, которые не знают язык, это же некультурно!»

Сталин к Павлову относился с симпатией, он ценил его эрудицию, образованность, скромность. Видимо многие из сильных мира сего обладали черным юмором. Иногда Сталин отпускал такие шутки, от которых мурашки по коже бегали. На одном из приемов в узком кругу Сталин заметил: «Светлая голова у товарища Павлова. Много знает. Не пора ли ей в Сибирь»? Все, включая, и Павлова, рассмеялись. Но каково ему было от такой шутки вождя?! Что-то созвучное произошло с Толстым П. А., выдающимся дипломатом, послом России в Турции, президентом коммерц-коллегии, блестяще осуществившим операцию по возвращению из-за границы блудного царского сына — царевича Алексея. Как-то в застолье Петр I заметил, что Толстой только притворяется пьяным и подслушивает пьяные вольные речи участников. Царь подошел к нему, похлопал по лысой голове и сказал: «Эх голова, голова! Не была бы ты так умна, я бы давно отрубить тебя велел!»

По воспоминаниям В. Н. Павлова, самыми трудными в его карьере переводчика были переговоры в Тегеране в 1943 году. На них встал вопрос о сроках открытия второго фронта. Сталин хотел услышать от союзников точную дату. Черчилль и Рузвельт пытались лавировать, но, в конце концов, признались: «Мы не готовы к тому, чтобы назвать точные сроки». Сталин медленно встал, повернулся и пошел к выходу. И не оборачиваясь, громко произнес: «Нам нечего тут делать, у нас война». Павлов следовал за Сталиным — секундное размышление — и он так же как советский руководитель, не оборачиваясь, и так же громко произнес эти слова по-английски.

Для Павлова Тегеранская конференция была еще тяжелой работой, потому что буквально после открытия конференции, он остался единственным переводчиком в советской делегации. Второй переводчик Бережков В. М. был срочно откомандирован в Москву. Причиной послужило то, что в ноябре 1943 года Военная контрразведка СМЕРШ НКО СССР обнаружила, что после освобождения Киева нашими войсками, родители Бережкова, сменив фамилию на Титову, (девичья фамилия матери) ушли вместе с немцами. В 1941 году они уклонились от эвакуации и остались в оккупированном фашистами Киеве. Эти «дореволюционные интеллигенты» после окончания войны, с помощью товарища Бережкова по немецкой школе в Киеве перебрались в Калифорнию, где получили американское гражданство. Бережков был уволен из НКИД (МИД). В годы хрущевской слякоти-оттепели его вернули в МИД. В 1983 году перед окончанием командировки в США его сын Андрей (16 лет) попросил у американских властей политического убежища. Отцу удалось убедить сына вернуться в Россию. Будучи антисоветчиком, агентом влияния, Бережков приветствовал перестройку и горбачевские реформы, рушившие страну. С 1992 года работал в Институте международных исследований в Калифорнии. В годы перестройки и после развала страны его сын занимался криминальным бизнесом. В 1993 году убит подельником по бизнесу. Бережков автор тенденциозных, лживых опусов, фальсифицирующих советскую историю.

Об уровне безопасности и охраны на конференциях показателен такой случай по воспоминаниям П. А. Судоплатова о Ялтинской конференции. «Сообщение о том, что личный переводчик Рузвельта — сын одного из лидеров белогвардейской террористической организации «Лига Обера», участвовавшего в убийстве советского посла в Варшаве Войкова, мы получили всего за два дня до начала Ялтинской конференции. Я срочно доложил об этом Богдану Кобулову, тот Берии, который был в Ялте, и по его приказу Круглов, официально отвечавший за охрану делегаций и поддерживавший регулярные контакты с американской и английской спецслужбами, информировал начальника американской службы охраны. Переводчик был незамедлительно доставлен из Ялты на американский корабль, находившийся у побережья Крыма.

Переводить лично Сталину — ответственность выше некуда. И, тем не менее, как рассказывал Павлов, с вождем ему работать было все же легче, чем с Молотовым. Сталин ценил людей с широким кругозором, разбирающихся в обсуждаемых вопросах, но при этом не стремящихся выделиться своими познаниями, скромных. В. Н. Павлов обладал этими качествами. Сталин, вообще старался держаться со своими подчиненными дружелюбно и корректно, к Павлову относился с симпатией, выделял его.

Молотов же относился к Павлову более чем прохладно. Когда НКИД еще был на улице Воровского, Молотов, распекая своего помощника, который только-только пришел к нему работать, говорил: «Ничего вы не умеете, ничего не знаете, да вас лучше направить в дом напротив». В этом доме находился тогда НКВД.

По воспоминаниям В. Н. Павлова, Молотов был невероятно со-

бранным и целеустремленным человеком. Отличался чудовищной работоспособностью и организованностью. Одновременно Молотов был буквоедом и педантом, каких свет не видел. В своих подчиненных он видел лишь винтики-детальки сложного механизма, который обязан работать безупречно. Любил устраивать своим сотрудникам разносы и никого никогда не брал под свою защиту.

На Ялтинской конференции на одном из обедов Сталин поднял тост за труд тех, кому приходилось выступать в роли переводчика на трудных переговорах в верхах. Он сказал: «Сегодня, как и раньше, мы, три руководителя, встретились друг с другом. Мы говорим, едим, пьем, а тем временем наши три переводчика должны трудиться, причем труд их — нелегкий. Мы доверили им передавать наши мысли, и им некогда ни поесть, ни выпить вина». Затем обошел стол, чокаясь с Артуром Бирсом, который переводил для Черчилля, с Чарльзом Боленом, переводчиком Рузвельта, и Владимиром Павловым. В тот же вечер Черчилль вручил Павлову орден Британской империи «За Бога и империю».

С этой наградой приключилась история. В 60-е годы в квартире Павлова произошел пожар. Среди вещей, пострадавших от огня, был и британский орден. Он сильно оплавился и не подлежал восстановлению. Через некоторое время В.Н. Павлов, находясь в Англии в командировке, был приглашен на официальное мероприятие. Прикрепил на пиджак свои награды, среди которых ордена «За Бога и империю», естественно, не было. Англичане поинтересовались — почему Павлов не носит его. Владимир Николаевич поведал о случившемся пожаре. Буквально через несколько дней Павлову торжественно вручили изготовленный лично для него идентичный утраченному орден, с которым Павлов вернулся на Родину.

На Ялтинской конференции Павлов проявил себя не только как отличный переводчик, но и как человек невероятной выдержки. На обеде руководителей союзных держав Павлов, как всегда, сидел за спиной Сталина. На десерт в честь английских гостей был приготовлен какой-то особенный пудинг. Один из официантов, проходя мимо Сталина, потерял равновесие, и весь пудинг обрушился на Павлова в тот момент, когда он переводил очередную фразу Сталина. Павлов не только не дрогнул в прямом смысле слова, он договорил фразу и, как ни в чем не бывало, продолжал перевод дальше. Этот эпизод потряс Черчилля.

Хорошее расположение Сталина к Павлову нередко защищало его. Во время приемов и застолий он совсем не пил, чтобы была возможность нормально работать. Однажды Берия попытался его «накачать»: налил ему стакан водки и провозгласил тост за здоровье товарища Сталина. Павлов тем не менее даже не пригубил. Вождь заступился: «Отстань, Лаврентий! У нас никто никого не принуждает. Если не хочет, пусть не пьет».

Дипломатическая карьера Владимира Николаевича закончилась сразу после смерти Сталина. Он ушел из Министерства иностранных дел и возглавил издательство "Прогресс". Молотов, не любивший Павлова, ревновавший его к Сталину тут же уволил его из МИДа. «Я его вышиб из Министерства иностранных дел после смерти Сталина, после моего возвращения в МИД. Сталин меня вышиб оттуда, Вышинский был министром после меня, а когда я вернулся министром... конечно мне нужен был такой переводчик, беспартийного типа человек, я бы сказал, не очень, но честный служака. Никаких у него связей таких не было»...

Светлана Аллилуева в своих мемуарах «Только один год» отмечала, что Павлов: «не мог смириться со всем, что происходило в СССР после смерти моего отца, которого он боготворил».

В.Н. Павлов, был настоящим сталинистом, относился к Сталину с искренним уважением и очень переживал, что после смерти на него был вылит ушат грязи. В годы оголтелой злобной лживой хрущевской десталинизации от Павлова ушла его первая жена. Она опасалась, что их могут репрессировать за то, что ее муж был переводчиком Сталина.

Но судьба решила иначе. В институте я, будучи членом ВЛКСМ, а позже став кандидатом в члены ВКП(б), принимал активное участие в общественной жизни студенческого коллектива. В апреле 1939 г. меня неожиданно вызвали в ЦК ВКП(б). Я был подвергнут там экзаменам по английскому и немецкому языкам. Мне ничего не сказали о цели этих экзаменов, которые я легко выдержал, ибо знал немецкий и английский с детства. Затем последовал и вызов к начальнику управления кадров ЦК ВКП(б) Шаталину и к секретарю ЦК Г. М. Маленкову, от которого я был доставлен в машине в наркоминдел СССР. Я терялся в догадках относительно того, что меня ожидает. В наркоминделе СССР я был принят В. М. Молотовым, назначенным недавно наркомом иностранных дел. Он просмотрел мое досье и сообщил, что я назначаюсь помощником наркома. Мои возражения и в частности довод о том, что я хотел бы остаться на научной работе, где я надеюсь принести больше пользы государству, были отвергнуты Молотовым ссылкой на партийную дисциплину. С 3-го июля 1939 г. началась моя новая работа и жизнь. Стало ясно также, что я не один мобилизованный на работу в наркоминдел. В коридорах ЦК и в приемной Молотова в наркоминделе находилось несколько человек чуть старше моего возраста, проходивших процедуру отбора на работу в наркомат. Секретариат нового наркома был также укомплектован новыми людьми. Лишь один из его сотрудников Б. Ф. Подцероб работал в наркоминделе с 1937 г. *(Б. Ф. Подцероб (1910-1983) — советский дипломат, в 1937- 1943 гг. — сотрудник центрального аппарата НКИД, 1943-1949 гг. — старший помощник В. М. Молотова, 1952-1953 гг. — заместитель министра, а затем посол в Турции и Австрии).*

Старшим помощником Молотова или заведующим секретариатом был А. Е. Богомолов, в прошлом профессор, специалист по марксистско-ленинской философии. Человек он был образованный, знал французский язык, но ему не хватало расторопности и оперативности. *(А. Е. Богомолов (1900-1969) — советский дипломат, генеральный секретарь НКИД, 1940-1941 гг. -советник полпредства, затем полпред СССР во Франции, 1941-1943 гг. — посол при союзных правительствах в Лондоне, 1943-1944 гг. — полпред при Французском комитете национального освобождения, 1944-1950 гг. — посол во Франции, 1950-1952 гг. — заместитель министра, затем посол в Чехословакии и Италии).*

Вскоре его заменил С. П. Козырев, работавший до того в аппарате Совнаркома СССР. Новый нарком и его секретариат заняли помещение бывшего наркома и его личного аппарата в здании наркомата на Кузнецком мосту. *(С. Л. Козырев (1907-1991) — советский дипломат, 1939-1943 гг. — старший помощник наркома, 1943-1945 гг. — советник представительства СССР при Французском комитете национального освобождения, 1945-1950 гг. — заведующий 1-м Европейским отделом МИД, 1950-1953 гг. — посланник в Египте, 1957-1966 гг. — посол в Италии, 1966-1983 гг. — заместитель министра иностранных дел).*

Одним из первых поручений, выполненных мною, был разбор документов бывшего наркома М. М. Литвинова. *(М. М. Литвинов (1876-1951) — советский дипломат, на дипломатической работе с 1917 г., 1921-1930 гг. — заместитель наркома, 1930-1939 гг. — нарком иностранных дел, 1941-1943 гг. — заместитель наркома и посол СССР в США, 1943-1946 гг. — заместитель наркома иностранных дел СССР).*

Они хранились у него в хаотичном состоянии. Многие не были им даже прочитаны. Особенно это касалось донесений нашей разведки из-за рубежа. Ящики его письменного стола были "хранилищами" промасленных бумажек из-под бутербродов.

Наш рабочий день начинался в 9 часов утра и продолжался до 12 ночи. Задания я получал от С. П. Козырева, непосредственно обслуживавшего наркома и ходившего к нему в кабинет по звонку. Молотов был в моих глазах собранным, организованным и целеустремленным человеком. В первые же месяцы моей работы я многое понял и многому научился.

Не все у меня шло гладко поначалу, тем более что я получил высшее техническое, а не гуманитарное образование. Хорошо помню свой дебют. Как-то летом 1939 г. я должен был впервые выступить в качестве переводчика в беседе Молотова с афганским послом в СССР. Беседа велась на английском языке. Афганец владел этим языком довольно слабо. Речь шла о границе между СССР и Афганистаном, на отдельные участки которой претендовали афганцы. Я с трудом понимал посла и не столь бойко переводил ответы Молотова. Одновременно с переводом я пытался вести запись беседы. Координировать то и другое я еще не умел. Пришлось записать беседу по памяти и на ее основе составить информационную телеграмму советскому послу в Кабуле. Молотов многое выправил в моей записи и в подготовленной мною телеграмме. Он меня здорово выругал за сделанные ошибки. Я очень переживал свою неудачу и объяснял ее себе необычностью обстановки и незнанием вопроса. Сказывалось также незнание мной дипломатической терминологии и отсутствие жизненного опыта. Ведь мне едва исполнилось 24 года.

Скоро начались регулярные встречи между Молотовым и послом гитлеровской Германии в СССР фон Шуленбургом. Я должен был переводить Молотова на немецкий язык, которым я тогда владел гораздо лучше, чем английским. Можно сказать, что я оказался в своей языковой стихии. Шуленбургу переводил на русский язык советник германского посольства Г. Хильгер. Он говорил по-русски безупречно, так как еще до Октябрьской революции, проживая в России, кончил Московский университет по юридическому факультету. Перед первой мировой войной Хильгер, будучи германским подданным, выехал вместе со своей

русской женой Марией Федоровной в Германию. После заключения в 1922 г. Рапалльского договора с Германией, Хильгер стал штатным сотрудником германского посольства в СССР. *(Рапалльский договор 1922 г. между Советской Россией и Германией предусматривал восстановление дипломатических отношений, отказ от взаимных материальных претензий, развитие торгово-экономических связей).*

В Германии менялись правительства, а Хильгер неизменно оставался в составе посольства в Москве, медленно, но верно продвигаясь по дипломатической лестнице. В 1939 г. он был советником. К нашей стране Хильгер относился с плохо скрываемой враждебностью.

Теперь я не в состоянии восстановить все детали советско-германских переговоров, которые велись в Москве между Шуленбургом и Молотовым. Запомнилась только настойчивость, с которой Шуленбург предлагал заключить договор о ненападении между СССР и Германией. Советское правительство, однако, не спешило с принятием предложения Германии. Оно приняло его, когда стало очевидным, что у Англии и Франции не было намерения достичь договоренности с СССР о совместном отпоре Гитлеру.

В первой половине августа 1939 г. немцы стали проявлять особое нетерпение в переговорах с Молотовым. Было видно, что их тревожила возможность соглашения между СССР, Англией и Францией. Дело дошло до того, что они предложили, чтобы Риббентроп прибыл в Москву 23 августа для подписания советско-германского договора о ненападении. *(Иоахим фон Риббентроп (1893-1946) — член нацистской партии с 1930 г. 1936-1938 гг. — посол Германии в Великобритании, 1938-1945 гг. — министр иностранных дел, приговорен Международным военным трибуналом к смертной казни как один из главных военных преступников).* В тот же день Риббентропа принял Сталин. Встреча состоялась в кабинете Молотова в Кремле. Переговоры начались с заявления Риббентропа о том, что Гитлер уполномочил его подписать договор о ненападении сроком на 100 лет. На это Сталин заметил, что над русскими и немцами, если они заключат договор на 100 лет, будет смеяться как над несерьезными людьми, и предложил 10-летний срок. Риббентроп принял предложение Сталина о сроке. Далее Сталин заметил, что прежде надо договориться по некоторым вопросам, и изложил советские предложения о разграничении сфер интересов СССР и Германии в Восточной Европе, проиллюстрировав их на географической карте. Сталин отнес к сфере советских интересов Финляндию, прибалтийские республики. Западную Украину и Западную Белоруссию и Молдавию. Соответствующую договоренность он предложил оформить путем подписания секретного протокола как приложения к договору о ненападении. По реакции Риббентропа можно было заключить, что советские предложения явились

▲ Советско-германский пакт, 1939. Молотов, Шапошников, Риббентроп, Сталин, Павлов

для него полной неожиданностью. Он сказал, что у него нет полномочий на подписание подобного протокола. Сталин тотчас же отпарировал это заявление Риббентропа репликой: "Мы ждать не можем". Риббентроп попросил разрешения переговорить по телефону Гитлером. Его просьба была удовлетворена. Он вышел в приемную, где его соединили с Берлином. Вернувшись в кабинет, Риббентроп сообщил, что Гитлер согласен с подписанием секретного протокола. Тут же были подготовлены немецкие оригиналы договора и протокола и сверены мною с русскими текстами их.

Переводчиком в переговорах Сталина с Риббентропом был Хильгер. Сталин поручил мне только следить за точностью перевода на немецкий язык того, что он будет говорить. Кроме того, я должен был сверить русский и немецкий тексты договора и протокола с русским текстом этих документов, что было мною сделано. Договор и секретный протокол были подписаны Молотовым и Риббентропом в тот же день. Когда Риббентроп встал рядом со Сталиным позади Молотова, подписывавшего документы, Сталин попросил меня встать рядом с ним и быть переводчиком между ним и Риббентропом. Так я оказался на фотоснимке рядом со Сталиным, который обхватил меня рукой. Если и впредь на некоторых фотографиях и в кадрах кинохроники я оказывался рядом с ним, то это случалось по его велению. Я никогда не стремился выпячивать себя и старался держаться скромно.

По окончании переговоров о договоре Риббентроп от имени Гитлера попросил Сталина о направлении возможно скорее советского посла в Германию, так как полпред А. Ф. Мерекалов уже длительное время находился в Москве, и о назначении советского военного атташе высокого ранга. Сталин обещал выполнить эту просьбу. Вскоре были назначены А. А. Шкварцев, А. З. Кобулов, комкор М. А. Пуркаев — полпредом, советником, военным атташе и пишущий эти строки 1-м секретарем полпредства СССР в Германии.

▲ Павлов, Молотов, Риббентроп, Хильгер, Берлин, 1940

(А. Ф. Мерекалов (1900-1983) — полпред СССР в Германии в 1938-1939 гг. В 1940-1958 гг. — на государственной и научной работе. А. А. Шкварцев — полпред СССР в Германии с 1 сентября 1939 г. по 26 ноября 1940 г. А. З. Кобулов (1906-1955) — советник полпредства СССР в Германии в 1939-1941 гг., резидент НКГБ в Берлине. М. А. Пуркаев (1894-1953) — начальник штаба ряда военных округов в 1938-1940 гг., военный атташе СССР в Германии в 1939 г., в годы Великой Отечественной войны начальник штаба Юго-Западного фронта, с 1942 г. — командующий Калининским фронтом, с апреля 1943 г. — командующий войсками Дальневосточного военного округа, в 1945 г. командующий войсками 2-го Дальневосточного фронта, с 1944 г. — генерал армии).

В честь Риббентропа в Кремле был дан обед, на котором присутствовал Сталин, провозгласивший тост — "За здоровье фюрера". Перед отъездом в Берлин нас принял Сталин. *(Сталин принял их 1 сентября 1939 г).*

Содержания инструкций, которые давал Сталин, я теперь не помню. Осталось в памяти только одно. Сталин сказал, что к нам в Берлине, возможно, будут обращаться разного рода лица по вопросам деятельности находившейся на нелегальном положении компартии Германии. В таких случаях мы должны неизменно отвечать им, что советское полпредство не вмешивается во внутренние дела Германии. Действительно, в течение 1940 г. имели место такие обращения. Мы на них отвечали, как велел Сталин.

Но вот произошел один эпизод, когда оказалось невозможным, в силу нахлынувших на нас как коммунистов чувств, воспользоваться формулой, предписанной Сталиным.

Это было летом 1940 г. Мне исполнилось тогда 25 лет. Уже несколько месяцев я работал в качестве 1-го секретаря полпредства СССР в Германии. Это было тяжелое для германского народа время. Страна, казалось, была погружена в беспросветный мрак. Лучшие люди, в первую очередь коммунисты, были либо физически истреблены, либо брошены за тюремную решетку. На некоторых из оставшихся на свободе немцев гитлеровцы накинули намордник. Другие были обмануты шовинистическими речами Гитлера и пропагандой Геббельса. *(Йозеф*

▲ Молотов, Павлов, Риббентроп, Берлин, 1940

Геббельс (1897-1945) — один из главных немецких военных преступников, возглавлял пропагандистский аппарат фашистской Германии, покончил жизнь самоубийством).

Можно было подумать, что гитлеризм безраздельно господствует в стране. Но это было не так. Гитлеру не удалось искоренить Коммунистическую партию Германии, самую активную силу в борьбе против нацизма. Уйдя в глубокое подполье, она продолжила борьбу за свои благородные цели. И мы, иностранцы, работавшие в официальном советском учреждении в Берлине, чувствовали пульс жизни здоровых сил немецкого народа. Иногда мы обнаруживали в почтовом ящике посольства напечатанные на гектографе экземпляры центрального органа КПГ "Роте Фане". В конце 1940 г. и начале 1941 г. в посольство попадали письма, в которых немецкие друзья Советского Союза предупреждали о готовящемся нападении гитлеровской Германии на нашу страну. Стоит ли говорить о том, как согревали наши сердца эти проявления интернационалистических чувств борцов немецкого сопротивления. С другой стороны мы хорошо помнили об их бесчисленных жертвах, нам было очень больно сознавать, что за тюремной решеткой томится вождь германского пролетариата Эрнст Тельман. *(Эрнст Тельман (1886-1944) — председатель Коммунистической партии Германии).*

И вот однажды судьба свела нас с самым близким ему человеком. В один из дней лета 1940 г. в посольство пришла пожилая женщина, назвавшаяся Розой Тельман, женой Эрнста Тельмана. Ее приняли советник посольства и автор этих строк. Со слезами на глазах она поведала нам о своей горестной жизни, о том, что она полностью лишена средств к существованию, и просила оказать ей возможную материальную помощь. *(Телеграмма с информацией о появлении жены Э. Тельмана была направлена в Москву 8 ноября 1939 г.).*

Услышали мы от нее и об Эрнсте Тельмане, заключенном в тюрьму в Ганновере. Она передала нам несколько его писем, в одном из которых, как я сейчас помню, Э. Тельман, несмотря на полную изоляцию от внешнего мира, давал поразительно верную марксистскую оценку советско-германскому договору о ненападении. Рассказала она и о том, как один из главарей разбойничьей гитлеровской банды Геринг пытался после заключения этого договора склонить Э. Тельмана к сотрудничеству с гитлеровцами и какой отпор этот головорез получил от Э. Тельмана. Это хорошо показано в выпущенном в ГДР фильме о Э. Тельмане. *(Герман Геринг (1893-1946) — председатель рейхстага в 1932-1945 гг., имперский министр авиации, один из главных немецких военных преступников, приговорен Международным военным трибуналом к смертной казни).*

Встреча с Розой Тельман нас очень взволновала. Но мы не знали, как помочь ей материально. Мы были поставлены в тупик ее просьбой. Дело в том, что в функции советских посольств за рубежом, строго придерживающихся принципа невмешательства во внутренние дела других стран, не входит оказание материальной или другой помощи иностранным гражданам. Советские посольства не располагают никакими средствами для этого. Так обстояло дело и в нашем посольстве в Германии в то время. Поэтому мы не могли ничего определенного обещать Розе Тельман. Она ушла от нас очень огорченной.

Но мы не успокоились. Было решено срочно отправить в Москву шифровку с сообщением о встрече с Розой Тельман и о ее просьбе. Помню, что я настолько был взволнован, что долго не мог заснуть в тот вечер. Мой мозг сверлила мысль — мысль об Эрнсте Тельмане. Вождь германского пролетариата пользовался огромной любовью среди советских коммунистов, комсомольцев и пионеров, среди всех трудящихся советской страны. В тридцатые годы многие носили такие же фуражки, какую обыкновенно носил Тельман. Их называли тельмановками. Популярность коммунистических организаций германской молодежи была настолько велика у нас в стране, что во многих пионерских отрядах пионеры носили форму юнгштурма. Будучи пионером, носил ее и я.

Утро следующего дня принесло нам огромную радость. Из Москвы

была получена телеграмма с указанием вручить Розе Тельман определенную сумму денег. *(По указанию В. М. Молотова 26 ноября 1939 г. Розе Тельман была оказана материальная помощь в сумме 2 тыс. рейхсмарок. Помощь оказывалась и позже).* В телеграмме сообщалось, что помощь жене Э. Тельмана оказывается советскими профсоюзами из фонда помощи борцам революции. Мы ликовали. Но перед нами встал вопрос: как выполнить поручение Москвы. Ведь мы упустили взять у Розы Тельман ее домашний адрес. С ее слов мы знали только, что она проживает в Гамбурге. Поразмыслив, мы решили, что советник Кобулов и я поедем туда и попытаемся узнать адрес Розы Тельман в адресном столе. Немедленно выехав из Берлина, через несколько часов я (Кобулов ждал меня на улице) был в адресном столе гор. Гамбурга и стоял в очереди у окошечка, заполнив предварительно установленную форму. Надо сказать, что, как я заметил, адресные справки выдавались очень быстро. Подошла моя очередь. Я подал бланк. Принявший его чиновник, увидев фамилию Тельман, встал с места и ушел в другую комнату. Было ясно, что он пошел к начальству. Подумав про себя, будь что будет, я решил ждать. К счастью, все обошлось благополучно. Через 8-10 минут чиновник вернулся и вручил мне справку с адресом Розы Тельман. Выйдя из адресного бюро и убедившись, что никто за мной не следит, я взял такси и поехал на окраину Гамбурга по указанному в справке адресу. Быстро найдя нужный мне номер дома, я спросил у игравших подле него мальчишек, где проживает Роза Тельман, они тотчас же мне это сказали. Я поднялся на второй этаж, увидел на входной двери эмалированную табличку с надписью готическим шрифтом Эрнст Тельман и позвонил. Дверь открыла сама Роза Тельман. Она, конечно, сразу узнала меня, поняла, с чем я приехал, лицо ее просияло от радости. Она не обманулась в советских людях. Передав деньги и тепло побеседовав с ней, я вернулся в Берлин с чувством удовлетворения от выполнения скромного поручения. Я гордился тем, что советские люди, как всегда, показали себя и в этом случае верными своему интернациональному долгу.

▲ Молотов, Павлов, Геринг, Берлин, 1940

3 сентября 1939 г., т. е. на третий день после вторжения Германии в Польшу, Шкварцев и я вылетели из Москвы в Стокгольм. Из столицы Швеции немцы должны были доставить нас в Берлин специальным самолетом.

В Стокгольме мы навестили советского полпреда в Швеции А. М. Коллонтай. *(А. М. Коллонтай (1872-1952) — советский дипломат, на дипломатической работе с 1922 г. В 1923-1926 гг. — полпред и торгпред в Норвегии, в 1926-1927 гг. — полпред в Мексике, 1927-1930 гг. — полпред в Норвегии, 1930-1945 гг. — полпред/посланник в Швеции, в 1945-1952 гг. — в центральном аппарате НКИД/МИД СССР).* Она приняла нас у себя на квартире. Помню, что Александра Михайловна показала нам узкопленочный кинофильм. Когда на экране появились кадры, отображавшие церемонию вручения верительных грамот королю Норвегии, Александра Михайловна обратила наше внимание на свой богатый туалет. На меня это произвело странное впечатление. Чувствовался ее длительный отрыв от родины.

А. М. Коллонтай, бесспорно, сыграла определенную роль в деле за-

▲ Павлов, Потсдамская конференция

ключения мирного договора с Финляндией. Именно к ней в 1944 г. обратился шведский банкир Валленберг с целью выяснения готовности советского правительства пойти на заключение соглашения о перемирии, каковое было подписано 19 сентября 1944 г. Следует отметить, что каждый свой шаг А. М. Коллонтай согласовывала с советским правительством. В СССР А. М. Коллонтай вернулась в 1945 г. Ее возвращению предшествовала довольно длительная переписка с центром по вопросу о бытовом устройстве в Москве. А. М. Коллонтай, ссылаясь на плохое состояние своего здоровья, добивалась разрешения взять с собой в Москву шведку — медицинскую сестру. Ей обещали выделить для ухода самую лучшую медицинскую сестру из штата Лечсанупра Кремля, но она на это не соглашалась. В конце концов, было решено позволить ей взять с собой в Москву шведскую медсестру. Хотя А. М. Коллонтай была тяжело больна (парализована), она пыталась играть какую-то роль в московском дипкорпусе. Так она приняла у себя на квартире английского посла в СССР Кларка Керра. *(А. К. Керр (1886-1951) — британский дипломат, на дипломатической службе с 1906 г. В 1938-1942 гг. — посол в Китае, в 1942-1946 гг. — посол в СССР, в 1946-1948 гг. — посол в США).*

В 1945 г. во время пребывания Гарри Гопкинса в Москве (май-июнь) МИДом СССР был устроен прием в его честь в особняке на улице Алексея Толстого. А. М. Коллонтай получила пригласительный билет. По залам особняка, где было полно гостей, ее в кресле катал внук В. Коллонтай. Вдруг, завидев Г. Гопкинса с Молотовым, она потребовала от внука, чтобы тот подвез ее к Г. Гопкинсу. После некоторого маневрирования в толпе гостей она, наконец, подъехала к шагавшему широким шагом Гопкинсу, повернула к нему голову и представилась. Гопкинс, задержавшись на миг перед коляской, сказал "рад с вами встретиться" и, смерив взглядом немощную старушку, снова зашагал вперед. Тут он меня спросил: "Это та мадам, которая писала про любовь?". Получив утвердительный ответ, Гопкинс громко рассмеялся. *(Гарри Гопкинс (1890-1946) — американский государственный деятель и дипломат, доверенное лицо президента США Ф. Д. Рузвельта в вопросах внешней политики. В июле-августе 1941 г. и в мае 1945 г. направлялся президентом США со специальной миссией в Москву).*

Спустя месяц, уже в поезде по пути в Берлин на Потсдамскую конференцию, Молотов поручил мне прочесть воспоминания А. М. Коллонтай, написанные по-английски. Я отметил те места в машинописном экземпляре воспоминаний, которые мне казались заслуживающими внимания. Среди них была страничка, на которой Коллонтай рассказывала о том, как еще в четырехлетнем возрасте стала революционеркой. С ней это случилось, когда ей довелось однажды зимой наблюдать тяжкий труд двух полотеров, натиравших полы в роскошных апартаментах особняка в Петербурге, где она жила со своими родителями. Отец ее был генералом, занимавшем видный пост при дворе царя. Заметив, что во второй раз пришел продолжать работу лишь один из полотеров, она спросила у него, почему он пришел один. Тот ответил, что товарищ его простудился и умер. Он добавил, что у него не было теплого пальто и не на что было его купить. Девочка Коллонтай была поражена этим фактом и, размышляя о нем, она пришла к пониманию контраста между ее семьей, жившей в полном довольстве, и положением несчастного полотера. У нее пробудилось сознание необходимости встать на сторону угнетенных.

Но вернемся к истории моего пребывания в Берлине, начиная с прибытия туда 3 сентября 1939 г. На аэродроме в Берлине нас встретили представители МИД Германии. Их ранг был не выше среднего. От нашего полпредства были 1-й секретарь полпредства СССР в Германии Н. В. Иванов, а также пресс-атташе А. А. Смирнов. Поверенный в делах СССР в Германии Г. А. Астахов, с которым немцы в марте 1939 г. начали вести переговоры об улучшении германо-советских

отношений, был отозван в Москву. На аэродроме был выстроен почетный караул и играл духовой оркестр. *(Н. В. Иванов (1905-1996) — советский дипломат, в 1938- 1939 гг. — первый секретарь полпредства в Германии, в 1946- 1948 гг. — заместитель политического советника Советской Военной Администрации в Германии (Берлин). А. А. Смирнов (1905-1982) — советский дипломат, в 1940- 1941 гг. — советник полпредства в Германии, в 1941-1943 гг. — посол в Иране, в 1946-1949 гг. — заместитель министра иностранных дел, в 1956-1957 гг. — посол в Австрии, в 1957- 1966 гг. — посол в ФРГ, в 1966-1969 гг. — посол в Турции, в 1969- 1973 гг. -заместитель министра иностранных дел. Г. А. Астахов (1897-1942) — советский дипломат, работал на различных дипломатических должностях в Турции, Германии, Японии, Англии, Поверенный в делах СССР в Германии летом 1939 г.)*

Помню, что Н. В. Иванов, заметивший, как мы были одеты (на нас были лакированные полуботинки, нескладные шляпы, которые позже Н. С. Хрущев назовет "валяным сапогом", и пальто), предложил нам по прибытии в полпредство, отправиться в находившийся рядом на той же Унтер дэн Линден магазин мужской одежды "Штейн-гардт" и купить все необходимое вплоть до мужских носков. Через каких-нибудь 30-40 минут мы вышли из магазина и больше не выглядели "белыми воронами". В тот же день к Шкварцеву пожаловал официальный фотограф и просил разрешения снять его во весь рост. Шкварцев дал согласие. Через несколько часов портрет был выставлен в одной из витрин на Унтер дэн Линден. Вечером того же дня Шкварцев попросил пойти вместе с ним взглянуть на портрет. Шкварцев пришел в восторг от фото и прошелся мимо него еще раза два, каждый раз останавливаясь и пристально рассматривая собственную персону. "Очень хорошо", — сказал он в заключение.

На следующий день Шкварцев вручил Гитлеру верительные грамоты. Мне пришлось переводить Шкварцеву. Стало ясно, что отныне я должен буду, в дополнение к моим функциям 1-го секретаря полпредства, выполнять роль переводчика полпреда. Вскоре также обнаружилось, что Шкварцев не умеет формулировать свои мысли на бумаге. У меня появилась еще одна обязанность — вести его дневник, т. е. записывать его беседы с иностранными дипломатами. Все это было бы полбеды. Хуже было то, что он не имел ни малейшего представления о том, как следует вести свой разговор с иностранцами. Порой он говорил им всякие глупости. Ограничусь двумя примерами. Так, встретившись с послом Югославии в Германии, всемирно известным писателем Иво Андричем, Шкварцев начал беседу с "характеристики" Югославии. "Ваша страна сельскохозяйственная, — говорил Шкварцев, — а в сельском хозяйстве у вас орудуют кулаки. Ваши вооруженные силы располагают всего 3-5 самолетами и 4-мя танками". *(Иво Андрич (1892-1975) — сербский писатель, автор романов, повестей и рассказов, воссоздающих панораму общественной жизни Боснии на протяжении пяти веков. Роман "Барышня" удостоен Нобелевской премии).* Иво Андрич, свободно говоривший по-русски, стал опровергать эти голословные утверждения. Но Шкварцев продолжал нести околесицу, слегка варьируя тематику. Вернувшись в полпредство, я тотчас же сделал запись беседы от первого лица. Он прочитал и сразу подписал ее.

Другое, но еще нечто более чудовищное, пришлось выслушать из его уст в миссии Болгарии в Берлине. Кажется, летом 1940 г., он нанес визит посланнику Болгарии П. Драганову, не владевшему русским языком. *(Пырван Драганов — болгарский посланник в Берлине в 1939-1942 гг.).* Драганов был известен как рьяный поклонник Гитлера. Портрет Гитлера с его дарственной надписью стоял у болгарина на рояле в гостиной. Шкварцев еще в машине просил меня переводить только то, что будет говорить болгарин. Отвечать же ему на немецком языке будет он сам.

С начала 1940 г. Шкварцев усердно занимался немецким языком с преподавательницей полпредства, но без заметных успехов. Тем не менее, не будучи уверенным, что Шкварцев сможет вести беседу по-немецки, я решил переводить Драганова на русский язык и Шкварцева — на немецкий. Шкварцев не возражал. Когда же болгарин,

▲ Шкварцев, Павлов, Пуркаев, представление рейхсканцлеру

сославшись на слухи о том, что англичане намерены ввести в Черное море несколько своих подводных лодок, спросил, как будет реагировать на это советский военно-морской флот, Шкварцев сказал мне, что он все понял и просит меня больше не переводить, выпалив "Unsere Flotte kaputt" *(немецкое искаженное выражение, означающее: "Нашему флоту капут")*, и рассмеялся. Драганов, решив, что Шкварцев шутит, улыбнулся. На этом беседа закончилась, и мы распрощались. Я подготовил запись беседы, которую Шкварцев подписал без каких-либо исправлений.

Через некоторое время полпредство получило письмо заместителя наркома иностранных дел В. П. Потемкина. *(В. П. Потемкин (1874-1946) — советский государственный деятель, ученый, дипломат. На дипломатической работе с 1922 г. В 1924-1926 гг. — генконсул в Стамбуле, в 1926-1929 гг. — советник полпредства в Турции, в 1929-1932 гг. — полпред в Греции, в 1932-1934 гг. — полпред в Италии, в 1934-1937 гг. — полпред во Франции, в 1937-1940 гг. — заместитель наркома иностранных дел)*. Это письмо было написано в очень корректной форме и разъясняло Шкварцеву, что он неправильно ведет свои беседы с иностранцами. Но полпред, видимо, не сделал должных выводов (он и не мог их сделать) и продолжал вести свои беседы в том же духе. Тогда я решил написать об этом наркому иностранных дел Молотову, от которого вскоре пришел ответ. Молотов предложил Шкварцеву ознакомить с письмом советника и 1-го секретаря. Было заметно, что авторитет Шкварцева был основательно поколеблен. Окончательный удар своей карьере Шкварцев нанес несуразным ответом на вопрос, заданный ему Молотовым в поезде, следовавшем в Берлин в первой половине ноября 1940 г. Молотов спросил тогда Шкварцева, зачем немцы пригласили его, Молотова, в Берлин. Тот ответил: "Для подписания торгового договора". "Эх вы, еще называетесь полпредом". Участь Шкварцева была предрешена это фразой Молотова. Шкварцев отбыл в Москву, и в Берлин больше не возвращался. В Москве он некоторое время походил в присутствие — наркоминдел и вскоре совсем исчез с горизонта, вероятно, получив назначение на другую работу.

В соответствии с приглашением правительства Германии утром 12 ноября 1940 г. Молотов и сопровождающие его лица (полковник из Генерального штаба РККА А. М. Василевский, помощник Молотова по совнаркому И. И. Лапшов, помощник Молотова по наркоминделу С. П. Козырев, зав. протокольного отдела НКИД В. Н. Барков и др.) прибыли специальным поездом в Берлин. *(В состав делегации, сопровождавшей В. М. Молотова, входило более 60 человек, в том числе нарком черной металлургии И. Т. Тевосян, пять заместителей наркомов — В. Г. Деканозов (НКИД), В. М. Меркулов (НКВД), А. Д. Крутиков (НКВТ), В. П. Баландин (НКАП), А. С. Яковлев (НКАП), а также большая группа дипломатов и военных экспертов, в частности, начальник Оперативного управления Генштаба А. М. Василевский (1895-1977), будущий Маршал Советского Союза)*.

Молотова на силезском вокзале встречали И. Риббентроп и шеф протокола А. Дернберг. *(На вокзале в Берлине Молотова и сопровождавших его лиц встречали министр иностранных дел И. Риббентроп, начальник полиции и войск СС Г. Гиммлер, начальник штаба Верховного главнокомандования вооруженных сил генерал- фельдмаршал В. Кейтель, министр труда Р. Лей, шеф протокола посланник А. Дернберг.)*

▲ Павлов, Кейтель, Молотов, Штрейхер, Хильгер, Берлин, 1940

Был выстроен почетный караул из солдат вермахта. В то же утро состоялись переговоры Молотова с Гитлером. Высказывания последнего носили голословный общий характер. Он утверждал, что Англия разбита, и признание ею своего поражения вопрос только времени. Если Англия не сделает этого, она наверняка, по словам Гитлера, запросит мира в будущем году. "Не пожелает ли Россия присоединиться к тройственному пакту, заключенному в сентябре 1940 г. Германией, Италией и Японией?" "Державы оси могут щедро одарить Россию за такой шаг", — добавил он. *(Тройственный пакт был подписан 27 сентября 1940 г. между Германий, Италией и Японией о политическом и военно-экономическом сотрудничестве в целях установления "нового порядка" в Европе и Азии.)*

13 ноября во второй половине дня Молотов снова встретился с Гитлером. Он нарисовал советскому наркому картину раздела всемирной британской империи, в результате которого Советский Союз получит свою долю. Молотов на это никак не реагировал. Он привлек внимание Гитлера к событиям, которые происходили непосредственно на западных границах Советского Союза. В Финляндии появились германские войска. Гитлер ушел от ответа на поднятый Молотовым вопрос о Финляндии, ссылаясь на то, что речь идет о транзитных перебросках германских войск через Финляндию в Северную Норвегию с целью предотвращения проникновения туда англичан. Германия ведет войну, и ей нужны сырьевые ресурсы Финляндии и Швеции. Советские интересы, сказал Гитлер, не будут нарушены. Молотов, видимо, не удовлетворенный ответом Гитлера, задал ему следующий вопрос: "Зачем германские войска находятся в Румынии?" Гитлер ответил на этот вопрос примерно так же, как он ответил на первый вопрос. В Румынии де находятся только германские обучающиеся войска, о размещении которых у себя просила Румыния. Молотов парировал этот ответ контрвопросом: "Что будет, если Советский Союз заключит договор с Болгарией, подобный тому, который Германия заключила с Румынией?". Гитлер снова ушел от ответа, утверждая, что по своей воле Болгария никогда об этом не попросит. Затем были затронуты вопросы о черноморских проливах, о тройственном пакте и др. Гитлер неизменно уходил от ответа по существу на эти вопросы. Уклонялся и Молотов от ответа на вопрос Гитлера о том, не присоединится ли Советский Союз к тройственному пакту.

Вечером 12 ноября в полпредстве СССР в Германии был дан ужин, на который было приглашено около 200 человек советских работников полпредства, торгпредства и других советских учреждений, а также представителей германского рейха. *(На ужине в полпредстве присутствовали члены советской делегации, а с немецкой — министр иностранных дел И. Риббентроп, начальник германской полиции и войск СС Г. Гиммлер, рейхсминистр Х. Ламмнерс, министр вооружений и боеприпасов Ф. Тодт, министр труда Р. Лей.)*. Молотов произнес во время ужина дружественную в отношении Германии речь. Гитлера на приеме в полпредстве не было. Не успел он ее начать, как раздался сигнал воздушной тревоги. Молотову и Риббентропу пришлось спуститься в бомбоубежище. Когда они здесь расселись, Молотов не без ехидства спросил Риббентропа: "Вы говорите, что Англия разбита. Почему же мы сейчас сидим в убежище?". Риббентроп был поставлен в тупик и не нашелся, что ответить.

На следующий день (13 ноября 1940 г.) были продолжены утомительные, как и явно бесполезные переговоры с Гитлером. Затем Молотов отбыл в Москву. Для приведения в порядок своих записей (я был переводчиком Молотова при всех его переговорах с Гитлером и Риббентропом) я выехал тем же поездом в Москву.

По возвращении Молотова в Москву в "Правде" от 14 ноября 1940 г. было опубликовано коммюнике о его переговорах с Гитлером. Там говорилось, что они прошли "в духе доверия и взаимного понимания".

Спустя 12 дней, по поручению советского правительства германскому послу в СССР была передана памятная записка. В ней были изложены условия советской стороны, выполнение которых Германией должно было обеспечить безопасность СССР в Европе. При этих условиях Советский Союз, говорилось в памятной записке, будет готов присоединиться к тройственному пакту.

На эту памятную записку гитлеровское правительство не ответило. Отсюда можно было сделать вывод, что оно не желало вести переговоры по этим вопросам.

Действительно, как стало известно после второй мировой войны, Гитлер не только не мечтал о союзе с Советским Союзом, а наоборот 18 декабря 1940 г., т. е. вскоре после визита Молотова в Берлин и вышеупомянутой памятной записки советского правительства руководству Германии, подписал окончательный вариант плана нападения на нашу страну, известного под названием плана "Барбароссы".

Таким образом, Гитлер и Риббентроп своими разговорами о разделе трофеев "побежденной" Британии стремились скрыть свои истинные намерения. Итоги переговоров были неутешительными. Действительно, разве ответ Гитлера на поднятый Молотовым вопрос о Финляндии не говорил о явном, мягко говоря, забвении советско-германского договора со стороны Германии? Разве глобальные разглагольствования Гитлера и Риббентропа не были несерьезными, не преследовали иной цели кроме как замаскировать военные приготовления Германии к нападению на Советский Союз. Это подтверждалось и тем фактом, что Германия не ответила на памятную записку советского правительства. Если бы советской стороне была ясна истинная позиция Гитлера в отношении СССР, то не было бы нужды направлять через две недели памятную записку с изложением условий, на которых Советский Союз готов был присоединиться к Тройствен-

▲ Молотов, Павлов, Рузвельт

ному пакту. Подлинное отношение Гитлера к СССР можно было видеть из его книги "Моя борьба", из тех мест ее, в которых он говорит о том, что Германия должна завоевать себе жизненное пространство на востоке. Вскоре после прихода Гитлера к власти в фашистской печати писалось о высказываниях Гитлера Г. Раушнингу о том, что, только овладев Востоком, Германия может стать мировой державой. *(Герман Раушнинг — политический деятель национал- социализма, председатель Данцигского сената, писатель; в 1936 г. порвал с Гитлером, эмигрировал и выступил с разоблачением нацизма, автор книги: Раушнинг Г. Говорит Гитлер: зверь из бездны. М., 1993.)*. Заключением договора Гитлер преследовал лишь сиюминутные цели, стараясь усыпить бдительность советского правительства. Что касается Англии, то фюрер не считал ее своим заклятым врагом. Он лелеял мечту о мире с Англией. В этой связи небезынтересным представляется высказывание советника германского посольства в Москве фон Типпельскирха, сделанное им в беседе со мной в НКИД СССР, спустя 2-3 дня после перелета Гесса в Англию в мае 1941 г. с предложением Англии мира. На мой вопрос, как следует расценивать этот поступок Гесса, Типпельскирх ответил: "В конечном счете, Германия является неотъемлемой частью западной цивилизации". *(Рудольф Гесс (1894-1987) — один из главных немецких военных преступников. С 1933 г. — заместитель Гитлера по партии. В мае 1941 г. прилетел в Великобританию с целью договориться о мире, но был интернирован. Приговорен Международным военным трибуналом к пожизненному заключению.)*

Итак, советско-германский договор о ненападении был фактически разорван не 22 июня 1941 г., когда гитлеровские полчища напали на Советский Союз, а уже во второй половине ноября 1940 г.

Оформив все необходимые документы, относившиеся к поездке Молотова в Берлин, я возвратился в Берлин, куда в декабре же 1940 г. прибыл вновь назначенный полпред, бывший заместитель наркоминдела В. Г. Деканозов. В конце декабря я был отозван из Германии и назначен заведующим Центрально-европейским отделом наркоминдела. Этот отдел ведал отношениями СССР с Германией, Венгрией, Чехословакией, оккупированной Германией. Больше всего хлопот отделу доставляло посольство Германии в СССР. Оно направляло в НКИД СССР сотни запросов о судьбе германских граждан, оказавшихся по тем или иным причинам в СССР. Большинство их было репрессировано наркомвнуделом СССР. Отдел вел обширную переписку с НКВД об этих германских гражданах. Чтобы не путаться в подчас разноречивых ответах этого ведомства, в отделе была заведена картотека. Дело было в том, что в одних письмах НКВД некоторые германские граждане числились то как отбывавшие наказание в заключении, то как приговоренные к высшей мере наказания, приведенной в исполнение. Все это говорило о том, что учет осужденных в НКВД был поставлен из рук вон плохо. Картотека наших запросов, направленных в НКВД, позволяла нам избежать ошибок или противоречий в нашей переписке с германским посольством. Одно было ясно, что шпионов, судя по приговорам НКВД, было чересчур

много. В число преступников, обвиняемых в шпионаже, при тогдашней всеобщей подозрительности попадали и лица, ни в чем не повинные. Переписка с германским посольством длилась вплоть до нападения гитлеровской Германии на нашу страну.

Другой большой работой, выполненной Центрально- европейским отделом в течение весны и начале лета 1941 г. было переселение в Германию, по просьбе последней, из прибалтийских советских республик лиц немецкого происхождения, так называемых Volksdeutsche. Их насчитывалось несколько десятков тысяч. В большинстве это были состоятельные лица. Главная задача смешанной германо-советской комиссии состояла в том, чтобы следить за правильностью применения статей соглашения о переселении прибалтийских немцев в Германию. Очень часты были случаи, когда некоторые переселяемые пытались вывозить из СССР предметы большой ценности. Центрально-европейский отдел получал вопросы от советской части Комиссии и должен был готовить проекты ответов на них наркоминдела.

Надо сказать, что почти все лица немецкой национальности из Эстонии, Латвии и Литвы, включая рабочих, выехали в Германию. Все они откликнулись на призывы Гитлера к Volksdeutsche собраться в Германии. Эти призывы были приправлены солидной долей великогерманского шовинизма.

Много труда было потрачено сотрудниками отдела на урегулирование пограничных инцидентов на советско- германских границах в 1940-1941 гг. Число их особенно возросло по мере приближения 22 июня 1941 г. Некоторые из них носили серьезный провокационный характер. Политика наших директивных органов в этих вопросах, как я ее понимал тогда, состояла в том, чтобы не обострять наших отношений с Германией и, возможно, предотвратить нападение Германии на нашу страну. Так частям нашей ПВО было приказано не сбивать немецкие самолеты над советской территорией, а умелым маневрированием в воздухе принуждать немцев садиться на наши аэродромы. Эта тактика увенчалась успехом только в одном случае, когда на наш аэродром был посажен немецкий самолет-разведчик типа "Хейнкель" (позже наши солдаты на фронте прозвали его "рамой"). У экипажа были отобраны заснятая пленка и другие предметы, свидетельствовавшие о разведывательной миссии посаженного самолета. Посольству Германии наркоминделом направлялись ноты, но они не возымели своего действия. Пограничные инциденты продолжались. Накануне нападения Германии на Советский Союз в политбюро ЦК ВКП(б) рассматривался вопрос о предъявлении Германии ноты протеста против ряда наруше-

▲ Встреча Рузвельта. Павлов позади Молотова и Черчилля

▲ Молотов, Павлов, Громыко, Майский. Потсдам

ний советской границы ее самолетами. Нота должна была быть вручена послу Шуленбургу, но это не было сделано из-за нападения Германии.

В пять часов утра 22 июня 1941 г. в моей квартире раздался звонок. Явился фельдъегерь, передавший мне распоряжение Молотова немедленно прибыть в Кремль. Но фельдъегерь выполнил поручение с большим запозданием. Он долго не мог найти дом, в котором я проживал. Я прибыл в Кремль слишком поздно. Шуленбург уже сделал Молотову заявление правительства Германии в связи с нападением последней на Советский Союз.

16 октября 1941 г. я в числе других сотрудников наркоминдела был эвакуирован в Куйбышев. В последних числах ноября я вернулся в Москву, куда в начале декабря должен был прибыть А. Идеи для переговоров о соглашении о признании Англией в качестве западной границы Советского Союза после окончания войны границы, существовавшей к моменту нападения гитлеровской Германии 22 июня 1941 г. В этих переговорах в качестве переводчика с советской стороны участвовал И. М. Майский. *(12 декабря 1941 г. в СССР прибыл министр иностранных дел Англии А. Иден. 16-21 декабря 1941 г. в Москве состоялись англо-советские переговоры, в которых активное участие принимал И. В. Сталин. Обсуждался союзный договор между двумя странами о совместных действиях в войне против гитлеровской Германии. Однако договор тогда не был подписан ввиду неготовности Великобритании признать советскую границу, существовавшую до нападения Германии на СССР 22 июня 1941 г.*

И. М. Майский (1884-1975) — советский дипломат, на дипломатической работе с 1922 г. В 1929-1932 гг. — полпред в Финляндии, в 1932-1943 гг. — полпред (посол) в Великобритании, в 1943-1946 гг. — заместитель наркома иностранных дел.).

22 апреля 1942 г. Сталин сообщил Черчиллю, что советское правительство намерено командировать в Лондон заместителя народного комиссара химической промышленности А. Г. Касаткина в качестве своего эксперта по вопросам химической защиты и контрнападения. Он сообщал также о решении советского правительства направить в Лондон В. М. Молотова для урегулирования путем личных переговоров всех вопросов, тормозивших подписание договоров.

Одновременно Ф. Д. Рузвельт пригласил В. М. Молотова в Вашингтон для обсуждения этого вопроса.

Примерно 16 мая 1942 г. А. Г. Касаткин и я отправились в Лондон. Мы летели на советском бомбардировщике ТБ-7 через линию фронта. В 8 часов утра мы приземлились на аэродроме в Данди (Шотландия). Расстояние от Москвы до Данди было покрыто за 8 часов. Из Данди в Лондон мы приехали поездом. Мне было поручено доставить полпреду И. М. Майскому проект договора между СССР и Англией о союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны. Этот проект договора я должен был зашифровать в Москве и расшифровать в Лондоне, что я и выполнил. Проект был зашит в жилетку — в целях большей сохранности. Я расшифровал его в полпредстве и вручил И. М. Майскому.

И. И. Майский предложил мне остановиться у него на квартире в полпредстве в ожидании прибытия в Англию В. М. Молотова. Я переночевал одну ночь, но очень стеснялся, что, как мне казалось, мое пребывание нарушает английский распорядок дня хозяев. Поэтому я "сбежал" к полпреду при правительствах в изгнании А. Е. Богомолову. Он меня радушно принял.

Особенно плохое впечатление произвел на меня обед у И. М. Майского, на который были приглашены ответственные сотрудники полпредства. Разговоры за столом шли о тяжелом положении на советско-германском фронте летом 1941 г. Жена И. М. Майского Агния Александровна, под впечатлением этого разговора и обеспокоенная судьбой мужа и своей собственной, говорила И. М. Майскому: "Ванечка, я думаю, что англичане позаботятся о нас так же, как они это сделали в отношении австрийского посла в Лондоне после оккупации Австрии Германией в марте 1938 г." Майский ничего не ответил.

Вот какие мысли бродили в голове А. А. Майской. В начале 1943 г. И. М. Майский был освобожден от обязанностей посла СССР в Англии и назначен на пост заместителя наркома иностранных дел. Его преемником в Англии стал Ф. Т. Гусев. ***(Ф. Т. Гусев (1905-1986) — советский дипломат. В 1942-1943 гг. — посланник в Канаде, в 1943-1946 гг. — посол в Великобритании, в 1946-1952 гг. — заместитель министра иностранных дел, в 1956-1962 гг. — посол в Швеции.).*** Майский провел 11 лет в Англии, завел там множество друзей, в том числе в правящей верхушке, и многим там нравился. Когда Молотов пригласил английского посла Керра к себе и сообщил ему об отзыве И. М. Майского из Англии и о назначении Гусева, Керр был буквально ошеломлен этим. Он начал превозносить И. М. Майского и чуть ли не сказал, что это может серьезно отразиться на англо-советских отношениях.

И. М. Майского вызвали в Москву. Через некоторое время он вылетел в Англию, сославшись на то, что ему необходимо закончить некоторые дела и собраться. Прибыв в Англию, он начал развивать там бурную дипломатическую деятельность. Он побывал у Черчилля и Идена и обсудил с ними некоторые политические вопросы. Обо всех своих беседах с иностранными деятелями он направлял шифротелеграммы в Москву, где заметили, что он, как ни в чем не бывало, продолжал выполнять функции посла, и направили ему шифровку, в которой сообщалось, что он напрасно тратит силы в ущерб своему здоровью и предложили выехать в Москву. И. М. Майский прибыл в Москву. Меня поражала нескромность И. М. Майского. Так в 1944 г. он напомнил запиской В. М. Молотову, что ему исполняется 60 лет, и прозрачно намекнул, что ждет награды. Он был награжден орденом Трудового Красного Знамени. В 1947 г., когда И. М. Майскому стало ясно, что его снимут с поста заместителя наркома иностранных дел, он не вполне понимал, что необходимо настойчиво добиваться от англо-американских союзников удовлетворения требований Советского Союза в политических вопросах, относящихся к будущему мирному урегулированию. Он подал В. М. Молотову написанную от руки записку примерно следующего содержания: "В создавшейся ситуации я вижу для себя один выход — избрание меня действительным членом Академии наук СССР. В случае Вашего согласия, прошу дать указание общественным организациям МИД СССР выдвинуть мою кандидатуру". Это было сделано, и И. М. Майский стал академиком.

22 апреля в Англию — сначала в Данди (тем же самолетом ТБ- 7 и тем же маршрутом) и потом железной дорогой в Лондон прибыл В. М. Молотов. Я выехал в Данди, чтобы встретить его на аэродроме в Данди. Там его также встречали представитель "Форин Оффис" (английского МИД) и какой-то офицер ВВС Англии. С В. М. Молотовым в Англию прибыли его старший помощник по НКИД СССР С. П. Козырев и старший помощник по СНК СССР И. И. Лапшов, генеральный секретарь НКИД СССР А. А. Соболев и военный советник. Все они участвовали в переговорах с Черчиллем и Иденом (я был переводчиком Молотова) о советско-британском договоре, который был подписан в Лондоне 26 мая 1942 г. Это был несомненный успех советской дипломатии.

(А. А. Соболев (1903-1964) — советский дипломат. В 1939-1942 гг. — генеральный секретарь

▲ Вышинский, Молотов, Павлов, Черчилль, Рузвельт. Крым

НКИД СССР, в 1942-1945 гг. — советник посольства СССР в Великобритании. В 1951-1953 гг. — посол в Польше, в 1954-1960 гг. — заместитель, а затем постоянный представитель СССР при ООН, в 1960-1964 гг. — заместитель министра иностранных дел СССР).

Из Лондона тем же самолетом ТБ-7 Молотов и сопровождавшие его лица вылетели в Вашингтон. По пути туда были сделаны остановки в Гендере и Эдмонтоне (Канада). Молотов и его сотрудники прибыли в Вашингтон 29 мая. В тот же день Молотов имел встречу с президентом Рузвельтом, на которой, как и на остальных четырех, обсуждались вопросы об открытии второго фронта в Европе в 1942 г., о создании системы опеки над некоторыми колониальными владениями, учреждении некоей международной организации по поддержанию мира и другие. 12 июня 1942 г. Молотов и сопровождавшие его лица вернулись в Москву.

18 июля 1942 г. Черчилль сообщил Сталину, что открытие второго фронта в Европе откладывается на 1943 г. 31 июля 1942 г. Черчилль предложил Сталину, чтобы они встретились между 10 и 13 августа. Сталин предложил Москву в качестве места встречи. Черчилль прибыл в Москву 12 августа и в тот же день встретился со Сталиным в Кремле. В состоявшейся беседе Сталин очень остро поставил перед Черчиллем вопрос об организации второго фронта в Европе в 1942 г., ссылаясь на то, что он был предрешен во время посещения Молотовым Лондона и был отражен в согласованном англо-советском коммюнике, опубликованном 12 июня 1942 г. Черчилль, которому на русский язык переводил 1-й секретарь посольства Великобритании в Москве, майор Бирс, великолепно владевший русским языком, приводил множество всевозможных надуманных доводов, которыми оправдывал невозможность организации второго фронта в Европе в 1942 г. В частности, он говорил об опасении, что личный состав английской армии понесет большие потери и о риске вообще связанном с этим делом. Сталин весьма убедительно отклонял доводы Черчилля как несостоятельные. По поводу опасений больших потерь Сталин заметил, что русские теряют ежесуточно 10 000 человек. Что касается риска, то без риска никакую войну вести нельзя. Черчилль отбивался. Лицо его покраснело. Атмосфера встречи чрезвычайно накалилась. И вот когда она в 8 часов вечера подошла к концу, Сталин пригласил Черчилля пойти к нему на квартиру в Кремле поужинать. Черчилль согласился. Лицо Сталина посветлело.

Сталин шел впереди, показывая дорогу. Вскоре гости вошли в столовую, где стол был сервирован на четыре человека. Каким-то образом разговор начался с рассказа о дочерях. Черчилль сказал о своей дочери Саре, что у нее рыжие волосы, Сталин заметил, что и его дочь Светла-

▲ Павлов, Черчилль, Рузвельт, Сталин

▲ Потсдам, Черчилль, Павлов, Трумен, Сталин

▲ Сталин, Павлов, Трумэн, Громыко

на тоже рыжая и велел позвать ее. Он представил Светлану Черчиллю, который подарил ей маленький сувенир. После этого Сталин велел дочери уйти.

Сталин решил пригласить Молотова. Он быстро присоединился к гостям. Темы разговора были самыми различными: от северных конвоев и грузовых автомобилей до высадок войск в Норвегии и коллективизации советского крестьянства. Черчилль спросил, как поступили с кулаками. Сталин ответил, что "мы их перебили". Далее Черчилль поинтересовался, что после интервенции представляло наибольшую опасность для советской власти. Сталин ответил, что наибольшую опасность представляла коллективизация. С наступлением ночи проблемы борьбы с Гитлером время от времени уступали место вопросам общего характера. Черчилль упомянул о герцоге Мальборо, который в свое время в войне за испанское наследство "покончил с угрозой свободе Европы, с такой же серьезной угрозой, как угроза Гитлера". Черчилль охарактеризовал Мальборо как гениального полководца и рассказал о блестящих победах, одержанных им при Бленхейме, Рамиллизе и т. д. *(Герцог Марльборо (1650-1722) — предок У. Черчилля, который написал о нем книгу.)*

Когда Черчилль кончил, на лице Сталина мелькнула озорная улыбка, и он заметил: "Я думаю, что Англия имела более талантливого полководца в лице Веллингтона, разгромившего Наполеона, представлявшего величайшую угрозу за всю историю".

Сталин продемонстрировал свое знание всемирной истории, упомянув о вторжении Веллингтона в Испанию (в то время это был второй фронт) и приведя подробности некоторых сражений. Затем сэр Александр Кадоган принес проект коммюнике, которое должно было быть опубликовано на следующий день. *(А. Дж. М. Кадоган (1884-1968) — британский дипломат, на дипломатической службе с 1908 г. В 1935-1936 гг. — посол Великобритании в Китае, в 1938-1946 гг. — постоянный заместитель министра иностранных дел.)* Затем все разошлись. Беседа Сталина с Черчиллем длилась долго и закончилась в 2 часа ночи. На каждого из переводчиков пришлось по 3 1/2 часа перевода. Это было довольно утомительно.

Вот что писал Бирс в своей книге "Воспоминания переводчика" о моей работе переводчика: «Английская грамматика у него (Павлова) может быть, была несовершенной, но он редко терялся в поисках слова и всегда достаточно точно переводил смысл сказанного его шефом. Он быстро улавливал направление беседы, и умело передавал темп, эмфазы и тон речи своего шефа. Мы работали неизменно в паре почти

три года. Его присутствие придавало мне уверенность, и я надеюсь, что вызывал в нем такое же чувство, ибо мы знали, что, если один из нас споткнется при переводе какой-либо фразы, другой сразу тихонько подскажет решение».

Я, конечно, сознавал свои недочеты в переводе, особенно в первые два года работы. Они были естественны в атмосфере большого нервного напряжения, присущего столь ответственным переговорам на высшем уровне и потому также, что Сталин и Черчилль хотели поскорее узнать то, что сказал первый из них другому и наоборот. Но я весь отдавался работе, меня целиком захватывало такое стремление сделать ее безупречно, что я забывал о своем существовании. Я уделял много внимания совершенствованию своих знаний английского языка.

Мне пришлось принимать участие в конференциях руководителей СССР, США и Англии в Тегеране, Ялте и Потсдаме. Я обслуживал в качестве одного из переводчиков Сталина и Молотова. Помню, как на Потсдамской конференции после пленарного заседания 17 июля 1945 г., когда все стали расходиться, президент США Г. Трумэн поспешил к Сталину, направлявшемуся в свой кабинет. Я догадался, что Трумэн хочет что-то сказать Сталину и, когда они встретились, я быстро подошел к ним. Трумэн тотчас же сообщил Сталину следующее: "Вчера в США была испытана бомба необыкновенной разрушительной силы". Сталин выслушал Трумэна, не задавая никакого вопроса. Ни один мускул не дрогнул на его лице. Он повернулся и ушел. Трумэн, озадаченный такой реакцией, простоял несколько секунд на месте как вкопанный, глядя вслед удалявшемуся Сталину. Таким образом, я стал единственным свидетелем этой встречи Трумэна и Сталина. Надо сказать, что вблизи них не было ни советских, ни американских, ни английских участников конференции.

В 1947-1948 гг. я работал советником посольства СССР в Англии. В 1949 г. был назначен заведующим 2-м Европейским отделом и членом коллегии МИД СССР. На XIX съезде КПСС был избран кандидатом в члены ЦК КПСС и назначен секретарем и членом Комиссии ЦК КПСС по международным вопросам. Эту Комиссию возглавлял Г. М. Маленков. Среди ее членов были Л. И. Брежнев, В. В. Кузнецов, В. М. Молотов, М. А. Суслов, О. В. Куусинен, Б. Н. Пономарев (также и секретарь Комиссии). После смерти Сталина эта комиссия решением пленума ЦК КПСС была распущена. Поскольку министром иностранных дел вновь был назначен Молотов, он пригласил меня в министерство членом коллегии. Я дал свое согласие. Еще до утверждения меня в ЦК КПСС в этой должности Молотов поручил мне ведать тремя отделами МИД СССР. Так как я не был членом коллегии де-юре, я отказался от личной автомашины, от зарплаты и от секретаря-машинистки.

На протяжении марта я выполнял работу члена коллегии де- факто, за которую однажды на коллегии Молотов похвалил меня как правильно понимающего то новое, что

▲ Сталин, Павлов, Трумэн, Черчилль

стало вноситься в нашу внешнюю политику и дипломатию после смерти Сталина. Но вот в конце марта 1953 г. Молотов вызвал меня к себе в кабинет, находившийся в высотном доме на Смоленской площади. Кроме Молотова, в кабинете был его помощник Ф. И. Видясов. Как я понял потом, Ф. И. Видясов должен был играть роль свидетеля при разговоре Молотова со мной. *(Ф. И. Видясов (р. 1918 г.) — советский дипломат. В 1946- 1947 гг. — советник посольства СССР во Франции, в 1947-1949 гг. и в 1953-1956 гг. — помощник министра иностранных дел.)* Молотов с места в карьер задал мне вопрос: "Как Вы относитесь к той грязи, которой Сталин поливал меня на пленуме" и продолжал: "Сталин чуть ли не изобразил меня англо-американским шпионом. Но ведь все переговоры с иностранными деятелями я вел через Вас". Я ответил: "Меня удивили и поразили обвинения Сталина против Вас". Я считал, что дальше этой оценки выступления Сталина я не мог пойти, ибо, судя по реакции зала на это выступление, пленум одобрил его, а я чувствовал себя связанным партийной дисциплиной. Я помнил и о том, что на пленуме Молотов признал, что у него были ошибки, и обещал их исправить. *(Имеется в виду пленум ЦК КПСС, состоявшийся сразу после окончания работы XIX съезда партии, на котором Сталин подверг жесткой критике деятельность Молотова и Микояна. Молотов был освобожден от должности министра иностранных дел.)* О каких-либо изменениях в этой истории мне ничего не было известно. Стало ясно, что Молотов задал свой вопрос, желая испытать меня на личную преданность ему. На этом беседа закончилась, и я вернулся к себе в кабинет.

Через пару дней я узнал, что в составе коллегии МИД СССР, утвержденном в ЦК КПСС, меня нет, и решил позвонить Молотову, чтобы справиться о моей дальнейшей работе. Он ответил, что Хрущев и он, Молотов, решили, что сейчас для меня нет более важной задачи, чем сосредоточиться на издании сочинений Сталина на английском языке (я был председателем редакционной комиссии, в которую входили О. А. Трояновский и др.) *(О. А. Трояновский (1919-2003) — советский дипломат, на дипломатической работе с 1944 г. В 1967-1976 гг. — посол в Японии, в 1976-1986 гг. — постоянный представитель СССР при ООН, в 1986-1990 гг. — посол в Китайской Народной Республике.)*. Таким образом, решением ЦК КПСС я был назначен главным редактором Издательства литературы на иностранных языках (позже издательства "Прогресс"). Я всегда любил книгу и с энтузиазмом окунулся в новую для меня работу. Пост главного редактора я занимал до 1974 г., когда по инвалидности вынужден был уйти на пенсию. Мне была назначена персональная пенсия союзного значения.

▲ Молотов,Павлов. Сан-Фрациско, 1945

В первой половине 1972 г. я был на приеме у члена Президиума Верховного Совета СССР А. И. Микояна. Нужно было согласовать с ним некоторые редакционные поправки в тексте изданной на русском языке книги его воспоминаний, которую издательство "Прогресс" выпустило на ряде иностранных языков. После согласования поправок А. И. Микоян, который давно знал меня по первой моей работе, спросил: «Что Вас не видно на горизонте?». Не дожидаясь моего ответа, он продолжал: «Все дело в том, что Молотов ревновал Вас к Сталину. Но почему он ревновал Вас к мертвому Сталину, непонятно. Странный человек Молотов».

Привожу этот эпизод, как одно из объяснений причин моего перехода в издательство, прозвучавший в устах беспристрастно относившегося ко мне видного деятеля КПСС и советского государства.

Вокруг моего назначения на работу в издательство ходило много слухов и сплетен вплоть до того, что якобы были выявлены какие-то компрометирующие меня сведения анкетного или иного характера. Все это ложь. Во время работы в издательстве я пользовался полным доверием вышестоящих органов, включая аппарат ЦК КПСС. За 21 год работы в издательстве я выезжал в заграничные страны: ГДР, ФРГ, Англию, Японию, Египет, Индию и на Кубу.

Награжден орденами: Ленина, Отечественной войны 1-й степени, двумя — Трудового Красного Знамени (в том числе одним в 1971 г. за работу в издательстве), английским орденом Британской империи, многими медалями и почетными значками. Удостоен многих благодарностей, премий и почетных грамот. Мне было присвоено звание "Заслуженного работника культуры РСФСР".

В 1951 или 1952 гг. мне было присвоено звание посланника II класса. ■

ДОКЛАД НАЧАЛЬНИКА ПЕТРОГРАДСКОГО ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ В МВД О ПРИЧИНАХ ДОРОГОВИЗНЫ И МЕРАХ, НАПРАВЛЕННЫХ НА БОРЬБУ С НЕЙ

▲ В очереди за хлебом, 1917 год.

Секретно

За истекшие 3-4 месяца среди Петроградского общества широко распространились тревожные слухи о том, что в ближайшем будущем столица окажется совершенно лишенной предметов первой необходимости и что неимущим классам угрожает опасность голодовки; в связи с этим среди низов населения стали говорить о необходимости устроить погром лавок, который обратил бы внимание администрации на различные злоупотребления в деле обеспечения столицы продуктами. Волна погромного настроения достигла своего апогея перед Рождеством и теперь несколько спала, но слухи о злоупотреблениях возросли еще больше, сложившись в голове обывателя в одну цельную и стройную теорию, не лишенную правдоподобности и логичности. Эта теория, широко распространенная во всех слоях обывательской массы, может быть представлена в следующем виде: до войны Россия вывозила за границу массу своих продуктов; с прекращением вывоза эти продукты остались в стране и могут быть выпущены лишь на внутренний рынок; следовательно, количество продуктов первой необходимости (муки, мяса, яиц, рыбы и пр.) стало гораздо больше, чем было до войны, и должны эти продукты продаваться дешевле; а между тем оказывается, что повсюду количество пищевых продуктов уменьшилось в несколько десятков раз; и это наблюдается не только в столицах, находящихся за несколько тысяч верст от мест производства, но и в самих местах производства, где ныне совершенно нельзя достать товаров, прежде вывозившихся тысячами вагонов (член Управы В.Н. Новиков, объездивший по пору-

чению Городской думы весь Юг для закупок масла, яиц, мяса и пр. для Петрограда, в своем большом докладе указывает, что в 90 % центров вывоза этих продуктов ныне нечего вывозить и все местные торговли вследствие полного отсутствия товаров прекратили свою деятельность). Обыватель, пораженный подобным ненормальным явлением, создал для его объяснения особую теорию, нашедшую поддержку и обоснования в некоторых журналах и газетах («Вечернее время», «Петроградский листок» и др.): по мнению обывателя, продукты «кто-то» скрывает для «каких-то» скрытых целей. Но подобное объяснение сразу выставляет новый вопрос: кому и зачем нужно скрывать товары. Ответ может быть дан лишь один: очевидно, тому, кому нужно вызвать недовольство населения и беспорядки внутри России, кому дорог раскол среди русского общества, т. е. врагам — немцам. Но немцы — далеко, а дороговизна — близка, и теория заполняет недостающее звено между немцем и дороговизной так: немецкие агенты подкупили русских купцов или их агентов и этим создали нынешнее тревожное положение; продукты есть, но они спрятаны по приказу немцев (или даже понемногу уничтожаются). Таков остов теории; подробности ее меняются в зависимости от политических убеждений обывателя: для правого и консервативного обывателя главные виновники, подкупленные немцами, — евреи, для либерального — Министерство путей сообщения, для октябриста — банки с интернациональными акционерами и т. п. Обострение отношений между продавцами и покупателями, недостаток и дороговизна продуктов, недостаточность мер, принимаемых к обеспечению населения продуктами, ежедневно сообщаемые газетами случаи злоупотреблений при продаже и доставке и пр. — заставляют слухи расти без конца, вызывая порой самые нелепые разговоры, которые общество жадно воспринимает. Тщетно благоразумные элементы призывают к спокойствию и доверию к будущему: их голоса заглушает рев озлобленной толпы, жаждущей, на ком бы выместить свое недовольство. Сведения, сообщаемые газетами, придавая многим слухам полную правдоподобность, заставляют обывателя верить своей теории, как величайшей истине, тем более, что Правительство, занятое другими более важными делами, не принимало пока никаких решительных мер для проверки или опровержения этих сведений; меры же, принимавшиеся отдельными администраторами, только убеждали обывателя в том, что он окружен злоупотреблениями, из которых ему очень трудно выбраться; напуганное всякими ужасами воображение обывателя заставляет его втихомолку мечтать о времени мира и грозить таким образом совершенно уничтожить ту гармонию сердец Правительства и общества, которая наблюдалась с начала войны. Дороговизна заставила рядовых обывателей говорить: «Эх, поскорее бы окончилась война»; недостаток продуктов и боязнь голода заставит этих обывателей сказать: «Зачем нам воевать, все равно не победим». Трусость, малодушие, стремление к спокойной и сытой жизни, столь свойственные всегда обывателям, ныне выступают осо-

▲ Глобачев Константин Иванович

▲ Очереди

бенно рельефно, и необходимы экстренные меры Правительства, чтобы заставить общество снова поверить в будущее и терпеливо переносить настоящее. На последних докладах в Городской думе, в Тенишевском училище, в больничных кассах и пр. ораторы красной нитью обводили озлобление и малодушие общества (особенно резко это подчеркивал в своих докладах о дороговизне и борьбе с ней путем учреждения кооперативов Пекарский, давший поразительные примеры того, как общество боится ближайшего будущего). В конце настоящего доклада мною будут указаны те пути, которые, по мнению большинства, могут поднять упавшее настроение «в тылу» и сделать из обывателей не балласт, мешающий движению армии к победе, но полезный элемент, способный облегчить путь армии; пока же я отмечу лишь одно: все слои населения, находясь под гнетом слухов, жаждут, чтобы Правительство взялось за расследование таковых и покарало их виновников, если слухи ложны, или нашло бы истинных виновников, если они верны. Для этого необходимо прежде всего собрать подобные слухи и проверить их достоверность. При несомненной грандиозности подобной работы задачей настоящего доклада является цель лишь наметить, насколько некоторые (наиболее распространенные) слухи имеют под собой основание и могут быть признаваемы за истину; если в слухах этих имеются действительно хотя бы зерна истины, то необходимо, как можно скорее, собрать эти зерна в одну компактную и реально-убедительную величину.

Прежде всего необходимо отметить рост цен на все продукты; если этот рост может быть отчасти оправдан дороговизной рабочих рук, трудностью доставки, падением стоимости денег и т. и. для продуктов, производящихся после начала войны, или тех, изготовление которых связано с войной (предметы из стали, железа, чугуна и т. п.), то ничем нельзя оправдать дороговизну продуктов, произведенных задолго до начала войны, или таких, производство которых нисколько не связано с войной. Между тем, к всеобщему изумлению, оказывается, что цены выросли буквально на все продукты на 50, 100, 200 и даже 500 %.

Дрова, заготовленные за 2-3 года до войны, продаются на месте (Новгородская губерния, вблизи линии Николаевской ж. д.) в 2 раза дороже, хотя при этом: 1) их стало гораздо больше, т. к. прежде дрова из этого же района шли на финские и шведские пароходы, делающие рейсы в Балтийском море, ныне же все эти дрова идут в продажу петроградскому населению; 2) работа по рубке, пилке и укладке дров была произведена до войны. Таким образом, повышение цен на дрова на месте их заготовки необъяснимо.

Второй пример: керосиновые лампы, горелки, сетки, стекла и пр. повысились в цене на 75-100 %, между тем оказывается, что все эти вещи производились до начала войны и ныне не производятся, т. к. материал для них в полуотделанном виде шел из Германии, чем же объяснить повышение цен, которое выразилось в следующих цифрах: висячие кухонные лампы с 30-35 копеек поднялись до 1 рубля — 1 р. 25 к., столовые 10-линейные лампы

▲ 1917 год. Кризис с продовольствием

с 2 р. — 2 р. 50 к. до 4 р. — 4 р. 50 к., 14 и 15-линейные до 6-7 руб. и т. д. («Петроградский листок» № 358, от 30 декабря 1915 г.). Очевидно, что цены возросли лишь под влиянием спекуляции, рассчитанной на превышение спросом предложения.

Переходя к пищевым продуктам, мы может отметить ту же вакханалию цен.

Картина дороговизны в настоящее время прямо-таки ужасна: молоко достигло 40 коп. (не стерилизованное), мясо 80-85 коп., грибы 6-7 и 8 р. за фунт, леденцы 2 р. (вместо 25 к. в 1914 г.) и т. д., причем в сравнении с декабрем 1916 года изменение цен рисуется в таком виде:

Цены повысились на:
картофель — на 25 %
морковь, брюква, репа — 35 %
капуста — 25 %
мясо — 20 %
колбаса — 50 %
ветчина — 60 %
масло (русское) — 15 %
сыр — 25 %
яйца — 20 %
молоко — 40 %
хлеб-15%
шоколад — 100 %
леденцы — 75 %
печенье и сладкая булка — 100 %
яблоки — 70 %
груши, апельсины — 150 %
материи — 50-60 %
обувь — 30 %
белье — 25 %
и т. д.

При взгляде на эти цены невольно зарождается мысль, что все продукты первой необходимости шли к нам из-за границы, а не наоборот, как было на самом деле. Чем же иначе можно объяснить такие скачки цен, если продуктов стало больше, чем было до войны. Объяснения торговцев-оптовиков сводятся к тому, что «обыватель стал больше потреблять продуктов», что стали очень дороги средства перевозки. Но оказывается, что железнодорожные тарифы стали дороже не на 100-200 %, а всего на 25 %, а обыватель повсюду кричит о недостатке продуктов. Получается какой-то заколдованный круг, из которого нет выхода: цены дорожают

▲ В очереди за хлебом

и оттого, что есть продукты и оттого, что их мало или вовсе нет.

Рассматривая статьи современных экономистов (проф. Мигулина, Озерова и др.), серьезно изучивших вопрос о причинах дороговизны, обыватель поражается тем явлением, что рост цен идет намного впереди падения наших денежных ценностей: например, стоимость рубля понижается на 1/75, а цена продуктов одновременно повышается на 25-30 %; при этом замечено, что часто рост цен происходит ранее падения курса: после падения Перемышля и очищения Варшавы цены на продукты поднялись в тот же день, как были получены известия по телеграфу, что своевременно отметили все Петроградские газеты, обвинявшие наше купечество в полном отсутствии патриотизма.

Еще более отразились на возвышении цен известия о наступлении немцев: при получении подобного известия в Пскове в лавках вдруг совсем исчезли все товары, которые стали продаваться «с черного хода» по тройной цене. Жители Пскова приводят такие цены продуктов в дни бомбардировки Риги германцами: хлеб ржаной 20-25 коп. за фунт, масло — 2 р. (тогда как за городом, в Псковском уезде, масло продавалось у крестьян по 35-40 коп.), мясо 60-75 к. (в уезде 25 коп.) и пр.

Сообщаются сведения о колоссальных состояниях, нажитых в дни бедствия некоторыми купцами: один мясник за 2 1/2 месяца нажил свыше 140 000 рублей; сейчас в Петрограде только и говорят о зеленщике, напечатавшем в газетах заметку, что «к Рождеству не ожидается прибытия транспортов кур», скупившем кур у окрестных крестьян и произвольно увеличившем цены на 1 руб. на каждую куру; эта операция дала ему за неделю торговли «чистых» 12 000 руб., из которых он около 1000 думает пожертвовать благотворительным учреждениям, чтобы получить медаль.

Еще поразительнее доходы крупных оптовиков, где не редкость, по данным секретных агентурных источников, встретить такие записи: операция с мукой, занявшая 14-15 дней, дала прибыли свыше 40 000 руб., операция с дровами, занявшая 6-7 дней, дала 28 000 руб. и т. д.

Не менее интересны, по сведениям секретной агентуры, «куртажи» комиссионера одной «британской» фирмы, где, например, отмечены такие обороты: продано за день 100 000 пудов каменного угля, 60 000 сажен дров, 3000 пудов кокса и т. д., что дает комиссионеру свыше 2000 руб. за комиссию. Недаром газеты отмечают, что теперь на биржах играют не на цены бумаг, а на цены

продуктов: образовался своеобразный спорт среди купечества, кто скорее и выше поднимет цену. И это относительно тех продуктов, которые нужны каждому, без которых ни один обыватель не может обойтись, наличность и доступность коих уже и в настоящий момент дает себе чувствовать в вопросе, возможно ли довести кампанию до исчерпывающего конца и добиться решающей и конечной победы над врагом.

Приведенных выше, взятых на удачу, примеров вполне достаточно для того, чтобы показать, что необычайный рост цен на продукты почти совершенно не зависит от расходов по производству, нисколько не связан с расходами по перевозке и может быть объяснен лишь желанием торговцев нажиться, пользуясь удобным для них моментом исключительного народного напряжения и неожиданной общеевропейской катаклизмы. Это стремление нажиться как можно больше охватили все отрасли торговли и развило спекуляцию в небывалых до этого времени размерах: хищнические инстинкты разгорелись и заставили торговцев повышать цены до невероятности.

При этом в общей погоне за быстрой наживой можно отметить и некоторую своеобразную планомерность, выразившуюся прежде всего в том, что цены на продукты возрастали сразу в целом обширном районе, а не постепенно, как можно было ожидать. Эта-то планомерность уверила обывателя в том, что дороговизна создается «кем-то» по заранее обдуманному плану, а вовсе не является чем-то стихийным. Насколько основательны эти предположения, судить сейчас трудно, но некоторые странные факты во всяком случае показывают, что доля истины в этом несомненно имеется.

Когда в самом начале войны стало известно, что производство некоторых продуктов в ближайшие дни должно будет сократиться, то в газетах появились объявления, приглашавшие комиссионеров «без различия национальностей» для распространения «очень ходких товаров», на подобные объявления отозвались сотни человек в одном лишь Петрограде (преимущественно евреев); оказалось, что под «ходким товаром» подразумевалась вата, марля, хлопок и пр., которые были через комиссионеров немедленно скуплены по всей России и, не будучи никуда вывозимы, сразу поднялись в цене на 75 %. Хищническое увеличение цен в данном случае ясно из того, что одна бедная еврейка, буквально голодавшая до войны, «заработала» в декабре 1914 года до 12 000 руб. на одной лишь вате, которой она не видела и в глаза, но которую «перепродавала» мелким торговцам. Та же история была с медными предметами, пока не была запрещена скупка меди.

Газеты переполнены известиями о том, что во всех кафе на Невском проспекте в любое время дня можно видеть сотни комиссионеров, устраивающих всякого рода сделки. Особенно характерна история, происшедшая не особенно давно и возмутившая всех, кто о ней знал: группа евреев, бывших прежде комиссионерами

▲ Дворцовая площадь, 1917 год

▲ За продовольственным пайком

в Белостоке и руководивших крупными делами за границей, решила устроить «выгодную вещь» с каким-нибудь товаром. Их выбор остановился на ряде аптекарских товаров (йод и т. п. вещества); моментально по всей России полетели заказные письма комиссионерам о скупке ими всюду этих продуктов в возможно большем количестве; одновременно эти же господа напечатали объявление от имени какой-то английской фирмы, имеющей склады в Швеции и России и могущей доставлять многие продукты в неограниченном количестве; объявления были представлены в учреждения, ведающие закупками аптекарских товаров для госпиталей и лазаретов, и привели через месяц к блестящему окончанию аферы: продукты вдруг повысились в цене на 50 %, причем во многих местах их совсем не оказалось, хотя перед этим было их более, чем достаточно.

И таких историй случилось с начала войны немало: общество, слыша о них, возмущается тем, что Правительство не принимает никаких мер к расследованию их; получается, действительно, странная картина: бабу, продавшую на базаре булку дороже таксы, сажают в участок и штрафуют; комиссионеров, образующих синдикаты с целью повысить в несколько раз цену на продукт, оставляют в покое.

У А. И. Гучкова накопился огромный материал, показывающий, с одной стороны, наглость торговцев, а с другой — попустительство по отношению к ним низшей администрации; особенно много материала дали провинциальные торговцы, присылающие Гучкову тысячи писем с сообщением возмутительнейших фактов давления оптовиков на мелких торговцев при безучастном отношении администрации. Большинство торговцев прямо заявляет в своих жалобах, что дальнейшее невмешательство администрации грозит им разорением: в то время, как заставляют соблюдать таксу мелких торговцев, оптовики дерут такие цены, что мелочнику выгоднее закрыть торговлю, чем продавать по таксе.

Жалобы на привилегированное положение оптовиков в получении нарядов на вагоны, в очереди на получение грузов, в скидках и льготах с тарифа и пр. раздаются со всех концов России и свидетельствуют о том, что «мародеры» почувствовали себя «господами положения», забыли о том, что над ними есть Правительство. Почти все просьбы заканчиваются одним желанием: обратить внимание петроградских властей на происходящую вакханалию цен и умерить аппетиты мародеров. Такого же рода жалобы в огромном количестве поступают и к другим общественным деятелям, не только от купцов, но и от обывателей — чиновников, учителей, рабочих и пр. По этим жалобам рисуется страшная картина эксплуатации провинции несколькими кучками ловких дельцов, коим место на скамье подсудимых, а не в разных продовольственных комитетах и биржах.

Лица, близко стоящие к купеческой среде, рассказывают достойные увековечения, истории о том, как ловкие спекулянты наживали в несколько дней сотни тысяч и из нищих становились миллионерами. Особенно много среди новых богачей — евреев, и путь их обогащения почти всегда один и тот же, на котором немного стоит остановиться. Всем известно, что петроградская торговля имеет кредит от евреев; этот кредит перед

▲ Зима 1917 года

войной достигал 2/3 торговых оборотов столицы, причем значительная часть его шла от евреев берлинских; война, порвав связи с Берлином, не порвала связи с Германией: немецкие евреи переселились в Данию, Швецию, Голландию и пр. и оттуда продолжали оказывать финансовое давление на Петроград.

Происходило следующее: какой-нибудь ловкий комиссионер, получив сведения от администрации (гражданской или военной — все равно, т. к. та и другая легко давала нужные комиссионерам сведения) о том, что администрация опасается, как бы не оказалось в скором времени недостатка в таком-то продукте, немедленно телеграфировал своим коллегам в провинцию, чтобы они скупали этот продукт; деньги же из Петрограда не высылались, а лишь «кредит» на местные конторы; в результате через 3-4 дня оказывалось, что администратор, давший сведения, был прав: данных продуктов не хватало. О недостатке писали газеты, чем немедленно вызывали спрос, сразу же прекращавший всякое предложение; начиналась «гонка цен», надбавки, перепродажи и пр.; через неделю этот товар, нисколько не уменьшившийся в количестве, перепродавался с прибылью в 150-200 %, из коих добрая часть приходилась на долю полунемецких, а то и чисто немецких комиссионеров.

В редакциях газет без стеснения рассказывали, как подобная комбинация была устроена с аптекарскими товарами и дала комиссионерам колоссальный заработок. Еще более наглая история произошла с перекупкой сахара, вызвавшей скандал в обществе, но под конец затушенной благодаря стараниям руководителей операции; история эта общеизвестна: банки, лишившись возможности спекулировать на бумагах и не видя никакой пользы для себя в обычных банковских операциях, решили дать сахарозаводчикам огромную ссуду под имеющийся у тех сахар; этим сразу достигались две цели: 1) исчезал на время «лишний» сахар, чем поднимались цены, 2) сахарозаводчики рассчитывали получить некоторые льготы от Правительства. Операция вполне удалась, несмотря на вызванный в начале ее скандал: скандал замяли взятками газетам, а сахар и сейчас продается в провинции по 60-80 коп. за фунт (и это в 40 верстах от столицы). В настоящее время оказывается, что 8 сахарных предприятий, производящих 50 % всего производства, находятся в сфере влияния Русского для внешней торговли банка и Русского торгово-промышленного банка; остальные 50 % сконцентрированы так: группе Кенига, принадлежит 8 %, группе Вогау — 8,7 %, Харитоненко — 9 %, остальное принадлежит Международному и др. коммерческим банкам («Петроградский листок» от 8 декабря 1915 г. № 337).

Однородная история произошла и с мукой: банки через комиссионеров закупили на местах огромные запасы муки и зерна и держат их в своих складах; благодаря этому все руководство хлебными ценами зависит от банков: захотят они — выпустят на рынок часть зерна, и цены на муку понизятся; захотят, прекратят отпуск зерна, и цены поднимутся еще выше. Характерно, что никогда до войны не открывалось столько комиссион-

ных контор по продаже хлеба, сколько их открылось за один год войны: хлебное дело, привлекло всех тех, кто прежде играл на on cole, всех гешефтмахеров и биржевых «зайцев», всю ту публику, которая поклонялась одному Богу — «золотому тельцу» — и была чужда понятий родины, веры, народности.

Никогда в Петрограде не было такого количества «интернациональных» комиссионеров, как сейчас: номера гостиниц переполнены приехавшими «из-за границы» комиссионерами, предлатающими сотнями тысяч пудов все продукты, исчезнувшие таинственным образом с внутреннего российского рынка. Большая часть этих господ, конечно, является евреями — русскими, французскими, английскими, испанскими и... германскими. Тщетно некоторые провинциальные администраторы доказывали необходимость тщательной проверки личностей и целей прибывающих комиссионеров: даже в Петрограде по-прежнему функционируют немецкие фирмы в еврейских руках несмотря на то, что многие газеты разоблачали всю гнусность поведения глав этих фирм в борьбе с дороговизной. Еврейские банки, еврейские фирмы, евреи комиссионеры — вот основа всех движений русской торговли, ставшей в рабскую зависимость от «интернационального начала» всякого рода подозрительных личностей.

На приведенных примерах видно, что еврейские комиссионеры играют очень крупную роль в создании наблюдаемой ныне дороговизны продуктов, но справедливо ли мнение широкой публики о том, что дороговизну создали «немцы» через своих агентов. Если под «немцем» считать всякого врага России, желающего ей поражения, то, конечно, под понятие «немцев» подойдет чуть ли не 2/3 нашего крупного купечества, стремящегося из личной наживы поднять цены до абсурда и таким образом вызвать волну погромов и голодных бунтов. Но есть много признаков того, что не обходится дело и без немцев по национальности. Таких немцев очень много: с одной стороны, масса немцев, принявших иногда по нужде русское подданство, по-прежнему тяготеет к своей прежней родине и всегда готова услужить ей, если это не связано с большим риском; с другой стороны, после начала войны на Россию нахлынула волна интернациональных комиссионеров, по большей части евреев, под именем шведов, бельгийцев, датчан и пр.; все эти комиссионеры, за редкими и весьма малыми исключениями, оказываются очень доброжелательными к немецким интересам и без стеснения обирают русское население, собирая с него огромные барыши. Многие из этих господ, не стесняясь, торгуют товарами германского производства, а в Швеции даже образовались фабрики, заменяющие немецкие клейма шведскими.

Однако все же приходится относиться скептически к слухам о «подкупе» немцами некоторых русских фирм: если фирмы скрывают огромные запасы товаров, то это еще не означает, что они проданы немцам; укрывание товара показывает лишь узкий эгоизм русского купца, желающего нажить «хорошую деньгу», и отсутствие настоящего патриотизма: ведь большинство всех поставщиков гнилых сапог, испорченной муки, бумажных курток и пр. продуктов, по личному их мнению, являются безукоризненными патриотами, т. к. жертвуют сотни тысяч на оборудование лазаретов, при-

▲ Инвалиды I мировой войны

ютов для калек, пунктов питания и пр. Отсутствие сознательного отношения к переживаемому моменту, недостаточность чувства чести, неправильное понимание своего долга вот двигатели, допускающие и доводящие купца до мошенничества и подлога.

Гораздо подозрительнее нерусские купцы: сотни тысяч иноземных коммерсантов, видящих в России лишь дойную корову и не связанных ничем с жизнью страны, предоставляют весьма благодарный элемент для немецкого подкупа. Очень многие факты показывают, как эти господа вредят сейчас положению России: шныряя по провинции, собирая сведения о финансовой кредитоспособности страны, знакомясь с настроениями населения, иностранные комиссионеры сообщают все сведения за границу и содействуют укреплению в Европе дурного мнения о положении России; немало среди этих господ и немецких агентов, состоящих на действительной службе германского правительства; к сожалению, особая скрытность органов обследования подобной среды, благодушная болтливость нашей публики и отсутствие энергичных мер со стороны администрации не дают возможности серьезно бороться с такого рода «комиссионерами».

Дороговизна продуктов является удобнейшей почвой для их деятельности: благодаря ей они быстро ознакомились с истинным настроением страны и теперь всеми силами стремятся вызвать волнения на почве недостатка пищевых припасов: исчезновение разменной монеты, скупка меди, слухи о реквизиции квартир, волнения рабочих и пр. вызваны ими или явились результатом их подозрительных во всех отношениях действий. И пока Правительство не создаст специального органа при Министерстве внутренних дел с целью расследования всех возникающих слухов и сенсаций, с гласным и строгим наказанием виновных лиц, до тех пор в Петрограде будут жить и благоденствовать сотни и тысячи лиц, более опасных своим языком, чем орудия германской армии. Создавая вокруг себя атмосферу нравственного разложения и гниения, интернациональные комиссионеры заслуживают без сомнения того, чтобы их считать опаснейшим элементом данного момента в современном преступном мире. Необходимо, пока не поздно, принять самые энергичные и решительные меры к уничтожению их влияния; а это вполне возможно, хотя бы при условии возложения этой обязанности на существующие уже органы, занятые борьбою со всякого рода пропагандой и злонамеренной деятельностью преступного мира вообще.

Нельзя не отметить вообще взаимоотношений между коммерсантами и администрацией: русская торговля до того привыкла пользоваться всякими покровительственными мерами со стороны Правительства, что даже в периоды своего расцвета не забывала и не забывает просить всякого рода льгот, субсидий и пр. Конечно, в тяжелую годину торговцы нахлынули толпами на министерства и завалили своими жалобами все канцелярии. Вследствие этого у высшей администрации создалось во многих случаях неправильное мнение о нуждах торговцев, дошедших якобы чуть ли не до разорения. Это вопли торговцев часто препятствуют принятию решительных мер против мародерства.

Одной из излюбленных жалоб является жалоба на недостаток продуктов в столице вследствие медленности доставки. Эта жалоба была бы основательна, если бы сами торговцы не чинили затруднений железным дорогам: желая «выдержать» товар, чтобы его выгоднее продать, оптовики всеми силами стараются не брать со станции прибывший товар, предпочитая даже лучше платить крупные

деньги за простой, чем продавать по существующей таксе. Из-за этого на железных дорогах образовались «залежи» грузов, достигающие громадных размеров и препятствующие дальнейшему движению поездов.

Однако, обвиняя в мародерстве и мошенничествах купцов, общество не считает их единственными виновниками дороговизны; широко распространено мнение, что железнодорожные агенты своей неподготовленностью к серьезной работе и взяточничеством много способствовали тому, что столица терпит нужду в пищевых припасах. Газеты и доклады переполнены сведениями о том, как и сколько требуют на железных дорогах за скорую отправку, перегрузку, выгрузку и пр. Немало говорят в обществе и о том странном явлении, что на железных дорогах всюду стоят в числе начальствующих лиц люди с немецкими фамилиями или зарекомендовавшие себя еще задолго до войны германофильскими симпатиями. По словам доклада Новикова, в настоящее время «накладные расходы» на железных дорогах, т. е. взятки за ускорение доставки и пр., составляют от 2 до 5 коп. за пуд товара. От необходимости платить взятки не застрахованы даже городская и общественная организации; в Москве в декабре месяце обсуждался даже в Городской думе вопрос, давать ли взятки и, если давать, то из каких сумм.

Случаи злоупотреблений железнодорожных агентов так многочисленны, так известны всем и каждому, что о них не стоит и упоминать; отмечу лишь наиболее выдающиеся: из Пскова был послан вагон военного груза в Петроград, но по дороге «затерялся»; после долгих хлопот военного начальства (Енисейского полка) груз был найден... в Орле. Другой случай: беженцы, ехавшие из Прибалтийского края в Вологодскую губернию, дали железнодорожному агенту на станции «Гатчина» 10 руб.; агент наклеил билетик с надписью — «Петроград», куда беженцы и попали: вместо работ на казенном заводе они увеличили число столичных нищих. Третий случай — на Северной ж. д., по которой идет главная масса грузов из-за границы (особенно из Англии) на взятки есть даже такса: при отправке вагона прямо говорят сколько и где надо дать, чтобы вагон дошел до Петрограда; такса очень высока: недавно приехавший коммерсант должен был 3 раза давать по 100 руб. за то только, чтобы его вагон не останавливали на маленьких станциях; в результате оказалось, что его вагон был подан раньше других «по ошибке» и прибыл в Петроград на 3 суток раньше вагонов, о которых было особое предписание Министра путей сообщения. Если так обстоит дело около столицы, то про глухую провинцию и говорить нечего: страшные залежи товаров на южных железных дорогах, разорившие тысячи торговцев, являются грозным предостережением того, что может случиться во всей России, если Правительство не примет мер к расследованию злоупотреблений.

Как же отнесся обыватель к росту цен на продукты. Сначала обыватели вздыхали и охали, понемногу сокращая статьи своего бюджета; ныне большинство населения, особенно столичного, стонет от дороговизны и проклинает всех тех. кого считает виновным в ней. Экономические кружки, журналисты и др. попробо-

▲ Очереди в Петрограде

вали вычислить как отразилась дороговизна на обывательском бюджете; результаты оказались прямо поразительные. Оказалось, что в то время, как рядовой обыватель жмется от дороговизны и ежеминутно отказывает себе в самом необходимом, существуют целые группы населения, бросающие безумные деньги на предметы роскоши, не знающие, что бы купить на свои доходы; оказывается, что никогда магазины моды, ювелиры, меховщики и пр. так хорошо не торговали, как в последнее время: в магазинах не хватает для продажи жемчуга, бриллиантов, мехов, шелка и пр., хотя цены на все это повысились неимоверно; то же наблюдается в гастрономических магазинах и отдельных кабинетах ресторанов. Кто же тратит сейчас такие деньги? Две трети счетов написаны на имена инженеров и поставщиков припасов в действующую армию, а остальное приходится на «королей» мяса, муки, рыбы и пр. Одно это показывает, что торговля оптовикам приносит хорошие доходы и лживы их жалобы на недостаток продуктов: наживая миллионные барыши на дороговизне продуктов первой необходимости, эти люди покупают себе роскошь ценой крови и пота остального населения. Война заставила сжаться до крайности всех: и дворянина, и чиновника, и рабочего, и крестьянина, но она же выдвинула группу хищников, пользующихся пока безнаказанностью и рвущих у большинства их куски хлеба. Сейчас наступило время господства интернационального аферист, полу-купца, полу мошенника, ловко балансирующего между миллионном и скамьей подсудимых. И население с тревогой спрашивает, долго ли продлится такое время.

Таким образом, дороговизна растет с каждым днем, а с ней растут и зловещие слухи о том, что в скором времени цена продуктов будет недоступна бедному населению. Обыватели, не зная что делать, проводят время в разговорах и спорах о причинах дороговизны, в этих разговорах есть много верного, но еще больше фантастичного. Однако даже самые нелепые слухи принимаются охотно на веру недовольным населением и опасность от них в том, что им несмотря на их абсурдность, все же верят. Рассказывают: 1) будто бы полиция арестовала общество из немцев, занимающееся поджогом фабрик и складов различных припасов; будто агенты этого общества ездили по всей России, писали и раздавали прокламации, а при случае сжигали склады хлеба и др. товаров; во главе этого общества стоял будто бы «немецкий генерал», успевший убежать; когда его найдут, то об «обществе» напечатают в газетах. 2) Будто бы составился союз евреев, решивший довести Россию до гибели и с этой целью скупивший теперь все продукты через банки; во главе этого союза стоят петроградские адвокаты, понемногу подготовляющие «воззвание к народу», что «пора кончить войну и приняться за дела». 3) Будто бы какой-то святой старец явился во сне ко многим государственным деятелям и объявил, что русские победят лишь тогда, когда вся страна будет поститься месяц (или, по другой версии, год), уничтожит всякие «жидовские выдумки» (Думу, Союз городов и пр.) и повесит всех

▲ Чины Петроградской полиции

неверующих; иначе «Антихрист» (т.е. Вильгельм) завладеет Россией и будет царствовать 33 года, после чего будет светопреставление. Последний рассказ исходит из кругов иоаннитов и стал очень популярен среди деревенского населения, говорят даже, что он напечатан в книжках, продаваемых иоаннитками. При этом должно отметить, что слухи эти принимаются массами с таким же искренним доверием, как и злостная агитация революционеров разных оттенков с целью подрыва доверия к правительству распространяющих не изменившимися за 10 лет рассказы о наших катастрофических неудачах, якобы скрываемых правительством о продажности «генералов», о взятках, предательстве начальства и пр. Все эти слухи, переплетаясь друг с другом, образуют собою своеобразный конгломерат новостей, которым обыватель верит больше, чем газетам и журналам.

▲ Предреволюционная ситуация

Необычайный рост цен на продукты первой необходимости, заставивший волноваться общество, привлек давно внимание Правительства и вызвал ряд мер, направленных к ограничению произвола купцов. К сожалению, часть этих мер не достигла своего назначения вследствие того, что была создана лицами, не имевшими под рукой нужных сведений о торговле и финансовом состоянии страны, и оказалась таким образом нежизнеспособной; другая часть мер была извращена в исполнении низшими агентами власти и вызвала своим применением новые жалобы как купцов, так и населения; наконец, общим недостатком всех мер против дороговизны являлось то, что меры исходили от разных ведомств, а не из одного центра; благодаря этому все меры носят характер случайности и кажутся чем-то временным: в то время как в одной губернии администрация ограничивается изданием таксы, в соседней с ней губернией образуются комитеты, снабжающие население продуктами и т.п. Как же отнеслось общество к правительственным начинаниям. Нельзя скрывать, что первоначально обыватели очень скептически относились ко всякого рода «обязательным постановлениям», которые на практике очень легко обходятся при помощи взятки низшим агентам власти; однако все растущая дороговизна, заставившая обывателя испытать массу неудобств и лишений и показавшая всю фееричность надежд на «организацию общества» в деле борьбы с дороговизной, привела к тому, что все надежды обывателя вновь сосредоточились на администрации, которой и предстоит теперь как можно скорее принять меры к обеспечению населения продуктами.

Обращаясь к предпринятым правительством мерам, необходимо отметить, как наиболее серьезные и крупные: введение обязательных такс на продукты с реквизицией скрытых товаров, содействие администрации биржам и совместную работу администрации и городских самоуправлений в продовольственных комитетах.

Таксы на продукты были введены вскоре после начала войны и ныне ясно показали всем, что с одной обязательной таксой далеко не победить дороговизны. Против таксы торговцы нашли массу лазеек, через которые стригут обывателя нисколько не хуже, чем без таксы. Оказалось, что такса может быть полезна лишь в мелочной торговле, где она действительно одерживает хищнические инстинкты лавочника, но чем крупнее торговля, тем легче владельцу обойти таксу. Например, в Петрограде существует обязательная такса на масло, но когда покупатель заходит в лавку, то узнает, что масла нет и что больше фунта ему по таксе отпустить не могут; если же он желает «хорошего масла» и в большом количестве, то пусть оставит свой адрес: у лавочника есть знакомый «мужик Трофим», привозящий масло из деревни; этот мужик через несколько часов приносит, действительно, хорошее масло, но в 2 раза дороже. Это самый простой способ обхода таксы: он одинаково наблюдается при продаже масла, мяса, кур, рыбы и пр.; иногда он видоизменялся: вместо «мужика Трофима», лавочник говорил, что оставил 2 фунта «для себя», которые и согласен уступить «по знакомству». В результате оказывается, что обыватель должен не только покупать продукты дороже, но еще и искать продукт, рискуя остаться голодным.

Другая оборотная и не менее отрицательная сторона таксы — это то, что крупные торговцы с введением таксы начинают выпускать по ней

на рынок худшие сорта продуктов; сотни протоколов показывают, что масло, мясо и пр. стали гораздо худшего качества с момента введения таксы. Лучшие товары припрятываются и продаются тем лицам, которые по своему положению или богатству не станут тащить продавца в участок за нарушение «обязательного постановления». Наконец, есть и еще способ обойти таксу, примеры которого собрал член Управы В. Н. Новиков: узнав о введении таксы, оптовики спешно вывозят товары в места, не имеющие таксы, откуда и продают их; Новиков встретил в Рыбинске залежи всяких продуктов, направленных до таксы в Петроград, но «снятых» с поездов в Рыбинске, ввиду введения таксы в столице. Перед праздником наблюдалось такое явление: в Лигове, Красном Селе, Петергофе и т. д. можно было достать хорошие яйца, масло, муку и пр., тогда как в Петрограде во всем этом ощущался недостаток.

Оптовики умеют обходить таксу еще тем, что, продавая товар «по таксе», они берут отдельно «за мешки», «за экстренную погрузку» и пр. Киевские сахарозаводчики, добившись введения таксы в 5 р. 10 к. за пуд, ухитряются путем различных надбавок продавать сахар на месте по 5 р. 80 к. за пуд. В Петрограде введение обязательных цен на соль привело к тому, что обыкновенную соль стали продавать в зашитых мешках под наименованием «столовой» по 15 к. за фунт. Введение таксы на вареную колбасу заставило колбасников отпускать ее в размере 1 фунта на покупателя и предлагать «взамен» другие колбасные продукты, цены на которые возросли сразу на 100 %; допущение в мясной таксе неопределенного «привеска» костей к мясу сделало то, что покупаемое мясо стало «привеском» к костям, а не наоборот. Многие таксы (например, мясная) не принимают совсем во внимание % мелочного торговца и для него убыточны. Озлобляя мелких торговцев, заставляя крупных прибегать к мошенничествам, такса не приносит обывателю сейчас никакой пользы, пока дело продовольствия столицы не взято Правительством в свои руки.

Другой мерой, на которую возлагались большие надежды, было содействие Правительства в развитии деятельности различных торговых бирж. Но биржи, состоявшие из тех же самых торговцев, против которых велась борьба, вскоре превратились в своего рода синдикаты — мучной, мясной, чайный и пр. Прикрываясь патриотическими фразами, жертвуя на военные нужды и раненых, биржи стали скоро популярны среди оптовиков, которые под флагом бирж обделывали личные делишки: уничтожали опасных конкурентов, монополизировали целые области производства; принимая драконовские меры против мелких торговцев, биржи поощряли аппетиты крупных мародеров торговли. Петроград испытал на себе все зло бирж, которые, пользуясь покровительством администрации, позволяли себе самые бессовестные сделки, утаивая прибыв-

▲ За хлебом

шие товары, представляя фальшивые счета о проданных продуктах лазаретам, получая вне очереди городские грузы и перепродавая их в частные руки. Не только обыватели, но и все мелкие торговцы восстали против распоряжений бирж, желавших монополизировать у себя всю торговлю; личные счеты между отдельными торговцами дали возможность раскрыть некоторые плутни, но большинство деятелей бирж осталось пока безнаказанными и продолжают свое хищничество.

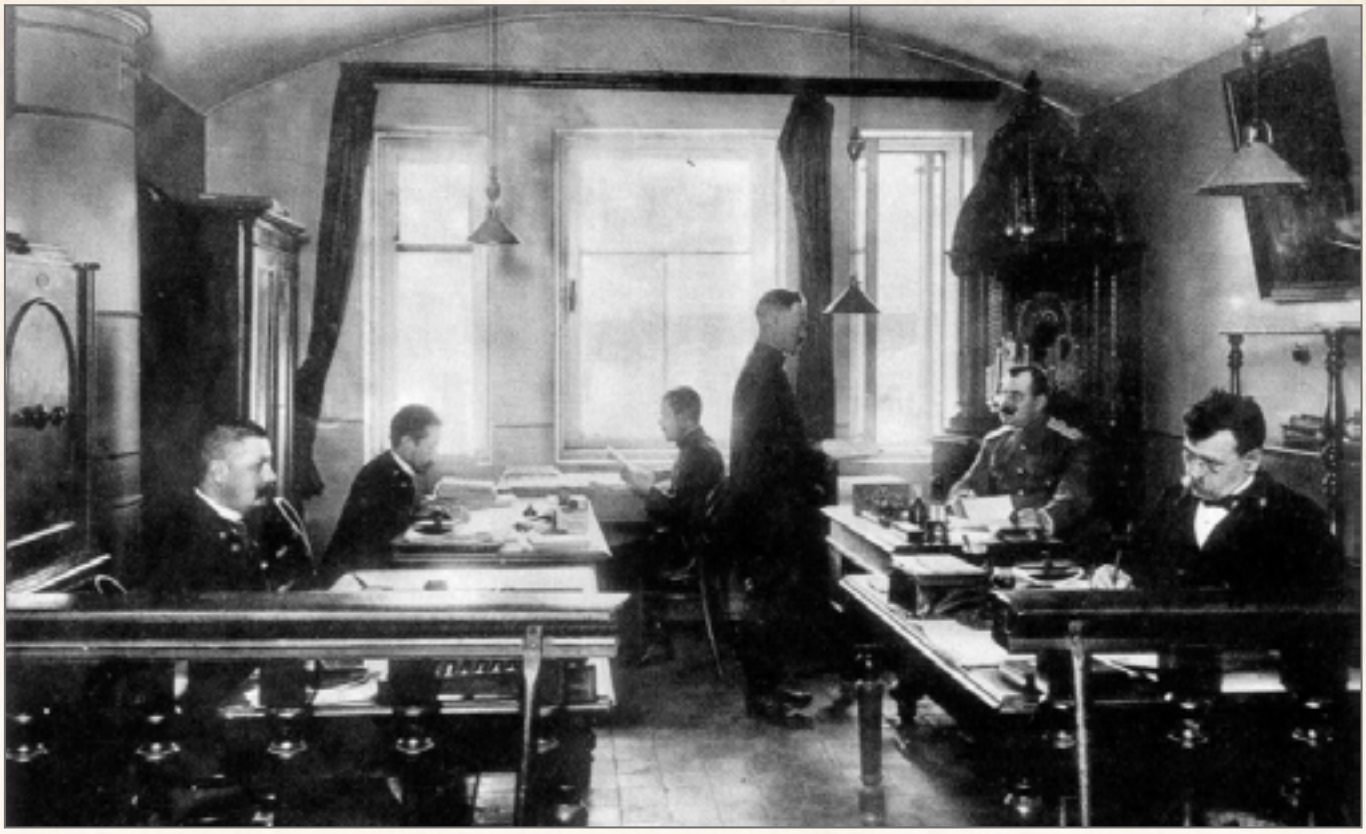
Приводимые ниже примеры ясно показывают эту вакханалию обирания обывателя и обманывания администрации. Московский 1-й гильдии купец И.В. Пойманов арестован на днях за то, что «состоя членом комитета хлебной биржи и уполномоченным от биржи в порайонном комитете, сумел исходатайствовать для себя 3 маршрутных поезда; а когда по его примеру такое же ходатайство возбудили мелкие торговцы, то Пойманов дал о них в порайонном комитете такую аттестацию, что торговцам в маршрутных поездах было отказано; создав себе монополию по доставке муки, он стал брать цены, какие ему нравились, причем искусственно взвинчивал на муку цены на бирже, а сам продавал по цене уменьшенной сравнительно с биржевыми ценами; выяснено, что Пойманов заработал не менее 20 000 руб., т.е. по 200 руб. на каждом вагоне муки («Петроградский листок» от 20 декабря 1915 г. №349). В Нижнем Новгороде за мародерство арестованы: товарищ председателя продовольственного комитета М.С. Холодков и гласный Городской Думы Д.М. Пупцов, являющиеся крупными оптовиками и жестоко эксплуатировавшие население («Петроградский листок» от 28 декабря 1915 г. №356).

У нас в Петрограде пока крупных злоупотреблений не обнаружено, но многие факты показывают, что на наших биржах происходят странные явления, на которые давно пора обратить внимание администрации. Все газеты сообщали о том, какой политики придерживается комиссионер мясной биржи Л.В. Щукин: выступая на собрании по поводу новой таксы на мясо, Щукин предложил определить таксу на мороженое мясо в 8 р. 20 к. за пуд; в этом его поддержали и остальные оптовики, несмотря на протест базарных торговцев против столь высокой оптовой цены; в ответ на протест Щукин прочел телеграмму одной из крупных продовольственных организаций, заявляющей, что она готова приобретать мясо по 9 р. 20 к. за пуд; несмотря на предъявление базарными торговцами телеграмм из Оренбургской губернии с предложением мороженого мяса по 5 р. 40 к. — 6 р. 60 к. за пуд, собрание приняло предложенную Щукиным таксу («Вечернее время» от 3 декабря 1915 г. №1319). Этот же Щукин состоял в то же время одним из главарей акционерного общества «Фритюр», использовал свое положение на мясной бирже так, скупая ежедневно поступающее на биржу сырое сало по 8 р. за пуд, он передает это сало заводу, который переработав сало, продает его под именем «масла» по 18 р. за пуд; эти «операции» должны быть очень велики, т. к. ежедневное поступление сала доходит до 800 пудов, а отпуск его (воинским частям) всего 50 пудов («Вечернее время» от 5 декабря 1915 г. За №1321).

Мучная биржа в Петроград со времени введения таксы стала выписывать только плохие сорта муки, продавая их по таксе хороших; один из таких грузов, будучи подвергнут реквизиции был возвращен обратно, т. к. мука в нем оказалась совершенно непригодной для печения хлеба; завалив Петроград «мягкой мукой» 6 и 7-го сорта, хлебные дельцы на бирже, однако, сохраняют в Рыбинске большие запасы крупчатки, рассчитывая, по всей вероятности, на отмену таксы. Интересна история членов Калашниковской хлебной биржи и крупных оптовиков Собакина, Коникова, Егузинского, Гриднева, Левина, братьев Чапниковых, Берне и Меерсона, ведших спекулятивную торговлю зерновыми хлебами с искусственным взвинчиванием цен и задержанием запасов хлеба на местах; их деятельность окончилась арестом, хотя, как говорят, они действовали с ведома руководителей биржи, которых пока еще не привлекли к ответственности («Вечернее время» №1314 от 30 декабря).

Мясная биржа в Петрограде сумела на днях добиться того, что общество базарных торговцев, закупившее в Сибири 100 000 пудов мороженого мяса по дешевой цене, должно было отказаться от попытки вывезти это мясо: путем давления на банки «мясные короли» лишили мелких торговцев кредита для операции («Петроградский листок» №357 от 29 декабря). Немало в газетах писали о деятельности яичной и масляной бирж. Последняя, исходатайствовав снятие таксы с масла «для привлечения его на петроградский рынок», стала продавать масло по 40 руб. за пуд при себестоимости в 18-23 р., а один из оптовиков (Куликов) даже по 45 р. После раскрытия истории газетами биржа приняла все меры, чтобы замять это неприятное дело: с Куликова взяли на бирже подписку, что он не будет продавать масло дороже 40 р., в газетах напечатали голословные оправдания председателя биржи Бородулина и пр., но факт остался фактом: рост цен на масло при его большом количестве на рынке вследствие запрещения вывоза в Англию ничем необъясним, кроме мародерства купечества.

Высшая администрация, внимательно выслушивая все проекты борьбы с дороговизной, обратила внимание и на те проекты, которые шли из левых общественных групп (преимущественно кадетских) и предлагали передать продовольственное дело органам городского самоуправления. Ввиду того, что в Москве земский и городской союзы довольно успешно выполнили взятые ими на себя задачи по снабжению продуктами армии, администрация отнеслась сочувственно к проектам петроградских «обновленцев» взять на себя обеспечение продовольствием столицы. Вследствие этого несколько месяцев тому назад значительная часть забот о снабжении Петрограда продуктами перешла

▲ Канцелярия полицейского участка

в комиссии Городской Думы. Что же сделала Дума? Широковещательные обещания г.г. Шингаревых, Голубковых. Новиковых и др. при столкновении с русской действительностью потерпели полное крушение, т. к. обнаружилась полная неспособность и неприспособленность «обновленцев» к исполнению задач государственной важности.

Город сначала принялся горячо за снабжение столицы припасами: ряд гласных выехали в провинцию в поисках продуктов, по всей России полетели телеграммы с запросами об имеющихся в данном пункте припасах, приглашены «частные лица», которые за «комиссионные» должны были искать продукты и т. д. Но прежде всего оказалось, что вывозить продукты из другого района при неимении распоряжений министра путей сообщения невозможно; члены Управы Новиков и Голубков закупили в своих поездках большие партии всякого провианта, который, однако, никак не удается доставить в Петроград, ввиду того, что город не имеет права распоряжения путями сообщения.

Вследствие этого закупленные городом капуста и картофель прибыли в столицу с огромным опозданием и в полной негодности для употребления, так что их пришлось уничтожить.

Понеся большие убытки на первых своих предприятиях, городское самоуправление вошло в сношения: с Министерством путей сообщения — об ускоренной доставке продуктов, а с Военным — о сложении с городских грузов реквизиции. Тогда городское хозяйство потерпело неудачу другого рода: во главе всех комиссий стояли люди неопытные, совершенно незнакомые с состоянием рынка; вследствие этого вторичные закупки города стоили обывателям гораздо дороже, чем товары, доставленные в Петроград частными лицами, причем часто уступали последним и в качестве.

Но, помимо неопытности, выяснилась и бесхозяйственность членов Управы: продукты закупались не там, где стоили дешевле, а где указывалось комиссионерами; доставлялись не заблаговременно дешевым путем, а лишь в момент спроса, по дорогому тарифу. Бесхозяйственности много помогло то обстоятельство, что в Петрограде у городского управления до войны совершенно не было служащих со специальным коммерческим образованием, как не было и вообще опытных в торговле лиц; вследствие этого сплошь и рядом выходило, что служащие Управы делали ошибки, вредно отражающиеся на населении: например, вследствие неумения хранить, многие продукты сгнили, вследствие неумелой перевозки, многие товары потерялись или пришли в негодный вид. Таким образом, с самого начала городское хозяйство носило на себе хаотический отпечаток, где каждый делал, что только хотел, распоряжался произвольно, не думая о последствиях этих распоряжений.

Возьмем несколько примеров неудачного хозяйничанья обновленцев.

Городским продовольственным комитетом было закуплено в г. Николаеве более 500 вагонов пшеничной муки, из коей привезти в столицу удалось лишь незначительное число; из 300 000 пудов закупленного сахара удалось привезти 50 000, а из закупленных в начале сентября 300 000 пуд. крупчатки и 600 000 пуд. других сортов муки до декабря месяца ничего получено не было («Петроградский листок» от 12 декабря № 341). Какой-то злой иронией отдает от истории закупок для города В. Н. Новикова: командированный с Оношковичем-Яцыной для закупки быков, он приобрел среди них стельных коров; неумелыми распоряжениями он подморозил и сгноил на 23 000 руб. картофеля; в острый момент нужды в овсе в Петрограде Новиков «не успел» в течение почти 2-х месяцев вывезти со станции 21 вагон овса и пр. («Вечернее время» от 1 декабря № 1317).

Особенно печальной оказалась роль «обновленцев» в городском продовольственном комитете, где первую роль играл тот же В. Н. Новиков: получив от Правительства миллионную сумму на борьбу с дороговизной, комитет сначала поднял страшную шумиху о своих предстоящих операциях; действительно, члены комитета ретиво стали закупать продукты, открывать городские лавки, проектировать городскую хлебопекарню и ферму для всего Петроградского населения и т. п. Но вскоре оказалось, что у комитета нет ни опытных людей, ни серьезного желания работать: вся работа была свалена на подозрительного типа еврейчиков-комиссионеров, заботившихся лишь о получении «своего процента» и более чем безразлично относившихся к интересам обывателя. Новиков, принимаясь за дело, даже не представлял себе всей трудности подобных предприятий и в настоящее время он не сможет справиться с простой отчетностью по комитету: необходимость вести свыше 40 отдельных счетов привела к тому, что в бухгалтерии комитета вкралась путаница, а неопытность руководителей привела к ряду неправильных занесений доходов и расходов; вследствие этих обстоятельств среди гласных начались резкие нападки на продовольственный комитет и требования отчетности; но Новиков на требования Акимова-Перетца, Я. В. Змеева, Н. Н. Елизарова и др. о предъявлении отчета о расходовании денег ничего не мог пока представить точного, т. к. его отчеты были признаны негодными и неудовлетворительными.

Одним из дел Продовольственного комитета было открытие по всему Петрограду городских продовольственных магазинов, на которые была возложена важная задача снабжения обывателя всеми пищевыми продуктами по оптовой цене. Это полезное начинание в умелых руках могло дать огромные сбережения населению и обуздало бы аппетиты мародеров, но, к сожалению, дело было исполнено скверно и пока ничего не дало, кроме неприятностей для руководителей. Прежде всего не нашлось подходящих заведующих лавками: за 150 руб. в месяц Управа искала заведующего, обладающего специальными коммерческими знаниями, опытом, честного, развитого и пр., тогда как любой магазин продовольственных кооперативов имеет заведующим лиц, получающих по 400-500 руб. Конечно, управцам пришлось брать лиц неопытных, малограмотных, в заведу-

▲ Петроград, 1917 год

ющие попали: прогоревшие мясники, выгнанные за пьянство, служащие крупных фирм, приказчики, только что вышедшие из тюрьмы за растраты.

Вся эта публика повела дело так, что через месяц после открытия лавок в них наблюдалось: пьянство и драка пьяных мясников с покупателями, кончившаяся погромом стекол (лавка на углу Николаевской и Разъезжей ул.); утайка товаров, продажа по ценам выше таксы и драка с покупателями (в лавке на Васильевском острове); пьянство и избиение покупателей после протеста на тайну продажу лучшего мяса с черного хода (в лавке по улице Милосердия, д. № 5) и т. д. Бесконечные «хвосты» у лавок, наконец, испугали управцев, опасашихся погрома, и лавки стали покрываться аншлагами: «мяса нет», «сахара нет» и пр.; вслед за тем, чтобы уменьшить число покупателей, в городских лавках была повышена цена на продукты выше рыночной на 1-2 копейки («Вечернее время» от 13 декабря № 1329).

В настоящее время городские лавки представляют собою учреждения, бесполезные для масс публики, но очень удобные для г.г. знакомых членов управы: всякие «свои» люди, не способные ни к какому труду, не получившие никакого образования и ничего не смыслящие в бухгалтерии или коммерции, пристраиваются к этим лавкам в качестве бухгалтеров, доверенных, заведующих, контролеров, ревизоров и т. п., получая солидное жалованье за не нужную никому работу. Обыватель, не имея никакой пользы от городских лавок, лишь недоумевает, зачем понадобилась такая затрата денег на наем помещения и служащих, если люди, взявшие на себя продовольственное дело столицы, ничего в нем не понимали.

Лица, близко стоящие к городским предприятиям: продаже дров бедному населению, продаже угля, мяса, муки и пр., уверены, что долго торговать городским лавкам не придется: либо возмущенный порядками в лавках обыватель разгромит их (к чему уже не раз делались попытки), или вмешается администрация и положит предел бесхозяйственному владычеству обновленцев. Сами «обновленцы» в последнее время, готовясь к выборам и перечисляя свои заслуги перед петроградским населением, скромно умалчивают о деятельности городских лавок, говоря, что «это дело новое и потребует в будущем много труда для того, чтобы его правильно наладить», пока же важен только почин. Не больше пользы, чем городские лавки, принесли населению и участковые попечители: «обновленцы» выбрали попечителями «своих» людей, ничего не смыслящих в торговле и даже не знающих порядком Петрограда.

Общество отнеслось весьма отрицательно к «заботам о продовольствии» городского самоуправления. Обыватели ждали от речей Шингарева и др., по крайней мере, прекращения той бестолочи, которая наблюдалась в торговле за год войны; но оказалось, что Городская Дума совершенно бессильна была что-нибудь сделать для упорядочения продовольственного вопроса в столице. Новиков и Голубков в своих публичных докладах в залах Городской Думы заявили, что Дума потерпела полную неудачу в борьбе с дороговизной и что обывателю надо самому позаботиться о борьбе путем организации

▲ У Путиловского завода

▲ Государственная Дума, 1917 год

кооперативов и обывательских комитетов; при этом Новиков перечислил ряд причин неудачи: это были — отсутствие центрального правительственного органа, направляющего и распределяющего движение грузов по железным дорогам, отсутствие власти у членов Управы, противодействие объединенных групп торговцев и неправильная постановка хозяйства в Петроградском самоуправлении. Новиков дал роскошные примеры беспомощности членов Управы, когда им пришлось ждать по неделям отправки своих поездов, тогда как поезда частных торговцев шли беспрепятственно, благодаря взяткам, которые Управа принципиально решила не давать, но которые в массе случаев оказались сильнее циркуляров министра.

Не останавливаясь на остальных деталях доклада Новикова, необходимо отметить лишь то, что докладчик подчеркнул в конце, как печальный факт: недоверие обывателей к городскому управлению. Это недоверие, в связи с партийными интригами в Городской Думе, в связи со скандальными ссорами стародумцев и обновленцев, выносимыми газетами на улицу, показывает ясно, что надежды большинства столичного населения не возлагаются на Городскую Думу, против которой массы настроены в достаточной степени враждебно, видя в ней (вполне справедливо) виновницу многих зол современного тяжелого положения: интриги обнажили перед обществом всю низость борющихся за власть над городом партий, показали их эгоизм, корысть, отсутствие патриотизма; оказалось, что были в хозяйстве и злоупотребления, о которых за последние дни стали поговаривать довольно громко, Бесконтрольная трата городских денег, кумовство при определении служащих, бесхозяйственность и отсутствие систематического надзора привели к тому, что многие лица пристроились к городскому общественному пирогу лишь с целью нажиться.

В будущем предстоят, вероятно, новые сенсационные разоблачения, пока же можно указать на те, которые стали достоянием газет: «обновленцы», отдавая городские предприятия в частные руки по рекомендации какого-нибудь члена Управы, нисколько не старались выяснить моральный облик нового кандидата и обычно попадали на ловкого проходимца, умевшего опутать их «либеральными» речами и лишь систематически тратившего городские деньги на свои нужды.

Такова скандальная история с закупкой городом угля: инженер Грунвальд, служащий в комиссии по топливу, не только помогал закупать уголь дороже существовавших цен, но занимался и вымогательством; несмотря на то, что вся отчетность по закупке угля оказалась неудовлетворительной, что представленные оправдательные документы не относились совершенно к данному времени, обновленцы в лице Ю.Н. Глебова и А.И. Шингарева отстояли комиссию по топливу в заседании Городской Думы и тем показали солидарность свою с очень подозрительными лицами («Петроградский листок» №331 и др.).

Не менее странная история произошла с покровительствуемым продовольственным комитетом обществом оптовых закупок: это общество, благодаря содействию А.И. Шингарева, Голубкова, Новикова и пр., получило без ведома Городской Думы товаров свыше чем на 100 000 руб., ссуду в 50 000 руб., на наем помещения 5000 р. и пр.; ныне это общество уличено в мародерстве и его председатель Шемитов оштрафован Г. Петроградским градоначальником на 1000 р. Оказывается, что общество, обслуживавшее до 300 потребительских кооперативов, продавало продукты по ценам, превышающим таксу (например, мука вместо 18 р. за куль, продавалась по 23 р. и т.п.) и закупало товары не у солидных фирм, а у случайных комиссионеров и спекулянтов, обслуживая преимущественно провинциальные кооперативы, общество пользовалось городскими деньгами во вред петроградскому населению: покупаемые на эти деньги продукты не поступали на столичный рынок, а отправлялись в Псков, Лугу и др. города; «обновленцы» дружно защищали общество в Городской Думе и даже хотели провести через Думу постановление о выдаче «обществу оптовых закупок 1 750 000 руб. городских денег, как кредита по снабжению населения продуктами первой необходимости». Защита интересов общества в Думе Голубковым велась так страстно, что вызвала даже среди «обновленцев» замечания о странной «дружбе» некоторых членов Управы с частными обществами.

Еще более шума вызвала сдача 50 потребительских лавок некоему Лесману на 6 лет, которому обещана

▲ В очереди за хлебом

внеочередная доставка грузов, льготы по перевозке в город, 11 % прибыли на капитал и пр. Свидетельствуя о полной неспособности городских деятелей к обеспечению населения продуктами, эта сдача лавок частному лицу может повести к таким последствиям, о которых ныне «обновленцы» не подумали: частное лицо, прикрываясь флагом городского учреждения, может себе позволить какие угодно злоупотребления, ответственность за которые ляжет на городское управление.

За последние дни появились новые слухи о злоупотреблениях в городском хозяйстве; передают со слов служащих в Управе лиц что имеются очень много «неточностей» в отчетности по закупке и доставке продуктов, по заготовке дров, по организации городских обозов и пр. «Обновленцы», готовясь к выборам, конечно, весьма тщательно скрывают все эти «непорядки», но они выплывут на свет сразу же после новых выборов гласных.

Кажется, что вышеприведенного материала вполне достаточно для того, чтобы сделать соответствующие выводы: как ни нелепы слухи о причинах дороговизны, циркулирующие среди петроградского населения, однако, в значительной части их имеется и доля правды. Все мероприятия против дороговизны как Правительства, так и общественных организаций, оказались бессильными помочь обывателям столицы в их тяжелом положении. Остается посмотреть, что же именно, по мнению самого населения, может спасти население от мародеров и надвигающихся признаков и переживаний голода.

Прежде всего благонамеренное общество горячо желает, чтобы Правительство объединило все меры против дороговизны и недостатков пищевых продуктов в одном учреждении, имеющем самые широкие полномочия. В этом центре должны сходиться нити как от распоряжения путями сообщения, так и от издания обязательных такс, производства реквизиций, переписей и пр. Только такое учреждение сможет моментально превращать любой голодающий край в изобилующий разными продуктами; разъединенные же отдельные власти, как показывает история наших дней, ничего кроме вреда не приносят. Необходимо, чтобы было учреждение, которое получив сведения о том, что в данной местности нет какого-нибудь продукта, могло бы одновременно распорядиться и о реквизиции запасов продукта у частных лиц, и о подвозе его из других местностей. Например, в Петрограде сейчас нет соли; тогда подобное центральное учреждение должно было бы; с одной стороны, реквизировать всю соль у частных лиц и открыть казенную продажу ее, а с другой — распорядиться о пропуске без очереди поездов с солью, уже несколько месяцев тому назад застрявших где-то на железных дорогах.

Конечно, нечего и говорить, что подобная власть не может быть поручена какому-нибудь частному или даже общественному (например, городскому) органу, здесь именно важно подчеркнуть государственный характер учреждения, т. к. население, изверившееся в успехах городских и общественных начинаний, утомлен-

ное борьбой партий, недоверяющее честности отдельных личностей, ждет, безусловно, с нетерпением авторитетного правительственного вмешательства в борьбу с дороговизной.

Но подобное центральное учреждение не должно вместе с сим стать узко административным, т. к. при одном формальном отношении к делу оно совсем не сможет разрешить поставленных перед ним задач. Для того чтобы успешно бороться с дороговизной, лица, составляющие это учреждение, должны не только проникнуться сознанием важности, лежащей на них работы, но и приложить все усилия к тому, чтобы сделать учреждение жизнеспособным. А для этого может быть лишь один путь — знать все нужды населения, всюду иметь своих людей, честных, энергичных, понимающих свой долг. Необходимо, чтобы все нужды населения немедленно сообщались бы учреждению, чтобы оно знало всю наличность имеющихся в продаже товаров, знало бы куда и какие грузы идут по железным дорогам, какие цены на такой-то продукт в данном районе, нужно также, чтобы в учреждении были лица, способные сразу произвести какую-нибудь хозяйственную смету и знакомые практически с продовольственным делом.

Только при таких условиях можно избежать сделанных прежде ошибок: при поручении продовольственных дел одной местной администрации получалось создание безжизненных проектов и такс, показывающих полное непонимание нужд времени; при поручении борьбы с дороговизной одним биржам купцов и всяким торговым организациям происходила спекуляция, беззастенчивое обирание обывателей, а при поручении дела городским учреждениям обнаруживалось, что они неопытны и, кроме того, заранее обречены на неудачу, ввиду отсутствия у них обязательной власти. Население справедливо полагает, что можно избежать этих ошибок, если создать учреждение, во главе которого стояли бы опытные и энергичные администраторы, а простыми агентами были бы лица, знающие торговлю и продовольственное дело практически; соединение тех и других в одно целое придаст учреждению ту крепость, которой не было у прежних органов борьбы с дороговизной.

Какие же задачи возлагаются населением на новое учреждение? Прежде всего необходима повсеместная перепись имеющихся продуктов первой необходимости, причем за сообщение неверных сведений должны применяться строжайшие наказания, помимо немедленного отобрания скрытого товара в казну. После переписи необходимо составление списков тех продуктов, недостаток которых может угрожать той или иной местности в ближайшем будущем; затем нужно составить примерные сметы того, из какого района, какие продукты и в каком количестве удобнее всего перевозить (причем, конечно, принимается во внимание скорость и цена провоза). Доставленные продукты можно продавать или

▲ Манифестация

▲ Митинг

из казенных лавок, или (что много желательнее) из частных, но при этом необходим строгий контроль, чтобы ни одно лицо не получило продуктов в большем количестве, чем ему это нужно для своих потребностей. Возможно, что при этом придется прибегнуть к введению особых заборных книжек, которые до некоторой степени помогут избежать некоторых всегда возможных попыток к злоупотреблениям. Кроме того, необходимы меры, направленные к поддержанию экономии в расходовании пищевых продуктов, необходимо запрещение или высокое обложение дорогих припасов, доступных по своей цене лишь немногим.

Все эти начинания покажут, что Правительство серьезно готовится к борьбе с дороговизной жизни, и встретят самое горячее сочувствие всех благомыслящих элементов населения, в корне уничтожат всякую агитацию с целью вызвать беспорядки и погромные выступления. Однако для того чтобы это новое учреждение оказало существенную помощь, необходимо немедленное его функционирование с подчинением всех существующих комиссий, продовольственных комитетов, торговых бирж и пр.

Со дня на день растут тревожные и множащиеся слухи, заставляющие волноваться беднейшие классы населения. Почти ежедневно в массах передаются рассказы об актах насилий покупателей над торговцами, о злоупотреблениях бирж и крупных оптовиков, о вздорожании того или иного продукта; тяжелые условия переживаемого времени обратили на себя внимание всех партий, особенно же революционных, кои усиленно готовятся и надеются использовать ближайший удобный момент для предъявления политических и экономических требований и для проведения столь страстно ожидаемой и вызываемой ими всеобщей забастовки.

Несмотря на кажущуюся внешнюю тишину и наличность обязательного наружного порядка, настроение самых широких кругов населения, начиная от весьма недостаточных и в обычное время низов и кончая поставленными ныне, благодаря неимоверной дороговизне, в стесненное положение средними слоями столичного общества, носит весьма тревожный и неустойчивый характер, свидетельствует о все увеличивающейся нервности и дает показатели на крайнее озлобление зачастую стихийного и бессознательного тона. Обстоятельство это определенно указывает на необходимость в предупреждение и во избежание крупных осложнений и эксцессов в форме ли революционных действий или в виде стихийных проявлений голодного бунта, раздраженной черни незамедлительно изыскать и принять меры к решительной и исчерпывающей борьбе с дороговизной и недостатком съестных припасов, как наиболее серьезных факторов в смысле создания атмосферы всеобщего недовольства.

Вследствие этого все те, кому дорога будущность России, кто жаждет победы русского оружия, ждут от Правительства властного слова и твердого вмешательства в дело борьбы с дороговизной. «Пусть же, — говорят эти люди, — правительство скажет: “руки прочь” всем мародерам и ставленникам немцев, играющим на руку Германии, — сильными мерами заставит всех почувствовать, что в России еще есть сильная власть».

Представляя настоящие, полученные чрез секретную агентуру, осведомительные данные о настроении широких кругов Петроградского столичного общества, имею честь донести Вашему Высокопревосходительству, что меры к дальнейшему освещению приняты и о результатах такового, по мере поступления материала, будет мною донесено дополнительно.

Генерал-майор Глобачев
27 января 1917

А.И. ПОКРЫШКИН, маршал авиации, трижды Герой Советского Союза

ПОД НАМИ ГЕРМАНИЯ

▲ Истребители

Мы знали, что это будет прорыв на территорию Германии. Она именовалась логовом врага. О родине великих мыслителей, писателей, композиторов, художников, изобретателей говорили теперь только так, ибо нашей стране гитлеровская армия принесла неисчислимые страдания. Каждый фронтовик, кому судьба подарила счастье дойти сюда, до Вислы, в это январское серое утро поднимется из окопа. оглушенный канонадой, выведет свой танк из укрытия, взлетит в воздух, не видя земли из-за дыма и тумана, с кличем:

— На Берлин!

Поздно вечером 11 января в дивизию прибыл офицер связи из штаба корпуса и привез приказ: наступать завтра утром. Оставалось несколько часов тишины. Она по-прежнему надежно скрывала тайну командования. Наши полки были готовы к вылетам. У переднего края, рядом со штабом танковой армии, уже второй день находился представитель нашей дивизии Герой Советского Союза Вишневецкий вместе с радиостанцией.

...Грохот, вдруг возникший на рассвете, непрерывно нарастал, он напоминал нескончаемый обвал в горах. К нам на аэродром долетали только его звуки, а на позиции врага он обрушивался сокрушающим огненным смерчем.

Часам к девяти канонада начала утихать и отдаляться. Можно было выпускать самолеты на прикрытие танков, входивших в прорыв обороны врага, и на разведку.

Первую четверку повел Жердев. Он умел хорошо ориентироваться при низкой облачности, искусно маневрировать под обстрелом зениток.

Через час на аэродром возвратились трое. Сухов вылез из самолета и замер на месте. От напряжения глаза его были красными. К нему подошли летчики. Из его рук выскальзывал планшет, который он держал перед собой. Он заговорил подавленным голосом:

— Жердева подбили! Он врезался в землю, как снаряд. На их территории. Так все неожиданно произошло... Надо бить по зениткам!

Вот что принес нам первый вылет в этом наступлении! Прощай, наш дорогой соратник!

— Там сплошной дым, — продолжал Сухов. — Наши танки мы еле обнаружили: только пролетели над ними, наскочили на сплошной заслон зенитного огня. Сверху нас прижимали облака. Маневрировали, бросали машины в стороны.

...Малыми группами мы летали целый день.

Наступление разлилось на большом просторе. Этот простор наземным войскам дали неудержимые лавины танков, авиации — хорошая погода. На третий день штабы, полки, тылы, резервы двинулись вперед. Теперь наше взаимодействие зависело исключительно от оперативной связи, точной информации, быстро принятых решений. Все снялось с места, все в движении. Плечо соседа, рука поддержки должны ощущаться в каждом шаге.

Во время следования за штабом Рыбалко в пути погиб майор Вишневецкий. Я отправился на своем «виллисе» по разбитым, запруженным дорогам догонять нашу радиостанцию.

Черная развороченная земля, срезанные снарядами верхушки деревьев, вывороченные бревна... Это остатки оборонительных укреплений противника. Танки своими гусеницами здесь проложили первый след, и он быстро превратился в накатанную дорогу. Чуть сверни — подорвешься на минах или свалишься в воронку. Только по ней единственной я смогу настигнуть притаившиеся где-то под хатами или в лесу штабные машины Рыбалко. Этот умный, прославленный командарм, говорят, очень заботится о маскировке танков.

Я, наконец, настиг оперативную группу Рыбалко, разыскал своих. Рация снова превратила меня из щепки, которую несла река наступления, в командира.

В районы будущих атак танкистов идут группами «Петляковы», «Ильюшины». Истребители, поднимаясь с аэродромов, сразу связываются со мной. Нужно сообщить им обстановку. Навести на цель. Я слышу голоса Речкалова, Еремина, Лукьянова, Труда, Вахненко, Боброва и вспоминаю голос Клубова. Он чудится мне в гуле, в треске наушников. Не хватает Клубова. Он всегда был в самом пекле... Замолк навсегда и Жердев... Кто еще замолкнет в этих тяжелых, последних боях?

Истребители 2-й воздушной армии полностью овладели небом. «Мессершмитты» и «фокке-вульфы» появляются здесь очень редко. Завидев нас, мгновенно исчезают. Нашим ребятам приходится долго охотиться, чтобы перехватить хотя бы одного из них. Не рассчитывают ли немецкие генералы активизировать авиацию, когда мы удалимся от своих аэродромов? Эту уловку мы предвидим, и потому поиск и подготовка новых аэродромов на освобожденной территории — наша первейшая задача.

Я все время поддерживаю связь с авангардом танковой армии. Овладев городом Кельце, танкисты сообщили, что по пути к нему есть аэродром. Я немедленно передаю об этом в штаб корпуса и жду приказа о переброске полков. Но, оказывается, жду напрасно. Штаб армии сажает туда штурмовиков и бомбардировщиков. Значит, надо самим где-то искать площадки, хоть среди поля.

Танкисты и пехота очистили от немцев новые города:

Радомско, Пшецбуж, Пиоткув, Ченстохов... Этим победам салютует Москва, славит пехотинцев, артиллеристов, танкистов и нас — летчиков.

На Ченстохов держит путь наша аэродромная команда. Ей придется прощупать там каждый метр летного поля миноискателем, засыпать воронки, подготовить жилища для летчиков и техников. Это задание иначе не назовешь, как боевое. Аэродромщики берут в путь запас патронов и гранат.

Ченстохов, наверное, хороший город. Я вижу его на расстоянии. Там высокие дома, прямые улицы, стрельчатые костелы. Но на окраине, где мы остановились, одни бараки, колючая проволока, рвы, могилы. И здесь огромный концлагерь. Дымом и тяжелым духом веет от бараков смерти.

▲ Речкалов Г.А.

Полки приземлились и сразу получили задачу — прикрывать танки, которые уже пробиваются к границе Германии! Летчики рвутся на задание. Каждый хочет увидеть землю врага, проштурмовать колонны удирающих домой, за Одер, фашистских войск. Захватчики, пролившие столько крови неповинных людей, получат расплату и на своей земле.

Я тоже не могу задерживаться в Ченстохове. Проезжаю по его забеленным, не очищенным от снега улицам, смотрю на окна — по ним, как по глазам человека, многое можно узнать, разглядываю людей. Они стоят на перекрестках, приветствуют машины с бойцами.

...Вот она, государственная граница. На столбе крупная надпись: «Дейчланд». Никто не тронул ее. Пусть замечает каждый идущий на запад, пусть вспомнит на этом рубеже войны весь свой трудный путь, свои раны. Пусть радость близкой победы придаст ему сил.

У дороги стоят высокие вышки со щитами. Они бегут дальше и дальше. Это линия беспроволочной связи. По ней уже ничего не могут передать фашистские генералы в Берлин, в ставку Гитлера.

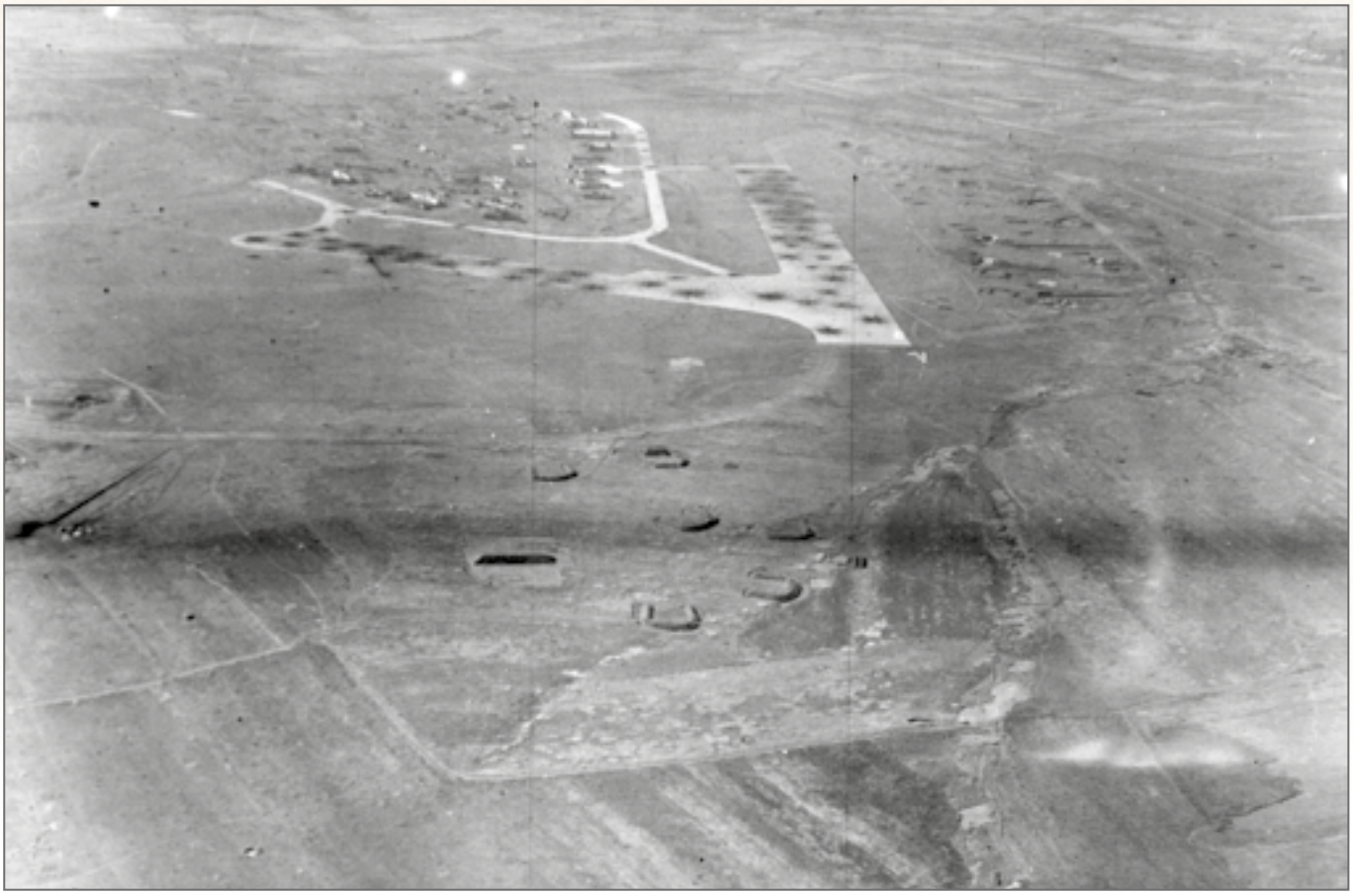
Населенные пункты находятся в стороне от дороги — кажется, они прячутся от нас за холмами, в лесах. Те, кто уже побывал в деревнях, рассказывают на стоянках, что население ушло на запад. Только глубокие старики и старухи осмелились принять «муки» от большевиков.

Танкисты передали, что есть аэродром вблизи города Эльса. Я тороплюсь туда.

Да, аэродром здесь неплохой, на нем стоят немецкие самолеты, ангары тоже уцелели, надо только все разминировать. Я остановился у края летного поля. Смотрю на застывшие брошенные «фокке-вульфы», на строения, и мне чудится, что я очутился где-то далеко от своих, совсем один, и что сейчас появятся немецкие солдаты, окружат меня. И вдруг я спрашиваю себя: «Правда ли, что я на немецкой земле, если вокруг — покинутые села, города, поля, аэродромы? Ее ли бросила армия, грозившая всему миру порабощением?»

Германия, Германия... Какой пустошью веет от всего оставленного людьми. Сколько черной тоски ты навеваешь! Ты еще защищаешься — остатками своей недобитой армии, минами, припрятанными где-то здесь, под снегом, но дни твои уже сочтены.

Эльс тоже достался штурмовикам — в штабе армии «Ильюшиным» отдавали предпочтение. Мне пришлось разыскивать еще один аэродром. А это оказалось не таким легким делом, особенно если поиски совмещать с управлением авиацией над полем боя. Штаб армии Рыбалко я догнал за Эльсом. Здесь обнаружилось, что в пути наша радиостанция сломалась. Где, у кого искать помощи? Конечно же, у танкистов. Над нами пролетают наши самолеты, их

▲ Аэродром

▲ Покрышкин А.И.

▲ Рыбалко П.С.

ведущие тщетно зовут своего «Тигра», чтобы он указал им цель. Утром я нашел генерала Рыбалко в доме, где он остановился накануне. Командарм был занят своим утренним туалетом — стоял перед большим овальным зеркалом в просторной спальне и преспокойно выбривал свой затылок. Увидев меня через зеркало еще за дверью, он окликнул:

— Давай сюда, Покрышкин!

Я представился.

— Та шо ты рапортуешь, разве я тебя не знаю! В гости ко мне или по делу?

— По делу, товарищ генерал. Сижу без радиостанции.

— Что случилось?

— С танком поцеловались на дороге.

Рыбалко поднял бритву над головой, рассмеялся.

— У танков с машинами любовь собачья. Грызутся шоферы с водителями страшно.

— На сей раз просто случай. Может, у вас есть рация, пока мне доставят?

— Рации отдельно от танка нет.

— Плохо.

— Почему ж плохо? А я тебе уступаю на время свою рацию и даю к ней танк в придачу. Садись на мое место, езжай, куда тебе нужно, и командуй своими орлами. Идет? — Он повернул ко мне свое широкое, загорелое лицо.

— Большое спасибо за выручку.

Я хотел удалиться. Но генерал задал мне несколько вопросов и пригласил на завтрак, после того как налажу связь с полками. Я поблагодарил и последовал за его адъютантом.

Рация на танке была мощная. Я включил ее, услышал знакомые голоса в эфире. Мы двинулись на высотку, под дерево. В смотровую щель танка мне видна была только земля.

— Самолеты! — крикнул водитель.

— Где?

— Там! — Он указал в броневой потолок над собой. Я выбрался из танка, чтобы увидеть самолеты. Микрофон взять с собой не смог — у него был слишком короткий шнур. «Фокке-вульфы» шли прямо на нас. Мне бы передать об этом нашим истребителям, но для этого надо опять залезать в танк.

— Повторяй за мной, что буду говорить! — кричу водителю. — Я «Тигр», я «Тигр», надо мной появились «фоккера»!

— Я «Тигр», надо мной появились «юнкера»!

— Не «юнкера», а «фоккера».

— Не «юнкера», а «фоккера»! — повторяет водитель.

Нет, рация в танке не для меня. Нужно немедленно исправлять свою машину. «Фокке-вульфы», стреляя по нас, как бы подтверждают мой вывод. Пришлось спрятаться в танке.

Позавтракать с прославленным генералом не довелось. В штабе Рыбалко я узнал новость: танковая армия меняет направление своего движения, поворачивает на юг, в Силезию.

Ей поставили задачу внезапным ударом окружить оккупантов в промышленном центре Силезии — Катовице, не дать им разрушить предприятия. Мы попрощались с Рыбалко, он сел в свою машину, еще раз махнул мне рукой и отправился в дальний боевой рейд на юг.

Нашей дивизии приказали прикрывать наземные войска армии генерала А. С. Жадова. Она устремлялась дальше, на запад. К Одеру.

Мы с Василием, опытным шофером, который когда-то служил при штабе Красовского, медленно продвигались с потоком машин. У меня была карта с пометками тех мест, где, по данным нашей разведки, должны находиться аэродромы. Нам уже пора было сворачивать на Крейцбург, я ожидал развилки дороги, проселка. Наконец-то подвернулось гладенькое, без единого следа, припорошенное снежком асфальтированное шоссе в нужную нам сторону.

— Сворачивай, — сказал я шоферу. Василий притормозил, взял вправо и, только машина докатилась до нетронутого снежка, затормозил ее.

— Опасно, товарищ полковник.

— Поехали!

Василий думал о минах, я — об аэродроме. Три полка моей дивизии еще сидели в Ченстохове, а наземные войска на нашем направлении уже подходили к Одеру. Тащиться в обозе наступления, которое теперь шло на всех фронтах от Балтийского моря до Карпат, для летчиков было просто нестерпимо. Но полет к переднему краю и обратно забирал почти все время, для боев оставались считанные минуты. Новый аэродром нужен был до зарезу.

Машина помчала дальше. Василий, словно окаменев, смотрел только вперед. Дорога без следов извивалась по мелколесью и вскоре завела в густой, старый лес.

— Куда мы едем? — спросил скорее у себя, чем у меня, Василий.

Я еще раз сверил местность с картой. Все правильно:

Крейцбург находился где-то за массивом леса; не доезжая города, должен быть аэродром.

Я понимал Василия. Попадись одна мина под колеса, и мы погибли!

Глушь, безлюдье на враждебной земле настораживали. Увидеть хотя бы одного нашего солдата! Никого... Но где-то там, дальше, в поселке, должны быть люди. Там аэродром, который нам надо осмотреть до наступления темноты.

— Немцы!

Василий выкрикнул это слово и сразу сбавил газ. Машина гасила бег, катилась, казалось, уже не по своей воле. Я смотрел на солдат, стоявших кучей на дороге. Они были в шинелях, касках, с автоматами в руках. Какое-то время я видел только их, и они казались мне стеной, о которую мы сейчас разобьемся. Их было десятка полтора, нас двое.

Машина катилась приостанавливаясь. Я сначала не замечал этого. Но вдруг подумал: как быть? Если станем разворачиваться, нас обстреляют и убьют на месте. Ехать так, как едем? Нельзя!

— Гони! Полный газ! — крикнул я.

Василий, наверное, по моей интонации понял, на что я решился. Приказ был такой, что возражений и промедления не допускал.

Машина помчалась на полном газу. Я подался вперед, потянулся за пистолетом.

Солдаты расступились. Мы проскочили. Я ждал автоматных очередей в спину, но ни одного выстрела не последовало.

Немцы, наверное, были ошеломлены тем, что мы неслись прямо на них, и растерялись. А за это время нам удалось скрыться за поворотом. Что удержало их от стрельбы? Скорее всего внезапность нашего появления.

Мы промчались несколько километров, не оглядываясь. Василий то и дело вытирал свои потные от волнения руки о ватные штаны. Не скоро и я вспомнил о своем пистолете и вложил его в кобуру.

▲ Жадов А.С.

▲ Трофейные фокке- вульфы

Лес кончился. Показалась деревня. На улице, во дворах — ни единой живой души. Когда Василий повернул к воротам и мы направились с ним к стоявшему в глубине усадьбы домику, над которым вился дымок, нас оглушил какой-то невообразимый рев, доносившийся со всех сторон.

Скот! Брошенные в каждом дворе коровы, овцы, мычали, блеяли. Эти звуки усиливали впечатление опустошенности, от которой становилось неприятно.

В доме мы увидели старика, сидевшего у печки. При нашем появлении он поднялся. Его болезненно-красные глаза слезились, в руках он держал поленья. Хозяин смотрел на нас, неподвижный, замерший от страха. В доме все говорило о том, что отсюда в панике бежали все остальные его жильцы.

— Здравствуйте! — сказал я громче, чем нужно, почему-то решив, что старик глухой. И невольно улыбнулся при мысли, что в первом немецком доме встречаю лишь единственного, брошенного всеми, беспомощного деда.

Старик тоже улыбнулся и закивал головой, словно его вдруг отпустил давно сковывающий паралич. Руками, из которых он все еще не выпустил поленья, принялся протирать слезившиеся глаза.

Я стоял перед ним и силился вспомнить немецкие слова, которые когда-то заучивал. Услыхав родную речь, старик совсем ожил. Я путано спросил об аэродроме, о самолетах.

— Флюгплац дорт! — воскликнул старик и показал рукой на окно.

Я обрадовался — значит, аэродром есть — и пригласил старика поехать с нами. Он бросил поленья, надел поношенный плащ и пошел за мной к машине. Двинулись в том направлении, куда он указывал.

За ближайшим лесом мы очутились на поле, среди которого стояло несколько «фоккеров». Никакой бетонированной полосы здесь не было, но мне понравилось это поле, присыпанное снегом. Не знаю сам, почему я поверил, что здесь нет минных сюрпризов, и, несмотря на ворчание Василия, решил объехать аэродром.

Осмотрев взлетно-посадочную полосу, мы завезли старика домой и направились на большую дорогу. Нам опять предстояло проехать то место в лесу, где видели немецких солдат. Мы оба помнили об этом, но говорить об опасности было лишним — и я и шофер одинаково сознавали, что означало для всей дивизии наше немедленное возвращение.

Некоторое время в пути я думал о старом немце, указавшем аэродром. Не очень ли доверчиво отнесся к нему?

Не сообщит ли он сразу на ту сторону, когда увидит наши самолеты? Тут же отмахнулся от этих подозрений. Его старческая фигура, скрюченные синие руки без перчаток, его суетливое старание, его одиночество в пустой деревне, среди жуткого рева скота вызвало во мне сочувствие к нему.

Кого он считает теперь виновным за то, что видит вокруг? Своих сыновей, которые бросили его здесь? Сыновей... Если они были, то, может быть, уже вдавлены гусе-

ницами наших танков в землю или здесь, у Одера, или раньше — под Сталинградом. Он должен считать виноватым за свою судьбу Гитлера, фашистов, обманувших его, народ.

Вот и лес. Василий склонился к баранке. Я тоже смотрю только вперед. Поворот. Уже близко то место, где мы встретили вражеских солдат. На снегу по-прежнему виден один-единственный след нашей машины. Он вырисовывается в свете фар. Василий не сбавляет скорости, он понял меня по взгляду. Приближаемся и видим: в кювете перевернутый грузовик, дальше — второй. Ветровые стекла пробиты пулями. Рядом с машинами — несколько трупов.

Я не могу остановиться и узнать, чьи это грузовики. Нельзя еще раз испытывать судьбу. Я сообщу об этом нашим в первом же населенном пункте. А сейчас дай скорость, Василий! Такая участь — трупами лежать на снегу — была предназначена и нам. След других оборвался здесь. Наш пока стелется дальше. Нас ждут, Василий, десятки летчиков. Надо торопиться, чтобы воевать, добивать врага.

В Ченстохов мы вернулись в полночь. Утром вся дивизия перелетела на новую базу у Крейцбурга. В середине дня я отправился на передний край. Когда у летчиков есть удобный аэродром, «Тигр» не должен молчать.

Генерал А. С. Жадов, приняв меня в своем штабе, расположенном в домике над Одером, назвал самыми важными позиции корпусов Родимцева и Бакланова. Имена этих командиров напомнили мне о битве на Волге. Они стяжали себе громкую славу. Здесь их полки тоже отличились при форсировании Одера и в боях за плацдарм. Нашим летчикам надо было достойно поддержать прославленных пехотинцев. Мой КП на земляной дамбе. Поставив автомашину под деревом, я нашел местечко с широким обзором. Отсюда далеко видно. Внизу, на берегу, солдаты загружают лодки для переправы. Под облаками и выше их беспрерывно гудят самолеты. В моих наушниках, не умолкая, кричат, зовут, приказывают, ругаются. Вражеская авиация пытается превратить Одер в рубеж решающей битвы: на наш плацдарм идут «фокке-вульфы» с бомбами под крыльями. У немцев заметная нехватка бомбардировщиков. Они заменяют их истребителями-штурмовиками.

С нашего аэродрома поднялась группа Цветкова. Я связался с ней на подходе. Через несколько минут наши самолеты прогудели надо мной, мелькнув в просветах облаков. С земли я раньше заметил «фокке-вульфов» и сразу же навел на них Цветкова. Наши молниеносно вынырнули из-за облаков. Атаковали всей восьмеркой.

Рвутся бомбы, режут воздух пулеметные очереди. Два «фокке-вульфа», загоревшись, пошли к земле. У противника нет ни преимущества в высоте — она за нашими, ни численного перевеса: их шесть, наших

▲ Бакланов Г.В.

▲ Родимцев А.И.

▲ Пе-2

восемь. Они бегут с поля боя, прижимаясь к своей земле. Но собственные стены им не помогают.

Вот один бросился наутек почему-то не на запад, а в нашу сторону. Очевидно, рассчитывал таким маневром быстрее скрыться. Цветков действительно не заметил его. Я подсказал ему, и он сразу погнался за «фокке-ром».

Два самолета — вражеский и наш — приближаются ко мне. Вижу, как Цветков подстраивается для атаки. Очередь. Снаряды рвутся на земле, рядом со мной. «Фоккер» прет прямо на меня. Цветков бьет по нему, и мне приходится прижаться к дамбе.

— Подойди ближе! — кричу Цветкову. — Разве так?..

Закончить фразу не понадобилось: «фокке-вульф» задымил и тут же грохнулся на землю. Позади, за дамбой, грянуло многоголосое «ура». Я посмотрел на дамбу и замер: там стояла большая группа пехотинцев и следила за моими действиями. Трижды Герой на переднем крае — это ведь зрелище, все забыли о переправе. А тут еще воздушный бой разразился над ними. Было на что посмотреть. Я хотел сказать ребятам, чтобы они разошлись, — ведь река еще просматривается противником, но они начали аплодировать.

Вдруг послышался свист снаряда. Взрыв, за ним второй, третий... Теперь все бросились кто куда. Доаплодировались... Я остался на своем месте: неудобно летчику бегать от снарядов...

Час спустя ко мне пришел связной от командира дивизии Бакланова. Этого молодого, красивого, уже прославленного на войне генерала, в прошлом известного спортсмена, я знал и раньше, но совсем не подозревал, что он находится здесь, рядом. Зачем я понадобился ему?

Я нашел комдива в полуразрушенном доме. Бакланов встретил меня очень радушно.

— Я пригласил вас пообедать, — сказал он, — но, к сожалению, обед не может состояться. Из-за вас в мой КП попал снаряд. Он, как видите, не пощадил ни дома, ни кухни, ни повара.

Беседуя о положении на плацдарме, мы невольно следили за тем, как с потолка продолжала осыпаться «растревоженная» штукатурка. Бакланов рассказал мне об успешном продвижении наших войск в районе Бреслау, о том, что туда направляется часть сил танковой армии Рыбалко. «Если так, ~ подумал я, — скоро и нас туда перебросят».

Через несколько дней я возвращался на аэродром у Крейцбурга по памятной лесной дороге. Движение машин, дымки над домами в деревне, жители на улицах — первые признаки жизни совсем изменили этот уголок.

Дивизия получила новую задачу: прикрывать боевые действия армии генерала Коротеева севернее Бреслау. Даже по начертанию линии фронта на карте можно было сразу догадаться, что нас посылают на ответственный участок: острый клин, нацеленный на Дрезден, глубоко раскалывал позиции противника. Здесь фашисты будут, конечно, воевать с особым ожесточением.

Генерал Коротеев, когда я прибыл к нему, подтвердил мои догадки. Немецкие войска пытаются прорваться к городу Лигницу, сосредоточивают силы для контрнаступления с целью окружить нашу выдвинувшуюся да-

леко вперед группировку. Битые генералы, видимо, вспомнили, что они когда-то в начале войны (это было так давно!) неплохо умели окружать, брать в «клещи».

— Как у вас аэродром? — спросил Коротеев именно о том, что занимало мои мысли во время нашего разговора.

— Утром ничего, днем подтаивает.

— Надо искать бетонированную полосу, иначе вы нам не помощники.

— Верно. Но где ее взять?

Передний край теперь особенно нуждался в прикрытии истребителями. Противник уже смирился с нашим преимуществом в воздухе, он не пытался возвратить его, у него не было сил для больших сражений. Но он не уступал без боя рубежи на своей земле. К нашим позициям то и дело шли парами, четверками, шестерками «фоккеры», нанося удары бомбами по артиллерии, окопам, обстреливая с малых высот. Враг изматывал нас, на что-то надеясь, возможно на то «чудо-оружие», которое продолжал обещать армии Гитлер.

Находясь на КП на переднем крае, я на себе испытывал частые штурмовки «фоккеров». Вызывал туда из дивизии группу за группой. Летчики готовы были беспрерывно находиться в воздухе — никто не щадил себя, не считал своих вылетов. Но в эти дни самым лютым врагом стала февральская оттепель. Колеса шасси увязали в грязи, машины ломали «ноги», винты. Это обрекало на бездействие.

Сначала мы попытались использовать на нашем аэродроме у Крейцбурга узенькую шоссейную дорогу. По ней нельзя было ни взлететь, ни приземлиться, но если бы расширить ее... Снимали плиты с тротуаров, подбирали кирпич из разрушенных домов, на фронтовой воскресник вышли техники, летчики, все подразделения БАО... Но большая, трудоемкая работа оказалась почти бесплодной — полоса вышла практически малопригодной. К тому же самолеты, свернув с нее, утопали в грязи.

А фронт ждал истребителей. На нашем направлении свободно разгуливали «фокке-вульфы» и «мессершмитты». Когда на переднем крае рвались бомбы, я слышал от пехотинцев одни укоры.

Возвращаясь в дивизию по широкой автостраде, я вдруг подумал, что можно посадить самолеты прямо на ней. Чем чаще попадались прямые участки дороги без мостов и других препятствий, тем больше я убеждал себя в реальности такого необычного выхода. Меня поддержал генерал Красовский.

Ночью команда отправилась на поиски подходящего места на автостраде. Только получили от нее сообщение, я со своим ведомым отправился на новый «аэродром».

По автостраде изредка пробегают машины. Изредка потому, что она где-то у Герлица обрывается окопами переднего края. Мы летим над дорогой, ищем перекрытый отрезок, но его нет и нет. Наконец находим прямо на асфальте посадочный знак, рядом с которым проносятся машины.

Что ж, надо выбирать момент и приземляться. Я пошел на посадку первым, Голубев — за мной. Только снизился — навстречу машина. Надо набирать высоту. Еще один заход — снова показалась машина. Но вот, кажется, уже никто не мешает. Только бы выдержать направление. Ширина полосы девять метров, размах крыльев самолета — двенадцать. Кто и где решался посадить ма-

▲ Танки ИС-2

▲ Коротеев К.А.

▲ Мессершмитт

шину на такой полоске? Вообще-то на фронте случалось всякое, но здесь речь идет об использовании дороги для каждодневной работы. Что получится из этой затеи?

Отвечать на этот вопрос надо самому, и совершенно конкретно — делом. Сяду я, сядет Голубев — значит, сядут и другие.

Все в порядке. Крылья провисают над бегущей землей, над мелкими кустами, и вот уже колеса катятся по твердому, сухому асфальту. За мной благополучно садится Голубев.

Теперь можно пропустить автомашины (люди, ехавшие в них, раскрыли рты от изумления), самим осмотреть места стоянок, «съезды». Команда выбрала отрезок очень удачный — здесь рядом был грунтовой аэродром. Там есть служебные сооружения, лесок для стоянок и даже больше десятка крупных планеров, брошенных немцами при отступлении. К вечеру был заделан грунт между полосами, срублены мешавшие деревья.

Мы возвратились домой, я собрал командиров, летчиков.

— Аэродром есть, кто чувствует, что может приземлиться на автостраде, летит со мной!

Согласились все. Но несколько человек сразу же замялись.

— Кто не решается, для тех рядом есть грунтовая полоса. Перелетите вслед за нами.

Больше ста машин село на бетонной дороге без поломки. А три самолета, летчики которых не решились на это, загрузнули почти на том месте, где коснулись колесами земли.

Тракторы притащили сюда несколько немецких планеров. Ими можно перекрыть автостраду.

Кончается хлопотный, напряженный день. Самолеты надежно замаскированы в леске, жилища для летчиков и техников найдены и уже натоплены, всех ожидает ужин. Завтра начнем боевую работу. Для того чтобы побеждать врага в небе, летчику нужно многое на земле.

Утром, когда наши самолеты еще стояли в сосняке, над аэродромом появился «мессершмитт». С ним, видимо, что-то случилось, раз он оказался в воздухе один. Он не кружил, ни к чему не присматривался — для него было достаточно нескольких планеров в конце летного поля, чтобы узнать аэродром. Мы старались его не спугнуть. Он сел. Летчика обезоружили, как только он спрыгнул на землю. Беседовать с ним у нас было некому и некогда. Его отправили в штаб армии.

— А что с «мессером» делать? — спросил инженер.

— Осмотрите и заправьте. Я вечером испробую его в воздухе. Совершенно новая модель.

Я бы охотно слетал на нем и сейчас, но сегодня у «Тигра» очень много работы.

Базируясь на автостраде, я рассуждал так: даже если мы на таком «аэродроме» и поломаем несколько самолетов, польза от нашей близости к фронту перекроет это. Получилось же еще лучше. Поломки машин были единичными, а участие нашей дивизии в боевых действиях наземных войск в районе Герлица, Пигницы, Загана помогло отбить контрнаступление немцев. Вскоре все здешние аэродромы, кроме Брига и нашего, стали непригодными для полетов. Немцы, которые действовали с бетонированных аэродромов, расположенных за Одером, чаще всего встречались в воздухе с нашими истребителями.

Когда я прибыл на командный пункт Коротеева с приятной вестью о надежном аэродроме, он сказал:

— Прикройте нас с воздуха, чтобы не бомбили, и на земле они не пройдут.

Снова микрофон в моих руках. Эфир наполнен гулом боевой жизни,

...»Рама» совсем беспечно повисла над городом Герлиц, корректируя огонь своей артиллерии. Я увидел ее, как только она появилась, и в это время услыхал голос Сухова:

— Иду на работу. Сообщите обстановку.

Мне было что сообщить ему.

Сухов парой шел значительно выше «рамы». Если его не навести, он мог долго кружить здесь и не заметить ее. Но вот наша пара уже стремительно падает с высоты. В поединках с вражескими корректировщиками Сухов не новичок. Он в нашей дивизии считается специалистом по «рамам». И на этот раз летчик, конечно, выдержит свою марку... Да, вот уже и наступила развязка: атака снизу — и вражеский самолет пошел горящим к земле!

В небе появились четыре немецких истребителя. Они сопровождали еще одну «раму». Мое сообщение об этом ведущий принял в момент стремительного набора высоты.

— Вас понял. «Фоккеров» вижу, — ответил Сухов.

Что же он решит? Сухов и его ведомый Кутищев были смелыми бойцами, приказывать им идти на врага, если они сами увидели его, излишне. Они, конечно, не допустят, чтобы на головы наших пехотинцев посыпались бомбы, им надо только занять выгодную боевую позицию.

Разворот. Молниеносное снижение. Атака на «раму» опять снизу. Меткий огонь. «Рама» горит! «Фоккеры» лишь теперь заметались. На выходе из атаки Сухов поджигает ведущего, Кутищев — ведомого. Оставшиеся два бросились наутек. Пара наших «сняла» за один бой четырех!

Но вот зенитки досаждали нам. Низкие облака, вынуждавшие нас ходить на малой высоте, были врагу на руку. Андрей Труд потерял самолет, подбитый зенитными снарядами.

Однажды Сухов возвратился на свой аэродром на изрешеченной, обгоревшей машине.

Я видел, как она то воспламенялась над полем боя, когда летчик уменьшал скорость, то сразу гасла, когда шел в атаку на «фоккера». Ему на выручку я вызвал из полка подкрепление. Через несколько минут услыхал в наушниках всегда бодрый, уверенный голос Графина:

— «Тигр», я «Граф». Иду на задание.

Появление в воздухе этого отважного летчика со своей группой всегда подымало настроение у товарищей, ведущих бой, сразу меняло самую сложную обстановку в нашу пользу. Графин имел собственный сокрушительный «почерк». Его любили, с ним охотно шли на задание.

▲ На Берлин

▲ Сухов К.В.

▲ Ил-2

▲ Полбин И.С.

И на сей раз «пиковый туз» со своим напарником быстро разогнал «фоккеров», наседавших на Сухова. Но когда наша группа уже оставляла район прикрытия, в самолет Графина угодил зенитный снаряд. Истребитель упал возле линии фронта. Вот и еще одного друга лишились мы почти на исходе страшной войны...

Вскоре, когда я находился под Герлицем, пришла весть о гибели грозного пикировщика генерала Полбина. Он водил группу на окруженный Бреслау, бил с пикирования по домам-крепостям. Зенитный снаряд попал в его самолет, он стал полого падать. Раненый Полбин пытался перетянуть за Одер, но сил у него не хватило. Самолет рухнул в реку... Подробности я узнал потом. Тогда, на фронте, меня омрачил сам факт: погиб Полбин. Он был одним из тех авиаторов-генералов, которые при высоком звании и служебном положении сохраняют профессиональную молодость, юношескую увлеченность делом. Командирские обязанности не лишили его этих важных качеств. Он летал, совершенствовал тактику, личным примером вдохновлял летчиков на подвиги. На сборах я всегда прислушивался к его высказываниям, присматривался к нему — образцу человека и летчика.

Проезжая в тот печальный день по дороге в стороне от Бреслау, я видел огромные тучи дыма, вставшие над этим злым, ненавистным вражеским пеклом. Оно проглотило чудесного человека. Наверное, мстя за своего командира, сегодня бомбардировщики обрушили на город тысячи бомб. Пусть враг запомнит этот день...

Бои за Герлиц ожесточились. Противник во что бы то ни стало хотел возвратить половину города, занятого нашими войсками. И он действительно немного потеснил наших. А атаки вражеских летчиков иногда оставляли впечатление безрассудной ярости и обреченности.

Как-то наша группа прикрывала наземные войска в районе Бунцлау. Ей встретилась четверка «фокке-вульфов». Первой атакой наши обратили их в бегство. Но вот ведущий четверки вдруг возвратился на передний край и вызывающе пошел на сближение. Старший лейтенант Климов развернулся ему навстречу.

Лобовая атака, сколько наблюдал я за ней и сколько применял ее сам, всегда кончается тем, что самолеты, стреляя, расходятся в стороны, пусть даже на самом опасном расстоянии. Ведь в таком поединке каждый стремится сбить противника, стараясь сохранить себя. Здесь неминуемо наступает момент, когда ни тот, ни другой уже не имеют возможности воспользоваться выходом противника из атаки. Сближение прекращается.

На этот раз я впервые увидел, как два самолета на всей скорости неслись в лобовую атаку и столкнулись. Наш — без крыла, немец-без хвоста стали падать. Все, кто наблюдал за этим поединком с земли, замерли. Ожидали, что летчики выбросятся с парашютом. Но не тут-то было. Два самолета упали, два истребителя разбились на одном квадратном километре немецкой земли, уже политой кровью в недавних боях.

Я поторопился на автомашине к дымящимся обломкам. На окраине Бунцлау лежали они — по одну и другую сторону речушки. Наш летчик, очевидно, потерял сознание при ударе о «мессершмитт», немецкого — рассекло винтом.

Железные кресты фашистского аса были обагрены кровью. Его за-

копали здесь же, на месте падения. Нашего мы увезли, чтобы похоронить на своей земле.

...Весна была близко. Небо в тот день цвело синевой... А мы хлопотали о похоронах. Скорей, скорей надо кончать эту войну!

Наши войска, уступив немцам вторую половину Герлица, прочно закрепились на своих рубежах, и наступило затишье. «Тигр» имел право на время примолкнуть. Я возвратился в штаб.

За время моего отсутствия аэродром основательно улучшили. Выложенный кирпичом просвет между асфальтированными полосами автострады сделал его совсем удобным. Вокруг него стояли, окопавшись, батареи малокалиберной зенитной артиллерии. Непреодолимой оставалась проблема заграждения, которое вынуждало поток машин идти в объезд. Грузовики, обозы мирились с этим положением: они останавливались перед планерами и съезжали в грязь. Но когда к фронту шли танки...

Однажды какой-то отчаянный парень подмял гусеницами все наши заграждения, раскрошил несколько планеров и прогремел по автостраде. В это время садился самолет. Свернув в сторону, чтобы не разбиться о танк, он поломал винт, но, к счастью, не скапотировал.

Аэродром на автостраде нас выручил в трудное время, но принес и немало неприятностей. Активность наших истребителей в дни боев за Герлиц вынудила немецкое командование усиленно разыскивать нашу близкую к фронту таинственную базу.

Однажды в феврале возле аэродрома был схвачен фашистский диверсант, спустившийся с парашютом. На допросе он сразу раскрыл свои карты. Его выбросили для того, чтобы он разведал, где мы находимся. Затем над базой начали изредка пролетать воздушные разведчики. Они, конечно, интересовались и продвижением войск по дороге и, без сомнения, загадочным аэродромом.

...Это был день напряженной учебы: посылая в воздух парами молодых и опытных летчиков, мы отрабатывали прицельную стрельбу и бомбометание. В небе беспрерывно гудели наши самолеты, а зенитчики тем временем благодушно сидели в своих землянках. Как тут услышишь противника, если над батареями кружат наши? Чужие звуки вплелись в привычный гул... Заметили поздно. По двухмоторному «мессершмитту» стрельнули лишь вдогонку.

Строгую нотацию зенитчики получили и от меня, и от своего начальства, но этим своих дел мы не поправили. Где-то в штабах немецкого командования наш аэродром уже обозначался как объект для удара. Правда, понадобилось, очевидно, еще одно подтверждение: на второй день разведчик повторил полет по вчерашнему маршруту. На сей раз зенитчики постарались, и он домой не вернулся. Но его донесения уже действовали против нас.

В воздухе как раз был Сухов с четверкой. Самолеты, развернувшись вдали от аэродрома, приближались к нашему полигону. Гул моторов, наблюдение за своими отвлекли наше внимание, и появление «фокке-вульфов» для всех оказалось неожиданностью. Они сбросили так называе-

▲ САУ-152

мые ротативные бомбы, то есть целые контейнеры, начиненные маленькими бомбочками. Кое-кто из нас успел спрятаться в укрытие; кого тревога застала на летном поле, тот лег. Побежал только Цветков: близко была щель... Осколок попал ему прямо в спину и сразил его. Маленький кусок металла оборвал жизнь нашего летчика на немецкой земле.

Сухову понадобилось несколько минут, чтобы набрать высоту, и он все-таки успел свалить одного «фоккера». Самолет упал здесь же, возле аэродрома, вместе с летчиком.

С этого дня мы установили беспрерывное дежурство истребителей. Аэродром стал необычным не только своим летным полем, но и тем, что на него почти ежедневно налетали немцы, оставляя здесь своих «фоккеров».

Совпадение обстоятельств бывает удивительным. Сегодня нам сообщили, что по автостраде будет проходить Войско Польское — его свежие части выдвигались на боевые позиции. Я приказал снять заставы и открыть дорогу машинам с пехотой, тягачам с артиллерией и танкам, избавить их от неудобств объезда.

У нас на аэродроме в это время находилась большая бригада операторов кинохроники. Они приехали снимать боевые эпизоды. Когда Войско Польское вступило на аэродром, застрекотали кинокамеры, люди засмотрелись на длинную, нескончаемую колонну, на солдат с орлами на шапках-ушанках. Хорошие чувства вызвала братская помощь нам.

И вдруг в небе «фокке-вульфы». Вот они, над нами! Кинобригада, искавшая настоящую войну, на сей раз скрылась в щелях. Колонна остановилась. Дежурные истребители, как и полагалось им, быстро взмыли в воздух. Пока они набирали высоту, «фоккеры» успели проскочить восточнее и теперь разворачивались к нашему аэродрому. Но путь им преградили наши истребители. В небе под облаками завязался бой.

Уже колонна продолжала свой марш, а там, в стороне, не утихали рев моторов, стрельба. Мы на земле ждали развязки. И вот видим — падает один горящий самолет, за ним — другой.

— Кто из наших в воздухе? — спрашиваю Боброва.

— Луканцев и Гольдберг.

— Что же вы подбираете одних новичков для дежурства? — не сдержал я своего недовольства. — Гольдберг же не сбил еще ни одного самолета.

— Для практики, — неуверенно оправдывался Бобров.

Он тоже думал сейчас о том же: ни за что потеряли двух молодых летчиков и две машины. И кинооператоры приуныли: не засняли они горящих на земле «фоккеров».

Рокот моторов двух самолетов, дружно вынырнувших из-за облаков, сразу изменил наши мысли и настроение. Луканцев и Гольдберг возвратились из полета победителями. Кинооператоры помчались к месту падения вражеских самолетов.

Вскоре на аэродром доставили немецкого летчика, приземлившегося на парашюте. Это был награжденный Железным крестом командир истребительной части, на днях переброшенной с запада на наш фронт. Гитлеровцы бросали все свои военные силы против Советской Армии, чтобы не дать ей первой занять Берлин.

— Этот бой, а за ним и последующие, не менее успешные, отучили немецкую авиацию от налетов на наш аэродром. Он стал неприступным.

К концу дня группа наших самолетов во главе с майором Петровым пошла на прикрытие переднего края. Вблизи фронта она столкнулась с невиданным явлением: истребители «фокке-вульфы» летели как бы верхом на «юнкерсах». Что за трюки?

Недолго думая, Петров пошел в атаку на эти чудища и одного сразу сбил. Почувствовав опасность, истребители начали выпускать из своих «лап» подвешенных «юнкерсов». На земле взметнулись огромные столбы от взрывов. Так вот это какие «юнкерсы»! Их начинили взрывчаткой. Группа Петрова заставила «фокке-вульфов» побросать свои летающие «бомбы» где попало. А предназначались они для колонны Войска Польского. Она шла, не маскируясь, днем, надеясь на наше прикрытие с воздуха. Небо уже было твердо отвоевано у врага.

Пришла весна. Просохла земля. Поля Германии этой весной вспахивались бомбами, снарядами, саперными лопатами, гусеницами танков, а не плугами, засевались не зерном, а костями и осколками.

Наша дивизия в марте оставила автостраду и полностью доверилась грунтовому аэродрому. Когда самолет разбегался и взлетал, оставляя на почве следы колес, мы смотрели на затвердевшие отпечатки и с грустью думали о здешней весне без хлебороба в поле, о нашей далекой родной земле, которую обрабатывали женщины, дети и старики. Думали о близком конце войны.

В конце марта повеяли теплые южные ветры, и небо Германии стало чистым, высоким, ласково-голубым. В это время в нем особенно отчетливо обозначались маршруты американских бомбардировщиков, совершавших свои челночные операции. Взлетев с аэродромов Италии или Франции с тяжелым бомбовым грузом, они шли на цель — города Германии, наносили по ним удар и продолжали свой маршрут через Польшу на Украину. В Полтаве совершали посадку, заправляли машины, отдыхали и возвращались на свои базы в Италию и Францию.

Однажды в ясный весенний день мы со своего аэродрома наблюдали за армадой «боинг-17», пролетавшей над нами. Самолеты шли дружным, плотным строем, поблескивая в лучах солнца. Вдруг один из них начал отставать. Ради одного группа задерживаться не могла. Вот он уже еле тащится, позади стелется дым. Очевидно, самолет был подбит над целью или у него что-то случилось с моторами.

Бомбардировщик горит. От него одна за другой стали отделяться черные точки, потом забелели купола парашютов.

Теперь нам надлежало организовать помощь американским летчикам. Недалеко от нас располагалась дивизия, которой командовал Горегляд. Я связался со своим коллегой, и мы разослали машины туда, где приземлялись американцы. Их было человек десять.

▲ Покрышкин с женой и дочкой

Вскоре нескольких привезли к штабу. Наши офицеры предоставили им необходимые удобства. Американцы быстро нашли с нами, авиаторами, общий язык, переговаривались как могли. Но когда собрались все вместе, кроме одного, которого никак не удавалось разыскать, выяснилось, что среди них есть выходцы из Западной Украины, живущие в Америке. Они и стали нашими переводчиками. После обеда и отдыха экипаж «летающей крепости» вылетел на нашем транспортном самолете в Полтаву. Мы пожелали ему благополучно добраться до своих.

Чудесные теплые дни, наступившие в начале апреля, торопили нас действовать.

Мы жили предчувствием торжества великой победы. Но эта радость была еще где-то там, за последними боями, за последним напряжением наших сил.

В Москве генеральный штаб разрабатывал план наступления на Берлин. Для этого были вызваны туда командующие фронтами и армиями главного направления.

Степан Акимович Красовский позвонил мне поздно ночью. Он спросил, чем я сейчас занят, что планирую на ближайшие два-три дня. Я доложил.

— А в Москву слетать хочешь? — вдруг спросил командующий.

— Кто откажется от такого удовольствия, товарищ генерал?

— Будешь при мне советником по истребительной авиации. Жду тебя завтра утром.

Совещание командующих было рассчитано на несколько дней, мое участие в нем ограничивалось одной беседой. Вечером, возвратясь в номер гостиницы, мы с Красовским засиделись за полночь, рассказывая друг другу о себе, о своих семьях. Степан Акимович окончил ту самую Качинскую авиашколу, в которой учился и я, у нас было много общих знакомых. Вспоминали товарищей, мечтали о послевоенной жизни. Когда я рассказал Степану Акимовичу о своей дочурке, которую еще не видел, както сам по себе возник разговор о возможности слетать в Новосибирск.

— За день туда доберешься?

— На рейсовых, на почтовых, среди мешков, а доберусь! — сказал я.

— Одни сутки дома и день на обратный путь. Три дня. Уложишься?

— Да.

— Лети. Только, чур, не подводить.

— Есть, товарищ генерал!

Восход солнца я встретил в небе. Дома меня, конечно, не ждали. Марии не было, она ушла на почту послать мне письмо, мать держала на руках ребенка, убаюкивая.

— Чей это? — спросил я.

— Да это же твоя дочь!

Я принял из рук матери теплое розовое тельце, прижал к груди. Перехватило дыхание. Звонкое сердечко дочурки стучало рядом с моим.

Я не жалел, что ради этих минут меня целый день до тошноты болтало в самолете. Ради них я готов был пройти эти версты пешком.

В дверях остановилась Мария. Она не верила своим глазам.

— Я на один денек. Прилетел дочь посмотреть, — шагнул я навстречу ей с ребенком на руках.

Мне тоже не верилось, что за окнами был родной, звенящий апрельской капелью Новосибирск. ■

НИКОЛАЙ ДОБРОНРАВОВ

РОДИНА МОЯ

Ты теряешь, родная, последние силы.
Мы уже не спасем тебя. Не укрепим.
Мы пришли попрощаться с тобою, Россия,
С бледным небом твоим, с чёрным хлебом твоим.

Мы не будем стремиться к богатым соседям.
Не прожить нам без ласки слезящихся глаз...
Никуда не уйдем. Никуда не уедем.
Ты сама потихоньку уходишь от нас.

Мы стоим пред тобой в современных одёжах, —
Космонавты и братья мои во Христе.
Ты была нашим предкам столпом и надёжей.
В мире не было равных твоей широте.

Ты была, наша матерь, небогатой и честной.
И не зря же ты в муках на свет родила
Знаменитых царей и героев безвестных,
И неслась в новый мир, закусив удила.

Так за что же тебе выпадали мученья?
Зарубежный альков и щедрей и теплей...
Очень страшно семье, если нет продолженья.
У России почти не осталось детей...

Свиньи чавкают, в храм водрузивши корыто.
И рыдают солдатки у афганской черты.
Васильковое небо зарыто, закрыто
Чёрным облаком смога, свинца, клеветы.

Так чего же мы ждем? Для чего мы хлопочем?
И зачем по инерции смотрим вперед?
Ты прислушайся: мы пустотою грохочем.
Присмотрись: вместо поезда вьюга идет.

...Вот мы все собрались на последней платформе.
Осквернен наш язык... Уничтожен наш труд.
Только там, под землею, останутся корни.
Может быть, сквозь столетья они прорастут.

ЛЮДМИЛА ТАТЬЯНИЧЕВА

БЕРЕГИТЕ СТАРИКОВ

Для весёлых весенних ветвей
Корни более чем родня...
Берегите старых людей
От обид, холодов, огня.
За спиной у них — гул атак,
Годы тяжких трудов и битв.

Но у старости — ломок шаг
И неровен дыханья ритм.
Но у старости — силы не те.
Дней непрожитых мал запас...
Берегите старых людей,
Без которых не было б вас!